МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

V-я МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
посвященная 60-летию
УО «Гродненский государственный
аграрный университет»

Гродно 2011

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

«КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

МАТЕРИАЛЫ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Гродно
УО «ГГАУ»
2011

УДК [008+001+37] (476)
ББК 71
К 90

Рецензенты: доктор философских наук, профессор Ч.С. Кирвель;
кандидат философских наук, доцент С.К. Чернецкая

К 90 Культура, наука, образование в современном мире: материалы V Межд. науч. конф.; редкол.: Л.Л. Мельникова [и др.] – Гродно, 2011. - 462 с.

ISBN 978-985-6784-56-2

В сборник вошли материалы по актуальным проблемам современного социально-гуманитарного знания. Материалы публикуются в авторской редакции. За достоверность публикуемых материалов и стиль ответственность несут авторы.

УДК [008+001+37] (476)
ББК 71

ISBN 978-985-6784-56-2

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 316.73

ZACHOWANIE I PRZENIKANIE KULTUR NA POGRANICZU MAZUR PODLASIA I ZIEM WSCHODNICH. ZARYS PROBLEMATYKI

ПРОЯВЛЕНИЕ И ПРОНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР НА ПОГРАНИЧЬЕ МАЗУРСКО-ПОДЛЯСЬЯ И ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

A. Bobowik

Мазурское научное общество в Елке

Республика Польша

Teren moich badań prowadzonych w ramach Mazurskiego Towarzystwa Naukowego w Ełku obejmuje po stronie polskiej ziemie: południowo-wschodnich Mazur, Suwalszczyznę i Podlasie. Po stronie państwa białoruskiego interesują nas tereny Zachodniej Białorusi, które w latach międzywojennych znajdowały się w granicach II Rzeczypospolitej Polski. Podobnie po stronie litewskiej interesuje nas Wileńszczyzna, która podobnie była w granicach II Rzeczypospolitej Polskiej. Szczególnie interesuje nas tematyka szeroko pojętej historii tych ziem, demografia oraz zachowanie i przenikanie kultur oraz asymilacja kulturowa narodów. W dotychczasowych badaniach na tym terenie niewielu naukowców podjęło ten temat badań. Badania wymagają czasy historyczne dziejów tych ziem oraz czasy najnowszej historii oraz zachowania i przenikania kultur po zmianach demograficznych jakie nastąpiły po zakończeniu II wojny światowej na tych terenach w związku z przesiedleniem ludności. Moje opracowanie ogranicza się do zarysu problematyki badawczej historii i wielokulturowości wspomnianego pogranicza.

Область моего исследования, проведенного в рамках Мазурского научного общества в Элке охватывает на польской стороне земли юго-восточных Мазур, Подлясья и Сувальщины. На стороне белорусского государства нас интересуют территории Западной Беларуси, которые в межвоенные годы были в границах Второй Польской Республики. Кроме того, в Литве наше внимание привлекает Вильнюсский район, который также был в составе Второй Польской Республики. Особый интерес вызывает представление широкой проблематики истории этих земель, демографии, проявления и проникновения культур, культурной ассимиляции народов. До настоящего времени только отдельные ученые предприняли исследования в данной области. Изучение истории и современности этого региона, сохранения и распространения культур, демографических изменений, которые произошли после Второй мировой войны требует времени. Моя работа ограничивается обзором исследовательской проблематики истории мультикультурности упомянутого пограничья.

The area of my research conducted in the framework of the Scientific Society and Mazury in Elk covers the Polish side lands of south-eastern Mazury and Podlasie and Suwalki Region. On the side of the Belarusian state we are interested in areas of Western Belarus, which in the interwar years were within the limits of Second Polish Republic. Similarly, in Lithuania, we are interested in the Vilnius region, which was just within the limits of the Second Polish Republic. We are particularly interested in the wider theme of the history of this land, demography, behavior and infioltration of cultural assimilation of cultures and peoples. In previous studies in this area a few researchers have taken this research. Historical research requires time history of these lands and times of recent history and the preservation and diffusion of cultures on the demographic changes that occurred after World War II in these regions due to resettlement of the population. My study is limited to an outline of research issues and multicultural history of that frontier.

1. Historyczne dzieje pogranicza na przestrzeni wieków

Chcę podkreślić, że szczególnie nas interesuje jak w ponad tysiącletniej historii państwa polskiego odbywało się na tych ziemiach osadnictwo, chrystianizacja tych ziem, oraz próby ustanowienia granic państwowych. Ważnym elementem tworzonej tu państwowości na pewno była religia, która na te ziemie dotarła z dwóch kierunków; wschodniego bizantyjskiego, było to prawosławie, a z kierunku zachodniego chrześcijański kościół łaciński. To tu w różnych okresach naszej historii było widoczne najjaskrawiej zderzenie dwóch kultur, wschodniej prawosławnej i zachodniej łacińskiej. Problem ten jest widoczny jeszcze w czasach dzisiejszych. Jego pozostałości szczególnie są widoczne w szeroko pojętej regionalnej kulturze, obyczajach, budownictwie, a nawet w codziennym zachowaniu.

Teraz krótko postaramy się zwrócić uwagę na najważniejsze historyczne i kulturalne wydarzenia na tych ziemiach, którym w naszych badaniach powinniśmy poświęcić uwagę.

Ziemie te na przełomie X-XI wieku były zasiedlone przez pogańską ludnością pochodzenia bałtyjskiego i wiadomo, że były to plemiona Jaćwięgów, których to w początkach XI-XII wieku próbowali podbić książęta ruscy i mazowieccy, co im nie zawsze się udawało, gdyż Jaćwięgowie skutecznie odwzajemniali się i grabili ich przygraniczne tereny [4, s. 6]. Wiadomo, że prawo do chrystianizacji tych ziem mieli książęta mazowieccy wyznania łacińskiego, ale także nie pozostawali w tyle książęta ruscy z dzisiejszej Białorusi: Drohomicze, Krywicze i Radymicze. Po ich śladach ich śladach pozostały do dzisiaj nazwy wsi na terenie powiatu ełckiego - Ruska Wieś. Wiadomo niezbicie, że jako pierwsze na ziemiach po stronie polskiej w Drohiczynie w XI wieku ulokowali swój ośrodek kultu wyznawcy prawosławia. Są nawet znaleziska piśmiennictwa cyrylicy prawosławnej. Ciekawa także jest historia zderzenia obu kultur kościoła wschodniego i łacińskiego w Krasnymborze w Sztabinie, Lipsku. Podobna była historia kościoła prawosławnego w XIV wieku w Wilnie, gdzie do dzisiaj spoczywają dwaj męczennicy tego kościoła.

Ogromnie ciekawa i jeszcze nie w pełni zbadaną i zapomniana na tych ziemiach pozostają skutki Unii Lubelskiej z 1569 roku, która w miejsce kościoła prawosławnego wprowadziła kościół unicki i tym samym spowodowała dominację na tych ziemiach kultury łacińskiej. Odszedł w zapomnienie język starobiałoruski, a został wprowadzony język polski. Do Drohiczyna zdominowanego wcześniej przez kulturę bizantyjską wkroczyła wiara i kultura łacińska. Jak wiadomo ta zmiana nie odbyło się bez oporu duchownych i wyznawców. Niewiele wiemy, jak ówcześni wierni odbierali te zmiany i jak one przenosiły się na ich codzienne życie.

Ciekawa historia rozwoju tych ziem nastąpiła po upadku Rzeczypospolitej Szlacheckiej na przełomie XVIII-XIX wieku, w Grodnie w czasach hrabiego Antoniego Tyzenhauza i podczas wojny napoleońskiej. Wiek XIX to z jednej strony ogromny zryw niepodległościowy i walki powstańcze nie tylko Polaków, ale także Białorusinów, które miały swoje krwawe żniwo na tych ziemiach, a z drugiej strony ogromny postęp rozwojowy i gospodarczy. Nie wiemy jak ówczesne zrywy powstańcze wpłynęły na kształtowanie charakterów przyszłych elit i rodzącej się świadomości narodowej wśród Litwinów, Białorusinów, Ukraińców. Jakże wiele jeszcze pozostaje w archiwach zapomnianych i nie zbadanych dokumentów z tamtych czasów. Wiek XIX to także klęska ukształtowanego prawie przez dwa wieki kościoła unickiego na tych ziemiach. W 1839 roku na Soborze w Połocku nastąpiło zjednoczenie prawosławnych kościołów, i jednocześnie uderzenie w kościoły łacińskie. Wiek XIX to także niebywały rozwój demograficzny i technologiczno-gospodarczy tych ziem. Chłopi pańszczyźniani zostają uwłaszczeni i uwolnieni od swego pana. Powstają wielkie trakty drogowe i kolejowe, fabryki. Ten wielki dziewiętnastowieczny bum społeczno-gospodarczy zatrzymała na początku XX wieku I wojna światowa i Wielka Rewolucja Październikowa. Dzisiaj jeszcze nie do końca zbadano i opisano jej pozytywne i negatywne skutki dla historii słowiańskiej Europy i krajów, które w wyniku jej zaistnienia powstały w Europie środkowej po zakończeniu I wojny światowej i zwycięstwie rewolucji bolszewickiej w Rosji. Dalej była wielka emigracja amerykańska.

Zakończenie I wojny światowej w 1918 roku nie oznaczało spokoju dla naszego pogranicza, nadal trwały walki o ustanowienia jak najkorzystniejszej dla Związku Radzieckiego i dla Polski granicy wschodniej, tak było do czasów podpisania traktatu ryskiego w 1921 roku. W tym czasie przez Białostocczyznę przetoczył się trzykrotnie front, któremu towarzyszyły nie tylko walki frontowe, ale także niesione wraz z nim rewolucyjne zmiany w świadomości narodów i gospodarcze, które wywoływały spory polityczne i walki wewnętrzne. To w tym czasie po raz pierwszy świat usłyszał o Białoruskiej Socjalistycznej Republice Radzieckiej i odzyskaniu niepodległości przez Rzeczypospolita Polskę [6, s. 8].

Wojna polsko-bolszewicka 1920 roku i ustanowienie granicy wschodniej oraz powstanie ZSRR uczyniło polską granicę wschodnią wrogą dla naszych narodów. Ludność białoruska w części zachodniej dzisiejszej Białorusi była świadoma swojej odrębności narodowej i domagała się określonych praw. Przyjęta przez Rzeczypospolitą Polską bezwzględna inkorporacja tych ziem w skład polskiego państwa wywoływała

niezadowolenie wśród ludności byłych Kresów Wschodnich. Represyjne działania wobec ludności białoruskiej, która dominowała na tych terenach wywoływała niezadowolenie, a niekiedy otwartą walkę. Dzisiaj w naszej polskiej historii niewiele się pisze i mówi o tej prawdzie. W Polsce dominuje wśród starszego pokolenia kresowych repatriantów poczucie krzywdy i nostalgia za utraconą własnością i brak zrozumienia, że na Polskich Kresach Wschodnich obok przybyłych tam Polaków wyrosły narody świadomych Białorusinów, Litwinów i Ukraińców. Było to widoczne w ciągu międzywojennego dwudziestolecia. Ten temat wymaga dziś szczególnie wnikliwych badań i rzetelnej oceny naukowej po obu stronach granicy.

Druga wojna światowa szczególnie dla Polski była najtragiczniejsza kartą w ponad 1000-letniej historii państwa polskiego. Podobnie dzisiejsza Zachodnia Białoruś miała w tym czasie tylko krótki epizod czasu wielkiej nadziei na zjednoczenie, a następnie podobnie jak sąsiednie Podlasie, Suwalszczyzna i Mazury przeżyła tragedię wojennych skutków. Nie zakończyła ich kapitulacja 8 maja 1945 roku Niemców. Po wojnie Polacy na Białorusi Zachodniej poczuli się osamotnieni i zagrożeni w obcym państwie.

Wielu z nich postanowiło repatriować do Polski na Ziemie Odzyskane. To był wielki eksodus 274 tys. Polaków. Podobnie po polskiej stronie trzeba było wysiedlić z Mazur rodziny niemieckie, a w ich miejsce przyjąć nowych osadników z kresów wschodnich i tych, którym wojna odebrała cały dorobek życia. Dodatkowo na Mazurach pozostała niemiecka ludność i autochtoniczna, która udowodniła swoje polskie korzenie i należało ją włączyć do nowego obcego im państwa polskiego. Trzeba było ich nauczyć języka polskiego, polskiej historii i polskiego prawa, żeby mogli żyć w nowych warunkach. I najważniejsze trzeba było odbudować kraj ze zniszczeń wojennych, zlikwidować wiekowe zaniedbania edukacyjne narodu, doprowadzić do odrodzenia i rozwoju kultury narodowej. Czyniliśmy to wspólnie z Białorusią i innymi republikami Związku Radzieckiego w podobnym dla nas modelu komunistycznego państwa radzieckiego. Były tam dobre elementy, które pozwoliły nam rolnicze kraje przekształcić w przemysłowe eldorado, gdzie każdy bez problemu mógł otrzymać pracę i żyć na określonym poziomie gwarantowanym przez ówczesne państwo. Taki jednak model państwa nam po latach nie odpowiadał, chcieliśmy żyć lepiej i wyzwoliliśmy się spod totalitarnej opieki potężnego ZSSR i dziś kroczymy własnymi drogami. Mamy swoje problemy i staramy się je rozwiązywać według własnego uznania. Nie możemy jednak pozostawać w próżni historycznej nie dostrzegając naszej wspólnej przez wieki drogi historycznej, którą przebyły nasze pokolenia. W

ciągu tego czasu wiele łączyło nas wspólnego, które ukształtowało naszą wiarę w Boga, kulturę i tożsamość narodową, którą możemy się dziś szczycić w drodze do zjednoczonej Europy i przeciwstawiać się nieuchronnie wdzierającym się do chrześcijańskiej Europy obcym cywilizacyjnym.

2. Czasy współczesnej wielokulturowości pogranicza

Najciekawszym problemem dotychczas nie w pełni zbadanym pozostaje wielokulturowość tych ziem i to zarówno po stronie polskiej jak i białoruskiej, a także litewskiej. Po stronie polskiej na Podlasiu mamy dzisiaj najliczniejszą mniejszość białoruską odnotowaną w spisie z 2002 w liczbie 48,7 tys. Białorusinów. Wiadomo, że liczba rzeczywista jest wyższa świadczą o tym działające białoruskie szkoły podstawowe, gimnazja i licea, zespoły artystyczne i odbywające się imprezy kulturalne, takie jak białoruski młodzieżowy festiwal „Basowiszcza", czy działające Białoruskie Stowarzyszenie Literackie, a 1956 roku Białoruskie Towarzystwo Społeczno-Kulturalne, z inicjatywy którego już od 17 lat odbywają się słynne międzynarodowe konferencje naukowe „Droga ku wzajemności". Wydawane także jest pismo białoruskie „Niwa", „Czasopis" oraz „Białoruskie Zeszyty Historyczne" [3, s. 21].

Działalność tej mniejszości narodowej w Polsce świadczy nie tylko o jej sile, a także o ich niebywałym rozsądku, aktywnym działaniu i uczestnictwie w życiu politycznym i społeczno-gospodarczym województwa podlaskiego i kraju.

Litewska mniejszość na Suwalszczyźnie liczy 5,1 tys. mieszkańców. Tu podobnie pomimo ostatnich nieporozumień na najwyższym szczeblu władz państwowych w sprawie domagania się dla mniejszości polskiej po stronie litewskiej podstawowych praw, to Litwini w Polsce mają swoje szkoły wszystkich poziomów, domy kultury i należne im miejsce w polskim życiu politycznym i społeczno-gospodarczym.

Jest także etniczna enklawa tatarska w powiecie sokólskim około 0,5 tys., osób która zachowuje wszystkie należne im prawa jakie mają mniejszości narodowe i religijne. Od wielu lat na Podlasiu pielęgnuje nie tylko swoje obyczaje i tradycje, ale także zachowuje odrębność religijną. Dzisiaj polscy Tatarzy litewscy na Podlasiu są przede wszystkim atrakcją dla turystów.

Jest także na Podlasiu i Mazurach nieliczna grupa obywateli rosyjskich. Na szczególną uwagę zasługują na Suwalszczyźnie i Augustowszczyźnie osiedleni w kilku wsiach w na przełomie XVIII i XIX wieku staroobrzędowcy, którzy zmuszeni byli uciekać przed represjami carskimi za odmowę uznania reform prawosławnej liturgii w Rosji.

Wyznawcy tego obrządku znaleźli na tym pograniczu nie tylko schronienie i warunki do życia, ale także dla swojej wiary.

Zmiana granic i decyzje władz powojennej Polski o przesiedleniu z Bieszczad w latach 1946-1947 roku ukraińskiej ludności i Łemków wyznania greko-katolickiego, na Ziemie Odzyskane, spowodowały naruszenie nie tylko prawa ich własności, ale także zagrożenia dla ich wiary i kultury. W wyniku akcji „Wisła" przesiedlono ponad 31 tys. wyznawców tego kościoła nie stwarzając im w nowym miejscu do 1957 roku warunków i możliwości do organizacji kościołów na nowych terenach. Do tego czasu Ukraińcy zmuszeni byli potajemnie dokonywać wędrówki do jedynego na tym terenie kościoła w Chrzanowie koło Ełku, a języka i tradycji swojej kultury uczyli dzieci sami w domach. Jednak pomimo tych trudności ludność ukraińska zachowała na Mazurach swoją wiarę i kulturę. Dziś prawie 12 tysięczna mniejszość ukraińska posiada w Polsce swoje szkolnictwo, domy kultury i Związek Ukraińców. Organizowane są Festiwale Kultury Ukraińskiej, wydawane jest pismo ukraińskie „Nasze Słowo". Tylko niewielki procent Ukraińców uległ asymilacji.

Od wieków powszechnie znana jest na tych terenach etniczna społeczność romska popularnie nazywana Cyganami. Ostatni spis wykazał, że w Polsce j żyje 12,9 tys. ludności romskiej. Ludność ta jest wyznania katolickiego, rzadko ulega asymilacji i często zmienia miejsce zamieszkania. Chociaż w ostatnich czasach dzięki żądaniom państwa polskiego stałego meldunku wielu Cyganów osiedliło się na stałe. Szczególnie widoczne to jest na Mazurach gdzie wiele ich rodzin znalazło miejsce do stałego osiedlenia. Tu podjęli pracę, albo zajmują się amatorską działalnością kulturalną tworząc zespoły wokalne i muzyczne. Zachowują swoje tradycje i język. Dzisiaj posyłają dzieci do polskich szkół, albo tak jak w Ełku i w Suwałkach mają w polskich szkołach klasy romskie.

Ostatnią nowością na Mazurach było pojawienie się od 1991 roku mniejszości niemieckiej. We wszystkich miastach mazurskich od czasu zakończenia wojny żyła niemiecka ludność pochodzenia mazurskiego, która przyjęła obywatelstwo polskie. Obecnie zgodnie z obowiązującym prawem polskim wystąpiła o przywrócenie obywatelstwa niemieckiego członkom swoich rodzin. W 21 miastach mazurskich i warmińskich powstały Stowarzyszenia Mniejszości Niemieckiej „Mazury". Są to nieliczne organizacje skupiające byłą ludność mazursko-niemiecką, która postanowiła wrócić do swoich korzeni narodowych z czasów niemieckich. Liczebność tej mniejszości jest niewielka na Mazurach i stanowi około 2,5 tys. mieszkańców z tego rodowitych Mazurów, obywateli byłego państwa niemieckiego jest niewielu, w Ełku np. na 200 członków tego stowarzyszenia jest niespełna 50 osób w podeszłym wieku, którzy urodzili

się w czasach niemieckich. Dziś te osoby w swoich klubach żyją wspomnieniami dawnych czasów, a ich potomkowie młodego pokolenia ulegli asymilacji i czują się bardziej Polakami niż Niemcami. Osoby starsze tej mniejszości są wyznawcami wiary ewangelickiej, mają swoje kościoły i pastorów, oraz domy modłów.

Tak oto po stronie polskiej najprościej przedstawia się dzisiaj krajobraz mniejszości narodowo-etnicznych i religijnych ludności, która dzisiaj zgodnie ze sobą współistnieje. Na ile ta różnorodność kulturowa w dzisiejszych czasach może nam być pomocna w zderzeniu z innymi cywilizacjami, które wkraczają do Europy trudno określić. Uważamy jednak, że problem ten wymaga głębszego poznania tych kultur, które znalazły w różnych okresach czasu swoje miejsce na tej ziemi i ten problem powinien stać się wspólnym tematem naszych badań, po obu stronach granicy, bo tylko pełna znajomość naszej przeszłości może być najlepszą drogą dla określenia naszej przyszłości.

LITERATURA

1. L. Bazylow, Historia Powszechna 1789-1918, Warszawa 1986.
2. L. Bazylow, Historia nowożytnej kultury rosyjskiej, Warszawa 1986.
3. A. Dylewski, Polska wielu kultur, Warszawa 2008.
4. D. Fionik, 50 lat 1956-2006 Białoruskie Towarzystwo Społeczno Kulturalne, Białystok, 2006
5. L. Łycz, Y. Nawicki, Gistoria kultury Białorusi, Mińsk 1996.
6. E. Mironowicz, Białoruś, Warszawa 1999.
7. Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej Polskiej (Białoruś Zachodnia i Litwa Wschodnia w latach 1939-1941) Pod red. M. Giżejewskiej i T. Strzembosza, Warszawa 1995.
8. Przesiedlenie ludności polskiej z Kresów Wschodnich do Polski w latach 1944-1947, Wybór i oprac. tekstów S. Ciesielski, Warszawa 1999.
9. Wielikaja xronika o Polsze Rasji i ich sosiedach XI-XIII ww..Pod red. B.L. Janina, Wydanie Moskiewskiego Uniwersytetu 1987.

УДК 63: 001 «1920-1930» (476.6)

АГРАРНАЯ АДУКАЦЫЯ І НАВУКА НА ГАРАДЗЕНШЧЫНЕ Ў 1920-1930 ГАДЫ

В.У. Галубовіч
УА «Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Статья посвящена истории аграрного образования и науки на Гродненщине в 1920-1930 гг.

The article is dedicated to the history of the agricultural education and science in Grodno region in 1920-1930

У складзе другой Рэчы Паспалітай (1921-1939 гг.) Гародня страціла свой адміністрацыйны статус, а тэрыторыя Гарадзенскай губерніі ўвайшла ў склад некалькіх ваяводстваў. Гародня стала толькі павятовым цэнтрам у складзе Беластоцкага ваяводства.

Ужо ў першыя гады існавання польскай дзяржавы яе правячая эліта спрабавала вырашыць праблему пашырэння агратэхнічных ведаў сярод насельніцтва. Так, ужо ў ліпені 1920 г. быў прыняты закон “Аб народных сельскагаспадарчых школах”, які прадугледжваў падрыхтоўку сялянскай моладзі да прафесійнай працы на зямлі ў спецыяльных школах. Такія школы падзяляліся як па крыніцам фінансавання, г. зн., маглі быць дзяржаўныя і прыватныя, так і па полу – жаночыя і мужчынскія. Тэрмін навучання складаў 11 месяцаў. Аднак у запланаваных памерах дадзены закон рэалізаваць не атрымалася [2, с. 67-72].

Сістэма прафесійнай адукацыі ў міжваеннай Польшчы адрознівалася ад расійскай у лепшы бок, аднак была далёкай ад дасканаласці. У 1920-1930-я гады Гарадзеншчына ўваходзіла ў склад Віленскай вучэбнай акругі. Па дадзеным на 1936 г. у гэтай вучэбнай акрузе было 60 прафесійных школ, а ва ўсёй Польшчы агульна налічвалася 714. Згодна з статыстыкай, прыведзенай у “Інфарматары прафесійных школ”, у 1936 г. на акругу прыходзілася 15 школ з спецыялізацыяй у галіне сельскай гаспадаркі (у той час, калі прамысловых і рамесных школ налічвалася 23, гандлёвых – 15, тэхнічных – 5, хатнягаспадарчых – 2), а разам па краіне – 130. Улічваючы тое, што ў Віленскай акрузе сельскай гаспадаркай займалася 80% насельніцтва (у Наваградскім ваяводстве – 90%), колькасць школ выразна не адпавядала прафесійнай структуры края [8, s. 24-27]. Абмежаванасць магчымасцяў атрымання сярэдняй сельскагаспадарчай адукацыі была рэальнасцю і ўсведамлялася польскімі ўладамі [11, s. 20].

У складзе Віленскай вучэбнай акругі Гарадзеншчыне належала асаблівае месца. Менавіта тут, у Жыровічах, размяшчалася Дзяржаўная сярэдняя сельскагаспадарча-лясная школа, якая мела статус гімназіі. Мэтай навучання ў школе была падрыхтоўка сельскагаспадарчых і лясных тэхнікаў. Тэрмін навучання склаў тры гады, пасля чаго навучэнцы праходзілі год практыкі і здавалі галоўны іспыт. У Віленскай акрузе была яшчэ адна сярэдняя Дзяржаўная сельскагаспадарчая школа, яка знаходзілася ў Вільні. Там рыхтавалі тэхнікаў-агароднікаў [8, s. 46].

Існавалі і іншыя магчымасці атрымаць падрыхтоўку ў сельскагаспадарчай сферы. У сярэдзіне 1930-х гадоў дзейнічалі спецыяльныя Дзяржаўныя перасоўныя жаночыя курсы ў Ашмянскім павеце пры маёнтку Антавіль і ў Ваўкавыскім павеце пры маёнтку Азярніцы. Самакіроўныя перасоўныя сельскагаспадарчыя курсы для мужчын дзейнічалі ў той жа час у Ваўкавыскім павеце. У Гародні былі арганізаваны Агародніцка-перапрацоўніцкія курсы пры Дзяржаўнай кравецкай гімназіі, якая размяшчалася па адрасе: вул. Маставая, 9. Навучанне тут працягвалася адзін год: пачыналася 15 студзеня і заканчвалася 15 снежня [8, s. 63]. Выпускнікі гэтых курсаў пазней заснавалі Садова-пчалярскі кааператыў [14, s. 116].

На Гарадзеншчыне, за выключэннем уласна Гарадзенскага і Ваўкавыскага паветаў, дзейнічалі таксама ніжэйшыя гадавыя сельскагаспадарчыя школы, мэтай якіх была “падрыхтоўка сельскай моладзі да самастойнай працы ў невялікіх сельскіх гаспадарках”. Да іх ліку адносілась мужчынская Дзяржаўная школа сельскагаспадарчай падрыхтоўкі ў Грыбаве (адчынена ў 1928 г.), якая размяшчалась у Слонімскім павеце (ёй падлягалі Гарадзенскі, Слонімскі, Ваўкавыскі, Нясвіскі і Баранавіцкі паветы); Публічная школа сельскагаспадарчай падрыхтоўкі ў Бердаўцах ў Лідскім павеце (адчынена ў 1927 г.), Публічная школа сельскагаспадарчай падрыхтоўкі ў Антонаве ў Ашмянскім павеце (адчынена ў 1930 г.); Публічная школа сельскагаспадарчай падрыхтоўкі ў Кушалеве ў Наваградскім павеце (адчынена ў 1926 г.), а таксама жаночая Дзяржаўная школа сельскагаспадарчай падрыхтоўкі сельскіх гаспадынь у Ражанцы ў Шчучынскім павеце (адчынена ў 1928 г.) [8, s. 34-36; 14, s. 4].

Вышэйшую сельскагаспадарчую адукацыю можна было атрымаць пры наяўнасці сродкаў і здольнасцей у шэрагу ўніверсітэцкіх гарадоў Польшчы. У дакладзе міністра сельскай гаспадаркі, які быў выкладзены ў сенаце 18 лютага 1931 г., адзначалася, што ў Польшчы было пяць сельскагаспадарчых факультэтаў, дзве ўстановы для падрыхтоўкі ветэрынараў, а таксама Навуковы інстытут у Пулавах.

Асабліва унікальным, нават для Еўропы, па меркаванні міністра, быў чатырохгадовы курс навучання на аддзяленні садаводства Галоўнай сельскагаспадарчай школы ў Варшаве [11, s. 20].

Для жыхароў Гародні і края найбольш блізкім універсітэтам, дзе дзейнічала сельскагаспадарчае аддзяленне, з'яўляўся адноўлены ў 1919 г. Віленскі ўніверсітэт, які атрымаў імя Стэфана Баторыя. Пастанова аб адкрыцці ва ўніверсітэце спецыяльнага аддзялення (Studium Rolnicze) была прынята ў 1923 г., і на працягу 15 наступных гадоў яно ўваходзіла ў структуру прыродазнаўча-матэматычнага факультэта [7, s. 167]. Галоўным чынам, з-за фінансавых праблемаў сельскагаспадарчае аддзяленне ажно да 1936 г. перманентна знаходзілася пад пагрозай ліквідацыі. Некаторы час на аддзяленні існавалі толькі першыя два курсы, а далейшае навучанне студэнты павінны былі праходзіць у іншых універсітэтах. Асобны сельскагаспадарчы факультэт быў створаны толькі 14 красавіка 1938 г. Першым дэканам яго стаў прафесар В. Ластоўскі, вядомы спецыяліст у вопытнай справе [7, s. 168-172]. Прайсці курс вышэйшай школы па аграрных спецыяльнасцях прапаноўвалі і больш надзейныя установы. Напрыклад, сельскагаспадарчае аддзяленне Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве альбо аддзяленне сельскай гаспадаркі і лесаводства Познаньскага ўніверсітэта. Прычым, менавіта на згаданым аддзяленні Ягелонскага ўніверсітэта, адчыненым яшчэ ў 1890 г., сапраўды фіксуецца прысутнасць ураджэнцаў Гарадзеншчыны як да Першай сусветнай вайны, так і пасля яе, у 1920-я гады [9, s. 158].

Нельга таксама не згадаць пра дзейнасць, бадай, адной з самых заўважных нацыянальных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1920-1930 гг. – Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры. Гэтая грамадская структура займалася пашырэннем ведаў, у тым ліку ў галіне сельскай гаспадаркі. Напрыклад БІГіК арганізоўваў лекцыі па ветэрынарыі [1, с. 198-201].

На тэрыторыі Заходняй Беларусі праводзілася і навуковая праца ў галіне сельскай гаспадаркі. Такая дзейнасць ажыццяўлялася на ўтворанай яшчэ ў 1910 г. ля мястэчка Бенякові вопытнай станцыі. Гэта была заўважная падзея, на якую звярнуў увагу беняконскі карэспандэнт газеты "Наша Ніва": "*У нас адкрылася пробнае поле (станцыя) віленскага таварыства сельскай гаспадаркі на 15 дзесяцінах. Пабудавалі гожае мураване гумно, хату для чэлядзі, кожнаму па пакою і пекарні. Пакуль што жыве там і дырэктар станцыі аграном Ластоўскі, а на вясну будуць будаваць мураваны дом. Памешчыкі далі на станцыю 20 тысяч рублёў і казна 20 тысяч рублёў дасць, калі зацвердзіць Дума, і што год казна будзе даваць па 3*

тысячы рублёў. У гэтым годзе пасадзілі на пробу 26 гатункаў бульбы, поле ўсё дрэнавалі. У восень жыта сеялі і садзілі розных гатункаў…” [3, с. 12]. Акрамя доследнага поля тут былі арганізаваныя хімічная лабараторыя і метэаралагічная станцыя [10, s. 7, 9-11].

У 1920-1930-я гады гэта станцыя (па польскім адміністрацыйным падзеле яна размяшчалася ў Лідскім павеце Наваградскага ваяводства) паспяхова функцыянавала, пра што сведчаць апублікаваныя справаздачы, складзеныя яе неадменным дырэктарам Вацлавам Ластоўскім, які ў 1929 г. атрымаў ад польскага прэзідэнта званне прафесара сельскагаспадарчага аддзялення Віленскага універсітэта. З’яўляючыся заўважнай навукова-даследчай установай, Беняконская станцыя адначасова стала важным адукацыйным цэнтрам у краі. Пры станцыі мелася бібліятэка, якая налічвала каля тысячы тамоў [10, s. 29].

Навуковая дзейнасць станцыі мела практычны характар і ў асноўным засяроджвалася на селекцыі сартоў, прыдатных для вырошчвання ў мясцовых кліматычных умовах. Бадай, найбольшую вядомасць зазнала станцыя, дзякуючы селекцыі так званага Беняконскага жыта, якое найболей было распаўсюджана ў сялянскіх гаспадарках Віленшчыны. Акрамя гэтага на станцыі з 1912 г. праводзілася селекцыя аўса (выведзены гатунак “Longinus”, а таксама “Канадзец”, на аснове канадскага аўса), з 1921 г. – люпіну (выведзены гатунак “Беняконскі мурын”). У выніку селекцыйнай працы былі атрыманы такія гатункі бульбы, як “Беняконская гаўронка” і “Імператарская карона” беняконскай селекцыі [10, s. 25-29].

У 1928 г. праца станцыі была адзначана на выставе ў Познані залатым медалём [10, s. 29].

Вопытныя палі станцыі выкарыстоўваліся для практычных заняткаў і падрыхтоўкі дыпломных праектаў студэнтаў Віленскага ўніверсітэта. Актыўную асветную дзейнасць разгарнуў дырэктар станцыі В. Ластоўскі. Напрыклад, у 1929 г. ён арганізаваў двухдзённыя курсы для 42 інструктараў. Сам кіраўнік установы чытаў рэфераты на пасяджэннях сельскагаспадарчых арганізацый. Пра значнасць Беняконскай станцыі сведчыць наведванне яе вышэйшымі дзяржаўнымі ўраднікамі: у 1929 г. станцыю аглядаў міністр сельскай гаспадаркі Л. Янта-Палчынскі, Наваградскі ваявода Бечковіч з Лідскім старостам Багатоўскім [15, s. 2].

Ветэрынарная служба ў Гародні, відавочна, была наладжана адразу пасля заканчэння вайны, паколькі ўжо ў 1922 г. на гарадской бойні ажыццяўлялася ветэрынарнае інспектаванне і вялася адпаведная статыстыка. У 1922 г. дзейнічала Санітарна-мікраскапічная станцыя [12, s. 72-81]. Паводле надрукаванага ў “Статыстычным аглядзе горада

Гародні за 1922 і 1923 гады” паведамлення гарадзенскага гарадскога ветэрынарнага ўрача Вінцэнта Леановіча, у паваенным горадзе адбылося паляпшэнне ветэрынарнага нагляду, дзякуючы абгараджэнню месца гандля жывеламі і выкарыстанню жорсткіх ветэрынарна-паліцэйскіх мераў. Леановіч В. сцвярждаў, што да вайны на кірмашах у Гародні не існавала кантролю за продажам быдла. Праведзены Санітарнай станцыяй на бойні аналіз здароўя жывел сведчыў пра катастрафічны рост ў паваенныя гады колькасці паталогій і павелічэнні колькасці выпадкаў захворвання матыліцай, што В. Леановіч тлумачыў павелічэннем забоя жывёлы простай пароды і змяншэнне выпадкаў захворвання на сухоты, на якія звычайна хварэлі пародзістыя жывёлы. У 1922 г. і 1923 г. заразлівыя хваробы выступалі спарадычна, за выключэннем сверба ў коней і вар’яцтва [12, s. 82-83].

Да сярэдзіны 1920 г. працы ветэрынарам дадалося, паколькі ў Гародні быў адноўлены даваенны ўзровень забоя жывёлы [13, s. 73].

Аграрны характар краю прадвызначыў асаблівую ўвагу гарадзенскіх павятовых уладаў да праблемаў сельскай гаспадаркі. На практыцы гэта ўвасаблялася ў павелічэнні грашовых асігнаванняў на гэтыя мэты: толькі з 1927 г. па 1929 г. такія выдаткі ўзраслі ў тры разы. У 1928 г. павет утрымліваў 5 аграномаў і 4 ветэрынарных урача, а ў 1929 г. мелася 6 амбулаторый для лячэння жывёлы. Павет быў падзелены на раёны па даследаванню мяса забойнай жывёлы [6, с. 453-454].

Для павышэння аграрнай адукаванасці ў Гарадзенскім павеце наладжвалі спецыяльныя курсы, чыталі лекцыі. Ужо на 1924 г. у павеце было закладзена 50 вопытных палёў, а павятовы соймік у 1924 г. стварыў на базе дзяржаўнага маёнтка паказальную гаспадарку, дзе адбывалася размнажэнне племянной англійскай жывёлы, а ў 1929 г. там жа быў закладзены пітомнік садовых дрэваў і табачная плантацыя. Паказальных палёў на 1929 г. у павеце налічвалася амаль дзве сотні. Некаторыя карысныя для развіцця сельскай гаспадаркі ініцыятывы гарадзенскіх павятовых уладаў, як заснаванне пітомніка ў маёнтку Котра, не былі рэалізаваны з-за сусветнага эканамічнага крызіса. Мелі месца і сельскагаспадарчыя выставы: у 1930 г. у Гародні адбыліся чатыры выставы коней і жэрабятаў і адна авечак. Для цікаўных была адчынена і сельскагаспадарчая бібліятэка [6, с. 453-454]. Да 1936 г. адзінай сельскагаспадарчай арганізацыяй у павеце быў Павятовы сельскагаспадарчы хаўрус, а пазней аднавіла сваю дзейнасць Акруговае таварыства сельскагаспадарчых арганізацый і суполак [14, s. 116].

У 1920-1930-я гады на Гарадзеншчыне распаўсюджвалася прэса па розных пытаннях сельскагаспадарчай дзейнасці як навуковага, так і навукова-папулярнага характару. Да прыкладу быў вядомы навукова-папулярны спецыялізаваны часопіс “Беларуская борць” (1934-1938 гг.), галоўным рэдактарам якога была Л.А. Войцік (З. Верас). У прысвечаным, галоўным чынам, пчалярству выданні таксама публікаваліся артыкулы па садаводству, агародніцтву, жывёлагадоўлі, ветэрынарыі [4, с. 368]. З асобных беларускамоўных выданняў па сельскагаспадарчай тэматыцы напэўна найбольш заўважнымі з’яўляюцца кнігі Я. Пачопкі “Малочная карова” (1923 г.), “Пчолы і як вадзіць іх у рамовых вуллях” (1923 г.), “Гародніцтва” (1925 г.) [5, с. 309-310].

У 1921-1939 гг. адукацыя і навука на Гарадзеншчыне вызначаліся палітыкай польскага урада. Сярэдняя сельскагаспадарчая адукацыя стала ў гэты час бліжэй геаграфічна, але доступ да яе быў абмежаваны. Для набыцця вышэйшай кваліфікацыі гарадзенцы былі вымушаны выязджаць у буйныя ўніверсітэцкія цэнтры Польшчы. Найбольш заўважнай навуковай-даследчай установай краю стала Беняконская вопытная станцыя.

ЛІТАРАТУРА

1. Вашкевіч, А.Ф. Гарадскія і местачковыя арганізацыі Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі і Беларускага Інстытута Гаспадаркі і Культуры (1921-1939 гг.) // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. арт. Гродна: ГрДУ, 2007. С. 198-201.
2. Крывуць, В.І. Сельскагаспадарчая падрыхтоўка моладзі Заходняй Беларусі ў 1920-1930-я гг. // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. № 3. 2009. С. 67-72.
3. Наша Ніва. 1911 г. № 50. 15 снежня 1911 г.
4. Саламевіч, І.У. Беларуская борць // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 1. Мн.: БелЭн, 1993. С. 368.
5. Туронак, Ю. Беларуская кніга ў міжваеннай Польшчы 1921-1939 // Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. С. 278-322.
6. Черепица, В.Н. Звенья цепи единой: Большие и малые события в истории Гродненщины XIX-XX столетий: моногр. - Гродно: ГрГУ, 2009.
7. Bortkiewicz-Szyszkowska, A. Z historii wydziału rolniczego Uniwersitetu Stefana Batorego // Z dziejów Almae Matris Vilnensis. Księga pamiątkowa ku czci 400-lecia założenia i 75-lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego. Kraków: Wydawnictwo WAM, 1996. S. 166-184.
8. Informator szkół zawodowych okręgu szkolnego wileńskiego. Opracowany przez koło wileńskie stowarzyszenia nauczycieli szkół zawodowych. Wilno: Nakładem dziennika urzędowego kuratorium okr. Wilenskiego, 1937.
9. Jun, J.F. Studium rolnicze (1890-1923). Wydział rolniczy Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków: Nakładem wydziału rolniczego UJ, 1934.
10. Łastowski, W. Wileńska rolnicza st. Doświadczalna w Bieniakoniach: jej powstanie, rozwój i organizacja. Wilno: Zakłady Graficzne “ZNICZ”, 1935.
11. Organizacja rolnictwa. Przemówienie Ministra Rolnictwa D-ra L. Janta-Połczyńskiego wygoszone w Komisji Skarbowo-Biudżetowej Senatu dn. 18.II.1931 r. Warszawa: Drukarnia mazowiecka, 1931.

12. Przegląd statystyczny m. Grodna za lata 1922 i 1923 (Z uwzględnieniem w niektórych działach lat ubiegłych i pierwszego półrocza 1914 r.). Grodno: Drukarnia M. Gana, 1925.
13. Przegląd statystyczny m. Grodna w latach 1924, 1925 i 1926. Grodno: Nakładem magistrata m. Grodno, 1928.
14. Wychowankowie szkół rolniczych o swojej pracy, życiu i dążeniach w okręgu szkolnym Wileńskim. Zebrał i wstępem zaopatrzył Stanisław Łukaszewicz. Warszawa: Nakładem Państw. Instytutu Naukowego Gosp. Wiejskiego w Puławach, 1937.
15. Wyniki doświadczeń polowych. Wileńska Rolnicz Stacja Doświadczalna w Bieniakoniach. Za 1930 rok. Opracował Prof. Wacław Łastowski. Warszawa: R. Olesiński, W. Merkel i S-ka, 1931.

УДК 001 (470)

ПОЛОЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В РОССИИ

В.И. Левин
Пензенская государственная технологическая академия
г. Пенза, Российская Федерация

Рассматриваются основные тенденции в российской фундаментальной науке в 1990-2000-е годы. Отмечена опасность исчезновения науки в стране.
The main tendencies in Russian fundamental science in 1990-2000 years are considered. The danger of disappearance of science in country is marked.

Фундаментальная наука играет огромную и все возрастающую роль в жизни развитых стран. Это связано с все более усиливающейся в мире тенденцией к отказу от использования продуктов, полученных в результате переработки природных ресурсов (нефть, газ и т.д.), и переходу на продукты, созданные искусственно, инновационным путем, на основе новейших достижений фундаментальной науки. Этот процесс связан с понятием циклического развития [1].

Поскольку любой экономический цикл начинается с развития фундаментальной науки и ее идей, пригодных для практического воплощения, кратко остановимся на характеристике становления и развития науки в нашей стране.

Созданная Петром I российская наука была построена по лучшим европейским образцам. Уже в XIX веке имена русских ученых были известны в Европе. Советская наука унаследовала традиции российской, в нее вкладывались большие средства, а звание ученого было окружено почетом. Результатом было бурное развитие математики, физики, химии и др.

Положение радикально изменилось после распада СССР. Рыночные реформы больно ударили по ученым, большинство которых не смогли приспособиться к новым реалиям. Государство не поняло, что в эпоху реформ наука нуждается в специальной поддержке.

Именно с этого времени начался массовый отток ученых из науки – в форме эмиграции или перехода в другие сферы деятельности. На момент распада СССР и образования Российской Федерации на территории России работало примерно 800 тысяч научных работников. Из них к 2005 году осталось в науке 160 тысяч, т.е. 20%, остальные 640 тысяч, т.е. 80%, ушли из нее. Согласно оценке Минвуза РФ материальный ущерб в связи с уходом ученых из науки за 1990-2004 гг. составил 192 миллиарда долларов США. Однако реальный ущерб намного больше, и его нельзя измерить в денежных единицах, поскольку за этот период из российской науки ушло множество руководителей научных школ, часто вместе со своими учениками, что привело к разрушению научной инфраструктуры страны.

Министерство образования и науки Российской Федерации на протяжении 1990-х – 2000-х годов неоднократно затевало реформы с целью усовершенствования системы образования и научных исследований. Однако оно исходило из ошибочного положения, что финансирование науки и образования ведется в процентах от расходной части бюджета, причем эта статья бюджета не является приоритетной. В итоге эта статья к концу 1990-х годов достигла уровня меньше 1%, в то время как в развитых странах она составляет не менее нескольких процентов. Данный факт способствовал «утечке мозгов» из российской науки, хотя не был ее единственной причиной.

Еще одной радикальной инициативой Правительства РФ явилось разрешение вузам и РАН вести прием и подготовку аспирантов, а также защиты диссертаций на платной основе. Это решение создало совершенно новую ситуацию в системе подготовки научных кадров, а именно, появился канал прямой финансовой связи между соискателями степеней и теми, кто их готовит. В результате прием в аспирантуру и поток выпускаемых молодых ученых, в том числе кандидатов и докторов наук, сильно вырос. С 1992 по 2004 год через аспирантуру было пропущено 342 тысячи аспирантов. В результате было выпущено 260 тысяч молодых ученых (т.е. по 6 тысяч человек в год) и 22 тысячи докторов наук (т.е. по 1,7 тысяч человек в год). Эти темпы подготовки кадров в пересчете на душу населения более чем в 2 раза превышают аналогичные показатели в Советском Союзе, а достигнутый процент докторов наук среди ученых – почти в 3 раза! Причем это «чудо» произошло, как следует из вышесказанного, в условиях ухода из науки четырех пятых всех ее прежних кадров, очевидно, каков уровень подготовки этих новых кандидатов и докторов наук по сравнению с прежними – советскими. Таким образом, ни количественно, ни качественно компенсировать потерю старых научных кадров не удалось.

С 1993 года государственная поддержка научных исследований в России частично пошла по пути организации конкурсов-грантов. Однако в отличие от Запада, где данная система является основным источником честного финансирования науки, в России система быстро скоррумпировалась и превратилась в источник обогащения высокопоставленных чиновников от науки, ответственных за распределение средств между победителями конкурсов.

В это же время в России весьма успешно работал один западный фонд, основанный Джорджем Соросом. Этот фонд ставил своей целью поддержать науку и образование в странах бывшего СССР. К сожалению, открытая и честная система работы фонда Дж. Сороса не стала примером для аналогичных российских фондов, а недоброжелатели Сороса в России стали обвинять его в «подрыве национальных традиций страны» и «шпионаже в пользу Запада». Вдобавок правительство Российской Федерации не выполнило своих обещаний Соросу разделить с ним расходы по проведению его программ в стране. В результате Дж. Сорос закрыл все свои программы в России.

Сейчас состояние науки в нашей стране характеризуется почти полным прекращением фундаментальных научных исследований, проводимых на международно признанном научном уровне. Такое положение объясняется тем, что государство и общество до сих пор не осознали первостепенной важности развития науки для судьбы страны, а молодежь не идет в науку и даже не интересуется ей. С другой стороны, в России почти не осталось ученых-лидеров, прокладывающих новые пути в науке и руководящих научными школами, притягивающими к себе молодежь и воспитывающими новых руководителей школ. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров-историй.

М.Л. Громов, математик, выпускник Ленинградского университета, эмигрировал в США в 1974 году. В настоящее время живет и работает во Франции. Академик АН Франции и Национальной АН США, лауреат 12 международных премий по математике. В 2009 г. получил Абелевскую премию – высшую математическую награду в мире, точный аналог Нобелевской премии (математикам Нобелевскую премию не присуждают). Он – единственный лауреат этой премии «из России».Вот фрагмент из его представления на премию от АН Норвегии: «Михаил Громов является одним из основателей симплектической геометрии. В своей знаменитой работе 1985 г. он расширил понятие гомоморфной кривой. Это привело к созданию теории инвариантов Громова-Виттена и постепенно оказало влияние на

другие области математики. М. Громов все время занят поиском новых идей, которые могут помочь решить давно существующие, но все еще нерешенные проблемы. Труды Громова будут оставаться источником вдохновения и отправной точкой для многих будущих математических открытий».

И.М. Гельфанд, математик, биолог, педагог, выпускник МГУ, эмигрировал в 1989 г. в США, умер в 2009 году. Академик АН СССР и РАН, почетный член 12 АН и научных обществ мира (Национальной АН США, Лондонское и Американское математические общества, АН Франции, Королевскую АН Швеции и др.), почетный доктор 7 университетов мира (Оксфордский, Сорбоннский, Гарвардский и др.). Лауреат 12 премий и наград мира (Сталинские и Ленинская премии, премия Вольфа, премия Киото и др.). Автор свыше 800 статей и 30 монографий по функциональному анализу, алгебре и топологии, нейрофизиологии и алгоритмизации работы врачей, содержащих множество первостепенных открытий. Создатель крупнейшей научной школы. Среди его учеников – всемирно известные ученые: И.Н. Бернштейн, Е.Б. Дынкин, Ф.А. Березин, Д.А. Каждан, М.Л. Концевич, И.И. Пятецкий-Шапиро и др.

А.А. Абрикосов, физик-теоретик, выпускник МГУ, директор Института теоретической физики АН СССР, эмигрировал в 1991 году, живет и работает в США. Академик АН СССР и РАН, почетный член многих АН и научных обществ мира (Национальная АН США, Американская Академия наук и искусств, Лондонское королевское общество). Лауреат десятка премий и наград мира (Ленинская, Нобелевская, им. Ландау, им. Дж. Бардина и др.). Автор нескольких сот научных статей и ряда крупных открытий, важнейшие из которых – создание теорий сверхпроводимости второго рода и сверхтекучести жидкого гелия-3. В декабре 2003 г. Абрикосов получил приглашение президента России В.В. Путина приехать в Москву, где его собирались чествовать как выдающегося российского ученого – новоиспеченного Нобелевского лауреата по физике, на что он ответил, что он не российский ученый, а американский.

С.П. Новиков, математик, физик, выпускник МГУ, президент Московского математического общества и главный редактор ведущего российского журнала «Успехи математических наук». С 1991 года живет и работает в США, периодически приезжает в Россию. Академик АН СССР и РАН, почетный член ряда научных обществ и АН мира (Лондонское математическое общество, Европейская академия, Итальянская национальная Академия деи Линчеи, Национальная АН США и др.), лауреат 6 престижных научных наград

(Ленинская премия, Филдсовская премия, премия Вольфа и др.). Автор 160 статей и десятков книг по геометрии, топологии и математической физике. Ему принадлежит ряд крупных математических открытий, в том числе доказательство топологической инвариантности характеристических классов Понтрягина в алгебраической топологии. Он создатель крупной научной школы, насчитывающей около 50 докторов наук. Среди них известные ученые В.М. Бухштабер, Б.А. Дубровин, А.С. Мищенко, А.Т. Фоменко и др.

В.И. Арнольд, математик, выпускник МГУ, вице-президент Международного математического союза. С 1990 года жил и работал за рубежом – сначала в США, затем во Франции, периодически приезжая в Россию. Умер 1 июня 2010 года. Академик АН СССР и РАН, почетный член многих АН и научных обществ мира (Национальная АН США, Американское математическое общество, АН Франции, Лондонское королевское общество и др.). Лауреат многих советских, российских и международных наград (Ленинская премия, премия Вольфа и др.). Является автором нескольких сот научных статей и десятков книг по динамическим системам, алгебраической геометрии, дифференциальным уравнениям, а также теории катастроф. Сделал целый ряд открытий первостепенной важности в указанных областях. Создатель и руководитель крупной научной школы – В.И. Арнольд – наиболее цитируемый в мире российский ученый конца 20 – начала 21 века.

Г.Я. Перельман, математик, окончил ЛГУ и аспирантуру Ленинградского отделения Математического института имени В.А. Стеклова. С 1989 по 1996 год жил и работал в США. В 1996 г. вернулся в Санкт-Петербург, где работал ведущим научным сотрудником Математического института РАН. Однако в конце 2005 г. уволился из института, не успев защитить докторскую диссертацию и прервал все контакты с математическим сообществом, уйдя во «внутреннюю эмиграцию». Г.Я. Перельман – автор решения знаменитой гипотезы Анри Пуанкаре, выдвинутой французским ученым еще в 1904 году. За это открытие Г.Я. Перельману была в 2006 году присуждена Филдсовская премия, а в 2010 году – премия Американского математического института Клэя. В 2007 г. английская газета «Дейли Телеграф» опубликовала список 100 ныне живущих гениев. Среди них есть 3 россиянина: Г. Перельман (9 место), Г. Каспаров (25 место) и М. Калашников (83 место).

Г.А. Маргулис, математик, выпускник МГУ, многолетний научный сотрудник Института проблем передачи информации АН СССР. Эмигрировал в 1991 г., с тех пор проживает и работает в США.

Академик Национальной АН США, лауреат почти всех высших международных математических премий (Филдсовская премия, премия Вольфа и др.). Уже в 1978 году он был признан сильнейшим советским математиком и приглашен на должность профессора в США. Маргулису принадлежат многие выдающиеся результаты в алгебре, эргодической теории, теории представлений, а также в комбинаторике, теории чисел, теории меры. Рассказывают, что в конце 1980-х годов, когда Маргулис еще работал в Советском Союзе, коллеги как-то спросили его, почему он до сих пор не уезжает, хотя давно имеет приглашение из-за рубежа. «А зачем? – ответил Маргулис. – Здесь я в течение пяти минут могу пробежаться по всем этажам главного здания МГУ и обсудить интересующие меня проблемы с математиками – специалистами из всех возможных областей; где вы еще найдете такие возможности?». Когда все же в 1991 году он собрался уезжать, те же коллеги полюбопытствовали, зачем он теперь едет и получили ответ: «А что теперь здесь делать? Здесь уже не с кем разговаривать!».

А.М. Поляков, физик-теоретик, выпускник МГУ. Работал в Институте теоретической физики АН СССР. Эмигрировал в 1989 году и с тех пор проживает и работает в США. Член-корреспондент АН СССР, академик Национальной АН США и АН Франции, лауреат ряда высших международных наград для физиков (медаль Дирака, медаль Лоренца). А.М. Поляков известен основополагающими результатами в квантовой теории поля и в теории струн. В настоящее время считается одним из крупнейших современных физиков-теоретиков в мире. Ему также принадлежит своеобразный «рекорд» – наивысший индекс цитирования среди русскоязычных исследователей.

А.И. Варшавский, молекулярный биолог, выпускник МГУ, был сотрудником Института молекулярной биологии АН СССР. Эмигрировал в США в 1976 г. Академик Национальной АН США, Американской Академии наук и искусств, Европейской академии и др., лауреат более чем 20 национальных (США) и международных премий, в том числе Ласкеровской премии по фундаментальной медицине, премии Вольфа в области медицины, премии Даймса по научной биологии, премии Готэма за метод борьбы с раком и т.д. Варшавский разработал идею молекулярного прибора, позволяющего проникать в клетку, проверять ее на раковость и уничтожать в случае положительного результата. Признан одним из ведущих современных молекулярных биологов мира.

М.Л. Концевич, математик, выпускник МГУ, работал в Институте проблем передачи информации АН СССР. Эмигрировал в 1990 году. Защитил кандидатскую диссертацию в Германии в 1992 г. С

тех пор живет и работает в США и во Франции. Академик Национальной АН США и Академии наук Франции, лауреат ряда высших международных математических премий (Филдсовская и ряд других премий). Работы Концевича затрагивают фундаментальные вопросы современной физики (теория струн, теория узлов и др.). Он также известен своими очень важными математическими работами по квантованию пуассоновых многообразий и гомологической зеркальной симметрии. Является автором нового вида интегралов (интеграл Концевича). В 2000 г. он был приглашен Американским математическим обществом в качестве ведущего докладчика на конференцию «Важнейшие математические проблемы 21 века», подобную Математическому конгрессу 1900 года, где были озвучены знаменитые «проблемы Гильберта».

И.И. Пятецкий-Шапиро, математик, выпускник МГУ и аспирантуры Московского пединститута. Работал около 10 лет в Институте прикладной математики АН СССР, где занимался теорией чисел, гармоническим анализом, автоморфными представлениями функций. Полученные им теоретические результаты уже в начале 1970-х годов сделали его всемирно известным ученым. Однако на выборах в АН СССР и при обсуждении его кандидатуры на Ленинскую премию его регулярно «проваливали», а в 1974 году и вовсе отстранили от научной работы. В результате этого в 1976 г. он эмигрировал. С тех пор Пятецкий-Шапиро проживает в Израиле и США, руководит кафедрой в Тель-Авивском университете и является приглашенным профессором Йельского университета. И.И. Пятецкий-Шапиро – лауреат международной премии Вольфа, действительный член многих АН и научных обществ мира.

С.К. Смирнов, математик, выпускник СПбГУ (1992 г.) и аспирантуры этого университета. Сразу после защиты кандидатской диссертации в 1995 году эмигрировал в США. Впоследствии переехал в Швейцарию. Сейчас С.К. Смирнов является профессором Женевского университета. В августе 2010 года стал лауреатом Филдсовской премии за работы, объясняющие с помощью теории функций комплексного переменного процессы фазовых переходов в твердых телах.

А.К. Гейм, физик-экспериментатор, выпускник МФТИ. Работал в Институте физики твердого тела АН СССР, где в 1987 году получил степень кандидата физико-математических наук в Институте проблем технологии микроэлектроники АН СССР в Черноголовке. В 1990 году получил стипендию Английского королевского общества и уехал из СССР. Работал в Ноттингемском университете, университете Бата,

Копенгагенском университете, затем – доцентом университета Неймегена (Нидерланды) и с 2001 года – Манчестерского университета. В настоящее время является профессором Манчестерского университета и главой отдела физики конденсированного состояния в нем, а также руководителем Манчестерского центра мезонауки и нанотехнологий. В 2010 г. за создание нового материала с уникальными свойствами – графена – получил Нобелевскую премию. Удостоен Шнобелевской премии, медали Мотта, премии «Еврофизика», премии Кёрбера, медали Дж. Кати и медали Хьюгса. А.К. Гейм – почетный доктор Делфтского технического университета, Швейцарской высшей технической школы Цюриха и Антверпенского университета, член Английского королевского общества, имеет почетное звание «Профессор Лэнгуорти» Манчестерского университета. После присуждения Гейму Нобелевской премии российские власти пригласили его работать в Сколково. Гейм отказался, добавив: «Там у вас люди что – с ума посходили? Считают, что если они отсыпят мешок золота, то можно всех пригласить?». Гейм также сказал, что не имеет российского гражданства, чувствует себя в Англии комфортно и не верит в проект российского правительства создать в стране аналог Кремниевой долины. А.К. Гейм также отказался от предложения возглавить Институт физики Макса Планка в Германии.

К.С. Новоселов, физик-экспериментатор, выпускник МФТИ, ученик А.К. Гейма. Работал в Черноголовке в Институте проблем технологии микроэлектроники АН СССР. В 1999 году уехал из России в Нидерланды, где работал с Геймом в университете Неймегена. В 2001 году вместе с ним перебрался в Манчестерский университет. В настоящее время – профессор Манчестерского университета. В 2010 году за создание нового материала – графена – совместно с А.К. Геймом получил Нобелевскую премию. Удостоен также премии «Еврофизика» и европейской премии Николаса Курти. Член Английского королевского общества. После присуждения Новоселову Нобелевской премии власти России пригласили его на работу в Сколково, однако он отказался. Его взгляд на это таков: «Мне очень нравится, как устроена работа в Университете Манчестера, где я сейчас занимаюсь наукой. Если бы мне сделали интересное предложение по работе в России, возможно, я бы вернулся. Хотя, нет, вряд ли. Дело в том, что организация работы в Англии намного проще и прозрачнее, чем в России или в Германии. Дело не только в деньгах». Сегодня он является самым молодым из живущих Нобелевских лауреатов (1974 г.р.).

Перечисленные и тысячи других бывших советских и российских ученых могли руководить научными школами в России, продолжая традиции А.Н. Колмогорова, Л.Д. Ландау, Н.И. Вавилова. В настоящее время они создают такие школы на Западе. В связи с этим приведем еще один материал, найденный нами в Интернете, который весьма образно характеризует катастрофу, постигшую российскую науку. Он содержит фрагмент высказывания одного из наших ученых, живущего в США:

«Я уезжал одним из первых, в 1990 году. Друзья, провожая меня, были полны энтузиазма и уверяли, что выдержат и добьются своего на Родине. Прошло немного лет, и все они уехали. Только в Калифорнии сейчас работают 8 из 12 бывших сотрудников нашего отдела. Еще 2 человека – на Восточном побережье. Один из бывших «наших» – в Англии. У меня такое чувство, что та среда, в которой я когда-то жил в Москве, неким волшебным образом переместилась на Запад. Я встретил на улице даже бывшую соседку по лестничной клетке. Девушка, за которой я ухаживал в молодые годы, окликнула меня в супермаркете. Если я решу теперь вернуться в Москву, она будет для меня почти пустой – все мои друзья давно здесь. Я был поражен, когда в Вашингтоне на день рождения моего друга пришли все, кто приходил к нему некогда в Москве. Исчезла целая прослойка и, поверьте, большей частью – навсегда».

Как бы ни были впечатляющи картины массового ухода выдающихся ученых из российской науки, они не могут заменить взвешенного статистического анализа процессов, происходящих в нашей науке, если мы хотим заглянуть в будущее и уже сейчас необходимо попытаться принять необходимые меры для того, чтобы это будущее оказалось для нас удовлетворительным. С данной целью ниже количественно проанализирована динамика процессов развития советской и российской науки с 1950-х годов по настоящее время. Этот анализ выполнен по высшим, международно признанным достижениям наших ученых в тех областях, где это признание было особенно весомым – математика, физика, химия – и выразилось в присуждении нашим ученым крупнейших международных научных наград. В качестве таких наград выбраны Нобелевская премия (ведущая в мире научная премия в области физики, химии, физиологии и медицины, экономики, литературы), Абелевская премия (ведущая в мире научная премия в области математики – точный аналог Нобелевской премии), Филдсовская премия (ведущая в мире научная премия для математиков в возрасте до 40 лет), премия Вольфа (вторая по значению, после Нобелевской, научная премия в области математики, физики, химии,

медицины, сельского хозяйства и искусства), Ласкеровская премия (вторая в мире научная премия по биологии и медицине), премия Математического института Клэя (присуждается ежегодно за значительный прорыв в области математических исследований).

В следующих таблицах № 1-6 приведены данные по советским и российским ученым и писателям, получившим указанные награды, с дополнительной информацией о времени выезда ученого (писателя) из страны на постоянное место жительства за рубеж, если такое происходило.

Таблица 1

Российские и советские ученые и литераторы – нобелевские лауреаты					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Павлов И.П.	физиология и медицина	1904		
2.	Мечников И.И.	физиология и медицина	1908	1888	Франция
3.	Бунин И.А.	литература	1933	1920	Франция
4.	Семенов И.И.	химия	1956		
5.	Тамм И.Е.	физика	1958		
6.	Франк И.М.	физика	1958		
7.	Черенков П.А.	физика	1958		
8	Пастернак Б.Л.	литература	1958	1958**	
9.	Ландау Л.Д.	физика	1962		
10.	Басов Н.Г.	физика	1964		
11.	Прохоров А.М.	физика	1964		
12.	Шолохов М.А.	литература	1965		
13.	Солженицын А.И.	литература	1970	1974	США
14.	Канторович Л.В.	экономика	1975		
15.	Капица П.Л.	физика	1978		
16.	Бродский И.А.	литература	1987	1972	США
17.	Алферов Ж.И.*	физика	2000		
18.	Абрикосов А.А.*	физика	2003	1989	США
19.	Гинзбург В.Л.	физика	2003		
20.	Гейм А.К.*	физика	2010	1990	Англия
21.	Новоселов К.С.*	физика	2010	1999	Англия

* Ныне живущий ученый

** Ушел из литературы из-за травли в связи с присуждением этой премии

Таблица 2

Российские и советские ученые – лауреаты Абелевской премии					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Громов М.Л.*	математика	2009	1974	США, Франция

Таблица 3

Российские и советские ученые – лауреаты Филдсовской премии					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Новиков С.П.*	математика, физика	1970	1991	США
2.	Маргулис Г.А.*	математика	1978	1991	США
3.	Дринфельд О.Г.*	математика, физика	1990	1990	США
4.	Зельманов Е.И.*	математика	1994	1987	США
5.	Концевич М.Л.*	математика, физика	1998	1990	Германия, США, Франция
6.	Воеводский В.А.*	математика	2002	1990	США
7.	Перельман Г.Я.*	математика	2006	1989***	США
8.	Окуньков А.Ю.*	математика, физика	2006	1990	США
9.	Смирнов С.К.*	математика	2010	1995	США, Швейцария

*** Вернулся в 1996, в 2005 ушел из науки

Таблица 4

Российские и советские ученые – лауреаты премии Вольфа					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Гельфанд И.М.	математика, биология	1978	1989	США
2.	Колмогоров А.Н.	математика	1980		
3.	Крейн М.Г.	математика	1982		
4.	Пятецкий-Шапиро И.И. *	математика	1990	1976	Израиль
5.	Синай Я.Г.*	математика, физика	1996-1997	1980	США
6.	Арнольд В.И.	математика	2001	1990	США, Франция
7.	Варшавский А.И.*	медицина	2001	1976	США
8.	Маргулис Г.А.*	математика	2005	1991	США
9.	Новиков С.П.*	математика, физика	2005	1991	США

Таблица 5

Российские и советские ученые – лауреаты премии Математического института Клэя					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Перельман Г.Я.*	математика	2010	1989***	США

Таблица 6

Российские и советские ученые – лауреаты Ласкеровской премии					
№	Фамилия И.О.	Область деятельности	Год присуждения	Год выезда из России	Страна выезда
1.	Варшавский А.И.*	медицина	2000	1976	США

Таблица № 7, составленная на основе таблиц № 1-6, характеризует количественно динамику ухода выдающихся ученых из

отечественной науки. Из нее хорошо видно, что выдающиеся, международно признанные российские (советские) ученые в полном составе уходят из российской науки. Итак, из 17 ныне живущих выдающихся, международно признанных российских (советских) ученых только один человек, т.е. 6%, живет и работает в России. Остальные 94% живут и работают за рубежом.

Отсутствие в современной России ученых самого высокого научного уровня означает исчезновение в стране неформальной научной структуры, в рамках которой только и возможно научное творчество. В этих условиях нельзя надеяться на то, что такие ученые появятся у нас хотя бы в будущем. А без фундаментальной науки самого высокого уровня нет инноваций и новых высоких технологий, с помощью которых развивается сегодня современный мир.

Таблица 7

Доля выдающихся российских (советских) ученых и писателей, ушедших из российской науки и литературы (эмиграция за рубеж, внутренняя эмиграция и др.)

Категория ученых (писателей)	Доля ушедших ученых (писателей), %	Временной период
Нобелевские лауреаты	66% 11% 55%	19 в. – 1935 г. 1936 г. – 1969 г. 1970 г. – 2010 г.
Лауреаты премии Вольфа	50% 50% 100%	1978 г. – 1980 г. 1981 г. – 1990 г. 1991 г. – 2010 г.
Филдсовские лауреаты	100%	1970 г. – 2010 г.
Абелевские лауреаты	100%	2003 г. – 2010 г.
Лауреаты премии Математического института Клэя	100%	1991 г. – 2010 г.
Лауреаты Ласкеровской премии	100%	1946 г. – 2010 г.

В работе [2] автором были определены 3 принципиально возможных сценария развития российской науки на период с 2006 года и далее.

Сценарий 1. Возникновение обратного потока эмигрировавших ранее российских ученых назад в Россию, причем в таких количествах и такого качества, что его будет достаточно для построения новой полноценной науки в стране, способной решать как фундаментальные, так и прикладные проблемы. В связи с этим было отмечено, что эффект обратного потока уже наблюдался в некоторых странах, однако в России в силу ряда причин он весьма маловероятен.

Сценарий 2. Приход к руководству страны новых людей, которые глубоко понимают исключительную важность науки и образования для государства, объявляют эту сферу деятельности приоритетной и проводят соответствующие реформы. Однако согласно анализу [2] такой сценарий развития событий также мало вероятен.

Сценарий 3. Существующая политика в области науки и образования не меняется. Это приведет к гибели науки и образования в течение каких-нибудь 10-15 лет. Данный сценарий развития России является согласно [2] наиболее вероятным.

Несмотря на провальное положение российской науки, в современном российском обществе и государственных структурах по-прежнему отсутствует понимание опасностей, которыми грозит России исчезновение ее фундаментальной науки. В таких условиях и при таком отношении к отечественной науке научно-образовательное сообщество должно взять инициативу в свои руки, организоваться, общими усилиями разработать программу помощи науке и начать действовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего. Роль нанотехнологий в новой реаль ности // Доклад в Сибирском федеральном университете. – Красноярск, 2009.
2. Левин В.И. Утечка мозгов и современный научный потенциал России // Датчики и системы. – 2006. – № 1. – С. 65–71.

СЕКЦИЯ

1

ФИЛОСОФИЯ В XXI веке: ПРИОРИТЕТЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 78 – 7.01 (476)

ФУНКЦИИ МУЗЫКИ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.Г. Барановская
УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается проблема функций музыки и специфика ее проявления в системе межкультурной коммуникации.

This article touches upon the problem of functions of music and specificity of its display in system of intercultural communications.

Проблемная ситуация в изучении коммуникативного аспекта музыкального искусства в контексте культуры актуализирует исследование функций музыки. Анализ роли и функций музыки в культуре способствует не только пониманию сущности этого вида искусства, но и культуры в целом. Еще Конфуций утверждал, что состояние государства и нравственное здоровье населения отражаются в музыке этой страны. Обращаясь к проблеме функций музыки, прежде всего, необходимо указать на крайне незначительную её разработку в современной науке о музыкальном искусстве.

Исследования функций музыки начинаются с Пифагора и возникновения философской мысли. В античности этой проблемой занимались Платон, Аристотель и их последователи; в средние века - Августин Аврелий, Боэций, Гвидо из Ареццо, Фома Аквинский и др. В Новое время этой проблемы касались Р. Декарт, Г.В. Лейбниц, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, А.Г. Баумгартен, Г.Э. Лессинг, и др. Известные философы И. Кант, Ф. Шиллер, Г.В.Ф. Гегель также не обошли стороной эту проблему. С возникновением эстетики, как философской дисциплины, эта проблема стала составной частью проблемы функций искусства. В отечественной философско-эстетической мысли эту тему исследовали М.С. Каган, Ю.Б. Борев, в теоретическом музыкознании – А.Н. Сохор [1], В.Н. Холопова [2], В.В. Медушевский.

В современной музыкальной эстетике обозначился интерес к цельной картине устроения музыки и её роли в современной межкультурной коммуникации. Возникает система функций, отражающая роль и взаимодействие музыки как с культурой в целом, так и ее структурными элементами. Системная функция музыки может быть установлена путем анализа модели или картины мира, которая представлена деятельностной, социальной и коммуникативной

подсистемами. Чтобы понять роль музыки в современной культуре, необходимо обратиться к функциям музыки на этапе ее возникновения.

Системной функцией музыки на архаическом этапе западной культуры выступает магическая функция. По отношению к коммуникативной подсистеме первобытной культуры музыка выполняет функцию смысловыражения, способствующую лучшему запоминанию информации и основанную на преимущественно звуковом характере первобытного языка. По отношению к деятельностной подсистеме первобытной культуры музыка выполняет технологическую функцию, основанную на потребностях «производства» в определенном темпе и ритме; социально-коммуникативную, отвечающую за согласование, гармонизацию одновременной деятельности многих людей; психологическую, создающую психологическую готовность к определенному виду деятельности; событийно-смысловую, основанную на особенностях сельскохозяйственного труда. По отношению к социальной подсистеме первобытной культуры музыка выполняет интегрирующую и дифференцирующую функции, которые позволяют отличать своих от чужих, и в которых музыка выступает своеобразным тотемом.

В классический период античной культуры на этапе перехода от мифологической к космоцентрической картине мира происходит разделение музыки на объективную и субъективную. Системной функцией объективной музыки выступает функция гармонизации мира, основанная на потребности согласования различных иерархических структур мира. Системная функция субъективной музыки – сакрально-прославленческая, основаная на потребностях признания культурной и социальной иерархии. В структурных функциях музыки по отношению к социальной подсистеме культуры появляется этико-воспитательная функция, основанная на потребностях воспитания гражданина.

Функция развлечения, служащая основанием зарождения эстетической функции музыки, появляется в результате диалога деятельностной подсистемы с системными характеристиками античной культуры. В результате возникновения письменности и других графических способов фиксации информации функция смысловыражения музыки фокусируется в сфере «мусических» искусств. По отношению к миру музыка выполняет познавательную функцию, сущность которой сводится к репрезентации мира в качестве его модели.

В процессе межкультурной коммуникации музыка может выполнять различные функции. Аристотель расположил функции

музыки в порядке иерархии: (интеллектуальное удовлетворение, воспитывающая и очищающая функции физиологическое наслаждение). Т. Адорно выделял такие функции музыкального искусства, как потребление и эстетическое наслаждение, размышляя о музыкальной индустрии [3].

Чешский исследователь Й. Кресанек называет шесть функций музыки: целеустремлённость, монументальность, культурное развлечение, субъективное выражение, программность и новаторство. В то же время функция целеустремлённости, по мнению Й. Кресанека, делится на: магическую, интерпретационную, этически-воспитательную и прикладную функции.

В качестве обоснования коммуникативных функций музыки может выступать утверждаемое в рамках синергетического мировидения понимание музыки как системы мира по принципу: природа–общество–культура–искусство–музыка [4].

Имея в виду эту направленность, можно выделить важнейшую функцию музыкального искусства – совершенствующую. В рамках отношений «музыка–природа» она выступает в качестве функции, которую можно назвать оптимизирующей, т.е. повышающей активность природных явлений, при этом принадлежащих как физической, так и биологической природе. Известно, что на музыку «реагируют» физические («неживые») предметы, в результате чего мы сталкиваемся с такими естественно-природными явлениями, как эхо, резонанс. Безусловно, более заметное оптимизирующее воздействие музыка оказывает на биологические («живые») организмы: растения, животных.

Совершенствующая функция музыки в обществе, прежде всего вследствие воздействия музыки на отдельного человека, распадается на две основные функции: гармонично-развивающую и сопутствующую. Гармонично-развивающая функция музыки связана с использованием музыкального искусства как средства всестороннего воспитания человека. В этом своём качестве музыка издавна использовалась в практике воспитательной работы. С сопутствующей функцией музыки связано использование ее как прикладного средства: в медицине, на производстве, в спорте и т. д.

В культуре и искусстве музыка выполняет содержательно-наполняющую функцию, которая усиливается по мере движения: культура–искусство–музыка. Этот процесс можно назвать последовательным «омузыкаливанием» культуры и искусства. Доказательством того могут служить свидетельства выдающихся

деятелей культуры и искусства: учёных, политиков, религиозных деятелей, художников.

Например, А. Эйнштейн, оценивая модель атома, предложенную Н. Бором, назвал её «высшей музыкальностью в физике». А американский методолог С. Тулмин, имея в виду выдающиеся достижения Л.С. Выготского и А.Р. Лурия, называл первого Моцартом, а второго – Бетховеном в психологии. Посредством проявления совершенствующей функции музыка развивает и совершенствует природу, общество, культуру, искусство, музыку, а значит – и мир в целом, обусловливая его движение к красоте. Красота же, как конечный «пункт» эволюции, есть средство самосохранения мира и человека.

Таким образом, в процессе межкультурной коммуникации музыка, как вид искусства, выполняет три фундаментальные функции:

- функцию эстетического наслаждения;
- функцию интеллектуально-философской игры;
- фоново-лечебную функцию.

Главная функция искусства проявляется на уровне бессознательного как эстетическое наслаждение без видимой практической цели. Для широкой публики существует два критерия оценки: «нравится» и «не нравится». Для профессионала существуют иные критерии оценки произведения искусства, так как профессиональные критики или деятели искусств чаще всего знают причины, по которым то или иное произведение искусства им интересно и неинтересно.

В рамках указанной функции музыка выполняет ряд частных функций:

- эстетическую – красота, гармония, соразмеренность;
- гедонистическую – счастье, наслаждение;
- этическую – сопереживание, сострадание, катарсис-очищение;

Вторая функция произведения искусства – интеллектуально-философская игра – связана с уровнем сознательного. Человек пытается понять смысл произведения через философскую концепцию. Эта функция доступна лишь образованному типу слушателя (согласно классификации Т. Адорно).

В рамках этой функции музыка выполняет ряд частных функций:

- познавательную – отражение действительности (идей, эмоций, предметного мира);
- просветительскую – документ эпохи, история;

- коммуникативную – человеческое общение, единение вокруг идеала;
- каноническую и эвристическую – преемственность и открытие, традиции и новаторства;

Третья функция музыкального произведения – фоново-лечебная – проявляется на уровне подсознательного. Данная функция доступна лишь эмоциональному слушателю (по классификации Т. Адорно). Произведение музыкального искусства, в соответствии с данной позицией, – это фон, который может меняться в зависимости от настроения и самочувствия человека. Оно способно успокаивать и возбуждать.

В рамках этой функции музыка выполняет ряд частных функций:

- компенсаторную – дополняет и расширяет жизнь, выход необузданных желаний, украшение жизни;
- прагматическую – прикладная, утилитарная, практическая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сохор, А. Н. Социальные функции искусства и воспитательная роль музыки / А. Сохор // Вопросы социологии и эстетики музыки: В 3 т. Т. 3. Статьи и исследования. – Л., 1983. – С. 74.
2. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства: В 2 ч. 3-е изд. / В. Н. Холопова. – СПб., 2000.
3. Адорно, Т. Социология музыки / Т. Адорно. – М. – СПб., 1999.
4. Клюев, А. С. Онтологическое изучение музыкального искусства на пороге III тысячелетия / А. С. Клюев // Культура на пороге III тысячелетия: Материалы IV международного семинара в Санкт-Петербурге 30 мая – 3 июня 1997 г. – СПб., 1998. – С. 56-66.

УДК 001:159 923

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО: НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

И.В. Бусько

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Цель данной статьи – установление основных факторов, воздействующих на особенности личности ученого в начале двадцать первого века, а также результатов их влияния.

The article is devoted to the reveal of the factors influencing the peculiarities of personality of a scientist in the beginning of XXI century and the results of their influence.

Особенности развития научного познания на современном этапе связаны с проявлением различных противоречий, отражающих как проблемы внутринаучного характера, так и проблемы, проистекающие

из встроенности науки в общество как динамично изменяющуюся систему. Центральным элементом процесса научного познания по-прежнему выступает ученый, личность которого так или иначе отражает разнообразные тенденции и веяния времени. Установление основных факторов, воздействующих на особенности личности ученого в начале двадцать первого века, а также результатов их влияния – цель данной работы.

Специфика научного познания, направленного на получение систематизированного, доказательного, проверяемого знания о различных объектах, изначально обусловила определенные требования к деятельности ученого – ее целям, средствам, нормам, идеалам. Интерес же к личности ученого проявился приблизительно к концу девятнадцатого века, когда возник кризис естествознания, поставивший под вопрос веру в возможности науки и надежность научного познания. Впервые попытку изучения личности ученого осуществили сами ученые, в частности, математик, физик и философ А. Пуанкаре и химик В. Оствальд, хотя последний, следует заметить, в своей работе «Великие люди» исследовал биографии выдающихся ученых по заказу японского правительства, искавшего пути интенсивного развития Японии [1, с.5]. В двадцатом веке личность ученого стала предметом специального изучения психологов и социологов.

Под личностью вообще будем понимать индивида, т.е. представителя человеческого рода, освоившего определенный социальный и культурный опыт и выработавшего в себе определенные социальные и культурные качества, позволяющие ему выступать в роли субъекта, т.е. деятельного и ответственного существа. Понятие ученого же имеет большой ряд важных признаков. Ученый – это человек, обладающий специальной профессиональной подготовкой и владеющий специальными навыками и приемами исследовательской деятельности (теоретической или эмпирической). Имеющиеся знания и свои познавательные способности ученый использует для дальнейшего расширения сферы научного познания, ориентируясь на получение объективного и достоверного знания. Важными мотивами в деятельности ученого являются стремления получить признание со стороны научного сообщества (которое только и может адекватно оценить результаты труда ученого). Кратко и емко требования к деятельности ученых, вошедшие в историю под названием «научного этоса», обобщил американский социолог Р. Мертон. Он выделил следующие основные нормы труда ученых: объективность, универсализм, организованный скептицизм, незаинтересованность

(бескорыстие) и коммунизм (научное знание принадлежит всем). Ряд авторов подчеркивали, что ориентация ученых на других, а не на себя, отсутствие частной собственности на открытие превращают науку в особую сферу, выпадающую из капиталистической и либеральной традиции. В целом, необходимые черты личности ученого скорее выражаются категорией должного – того, что предписывается ученому научным сообществом и обществом в целом. Что же касается сущего, реального, то оно характеризуется достаточным разнообразием тех свойств и особенностей, которые присущи представителям сообщества ученых и могут вступать в острое противоречие с этосом науки. Таким образом, в личности ученого всегда возможен разрыв, несоответствие между должным и сущим, желаемым и действительным. Такой разрыв может осознаваться самим ученым, переживаться изнутри как расхождение между идеалами науки и своим реальным поведением, сопровождаться чувствами раздвоенности и неудовлетворенности, а может оставаться неосознанным. Несоответствие идеала и реальности в деятельности ученого может фиксироваться и извне, прежде всего самим научным сообществом или же обществом в широком смысле слова.

По мере развития науки менялись и роль ученого в обществе, и его статус. В XVII - XIX вв. деятельность ученого оформляется в качестве профессиональной, появляются первые институты науки. Уже в это время научная деятельность перестает быть уделом ученых-одиночек, начинает постепенно приобретать коллективный характер, формируется система научных коммуникаций, закладываются основные требования к деятельности ученого. На этом этапе наука выполняет мировоззренческую функцию, а ученый рассматривается обществом не столько как профессионал, компетентный в определенной узкой сфере, сколько как просветитель, борец с невежеством. Возможно, именно в это время наука была как никогда более «территорией свободы»: сфера научного интереса, его глубина и цели максимально определялись самим ученым, соответствовали личностной мотивации.

Позднее, во второй половине XIX в., достижения науки начинают активно использоваться в производстве, нарастает специализация науки, выделяются не только основные научные дисциплины, но и технические, и гуманитарные науки. В условиях зрелого капитализма, а в XX веке в контексте острой социальной конкуренции капитализма и социализма, труд ученого вызывает повышенное внимание со стороны общества, приобретает довольно высокий, иногда доходящий

до романтизации статус. Рамки личности ученого в значительной степени очерчивает научное сообщество, его нормы и стандарты.

В то же время усиливается зависимость деятельности ученых не только от логики развития самой науки, но и от общества, социальных ценностей и предпочтений. Чем более затратными становятся научные изыскания, чем больше усиливается коллективность научного поиска, тем больше направления научных исследований определяются не столько личностными интересами и спонтанным научно-исследовательским любопытством, сколько политическими и финансовыми запросами заказчика – государства или частного бизнеса. Это выражалось и выражается, например, в приоритетности научных исследований, направленных на развитие военно-промышленного комплекса. В последнее время это порождает и усиление разрыва между поддержкой фундаментальных и прикладных исследований в пользу последних, искусственно занижая возможности самореализации потенциальных крупных ученых-теоретиков. Таким образом, наука и личность ученого в той или иной степени политизируются, попадают в зависимость от господствующих ценностей, целей политической власти и механизмов управления. Примеры сопротивления ученых таким процессам, конечно, можно привести: это и воздержание Нильса Бора от участия в разработке атомного проекта, и отказ П.Капицы от подобных исследований в Советском Союзе, но таких примеров не так и много. В большинстве же своем ученые активно способствуют разработке новых видов оружия – как ядерного, так и химического, биологического, психотронного, – с воодушевлением пускаются в потенциально рискованные для человечества эксперименты в области биотехнологий и генной инженерии. В рамках тенденции политизации науки приходится оценивать закрытие почти всех кафедр славистики (не «советологии»!) в университетах Западной Европы после падения Советского Союза, а на постсоветском пространстве – «крестовый поход» гуманитариев против марксизма. При этом критикующие марксизм историки в массе своей остаются «бессознательными» марксистами, придерживающимися идей прогресса, линейности истории и экономикоцентризма, а отвергающие марксизм экономисты-адепты капитализма и рыночной идеологии лишают себя возможности глубокого анализа закономерностей и возможных сценариев развития современного общества. По причинам пусть не всегда явной политизации науки и карьерного прагматизма молодые ученые по-прежнему оперируют понятиями «проходной», «диссертабельной» темы исследований, не всегда реализуя собственные склонности и

идеалы служения истине. Конечно, и в таких условиях находятся смельчаки, способные заниматься наукой ради науки, – такого рода примером можно считать «феномен Перельмана», не вписавшегося ни в советскую, ни в американскую системы организованной науки, и на свой страх и риск занимавшегося долгие годы работой над желаемой проблемой.

Нарастание специализации и коллективного характера научной деятельности привело к ограничению универсальности личности ученого в двух отношениях. Во-первых, становится редкостью или даже исчезает не только тип ученого-энциклопедиста, какими были М. Ломоносов или Р. Декарт, но и тип ученого-специалиста, имевшего широчайший диапазон интересов в рамках определенной предметной области, таких как В. Вернадский, И. Курчатов и др. Становится все больше узких специалистов, происходит сужение творческих горизонтов человека науки. Во-вторых, в рамках исследовательских групп, которые все чаще выступают основными субъектами научного познания, необходимым становится распределение ролей, важнейшими из которых являются «генератор идей», «критик», «эрудит» и др., ранее совмещавшихся в личности одного ученого.

Наиболее острые разрывы в личности ученого порождают противоречия между свойственным современной эпохе культом обогащения, наживы и предъявляемым ученому требованием бескорыстного служения истине. Некоторые талантливые исследователи переходят в более доходные сферы деятельности, есть и такие, кто способствует дальнейшей дегуманизации общества, разрабатывая рецепты новых синтетических наркотиков, совершенствуя технологии манипуляции массовым сознанием, проводя опыты по клонированию человека в подпольных лабораториях.

Из «территории свободы» наука рискует превратиться в «поле выпаса интеллектуалов», «резервацию интеллектуального обслуживания». Конечно, в сфере науки по-прежнему встречается тип подлинного ученого, который «осознает свое участие и ответственность за все, что с ним происходит (и, кстати, не только с ним, но и с наукой в целом), и пытается активно способствовать или противодействовать внешним обстоятельствам, планировать и ставить цели жизни, изменять ради их достижения окружение и себя самого» [2]. В то же время преобладает ученый, который, реализуя свои способности к научному поиску, придерживаясь внутринаучных норм исследовательской деятельности, воздерживаясь от плагиата и прочих видов нарушения этоса науки, не задумывается о последствиях возможных открытий, о деформирующем влиянии доминирующих

ценностей на направленность своего научного поиска, о своей зависимости если не от конкретной политической идеологии, то от тотальной власти духа «деньгизма». Но к наиболее удручающим последствиям науку ведет массовизация профессии ученых: возникает феномен маскарадного деятеля в науке: человек случайно идет в науку (на Западе и у нас причины такой случайности могут быть разными: от «наука – это престижно» до «родители посоветовали», «на производстве труднее», «если не в аспирантуру – то в армию», но суть проблемы это не меняет), берется за разработку случайной темы («научный руководитель сформулировал», «на кафедре предложили», «с этой темой скорее защитишься»), не имея зачастую ни необходимых способностей, ни, что гораздо важнее, мотивации научной деятельности, в том числе и стремления придерживаться внутринаучных запретов на компиляцию, плагиат и т.п.. Впоследствии такой человек в основном имитирует исследовательскую активность, иногда вполне успешно: ее фиктивность не бросается в глаза на фоне массовизации науки и нарастания формальности в оценке научно-исследовательской деятельности. В результате возникает «порочный круг»: снижаются возможности научного сообщества к противодействию негативным явлениям.

Таким образом, основными факторами, деформирующими личность ученого в современном обществе, являются господствующая система ценностей, в частности, ценности материального успеха, и массовизация профессии ученого. Результатами влияния этих факторов становится нарастание разрыва между «этосом науки» и все чаще противоречащими ему реальными характеристиками личности ученого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердян, А.Г. Психология науки / А.Г.Аллахвердян, Г. Ю. Мошкова, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский. – М., 1998 .

2. Мошкова, Г.Ю. Биографический метод и проблема психологии личности ученого/Г.Ю.Мошкова//http://library.by/portalus/modules/psychology/print.php?subaction

УДК 1

О СУЩНОСТИ УБЕЖДЕНИЙ И РОЛИ ФИЛОСОФИИ В ИХ ФОРМИРОВАНИИ

П.И. Вдовиченко
ЧУО «БИП − Институт правоведения»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются сущность и условия формирования убеждений и отличие последних от веры и суеверий.

The essence and conditions of formation of convictions, their difference from religion and superstition are studied in this article.

Каждому человеку приходится занимать определенную позицию по отношению к другим людям и событиям. Целостность его духовному облику придают убеждения, прежде всего, нравственные. Они позволяют согласовывать свои мысли и действия, идеалы и практическое поведение. Убеждения являются рациональной основой нравственной деятельности личности, позволяющей ей совершать тот или иной поступок с разумным пониманием его целесообразности и необходимости.

Без убеждений люди подвержены чужим влияниям. Им трудно быть принципиальными в своих суждениях и последовательными в действиях. Только убежденные люди непоколебимы в своих намерениях. Они хранят верность и другим людям, и самим себе.

В справочных изданиях убеждение иногда отождествляется с верой и уверенностью. Например, в «Философской энциклопедии» вера определяется как «слепая убежденность» [1, с.240]. Обычно акцент делается на то, что убеждения и вера в своей сущности почти не отличаются. Следует отметить, что эти понятия, действительно, в чем-то сходны. И убеждения, и вера служат промежуточным звеном между знанием и практическим действием. Они управляют поступками человека. Поэтому очевидно, что не только убеждения, но и вера необходимы человеку. Например, приступая к операции, хирург в определенной мере верит в ее благополучный исход. Это вселяет надежду.

Следует отметить, что без веры само бытие человека становится проблематичным. «Без веры, – писал выдающийся психолог и социолог Эрих Фромм, – человек теряет надежду и боится самого своего существования» [2, с.133]. Фромм считает, что без веры человек становится пустым. Однако человеку нужна не только вера, но, как уже отмечено, и убеждения. И в логическом плане эти понятия существенно различаются. Их различие состоит в том, что они по-

разному относятся к знанию, и, прежде всего, – к научному., на основе которого вырастают. Научное знание – это проверенный практикой результат познания действительности, ее верное отражение в сознании человека.

Вера является психологической установкой. Это переживание воображаемого как реально существующего. Такое переживание обусловлено наличием у человека стремлений и желаний. В воображении происходит построение конечного результата предметной деятельности. Очевидна значимость этого процесса. Вера, таким образом, может быть положительной ценностью для человека, однако не всякая вера. Существуют так называемые суеверия, то есть вера в то, что некоторые явления и события – это проявление сверхъестественных сил, от которых зависит и настоящее, и будущее. Многие люди не подвергают свои мнения суду разума. Они верят даже вопреки своему практическому опыту, игнорируя наблюдаемые ими факты, которые убедительно опровергают их мнения. Такие люди являются суеверными. Их взгляды могут быть поколеблены при столкновении с реальностью и научным знанием.

Убеждения, в отличие от суеверий, имеют четкие рациональные критерии истинности, доказательности. Они отличаются своей прочностью.

Другими словами, убеждения – это твердые мнения, опирающиеся на жизненный опыт человека и научные данные. Выработка убеждений – это необходимое условие активного участия человека в жизни общества. Убеждения являются итогом жизненного опыта и могут выступать в качестве критерия оценки. С позиций своих убеждений человек оценивает явления как достойные или недостойные, справедливые или несправедливые, нравственные или безнравственные, истинные или ложные и т.п. Значимость убеждений поэтому очевидна.

Вместе с тем, следует отметить, что если убеждения возникают под влиянием ограниченного жизненного опыта, низкой образованности и культурности, неправильного воспитания, то и они могут быть ложными. Знания, ставшие убеждениями, являются глубоко и всесторонне осмысленными, выношенными, выстраданными. Они требуют активной работы мысли и несовместимы с искушением легко и просто принять на веру расхожие идеи и догмы. Еще древнегреческий философ Аристотель отмечал, что «тот, кто обозревает немногое, легко выносит суждение» [3, с.139].

В формировании убеждений особенно велика роль философии. Этот вид духовной деятельности имеет целью достижение наиболее

полного представления о мире, осмысление места человека в нем. Философский ум оценивает и систематизирует принесенные опытом жизни знания, сведения. У тех, кто соприкасается с философской мудростью, особенно в юном возрасте, т.е. в период становления личности, формирование убеждений приобретает особые психологические формы. Ускоряется процесс выстраивания мировоззрения. В раздумьях, в пламени философского сомнения проверяются принесенные жизненным опытом идеи, переживания, различные точки зрения и нравственные установки. В итоге постепенно складывается система убеждений, которые являются признаком духовной самостоятельности личности. Это во-первых.

Во-вторых, философствующий ум на протяжении всей жизни постоянно продолжает проверять, уточнять те мнения и взгляды, которые человек уже принял или намеревается принять. Обращаясь к философии, человек может проверить себя, убедиться в правильности или ложности стихийно выработанной жизненной практической мудрости.

Однако было бы ошибочным считать, что достаточно лишь обратиться к любой философии и принять рекомендации ее авторитетов, и сразу же возникнут правильные убеждения. Дело в том, что одни и те же жизненные факты в разное время представителями различных философских течений и мировоззрений получали и получают в наше время не одинаковое толкование и оценку.

В первую очередь, это можно отнести к концепциям, которые касаются понимания сущности человека, основных целей и смысла его жизни. Например, сторонники диалектико-материалистического направления и философы-идеалисты предполагают существенно различающиеся решения проблемы человека, иногда прямо противоположные. Приверженцы материализма всегда останавливают внимание на богатстве реальной земной жизни, на ценностях созерцаемой и осязаемой действительности. Философы-идеалисты, напротив, ориентируют на признание потусторонних, сверхъестественных ценностей. Поэтому не следует некритически воспринимать мудрые мысли различных философских направлений и школ. Философские учения развивались на основе конкретного исторического опыта, отражали в себе черты той или иной культуры. Идеалы, выдвигаемые философами, также носили не вечный, а конкретно-исторический характер.

Вместе с тем во многих великих философских учениях прошлого было и есть непреходящее, общечеловеческое. Оно содержит в себе итог духовных поисков и самопознания человека. Например,

древнегреческий философ Сократ – родоначальник метода отыскания истины – считал, что есть «одно только благо – знание, и одно только зло – невежество» [3, с.243].

Бесспорно, что знания, как проверенные практикой результаты познания действительности, как ее верное отражение в сознании человека – это великое благо или добро. Только такие знания непоколебимы и становятся убеждениями.

Невежество, необразованность, неверное отражение действительности, различные суеверия – это то, что противоположно благу. Оно является препятствием для оптимальной ориентации человека в мире и его личной жизни.

Из всего изложенного, таким образом, следует, что:

во-первых, без убеждений полноценная активная личная и общественная жизнь человека является проблематичной;

во-вторых, выработать систему убеждений – это значит научно и философски осмыслить мир, понимать свое место в мире, свое призвание и цель;

в-третьих, не следует отождествлять веру с суевериями. Вера в определенных обстоятельствах является положительной ценностью;

в-четвертых, в выработке убеждений особенно велика роль диалектико-материалистической философии и философских учений прошлого, содержащих непреходящее, общечеловеческое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философская энциклопедия. В 5 т. Т.1. М., 1960. – 504 с.
2. Фромм, Э. Психоанализ и этика/ Э.Фромм. - М.: Республика, 1993. – 415 с.
3. Великие мысли великих людей. В 3 т. Т.1. Древний мир. Сост.А.П.Кондрашов М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 512 с.

УДК 1

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДЖ. ОСТИНА И ДЖ. СЕРЛЯ

Е.Ф. Гонгало

Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрена теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля в качестве значимой части лингвистической прагматики и осуществлен компаративный анализ концепций этих философов. Становление теории речевых актов проанализировано в контексте перехода от логического анализа языка к лингвистической философии.

J. Austin’s and J. Searle`s theory of speech acts as a significant part of linguistic pragmatics was considered. Comparative analysis of the concepts of these philosophers was performed. Theory of speech acts was analyzed in the context of transition from logical analysis of language to linguistic philosophy.

Теория речевых актов является важной составной частью лингвистической прагматики. Она возникла в русле аналитической философии, которая характеризуется пристальным интересом к сущности языковой реальности и ее связью с объектами действительности. М. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн были убеждены, что структура языка может непосредственным образом соотноситься со структурой окружающего мира. Таким образом, согласно референциальной теории значения, язык является «проективным изображением» реальности и существует целый ряд слов, так называемых «простых символов», значение которых сводится к референции – указанию на объект. Предложения, включающие эти слова, могут быть истинными или ложными в зависимости от их соответствия или несоответствия действительности.

К середине XX века происходит постепенный отход от логического анализа. К примеру, Л. Витгенштейн, по-прежнему рассматривая философию как деятельность по исследованию языка, отказывается от цели создания идеального языка. Он сосредоточивает внимание на изучении обыденного языка и прояснении механизмов его употребления и семантики. В "Философских исследованиях" Л. Витгенштейн вводит понятие языковой игры, понимаемой им чрезвычайно широко: как формы языкового взаимодействия по определенным правилам. Смысл же языковой единицы он отождествляет со множеством ее употреблений в рамках языкового взаимодействия. Идеи Л. Витгенштейна и «философия здравого смысла» Дж. Мура легли в основу лингвистической философии, которая получила развитие в кембриджском (Дж. Уисдом) и более всего в оксфордском университетах (Г. Райл, Дж. Остин, Дж. Серль, П. Ф. Стросон, П. Грайс).

В лингвистической философии, по сравнению с философией логического анализа языка, происходит переосмысление целей и методов исследования. Основным объектом рассмотрения в рамках лингвистической философии выступает уже не научный, а обыденный язык. Один из известных представителей оксфордской школы, Дж. Остин, считал, что основной задачей философии является прояснение выражений обыденного языка, подразумевающее, в частности, анализ неверного употребления языка.

В своих лекциях, изданных впоследствии под названием «Как производить действия при помощи слов?», Дж. Остин обращается к распространенному заблуждению, что «утверждение» может только «описывать» положение вещей или «утверждать нечто о каком-либо факте», который при этом должен быть либо истинным, либо ложным»

[3, с. 15]. Если же обратиться к практике повседневной речи, то вполне очевидно, что язык можно использовать для совершения разнообразных действий: отдавать приказы, приносить извинения, давать обещания, выдвигать предположения, предупреждать кого-то, порицать, приветствовать и т.д. Такие высказывания означают не простое произнесение слов, они ничего не констатируют, а предполагают совершение действия – являются частью поступков и действий (например, "Вы уволены", "Собрание откладывается", "Завещаю наручные часы старшему брату"). Дж. Остин предложил назвать их перформативами.

Осмысление видов «утверждения» привело Дж. Остина к формированию теории речевых актов. В качестве речевого акта выступает минимальная целостная единица речевой деятельности. Субъект речевого акта производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его слушающим. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. Следовательно, речевая активность предполагает процесс общения определенных индивидов, в котором помимо высказывания осмысленных выражений имеет место интерактивное воздействие коммуникантов друг на друга.

Дж. Остин выделяет три уровня (или аспекта) речевых актов:

- локутив – это речевой акт сам по себе, предложение с его грамматической структурой и значением;
- иллокутив – это намерение говорящего, заключающееся в речевом акте;
- перлокутив – это воздействие, которое речевой акт оказал на собеседника.

Дж. Остин предпринял попытку классифицировать иллокутивные акты: выделил в словаре глаголы, которые обозначают действия, производимые при говорении (глаголы 1-ого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения) и разделил их на пять подгрупп. Подобная классификация достаточно груба и уязвима для критики, т.к. группы пересекаются друг с другом, и не всегда очевидно, почему именно этот глагол относится к той или иной группе. Однако Дж. Остин весьма предусмотрительно не претендовал на истину в последней инстанции: «…после выделения этих групп остаются широкие возможности маргинальных или неудобоваримых случаев, или того и другого вместе. Бехабитивы беспокоят меня тем, что они слишком неоднородны, экспозитивы – тем, что они невероятно многочисленны и важны, а также тем, что их легко перепутать с другими классами, хотя, безусловно, они обладают определенной

уникальностью, хотя в чем она заключается, даже я не могу дать себе отчета» [3, с. 123]. Скорее всего, он преследовал методологическую цель – создание общей теории, помогающей прояснять особенности функционирования слов в языковой практике.

Дж. Сёрль развил предложенную Дж. Остином теорию речевых актов, сосредоточив свое внимание на изучении иллокутивных актов. Серль солидарен с теми философами, которые утверждают, что знание значения слова есть просто знание правил его употребления. Важно то, что не символы, не слова и не предложения, а именно их производство, т.е. иллокутивный акт, составляет сущность языкового общения. Субъективное намерение говорящего фундировано не только намерением, но и конвенцией, связывающей само выражение намерения со значением слов. Для того, чтобы последовательность звуков была воспринята окружающими как просьба, обещание, предупреждение, совет необходимо существование в этом обществе некоторых конвенций употребления или правил. Намерение говорящего сводится к определенной иллокутивной цели, т.е. установки на ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании.

Классификация речевых актов Дж. Серля, как и классификация Дж. Остина, да и большинство других классификаций языковых явлений не дает разбиения множества на непересекающиеся классы. Существуют речевые акты, обладающие признаками, характерными для разных иллокутивных классов, и образующие, так сказать, «смешанные» типы. Едва ли можно считать это недостатком теории, это скорее специфика самой языковой реальности, которая не приемлет жесткого схематизма. Язык, как живой организм, не статичен, он развивается и накапливает множество многозначных смыслов и значений.

Теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля не противостоят друг другу, а скорее последовательно раздвигают рамки лингвистического анализа. Вклад Дж. Остина заключается в описании специфики перформатива по сравнению с констативом и рассмотрение иллокутивного акта в трехуровневой схеме речевого действия. Иллокутивным актам и иллокутивным функциям (сила), не изученным в классической лингвистике и риторике, уделяется основное внимание в теории речевых актов. Дж. Остин убежден, что понимание того, как функционирует повседневный язык, дает углубленное понимание реальности. Обыденный язык выступает важным объектом исследования, как некий концентрат всего культурного развития, резервуар опыта многих поколений. В итоге внимание

концентрируется не на отвлеченной метафизической проблематике, а на фактических проблемах функционирования языка в обществе: «Всякая речевая деятельность в любой речевой ситуации есть единственный актуальный феномен, который в конечном счете мы призваны прояснять» [3. с. 123]. Дж. Серль так же считал, что основное назначение языка не в описании объектов действительности, а в осуществлении целенаправленных действий. Получается, что исследование языка предполагает, прежде всего, обращение к иллокутивным актам – действиям, которые мы совершаем посредством произнесения некоторой фразы. Это позволило рассматривать высказывания не в терминах истины/лжи, а в терминах интенций и конвенций. Что, в конечном итоге, ведет к отказу от корреспондентской теории истины в пользу прагматических, конвенциональных трактовок.

Дж. Сёрль не опроверг, а развил предложенную Дж. Остином теорию речевых актов. Классификация Дж. Серля, как и классификация Дж. Остина, имеет в своей основе иллокутивно-перформативный критерий: основанием для выделения пяти типов речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля стала иллокутивная сила выражения и ментальное состояние отправителя информации. В своих последующих работах Дж. Серль вывел теорию речевых актов на более высокий теоретический уровень, обосновывая идею репрезентативного содержания языка соответствующей концепцией сознания. Подобная онтологическая основа свидетельствует о том, что речевые акты не существуют в отрыве от действительности, сами по себе, а именно благодаря связи языка с миром, осуществляется связь сознания с миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кронгауз, М. Критика языка / М. Кронгауз // Логос. – №3. – 1999. – С. 133-146.

2. Мигунов, А.И. «Условия искренности» Дж. Серля как обязательное условие успешности коммуникации / А.И. Мигунов // Образование. Коммуникация. Ценности. (Проблемы, дискуссии, перспективы). По мат. круглого стола «Коммуникативные практики в образовании», 19 ноября 2004 года; под ред. С.И. Дудника. – СПб., 2004. – С. 30-33.

3. Остин, Дж. Как производить действия при помощи слов? / Дж. Остин // Избранное. Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М., 1999. – 332 с.

4. Серль, Дж. Логический статус художественного дискурса / Дж. Серль // Логос. – №3. – 1999. – С. 34-47.

5. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kant.narod.ru/searle.htm – Дата доступа: 02.02.2006.

УДК 378

ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р.Н. Дождикова
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются проблемы и перспективы философии XXI века, а также особенности ее преподавания.

The article deals with the problems and perspectives of contemporary philosophy and special features of its study.

Известный австрийский биолог и философ, лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц говорил о том, что «любая опасность становится менее страшной, если изучены ее причины» [1, с. 4]. Философия XXI века должна исследовать причины эпидемии духовных болезней в современном обществе и указать пути его оздоровления. По мнению К. Лоренца, причинами инфантильности молодежи, «унификации взглядов, какой до сих пор не знала история», «кондиционирования» человека в течение его онтогенеза, утраты способности к рефлексии, «обесчеловечивания» являются «восемь смертных грехов цивилизованного человечества»: перенаселение, опустошение жизненного пространства, бег наперегонки с самим собой, тепловая смерть чувства, генетическое вырождение, разрыв с традицией, индоктринируемость и ядерное оружие. Так, «вытеснение размышления» и «лихорадочная страсть к шуму» связаны с «очевидной неспособностью современного человека хотя бы ненадолго остаться наедине с самим собой», с «необходимостью что-то заглушить», например, голос совести. Люди как будто «боятся, что размышление откроет им какой-то ужасный автопортрет, подобный описанному О. Уайльдом в книге «Портрет Дориана Грэя». … Боязливая спешка и торопливый страх в значительной мере повинны в потере человеком своих важнейших качеств. Одно из них рефлексия» [1, с. 18]. Необходимо развивать у молодых людей способность к рефлексии, ибо «существо, переставшее рефлектировать, подвергается опасности потерять все …свойства и способности, специфические для человека» [1, с. 18].

Одной из духовных болезней современного общества является «неофилия». «Пресыщенные люди охотятся за все новыми раздражениями. Эта «неофилия» охватывает едва ли не все отношения к предметам внешнего мира, на которые человек вообще способен. Для человека, пораженного этой болезнью культуры, любая привлекательная вещь – пара ботинок, костюм или автомобиль – очень

скоро теряет свою привлекательность, точно так же как возлюбленная, друг или даже отечество» [1, с. 25]. Тепловая смерть чувства связана с тем, что большинство людей стремится к удовольствиям и избегает страданий. Но тот, «кто избегает страдания, лишает себя существенной части человеческой жизни. Болезненное уклонение от неудовольствия уничтожает радость» [1, с. 24], например, «радость преодоления препятствий». Таких людей окружает «мелкая зыбь невыразимой скуки» [1, с. 58]. Разрыв с традицией ведет к тому, что молодежь относится к старшим как «чуждой этнической группе, выражая им свою национальную ненависть» [1, с. 59]. Аппарат традиции осуществляет «в развитии культуры ту же функцию, какую геном выполняет в изменении видов. Сохранение не просто так же важно, но гораздо важнее нового приобретения» [1, с. 37].

Выдающийся французский этнограф, антрополог, философ и социолог Клод Леви-Стросс (1908-2009), учитывая ситуацию, сложившуюся в мире, науке и образовании, заявил: «Либо 21 век будет веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще». Это означает, что в постиндустриальном обществе, именующем себя «обществом знания» (knowledge society) необходимо сделать акцент на развитии гуманитарного знания, связанного с осмыслением проблем настоящего и будущего мира, науки и человека, расширить поле преподавания философии и других гуманитарных наук в университетах и других учебных заведениях. В университетах необходимо ввести такие гуманитарные дисциплины, как «философская антропология», «философия науки и техники», «планетарная этика», «риторика», «религиоведение», а также «история философии как история человеческой мудрости». Отказ от изучения истории философии ведет к разрыву традиции, к утрате «почвы», из которой произросли все другие науки. Гегель говорил: «Подобно тому, как Антей получает прилив новых сил через соприкосновение с матерью – землей, всякий новый подъем и развитие науки и образования происходит из обращения к древности», к истории философии [2, с. 399]. Для студентов университет – «alma mater» - «мать-кормилица», питающая знаниями. Согласно Гегелю, «самый благородный питающий материал в самой благородной форме – золотые яблоки в серебряных чашах – содержится в произведениях древних в несравненно большей степени, чем в любых других произведениях какого-либо времени и нации» [2, с. 404]. Говоря о значении истории философии для развития науки, А. Эйнштейн, закончивший в свое время Федеральное высшее политехническое училище, заявил, что если бы он изучал философию И. Канта, то открыл бы свою теорию относительности раньше. Не

устарела и диалектика Гегеля, которая является методологической основой, способом решения сложных научных и жизненных проблем. Так, по утверждению академика В.С. Степина, философия Гегеля является той «матрицей», которую осваивает современная наука (например, синергетика). Поэтому необходимо выделять больше учебных часов на ее изучение. Кроме того, необходим рейтинг преподавателей и, соответственно, система их поощрения. Как утверждает Д. Белл в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования»: «Основное внимание общества знания будет сосредоточено на заботливом отношении к таланту» [3, с. 463]. «Общество, не выдвигающее лучших людей во главу своих основных институций, в социологическом и моральном отношении абсурдно» [3, с. 613].

Эффективным средством решения встающих философских и жизненных (хозяйственных) проблем являются конкурсы. Различного рода конкурсы помогают не только выявлять эвристические возможности и способности студентов, но и более адекватно оценивать их знания. Использование принципа обратной связи («эффекта Пигмалиона») в процессе преподавания философии и других гуманитарных дисциплин ведет к постоянному развитию и саморазвитию, соревнованию «умов и талантов», развитию инициативности, самостоятельности и ответственности в значении английского responsibility, т.е. компетентности, серьезности, надежности [4, с. 191]. В вузах преподаются определенные «дисциплины», которые требуют «дисциплины» самих студентов. «Дисциплина дисциплины» предполагает известное «послушание» студентов [4, с. 209], определенную культуру поведения, способствующие продуктивному усвоению учебного материала, развитию самоорганизации учащихся, преодолению инфантильности, которая, по утверждению Конрада Лоренца, может быть обусловлена генетически [1, с. 59]. Использование инновационных технологий (рейтинговой системы оценки знаний, системы конкурсов и презентаций, метода «мозговой атаки» и др.) в процессе преподавания философии и других гуманитарных дисциплин стимулирует творческую активность студентов, помогает избавиться от «комплекса Ионы» – страха перед самореализацией, неверия в свои силы, позволяет рассматривать свои страхи, уныние и депрессию как некий вирус, от которого можно излечиться, выполняя какую-либо творческую работу, реализуя свои таланты. Необходимо развивать в студентах способность отвечать на поставленные вопросы и задачи и

даже в этом смысле быть ответственным за то, что они делают и то, что они не делают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоренц, К. Оборотная сторона зеркала / К. Лоренц // Пер. с нем. под ред. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – 393 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет в 2-х т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1972. - Т.1.
3. Белл, Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» / Даниел Белл // Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 783 с.
4. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье // Сост., общ. ред и предисл. Н. А. Шматко. – М.:Socio – Logos, 1993.- 335 с.

УДК 141.319.8

ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕОЕВГЕНИКИ

В.В. Карпинский

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Анализируется современный этап развития неовгенеики в связи с бурным прогрессом высокотехнологичных средств биомедицины. Выявлены некоторые философско-гуманитарные аспекты антропологических исследований.

The modern stage of development of neoevgeniki is analysed in connection with stormy progress of hi-tech facilities of biomedicines. Some philosophical humanitarian aspects of anthropogenetic researches are exposed.

Проблема человека и его здоровья в начале XX1 столетия приобретает особую научную и аксиологическую актуальность. Это связано в первую очередь с глубинными экотехнологическими переменами в мире под воздействием достижений НТР, а также со многими другими факторами, вызывающими негативные социальные и экологические последствия. Повышение уровня радиации, экологические яды, мутагены и канцерогены в окружающей среде – все это и другие факторы способствуют накоплению вредных мутаций, и, как следствие, ухудшению здоровья, различным психическим отклонениям, патологиям.

Полноценное существование человека, обеспечение его здоровья оказываются под угрозой. Многие исследователи выражают беспокойство: не приведут ли данные условия нарастания глобальных проблем и предельно обострившейся экологической ситуации к вымиранию человеческого рода? Так вновь возникает соблазн евгеники: нельзя ли все же как-то избежать рождения больных и

неполноценных детей, улучшить человеческую породу при помощи новейших высокотехнологичных средств биомедицинской науки? Опасения в связи с реальностью «второго пришествия» евгеники (неоевгеники) на новом витке развития науки приобретают сегодня все более настойчивое звучание [1, с. 163].

Основной постулат евгенизма, по мнению И.Т. Фролова, базируется на утверждении, что природа наделила человека «рядом отрицательных, детерминированных генетически признаков, которые имеют решающее значение для его социального поведения и которые необходимо устранить генетическими методами» [2]. И.Т.Фролов считал, что евгенику нельзя смешивать с перспективами генной инженерии: «если евгеника говорит о необходимости улучшения человеческой природы путем селекции и скрещивания на уровне человеческих популяций, то в генетической (генной) инженерии речь идет о вмешательстве в деятельность аппарата наследственности на уровне макромолекул и клеток. Ее задача (по крайней мере в обозримом будущем) значительно уже, чем создание организмов с заранее запланированным улучшенным набором генетических признаков» [3].

Однако за последние 10-15 лет генетика сделала новый качественный рывок вперед. Появление принципиально новых технологий, позволяющих активно манипулировать с генами и их фрагментами и обеспечивающих адресную доставку новых блоков генетической информации в заданные участки генома, стало важным событием в биомедицине. Уже сейчас, на нынешнем уровне знаний о геноме человека теоретически вполне возможны такие его модификации с целью улучшения некоторых физических (например, рост), психических и интеллектуальных параметров. Таким образом, можно предполагать, что биомедицина на своем новом витке развития вернулась к идее улучшения человеческой породы, когда-то постулированной английским ученым Ф.Гальтоном и развитой его учениками и последователями.

При попытке «социального управления эволюцией человека» возникает множество вопросов. Какова природа наследственности, которую неоевгеника стремится трансформировать? Насколько успешно и какими способами можно ее изменить? На какие цели должна ориентироваться неоевгеника и какими методами можно достичь эти цели? Представляется, что на современном этапе любые попытки обосновать возможность создания нового человека путем различных генетических проектов его селекции являются

некорректными в естественнонаучном отношении и недостижимыми с точки зрения их практических последствий.

На современном этапе вызывает тревогу неопределенность и потенциальная опасность медицинских, социальных и моральных последствий внедрения новых генных технологий воздействия на механизмы наследственности человека. Сегодня специалисты вновь говорят о возможности улучшения человеческой породы, достаточно реальной в связи с возникновением технологии клонирования, генного трансфера или путем подбора соответствующих герментативных клеток при экстракорпоральном оплодотворении. В этой связи, по мнению Е.Н.Гнатик, пристального внимания заслуживают следующие вопросы: кто и с какой целью имеет право и (или) обязанность проводить генетические тестирования, «принимать решения о разрешении или недопущении клинической реализации того или иного патологического генотипа, о его участии в репродукции, а также о целенаправленном изменении данного генотипа? А какими будут демографические и социальные последствия медицинского прогнозирования? Не слишком ли честолюбивой является мечта о том, что человек распространит свой контроль на собственную эволюцию с целью не просто поддержания целостности вида, но его улучшения и изменения по своему разумению? Имеем ли мы на это право, обладаем ли соответствующей квалификацией для этой творческой роли [1, с. 166]?

В начале третьего тысячелетия человечество стремится заплатить меньше за собственное благополучие - взять под контроль собственные генетические процессы и вносить коррективы не ценой жизни носителя неблагоприятных мутаций, а «подправляя» их генетические тексты по собственному желанию, черпая знания при исследованиях генома. Однако каков идеал человека, который «надо создавать» генетическими методами? А как избежать в такой работе политических вкусов, субъективизма экспертов и неизбежной стандартизации человечества? Ответа на это нет.

Создается впечатление, что в целом ряде искушений человека относительно управления окружающим миром особо выделяется его претензия на творчество, или на творение живых форм. Опасность появления неуправляемой генетической евгеники представляет одну из острых проблем, порождаемых достижениями генетики. Сегодня ученые обеспокоены таким вопросом: оправдан ли риск внесения в генофонд изменений? Биологи справедливо отмечают, что «мы еще не знаем всей сложности системы взаимодействия генов и их регуляции и, заменяя один «больной» ген, можем нарушить работу других и тем

самым вместо ожидаемой пользы принести вред, а может быть, и гибель человеку как виду» [4]. Позиция ряда ученых предполагает даже запрещение некоторых типов исследований в этой области, поскольку существует реальная возможность использования их во вред человечеству. Специалисты считают, что само знание здесь потенциально настолько опасно, что его вообще не следует делать широко доступным.

Представляется, что «здоровое» ядро евгеники будет развиваться. Это, как справедливо считал И.И.Канаев, «идея о том, что человечество на основе науки должно разумно контролировать свое размножение, заботясь об улучшении качества своих биологических свойств» [5]. Цели молекулярной и медицинской генетики – освободить генотип человека от вредных наследственных задатков и обогатить его ценными для физического и умственного развития генами. Сходные задачи ставили перед евгеникой ее основатели, а также многие достойные последователи. Таким образом, можно заключить, что академическая стадия развития евгеники, о которой говорили ее основоположники, сегодня еще не завершена. Вместе с тем следует четко отличать научную возможность от реальной практики, которая не может руководствоваться абстрактными предположениями и требует конкретного определения социальных условий реализации той или иной идеи.

В принципе, по мнению Е.Н.Гнатик, существует вероятность того, что в отдаленном будущем перед человечеством откроется реальная перспектива изменения в желаемом направлении его биологической природы [1, с. 172]. Реализация проектов изменения биологической природы человека если и возможна, то лишь на завершающей стадии «века биологии». А поэтому использование методов направленного изменения генетического субстрата – дело неопределенного будущего. В современных же условиях неоевгенические проекты неприемлемы. В этой связи вполне актуальным является вывод, к которому пришел в свое время И.Т. Фролов: « Есть ряд оснований предполагать, что вообще эта задача, которую ставит перед собой позитивная евгеника, не будет актуальной ни с научной, ни с социальной точек зрения по крайней мере еще очень длительное время, так как человечество может успешно развиваться и на имеющейся генетической основе. Когда же эта задача станет актуальной, человечество найдет достойные формы ее решения и будут выработаны разумные, благородные, гуманные способы практического применения науки о прогрессивном изменении наследственности человека. Но для этого нужны соответствующие разуму и гуманности

социальные условия, которые породят и новый этос науки. Именно это и позволит решать в будущем проблемы его биологического совершенствования в соответствии с тем идеалом, который создавался человеком на протяжении истории в мифах и утопиях, и который он утвердит в будущем как результат синтеза науки и искусства, разума, добра и красоты» [6].

Альтернативой этому должно стать широкое распространение знаний о наследственных болезнях и развитие сети медико-биологических консультаций. Нельзя не согласиться со специалистами, считающими, что « в наши дни основная задача медицинской генетики – управлять проявлением наследственных изменений в ходе развития ребенка: создавать адаптивную среду для исключения или снижения заболеваемости, нетрудоспособности и смертности, обеспечивать высокое качество жизни для каждого человека в соответствии с его генотипом» [7]. Прогресс генетики человека непременно позволит найти эффективные пути оказания помощи людям с наследственными заболеваниями, осуществить ряд медико-биологических мероприятий, направленных на улучшение адаптивных возможностей человека.

Весьма важно видеть социально-философские аспекты антропогенетических исследований, их гуманистическую направленность, исключающую манипуляторские подходы к человеку и исходящую из уважения его свободы и уникальности. Уберечь генофонд человечества, всячески защищая его от рискованных вмешательств, и при этом извлечь максимальную выгоду из уже полученной бесценной информации в плане диагностики, профилактики и лечения многих тысяч наследственно обусловленных недугов – вот главная задача антропогенетики и медицины, которую необходимо решать уже сегодня.

Необходимо также отметить, что появление новых генетических технологий заставляет критически оценить существующий уровень философской и этической теорий. Такие фундаментальные понятия как жизнь, смерть, право на жизнь, смысл жизни и многие другие оказались недостаточно разработанными. А ведь только философия и этика еще могут помешать исследователям ставить знак равенства между тем, что технически возможно, и тем, что является нравственно оправданным и приемлемым. Конечно, до выработки окончательных вариантов решений еще очень далеко, но поиски постоянно продолжаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнатик, Е.Н. Генетика человека: былое и грядущее / Е.Н. Гнатик. – М.: ЛКИ, 2010. – С.163.

2. Фролов, И.Т. Перспективы человека / И.Т.Фролов. –М.: Политиздат, 1983. – С.242.
3. Фролов, И.Т. Там же, с.243.
4. Фаворова, О.О. Лечение генами – фантастика или реальность? / О.О.Фаворова // Соровский образовательный журнал. – 1997. – № 2. – С.24.
5. Канаев, И.И. Фр. Гальтон / И.И.Канаев. – Л.: Наука, 1972 – С.128.
6. Фролов, И.Т. Философия и история генетики / И.Т. Фролов, М.: Наука, 1988. – С.286–287.
7. Гершензон, С.М., Бужиевская, Т.И. Евгеника: 100 лет спустя / С.М.Гершензон, С.М. Бужиевская // Человек. – 1996. – № 1. – С.25.

УДК 001(430)

НАУКА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ

В.И. Левин
Пензенская государственная технологическая академия
г. Пенза, Российская Федерация

Рассмотрены основные процессы и особенности развития науки в нацистской Германии. Раскрывается причина кризиса науки в стране.

The main processes and features of science development in Nazi Germany are discussed. A reason of science crisis in country is disclosed.

Недавно в статье «Ситуация в немецкой науке при нацистах» [1] ее авторы констатировали, что в 1933-1945 годах «1) немецкая система образования обеспечивала подготовку научных кадров весьма высокого уровня; 2) успеху развития немецкой науки способствовала достаточно широкая автономия университетов» и т.д. В предлагаемой нами работе показано, что на самом деле нацистское правление привело науку Германии к катастрофе невиданного масштаба, от которой страна так и не смогла оправиться. Эта история весьма поучительна.

Германия издавна была страной науки. Уже в эпоху Средневековья немецкие университеты были широко известны в Европе и считались образцовыми учебными заведениями, куда стремились за образованием юноши из многих стран. Когда Петр I создавал в России Академию наук и первый в стране Петербургский университет, то большую часть кадров для них он привлек из Германии. Эта связь науки России и Германии сохранилась до начала XX века. Многие выдающиеся русские ученые получили образование в немецких университетах (энциклопедист М.В. Ломоносов, физики П.А. Лебедев и А.Ф. Иоффе и др.).

Наступление XX века ознаменовалось дальнейшим развитием немецкой науки, особенно в сфере математики, физики, химии,

физиологии, медицины, техники, а также философии, социологии, психологии и т.д. Начавшееся в 1901 г. присуждение Нобелевских премий подтвердило положение Германии как ведущей в мире научной державы [2]. В начале 1930-х годов в Германии проживало 32 нобелевских лауреата – больше, чем в любой другой стране мира!

Приход к власти Гитлера в 1933 году коренным образом изменил ситуацию в Германии и, соответственно, положение в ее науке. Во-первых, началось систематическое вмешательство новых властей в университетскую жизнь с целью побудить ученых заниматься прикладной тематикой, необходимой нацистам для подготовки страны к новой войне. Тем самым была нарушена главная заповедь ученого: «Науки не терпят принуждения» (Устав Московского университета в редакции М.В. Ломоносова, 1755 г.). Во-вторых, нацистское руководство, уже разделившее население страны на «арийцев» и «неарийцев», с ограничением прав последних, попыталось провести это разделение и в сфере науки. Этим был нарушен другой фундаментальный принцип науки: «Наука интернациональна» или, говоря языком А. Эйнштейна, «наука не может быть немецкой или еврейской, она может быть только правильной или неправильной». В-третьих, были предприняты энергичные попытки привлечь ученых к решению задач идеологического оправдания национал-социализма. Тем самым был нарушен третий фундаментальный принцип науки: «Наука занимается поиском истины. Оправдание (обоснование) того, что уже принято в качестве истины априорно, не ее дело». Нарушение нацистским руководством Германии основополагающих принципов, на которых строится всякая наука, имело катастрофические последствия для науки Германии.

С 1933 года, т.е. с момента прихода к власти Гитлера, началась массовая эмиграция немецких ученых. Она продолжалась до 1940 года. В итоге произошло разрушение крупнейших, всемирно известных немецких научных школ, и Германия утратила способность выполнять крупномасштабные научно-технические проекты.

Крупные промышленные концерны Германии вследствие «утечки мозгов» из страны в течение 1930-х годов лишились большой части своих ведущих ученых и специалистов. В этих условиях они вынуждены были свернуть крупные научные исследования, которые проводились в предшествующие годы, и перейти к выполнению текущих научно-технических разработок по заданиям правительства, связанных с войной.

Многие немецкие ученые самых различных специальностей в период с 1933 по 1945 год запятнали себя активным сотрудничеством с

нацистским режимом. Это сотрудничество было разнообразным и включало в себя: принятие учеными предложения занять важные академические посты (декан, ректор, директор института) на условиях, продиктованных режимом; проведение официальной государственной кадровой политики, предполагавшей «очищение» университетов от ученых и профессоров неарийского происхождения; пропаганда государственной, нацистской идеологии; доносы на коллег «не того происхождения» или «не тех взглядов»; участие в государственных программах исследований и разработок в интересах проводившейся фашистской Германией войны (в том числе, программах, запрещенных международными законами).

Двенадцатилетнее правление в Германии нацистов, их политика в отношении науки и активное сотрудничество многих немецких ученых с нацистским режимом нанесли непоправимый урон науке Германии и ее престижу в мире.

Приведенные факты не означают, что в Германии в период нахождения у власти фашистов полностью прекратились серьезные научные исследования, не связанные с военными целями. Например, известный химик Р. Кун продолжал исследование ферментов и витаминов группы B, открыл гамма-каротин, за что в 1938 году ему присудили Нобелевскую премию; биолог К. Фриш занимался изучением поведения животных (пчел, положив начало новой науке – этологии, за что в 1953 году получил Нобелевскую премию; химики О. Ган и Ф. Штрассман и физик Л. Мейтнер (последняя была в это время в эмиграции в Швеции) в 1938 году открыли деление ядер урана под действием нейтронов, за что О. Ган получил в 1945 году Нобелевскую премию. Однако такие разработки немецких ученых были скорее исключением из правил на фоне бедственного положения «традиционной» чистой науки в третьем рейхе, вызванного неуважительным отношением к ней нацистских властей и постоянным давлением на нее. Наиболее ярким примером такого отношения может служить введенный Гитлером в 1936 году запрет на любые контакты граждан рейха с Нобелевскими комитетами. Из-за этого запрета немецкие ученые, награжденные Нобелевские премиями во времена нацизма в Германии, были вынуждены, под давлением гестапо, отказаться от получения наград. Награды были вручены им лишь после окончания Второй мировой войны и краха нацистского режима.

Заканчивая эту статью, отметим главное. Гитлеровский нацистский режим нанес Германии огромный экономический, политический и психологический ущерб, ввергнув страну в мировую бойню и причинив ее народу неисчислимые страдания. Немецкий

народ сделал правильные выводы из постигшей его катастрофы и после Второй мировой войны решительно отказался от своего нацистского прошлого, отвергнув любые возможные проявления политического радикализма. Это позволило возродить в стране демократическое общество и построить мощную экономику. Однако наука в послевоенной Германии оказалась на несравненно более низком уровне, чем в донацистские времена. И нетрудно понять почему. 90 лет назад, оценивая итоги первой мировой войны и Версальский договор, согласно которому на Германию были наложены огромные контрибуции, выдающийся немецкий химик Нобелевский лауреат Фриц Габер – еврей и страстный патриот Германии – сказал, что «в Германии остался один капитал, который невозможно отобрать никакими репарациями. Этот капитал – интеллектуальный потенциал немецких ученых». Ситуация после Второй мировой войны оказалась принципиально иной, поскольку большая, активная часть немецкого научного потенциала во времена нацизма покинула Германию и не возвратилась в нее после войны, когда нацизм был повержен. Так что в превращении Германии после 1945 года во второразрядную научную страну виновен нацизм и сами немцы, которые его поддерживали (а они составляли большинство).

Эта печальная история является поучительной для всех стран и народов. Ведь если даже Германия – страна Гете и Гегеля, Гаусса и Гильберта – смогла в течение нескольких лет опуститься из цивилизации в варварство, то ни одна страна и ни один народ не застрахованы от подобного поворота своей истории, когда уже не до науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капитонов Е.Н., Капитонов И.Е. Ситуация в немецкой науке при нацистах // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2008. – Т. 14. – № 2. – С. 409–415.

2. Чолаков В. Нобелевские премии. Ученые и открытия. – М.: Мир, 1986. – 368 с.

УДК 17:61

ЭТИКО-ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Л.И. Лукьянова
УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются этико-деонтологические проблемы медицинской науки в третьем тысячелетии. В центре внимания – новые технологии современной медицины, появление новых медицинских практик, ставящих ряд новых, неведомых прежде этических вопросов. В работе анализируется основной спектр наиболее обсуждаемых в современном обществе проблем в условиях технизации медицины и обосновывается объективная необходимость поиска философского фундамента как основы понимания и осмысления происходящих перемен.

In the present article the ethical and deontological problems of medical science in the third millennium are examined. The focus of attention is on the new technologies of modern medicine, emergence of the most recent medical practices raising a number of new, formerly unknown ethical questions. In the paper consideration is given to the basic spectrum of problems most discussed in a modern society in conditions of technicalization of medicine, and objective necessity of a search for interpretation and perception of arising changes is rationalized.

Бурное развитие научно-технического прогресса в XXI веке, врастание новых технологий в повседневную жизнь современного общества, угрожающе изменяющего ее формы и традиции, особенно остро ощущается в последние годы. Подобная ситуация побуждает к поискам философского фундамента как основы понимания и осмысления происходящих перемен, выявление действительных возможностей науки, выработки требований, направленных на повышение ее моральной ответственности.

Это в полной мере относится к современной медицине в связи с использованием новых технологий, обсуждением возможных последствий применения современных методов лечения и медикаментов. Методики трансплантологии, вживления искусственных органов, «асексуальное размножение», «суррогатное материнство» – все эти достижения заметно обогатили арсенал средств борьбы за человеческую жизнь. Однако каждое из этих понятий – реальная единица т.н. «этического минного поля», которое новые технологии создают для современной культуры. Ведь темпы развития медицинской науки сами по себе не обеспечивают качественных изменений в жизни и деятельности человека. И сегодня остается актуальным наблюдение, сделанное в свое время Л.Н. Толстым, который отмечал, что «в медицине то же, что и во всех науках: ушла

далеко без проверки, немногие знают ненужные тонкости, а в народе нет здоровых гигиенических понятий».

Вместе с тем профессиональные проблемы, составляющие предмет специального внимания врачей, организаторов здравоохранения, представителей закона, в последние годы привлекают внимание специалистов различных отраслей знания.

Более того, обсуждение применения новых технологий медицины давно вышло за рамки национальных границ, привело к созданию не только национальных комитетов по биоэтике, но и межправительственных объединений и исследовательских центров. При этом многие исследователи отмечают, что сегодня наблюдается тенденция решать этические проблемы «по-американски» – разработать и ввести этические кодексы, создать институты аттестации, лицензирования и т.п. [1, с.14]. Существует, однако, опасность, что такого рода комитеты лицензирования и аттестации могут превратиться в очередные «кормушки» вроде техосмотра автотранспорта. В процессе обсуждения выявилось множество сопутствующих проблем, продиктованных различными жизненными ситуациями. К ним относятся – желание иметь ребенка без учета естественных биологических циклов родителей; потребность родителей в ребенке, продиктованная не только желанием иметь детей; неустранимая роль отца; право быть матерью; наследственность и тайна и др.

Немало ученых-представителей различных наук могли бы сказать по этому поводу свое заинтересованное слово, вынести компетентные рекомендации. Однако, в первую очередь, это должны сделать философы, поскольку их предметом является человек, его сознание и самосознание, мировоззрение и мироотношение.

На первый план при этом выходят вопросы нравственно-этического порядка, которые в настоящее время оказались отодвинутыми даже не на вторые, а гораздо более второстепенные места и лишь в последние годы некоторые из них начинают выдвигаться для обсуждения. Подобное состояние дел не может оцениваться как нормальное.

Переживаемая сегодня ситуация порождает такое состояние научного творчества, которое повторяется в истории один-два раза в тысячелетие. «Как же отнестись к этой массированной атаке на человека? – отмечал известный философ, исследователь философских проблем биоэтики И.Н. Смирнов. – Она, правда, ещё не развернулась, но разведотряды, уже ведут активный и глубокий поиск, сигнальная

ракета, по которой должно начаться наступление – в патроннике, курок взведён» [2, с. 96].

Определяющим мировоззренческим контекстом «новых технологий» медицины является либеральная идеология с её высшими ценностями «прав и свобод» человека и их метафизически-материалистическим обоснованием и пресловутой «свободой выбора» того или иного медицинского вмешательства. При этом игнорируются традиционные правила медицинской этики, складывавшиеся веками. Технизация медицинской деятельности объективно требует повышения внимания к её гуманитарному компоненту.

В третьем тысячелетии перед медицинской наукой встаёт ряд важных и часто спорных вопросов. Весь список данных проблем возглавляет следующая тройка – проблема клонирования человека, эвтаназия, искусственное оплодотворение и искусственное прерывание беременности. Большинство учёных достаточно сдержанно относятся к каждой из них. Так, рассматривая клонирование человека, многие обращают внимание на то, что эта проблема, в первую очередь, этическая. Человек, вторгаясь в сферу бытия, за которую не ответственен в силу своей природы, порождает ситуацию непредсказуемости подобных шагов. Ведущей основой терапевтического клонирования являются исследования в области выращивания так называемых «стволовых клеток», которые появляются на 4-5 день развития организма и представляют собой своего рода строительный материал, восстанавливая его функции и играя роль «скорой помощи». Именно эта сторона терапевтического клонирования приводится в качестве аргумента в пользу его разрешения, так как это поможет сохранить жизнь сотням и тысячам естественнорожденных. Однако, как и все новые технологии, эта технология может принести не только пользу человеку, но и чревата серьёзными этическими проблемами.

Следующая проблема – эвтаназия, которая возникла не сегодня и не вдруг, а обсуждалась с глубокой древности и уже тогда вызывала многочисленные споры среди медиков, юристов, социологов, психологов и др. Отношение к умышленному ускорению смерти неизлечимого больного, даже с целью прекращения его страданий, никогда не было однозначным. Со времён Гиппократа и до наших дней традиционная врачебная этика включает в себя запрет: « Я никому, даже просящему об этом, не дам вызывающее смерть лекарство, а также не посоветую это». И хотя в наше время существуют суждения « за» и «против» эвтаназии, хорошо известно, насколько велика возможность ошибки, когда врачи строят свои прогнозы. Более того,

подобно гильотине, эвтаназия может попасть в руки людей менее человечных, чем её изобретатели. Рассматривая болезнь с позиций синергетического подхода в медицине, следует отметить, что любой биологический организм необходимо сочетает в себе как провоспалительные, так и противовоспалительные механизмы и, следовательно, подтверждается универсальность синергетического метода, действенного не только в естественных, но и биологических науках, в том числе и в медицине. Использование синергетического стиля мышления позволяет по-новому взглянуть на проблемы болезни и здоровья.

Вопросы этики искусственного оплодотворения – это проблемы отношения к началу человеческой жизни. Общественное сознание порождает весьма яркие эпитеты этой новой медицинской технологии: «новая технология размножения», «техногенное производство людей», «асексуальное размножение». В оборот входят понятия – «торговля репродуктивным материалом», «продукция оплодотворения», «суррогатное материнство» и т.п. Среди многих опасений применения «искусственного оплодотворения» одним из самых важных является опасение возникновения культурологических, демографических сдвигов в результате изменения структуры семейно-брачных и родственных отношений. Относительно проблемы искусственного оплодотворения необходимо подчеркнуть, что разнообразные этические вопросы связаны с индивидуальными и общественными суждениями о надлежащем поведении в области продолжения рода. Кроме общих глобальных вопросов биомедицинской этики (зачатие in-vitro, генетическая рекомбинация с помощью банков зародышевых и ингредиентов и др.) важную роль начинают играть не только сугубо научные моменты, но и этические конфликты и противоречия. Главный из них связан с тем, чтобы определить, в какой мере в соответствии с существующими законами пациент подвергается терапевтическому риску.

Таким образом, биоэтические проблемы медицины дают богатейший материал для работы философской мысли, поскольку именно в них нарочито обнажается и приобретает сверхчувствительность то, что именуется душой, совестью, долгом, ответственностью – всё то, что объединяется ёмким понятием морали и нравственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этические проблемы психологических исследований и психологической практики. Круглый стол // Человек. – 2002. – № 5.

2. Смирнов И.Н. Философские проблемы биоэтики // Вопросы философии. – 1987. – № 12..

УДК 130

АНОМИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВА РИСКА

Т.И. Малиновская

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена рассмотрению общества риска и взаимосвязанных с ним явлений аномии и потребительства.

The article is devoted to the analysis of risk society and phenomena of anomie and consumption.

Риски сопровождают человечество с момента его возникновения, но особую значимость они приобретают на рубеже веков, в условиях возрастания социальной динамики, когда общество столкнулось с расширяющимся потоком явлений, угрожающих существованию цивилизации. Современные риски порождены развитием производительных сил, технологий, прогрессом науки и принципиально превосходят те, которые существовали ранее. Они обладают универсальным характером и формируют качественно новые социально опасные ситуации. «Экологический кризис, антропологический кризис, всё ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение всё новых и новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – всё это побочные продукты техногенного развития» [2, с. 8].

Риски возникают в индустриальном обществе, ориентированном на бесконечный рост потребления. Можно сказать, что капиталистическое общество имеет в своей основе всё увеличивающееся воспроизводство рисков, поскольку оно основано на росте потребления. У. Бек в своей работе «Общество риска. На пути к другому модерну» относит к такому типу общества и социалистическое: «Тогда возникнет общество, в котором взрывные силы рисков отобьют у каждого желание гнаться за прибылью, основательно отравят ему это удовольствие. Именно такая возможность иллюстрирует нашу главную мысль: индустриальное общество, как капиталистическое, так, кстати, и социалистическое, систематически производит угрозу самому себе накоплением и экономическим использованием рисков» [1, с. 42]. Следовательно, общество риска может возникнуть только на базе определённых ценностных установок, лежащих в основе типа культуры. В качестве одной из них можно рассматривать бесконечный рост потребления товаров и услуг, что приводит к формированию феномена потребления

как жизненной установки, определяющей деятельность большинства людей. Эта позиция потребительского отношения к жизни в условиях глобализации начинает распространяться, а зачастую даже навязываться под эгидой ценностей либерализма другим типам цивилизаций, что ещё больше увеличивает воспроизводство рисков и делает их универсальными и цивилизационными.

В ситуации, когда стремительные изменения в экономической, политической и социальных сферах разрушают установленный порядок и сложившиеся социальные связи, человек оказывается в пустом социальном пространстве, лишенным ориентиров, т.е. ценностных и нормативных шкал. Отсутствие идеалов, как долговременных устойчивых ориентиров, приводит к разочарованию в смысле жизни, усталости, скуке. Это приводит к формированию потребительского отношения к жизни, поскольку наличие идеала создаёт необходимое напряжение, препятствие, которое стимулирует интерес и желание человека совершенствоваться, стремиться вверх. Кроме того, утрата идеала зачастую приводит к попытке создания искусственных препятствий, которые позволят ощутить жизнь насыщенной и интересной. Именно стремление потребить как можно больше товаров и услуг разнообразного качества становится своего рода суррогатом счастливой и осмысленной жизни. В итоге идея совершенствования заменяется идеей накопительства, приобретения. А нравственность подменяется «моралью потребительства».

Потребление угрожает целостности и стабильности современного общества. Оно стало не просто стремлением к удовлетворению потребностей, а страстью, закабаляющей человека. Потребление из средства превратилось в самоцель человеческого существования. Но, как любая страсть, оно становится зависимостью и вместо удовольствия начинает причинять страдания. Так как удовлетворение в принципе невозможно, то потребление приводит к разочарованию. Ведь целью является не удовлетворение потребности, а сам процесс потребления. Кроме того, бесконечное потребление благ и удовольствий приводит человека в тупик гедонизма – чем больше удовольствий, тем меньше их ценность, значимость, и тем меньшее удовольствие они доставляют. Мораль потребления приводит человека к экзистенциальному кризису, потере смысла собственного существования, а следовательно, обессмысливает и существование других людей, лишая его ценности. Человек, который находится в этом состоянии, не способен функционировать в качестве полноправного члена общества, так как его одиночество носит онтологический, а не субъективный характер. Одиночество становится стилем жизни

современного человека, что, как указывает З. Бауман, характеризует современное общество как индивидуализированное. Индивидуализированное общество – это общество индивидов, отделённых друг от друга, одиноких, не ощущающих связи с другими. Разрушение связей, одиночество, потребительство, безответственность, дисперсия ценностей, потеря смысла жизни – всё это реальные угрозы существованию человечества.

Но именно потребительская мораль является причиной индивидуализации и безответственности применительно как к отдельному индивиду, так и ко всему обществу. Различные типы риска связаны с потребительской моралью как главным источником социально безответственного поведения, поскольку установка на потребление и гедонизм угрожают безопасности природы и общества.

Нестабильность, рискованность современного общества во многом вызвана и таким феноменом, как аномия. Это кризисное, «болезненное» состояние общества, которое характеризуется рассогласованностью основных регуляторов социальной структуры – ценностей, отсутствием четкой системы норм; поэтому зачастую аномию рассматривают как «безнормность». Действительно, одним из признаков современного общества является отказ от правил, от традиций и ценностей. Но правила, в том числе морали, создают условия и возможности существования общества. Именно их наличие позволяет обезопасить нашу жизнь, вносит в неё некую стабильность. В обществе риска нет правил, нет доверия и нет коллектива – поэтому в нём есть риски, одиночество и отсутствие взаимоответственности.

Современное общество – индивидуализированное общество, где каждый индивид обособлен, одинок и безответственен. Каждый заботится о собственном благополучии, которое понимается как благополучие, достигаемое «здесь» и «сейчас». «Но с культурой неограниченного индивидуализма, в которой ломка правил становится единственным правилом, связаны серьезные проблемы: распад общих ценностей представляет собой потерю социального капитала – основы консолидации общества, без которой оно не может существовать» [4, с. 16].

Социальная аномия, присущая современности, разрушает чувство причастности индивида к обществу, поскольку чувство социальной сплоченности, являющееся движущей силой морали индивида, ослабевает или полностью разрушается. Человек не является сдержанным в силу своих нравственных норм, так как их для него не существует. Кризис нравственности является фоном современной общественной жизни. Проявления этого можно усмотреть как в сфере

нравственной деятельности, так и в сфере нравственного сознания. Сплошь и рядом мы сталкиваемся с нарушениями норм морали, но удивительно то, что многие даже не осознают безнравственности своих действий.

Эта ситуация делает общество практически беззащитным, неспособным предложить сколь-нибудь существенные альтернативы нарастающим угрозам и рискам. Ведь сама проблема рисков возникает, в частности, в связи с увеличением вариантов выбора с непредсказуемыми последствиями. В обществе риска человек не имеет перед собой просчитанных, апробированных вариантов решений, что позволило бы ему осознавать степень риска и последствия в случае неудачи. Более того, он вынужден выбирать за всё общество, а это требует способности и готовности принять на себя ответственность за будущее всего человечества.

Следовательно, человек, принимающий рискованное решение, должен ощущать свою солидарность с другими членами общества, чтобы иметь право на это ответственное решение. Основой консолидации индивида и общества являются базовые для данного типа общества ценности. Можно предположить, что именно базовые ценности и могут стать основанием для формирования ответственности, поскольку ответственность предполагает осознание как личной, так и социальной ценности объекта риска.

Возникновение общества риска можно рассматривать и как угрозу существованию человеческой цивилизации, и как вызов, требующий ответа для дальнейшего её развития. Можно сказать, что общество риска стимулирует размышления и создаёт предпосылки для изменения базовых ценностей общества в целях осуществления перехода к новому типу цивилизационного развития. В таком случае одной из главных задач общества можно полагать формирование индивида, способного противостоять тенденциям индивидуализации, кратковременности отношений, аномии, безответственности, потребительству; индивида, способного гармонизировать эпизоды собственной жизни и ощутить их взаимосвязь с эпизодами жизни общества.

«Таким образом, строя цивилизацию Третьей волны, мы должны преодолеть приступы одиночества. Нам также следует начать создание структуры порядка и цели в жизни. Ибо смысл, структура и общность – это взаимосвязанные условия построения будущего, в котором можно жить. Осуществить эти цели нам поможет понимание того, что социальная изоляция, обезличивание, бесструктурность и ощущение бессмысленности, от которых в настоящее время страдает так много

людей, – это, скорее, симптомы развала прошлого, а не знаки будущего» [3, с. 599].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 105 с.
2. Стёпин, В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В.С. Стёпин // Социология. – 2006. – № 2. – С. 3-14.
3. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 1999. – 776 с.
4. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В.Г. Федотова // Социология. – 2006. – № 1. – С. 12-31.

УДК 1(075.8)

ФИЛОСОФИЯ КАК САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ПОСРЕДСТВОМ РАЗУМА

С.Ф. Мартынович

ГОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

г. Саратов, Российская Федерация

В данной статье рассмотрены возможные следствия для профессиональной деятельности философов, вытекающие из понимания философии как процесса самоопределение человека, общества, человечества в современном мире посредством разума.

In given article are considered possible effects for professional activity of philosophers, resulting from understanding of philosophy as process self-determination of a person, society, mankind in modern world by means of reason.

Философия как определенное мышление *бытия*, как осмысление *опыта бытия* человека в мире есть исторический процесс самоопределения человека, общества, человечества посредством разума. Разумное отношение к миру, к социально-историческому и персональному опыту есть природа и предназначение философии. Прояснение этого статуса философии предполагает как переосмысление её истории, так и определение целей и задач, стоящих перед философией.

Переосмысливая философию сегодня, мы предполагаем, что современное состояние философии есть процесс и результат рациональной реконструкции её истории, её исторического бытия. Рациональное отношение к прошлому опыту традиции можно понимать как открытость философии по отношению к собственной истории. Это – во-первых.

Другим аспектом открытости философии является реализация потенциала традиции мышления бытия в качестве осмысления *современного* опыта бытия человека в мире, что можно понимать как открытость философии по отношению к настоящему состоянию универсума, к современности. Это – во-вторых.

Из данных двух аспектов открытости философии следует возможность её обращения к осмыслению будущего состояния универсума. Философия в этой связи может быть понята как открытость к конструированию будущего состояния человека, общества, человечества. Это – в третьих.

Философское учение концептуализирует свой предметный универсум, выражая его посредством понятий. Понятийность есть телесность философии, философского учения. Это утверждение является результатом осмысления опыта исторического бытия философии как традиции мысли. Мышление в своей философской определенности есть инструмент философствования. Философское мышление, как и мышление вообще, предметно. Связь мысли о предмете и предмета мысли необходима и для философского мышления. Исторически философия самоопределялась как мышление бытия, как мышление мышления. Та и другая версии философии опираются на определенные предпосылки. С точки зрения предметности философского мышления такими предпосылками являются опыт бытия и опыт мышления.

Философия, являясь определенным мышлением, может рассматриваться как понятийный синтез определенного опыта бытия человека в мире, как своего рода продуцирование принципов философских учений или концептогенез. Она применяет различные методы философствования. Методы философии, в разное время или одновременно примененные традицией для осмысления опыта бытия человека в мире, обладают длительной историей своего существования. Они имеют для философии транс – эпохальное значение. Так, догматический и скептический методы реализуются в философии исторически одновременно с ее становлением. Они оказываются актуальными и для современного состояния философии.

Размышление философии о философии, философии о самой себе является условием возможности существования философии как особой культуры мысли. Темы начала и понятия философии, проблемности и методологичности, концептуальности и предметности философствования естественным образом возникают на пути самосознания философии.

Понимание философии как исследования природы вещей, как познания вечного, непреходящего сущего, как науки о первых причинах и началах вещей, как пути для достижения счастья посредством разума, свойственно античной традиции. Позиционирование философии как мирской мудрости, основанной на естественном свете человеческого разума; как единой науки, существующей в форме понятия; как трансцендентальной истории самосознания, как учения об абсолюте; как науки о разуме, постигающем самого себя, характеризует осмысление предметности и проблемности новоевропейского философствования.

Понимание философии как исследования соотношения мышления и бытия человека, как изучения универсальных законов природы, общества и мышления, как стратегии переоценки всех ценностей культуры, как процедуры прагматического улучшения опыта, как анализа языка, как герменевтики бытия понимающего, как рефлексии культуры помечает пути самосознания современной философии.

Философия как феномен культуры есть символическое, аксиологическое и деятельностное опредмечивание мысли. Символическая природа философии опредмечивается в языке в виде письма и речи. Возникая на основе культуры письма, философия существует и в изустной форме в качестве речи. Философия осознается как конструирование и деконструирование, как аналитическая деятельность, как деятельность по преобразованию опыта, как деятельность по продуцированию смыслов культуры.

Осмысление опыта исторического бытия философии показывает, что философствование архетипично. Архетипами философствования, то есть способами мышления бытия и осмысления опыта бытия (в греко-европейской традиции), явились *объективность, субъективность и интерсубъективность*.

Размышление над этим вопросом в исторических условиях мифологического сознания ведет к метафизике. Понятие первой философии, определенное Аристотелем, поименованное традицией термином *метафизика*, прояснило исходный смысл метафизики. Она стала рассматриваться как вид теоретического познания (наряду с физикой и математикой), определенность которого первоначально была зафиксирована предметно: первая философия существует лишь постольку, поскольку существует *сверх-природный* мир. Наделение этого мира определенными качествами привело к тому, что метафизика в виде первой философии стала пониматься как учение о сверх-природных и потому сверх-чувственных принципах бытия и познания. В истории догматической философии метафизика толкуется как

подлинная философия, обладающая возможностью сверхопытного познания. Сверхопытность, неэмпиричность рассматриваются как семантические и эпистемические характеристики высказываний метафизики. Метафизические высказывания не могут быть выведены из эмпирических высказываний посредством индукции. Они являются продуктом творческого понятийного воображения. Метафизика в этом смысле есть своеобразная поэзия понятия. Ее принципом является не эмпирическая проверяемость, не верифицируемость или фальсифицируемость, а свобода мысли, сущностным проявлением которой выступает обращенность мышления к самому себе.

Развитие человеческого разума приводит к возникновению научного духа, который формирует в человеке добродетель осторожного воздержания, мудрую умеренность, свойственную в большей мере практической жизни, чем жизни теоретической. Тот, кто не прошел школы различных убеждений, не усвоил уроков развития разума, тому трудно понять, что могут существовать и другие мнения. В культуре разума, усвоившего уроки скептицизма и релятивизма, освоившего строгие методы научного исследования, догматический пафос обладания безусловной истиной уступает место более мягкому пафосу научного поиска.

Человек вкладывает ценности в вещи, придаёт вещам человеческий смысл. Оценивать – значит созидать мир оцененных вещей. Архетип интерсубъективности предзадаёт понимание нередуцируемой роли языка в развитии мышления, познания. Является ли влияние грамматических функций языка на наше мышление, в том числе философское, автономным? Возможно, что идеи философии не являются просто копиями наших впечатлений. Они функционируют в языке, который предлагает свои формы для конструирования мыслей.

Коммуникативная природа философии интерсубъективности обнаруживается в понимании основного вопроса философии. Вопросы о том, *Что есть сущее? Что есть человек?* уступают место вопросам, *Кто мы? На что мы можем надеяться?* Дискурс чтойности заменяется дискурсом «ктойности». В нем элиминируется понятие сущности, устраняется оппозиция явления и вещи в себе, что ведет к преодолению метафизического удвоения мира. Метафизика уступает место социально-коммуникативным процессам, например, политике. В контексте дискурса «ктойности» *философия будущего* исходит из практического, проективного отношения конкретного эмпирического человека к миру. Философия понимается как глобальный разговор, ведущий к возникновению принципиально нового мирового сообщества, мировой культуры. Вопрос *Кто мы?* требует не

предсказания будущего, а его *проекта*. Спрашивать, кто мы, значит, спрашивать, какое будущее нам следует попытаться совместно построить.

Ценности и смыслы, как единство теории и практики, философии и жизни определяют суть философии интерсубъективности. Они обладает онтологическим статусом, который не редуцируется ни к субъективности, ни к объективности.

Философия интерсубъективности есть продукт постметафизического мышления. Ее предмет – жизненный мир как эмпирический мир становления. Изменение – его логос, его закон. Изменчива и предметно ориентированная проблематика философия интерсубъективности. Способность к коммуникации становится синонимом разумности. Разумность и есть способность к коммуникации. Практический разум, его моральное содержание, систематически обращенное к идее справедливости, есть средство интер-культурных и кросс-культурных коммуникаций, определяющих движение к коммуникативному сообществу.

Исследование коммуникативности также актуализирует необходимость понимания механизмов смыслопорождения. В связи с этим код, кодирование, декодирование вовлекаются в содержания философского и семиотического поисков. Семиотическая структура кода есть динамическое отношение, спонтанно или сознательно функционирующее в культуре и социальной практике. Исследование социальности, как становящегося единства бытия и сознания общества, ее объективности и субъективности предполагает поиск кодов культуры, структурирующих ее знаковое разнообразие. Многообразие кодов культуры в социуме представлено в качестве виртуального текста. Текстуальная реальность герменевтична. Исследование смыслопорождения как атрибута текстуальности приводит к осмыслению условий его возможности. Дискурс есть то нечто, которое непосредственно относится к условиям возможности смыслопорождения. Дискурс как категория философии культуры и философии общества соотнесен с категориями традиции и рациональности. Практики смыслопорождения, опредмеченные в культуре и социуме, контекстуально отнесены к традиции культуры и типу рациональности социального мышления и бытия, жизни общества. Дискурс может быть осмыслен как интертекстуальный способ смыслопорождения. Отношение дискурса и традиции состоит в том, что традиция есть социальный механизм сохранения и трансляции структуры дискурса в культуре общества.

Понимание философии в целом как процесса самоопределения человека, общества, человечества в современном мире посредством разума предполагает непрерывный усложняющийся анализ/синтез современного опыта бытия человека в мире в контексте архетипически конституированной традиции философствования, что имеет определённые последствия для профессиональной деятельности философов.

УДК 316.32

КРИЗИС ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Л.Л. Мельникова

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу процесса идентификации на постсоветском пространстве в условиях глобализации. Автор рассматривает специфические черты данного процесса и формы его проявления.

The article is devoted to analysis of identification process in the post-soviet countries in the conditions of globalization. The specific features of this process and the forms of identification are outlined in this work.

Поиск смысла жизни является одной из важнейших экзистенциальных характеристик личности. И хотя жизнь человека имеет биологическое измерение, ее сущность определяется в первую очередь содержащимися в ней социальными и культурными смыслами. Важную роль в обретении таких смыслов играет процесс идентификации. Проблема идентификации – далеко не новый тренд в пространстве социально-гуманитарных исследований, однако в периоды глубинных изменений социума она приобретает особую остроту. Анализируя данную проблему в контексте постсоветской реальности, естественно предположить, что в условиях продолжающейся системной трансформации и системного кризиса общества, а также растущего влияния глобализационных процессов идентичность и идентификация существенным образом видоизменяются и приобретают новые формы. В данной статье предпринимается попытка выявить специфику идентификации в постсоветском обществе (речь идет, главным образом, о ситуации в России и Беларуси) в условиях глобализации.

Рассматривая феномены идентичности и идентификации на постсоветском пространстве, исследователи диагностируют их кризис

как на индивидуальном, так и коллективном уровнях. Кризис индивидуальной идентичности означает, что личность утрачивает ощущение своей целостности, а также целостность восприятия собственной жизни и судьбы. Кризис идентификации проявляется в том, что «Я» *перестает отождествлять* себя с некоторым определенным сообществом. Это нарушает процесс *установления связи субъекта с социальным целым* и ускоряет нарастание социальной нестабильности.

Основным показателем кризиса коллективной идентичности является существенное уменьшение числа людей, сознательно причисляющих себя к определенной коллективной реальности, которую они раньше поддерживали.

На постсоветском пространстве кризис идентичности был обусловлен не только разрушением прежних социальных и политических структур, он оказался напрямую связанным с деформационными процессами в сфере культуры. И это не случайно – трансформация и разрушение культурных образцов всегда сопровождаются изменениями во внутреннем мире личности, поскольку значительная часть того, что думают и чувствуют индивиды, а также значительная часть их представлений о себе формируется под влиянием культуры, к которой они принадлежат.

Духовный кризис, охвативший постсоветские страны, в качестве одного из компонентов содержал в себя кризис аксиосферы: кризис идеалов коммунизма и коммунистической идеологии. Вследствие этого из духовного пространства общественной жизни и из культуры в целом исчез унифицирующий, интегративный компонент – метанарратив, если воспользоваться понятийным аппаратом постмодернистской парадигмы. Под влиянием глобализационных процессов кризис системы ценностей в постсоветском обществе приобрел особую остроту, поскольку в деформированное ценностное пространство стремительно ворвались ценности западной массовой культуры, что значительно ускорило *фрагментаризацию аксиосферы*. Возникла сложная ситуация, когда в пространстве одной конкретной культуры одновременно начали функционировать диаметрально противоположные ценностные компоненты и координаты. Это свидетельствовало о появлении феномена *диссеминации аксиосферы*, который ранее был характерен только для западного общества. Анализируя последнее обстоятельство, французский философ Жан Бодрийяр отмечал, что «прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей, как мы мечтали, но к рассеиванию и запутанности ценностей» [1, с. 17].

Кризисное состояние духовной сферы привело к разрушению практически всех прежних традиций, обеспечивающих сохранность коллективной памяти. В свою очередь, исчезновение такой памяти, всегда сопровождается крайне негативными социально-психологическими последствиями: личность начинает чувствовать себя оторванной от своих корней, не связанной с предшествующими поколениями и их судьбой – происходит разрыв межпоколенческих уз. Неприятие общего прошлого дополняется утратой веры в общее будущее.

В ситуации духовного кризиса не только у отдельного субъекта, но и у целых социальных групп возникает ощущение прерывности истории. Более того, в период социальной трансформации негативное восприятие прошлого не только поддерживают, но и инициируют политические элиты, утверждая, что предшествующее историческое развитие было ошибкой, отклонением от магистрального пути и что сейчас, с их приходом, начинается подлинная история. В результате – у значительной части населения возникает желание отмежеваться от прошлого своей страны, убедить себя в том, что личная жизнь и судьба отдельного человека никак не связаны с социальными процессами. У представителей старшего поколения ощущение прерывности истории нередко дополняется ощущением того, что жизнь не состоялась, не удалась, а значит, лишена всякого смысла.

Проявления кризиса культуры и соответственно культурной идентификации стали очевидными в постсоветский период, однако предпосылки этих процессов начали складываться задолго до этого. Уже в 60-е годы XX века у значительной части населения стал постепенно формироваться «комплекс неполноценности» собственной культуры. Политическая установка «Догнать и перегнать Запад», определяющая стратегию развития социума, имплицитно содержала в себе оценку западной культуры как эталонной и совершенной, а оценку собственной культуры – как культуры второго сорта, от которой следует избавляться. К началу системного кризиса советского общества массовое сознание было частично подготовлено к отказу от прежних ценностей и восприятию новых, как впоследствии оказалось, далеко не лучших культурных образцов.

Констатация кризиса идентификации в то же время не тождественна утверждению, что процесс идентификации прекратился. Как нельзя отменить поиск личностью смыслов собственного бытия, так и нельзя прекратить процесс идентификации. Другое дело, что в современных условиях он становится иным, протекает в новых условиях: в пространстве мозаичной культуры, – где равноправно

соприсутствуют альтернативные идеологические и аксиологические системы. Идентификация в таких условиях приобретает новые формы.

Обесценивание социальных и политических структур в глазах личности, утрата культурой ядра универсальности, отсутствие конструктивной исторической и межпоколенческой преемственности заставляют индивида искать смыслы собственного бытия в границах повседневности и горизонтальных связей. И как следствие – бытовая сфера приобретает особую ценность, становится суверенной. Возникает сопричастность общему быту вместо сопричастности общему благу. На постсоветском пространстве такая *«бытовая идентификация»* получила массовое распространение. Она свидетельствовала о разрушении коллективной идентичности и разорванности «социальной ткани» общественной жизни.

Живя в обществе, осваивая культуру, личность одновременно включается в символическую среду и действует посредством нее. Сталкиваясь с реальностью, человек переживает ее, демонстрирует к ней свое отношение. В процессе переживания своего бытия личность использует символы: «символизирует» реальность, приписывая ей определенные значения, которые никогда не совпадают с их строгим семантическим определением. Разнообразие интерпретаций становится возможным потому, что все языки и языковые формы кодируют, удерживают в себе многозначность. В реальной человеческой коммуникации всегда существует зазор между символами и закрепленными за ними символическими значениями. В связи с этим вся реальность, воспринимаемая субъектом, является виртуальной. Виртуальная реальность – это реальность, переживаемая субъектом *лично* и представляемая им с помощью символов.

В пространстве современной культуры складывается иная ситуация. Благодаря средствам массовой коммуникации, сама реальность полностью воспроизводится с помощью виртуальных образов. Зазор между реальностью и виртуальностью исчезает, и именно виртуальность начинает восприниматься как единственная реальность. Возникает новый феномен – *реальная виртуальность* – мультимедийный текст, который входит в жизненный опыт личности на правах подлинной реальности. В такой ситуации субъект переживает и интерпретирует уже не реальность, а виртуальность. С реальной реальностью субъект утрачивает связь и теряет над ней контроль. Поскольку средства массовой информации обладают способностью инкорпорировать в свое пространство любые формы проявления культуры, возникает дифференциация среди их пользователей, что приводит к появлению виртуальных сообществ.

Формируется новая форма идентификации – *идентификация с виртуальным*, которая в то же время предстает как виртуальная идентификация.

В силу динамизма социальной реальности, особенно в периоды трансформации общества, субъект оказывается вынужденным менять сообщества, с которыми он себя отождествляет. В этом случае идентификация приобретает «эстафетный» характер, становится *куматоидной.* Наличие такой «скользящей», а точнее, постоянно ускользающей от субъекта, идентичности свидетельствует о том, что специфической чертой идентичности, как результата идентификации, становится *неопределенность*.

Одним из возможных векторов идентификации в условиях современных глобальных преобразований становится *«ретро-идентификация»* – возврат к первичным источникам идентичности. Указывая на это обстоятельство, Мануэль Кастельс в своей работе «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» пишет: «В мире, где господствует столь неконтролируемые и беспорядочные изменения, люди склонны группироваться вокруг первичных источников идентичности: религиозных, этнических, территориальных, национальных» [2, с. 14]. Если в современной России такой вектор идентификации хорошо просматривается в феномене «этнизации» и в возросшем интересе к религии, то в белорусском обществе, в силу незавершенности процесса формирования белорусской нации, в качестве такого первичного источника идентичности выступает территория.

Заметным явлением становится сегодня *фрагментарная идентификация*, воспроизводящая *частичную личность*, у которой сформированными и проявленными являются не все части ее «Я». Современная массовая культура активно продуцирует клише, по которым субъект может идентифицировать свое телесное или социальное «Я», оставляя практически без внимания «Я» духовное. В этом же направлении действуют средства массовой информации, постоянно напоминая человеку, каким должно быть его тело. Идентификация, ориентированная на проявленность физического «Я», как правило, сопровождается высвобождением деструктивного бессознательного, что способствует дальнейшему углублению духовного кризиса.

Подводя итог, следует отметить, что на постсоветском пространстве в условиях социальной трансформации существенным образом деформировался процесс идентификации. Он приобрел новые формы, а его основными модусами стали *модус неопределенности и*

модус фрагментарности. Это привело к изменению структуры идентичности, поскольку исчезли или существенным образом модифицировались социальные реалии, с которыми личность ранее себя отождествляла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М., 2006.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.

УДК 1 (075.8)

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИНЕРГИИ

В.И. Миськевич
УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»
г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются проблемы оптимизации белорусской социально-политической синергии.
The article deals with problem of optimization of Belarus social-political synergy

Потребности модернизации белорусского социума выдвигают перед отечественной наукой целый комплекс проблем различной степени общности и сложности. Свой вклад в их решение призваны внести философия, науки об обществе, культуре и человеке. Вместе с тем познание социокультурных объектов (систем) имеет свои особенности. Оно обусловлено, в частности, уникальностью, динамизмом и постоянной изменчивостью социальной реальности, потоком инноваций, своеобразием методов исследования, а также подверженностью социогуманитарного знания влиянию вненаучных (политических, культурных, административных, личностных и проч.) факторов. Данные обстоятельства проблематизируют статус социогуманитарных теорий, их соотношение с эмпирическим базисом. Наиболее фундаментальное исследование этот вопрос получил в концепции «идеальных типов» М. Вебера. «Идеальный тип» формируется «посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих единичных явлений…, которые складываются в единый мысленный образ» [1, с. 390]. Идеальный тип позволяет упорядочивать хаос явлений на основе определенного

ценностного критерия, который, собственно, и позволяет их понять. Ценности, в свою очередь, детерминируются «интересом эпохи». «Идеальный тип» - не «гипотеза, он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез» [там же, с. 389] для поиска «конкретных, исторически данных причин с помощью неопровержимого, полученного в ходе наблюдения со специфических точек зрения материала» [там же, с. 390].

Базовый интерес современного белорусского социума связан с построением суверенного государства и формированием нации, способной к самостоятельному историческому творчеству. Исходя из сказанного выше, эвристически интересным представляется рассмотреть проблемы отечественной модернизации с точки зрения такого идеально-типического конструкта, как «социокультурная синергия». Термин «синергия» в переводе с греческого буквально означает «со-действие», «со-трудничество», «со-работничество». Данное понятие вошло в интеллектуальный обиход европейской культуры значительно раньше, чем известное сейчас название науки о самоорганизации – синергетики. Так, наряду с термином «виртуальность» оно активно использовалось еще в средневековой философии и служило для обозначения специальных практик со-действия, сотрудничества человека и Бога. В современной философской и научной литературе используются выражения «духовная синергия», «социальная синергия» для характеристики особых состояний общественного бытия и сознания [2]. Более общим по отношению к ним «идеальным типом» (родовым понятием) является категория «социокультурная синергия». Социокультурная синергия – это системное единство образующих общество социальных групп и общностей, институтов, нормативно-коммуникативных структур, стратификаций, социальных ролей, маргинальных слоев, субкультур, функционирующих в режиме взаимодополнения, содействия и обеспечивающих его целостность и органический рост. Данное единство достигается посредством как целерациональных, институциональных, так и спонтанных, стихийных действий людей. Будучи противоположностями, они не только «отрицают» (диалектически), но и предполагают, дополняют друг друга.

Отечественная социальная и культурная динамика в исторической ретроспективе была обусловлена перманентными внешними вызовами, чаще всего несоизмеримыми по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского этноса. Эти обстоятельства деформировали процессы формирования синергийных структур и отношений в белорусском обществе.

В ситуации обретения Республикой Беларусь государственной независимости интенции социокультурной трансформации во многом зависят (и будут зависеть) от актуализации («запуска») механизмов социальной самоорганизации, преодоления исторических разрывов социальной и духовной синергии и обусловленных этими причинами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.). Исходным пунктом является здесь выбор стратегических целей и ценностных ориентаций, а также определение акторов, способов и средств их реализации.

Политико-правовые предпосылки модернизации белорусского социума определены в Конституции Республики Беларусь. Вместе с тем очевидно, что реализация на практике нормо-ценностей демократии - правового государства, верховенства закона, идеологии прав и свобод граждан – это процесс долговременный и многогранный. В качестве существенного момента он включает в себя формирование гражданского общества, его институтов и механизмов.

Особое значение в данном процессе принадлежит сфере публичного. Её можно определить как область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение, или, более строго, - как пространство общественного дискурса по поводу социально-политических проблем развития общества и государства. Мировой опыт свидетельствует: публичная сфера лишь тогда становится реальностью, когда она организуется самими гражданами и функционирует без вмешательства государства, но, естественно, в рамках закона. Её важнейшими акторами являются бизнес-сообщество, интеллектуальная элита, негосударственные объединения и ассоциации граждан, гражданская сеть формирования общественного мнения (СМИ), институты хранения и воспроизводства духовных ценностей и культурных кодов общества (например, церковь) и, last, but not least, политические партии.

В современных политических системах партии выступают основными структурами, обеспечивающими агрегацию интересов различных социальных групп. Однако необходимо учитывать принципиальное различие между состязательными партийными системами, которые действуют в режиме выстраивания электоральной поддержки, и неконкурентными авторитарными партийными системами, которые стремятся управлять обществом на основании приписывания себе некоей особой (авангардной) исторической миссии. В последнем случае, как свидетельствует историческая практика (в том числе и СССР), политические структуры не отражают глубинных

интересов общества, а социальные противоречия не получают адекватного осмысления и решения [3, с. 56].

Среди важнейших социальных функций состязательных партийных систем выделим следующие: а) артикуляция интересов общества, причем так, чтобы власть их услышала. Это важно для принятия политических решений в важнейших сферах общественной жизни; б) сведение воедино различных взглядов и воззрений и, прежде всего, правящей элиты и оппозиции; в) публичный контроль деятельности власти, в том числе в сфере экономики, социальной политики, культуре, экологии, кадровой политике и т.д.; г) влияние на формирование государственной политики в интересах общества, а не бюрократии, отдельных кланов и привилегированных групп; д) политическое просвещение и социализация граждан и др.

В Республике Беларусь становление публичной сферы, гражданского общества и его субъектов идет медленно и противоречиво. Однако, если смотреть на положение вещей в данном социальном секторе формально, то вполне можно констатировать «благополучие»: в настоящее время в нашей стране зарегистрированы и действуют 15 политических партий, 35 республиканских профсоюзов, 2253 общественных объединения. Но суть дела не в количестве, а степени их поддержки различными слоями общества, реальной независимости от государственных структур, их влиянии на общественное сознание, выработку политического курса. Не секрет, что политические партии в РБ до сих пор не превратились в сколько-нибудь значимый фактор публичной политики. Не входя в подробный анализ причин такого положения вещей, укажем только на некоторые из них.

Опыт активного политического участия различных политических сил артикулируется в партийных идеологиях, институализируется и проявляется в соответствующих политических действиях, закрепляясь в итоге в законах государства, политических традициях и политической культуре. В нашей стране этот процесс имел недолгую историю на рубеже XIX-XX вв., а затем оборвался. Возобновился он лишь с обретением Республикой Беларусь независимости. Поэтому традиции демократии и политического участия, диалога народа с властью приходится закладывать заново. Подчеркнем: доверие людей к власти, ее институтам, личности – одно, доверие к ценностям демократии, способность к самостоятельному выбору и самоопределению – другое. Сегодня авторитаризм по разным причинам востребован обществом. Ему не нужны публичная политика

и публичная сфера с ее общественными институтами, не нужны самостоятельно, тем более, критически мыслящие граждане.

Таким образом, становление партийной системы в нашей стране сталкивается с двумя серьезными препятствиями – косностью, инерцией массового сознания и противодействием (прямым и косвенным) со стороны бюрократии.

Важную роль в процессах обновления должен играть парламент – институт агрегации и выражения воли и интересов различных групп общества. Именно в его стенах политические партии имеют возможность легально и вместе с тем публично участвовать в выработке политического курса страны. Однако беспартийный парламент – это нонсенс, «круглый квадрат». Ни в одной демократической стране ничего подобного не сыскать. В рамках «нормальной» (как сказал бы Т. Кун) партийно-политической системы наряду с партийным большинством должна существовать оппозиция, обладающая институциональными, финансовыми, пропагандистскими и иными возможностями для защиты и выражения позиции меньшинства. Для превращения «так называемой оппозиции» в оппозицию реальную необходима соответствующая воля государства, в том числе в виде ряда мер по реформе политической системы. Например, представляется целесообразным внести изменения в такой ее компонент, как избирательная система. Опыт последнего времени (в том числе и последние выборы в Палату представителей), определяемый им порядок выборов практически полностью исключает партии из политического процесса. Повышению их роли и значения способствовали бы пропорциональная или смешанная системы. Необходимо также наделение парламента более широкими полномочиями, в частности, придание ему контрольных функций. Дееспособность партийной системы (т.е. активность, роль и значение политических партий) в определяющей степени зависит от ее поддержки бизнес-сообществом. В нашей стране процесс формирования класса предпринимателей с чётким осознанием им своих интересов лишь начинает развёртываться. Влияние его организационных структур на выработку и принятие либерального экономического законодательства, создание благоприятной бизнес-среды пока невелико. Но оно может стать и станет существенным в результате синергийного взаимодействия политической и экономической элит. Их полноценное становление, развитие и участие в формировании гражданского общества и публичной политики наряду с деятельностью государства является необходимой предпосылкой

оптимизации белорусской социально-политической и культурной синергии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер, М. «Объективность» социально-научного и социально-политического зния// М. Вебер. Избр. произв.- М: Наука, 1990.
2. Гуманизация духовной синергии современного белорусского общества в контексте идеологических вызовов современности / Под ред. В. И. Миськевича. – Мн: БГУИР, 2005.
3. Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, Р., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня / Г. Алмонд , Г. Пауэлл, Р. Стром, Р. Далтон. – : М: Аспект Пресс, 2002.

УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙСТВА

С.Г. Павочка

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируется проблема цивилизационного своеобразия в социально-философской концепции евразийства 20-х гг. XX века. Рассматриваются способы обоснования данного своеобразия в сфере географии, истории, культуры и политики.

In the article the problem of the civilized specific in social-philosophical concept of Eurasian current is analyzed. The ways of its substantiation in sphere of geography, history, culture and politic are shown.

В возникшей в 20-е гг. XX века в среде русской эмиграции евразийской доктрине понятие цивилизации охватывало совокупность социально-экономических явлений жизни человека и общества, связанных с самосохранением и продолжением человеческого рода. В то время как под культурой евразийцы понимали прежде всего духовную культуру, относя экономические и технологические отношения к категории быта. Основным в понятии культуры они считали религиозное чувство. Исходя из этих общих положений, мыслители подходили к анализу сущности России как особой цивилизационной общности. Россия полагалась особым географическим и культурно-историческим явлением, определяющим самостоятельную ценность русской национальной стихии. Географическая спецификация России как «континента-океана» обусловила ее отличный от Запада и Востока тип жизни и культуры. Географически и культурно она не принадлежит ни Востоку, ни Западу. Вместе с тем она и не синтез Востока и Запада как самостоятельных и самодостаточных цивилизационных типов. Не

совпадая всецело ни с Востоком, ни с Западом, Россия образует особый субконтинент – Евразию, очертания которой определяются отсечением от Европы европейской части России и исключением из Азии азиатской России. Один из главных идеологов евразийства П.Н. Савицкий рассматривал Россию-Евразию географически как совокупность трех российско-евразийских низменностей – равнин и горных стран, примыкающих к ним, в качестве определенного «географического ландшафта», «месторазвития», оказывающего значительное влияние на социально-историческое развитие [1, с. 77].

Категория «месторазвитие» отражает единство социально-исторического и географического начал, существенно отличая евразийскую историософию от других попыток осмысления своеобразия исторических путей развития России. Эта смычка истории и географии неоднократно подвергалась критике как современниками евразийства, так и современными его интерпретаторами. Евразийцы, однако, не пытались осуществить окончательный отрыв «идей» от «материала», постоянно дистанцируясь от крайних натуралистических теорий. Материальное и идеальное представляют собой диалектические моменты целостного бытия. Более того, духовная сторона евразийской культуры признавалась глубоко динамичной. Именно поэтому исследование географических начал жизни народа оказывается необходимым образом сопряжено с постановкой исторических проблем. «Месторазвитие» как категория евразийской философии истории предполагает анализ социально-исторической среды в ее взаимосвязи с географической обстановкой, в которой она «обитает». Применительно к евразийским народам П.Н. Савицкий задействует понятие «единого лона», в котором живут и движутся народы Евразии, от которого они получают импульсы дальнейшего развития и с которым сливаются в единое естественноисторическое целое. Особенности географической структуры предопределили возникновение своеобразной социально-исторической среды, уникальной цивилизационной общности – России-Евразии. Сама природа евразийского мира мало благоприятствовала появлению различного рода сепаратизмов (политического, экономического, культурного), обусловив известные отличия Евразийского континента от Европы, мозаичное и дробное строение социально-исторической среды которой вело к возникновению небольших, замкнутых и обособленных миров. Объективно природа Евразии вынуждала людей к политическому, экономическому и культурному единению в гораздо большей степени, нежели в Европе. Евразийское «ощущение континента» противопоставлялось мыслителями европейскому

«ощущению моря». Евразия оказалась отдаленной от океанического обмена, а евразийская культура – локализованной. Евразийцы полагали, что «континент-океан» должен найти «центр тяжести» в самом себе и стать экономически самодостаточным. Необходимость внешней торговли евразийцами не отрицалась, она может принимать даже весьма значительные масштабы. Но основные процессы обмена продуктами должны, по их мнению, завершаться в пределах самой России-Евразии. Принципу независимого от расстояния океанического обмена был противопоставлен принцип континентальных соседств, предполагающий сложение территориально огромного единства континентальных стран в самодостаточное целое, объемлющее сплошное пространство суши. В экономических исследованиях евразийцев достаточно отчетливо проводилась идея о том, что народы Евразии, независимо от истоков своего происхождения, объективно нуждаются друг в друге. Только при взаимной поддержке они могут образовать значительную величину мирового хозяйства. В противном случае их судьба незавидна: они станут «задворками мирового хозяйствования» по причине океанической обездоленности их «месторазвития» [2, с. 398-419].

Хозяйственное единство континента имеет под собой и определенные культурно-психологические основания, обусловленные схожим строем мировоззрения населяющих евразийское «месторазвитие» народов. Психологическая близость евразийских народов мыслителями не просто декларировалась. Выявлению культурно-психологических оснований евразийского единства были посвящены значительные исследования о роли «туранского» элемента в русской культуре. «Туранцы» в концепции евразийцев – это финно-угры, тюрки, монголы, маньчжуры. Психологический тип «туранства» реконструировался мыслителями на историческом материале тюрков, сыгравших наиболее значимую роль в истории Евразии. Тюркский психологический тип анализируется посредством приведения данных лингвистики и результатов творчества в сфере духовной культуры. Евразийцы выявили здесь достаточно интересные зависимости и параллели. Н.С. Трубецкой открывает общие структуры и принципы в совершенно различных областях культурного творчества евразийских народов. Основополагающими началами в тюркской психологии он считал душевную ясность и спокойствие. Мышление и восприятие действительности типичного представителя «туранской» психики укладываются в простые и симметричные схемы «подсознательной философской системы». Типичный «туранец» не вдается в тонкости и запутанные детали, он оперирует ясно воспринимаемыми образами,

группируя их в отчетливые и несложные схемы. В рамки этой схемы помещаются также поступки, поведение и быт. Сама «схема» при этом не осознается, уходя в подсознание и становясь основой всей духовной жизни. Следствием этого является отсутствие разлада между мыслью и внешней действительностью, догматом и бытом. Мысли, поступки и быт становятся единым неразрывно связанным целым, определяющим самодостаточность описываемого психологического типа. Указанные черты психики должны были вести к неподвижности и косности мировоззрения, но, как отмечает Н.С. Трубецкой, устойчивость и стройность системы не исключают дальнейшего творчества, регулируемого и направляемого, правда, подсознательными устоями, благодаря чему продукты творчества естественно и органически включаются в уже сложившуюся систему мировоззрения и быта, не нарушая ее целостности [3, с. 155].

Уникальность евразийской общности определяется географическим, экономическим, психологическим и культурным факторами. Именно «туранская» психология сообщила ей, по мнению евразийцев, культурную устойчивость и силу, содействовала культурной и исторической преемственности, создавала условия для «экономии национальных сил». В допетровской Руси этот психологический тип сыграл положительную роль, обусловив единство жизненного уклада, в котором вероисповедание и быт образовали особого типа целостность («бытовое исповедничество»). Государственная идеология, материальная культура, религия и искусство стали нераздельными частями единой системы, не оформленной теоретически и сознательно не артикулируемой. Этим единством «держалась» старая Русь. Поэтому то, что обычно трактуется как «раболепие» народа перед властью, с точки зрения евразийских мыслителей, в действительности является реализацией идеи беспрекословного подчинения, как главного принципа «туранской» государственности.

Осмысливая пути исторического развития России, евразийцы исходили в определении смысла русской истории из значительной роли в ней «туранского» элемента. Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский предложили масштабные реконструкции исторического прошлого России и в их контексте попытались представить ее настоящее и дальнейшие исторические перспективы. Так, Г.В. Вернадский предметом исторического познания полагал «историческое действие народа». Объективно история стихийна, представляя собой проявление заложенной в народе «жизненной энергии». Она оказывает «давление» на географическую и этническую

среду. Формирование государства и освоение народом территории поставлены им в зависимость от силы давления «жизненной энергии» и встречаемого ею сопротивления. История являет собой чередование «подъемов» и «депрессий», периодическую ритмичность государствообразующего процесса. Само же государство есть воплощение «логики географии», политически оформляющее предопределенное «месторазвитием» единство.

Одним из истоков формирования русского государства выступает у евразийцев татарская государственность. Вместе с тем она – не единственный источник его возникновения. Как внутреннее содержание, так и идеологическое обоснование русской государственности невозможно объяснить исключительно ссылкой на «туранский» элемент. В содержательном плане русская государственность определяется и другими составляющими, не находящими прямых аналогий в рассматриваемых евразийцами восточных моделях государства: византийским наследием и православием. Согласно евразийцам, подъем православно-религиозного чувства в эпоху монголо-татарского ига способствовал трансформации татарской государственности в русскую. Православие «облагородило» татарскую государственность, придало ей религиозно-этический характер, сделало ее своей через «обрусение и оправославление татарщины». В оценках мыслителей татарское нашествие на Русь явилось очередной школой жизни. Не отрицая факт татарского ига, евразийцы полагали, что оно способствовало политическому объединению русских земель. Россия вышла из-под ига государством, спаянным внутренней духовной дисциплиной. Петровская эпоха открыла дорогу «европеизации» русской жизни. Из этой эпохи, ставшей очередным, по их мнению, игом в истории российского государства, Россия вышла в начале XX века в форме СССР; сам же большевизм был ни чем иным, как результатом двухсотлетнего ига романо-германской «европеизации». Сопоставляя исторический опыт ига татарского и ига европейского, Н.С. Трубецкой предлагал оценивать их по плодам: по содержащимся в них идеалам и их осуществлением в действительности. Сравнительный анализ указанных периодов русской истории однозначно свидетельствует, по его мысли, о том, что татарская школа привнесла с собой больше положительного, нежели опыт приобщения России к Европе.

Основным элементом русской нации евразийцы полагали славянский элемент. При этом «душа» славян стремилась к индоиранцам, а их «тело», в силу определенных географических условий, к индоевропейцам. Срединное положение славян между

Западом и Востоком обусловило как их дальнейшую дифференциацию, так и включение в различные системы социокультурных взаимосвязей. Для Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого основанием локализации славянского элемента в русской культуре выступает язык. Он представлен одновременно и как единственное звено, позволяющее констатировать наличие связи России со славянством. «Славянский характер», «славянская психика», «славянский антропологический тип» и «славянская культура» – мифические и призрачные основания этой связи. Каждый из славянских народов, по убеждению евразийцев, вырабатывал свою культуру отдельно, а культурное влияние одних славян на других не сильнее влияния европейских народов на тех же славян. Кроме того, этнографически славяне соотносятся с различными этнографическими зонами. Закономерно, что понятие «славянство» обретает у евразийских мыслителей не этнопсихологическое, не антропологическое и не культурно-историческое значение. Оно интерпретируется лингвистически. Единственная связь между славянами, Россией и славянством – это языковая (лингвистическая) связь [3, с. 113]. Русский язык трактуется Н.С. Трубецким в качестве модернизированной, обрусевшей формы церковнославянского языка. В этом плане русский литературный язык – преемник общеславянской литературно-языковой традиции, утверждавшейся в России не по причине ее славянской принадлежности, а в силу ее церковного характера. Русская культура в данном отношении выступала как культура-преемница, наследующая традиции византийской культуры, традицию монгольской государственности и церковнославянскую литературно-языковую традицию. Эти традиции становились русскими только тогда, когда сопрягались с православием.

Культурное единство евразийской общности проявляется в геополитической и социально-этнической целостности Евразийского континента. Сама культура и смысл ее существования детерминированы ценностями созидающего ее субъекта. Культура создается свободным субъектом, выступая одновременно и его свободным самопроявлением – частью живым и становящимся, а частью отделяющимся от субъекта и застывающим в форме традиции; опять же свободно человеком приемлемой, одобряемой и видоизменяемой в соответствии с «духом», целым культуры. В культуре евразийцы различали прошлое (историческую традицию), настоящее и будущее как сферу свободополагаемых целей. При этом субъект культурного развития может быть как индивидуальным, так и соборным («симфоническим»). Ключом к пониманию евразийской концепции культуры является вводимое мыслителями понятие

личности, «держащее» всю историософию евразийства. Идея личности, по словам П.Н. Савицкого, пронизывает все аспекты евразийской конструкции. В плане религиозном она представлена идеей личного Бога, в плане историософском – это идея России-Евразии, как особого рода «симфонической личности»; в социально-экономическом плане она выражается в творческом значении личности. Понятие личности обретает расширительный смысл. Личность может быть «частночеловеческой», «многочеловеческой», «симфонической». Это понятие приложимо как к отдельному человеку, так и к целому народу и группе народов, общей культуре. Субстанциальной характеристикой личности полагалось «целесообразное творчество», немыслимое вне личности. Личность, однако, не может быть представлена в форме синкретического единства, поскольку в различные моменты своей деятельности она проявляет себя в широком спектре индивидуаций. «Частночеловеческой» личности доступны исключительно разновременные индивидуации, «многочеловеческая» личность знает и индивидуации одновременные [3, с. 106]. Развитый в русской философии принцип всеединства Л.П. Карсавин дополняет принципом триединства, в котором триада выявляемых мыслителем составляющих характеризует закономерность процесса становления и развития: первоединство – саморазъединение – самовосстановление. Принцип триединства описывает динамику бытия, тогда как всеединство отражает его статику и структуру. В сконструированном Л.П. Карсавиным варианте метафизики бытия триединство относилось к истинному, божественному бытию. Этот принцип проецируется им и на эмпирический мир, соотносимый с первым как совершенство и несовершенство. Данная экстраполяция приводила к утверждению личностного характера бытия, позволяя провести отождествление бытия с бытием личности. Как отдельная личность, так и культура, во избежание деформированных путей развития национального целого, должны стремиться к самопознанию. Формирование обновленной на евразийских основаниях русской культуры и вытекающего из самопознания «культуро-личности» истинного национализма для евразийцев связано с особой ролью православия. В религии они усматривали всеобщий принцип единства и завершенности. Последовательное проведение примата религии приводит евразийцев к религиозному обоснованию бытия. Вместе с тем это не только обоснование, но и призыв к практическому его преображению.

Церковь, культура и государство в предложенной евразийством концепции прочно взаимосвязаны. «Политическое», понимаемое как «отнесение к единству», завершает внутренне дифференцированное и

иерархизированное единство множественности. Это означает, что симфоническая «культуро-личность» индивидуализируется не только в религии, но и в государстве, обретающем надклассовый характер, но сохраняющем свою принудительную природу по отношению ко всем частным и групповым интересам и целям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий, П.Н. Евразийство / П.Н. Савицкий // Русский узел евразийства. – М, 1997. – С. 76-94.
2. Савицкий, П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М., 1997. – 464 с.
3. Трубецкой, Н.С. К проблеме русского самопознания / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М.: Прогресс, 1995. – С. 105-211.

УДК 316.4051.2

ТРИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПРИОРИТЕТ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ XXI СТОЛЕТИЯ

В.Л. Петрушак

УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме философского анализа триединства бытия как условия его существования и развития. В статье рассмотрена гипотеза о механизме влияния триединства формы, содержания и структуры на формирование качеств относительной стабильности и порядка любых систем мироздания.

The article is devoted to a problem of the philosophical analysis three unities of life of the world as conditions of his existence and development. In article the hypothesis about the mechanism of influence three unities of the form of the contents and structure on formation of qualities of relative stability and about any systems three unities is considered.

Современный ценностный кризис техногенной цивилизации, выступающий как проявление деградации антропологических, экологических и социокультурных основ человеческого существования, обусловливает актуальность формирования не только нового рационального мировоззрения, необходимого для функционирования нового постиндустриального информационного общества, но и разработки новых парадигмальных основ научного познания в XXI веке. Между тем, на всем протяжении более чем 15 веков истории философской мысли в постижении *начал бытия* в основном соперничают друг с другом две философские системы: материалистическая и идеалистическая. Их спор о первичности материи или сознания был инициирован системой аристотелевский формальной логики и, в первую очередь, *законом «исключенного*

третьего». Так, в «Метафизике» Аристотель утверждает, что «равным образом не может быть ничего промежуточного между двумя членами противоречия, а относительно чего-то одного необходимо что бы то ни было одно либо утверждать, либо отрицать» [2, с. 75]. Необходимо отметить, что бинарной логике познания Аристотеля предшествовала гносеология *Парменида*, основополагающим началом которой было утверждение: «одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует». Онтологический смысл его утверждения являет собой тождественность триединства взаимосвязи *процесса мышления о целом (бытие)* и *субстанциальной* организационной структуре бытия как *целого (единое)* и его *частей (многое)*.

Эффективность бинарной логики познания Аристотеля впервые подверг сомнению Г. Гегель. Создавая науку объективной логики, Гегель остроумно замечает: «Положение об исключенном третьем утверждает, что нет ничего такого, что не было бы *ни А, ни не –А*, что нет такого третьего, которое было бы безразлично к этой противоположности. В действительности же *имеется* в самом этом положении третье, которое безразлично к этой противоположности, а именно само *А*. Это А не есть ни +А, ни –А, но равным образом есть и +А, и –А» [4, с. 64]. Однако Гегель, не постигнув онтологическую суть парменидовой *рефлексии* «триединства» бытия, изобрел диалектическую *триаду* («*тезис – антитезис – синтез*») последовательного развития *Мировой Идеи*. Причем, в идеалистической диалектике Гегеля можно усмотреть процесс перехода какого-либо развивающегося объекта (*вещи или явления действительности*) на новый уровень организации (*синтез*) как результат взаимодействия двух противоположных начал (*тезиса и антитезиса*). *Диалектическая триада* Гегеля, а затем и диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса сыграли положительную роль в познании действительности и понимании процесса развития, как органически присущего материи и внутренне противоречивого ее качественного состояния. Однако эвристический потенциал диалектики к концу XX века был исчерпан, так как обнаружились процессы самоорганизации материальных явлений действительности, что стало предметом осмысления *синергетики* и формирования синергетической картины мироздания. Особенно значимыми стали идеи о *многовариантности развития*, как следствии выбора системой дальнейшего пути развития в критических (бифуркационных) точках *начала, максимума, серединной и минимума*, что особенно важно для понимания динамики социальных процессов, как следствия социального выбора и формирования многовариантной и

волнообразной модели исторического развития. Однако и в случае с синергетикой остается неясной причина *относительной стабильности организационных форм бытия* при условии всеобщего движения и развития. Как правило, для объяснения факта относительной стабильности бытия во внимание принимается то обстоятельство, что уже *форма* организации вещей и явлений является отражением их *содержания*, но будучи более консервативной, чем содержание, форма сдерживает развитие самого содержания. Но, откуда берется устойчивость самой формы? Ведь форма и содержание- это две противоположные друг другу категориальные основы любых вещей и явлений. Причем, при действии закона «исключенного третьего» эти две противоположности, как и любые другие, аннигилировали бы друг друга. Неудивительно, что для решения этой философской проблемы необходима новая познавательная система, основанная не на постулате единства и противоборства противоположных начал, а на *триадном принципе организации самой действительности*. Дело в том, что отраженный в религиозных концепциях мироздания *принцип триединства божественного бытия* (Святая Троица в христианстве, принцип тримурти (триединства) Вишну, Шивы и Брамы в индуизме, принцип инь, янь и дэн в китайской мифологии и философии или Род-триглав в дохристианском язычестве, триединый Ра в мифологии древнего Египта и т. д.) отражает сущностные основания бытия мира. Уже на уровне материального бытия можно отметить триединство неживой, живой и социальной природы мироздания. На уровне человека отмечается триединство его биологической, социальной и духовной природы. В обществе существует триединство экономической, юридико-политической организации базиса и надстроечных форм общественного сознания. Хотя триединство не является единственным организационным принципом мироздания, однако именно этот принцип обеспечивает относительную устойчивость любого материального объекта и явления природного и социального мира.

Исходя из идеи организационного триединства бытия, необходимо отметить, что форма связана с содержанием через *структуру* или внутреннюю организацию объектов действительности. Причем, структура обеспечивает связь формы и содержания, выполняя роль посредника или «включенного» третьего, что можно представить как одну из основополагающих закономерностей или законов бытия объективной реальности. Таким образом, *содержание, структура и форма* – это основополагающий триадный принцип и триалектическая категория относительной организационной стабильности

материального мира, который проявляется на всех уровнях его организации. Именно реализация этого принципа структурирует материю по законам геометрии. Так, Д.И. Блохинцев отмечает, что «закономерности геометрии являются самыми общими и простирают свою власть и значимость на любые события и явления в мире, который мы знаем» [3, с. 7]. В свою очередь, известный исследователь оснований новой топологической физики И.А. Акчурин отмечает: «Топологические характеристики «внешней» по отношению к объекту − «не занимаемой им» части пространства могут определять не только его «статическое», чисто геометрическое разложение на подобъекты меньшей размерности, но и динамическое «поведение» этих подобъектов во времени − существование, например, преимущественных траекторий их движения» [1, с. 7]. Таким образом, принципы *триединства и геометризации бытия* оказываются теми исходными основаниями его единства, которые создают возможность объяснения явлений действительности с точки зрения обеспечения их организационной стабильности.

В этой связи новое научное направление можно обозначить с помощью переосмысления введенного в оборот П.Я. Сергиенко понятия «триалектика», согласно которому «*триалектика – наука о началах бытия и творения Жизни, согласующихся с триединством бытия Святой Троицы и ее принципами* (единосущность, соприсущность, нераздельность, троичность, специфичность и взаимодействие)» [5, с. 2]. В этой связи, необходимо отметить, что соотнесение начал бытия с принципами творения жизни, согласующихся с триединством бытия Святой Троицы, является вещью недоказуемой в силу невозможности научного доказательства процесса сотворения мира и существования божественного бытия. Поэтому, понятие «*триалектика»* нужно понимать как *науку о принципах, началах и закономерностях организационного триединства бытия*.

Можно предположить, что триалектическая модель мироздания в будущем обретет статус всеобщего основания в исследовании организационного уровня мироздания как теория относительной стабильности бытия. Наряду с диалектикой, объясняющей процесс развития, и синергетикой, акцентирующей внимание на проблеме самоорганизации, триалектика должна занять свое место в осмыслении процессов эволюционной картины мира

ЛИТЕРАТУРА

1. Акчурин, И.А. Концептуальные основания новой − Топологической Физики / И.А. Акчурин // «Академия Тринитаризма» [Электронный ресурс]. – 2003. – М., Эл. № 77−6567, публ. 10704. Режим доступа: http://rus-nauka.ru/fiz_newtop.html. Дата доступа: 24.09.2003.

2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Собр. соч.: в 4 т.; пер. с древнегреч. Д. Рожанского. – М.: Мысль, 1981. – Т. 1. – С. 63–550.
3. Блохинцев, Д.И. Пространство и время в микромире / Д.И. Блохинцев. − М., Наука, 1970. − 360 с.
4. Гегель, Г. Наука логики / Г. Гегель // Собр. соч.: в 3 т.; отв. ред. М.М. Розенталь. – М.: Мысль, 1971. Т. 2. Учение о сущности. – 284 с.
5. Сергиенко, П.Я. Триалектическая концепция Мироздания / П.Я. Сергиенко // «Академия Тринитаризма» [Электронный ресурс]. – 2004. − М., Эл. № 77−6567, публ. 11108. Режим доступа: http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001a/00160075.htm. Дата доступа: 01.04.2004.

УДК 357 – 17

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА

С.А. Радько
ГУ «Институт пограничной службы» Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

Проблема ценностей является сложной, многоуровневой и актуальной для формирования личности развития общества. Этой проблеме посвящена данная статья.

Конец XX – начало XXI века вывили проблему осмысления ценностей человеческого бытия на первый план научного познания, ознаменовав тем самым современный, аксиологический, этап развития науки. Однако ценности и ценностные ориентации человека всегда являлись одним из наиболее важных объектов исследования философии, этики, социологии и психологии на всех этапах их становления и развития как отдельных отраслей знания. Г.П. Выжлецов, описывая онтологический, гносеологический и собственно аксиологический этапы развития философии, выделяет для каждого из них основные анализируемые ценности и идеалы – благо, счастье и духовную свободу [1, 63-65].

Каждый человек живет в определенной системе ценностей, предметы и явления которых призваны удовлетворить его потребности. В известном смысле можно сказать, что ценность выражает способ существования личности. Причем разные ценности имеют для нее различное значение и с этим связана иерархия ценностей. Как и сами ценности, их иерархическая структура носит конкретно – исторический и личностный характер. Одни и те же предметы и явления для разных людей могут представлять неодинаковую ценность, так же как и в различное время у одного и того же человека.

Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций, под которыми имеется в виду совокупность важнейших качеств внутренней структуры личности, являющихся для нее особо значимыми. Эти ценностные ориентации и образуют некую основу сознания и поведения личности и непосредственно влияют на ее развитие. При этом, в соответствии с конкретной, индивидуальной иерархией ценностей, наблюдается относительный характер ценностных ориентаций. Так один учится, что бы делать карьеру, а другой работает что бы иметь возможность учиться и самосовершенствоваться. Но, так или иначе, конкретная система ценностных ориентаций и их иерархией выступает регуляторами развития личности. Они служат критерием норм и правил поведения личности, по мере усвоения которых происходит ее социализация.

Социализация личности включает в себя усвоение общественно-исторического опыта и социальную активность личности. В этом смысле она совпадает с развитием личности. Идеалы, нормы, средства и цели, выступающие как ценности личности, образуют систему ее ценностных ориентаций, стержень ее сознания и являются импульсом ее действий и поступков. Важнейшим моментом социализации личности является ее самоактуализация.

Существуют разные способы и принципы классификации ценностей. Так, говорят о ценностях положительных и отрицательных, имея в виду их социальное значение и последствия их реализации. Можно выделить материальные и духовные ценности, нравственные, эстетические и т.д. Выделяют ценности – цели, или высшие «абсолютные» ценности, и ценности – средства «инструментальные» ценности. Важно подчеркнуть, что все они находятся между собой в тесной взаимосвязи и единстве и образуют целостность мира каждого человека.

Однако, несмотря на различные формы дифференциации ценностей и их релятивный характер, имеется самое высшее и абсолютная ценность – это сам человек, его жизнь. Жизнь человека бесценна. Эта ценность должна рассматриваться только как ценность – цель, и никогда к ней не должно быть отношения как к ценности – средству. Человек является субъектом ценностей и ценностного отношения, и сама постановка вопроса о ценностях вне человека лишается смысла, если, конечно, не впадать в мистические спекуляции. По глубокому убеждению И. Канта человек это сама ценность, абсолютная ценность.

Такую же ценность представляют и социальные общности и общество в целом, которые также являются субъектами ценности.

Основа этого заключена в социальной сущности человека и вытекающей отсюда диалектики общества и личности.

Помимо этого к высшим ценностям следует отнести такие «предельные» и наиболее общие для людей ценности, как смысл жизни, добро, справедливость, красота, истина, свобода и т.д. Это тип ценностей оказывает первостепенное влияние на социализацию личности. Их реализация по существу тождественно реализации самого глубинного слоя структуры личности, ее самоактуализации. Без этого не только не может состояться личность, но и сама жизнь для большинства будет невыносимой. Люди, не нашедшие по каким – то причинам, например, смысла жизни или не имеющие возможности реализовать его, так же как и другие высшие ценности, часто приходят к выводу о не состоятельности самой жизни, а порой кончают и трагедией.

По поводу роли высших ценностей в социализации и самоактуализации личности видный американский ученый А. Маслоу писал, что все самоактуализирующиеся люди вовлечены в некоторое дело. Они преданы этому делу, которое является для них чем – то очень ценным. Это – призвание судьбы, и люди любят его так, что для них исчезает разделение «труд – радость». Люди посвящают свою жизнь закону, справедливости, красоте или истине. А. Маслоу назвал эти ценности «бытийными» (сокращенно «Б») ценностями, которые являются подлинными и не могут быть сведены к чему – то более высокому. А. Маслоу выделяет около четырнадцати таких Б – ценностей: истина, красота, добро древних, совершенство, простота, всесторонность и несколько других. Эти ценности бытия выступают как важнейшие потребности (метапотребности), и они настолько значительны для личности, что их подавление порождает даже определенный тип патологий души, которые происходят, например, от постоянного проживания среди лжецов и потери доверия к людям. Бытийные ценности являются, по мнению Маслоу, смыслом жизни для большинства людей.

С проблемой высших ценностей, и прежде всего смыслом жизни, связана и проблема «экзистенциального вакуума».В экзистенциальном вакууме оказывается человек, запутавшийся в ценностях или не нашедший их. Это состояние особенно широко распространено в наши дни. Традиционные и устоявшиеся ценности быстро разрушаются, и не только молодым, но и умудренным жизнью людям часто не ясно, для чего жить, к чему стремиться, чего хотеть. Экзистенциальный вакуум, связанный с потерей смыслообразующих ценностей, с недостатком

смысла жизни, имеет значительное отрицательное влияние на качество социализации личности и часто ведет к развитию неврозов.

Постоянным спутником и формой проявления экзистенциального вакуума является скука. В наше время она часто ставит гораздо больше проблем, чем даже нужда. Это объясняется тем, что нужда толкает человека к действию, активности по ее преодолению, скука же часто приводит к бегству от реальности; пьянству, наркомании, а порой и к суициду; или к антисоциальному, отклоняющемуся поведению.

Но не только высшие ценности воздействуют на социализацию личности. Немаловажное значение в этом процессе играют и ценности – средства, которые выступают как промежуточные ценности. Они подчинены высшим ценностям и обусловлены ими. Например, если человек стремится к утверждению справедливости, он никогда не будет использовать для этого не справедливое средство. Иными словами бесценности средств не достижимы никакие ценности цели, но вместе с тем никакие самые благородные цели не оправдывают дурных средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выжлецов, Г.П. Аксиология: становление и основные этапы развития /Г.П. Выжлецов // Социально – политический журнал. – 1995. – №6. – С. 61 – 73.
2. Калмыков, В.Н. Основы философии: Учеб. Пособие / В.Н. Калмыков. – Мн.: Выш. шк., 2000. – 416 с.
3. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопр. философ. – 1996. - № 5. – С. 25 – 26.

УДК 111.83

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ И ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

О.А. Романов
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматривается эволюция представлений об истине в социогуманитарном знании. Показана зависимость способов и результатов осмысления проблемы истины от культурно-цивилизационной идентичности мыслителей. Выявлены различия западноевропейского и славяно-русского путей решения данной проблемы. Показана перспективность славяно-русской гносеологии в контексте поисков новой модели цивилизационного развития человечества.

The article discusses the evolution of ideas about truth in the socio-humanitarian knowledge. The dependence of the methods and results of comprehension of the problem of truth from the cultural and civilizing identity thinkers are shown. The prospects of Slavic-

Russian epistemology in the context of searching for a new model of mankind's civilization are analyzed.

Теснейшая связь и изначальная обусловленность социального познания многообразной системы ценностей и смыслов значительно усложняет постижение истины в этой сфере познавательной деятельности. В ней значительно сложнее, если вообще возможно, добиться такой полноты объективности, как в исследовании природы. Для этого ученым пришлось бы отрешиться от аксиологических оснований, присущих породившей их культуре. Тем самым вполне правомерной представляется идея, предложенная российским философом В.В. Ильиным, согласно которой необходимо различать «истину cogito» и «истину existenz». «Истина cogito соотносится с нечеловекоразмерным бытием самим по себе, поэтому несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина existenz соотносится с человекоразмерным бытием для нас, поэтому несет субъективно значимое содержание. Истина второго рода передает причастность к жизненной полноте» [1]. Однако понимание глубокой специфичности процесса обретения истины в социально-гуманитарном познании не сразу утвердилось в гносеологии, прошло длинный путь к своему признанию в качестве предпосылки мышления об обществе и человеке. Рассмотрим некоторые этапы этого пути.

В новоевропейской культуре, которая, начиная с XVII века и вплоть до XX столетия, задавала тон в формировании мировой научной мысли, сложилось устойчивое представление об истине как о продукте холодного беспристрастного познания. Оно по возможности полно должно быть освобождено от субъективных пристрастий исследователя, его психологических особенностей и личностной специфики. Познающий субъект мыслится как устройство для регистрации фактов внешнего мира, находящееся вне культуры, времени, социального контекста и иных обстоятельств. Сама истина рассматривалась как знание, совершенно точно и адекватно воспроизводящее природную и социальную действительность.

Такое понимание процесса и результата познавательной деятельности нашло отражение в доктринах позитивизма, сциентизма, технократизма. Их появление и широкое распространение было обусловлено всем складом западноевропейской цивилизации и сформированных в ней представлений о мире. Такие выдающиеся европейские ученые и философы, как И. Ньютон, Р. Декарт, Б. Спиноза и др. выдвинули в качестве эталона научности математические и естественнонаучные дисциплины с их ориентацией на логическую непротиворечивость, рационализацию процедуры исследования,

эмпирический опыт. Для нас важно отметить, что данный идеал познания вышел за пределы математико-дедуктивного естествознания и стал мировоззренческой основой постижения истины в социологических, экономических, политологических отраслях науки.

Но быстро обнаружилось, что добиться объективности и беспристрастности в исследовании общества и культуры гораздо сложнее, чем в науках о природе. Они упорно не желают поддаваться формализации, обезличиванию, математическому исчислению. Но самое главное: идеал полной беспристрастности приводит человека к отрыву от своей культуры, ее ценностей, норм, моральных и религиозных принципов. Более того, сциентистская ориентация в познании низводит до уровня пережитков прошлого и досадных помех такие формы коллективного опыта, как традиции, религиозную веру, образность мифологического и художественно-эстетического мышления. Надо признать, что наиболее проницательные мыслители прошлого видели эти опасности. Так, например, К. Маркс признавал огромный потенциал художественной литературы в познании общества, когда писал, что романы О. Бальзака могут больше рассказать об эпохе становления капитализма в Европе, чем иные политэкономические трактаты. Но «мейнстримом» европейской гносеологии все же осталось игнорирование вненаучных видов познания по причине их «искажающего» воздействия на разум.

Следует подчеркнуть, что в XX в. такой подход к обществу и человеку не только представлял собой достояние узкого круга ученых, но и коррелировал с общественным сознанием и психологией населения западных стран. Растущая вера в силу науки и техники исходила из убеждения европейцев, что рассудок способен сделать людей могущественными в масштабах планеты и одновременно счастливыми. Они верили в безграничные возможности экономического развития, технического прогресса, рационального управления социокультурной практикой. В короткие по историческим меркам сроки на Западе распространилось индифферентное отношение к собственным традициям, безразличие к нравственным основам существования, конформизм, утилитарный подход к окружающему миру, включая природу. Постепенно западный человек приучился иметь дело с техническим миром, к которому следует подходить преимущественно с позиций пользы. Когда такой человек сталкивался с непривычными явлениями мира живого и они не укладывались в стандартные параметры его мышления, он пытался или проигнорировать их, или истребить.

Какие же результаты получили сторонники сциентистского направления в науке и философии? Во-первых, они раздробили культуру, общество, человека на множество фрагментов и осколков, иссушили живую ткань культуры, грубо упростили полноту человеческого существования. Дело в том, что упрощенно-теоретический анализ не был рассчитан на получение целостного знания об обществе, культуре и человеке в их неразрывном единстве и взаимозависимости. Такой тип анализа не давал возможности адекватного понимания конкретных явлений, если они были трудно наблюдаемыми, немассовыми или неожиданными, например, таких, как верования, альтруистические убеждения человека, его реакции в нестандартных ситуациях. Во-вторых, они резко ослабили прогностический потенциал социогуманитарных исследований. Так, оправдывая в течение длительного времени узкий прагматизм в подходах к экономике и к живой природе, технократически настроенные исследователи предпочитали не поднимать вопрос об исчерпаемости природных ресурсов до тех пор, пока проблема экологического бедствия не встала перед миром со всей остротой. Если говорить о сфере общественного сознания, то сторонники точных методов стремились обнаружить здесь универсальные качества человеческого мышления, независимые от культуры и конкретного этапа ее исторического развития. Но на поверку оказывалось, что раскрывали они не всеобщие свойства человеческой духовности, а стереотипы массового сознания западного общества.

Во второй половине XX столетия в западном обществоведении явно обнаружился кризис объективистской парадигмы социального познания. «Когнитологическими» исследователями была доказана аксиологическая нагруженность любого атомарного высказывания о культуре, обществе или человеке. Специалисты по проблемам познания установили, что осмысленность и истинность суждений независимы от эмпирической проверенности, что рациональность не сводится к логико-понятийной форме, которая выступает лишь одной из ее исторических разновидностей», – пишет российский исследователь Г.А. Аванесова [2]. Но то, что было по-настоящему осознано Западом лишь несколько десятилетий назад, в восточнославянской культуре являлось аксиомой со времени появления в ней теоретической мысли.

Решая проблему истины, русские философы настойчиво подчеркивали, что истина имеет бытийственный характер, она обладает собственным бытием. Само же это бытие является данным субъекту как объект, т.е. как объективная реальность, хотя и

сопряженная с субъектом, но находящаяся вне его. В.С. Соловьев отмечал: «Истина заключается прежде всего в том, что она *есть,* т. е. что она не может быть сведена ни к факту нашего ощущения, ни к акту нашего мышления, что она есть независимо от того, ощущаем ли мы ее, мыслим ли мы ее или нет... Безусловная истина определяется прежде всего не как отношение или бытие, а как то, что *есть* в отношении, или как сущее» [3]. Бытийственный или онтологический, аспект истины подчеркивался и П.А. Флоренским в его фундаментальном труде «Столп и утверждение истины». «Наше русское слово «истина», — пишет он, — сближается с глаголом *«есть»* («истина» — «естина»)... «Истина», согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе понятие абсолютной реальности: Истина — «сущее», подлинно-существующее... В отличие от мнимого, не действительного... Русский язык отмечает в слове «истина» онтологический момент этой идеи. Поэтому «истина» обозначает абсолютное само-тождество и, следовательно, само-равенство, точность, подлинность. «Истый», «истинный», «истовый» — это выводок слов из одного этимологического гнезда» [4]. Истина — это «пребывающее существование»; это — «живущее», «живое существо», «дышащее», т.е. владеющее существенным условием жизни и существования. Истина, как существо живое по преимуществу, — понятие о ней у русского народа... Именно такое понимание истины и образует своеобразную и самобытную характеристику русской философии» [4].

Еще один важнейший аспект социальной истины выражен восточнославянскими народами в понятии «правда». Суть этого понятия состоит в нравственно-этической, эстетической, праксеологической ее наполненности, в тесной связи со смыслом жизни, с ее ценностью для деятельности человека. В. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» замечает: «правда – это истина на деле, истина во благе, честность, неподкупность, справедливость; поступать по правде - значит поступать по истине, по справедливости;…полное согласие слова и дела». Очень интересное понимание категории правды предложил русский ученый и философ Н.К. Михайловский: «Кажется, только по-русски, – говорил он, – правда-истина и правда-справедливость называется одним и тем же словом и как бы сливается в одно великое целое». Поиск правды, как органичного единства истины, справедливости, морального и естественного права должен не только обустроить жизнь отдельного человека, но и дать основу для преобразования мира в целом, образуя круг лично-космической гармонии. В этом кругу, связывающем

«родное и вселенское», сосредоточены нравственные искания, предпринимаемые русской мыслью.

В принципе, можно говорить о двух стратегиях (парадигмах) познания, выявившихся в западноевропейской и славяно-русской культурно-философских традициях. Сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными формами дорационального и внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанной с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная по своим масштабам задача – сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности; выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность только в том случае будет соответствовать современным потребностям, если она сможет вобрать в себя и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у всех гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Все дело в том, что иррациональное отнюдь не выступает плодом воображения критиков рационализма и не является изобретением пессимистически настроенных философов и ученых, а существует изначально в бытии и познании. Оно самостоятельно и самодостаточно. «Непонимание и недооценка роли иррационального в бытии, в самом человеке и в обществе сыграли роковую роль; ибо многое, случившееся в истории человечества, можно было бы если не предотвратить, то, по крайней мере, смягчить. Ведь представление о действительности, исключающее иррациональное, само по себе, есть представление усеченное, фрагментарное, следовательно, не истинное» [5].

«Рациональность любой ценой» есть «опасная сила, подрывающая жизнь», – так сказал французский философ Анри де Любак [цит. по 5]. Позитивный иррационализм не противоборствует разуму, а ищет в нем союзника. Перекос же в сторону рационального сознания не дал людям ни счастья, ни покоя.

Подведем итоги. Современное понимание социальной истины во многом коррелирует с рассмотренными идеями русских мыслителей. Выделим некоторые из них:

– истина в социогуманитарном познании несет в себе объективное содержание, т.е. раскрывает существенные свойства общественных предметов и процессов;

– позиция субъекта познания, задающая ракурс рассмотрения событий, фактов и ситуаций, обусловливается историческими социокультурными целостностями, в которые он погружен. Такими целостностями могут быть этносы, локальные культуры, институции, социальные группы, кровно-родственные общности людей и т.д.;

– в социогуманитарном познании истина имеет не только фактуальный, но и ценностный аспект. При этом последний может быть как явным, так и неявным, как рационально обоснованным, так и личностно экзистенциальным;

– точка зрения каждого субъекта познания принципиально ограничена, в лучшем случае она может заключать лишь часть истины, полная истина всегда многомерна;

– плюралистичность социально-гуманитарных истин не исключает того, что они могут образовывать иерархические системы, т.е. одни теоретические позиции могут быть ближе к адекватному постижению действительности, нежели другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин, В.В. Теоретическое и эмпирическое в социологии: смена парадигмы? / В.В. Ильин // Социс. – 1996. – № 10. – С. 20.
2. Аванесова, Г.А. Новые познавательные ориентиры в современном социогуманитарном познании / Г.А. Аванесова // СГЗ. – 2006. – № 1. – С. 103.
3. Соловьев, В.С. Соч.: в 2 т. / В.С. Соловьев. – М., 1990. – Т. 1. – С. 691.
4. Флоренский, П.А. Соч.: в 2 т. / П.А. Флоренский. – М., 1991. – Т. I. – С. 15–16.
5. Мудрагей, Н.С. Рациональное – иррациональное: взаимодействие и противостояние / Н.С. Мудрагей // Рациональность на перепутье: в 2-х кн. – М., 1999. – Кн. 1. – С. 101.

УДК 101.1: 316

ФИЛОСОФСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ЗНАНИЯ

Е.А. Солодкая
УО «Белорусский государстенный университет информатики и радиоэлектроники»
г. Минск, Республика Беларусь

Исходя из предложенного различия информации и знаний, выявляются возможные модели образовательного процесса. Устанавливаются роль и функции философии как дисциплины в инновационном развитии общества.

Proceeding from the offered distinction of the information and knowledge, possible models of educational process come to light. Are established a role and functions of philosophy as disciplines in innovative development of a society.

Динамика развития системы «человек – знание» становится все более противоречивой. Объем информации экспонентно увеличивается, а когнитивные способности человека остаются прежними. В результате «информационный бум» не повышает адаптивные возможности индивидов, а, наоборот, вносит сумятицу в устоявшиеся познавательные стратегии. Данную проблему можно рассматривать с разных позиций, но нам представляется продуктивным проанализировать ее как новое выражение сложности перехода личного в общественное и наоборот. Что сопутствует этому переходу и насколько эффективно он осуществляется? Учитывая, что наиболее важным социальным институтом в этом процессе является система образования, проблема приобретает практическое звучание: как повысить эффективность существующей образовательной системы?

Содержание индивидуального сознания и социальные практики являются тем, что воплощает знание и информацию – они их производители и носители. Однако понятно, что между мыслью и действием, индивидуальным сознанием и социальными нормами существует огромная разница. Взаимосвязанность и одновременно выраженность этих относительно автономных элементов человеческого бытия обеспечивает коммуникация. По мнению одного из выдающихся современных социальных теоретиков Н. Лумана процесс коммуникации конституирует социальную систему, так как только он способен выполнить следующие функции: 1) установить текущее историческое состояние системы, из которой она должна исходить в своих следующих операциях; 2) образовать структуры самоорганизации в виде схем отбора информации [1, с. 100]. Трактовка коммуникации, как процесса, снимает вопрос об онтологической

первичности субъекта, культурных институтов или предметного мира. «Единство коммуникативных событий не является ни объективным, ни субъективным, ни социально дедуцируемым…» [1, с. 74]. Однако в таком понимании общества на первый план выходит проблема медиумов коммуникации, то есть структур, обеспечивающих непрерывный процесс ее протекания. Это возвращает нас к рассмотрению системы образования – важного элемента социума, выполняющего функцию социализации, катализирующего индивидуальное и, как следствие, социальное развитие.

Вначале обозначим ряд теоретических положений, эксплицирующих процесс усвоения и использования информации и знаний. Информацией мы будем называть сведения об окружающей действительности, полученные при помощи первой – биологической, или второй – знаковой, сигнальной системы. Иными словами, информацией может считаться любой сигнал, распознанный в качестве значимого и благодаря этому уловленный, селективно выделенный. Однако само распознавание и классификация сигналов на значимые и незначимые предполагают наличие определенных когнитивных структур. Сенсорное восприятие и понятийное мышление зависят не только от биологических механизмов, но и от социальных стратегий обращения с информацией.

Из-за ограниченности биологических адаптационных способностей человека основным механизмом развития становится культура, обрабатывающая, сохраняющая и транслирующая информацию. Именно культура, как совокупность норм и правил жизнедеятельности закладывает нормы и принципы селекции информации: выделяет значимое и незначимое, правильное и ошибочное и т.д. Следовательно, знание – это информация, интериоризированная личностью в качестве важного, значимого элемента индивидуальной и социальной деятельности («окультуренная» информация). А, значит, оборот знаний невозможен без наличия социализированных агентов – личностей, обладающих навыками восприятия, оценки, классификации и переработки информации.

Эти теоретические посылки служат основой для рассмотрения практической задачи: разрешения противоречия между постоянно увеличивающимся объемом знаний и ограниченными познавательными возможностями человека. Эта проблема является фундаментальной проблемой социальной системы и, особенно, одной из ее подсистем – системы образования. По сути, конфигурация последней определяется выбранным решением этой проблемы (то есть

принятый механизм преобразования информации в знание задает структуру образовательной системы). Таких механизмов может быть несколько. Можно до определенной степени искусственно ограничивать поток сообщений – установить культурные, социальные, инфраструктурные фильтры, мешающие поступлению новой информации. Но если под последней мы понимаем сведения об окружающей действительности, то такое ограничение рано или поздно снизит эффективность деятельности — сделает ее неадекватной тем условиям, в рамках которых она разворачивается. Когда такой сбой происходит в рамках локальной системы «индивид – среда» есть надежда, что другие, более компетентные участники социальных взаимодействий его откорректируют. Но если вся социальная система ориентированна на распознавание только уже ранее известных сигналов, кризис может стать общесистемным. По сути, сейчас мы имеем дело с целым рядом таких кризисов, приписываемых к различным сферам общества: кризис семейных отношений, кризис трудовой занятости (снижение мотивации к производительному, эффективному труду), кризис культурной идентичности (национальное своеобразие - лишь как средство обмена на ценности глобального рынка), экологический кризис.

Однако отечественная система образования продолжает идти путем сужения информационного поля, делая акцент на трансляции узко инструментального, прикладного знания. Происходит серьезное сокращение общегуманитарных курсов, так называемых предметов «для общего развития». Тем самым игнорируется другой способ снятия дисбаланса между «знанием» и «пониманием». Этот путь предполагает работу не столько с самой информацией, сколько с механизмами ее переработки. Он позволяет трансформировать поверхностно воспринимаемую информацию в эффективно используемые практические знания.

С точки зрения Н. Лумана, «информация – это неожиданный отбор из многих возможностей». Информацию, «невозможно приобретать пассивно в виде логических следствий из сигналов, воспринимаемых из окружающего мира. Напротив, она всегда содержит некоторую произвольную компоненту предвосхищения того, что с ней потом можно дальше делать. Итак, еще до начала порождения информации по отношению к ней должен сформироваться интерес» [1, с. 74]. Собственно, работа с этим изначально присущим человеку познавательным интересом и есть суть второго подхода к образованию.

Но как интегрировать узкоспециальные знания в жизненный мир современного учащегося? Как осуществить взаимоувязку всех компонентов образования и всех изучаемых дисциплин. Междисциплинарный синтез – это, конечно, важно, но насколько современный преподаватель готов связывать химию с биологией, а физику с историей и литературой? Понятно, что такое требование выполнимо только при наличии высочайшего преподавательского мастерства, а значит высокой квалификации в обращении с новой информацией, корректного ее восприятия и переработки. Следовательно, изначально речь должна идти не о содержании изучаемых дисциплин, а о навыках работы с информацией.

Заявление о том, что современная система образования должна «учить учиться» стало уже трюизмом. Но частота упоминаний не переходит в качественные преобразования существующей ситуации. На наш взгляд, связано это с тем, что так и не определены механизмы такого научения. Как повысить восприимчивость к новой информации, как сделать ее переработку более эффективной, как научить выделять главное? Как сделать этот процесс естественным и необходимым? Формулировка последнего вопроса подсказывает ответ: необходимо создание условий, порождающих именно такой – познающий, рефлексивный тип поведения.

И здесь мы сталкиваемся с другой проблемой, порожденной современным общественным сознанием. Как сделать такой тип образования – свободный, творческий, созидательный – экономически эффективным? Как заставить ученические работы приносить прибыль? На мой взгляд, уже в самой постановке вопроса есть противоречие. Если это ученическая работа, то она предполагает самостоятельную ориентировку в уже ранее созданных, но еще индивидуально не освоенных знаниях и навыках. Уровень развития современной культуры таков, что создание принципиально нового требует долгого и экономически неэффективного процесса усвоения огромного объема информации, чтобы далее, возможно, творчески ее переосмыслить и воплотить в новых продуктах. Приобретение навыков воспроизводства ранее созданных образцов занимает меньше времени и в этом смысле более рентабельно. Однако в последнем случае ни о каком инновационным развитии речь, в принципе, не идет.

«Пожалуй, наибольшая ошибка, которую может совершить культура, это ее попытка продлить свое существование за счет использования принципа эффективности. Если культура достаточно богата и достаточно внутренне сложна, чтобы позволить себе избыточное число воспитателей, но отказывается от них (считая

ненужной роскошью или теряя их вклад от невнимательности к тому, что утрачивает), следствием становиться ее самоубийство» [2, с. 238]. В современной культуре одним из таких «избыточных» воспитателей стала философия. Дисциплина, которая формирует основы критического, рефлексивного мировоззрения, одновременно позволяет почувствовать радость теоретического творчества, его потенциал и креативность. Дает возможность отработать навык построения ментальных моделей, создать привычку мыслить категориально, универсально (так, чтобы модель работала всегда и везде) и системно (чтобы она свободно стыковалась со знаниями, выработанными в прошлом и будущем). Отсутствие у человека интереса к философии делает его заложником выработанных кем-то ранее и, возможно, давно уже не эффективных схем поведения, делает его привязанным к узкой перспективе, видимой из положения «здесь и сейчас». Ничего нет плохого в том, чтобы проживать жизнь в настоящем. Однако понимание того, что это «настоящее» является продолжением прошлого и началом будущего, наполняет жизнь особым смыслом.

Социальная эффективность предполагает, что человек, не тратя времени и сил на решение простейших жизненных задач (пища, жилье, безопасность), высвобождает время для дальнейшего усовершенствования собственной жизни и жизни будущих поколений. Но отсутствие проективного мышления, элементом которого являются универсальные категории и ценности, делает эту работу в широком смысле антисоциальной. Человек, не привыкший мыслить глобальными категориями, будет обеспечивать свое кровное, непосредственно им произведенное биологическое потомство за счет других представителей потомства своего же вида. Он будет конкурировать за доступные его мысленному взору ресурсы. И, как правило, взор современного человека направлен исключительно на все более дефицитные материальные ресурсы. В погоне за ними у него не остается времени пристальней рассмотреть громадный пласт ресурсов нематериальных, т.е. духовных, культурных, интеллектуальных. Не создавая и не развивая социальные институты, поддерживающие этот пласт, мы обрекаем общество на деградацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
2. Джекобс, Дж. Закат Америки. Впереди Средневековье / Дж. Джекобс – М.: Европа, 2006. – 264 с.

УДК 32 +159.9

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ АЛЬФРЕДА АДЛЕРА

С.К. Чернецкая
ЧУО «БИП – Институт правоведения» Гродненский филиал
К.Ф. Мельникова
УО «Гродненский государственный аграрный университет
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются основные принципы индивидуальной теории личности А.Адлера.

Basic principles of Alfred Adler`s individual theory of personality are considered in this article.

Альфред Адлер внёс значительный вклад в разработку теории личности. Главным в его системе взглядов является положение о том, что индивид не может быть отделён от социума, что человек способен сам творить свою судьбу и совершенствовать себя и окружающий мир.

Адлер дал своей теории название «индивидуальная психология», так как слово «individuum» переводе с латинского означает «неделимый», т.е. то, что нельзя разделить. Это учение о человеке как о неделимой единице. Каждая человеческая личность, по мнению учёного, (будь то ребёнок или взрослый) представляет собой единое целое, и жизнь человека – это единство непрерывности, его прошлое и будущее неразрывно связаны друг с другом. Каждый индивид заключает в себе единство личности и одновременно индивидуальное проявление этого единства, т.е. целостность личности, её стиль жизни и цели всегда субъективны. « Единство личности подразумевается в каждом человеке, - подчёркивает Адлер. –Каждый индивид представляет собой одновременно единство личности и индивидуальный стиль выражения этого единства. Индивид, таким образом, это и картина, и художник одновременно…» [1, с.18-19] .

С точки зрения Адлера, индивид представляет собой неделимое целое как в отношении взаимосвязи между мозгом и телом, так и в отношении психической жизни. Это единство в его мышлении, действиях, в сознании и бессознательном. Изучая личность индивида, следует помнить о том, что «личность раскрывается в действии. И суть её обнажается не в том, что индивид думает или говорит о себе, а в контексте его действий и поступков» [1, с. 26].

Личность раскрывается в отношении индивида к трём основным вопросам: вопрос жизни в обществе, вопрос деятельности и вопрос любви и брака. Это вопросы взаимоотношений с другими людьми, но

они неразрывно связаны и с существованием данного индивида. Вопрос жизни в обществе включает поведение личности по отношению к другим людям, отношение к человечеству и его будущему.Второй жизненной задачей является профессиональная деятельность, т.е. то, каким образом человек собирается реализовать свои возможности, работая на благо общества. Успех в трудовой деятельности, по мнению Адлера, определяется не нашими личными желаниями, а её соответствием требованиям объективной реальности. Третья проблема касается деления человечества на два пола и связана с естественной объективной логикой человеческих взаимоотношений. Половые различия заставляют человека учиться вести себя по отношению к противоположному полу.

«Между этими тремя фундаментальными вопросами существует устойчивая внутренняя связь, и она становится всё прочнее в силу того, что в социальной жизни различные специфические задачи возникают именно из данных глобальных проблем, которые могут правильно разрешаться только в условиях общественной личностной установки, иными словами, лишь на основе развитого социального чувства» [1, с. 28]. Критерием развитости личности индивидуальная психология считает её социальную направленность, а правильным и справедливым только то, что полезно для общества.

Структуру самосогласующейся и единой личности Адлер определял как стиль жизни. Стиль жизни – это уникальный способ, выбранный индивидом для следования своей жизненной цели. В данной концепции, прежде всего, выражена его попытка рассматривать человека как единое целое. Целостность личности, её особенный стиль и цели всегда субъективны. Стиль жизни – это индивидуальное явление, которое выражается и формируется в определённом окружении. Он включает в себя черты, способы поведения и привычки, которые, взятые вместе, определяют существование индивида. «…жизненный стиль – это единство, он сформировался в процессе преодоления трудностей, пережитых в детстве, и основывается на стремлении к цели» [2, с. 98]. У каждого человека свой индивидуальный стиль жизни. Исследуя жизненный стиль человека, зная его цель, можно предсказывать его будущее, основываясь на беседах с ним и его ответах на вопросы.

Адлер подчёркивает, что нормальный человек – это человек, который живёт в обществе и в своём образе жизни так хорошо адаптирован, что, хочет он того или нет, общество извлекает определённую выгоду из его деятельности, а у него достаточно энергии и смелости, чтобы открыто встречать трудности и проблемы, с

которыми он сталкивается [2, с. 100]. Как часть своего жизненного стиля индивид создаёт себе представление о себе и о мире. Адлер называет это схемой апперцепции. Этот термин означает восприятие, включающее субъективную интерпретацию воспринятого. Представление человека о мире определяет его поведение.

Жизнь человека, по мнению учёного, – это активное стремление к совершенству. Её нельзя представить без постоянного движения в направлении роста и развития. Человек как единое и самосогласующееся целое может быть воспринят только в движении к личностно значимым жизненным целям. Каждый индивидуально ставит жизненные цели, и, добиваясь их, люди стремятся к совершенству и определяют свою судьбу. Понятие «цель» означает для Адлера стремление личности к самосовершенствованию.

Адлера считают предвестником современной гуманистической психологии, поскольку он считал каждого человека самоопределяющимся индивидом. Конечно, он признавал значение наследственности и окружающей среды в формировании личности. Но вместе с тем он считал, что индивид – нечто большее, чем продукт этих двух влияний. По его мнению, люди обладают творческой силой, и определяющей чертой человека является его осознанная активность, Эта творческая сила влияет на восприятие, память, воображение, мечты человека и делает каждого архитектором своей собственной жизни.

Основное понятие индивидуальной теории личности – это социальное чувство (чувство солидарности с обществом). К этому понятию Адлер пришёл не сразу. Вначале он придавал большое значение склонности к агрессии и стремлению к превосходству как главным движущим силам развития личности, а также фактору комплекса неполноценности и понятиям компенсации и сверхкомпенсации. В своих ранних работах Адлер утверждал, что движущей силой, управляющей человеческим поведением, является агрессивность, позднее – признал «стремление к власти». Затем он пришёл к выводу о том, что наличие дефекта какого – либо органа порождает субъективное чувство неполноценности, которое ведёт к борьбе за достижение превосходства над окружающими, к появлению гиперкомпенсации и комплекса превосходства. Адлер называет стремление к превосходству и чувство неполноценности двумя сторонами одной медали, поскольку человек, ощущая неполноценность, стремится к успеху, к преодолению трудных ситуаций. Он пишет: «Чувство неполноценности и стремление к превосходству – это всегда две фазы одного и того же явления

человеческой жизни и потому неразделимы» [1, с. 21]. С помощью чувства превосходства индивид получает компенсацию своей неполноценности. Стремление к превосходству учёный не считает биологическим инстинктом, но отмечает, что человеческая природа тесно связана с развитием стремления к превосходству [1, с. 40] .

Впоследствии Адлер делает вывод о том, что решающее значение для индивида имеет чувство сообщества, что это важнейший фактор его нормального развития. Социальное чувство, по его мнению, преобладает над индивидуалистическим стремлением, человек всегда жил в группах для самосохранения. Важнейшим обстоятельством, способствующим развитию социального чувства, является беспомощность человека и медленное развитие в период младенчества и детства. «Все величайшие достижения человеческого духа, а по сути само развитие человеческих способностей происходит под влиянием социальной жизни и в связи с эволюцией социального чувства» [1, с. 94]. Человек, находящийся в контакте с другими людьми, должен развивать в себе социальное чувство. Проявление всех человеческих качеств, всех достижений человеческого ума возможно только в тесной связи людей друг с другом [3, с. 365].

Индивид живёт в человеческом сообществе, узнаёт и своё отношение к другим и сам активно сотрудничает с ними. Всё поведение человека происходит в социальном контексте, и человеческую природу можно постичь только через понимание социальных отношений. У каждого человека есть естественное чувство общности, или социальный интерес, – врождённое стремление вступать во взаимные социальные отношения сотрудничества. Между человеком и обществом необходимо сотрудничество, а не конфликт. В силу того, что Адлер концентрирует внимание на социальных детерминантах поведения человека, его называют первым социальным психологом в современной теории психологии.

Адлер обосновал и такой принцип, как индивидуальная субъективность, суть которого сводится к следующему. Поведение человека всегда зависит от мнения о себе и о его окружении. Учёный доказывал, что поступки людей мотивированы фиктивными целями – личными мнениями о событиях, регулирующих их поведение, что люди ведут себя в соответствии с этими личными убеждениями, являются ли они объективно реальными или нет. Поведение, по мнению Адлера, отражает индивидуальное субъективное восприятие действительности. Соотнесённость фиктивных целей с реальностью, замечал Адлер, невозможно ни проверить, ни подтвердить. По Адлеру, стремление индивида к превосходству управляется выбранной им

фиктивной целью, которая определена творческой силой индивида, что делает её индивидуально – уникальной. И стремление к превосходству как к фиктивной цели имеет огромное значение. Фиктивные цели помогают более эффективно разрешать жизненные проблемы. Поведение человека направляется осознанием фиктивной жиэненной цели.

Итак, индивидуальная теория личности Альфреда Адлера особое внимание обращает на социальную принадлежность индивида, его творческое «Я»,способность творить свою судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

1. .Адлер, А.Воспитание детей / А. Адлер//. Воспитание детей. Взаимодействие полов. – Ростов- на- Дону: изд – во «Феникс», 1998 – 448 с.
2. Адлер, А. Стиль жизни. /А. Адлер// Психология индивидуальных различий./ Под. ред. Ю.Б.Гиппенрейтер и В..Я.Романова – М.: «ЧеРо», 2002 – 776 с. –(Хрестоматия по психологии).
3. Адлер, А. Взаимодействие полов. /А. Адлер //Воспитание детей. Взаимодействие полов. – Ростов – на – Дону: изд. – во «Феникс», 1998 – 448 с

УДК 177.82

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ ЭРИХА ФРОММА

И.О. Шафаревич
УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена актуальной для глобализирующегося общества проблеме философского осмысления феномена одиночества в творчестве известного мыслителя XX века Э. Фромма. В ней показано, что Фромм рассматривает одиночество в качестве своеобразного способа существования современного человека.

Subject of the article devoted to the actual problem for a globalizing society: philosophical understanding of the phenomenon of loneliness in the work of the famous thinker of the twentieth century, Erich Fromm. In the study of creativity Fromm solitude serves as a unique way of existence of modern man.

Одиночество стало одной из самых сложных проблем, с которыми столкнулось человечество в XX веке. Актуальной она стала и для постсоветского общества. Начинавшийся переход к системе рыночных отношений ознаменовался серьезным духовным подъемом, ростом политической и экономической активности. Каждый человек верил в возможность приобщиться к великим историческим целям, изменить свою жизнь, реализоваться как полноценная личность. Но реальные события, происходившие в обществе переходного периода, лишь усугубили нарастающий социальный и культурный кризис.

Протест против одиночества стал ведущей темой многих учений, возникших на Западе в XX веке. Известные европейские мыслители – Х. Ортега-и-Гассет, А. Камю, Э. Фромм продолжили традицию, начатую С. Кьеркегором, Фр. Ницше А..Шопенгауэром. В их творчестве человек выступил как существо, несущее свою экзистенцию, тяготящееся этим грузом, склоняющееся под тяжестью тревог, вины, оторванности от мира. Наибольшее внимание теме одиночества было уделено американским философом и психологом Эрихом Фроммом. Анализируя проблему одиночества, Э. Фромм рассматривает соотношение между потребностью индивида в единении с другими людьми и его потребностью в автономии и индивидуализации. В противоречивом соотношении и борьбе этих двух «начал» жизни человека он видит содержание всей человеческой истории.

По мнению Э. Фромма, одиночество может рассматриваться двояко. Во-первых, как социальная проблема, представляющая опасность для общества, поскольку спутниками социального одиночества являются алкоголизм, наркомания, тотальное насилие и т.д. Во-вторых, одиночество является личной проблемой, провоцирующей случаи суицида, болезни, душевное расстройство, тревогу, депрессии.

Фромм считает, что человек не может жить без какого-либо сотрудничества с другими людьми. «В любом мыслимом обществе человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить…», – пишет мыслитель [3, с. 123]. Потребность во взаимосвязи с окружающим миром, потребность избежать одиночества составляет самую сущность человеческого бытия. Чувство же полного одиночества, по мнению Фромма, ведет к психическому разрушению так же, как физический голод – к смерти. Однако связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами и это дает ему чувство общности и «принадлежности». «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями, – утверждает Фромм, – можно назвать моральным одиночеством» [2, с. 63]. При этом моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое. Более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой одиночество моральное. Духовная связанность с миром может принимать самые различные формы: «отшельник в своей келье, верящий в бога, или политзаключенный в «одиночке», чувствующий единство с товарищами по борьбе, – они не одиноки морально;

английский джентльмен, не снимающий смокинга в самой экзотической обстановке, или мелкий буржуа, оторванный от своей среды, – они чувствуют себя заодно со своей наукой или какими-то ее символами» [2, с. 43]. Связанность с миром может носить возвышенный характер, но даже если она основана на самых низменных началах, считает Фромм, она все равно гораздо предпочтительнее одиночества. «Религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унизительные, – спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции» [3, с. 325].

Анализируя создавшуюся ситуацию и рассматривая причины, которые усиливают чувство одиночества, Э. Фромм определяет способы обретения общности. Этому вопросу посвящена его работа «Искусство любить». В ней он подчеркивает, что осознание человеком своей отдельности (половой, социальной, национальной, религиозной, расовой и др.) преодолевается любовью, чувством нераздельности с другим. Не случайно мировое искусство сделало тему любви главной, утвердило мнение, что нет ничего более важного и существенного в человеческой жизни. Поиск своей «второй половины» занимает умы миллионов. Личностный успех ассоциируется с реализацией именно этой сферы бытия. Но XX век развивается по своим законам и стремится унифицировать мир. «Едва ли стоит удивляться, что в обществе, где превалирует прагматическая ориентация и где материальный мир представляет основную ценность, «человеческие и любовные отношения следуют законам рынка», – пишет Э. Фромм [2, с. 393].

В современной культуре Э. Фромм видит прямо противоположное отношение к любви: люди стремятся скорее вызывать любовь к себе, чем любить самим. Э. Фромм отмечает, что «**для большинства людей нашей культуры умение возбуждать любовь это, в сущности, соединение симпатичности и сексуальной привлекательности**»[3, с. 76]. В такой установке любовь из проблемы способности превращается в проблему объекта: первостепенным оказывается нахождение достойного объекта, а не собственная способность любить.

Эрих Фромм стремится провести анализ причин, приведших к такому плачевному отношению к любви в современном обществе. Он отмечает, что для современного общества наиболее характерны идеи неограниченного потребления и взаимовыгодного обмена, что накладывает свой весомый отпечаток и на представления об отношениях между людьми. Ценность объекта любви определяется по его социальной привлекательности подобно тому, как упаковка

указывает на значительность товара. «**Едва ли стоит удивляться,** – отмечает Эрих Фромм, – **что в культуре, где превалирует рыночная ориентация и где материальный успех представляет выдающуюся ценность, человеческие любовные отношения следуют тем же образцам**» [2, с. 126].

Фромм убежден в том, что общество, которое ориентирует человека исключительно на потребительство, как главное жизненное устремление, насквозь пропитывается мотивами купли и продажи. Человек, вся жизнь которого сосредотачивается на производстве, продаже и потреблении товаров, сам превращается в товар. Такое общество является патологичным, больным и неизбежно порождает «невротическую», одинокую, отчужденную от своей сущности личность. «В наши дни в человеческих отношениях редко сыщешь любовь или ненависть. Пожалуй, в них преобладает чисто внешнее дружелюбие и еще более внешняя порядочность, но под этой видимостью скрывается отчужденность и равнодушие» [2, с. 119].

Состояние изоляции, одиночества не обнаруживается ни у одного другого вида животных, это – исключительно человеческая ситуация. В книге «Бегство от свободы» Фромм пишет о том, что на протяжении веков люди, обретая все большую свободу, чувствовали себя все более одиноко. Свобода оказалась негативным состоянием, от которого люди стараются спастись. Свобода принесла человеку независимость в его существовании, но в тоже время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Индивид освободился от экономических и политических оков. Но вместе с тем при этом он освободился и от связей, дававших ему чувство уверенности и принадлежности к какой-то общности.

Фромм описывает пути «бегства» от одиночества, которые запечатлеваются в характере человека: садист («вбирает» в себя личности других; они для него не являются личностями, скорее становятся частями собственного «я»), мазохист (включает себя в другого), конформист (сливается со всеми, некритично разделяет все желания и мнения группы). Но все это – неконструктивные пути, так как они разрушают самосознание, разрушают личность и ее самоидентичность. Более удачным способом преодоления одиночества может быть соединение себя в любви и дружбе.

Таким образом, одиночество у Фрома является основной характеристикой современного ему общества и оценивается, прежде всего, как моральное зло, которое необходимо преодолеть. Причины одиночества Фромм видит не в конкретных социально-экономических условиях, а в антропологическом противоречии человека с природой, в экзистенциальных условиях человеческого существования. Оно

появляется не на какой-то определенной ступени развития, а существует с самого начала его возникновения, с того момента, когда человек разрывает свои естественные связи с природой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм, Э. Пути из больного общества / Э. Фромм / / Проблема человека в западной философии / Э. Фромм. – М., 1988. – С. 415.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э.Фромм. – М., 1990. – С. 383.
3. Фромм, Э.Человек для себя: Иметь или быть? / Э.Фромм. – М., 1986. – С. 393.

УДК 101.1: 316

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ГЛАЗАМИ ЭТОЛОГОВ

С.А. Юрис

УО «Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого»

Т.А. Юрис

УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»

г. Гомель, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается несостоятельность социологизаторского подхода к трактовке природы человека и его последствия при реализации проектов социального развития.

The inconsistency of sociologist approach to the interpretation of the nature of the individual and the effects on the implementation of the projects of social development are considered in the paper.

Философия является выражением мироощущений и умонастроений людей определённой эпохи. Неклассическая философия отразила разочарование человечества в достигнутых результатах своего развития. В истории неоднократно появлялись выдающиеся личности, которые чутко улавливали дух времени, суть назревших перемен, артикулировали новые идеалы, ценности и цели общественного развития, имевшие магнетическое воздействие на массы и вдохновлявшие их на преобразование различных сфер общественной жизни. Однако между первоначальными идеалами, целями и планами, с одной стороны, и достигнутыми результатами, с другой стороны, как правило, обнаруживалась большая разница. Всегда получалось нечто иное, отличное от первоначального замысла, отягощённое не предполагавшимися отрицательными последствиями, вызывавшими недоумение и разочарование у самих реформаторов.

Остались, например, неосуществлёнными великие идеалы христианства. Несмотря на то, что приверженцами этой мировой религии считают себя более двух миллиардов землян, жить в соответствии с христианскими заповедями могут немногие.

Не реализованы мечты гуманистов эпохи Возрождения о всестороннем, богатом развитии индивидуальности, утверждении образованности и таланта в качестве важнейших критериев оценки личности. Мы живём в эпоху востребованности системой общественного производства узкоспециализированных профессионалов, и оценивают нас чаще всего по законам рынка, а не по нашим человеческим качествам и духовным достоинствам.

Забыты мечты ренессансных и более поздних утопистов о построении общества, в котором смысл жизни людей будет заключаться во всемерном развитии своих физических и духовных способностей. Современное общество реализовало совершенно иной – потребительский – проект.

Реформация ставила себе цель – утверждение религиозной свободы. Цель была достигнута, но победа оказалась пирровой, так как привела к крушению саму религию. Ощущение метафизических измерений действительности сменилось «онтологическим нигилизмом», по выражению М. Хайдеггера.

Потерпела крушение просветительская программа устранения общественных зол и установления нового общественного устройства. Вера в мощь человеческого разума, в его безграничные возможности оказалась преувеличенной. В реальности способностей разума не хватило для претворения в жизнь лозунга Великой французской буржуазной революции «Свобода, равенство, братство». Неожиданно для её действующих лиц революция закончилась царством террора, появлением нового богатого правящего сословия.

Как попытка ответа на вопрос «что же сделано не так?» при подведении итогов Французской революции возник анархизм. Несмотря на живучесть анархизма как социальной и политической идеологии, его история полна неудач. Построить общество без централизованной государственной власти пока ещё нигде не удалось.

Закончился крахом эксперимент построения социалистического и коммунистического общества – вместо народовластия, равенства и роста благосостояния люди получили тоталитарные режимы, репрессии, нищету, унижение личности. В совсем недавнем прошлом предпринятая в СССР попытка реформирования общественной системы, вошедшая в историю под названием «перестройка», также преподнесла сюрпризы своим «прорабам».

Над загадкой иронии истории ломали головы мыслители разных эпох. Вопросы «кто виноват?» и «что делать?» нельзя назвать типично и исключительно русскими. В чём же причина нереализованности всех упомянутых планов усовершенствования общества и человека? Какие факторы остаются неучтёнными и в итоге не позволяют воплотить в жизнь намеченные возвышенные и благородные цели? В попытке ответить на этот вопрос расхождение между идеалами реформаторских движений и достигнутым результатом объясняли, например, разницей в степени одарённости между лидерами общественных преобразований и рядовыми реализаторами их идей. Так, неудачи социалистического и коммунистического строительства ортодоксальные марксисты-ленинцы пытаются списать на ошибки и просчёты «руководителей стройки», план «архитекторов» же критическому разбору не подвергается. Отсюда ими делается вывод: эксперимент нужно начать сначала – по всей видимости, для того, чтобы, затратив время и энергию людских ресурсов, в очередной раз обнаружить себя в новом тупике.

Более глубокие мыслители причину провалов попыток достижения социальной гармонии усмотрели в односторонности рационалистического воззрения на мир, включая и самого человека. Признавая двойственную биосоциальную природу человека, то есть наличие у него биологических и социальных программ поведения, внимание всё же акцентировали на его социальной сущности, то есть социальных программах жизнедеятельности. Недооценка врождённых программ до сих пор проявляется в доминировании представления о человеке как о неком пластичном материале, который способен принять любую форму под влиянием социальных условий жизни.

Недооценка биологической составляющей человека выражалась, в частности, в том, что представители философской антропологии проявляли отчётливое стремление обосновать исключительность человеческого существа и демонстрировали гораздо большую заинтересованность в установлении принципиальных отличий человека от животного, чем их родственных признаков. Напоминает человеку о его биологическом базисе этология – наука о нравах и обычаях животных, которая устанавливает общие для человека и животного биологические программы поведения. Изучение врождённых программ поведения животных помогает понять мотивы и силы, движущие людьми, выявить биолого-антропологические причины происхождения многих социальных событий и закономерностей. Интерес к этологии отчётливо прослеживается с 60-х годов прошлого столетия, когда в СССР появились книги И.И.

Акимушкина и Г. Спангерберга, позже – Дж. Даррелла и К. Лоренца, в наше время широкую известность приобрели Ф. Моуэт и В.Р. Дольник.

В.Р. Дольник – автор научно-популярного бестселлера «Непослушное дитя биосферы», который является, по оценке специалистов, самым удачным в мировой литературе изложением этологического подхода к поведению человека. Учёным описывается масса инстинктивных программ поведения человека, унаследованных им от животных предков. Дольник отмечает, что в быту понятие «инстинкт» употребляется как символ всего низменного, аморального в человеке. Инстинкты рекомендуется скрывать и подавлять, им противопоставляют мораль и разум. У этологов слово «инстинкт» имеет другое значение. Инстинкт составляет фундамент рассудочной деятельности и ведёт себя весьма корректно по отношению к разуму. Он не командует, а незаметно направляет желания и мысли, оставляя разуму полную свободу облечь желание в подходящую времени и обстановке форму. Нам кажется, что мы поступаем так, а не иначе потому, что так хотим, нас так воспитали, так принято в обществе и даже не догадываемся о том, что в мотивации наших действий участвуют инстинкты.

Один из разделов книги посвящён исследованию природы власти. В.Р. Дольник отмечает, что «первобытный коммунизм» с идеями равноправия и свободы членов общества – это выдумка кабинетных учёных XVIII-XIX веков. На основании своих многолетних исследований он приходит к выводу о том, что биологические, унаследованные от ближайших животных предков инстинктивные программы людей толкают их самособираться в жёсткие авторитарные иерархические системы. Именно такую авторитарную иерархическую систему представлял собой «реальный социализм» XX века, потерпевший историческое фиаско вследствие своей экономической неэффективности и неспособности реализовать великие идеалы человечества – «свобода, равенство, братство».

«Реальный социализм», как и другие исторические авторитарные и тоталитарные государства, представлял собой неэффективную сверхцентрализованную систему, в которой лишённые собственности и инициативы «массы» плохо работали, попрошайничали и воровали, а возвышавшаяся над ними огромная административная пирамида разворовывала и уничтожала львиную долю того, что отнимала в «закрома родины». Для своего утверждения и самосохранения такие государства используют цемент ненависти, целенаправленно возбуждая в своих подданных дух низменной ненависти к в значительной мере вымышленным врагам, внешним и внутренним. В XX веке нацистское государство использует для разжигания ненависти

инородцев фундаменталистское государство – иноверцев, а социалистическое – класс собственников, причём, в реальности мишени для разрядки социальной агрессии могут комбинироваться различным образом.

Этология свидетельствует, что «реальный социализм» является реализацией инстинктивных программ приматов. Например, среди множества опытов, проделанных с обезьянами, был и такой: обезьян обучили, качая определённое время рычаг, зарабатывать жетон, на который в автомате можно получить то, что выставлено за стеклом. Общество сразу расслоилось: одни зарабатывали жетон, другие попрошайничали у автомата, а доминанты – грабили. Труженики сначала распались на два типа: одни работали впрок и копили жетоны, тратя их экономно, а другие как заработают жетон, так сразу и проедают. Спустя некоторое время труженики-накопители, которых грабили доминанты, отчаялись и тоже стали работать ровно на один жетон и тут же его тратить.

Человек ведет себя точно так же, так как наделен инстинктом собственности. Лишение собственности или ограничение на владение ею деформируют его психику, запускают другие инстинктивные программы, делающие человека агрессивным, завистливым и вороватым. В XX веке эксперимент по массовому лишению людей частной собственности показал, что противодействие этому инстинкту делает людей не лучше, а хуже, чем они могли бы быть, владей они собственностью.

Для обеспечения нормального функционирования общества в основании пирамиды государства должны находиться не лишённые собственности, инициативы и влияния на власть «массы» людей, а независимые от государства производители, имеющие достаточно чего-то своего (землю, дом, орудия производства, акции и т.п.). Придаваемые собственностью чувство собственного достоинства и уверенность в собственных силах становятся точкой отсчёта при бессознательном выборе мозгом подходящих программ поведения. Кстати, давно замечено, что как раз обладающие такими качествами люди проявляют в наибольшей степени желание помогать слабым из своего кармана и не требовать ничего взамен. Поэтому общество свободного предпринимательства оказалось способным реализовать во вполне приемлемой для людей форме больше социалистических идеалов, чем общество «реального социализма».

Хроническую низкую эффективность коллективного землепользования В.Р. Дольник также объясняет его неадекватностью врождённым инстинктам. Сельское хозяйство – это взаимодействие живого с живым (человек, рабочий скот, растения, почва, пастбище).

Оно малопродуктивно без заботливой любви со стороны человека. При коллективной же ответственности любовь не родится вообще или угасает, так как исчезает обратная связь – благодарная реакция живого объекта на конкретные усилия человека. Поэтому, в то время как в области техники людям вполне удаётся организовать обширное коллективное производство с высокой эффективностью (так как техническим устройствам вполне достаточно, чтобы с ними правильно, по инструкции обращались), в области сельского хозяйства коллективное производство всегда малоэффективно.

Есть интересные подсчёты относительно распространённости генов, содержащих необходимые для эффективного земледелия врождённые программы деятельности. Среди традиционно земледельческих народов таких генов нет у 10-15% популяции. У остальных гены представлены, но обычно в неполном наборе. В полном наборе ими обладает всего 5% населения. Поэтому, пока земледелием занимается 50-80% людей, урожаи в стране невысоки. Они увеличиваются по мере того, как менее приспособленные к этому занятию работники уходят с земли. Когда же пашня остаётся в руках 3-5% – страна не знает, куда девать урожай.

Этология убедительно объясняет и причины поражения идеологии аскетизма и «безбытности», настойчиво культивировавшихся властью в СССР. Стремление к уюту, комфорту, материальному благополучию квалифицировалось и клеймилось как мещанство, пережиток буржуазного общества. Однако вопреки официальной идеологии общество постоянно формировало социальный заказ на улучшение быта, на возвращение в жизнь уюта и благополучия. И бороться с этим бесполезно, утверждает этология. Самые разные животные испытывают потребность в уединении и обычно имеют укромное место для удовлетворения этой потребности. У людей этот инстинкт проявляется в потребности иметь и благоустраивать, украшать в традиционных для каждого общества формах свой угол, свою комнату там, где человек живёт, и своё рабочее место там, где он работает. Зная эту и другие инстинктивные особенности человека, можно по достоинству оценить всю неестественность идеологии и социальной политики государства в СССР, находивших выражение в «остаточном принципе» финансирования развития тех отраслей, которые призваны удовлетворять естественные человеческие потребности: жилищное строительство, лёгкая и пищевая промышленность и др.

Если социализм легко достижим, но не такой, какого хотят, то коммунизм – утопия недостижимая, потому что он не соответствует никаким нашим инстинктивным программам. Для него нужен другой

человек. Коммунисты попробовали вывести такого человека путём искусственного отбора, уничтожая десятки миллионов «недостойных жить при коммунизме», но оказалось, что подходящего материала для селекции нового человека среди людей просто нет.

Общественные насекомые (термиты, осы, пчёлы, муравьи) имеют иные инстинктивные программы и на основе их образуют действительно коммунистическое общество, где царят рациональные и справедливые правила поведения, которые все выполняются честно, ответственно и инициативно, а пища распределяется в соответствии с потребностями каждого. Для них коммунистическая цивилизация была бы осуществима. Зато, появись там строители социализма или свободного предпринимательства, они потерпели бы крах, а их идеи объявили бы утопическими.

Обеспечение свободы и других идеалов общественной жизни большинству граждан даёт только демократический строй, являющийся продуктом борьбы разума с асоциальными животными инстинктами людей. Человек обладает «двойным» набором врождённых программ социального поведения: ему присущи не только асоциальные, иерархические инстинкты, но и антиагрессивные и альтруистические. Демократия, опирающаяся на гражданское общество и правовое государство, использует и позволяет большинству людей реализовать такие заложенные в них инстинктивные программы, как желание быть свободным, потребность иметь собственность, запрет убивать, грабить, отнимать, воровать, притеснять слабых.

Таким образом, этология позволяет яснее представить биологические программы поведения человека, что чрезвычайно важно учитывать при планировании и проведении социальных преобразований. Как показывает исторический опыт, одна из ошибок многих реформаторов состояла в том, что они исходили из идеализированных представлений о человеке, не учитывали его биосоциальную природу, грешили социологизаторским подходом к ее трактовке, игнорировали инстинктивные программы поведения человека при разработке социальных технологий.

Этология подтверждает правильность мировых тенденций прогрессивного развития и соответствующего им цивилизационного выбора вектора государственного развития, сделанного руководством нашей страны в 90-е годы XX века: построение правового демократического государства, создание гражданского общества, сохранение социальных гарантий для граждан и т.д. Последовательная реализация этих задач ведет к повышению степени гуманности общественных отношений, обеспечению все больших возможностей

для самореализации личности, созданию благоприятных условий для решения проблемы формирования гармонично развитой личности.

УДК 130

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В.Н. Яхно
УО «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого»
г. Гомель, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается процесс глобализации и его влияние на культуру современного общества. Представлены основные точки зрения на проблему мультикультурализма.

The process of Globalization and its influence on Culture of the Contemporary society is considered in this article. The author presents her vision of problems on the Multiculturalism.

Термин «глобализация» стал систематически использоваться с конца 1980-х годов. Однако уже спустя десятилетие И. Бартелсоном был отмечен удивительный факт: всем ясно, что глобализация реальна, но никому непонятно, что она собой представляет по существу. По мнению российского философа Ю.Д. Гранина, социально-политическая история глобализации – это история превращения локальных историй: первобытных и постпервобытных, кочевых и аграрно-ремесленных обществ в политически оформленные ранние государства. А дальше – в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем – и во всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, связавших человечество не только силою государственных форм территориального контроля, но и создавших новые «анонимные» системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации. Иными словами, становление всемирной истории – противоречивый процесс, связанный с приливами и отливами «волн глобализации» на тех или иных территориях планеты, имеющий свой временной и географический масштаб [1, с. 9].

Движущими силами глобализации являются, прежде всего, экономические факторы: формирование единой финансовой системы, борьба за рынки сбыта и энергетические ресурсы, интернационализация стандартов и многое другое. Одной из причин глобализации является и формирование единого информационного пространства. Глобальное распространение информации, безусловно, демократизирует нашу жизнь, унифицирует наши представления о

мире, нашу культуру, наш язык, наши образовательные программы, наши потребительские вкусы. Вместе с тем единое информационное пространство упрощает процессы модернизации и устраняет преграды на пути экономической интеграции. Глубокое влияние информатизации общества и Интернета прослеживается и в формировании разнонаправленных процессов в современной культуре. А глобализация самой культуры рассматривается как процесс трансформации локальных, этнических культур и формирования глобальной техногенной цивилизации.

Глобализация в культуре, в том числе и белорусской, нередко отождествляется с вестернизацией, так как усиливающая своё глобальное господство массовая культура является преимущественно американской. В современной социогуманитарной литературе прослеживаются три основные точки зрения касательно культурной глобализации. Первая исходит из того, что культурная глобализация – это объективно необходимое и позитивное в своей основе явление. Например, известный политический обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс» Т. Фридман считает глобализацию безусловным благом. Сегодня, утверждает он, границы между своим и чужим так размыты, что, стреляя в другого, мы попадаем в себя. В соответствии с его «правилом золотой арки» страны, в которых есть закусочные «Макдоналдс», никогда не станут воевать друг с другом. Такая оптимистическая точка зрения на интеграцию и универсализацию культуры является примером, свидетельствующим о том, что наибольшее место в культурной интеграции имеют упрощенные варианты культуры. Например, система ресторанов «Макдоналдс» распространила по миру не только определенный способ и механизм предложения пищи, но и принципы эффективности, калькулируемости, предсказуемости и технического контроля. Такая упрощенная схема распространяется легче, чем сложные смыслы высокой культуры [2, с. 41]. Такую модель впервые описал и охарактеризовал ее американский социолог Дж. Ритцер. Он назвал её ECPC (Efficiency, Calculability, Predictability, Control through Nonhuman Technologies), а пояснил российский ученый Н.Е. Покровский. Он пишет: “Мир XXI в. рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер, и в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя под именем глобализации всем

современным сообщества. Попытаться избежать ее также бесполезно, как в свое время было бесполезно избежать капитализма...» [3, с. 18]. Вторая точка зрения на культурную глобализацию – резко критическая. Она прослеживается в трудах представителей франкфуртской школы: в философии Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, которые впервые открыли феномен культурной индустрии, ведущей, по их мнению, к деградации общества, к непоправимой утрате того, что составляет основу подлинности человека и его бытия. Эти идеи нашли продолжение в структурализме Мишеля Фуко, ситуационизме Ги Дебора, постмодернизме и в других течениях современной мысли. Так, постмодернистские теории образ культуры постсовременного общества выстраивают путем объединения таких цивилизационных характеристик, как традиция и инновация, цикличность и поступательность в развитии, светский характер социальной жизни и признание религиозности в культуре, авторитаризм и демократия, коллективизм и индивидуализм, индустриализация и ограничение пределов роста, локальность и универсальность и т.д. В качестве примера такого общества обычно приводят Японию. Американский социолог С. Хантингтон назвал данную позицию «модернизацией без вестернизации». Основы третьей точки зрения, умеренно критической, были заложены английским социологом Р. Хогартом. Выходец из рабочей семьи, он исследовал в 1930-е годы XX века процесс приобщения английских рабочих – выходцев из крестьян – к городской культуре. Процесс адаптации у них был не автоматическим и пассивным: рабочие проявляли способность к сопротивлению и уклонялись от «городских культурных стандартов». Каждая из названных позиций в той или иной мере отражает реальное положение вещей, но всё же первая точка зрения имеет меньше сторонников, нежели две другие. Поскольку западные культурные стереотипы продолжают свою экспансию во всем мире, то именно там формируются и основные способы ответов на требование признания коллективных идентичностей. Создаются модели бесконфликтного взаимодействия различных культур и цивилизаций. Одна из них называется «мультикультурализм». По определению французского социолога Мишеля Вевьёрки, «мультикультурализм» – это публичная политика, существенная часть институтов, правовых и государственных (или местных) действий по обеспечению культурным различиям (по крайней мере, некоторым из них) признания в общественной сфере» [4, с. 22].

Феномен «многокультурности» или мультикультурализм возник, прежде всего, в иммигрантских странах: в Соединенных Штатах, Канаде, Австралии, Швеции и других странах Западной Европы. Как

уже отмечалось, с конца 1960-х годов во всем мире наблюдаются две главные тенденции общественного развития. С одной стороны, происходит универсализация связей и отношений. Так, благодаря интенсивному общению, телевидению, радио и особенно Интернету появились общие для всех стран культурные единицы: мода, массовая культура, туризм, массовое потребление, спорт и др. Но, с другой стороны, становление планетарной экономики привело к нарастающей миграции, росту числа диаспор с их специфическими культурными притязаниями и это, соответственно, породило проблему «роста производства культурных различий» с которыми приходится считаться [2, с. 33].

В настоящее время можно обозначить три модели мультикультурализма как социального движения и определенной идеологии. Первая модель преодоления культурно-этнической разнородности – ассимиляция. Она ориентируется на полное или близкое к тому растворение меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности. Она требует сделать культурные особенности практически невидимыми или исключить их из общественной сферы. Ярким примером может служить Франция, которая, начиная со времени Великой французской революции, опирается на идеи республиканства и проводит политику культурного универсализма, стремится нивелировать этнические и языковые различия, построить светскую и гражданскую республику. Вторая, интегративная модель, нацелена на воспитание толерантности. Она предполагает сохранение каждой этнокультурной общностью своей идентичности. В то же время данная модель базируется на строгом разделении общественно-политической и частной сфер. В первой сфере последовательно осуществляется принцип равенства прав и свобод всех членов общества. Наличие культурных различий приемлемо, поскольку не создает сложностей в сфере закона и порядка, не порождает насилие и конфликты. Вторая сфера, охватывающая культурные, религиозные и другие аспекты, считает различия частным делом отдельного человека, поэтому в личной жизни они приемлемы. Следует отметить, что и в этом случае, как правило, проводится политика, направленная на стирание культурных, этнических и языковых различий, хотя делается это не всегда открыто. Государства, выбравшие вторую модель, называются этническими нациями, например, Германия. Третью модель, собственно мультикультурализм, в известной мере можно определить как попытку преодоления предыдущих моделей, некий третий путь решения культурного и национального вопросов. Эта модель возникла в Канаде и США в 80-90-е годы XX века. Прежде всего, это так называемый

«интегративный мультикультурализм», который сочетает требование культурного признания с борьбой против социального неравенства. Так, например, в Австралии и Швеции ставилась цель одновременно признать культурные особенности определенных групп, в основном иммигрантского происхождения, а также помочь их членам получить доступ к работе, жилью, здравоохранению, образованию для детей и т.д. В США основной целью было решение острой проблемы афро-американского меньшинства, сглаживание разрушительных последствий расизма. В этом плане мультикультурализм выступал как политика определенных льгот и компенсаций, проводимая, прежде всего, в сфере высшего образования. А Канада официально определяет себя как многокультурное общество, покоящееся на англо-французском двуязычии, ею принят специальный закон о многокультурности. В настоящее время, мультикультурализм вышел за границы Северной Америки и оказал влияние на другие страны. В частности, в Австралии, Колумбии, Парагвае и Южной Африке были приняты конституции, основанные на мультикультурализме. Российский научный и политический контексты оценки мультикультурализма очень разнообразны. Политические оценки опираются на противоречивый характер процесса формирования единой российской нации и отмечены необходимостью решительно противостоять экстремизму и национализму [5, с. 86]. Современный дискурс мультикультурализма в России скорее противопоставляет индивидуальные права и интересы групповым, усматривая в последних основную угрозу гражданским свободам. В Беларуси вопросы культурного многообразия, как правило, рассматриваются в рамках идеи толерантности, а мультикультурализму отводится вспомогательная роль в проблематике социогуманитарных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранин, Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация» / Ю.Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 3-15.

2. Бирюкова, М.А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур / М.А. Бирюкова // Философские науки. – 2001. – № 1. – С. 33-42.

3. Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В.Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3-21.

4. Вевьёрка, М. Формирование различий / М. Вевьёрка // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 13-23.

5. Низамова, Л.Р. Российские и западные трактовки мультикультурализма / Л.Р. Низамова // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 80-89.

СЕКЦИЯ

2

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

УДК 325.111

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕЛА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Л.Ю. Герасимович, Л.Е. Назаренко
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Многообразие социальных изменений, совокупность которых составляет современную переходную эпоху, выступает основным источником и содержанием различных трансформационных процессов.

Современная социально-экономическая и политическая трансформация затрагивает практически все сферы белорусского общества, к числу которых относится и село.

Белорусское село – это 24 тысячи населенных пунктов, свыше 1,3 тысячи сельских советов, 2,1 тысячи сельскохозяйственных организаций, в которых работает более 450 тысяч человек, т.е. около 11% от общего числа занятых в экономике страны. От того, как будут жить и работать эти люди, зависит не только продовольственная, но и социальная безопасность, а значит и национальная безопасность государства в целом.

Поворот государства к необходимости возрождения села сформулировал новое отношение сельских жителей к роли государственных структур в улучшении их жизнедеятельности, о чем свидетельствуют данные неоднократно проводимых социологических опросов.

Происходящие изменения в деревне, в ее экономике, социальной жизни и культуре могут служить обобщающим индикатором глубины и социальной направленности системных реформ, проводимых белорусским государством. Это связано с тем, что село является не только основой народнохозяйственного комплекса Республики Беларусь, но и хранителем традиционной системы ценностей и традиционных форм хозяйства, определяющих характер общества и его национальный менталитет. Миссия крестьянства остается прежней, как и в прошлом: трудиться на земле, сохранять семейные и общинные ценности культуры, обустраивать сельские территории, кормить город. В условиях продолжения реформ по возрождению села, начатых в 2005 году в нашей стране, особую остроту приобретает проблема объединения максимума возможностей государства и общества по стабилизации и дальнейшему развитию сельской сферы. Сегодня важно обеспечить адаптацию села к новым экономическим реалиям,

трансляцию современному поколению сельских тружеников в равной мере различных форм сельскохозяйственного опыта.

Основой экономики агропромышленного комплекса в республике является крупное товарное производство, но его техническое переоснащение высвобождает все большее число работников, которых нужно занять на селе, развивая личные подсобные, фермерские хозяйства, создавая рабочие места напрямую не связанные с сельскохозяйственным производством.

Эта задача, в свою очередь, вызывает необходимость комплексного подхода к развитию многоукладности не только в производственной, но и в социальной сфере с целью повышения трудовой активности сельского населения. Обеспечить это можно через устойчивое развитие сельских территорий, мотивацию труда сельчан путем эффективного использования государственных средств для обустройства деревни, формирование качественно новых сельских поселений – агрогородков с учетом особенностей сельского образа жизни и труда, то есть развитие социальной инфраструктуры, как условия прочности экономического и социального положения сельского населения.

Успехи, достигнутые в современной белорусской деревне, впечатляющие. В прошедшей пятилетке регионы Беларуси, а также многие населенные пункты преобразились. По данным социологических исследований материальное положение сельчан с 2000 по 2010 год улучшилось почти в 7 раз [1]. Постепенно создается системный и прозрачный, а не декларативный механизм функционирования АПК, обеспечивающий как равные условия для всех его участников, так и развитие непроизводственной сферы деревни. Благодаря широкомасштабной программе возрождения и развития села, реализуются государственные социальные стандарты, то есть нормы и нормативы социальной защиты, выражаемые в денежных выплатах, бесплатных общедоступных услугах и социальных пособиях, 1481 сельских поселений, приобретают статус агрогородков, развивается рекреационная инфраструктура деревни, функцией которой является воспроизводство здоровья и работоспособности человека. Для сельских жителей построено более 68 тысяч благоустроенных домов и квартир [1]. Продолжается развитие комплекса туристических объектов и услуг: сельские гостиницы, дома отдыха, кемпинги, центры народного ремесла, агроусадьбы. Ныне 884 субъекта хозяйствования активно задействованы в белорусском агроэкотуризме [2]. Развитие сельской рекреационной сферы становится актуальным именно сейчас, когда урбанистическая

техногенная цивилизация угрожает не только природной среде, но и физическому самочувствию, духовному миру человека.

Вместе с тем, структура сельского населения Республики Беларусь по-прежнему деформирована, а тенденции депопуляции не преодолены. Происходит одновременное снижение рождаемости и увеличение смертности. Почти каждый третий житель деревни находится в пенсионном возрасте, сокращается число детей и подростков. Продолжается нерациональная миграция сельского населения в города – 90 процентов населения, выбывающего из села, составляет молодежь. Все это ведет к усложнению проблемы формирования кадров, способных воспроизводить и развивать материальный и интеллектуальный потенциал страны.

Главной причиной негативных тенденций в формировании трудоресурсного потенциала села является культурная гегемония города, разрушение традиционных крестьянских ценностей, которые еще в период индустриализации стали активно и объективно вытесняться городскими. Исторически этот процесс начался с развитием капитализма и продолжается до сих пор в странах с незавершенной индустриализацией либо там, где есть еще резервы сельского населения. Так, в Республике Беларусь, по данным переписи 1999 года доля горожан в общей численности населения составляла 69,3 %, то по данным переписи 2009 года она составила 74,3 %, соответственно удельный вес сельского населения снизился в 2009 году до 26,1% [3].

Современная депопуляция белорусской деревни складывалась по мере перехода от аграрного общества к индустриальному, крестьянство начало утрачивать материальные основания своей жизнедеятельности, тысячелетиями органически связанные с природой, с "биосферными технологиями". Индустриализация, а в последствии и информатизация потребовала включения села в более интенсивные и устойчивые отношения с остальным обществом. С этого началось широкомасштабное раскрестьянивание – процесс вытеснения излишков сельских трудовых ресурсов в города для работы на промышленных предприятиях и утрата крестьянством собственной самоидентичности, мировоззрения и духовных ценностей, присущих предшествующим поколениям, т.е. утрата собственной культуры и замена ее городской культурой.

Данный процесс происходил под влиянием как политического, так и экономического факторов. Первый связан с формированием политической системы, которая обеспечила бы диктат города над деревней, необходимый в эпоху индустриализации. Для этого

государству надо было обеспечить перетекание избыточных сельских трудовых ресурсов в города для работы на промышленных предприятиях. С развитием капитализма и утверждением у власти буржуазии, последняя проводит в жизнь такой политико-экономический проект, который работает на расширение рынка, развитие индустриальных отраслей, а, следовательно, и политику раскрестьянивания деревни. Второй фактор – экономический, предполагал вовлечение сельского населения в систему рыночных отношений и вытеснение традиционных крестьянских хозяйств крупными сельскохозяйственными предприятиями, ориентированными на прибыль и использующими наемную рабочую силу. Такие предприятия, конкурируя с мелкими товаропроизводителями, разоряют их и вытесняют избыточный трудовой ресурс деревни в города. Проводя экономическую модернизацию, государство ставит задачу осуществления программы широкомасштабной урбанизации.

С этого момента начинается ослабление социально-классовой значимости крестьянства, которое лишь опосредованно связано с технологическими инновациями. Системообразующим звеном данной связи на протяжении веков была община, как основа социально-экономической организации хозяйствования на земле. Утрачивая общинную базу сельскохозяйственного производства, традиционное крестьянство теряет объективные основания своего существования в качестве общественно-исторического субъекта и начинает замещаться другими социальными группами сельского населения.

В XXI веке, как и прежде, город представляется сельской молодежи более привлекательным, в силу утраты мировоззренческих установок крестьянства, делавших специфический образ жизни единственно возможным для многих поколений деревенских жителей. Можно ли возродить эти традиции? Вряд ли. Об этом свидетельствует опыт 90-х годов XX в., когда много говорилось о возрождении у крестьянина чувства хозяина, акцентировалось внимание на внедрении рыночных механизмов в сельское хозяйство, во многих постсоветских республиках разрушались колхозы, раздавались сельскохозяйственные земли в частную собственность, но ожидаемый ренессанс деревни так и не наступил, напротив, она оказалась тогда в упадке.

В Беларуси, благодаря сохранению в основном государственной собственности на землю и целенаправленным мерам по возрождению и развитию села со стороны государства, удалось остановить деградацию экономическую, но не удалось пока преодолеть тенденцию депопуляции в деревне. Дело в том, что основным мотивом молодежной миграции из села является не столько экономический

мотив, сколько социокультурный. Город привлекает людей перспективами интересного и насыщенного проведения свободного времени, расширением круга общения, возможностями творческой самореализации и карьерного роста. Но многие из этих мотивов иллюзорны, город живет по достаточно жестким законам и использует сельский трудовой ресурс по своему усмотрению, особо не ориентируясь на его запросы.

Можно сказать, что развитие социальной и производственной сферы белорусского села создало предпосылки для его социально-культурного возрождения в новом качестве. Именно деревня, осуществляющая помимо продовольственной функции духовную, экологическую и рекреационную может стать в настоящее время научно-техническим и культурным центром не менее значимым, чем город. С одной стороны, именно она призвана воплощать био и экотехнологии, которые наиболее перспективны на современном этапе технического развития, с другой, в обществе все более глубокой становится потребность в агроэкотуризме, что требует развития сельской рекреационной инфраструктуры. Для реализации и той и другой тенденции необходимо привлечение в сельскую местность творческого и предпринимательского кадрового потенциала, что могло бы сделать жизнь в сельской местности более привлекательной, чем жизнь в городе для людей, обладающих такими способностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Наш исторический выбор – независимая, сильная и процветающая Беларусь, Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на четвертом Всебелорусском собрании. - [Электрон. ресурс] – Портал Президента Республики Беларусь. - Режим доступа:http://www.president.gov.by/press101782.html#doc. - Дата доступа :20.02.2011.

2. Агроусадьбы: границы ширятся [Электрон. ресурс] - Информационный портал Беларуси "Мой BY". – Режим доступа: http://www.moyby.com/news/31671. - Дата доступа: 10.02.2011.

3. Численность и естественный прирост населения [Электрон. ресурс] -Национальный статистический комитет Республики Беларусь. - Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php. - Дата доступа: 10.02.2011.

УДК 631.1:339.13

АДАПТАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА СТРАНЫ К РЫНОЧНЫМ УСЛОВИЯМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В.А. Головков

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В.И. Комик

УО «Столинский государственный аграрно-экономический колледж»
г. Столин, Республика Беларусь

Рассматриваются проблемы адаптации сельского хозяйства республики к работе в условиях рыночных отношений и предлагаются возможные варианты их решений

Authors have considered problems of adaptation of Belarus agriculture to market relations. hey offer variants of the decision of these problems.

С распадом СССР во вновь образовавшихся государствах тотальный кризис, охвативший все сферы общественной жизни, а особенно экономику, политику и мораль. Наступил хаос и безвластие. И только длительная работа во всех звеньях общественного организма смогла оздоровить государство.

Ныне Республика Беларусь находится на этапе перехода от экономики с абсолютным господством государственной собственности, которая имела место во время существования Советского Союза и в основных своих чертах продолжает оставаться по сей день в нашей стране, к многоукладной рыночной экономике с равноправным развитием всех форм собственности. Но эту проблему в наш век ускоренной глобализации и стремительного развития НТП успешно решить невозможно без инновационного развития национальной экономики, в том числе ее аграрного сектора. Без ее успешного решения ни одна страна мира сегодня не может рассчитывать на достижение устойчивой конкурентоспособности национально-хозяйственного комплекса.

На наш взгляд, самой серьезной проблемой белорусского сельского хозяйства является неопределенный юридический статус сельхозорганизаций и, соответственно, форма собственности, что существенно сказывается на отношении к этой собственности и на результатах работы. «Это – не мое – суть многих проблем села».

Осуществляемое реформирование сельскохозяйственных организаций не затрагивает сложившиеся экономические отношения и форму собственности. С проблемами, обусловленными отчуждением собственности, наша страна столкнется уже в ближайшем будущем. Альтернативы данному процессу нет, именно такой путь проходили и

проходят все страны с переходной экономикой. По мнению В.Н. Шимова, «вся деятельность в сфере преобразования отношений собственности должна быть направлена на достижение конечной цели – повышение эффективности экономики в целом и каждого субъекта хозяйствования в частности» [1].

В нынешних условиях предлагается продолжить реформирование сельскохозяйственных организаций, не подлежащих экономическому оздоровлению традиционными мерами вследствие низкой эффективности хозяйствования и высокой финансовой задолженности, по схемам, включающим:

- продажу или передачу в аренду коммерческим структурам в порядке, установленном соответствующими нормативными актами;
- присоединение к экономически устойчивым сельскохозяйственным предприятиям, а также к перерабатывающим и обслуживающим организациям;
- присоединение к промышленным предприятиям в качестве аграрного цеха для продовольственного обеспечения трудовых коллективов;
- создание крестьянских (фермерских) хозяйств;
- разделение имущества предприятия между членами коллектива для самостоятельного ведения крестьянского или фермерского хозяйства.

Таким образом, главное отличие современного подхода к реформированию сельскохозяйственных организаций состоит в изменении производственно-экономических отношений, и, прежде всего, формы собственности. Следовательно, будет реализовано предусмотренное Гражданским кодексом право граждан республики хозяйствовать на земле на принципах частной собственности. Возрастет роль финансового и технического потенциала промышленных и перерабатывающих организаций, частного капитала в деле укрепления аграрной экономики.

Актуальность такого подхода к реформированию сельского хозяйства объясняется тем, что, во-первых, формы собственности, на которых базируется сельское хозяйство Республики Беларусь, необходимо привести в соответствие с новой редакцией Конституции: Основной закон признает лишь государственную и частную собственность. Во-вторых, нынешняя оторванность работников сельского хозяйства от средств производства слабо мотивирует труд. Тот же, кто является собственником имущества, по сути владеет в конечном итоге и продукцией. В-третьих, без реформирования вряд ли Республика Беларусь сможет интегрироваться в Мировую экономику,

привлечь иностранные инвестиции и прогрессивные технологии. Государство оказывает максимально возможную помощь сельскому хозяйству, но ее явно недостаточно для обновления основных фондов.

Результаты хозяйственной деятельности за 2005-2010 годы свидетельствуют о том, что производство валовой продукции сельского хозяйства в текущих ценах составило около 85 трлн.рублей, т.е. на рубль валовой продукции тратилось дополнительно почти 0,6 рубля дотаций. За 6 лет товарная продукция сельского хозяйства составила немногим более 50 трлн.рублей, т.е. на рубль товарной продукции тратился рубль государственной поддержки. Такой поддержки не получало сельское хозяйство ни одной страны в мире. Парадокс, но, получив такую поддержку, сельскохозяйственные организации стали еще беднее, т.к. половина выделяемых сумм ушла на уплату процентных ставок по кредитам банков, в уставный фонд Белагропромбанка, на удешевление стоимости отечественной сельскохозяйственной техники, возврат давних долгов, компенсацию пошлин по импортной технике и на другие цели.

Итак, вместо торжественных рапортов об успешном завершении Государственной программы возрождения и развития села на 2005-2010 годы ставится вопрос о финансовом оздоровлении экономики АПК. За 5 лет цены на материальные ресурсы, потребляемые сельским хозяйством, выросли более чем в 2 раза. Этот фактор плюс низкий уровень закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию (даже с учетом дотаций на минеральные удобрения, средства защиты растений, семена) обеспечили в 2009 году рентабельность от реализации продукции только 4,1%, а с учетом государственной поддержки – 13,9%, что недостаточно даже для простого воспроизводства.

Для ведения производства недостает собственных оборотных средств в целом по АПК около – 5 трлн.рублей, в том числе по селу – 3 трлн.рублей. Поэтому и приходится деньги для поддержания и развития производственной сферы и строительства жилья брать в кредит у банков. В результате к концу 2010 г. накопилась задолженность сельскохозяйственных организаций банкам почти на 25трлн.рублей при годовой прибыли 1,0-1,5 трлн.рублей. Сегодня это парализует хозяйственную деятельность сельскохозяйственных организаций. В таком положении переход на самофинансирование весьма проблематичен.

Изменение производственно-экономических отношений в существующих сельскохозяйственных организациях должно идти путем их реформирования в направлении сохранения преимуществ крупнотоварного производства и хозяйственно-административной

целостности, так как именно крупные предприятия в силу своих масштабов имеют более высокую экономическую эффективность [2].

Практика таких стран, как США, ФРГ, Канада и других, свидетельствует о том, что на крупных предприятиях по сравнению с мелкими, в 1,5-2 раза выше производительность труда, значительно ниже себестоимость продукции.

Главная отличительная особенность развития аграрной сферы США в последнее десятилетие 20-го века – формирование крупных ферм и корпораций, которые создали истинное лидерство США на мировом рынке сельхозпродукции.

Опыт СССР, который первым построил крупные индустриальные комплексы, был изучен американцами досконально и использован очень эффективно. Прогрессивным явлением стала вертикальная и горизонтальная интеграция, в которой интеграторами выступили крупные комплексы.

В России исследования по сочетанию крупного, среднего и мелкого производства в животноводческих отраслях были выполнены в 70-х годах 20 века Всероссийским НИИ экономики, труда и управления в сельском хозяйстве под руководством профессора Буробкина И.Н. Были получены хорошие результаты при практической реализации апробированных проектов интеграции. Крупные комплексы кооперировались с мелкими и средними сельскохозяйственными предприятиями, поставляющими корма, ремонтный молодняк, бычков для откорма.

Аналитики называют еще одну характерную черту агропромышленного комплекса – возможность использования огромной государственной поддержки и страхования фермерских хозяйств. По оценке Института США и Канады, объем чистой прибыли американских фермеров практически равняется размеру прямой и косвенной государственной поддержки.

В Республике Беларусь руководители и специалисты властных структур зачастую пытаются выдать образованное укрупнение предприятий как решение задачи создания искомых кооперативно-интеграционных объединений. Вместе с тем известно, что подлинная сквозная кооперация и интеграция имеют несколько иной смысл. Ее цели и задачи – не только в преодолении убыточности, обеспечении устойчивости производства, но и в быстром переходе на рыночные методы хозяйствования, получении конечной конкурентоспособной продукции под потребительский спрос.

В то же время, абсолютно нового в деятельности по созданию кооперативно-интеграционных объединений в АПК республики нет.

Принципы создания их едины и общепризнанны. К ним относятся: добровольность создания, равенство партнерства, самоуправление, справедливое распределение доходов, избежание администрирования, кроме как по закону и др. На таких принципах построено сельское хозяйство всех без исключения развитых стран, которое в последнее время активно идет по пути создания мощных кооперативно-интеграционных структур в виде национальных и транснациональных продуктовых компаний, быстро завоевывающих рыночное экономическое пространство в мировой торговле. В настоящее время в мире доминируют мощнейшие продуктовые компании (по видам продукции) с широко известными брэндами, конкуренцию которым составить со стороны мелких разрозненных производителей и сбытовиков сложно и даже невозможно. Мировые компании задают условия рыночной торговли, определяют порядки продаж (объемы, цены, стандарты), формируют правила допуска и продвижения продукции и иные подобные механизмы. И все это осуществляется посредством экономических и правовых методов и рычагов, не обязательно прибегая к администрированию.

В нашей стране уже создано около 70 кооперационно-интеграционных структур, в составе которых порядка 180 организаций. В соответствии со Стратегией развития сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности на 2011 г. в каждой области планируется создать как минимум по одной такой структуре, работа в которых дает массу преимуществ как производителям сельхозпродукции, так и ее переработчикам. Первые получают заинтересованного покупателя и гарантированный сбыт своей продукции. Заинтересованность переработчика, выражающаяся в материальном и финансовом участии в производственном процессе, будет способствовать более полной реализации потенциала продуктивности растений и животных. В свою очередь, перерабатывающее предприятие будет вознаграждено наличием сырья, на качество и количество которого оно может влиять. Участие в интеграционной цепочке торговых организаций – гарантия успешного продвижения продукции к потребителю.

Уже работающие кооперативно-интеграционные структуры демонстрируют положительную динамику основных производственно-экономических показателей. Их опыт свидетельствует о том, что участие в интеграционной цепочке дает возможность снижения затрат в каждом ее звене, ведет к более справедливому и рациональному распределению прибыли и использованию имеющихся средств, что в целом повышает эффективность деятельности каждого участника.

В то же время некоторые исследователи убеждены, что именно мелкие предприятия наиболее легко и гибко приспосабливаются к изменениям на рынке, быстрее окупают затраты и дают прибыль [4].

На наш взгляд, наиболее правильный вариант выхода из данной ситуации заключается в поэтапной приватизации, передаче сельскохозяйственных предприятий эффективным собственникам. Возможно, это будут руководители и специалисты сельскохозяйственных организаций, а, может, и другие собственники. В любом случае, изменение формы собственности позволит разграничить функции государственного и хозяйственного управления и, безусловно, повысить эффективность отрасли. Процесс этот сложный и длительный. Чтобы создать нового эффективного собственника и сформировать правильное отношение к собственности, полагаем, потребуется не менее 5-10 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шимов, В.Н. Экономическое развитие Беларуси на рубеже веков: проблемы, итоги, перспективы / В.Н. Шимов. – Минск: БГЭУ, 2003. – 229 с.
2. Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 годы. – Минск: Беларусь, 2005 – 96 с.
3. Указ Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2009 №660 «О некоторых вопросах создания и деятельности холдингов в Республике Беларусь».
4. Милосердов, В.В. Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее / В.В. Милосердов. – М: ГУП «Агропрогресс», 1999. – Ч.2. - 268 с.

УДК 130.2 + 316.72 + 008.001

СОВРЕМЕННЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С.В. Донских
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются особенности становления современного регионализма как определенной концепции. На этой основе дается оценка перспектив регионализма для социокультурного развития Европы.

In the article describes peculiarities of the modern regionalism genesis as a concept. On this ground evaluates perspectives of Europe social and culture development.

Среди множества интеллектуальных течений и поветрий, пришедших на постсоветское пространство после распада Советского Союза, было одно малозаметное на первый взгляд направление – регионализм. В отличие от элитарного и шумного постмодернизма или претендующего на истину в последней инстанции неолиберализма

регионализм не любил менторского тона, не обладал развернутой теоретической концепцией, тяготеющей к новому «всепоглощающему» дискурсу, и не опирался на работы общепризнанных авторитетов типа Жака Деррида или Фрэнсиса Фукуямы. Регионализм скромно исходил из «практики жизни», рассматривал проблемы и оптимальные модели регионального развития и стимулировал региональную интеграцию. Не случайно, что в последнее двадцатилетие именно регионализм определил «тематизацию» многих отечественных исследований в экономике, социологии и политологии. Но провозглашение независимости албанской Республики Косово и вызванное этим оживление сепаратистских ожиданий и движений по всему миру от страны басков до Тибета радикально изменило ситуацию в отношении современного регионализма и высветило старые проблемы и пути их решения в принципиально новом свете.

Этимология слова «регион» возвращает нас к римскому культурному наследию. Латинское слово «regio» первоначально обозначало направление, затем – местность, округ, городской квартал. Легендарный республиканский Рим делился на четыре «округа-направления» – региона. В близком к современному значении термин регион стал использоваться со времен императора Августа. Умиротворивший Рим после многолетних гражданских войн Август в 7 г. до н.э. разделил Италию на 11 областей – «regiones», а Рим на 14 округов – также названных «regiones». Таким образом, понятие региона стало обозначать часть социально-политического и культурного целого – Италии и Рима, которые являлись центром цивилизации как таковой. Завоеванные же территории продолжали считаться подчиненными провинциями и не отождествлялись с собственно римскими и италийскими регионами. С распространением императором Каракаллой в 212 г. римского гражданства на все население провинций, к тому времени в значительной степени романизированных или эллинизированных, понятия регионального и провинциального смыкаются. Провинциальная и региональная «вторичность» начинает преобладать над первоначальным равенством регионов по отношению к государственному «центру». Хотя еще при императоре Диоклетиане (284-305), разделившем империю на 12 диоцезов и 100 провинций, для Италии сохранялось традиционное деление на регионы.

Средневековье начало рассматривать регионы как самостоятельные территориально-административные образования. С одной стороны, латиноязычные средневековые элиты, сохранившие пиетет по отношению к исчезнувшей Римской империи, смотрели на

варварские королевства как на части несуществующей империи, что отразилось в латинском названии королевства – «regnum», восходящем к латинскому «region». С другой стороны, варварские королевские династии прекрасно осознавали свою независимость и рассматривали свои «региональные» королевства как полностью суверенные государства. Не случайно, что обладание властью – «regio» – было атрибутом всех независимых средневековых правителей: королей, герцогов, графов.

По мере формирования централизованных государств (первоначально сословно-представительных, а затем и абсолютных монархий) большинство европейских регионов в XVI – XVII в. стало их составными частями на правах провинций. Даже в склонной к шляхетской анархии Речи Посполитой в середине XVIII в. выделялось три провинции: Великопольша, Малопольша и Литва, со своими политическими центрами и интересами, властными элитами и культурными особенностями. Буржуазно-демократические революции конца XVIII в. и становление современных национальных государств потребовали не просто лояльности к правящей династии, но максимальной унификации социально-политической и культурной жизни «национально организованного общества». Как писал в 1789 г. революционер-либерал аббат Э.-Ж. Сийес: «Я давно уже чувствую необходимость заново поделить территорию Франции. Если вы упустите эту возможность сейчас, то она никогда более не представится и провинции навсегда сохранят свой провинциальный дух, привилегии, ничем не обоснованные претензии. Франция никогда не достигнет такой политической упорядоченности, каковая необходима для единой нации» [1]. В результате реализации «революционно-модернистского проекта» Франция оказалась поделенной на 83 департамента и 44 тысячи местных коммун. Провинции опять стали регионами – полностью сопоставимыми между собой, обладающими одинаковым правовым статусом неотъемлемыми частями одного национального целого.

Французский опыт «перекраивания» уникальных исторических провинций, античных «regiones» и средневековых «regnum» в однотипные территориально-административные единицы был использован почти всеми странами, ставшими на путь модернизации. Например, по словам У. Кимлика в XIX в. в США территории получали права штата лишь после того, как англоязычное население вытесняло или начинало явно преобладать над коренными индейскими племенами, испаноязычным или франкоязычным населением. Если же это оказывалось невозможно, то границы штатов изменялись таким

образом, чтобы не допустить концентрации индейцев и мексиканцев в границах одного штата [2]. Не случайно, что в американской политической саморефлексии даже понятие региона стало табуированным. Например, классический американский автор начала XX в. Ф.Д. Тёрнер, анализируя становление современных США через освоение и интеграцию новых регионов, принципиально не употреблял данный термин, а писал о «секциях в американской истории» [3].

Однако к середине XX в. тенденции к унификации и централизации в рамках национальных государств стали раскрывать свои негативные стороны. Практически исчез из обращения термин регион. Зато всем было известно пренебрежительное слово «провинция». Отныне «провинциализм» ассоциировался с бесперспективностью, отсталостью, вторичностью какой-либо территории относительно национального центра. Результатом явился отток населения и ресурсов из «провинций» в «столицы» и стагнация многих европейских регионов. Именно эту негативную тенденцию и был призван преодолеть современный регионализм XX века.

Во второй половине XX в. стало очевидным, что национальные государства не смогли преодолеть «провинциального партикуляризма» – этнокультурного своеобразия своих провинций. Феномен «провинциального партикуляризма» оказался амбивалентным. В своем этнографическом модусе – как местный историко-культурный и природный колорит – он скорее стимулировал национальное единство и внутренний рынок услуг. Но если регион сохранял свое ярко выраженное самосознание, отчетливую региональную идентификацию – образно говоря «концептуализированный ментальный модус» – регион имплицитно сохранял интенцию к отделению от национального целого. Более того, регионализм конца XX в. утратил свою связь с уровнем экономического развития. Традиционно в регионализме видели реакцию «бедных провинциалов» на экономические успехи «центров» и «столиц». Но пример испанской Каталонии или итальянской Ломбардской лиги свидетельствуют, что налицо новое явление – региональный «сепаратизм богатых».

В рамках современного регионализма часто выделяют два направления: «старый регионализм» и «новый регионализм». «Старый регионализм» (или «первая волна регионализма») проявился в научных исследованиях и внутренней политике западных стран в 50 – 60-х годах XX в. Он был связан с попыткой посредством политических и экономических реформ в рамках национальных государств расширить полномочия местных органов власти, усилить экономическую заинтересованность и финансовую самостоятельность регионов.

Главная цель «старого регионализма» заключалась в попытке поднять уровень развития депрессивных, бесперспективных и дотационных регионов, снять противоречие между «ведущими центрами» и «отсталыми регионами», национальными столицами и провинциями. По образному выражению немецкого ученого Д. Гердеса это было своеобразное «восстание провинций», принявшее преимущественно культурные формы возрождения этнических традиций и местных диалектов [4]. Сторонники регионализма принимали активное участие в процессе европейской интеграции. Их идеалом являлась т.н. «Европа регионов» – большое социально-культурное и экономическое пространство из множества самобытных регионов, наконец-то распрощавшихся со своей «вторичностью» в рамках классических национальных государств.

«Новый регионализм» («вторая волна регионализма») стал заметен в 80-90-х годах XX в. Он был обращен к проблемам региональной (межгосударственной) интеграции и региональному сотрудничеству. Здесь уже речь шла не просто о евроинтеграции, но формировании в рамках Европейского Союза межгосударственных объединений (концепты «евразийского пространства» и «Центрально-Восточной Европы», Вышеградская группа (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) и Союзное государство Беларуси и России, альтернативные проекты «нордизма» и «скандизма» и т.п.).

Промежуточное положение между «старым» и «новым» регионализмом в Европе занимают «еврорегионы». Их создание началось в 80-х годах XX в. на основе межправительственных соглашений европейских государств. Они включали в себя территориально-административные единицы по обеим сторонам границы. Еврорегионы рассматриваются как сферы сотрудничества приграничных местных властей и сообществ с целью укрепления добрососедства и развития взаимовыгодного сотрудничества в сфере экономики, охраны природы и культуры. Исторически именно эта форма регионализма первой пришла в Центрально-Восточную Европу. С 1991 г. началось активное создание еврорегионов на пограничье бывших социалистических стран. Только вдоль границ Польши было создано 15 еврорегионов, в том числе 2 с участием белорусских регионов: «Еврорегион Буг» и «Еврорегион Неман».

Таким образом, актуализация «регионального дискурса» может рассматриваться как один из «мегатрендов» применительно к пространству западной цивилизации в широком смысле этого слова. С социально-экономической точки зрения это дает дополнительные шансы и возможности для «возрожденных» и/или «вновь

сконструированных» регионов. С политической точки зрения все не так радужно, поскольку культурное наследие «исторических провинций», всегда существующая интенция к трансформации «regio» в «regnum» и ставшее с начала XX в. «самоочевидным» право наций на самоопределение детерминируют имплицитную угрозу сепаратизма. Однако представляется, что для стареющей Европы эта проблема не будет иметь определяющего значения в ближайшей перспективе. Ввиду отсутствия «демографического ресурса» для превращения этой потенциальной угрозы в актуальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тырсенко, А.В. Аббат Э.-Ж.Сийес (1748 – 1836). У истоков французской либеральной идеологии / А.В.Тырсенко // Новая и новейшая история, 1998, № 6. – С.88 – 111.
2. Кимлика, У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад / У. Кимлика // Ab Imperio, 2000, № 3 – 4. – С. 28.
3. Тёрнер, Ф.Д. Фронтир в американской истории / Ф.Д. Тёрнер. – М.: «Весь Мир», 2009. – С. 13 – 21, 247 – 252.
4. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: представления об этнической номинации и этничности XVI – начало XVIII века / А.С. Мыльников. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – С.327 – 328.

УДК 338.124.4 (73+4)

SYNCHRONIZATION OF THE ECONOMIC FLUCTUATIONS DURING THE CRISIS AND ECONOMIC BOOM IN THE UNITED STATES AND THE SELECTED COUNTRIES OF THE CENTRAL AND EASTERN EUROPE

Marcin Idzik
Faculty of Economic Sciences
Department of Economics of Agriculture
and International Economic Relations
Warsaw University of Life Sciences – SGGW

The work presents the notion of “contagion” as one of the paths of transmitting international economic crises. It presents the results of the analysis of the synchronization of the changes in economic activity in the United States and in the Slovak Republic, Poland, Czech Republic, Russian Federation and Hungary economies during the crisis periods. We observe high similarity in the course of the fluctuations of the economic activity in the studied countries with the economic fluctuations in the United States. During the crisis, the correlation between the infected economies and the economy which is regarded as infecting is stronger than in the period of economic growth. The range and the magnitude of the fluctuations are bigger than it is suggested by the classic effect of transmission of the fluctuations.

Introduction

At present, it is becoming more difficult to find economies which have a closed character. There is also a clear tendency of individual countries and

economies to open more widely to what is happening on the international markets. The ties between economies tighten along with the synchronization of the fluctuations of the elementary variables which determine the condition of the economies. Actually we can talk about contagion when the economic foundations are unable to explain the concurrence of the economic magnitudes [2]. The contagion concerns the markets which have relatively weak direct economic ties, for example, through trade exchange.

The work presents the notion of “contagion” as one of the paths of transmitting international economic crises. It presents the results of the analysis of the empirical synchronization of the changes in economic activity in the United States and in the: Slovak Republic, Poland, Czech Republic, Russian Federation and Hungary economies during the crisis periods. The analysis includes monthly ranges of the period from January 1994 to December 2010 and based on the current economic situation indexes (index of sold production of industry).

What is the phenomenon of synchronization of the economic fluctuations during the crisis and economic boom?

The assessment of the economic changes in different countries forces us to consider the high similarity of the occurrence of the crisis phenomena and their strong synchronization. The empirical analysis creates grounds for posing a question about the mechanisms behind the transmission of economic phenomena. In practice, it means that a slump in one country provokes a crisis in another. The international transmission of the crises, in other words transferring the crisis phenomena around the world, currently takes on a form of dominoes and is frequently determined as a phenomenon of contagion.

All the streams of international economic flows may be the carriers of the economic impulses. Traditionally, the basic meaning was attributed to the exchange of goods and services, to the transfer of the capital, particularly short-term, and to direct investments. However, the role of these mechanisms was questioned because the common feature of the effect of these mechanisms was a relatively long time necessary to transmit the impulses. It is impossible to explain a near-immediate adaptation of the economic situation in the country and abroad or near-simultaneous slumps in the economic situation with the use of any of the classic mechanisms [1, S. 102].

The notion “contagion” was borrowed from the epidemiology for the needs of the economic research. We can speak about the source economy where the economic breakdown originates and the host economy; which, due to the negative impulses from abroad, starts to have economic problems. The contagion is defined by indicating its three basic features. It concerns

the markets which have relatively weak direct economic ties, for example, by means of trade exchange. The stimuli spread much faster and more violently than it could be surmised from the normal economic ties and the similarities in the economic foundations. The range and the scale of the fluctuation are bigger than it is suggested by the classic effect of the fluctuation spread. The World Bank suggests three definitions of contagion:

1. Broad definition—contagion is an international transmission of shocks or a spillover effect. The transmission which is understood in this way may concern both good and bad periods and it does not have to be identified with crises. However, it can be more vivid during the crises.
2. Narrow definition—contagion is a transmission of shocks to other countries or ties between the economies which go beyond the fundamental relations and common shocks. This definition most frequently comes down to extremely similar changes on the markets which are explained mainly by herd behavior.
3. A very narrow definition—we come across contagion when during a crisis the correlation between the economies is stronger than during the periods of economic growth.

An analysis of the phenomenon of transmission of economy in 1994-2010 selected countries of the central and eastern Europe

This work adopted the narrow definition of contagion according to which we are dealing with a contagion when during a crisis, the correlation between the economies is stronger than in the period of economic growth, and the economic impulses spread much faster than it could be surmised from the conditions connected with trade exchange.

The basic variable determining the chronology of the economic events was the index of the current economic condition for the United States expressed in the monthly data. This index of the current economic condition is the measure of the changes in the value of the sold production of the industry which shows the current business activity. The selected period for analysis contained two full phases of economic growth (January 1994 - May 2000, and February 2002 - November 2007), two full phases of economic recession, crisis (May 2000 - February 2002 and November 2007 - July 2009), as well as one (incomplete) period of economic expansion which started in July 2009 until December 2010 which is when the most recent data were available (Fig. 1). The criterion of division was comprised of the selected turning points of the economic cycles (the highest values in a given cycle). The analysis was conducted using the concept o measuring cyclical fluctuations as deviations from the trend in a time series after having removed the seasonality, accidental fluctuations, and after the procedure of normalizing the data.

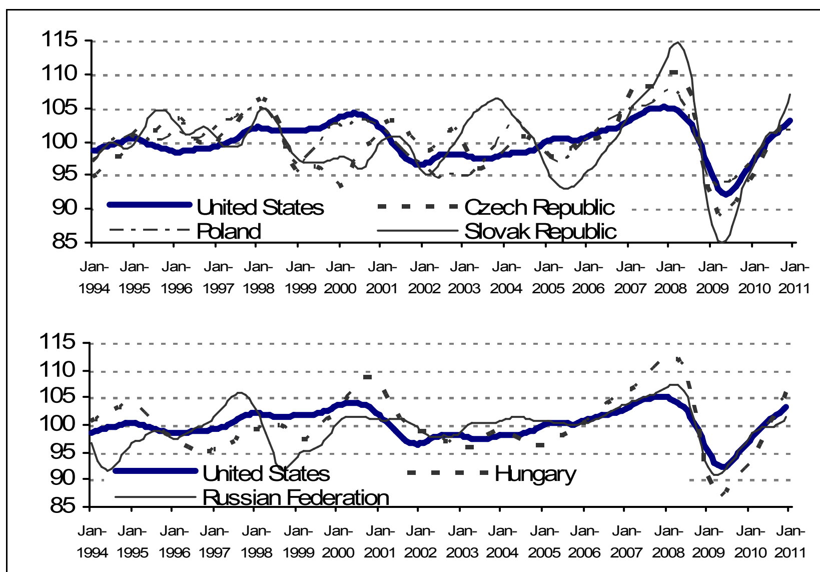


Figure 1. The index of the current economic condition the countries with the economy of the United States.
Source: Own analysis on the basis of OECD data.

In the studied period of January 1994 – December 2010, among studied economies, the lowest coefficient of correlation with the changes in activity in the economy of the USA has Slovak Republic (0.53). The greatest synchronization of the business cycles occurs in the case of Hungry (0.84). Over the time, we observe higher and higher similarity in the course of the fluctuations of the economic activity in the studied countries with the economic fluctuations in the United States. Table 1 presents the values of the coefficients of correlation of the index of the current economic situation of the studied countries with the index of the current economic situation in the USA during the crisis and in the period preceding the crisis. Among studied countries during the crisis (December 2007 – July 2009), we found out an increase of correlation in comparison with the period of good economic situation (February 2002 – November 2007) preceding the onset of the crisis.

In the period preceding the crisis, the values of the coefficients of correlation fell into the range from 0.1 to 0.76. The greatest increase in the correlation coefficient happened in the case of Slovakia (by 0.76). In the case of Poland, in the whole studied period, we observed a correlation with the fluctuations of the economy of the United States on the level of 0.78. In

the period preceding the subprime crisis, this coefficient of correlation was 0.78, and during the crisis, it increased by 0.18 to the level of 0.96.

Table 1 – Correlation of the monthly values of the index of the current economic condition in the USA with the chosen economies during the economic increase and economic crisis (Coefficients of correlation in bold type increased in the given phase of the cycle in comparison with the previous phase of the cycle)

	Correlation for the period 1994-2010	The value of the correlation coefficients during a crisis and economic boom					Lead(-), delay (+) (in months)	
		Jan 1994 - Apr 2000 Boom	May 2000 -Jan 2002 Recession	Feb 2002 - Oct 2007 Boom	Nov 2007 - Jun 2009 Recession	Jul 2009 - Dec 2010 Boom	Nov- 2007 (High turning point)	Jul – 2009 (Low turning point)
Slovak Republic	0,53	-0,40	-0,19	0,23	0,99	0,99	+4	-1
Poland	0,78	0,24	0,99	0,78	0,96	0,99	+2	-2
Czech Republic	0,61	-0,29	-0,29	0,84	0,99	1,00	+3	-1
Russian Federation	0,55	0,09	0,77	0,85	0,99	0,97	+4	-2
Hungary	0,84	0,40	0,95	0,90	1,00	0,99	+2	-1

Source: Own analysis on the basis of OECD data.

Close correlation (0.96 to 1) during the crisis and its common increase in relation to the period preceding the subprime crisis confirms the phenomenon of contagion. Thus a question arises, whether the stimuli spread much faster and more abruptly than it could be surmised from the activity of the normal economic ties and similarities in the economic foundations. In order to verify this thesis, we analyzed the dates of the high concurrences (November 2007) and the low concurrence (July 2009) of the turning point which constitute an empirical chronology of "getting caught" by the crisis (the high turning point) and reaching the beginning of the economic boom (the low turning point).

The analysis of the dates of the occurrence of the high turning point marking the beginning of the decline in the economic activity in the United States and the analogous points in the other studied countries shows that economies of the studied countries reached the high turning point (entered the crisis phase) from 2 to 4 months later than the American economy. Entering the phase of decline in the American economy was a warning forecast and, at the same time, a sign of inevitable breakdown of the other economies.

Over the time, we observe higher and higher similarity in the course of the fluctuations of the economic activity in the studied countries with the economic fluctuations in the United States. The "confidence import" can be

included in the newest factors influencing the spread of crises. At present, the influence on economy occurs, among other things, through the financial markets and because of “sentiment,” in other words, expectations (moods).

In the context of the presented definitions of transmission of economy through contagion, the following are the reasons for the occurrence of this phenomenon:

- a breakdown of the economy concerned the markets which had weak direct trade connections with the market of the United States,
- the economic impulses spread much faster and more abruptly than it could be surmised from the effects of the normal economic ties and similarities in the economic foundations. The breakdown of the economy in the majority of the studied countries was delayed by 2-3 months in relation to the economic decline in the United States,
- the range and the magnitude of the fluctuations are bigger than it is suggested by the classic effect of transmission of the fluctuations,
- the economic foundations are unable to explain the concurrence of the economic magnitudes between the economy of the United States and the economies of the majority of the studied countries. It can be observed that a transmission of shocks from the economy of the USA to other countries goes beyond the fundamental ties and common shocks.
- during the crisis, the correlation between the infected economies and the economy which is regarded as infecting is stronger than in the period of economic growth.

LITERATURE

1. Barczyk, R., Kąsek, L., Lubiński, M., Marczewski, M., *Nowe oblicza cyklu koniunkturalnego.* Warszawa: PWN, 2006.
2. Forbes, K., Rigobon, R., C*ontagion in Latin America: definition, measurement, and policy implications*, “Working Paper” 7885 National Bureau of economic research, September 2000.
3. Forbes, K., Rigobon, R., *No contagion, only interdependence: measuring stock market co-movements,* “Working Paper” 7267 National Bureau of economic research, July 1999.
4. Mazurek, Sz., Ścieżki międzynarodowej transmisji Recessionów. [w:] Czech-Rogosz J., Pietrucha J., Żelazny R. (red.), Koniunktura gospodarcza – od bańki internetowej do kryzysu subprime. Warszawa, 2009.

УДК 339.5(438)

TENDENCJE W ROZWOJU MIĘDZYNARODOWEGO HANDLU TOWARAMI WE WSPÓŁCZESNEJ GOSPODARCE

Elżbieta M. Kacperska
Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie
Warszawa, Rzeczpospolita Polska

The work contains the analysis of world merchandise exports in 1960-2009. The authors presents world merchandise exports by region and selected economy (geographical and goods structures).

Wstęp

Najbardziej rozwiniętą formą międzynarodowych stosunków gospodarczych jest handel międzynarodowy. Towarzyszy on ludzkości od starożytności, jednak w ostatnich latach dynamicznie zwiększa swoją wartość. Przyczyn tego stanu jest kilka (1) specjalizacja międzynarodowa, (2) liberalizacja obrotów np. w WTO, (3) procesy integracji międzynarodowej, (4) internacjonalizacja działalności gospodarczej w formie inwestycji zagranicznych, czy (5) postępująca globalizacja.

Celem pracy było przedstawienie długofalowych tendencji w międzynarodowym handlu towarami. Zakres badań obejmuje lata 1960 – 2009 i przedstawia zmiany w strukturze geograficznej i rzeczowej światowego eksportu towarowego.

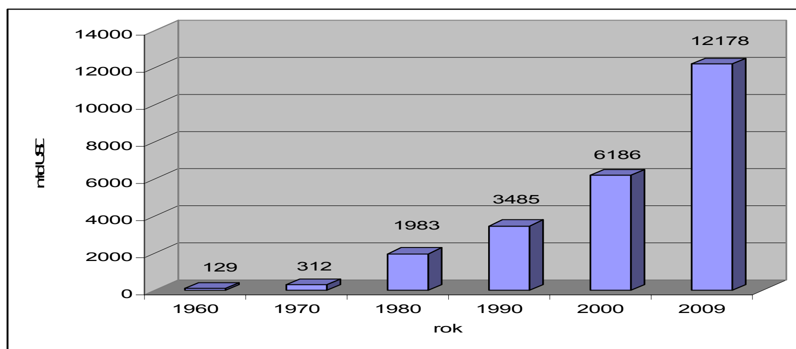
Wartość i dynamika zmian w międzynarodowym handlu towarowym

Światowy eksport towarowy od 1960 roku charakteryzuje się tendencją rosnącą. W 1960 r. wyeksportowano towary za 129 mld USD, dziesięć lat później wartość ta była prawie 2,5-krotnie wyższa. W analizowanym okresie najwyższy wzrost wartości eksportu odnotowano w latach 1970 -1980, jego wartość wzrosła ponad 6-krotnie. W kolejnych latach następował dynamiczny wzrost do 2001 r. Wówczas nastąpił gwałtowny spadek światowego eksportu, którego główną przyczyną było osłabienie koniunktury gospodarki światowej i ataki terrorystyczne. W kolejnych latach powróciła tendencja wzrostowa. W 2008 roku zanotowano rekordową wartość eksportu 16026 mld USD. Kolejny rok nie był tak dobry, wartość eksportu światowego spadła o 3 848 mld USD, co było efektem ogólnoświatowego kryzysu finansowego (wykres 1).

Do uwarunkowań wzrostu obrotów towarowych na świecie obok liberalizacji handlu międzynarodowego (znoszenie ceł przez WTO) należy zaliczyć integracje regionalne i tworzone w ich ramach strefy wolnego handlu i unie celne, które przejawiają się efektem kreacji i przesunięcia

handlu, jak też zdecydowany wzrost udziału produktów zaawansowanych technologicznie.

Wykres 1 − Wartość światowego eksportu towarowego w latach 1960-2009 (w mld USD)



Źródło: opracowanie własne na podstawie: International Trade Statistics, 1991, GATT, Genewa, International Trade Statistics, 1999 WTO, Genewa, International Trade Statistics, 2010, WTO, Genewa.

Dynamika wartości światowego eksportu w okresie 1960 - 2009 była wyższa od dynamiki jego wolumenu, ze względu na wzrost cen towarów będących w obrocie międzynarodowym (poza okresem 1990-2000). W analizowanym okresie zauważono również wyższe tempo wzrostu wartości i wolumenu światowego eksportu towarowego w odniesieniu do światowej produkcji i światowego produktu wewnętrznego brutto (tabela 1 i 2).

Tabela 1. Średnie roczne tempo wzrostu światowego eksportu, światowej produkcji i produktu wewnętrznego brutto w latach 1960-2009

Wyszczególnienie	**1960-1970**	**1970-1980**	**1980-1990**	**1990-2000**	**2000-2009**
Wartość światowego eksportu	9,2	20,3	5,5	6,2	8,7
Wolumen światowego eksportu	8,5	5,3	3,9	6,4	3,0
Światowa produkcja	6,0	3,8	2,5	2,5	1,5
Światowy produkt wewnętrzny brutto	5,5	4,1	3,2	2,3	2,0

Źródło: jak w wykresie 1.

Tabela 2 − Wielkość i dynamika międzynarodowego handlu towarowego w latach 2000-2009

Wyszczególnienie	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Ogółem światowy eksport	186	5984	6272	7545	9192	10487	12129	13956	16026	12178
Dynamika światowego eksportu (rok 2000 = 100)	100	96	101	117	143	163	188	218	250	194
Dynamika światowej produkcji (rok 2000 = 100)	100	99	100	104	109	113	117	117	119	113
Dynamika światowego produktu wewnętrznego brutto (rok 2000 = 100)	100	102	104	106	110	114	118	122	124	121

Źródło: obliczenia własne na podstawie danych ze źródeł jak w wykresie 1.

Struktura rzeczowa handlu międzynarodowego

Z analizy okresu 1960-2009 wynika, że w strukturze handlu dominowały produkty przemysłu przetwórczego. Ich udział wahał się od 60% do 75% w ogóle eksportu. W okresie 2000-2008 wartość wyeksportowanych towarów podwoiła się, taką tendencję zaobserwowano wśród produktów rolnych (ale tylko grupie produktów przetworzonych). Tendencja dominacji produktów przemysłowych w handlu międzynarodowym była efektem szybszego wzrostu popytu na te wyroby w odniesieniu do surowców i produktów żywnościowych, jak też szybszego wzrostu cen tych wyrobów.

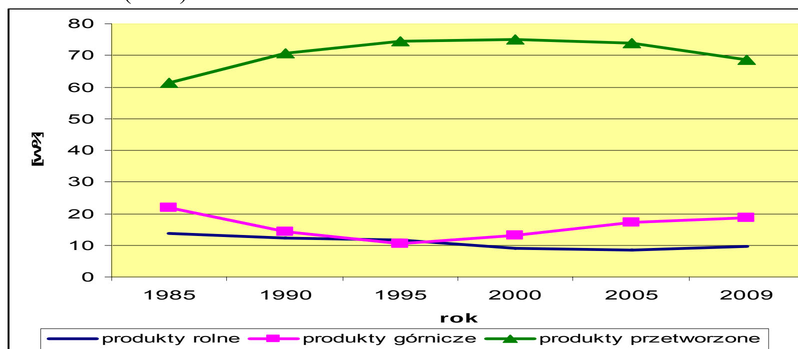
Dosyć zmienna tendencja występowała na rynku surowców mineralnych. Ich eksport zarówno wzrastał jak i spadał, co było związane głównie z wahaniami cen ropy naftowej i zmianami koniunktury gospodarki światowej. W okresie 2003 – 2008 nastąpił wyraźny wzrost eksportu surowców mineralnych a jego wartość była ponad 4-krotnie wyższa w 2008 r. w odniesieniu do 2000 r. (tabela 3 i wykres 2).

Tabela 3 – Dynamika wzrostu światowego eksportu w układzie rzeczowym w latach 2000-2009

Wyszczególnienie	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Produkty rolne i surowce	100	100	106	124	142	154	171	205	243	212
Paliw, rudy metali, surowce mineralne	100	90	91	113	151	210	268	309	411	256
Produkty przemysłowe	100	96	101	117	142	155	176	203	223	178

Źródło: jak tabela 2.

Wykres 2 – Udział grup towarowych w światowym eksporcie w latach 1985-2009 (w %)



Źródło: jak tabela 2.

Struktura geograficzna międzynarodowego handlu towarami

W strukturze geograficznej międzynarodowego handlu towarami w długim okresie nie zaszły znaczące zmiany w układzie grup państw. W światowym eksporcie towarowym od 1980 roku do 2009 dominowały kraje rozwinięte gospodarczo. Ich udział w analizowanym okresie wahał się od 70,9% do 56,6% z tendencją malejącą (tabela 4). Kraje te eksportowały głównie wyroby o wysokim stopniu przetworzenia.

Drugą grupę stanowiły państwa rozwijające się, które sukcesywnie zwiększają swój udział w światowym eksporcie. Ich udział wzrósł z 24,3% w 1990 roku do 39,5% w 2009 r. Kraje transformujące gospodarki od 1995 r. wzmacniają swój udział w światowych obrotach. W 2008 r. ich udział zwiększył się do 4,6% a w kolejnym roku spadł o 0,8 punktu procentowego (tabela 4).

Tabela 4 − Światowy eksport według grup krajów w latach 1960-2009

Grupy krajów	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Kraje rozwinięte	66,3	69,61	72,3	69,9	65,7	60,3	58,8	58,3	56,4	56,6
Kraje rozwijające się	29,5	25,4	24,3	27,7	31,8	36,2	37,4	37,8	39,0	39,5
Kraje transformujące gospodarki	4,2	4,99	3,4	2,3	2,3	3,4	3,7	3,9	4,6	3,8
Ogółem świat	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Źródło: opracowanie własne na podstawie Handbook of Statistics 2010, UNCTAD New York, Genewa

Z analizy regionów wynika, że największy udział w eksporcie posiada Europa Zachodnia o stałej tendencji około 42%. Największy udział wśród państw europejskich w handlu towarowym wykazują się Niemcy, Francja, Wielka Brytania i Włochy. Drugim regionem pod względem wielkości udziałów w eksporcie towarowym jest Azja z tendencją wzrostową. Udział państw w tego regionu zwiększył się z 12,4% w 1963 r. do 29,4 w 2009 r.

Tabela 5 − Światowy eksport wg regionów w latach 1948-2009 (w %)

Wyszczególnienie	1963	1973	1983	1993	2002	2008	2009
Świat	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Ameryka Północna	19,3	16,9	15,4	16,6	15,1	11,1	11,3
Ameryka Łacińska	7,0	4,7	5,8	4,4	5,6	5,7	5,7
Europa Zachodnia	41,4	45,4	38,9	44,0	42,4	41,0	41,2
Europa Środ. i Wsch. oraz b. ZSRR	11,0	9,1	9,5	2,9	5,0	b.d.	3,7*
Afryka	5,7	4,8	4,4	2,5	2,2	3,5	3,2
Bliski Wschód	3,2	4,1	6,8	3,4	3,9	6,5	5,7
Azja	12,4	14,9	19,1	26,1	25,8	27,7	29,4
Chiny	1,3	1,0	1,2	2,5	5,2	9,1	9,9
Australia i Nowa Zelandia	2,4	2,1	1,4	1,5	1,3	1,4	1,5

* dla 2009 dane odnoszą się do państw CIS zgodnie z klasyfikacją WTO.

Źródło: *International Trade Statistics*, WTO, Genewa 2010.

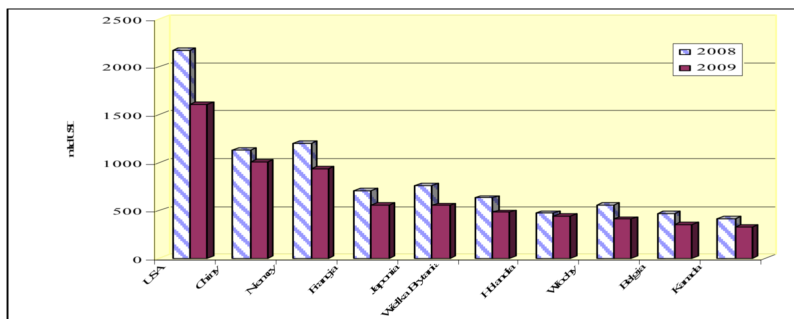
Najdynamiczniej rozwijającym się krajem z Azji są Chiny. Ich udział w światowym eksporcie wzrósł z 1,3 % w 1963 r. do 9,9% w 2009 r. W 2008 i 2009 r. Chiny plasowały się na drugim miejscu po USA w wartości eksportowanych towarów (tabela 5 i wykres 3).

Trzecim regionem o istotnym znaczeniu dla handlu międzynarodowego jest Ameryka Północna a głównie Stany Zjednoczone. Jednak ich udział w światowych obrotach systematycznie spada. W 1963 r.

Ameryka Północna posiadała 19,3% udziału a w 2009 już tylko 11,3%. Na uwagę zasługuje również fakt spadku znaczenia krajów Europy Środkowo – Wschodniej w handlu międzynarodowym (tabela 5).

Wśród liderów światowego eksportu towarowego obok USA i Chin są Niemcy, Francja, Japonia i Wielka Brytania. Na uwagę zasługuje fakt, że wśród liderów eksportu tylko Chiny są zaliczane do grupy państw rozwijających się (wykres 3).

Wykres 3 − Liderzy światowego eksportu w latach 2008 i 2009



Źródło: jak tabela 2.

Podsumowanie

Międzynarodowy handel towarami w latach 1960 - 2009 dynamicznie wzrastał. W analizowanym okresie wzrastał udział handlu w produkcji przemysłowej. W strukturze handlu dominowały wyroby przemysłowe w tym towary nowe i zaawansowane technologicznie a widoczny był spadek udziału surowców i żywności. W strukturze geograficznej dominowały kraje rozwinięte nad rozwijającymi się, ale z tendencją spadkową. Większość wymiany dokonywana była pomiędzy Europą Zachodnią, Azją (Japonia, Chiny) i USA.

LITERATURA

1. Bożyk P. 2008: Międzynarodowe stosunki gospodarcze. PWE, Warszawa
2. Handbook of Statistics, 2010: UNCTAD, New York Genewa
3. International Trade Statistics, 1991, GATT, Genewa,
4. International Trade Statistics, 2008 do 2010: WTO, Genewa
5. World Trade Report, 2008 do 2010: WTO, Genewa

УДК 316.752

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

И.К. Комарова
ЧУО «БИП-Институт правоведения»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются аксиологические факторы эволюционного развития Беларуси, основанного на синергетическом инициировании традиционных социокультурных ценностей.

Acciological factors of evolution in Belarus based on synergetic initiation of traditional social and cultural values are dealt with in this article.

Начало автономного государственного строительства Беларуси пришлось на время глобализации мирового сообщества. Глобализация представляет собой объективный и отчасти управляемый процесс изменения всех сторон жизни общества, ведущий к превращению мирового сообщества в целостный организм. Этот процесс выражается в становлении системы мировых взаимосвязей, в которой произошедшие изменения или события в одном регионе мира влияют на действия людей, живущих в других его регионах. Глобализация – еще одно проявление динамизма мировой экономики, модификации ее структур как на мировом, так и национальном уровне. Неравномерность и неоднозначность изменений, протекающих в разных странах, затрудняет четкий анализ процессов глобализации, протекающих в каждой стране.

В последние годы идея глобализации активно обозначилась в американском формате. Она связана с расширением экономической активности через границы наций, повышением зависимости эффективности национальных экономик от международного разделения труда, определенным ограничением экономического суверенитета, усилением роли глобальной координации. Беларуси, как и другим восточнославянским государствам, не удастся остаться в стороне от объективных глобализационных процессов, необходимо учитывать феномен глобализации, позиционируя себя в современной системе международных отношений. Страна включена в мировую систему и не находится в изоляции: в информационную эпоху любая страна посредством СМИ, Интернет-сетей связана со всем миром.

Однако нельзя ограничиваться лишь выявлением и суммированием объективных составляющих глобализации. Как социальное явление, глобализация включает в себя субъективную составляющую. Субъектами истории являются люди – как отдельные

индивиды, так и различные их общности. У каждого субъекта имеются свои идеалы, цели и стремления, предметный и интеллектуальный инструментарий для решения возникающих задач. Каждый субъект сформировался в определенной культурной среде, в которой сложились уникальные традиции и обычаи и где действуют специфические социальные установки. Благодаря им человек получает возможность определить, как действовать в новых социальных условиях, пропуская через себя, как через мембрану, привнесенное и традиционное, определяя, что взять, а что переосмыслить и от чего избавиться. Это означает, что процесс глобализации пронизан ценностными отношениями и его детерминация объективными факторами не является жесткой [1, с. 500]. Субъекты относятся к ним избирательно, руководствуясь теми или иными ценностями. Субъективные факторы оказывают доминирующее влияние на формирование национальной мироориентации, на поиски своего места в глобальных процессах, на определение своего вклада в установление нового общемирового порядка, на поиски путей противостояния негативным процессам глобализации во всех сферах. Формирование индивидуальных особенностей личности, освоение ею социальных норм и принципов происходит в рамках национально-культурных общностей. Именно сфера культуры с ее ценностями брака, семьи, морали, права, общественных институтов способна привнести в идеи и идеалы новые смыслы и оценки деятельности, сориентировать на обустройство естественных условий жизни людей, на достижение социального согласия и создание предпосылок для развития личности, меняя тем самым характер и направление объективных глобализационных процессов.

Однако в ситуации радикальных социальных трансформацитоматическое воспроизводство принципов трудовой этики и таких ценностей, как честность, социальная справедливость, крепкие нравы, общее благо, становится все более проблематичным. Они перестают быть всеобщими естественными представлениями, так как важным признаком глобализации объявлено понимание человечества «как человеческой пыли», а практические взаимосвязи, со значительным множеством индивидуальных ценностных шкал и измерений, – рассредоточенными по разным слоям общества, разнесенными по «национальным квартирам». Такие представления игнорируют единое человеческое начало, запас знаний, ту «фабрику значений», которая необходима любому обществу [2, с. 59], и обусловливают потребительское отношение людей к природе, семье, труду, вещам, другим людям, структурам власти и т.п. А культура

несколько запаздывает с выработкой новых ценностей, позволяющих решать эту проблему. В результате возникает множество мега-рисков: самоистребление человечества в термоядерной войне, коллапс биосферы из-за радиоактивного загрязнения среды, изменение химического состава атмосферы, электронный смог, обвальное сокращение производства в условиях острого дефицита ресурсов и др. [1, с. 522].

Сегодня продолжается поиск белорусским обществом образов социальной индивидуальной идентификации, которые отвечали бы требованиям постиндустриального развития общества. Альтернативой предельно рационализированному индивиду, ориентированному на узкую сферу деятельности, обладающему ограниченным кругозором и обедненной эмоциональностью в условиях глобализирующегося мира отличающемуся стандартизированным поведением, можно представить личность, действующую на основе ценностных ориентиров, оставшихся белорусскому народу в качестве «культурного наследства» советской эпохи, поддерживающих этические принципы, нравственный выбор. Причем, духовное наследие советских времен сегодня оказывает амбивалентное влияние на современное состояние белорусского общества, его ценностное сознание, поведенческие шаблоны его граждан, даже на государственную идеологию Республики Беларусь. С одной стороны, происходит консервация отдельных устарелых практик, стереотипов, подходов. В большом объеме сохраняются фрагменты советской марксистской идеологии, концепции «советского человека», стереотипов массового сознания, предрассудков, представлений массовой культуры. С другой стороны, происходит воспроизводство того лучшего, что было создано в прежнюю эпоху. Это, прежде всего, коллективистские черты, присущие современному общественному сознанию белорусов, а также в целом уважительное отношение к своему советскому прошлому, советской истории. Важной социокультурной ценностью белорусов, разделяемой ими с другими народами бывшего СССР, можно считать стремление народа к социальному равенству и социальной справедливости. Постсоветская трансформация возродила у белорусского народа большой интерес к своему досоветскому культурно-историческому наследию: к культурным феноменам, относящихся ко времени Великого Княжества Литовского, к истории белорусов в царской России и еще более ранним культурным образованиям белорусов, уходящим корнями в дохристианскую эпоху. В советских, в постсоветских культурных ценностях белорусов присутствуют культурные архетипы, константно присущие

традиционному массовому сознанию и быту народа. В содержательном плане они отражают менталитет белорусов, те культурные особенности, которые и выделяют их среди других соседних (близких в этническом и культурно-историческом плане) народов [3, с. 243]. Такими архетипами могут считаться сохранившиеся обряды Купалья, народные традиции (каляды, «гуканья вясны») и т.п. Наличие у современных белорусов прочных «исторических корней» – это фактор, позволяющий им создавать новые материальные и духовные ценности, тогда как люди, не знающие корней и не уважающие своих традиций, бесплодны. В советское время элементы этих архетипов были вплетены в семейные праздники и ритуалы. Сегодня они возродились в массовых гуляньях и религиозных практиках. Немаловажными факторами, воздействующими на современную социокультурную идентичность белорусов, выступают узаконенное в стране двуязычие и религиозный плюрализм.

В историческом и культурном пространстве Беларуси соединяются православные, католические, протестантские, иудейские, исламские, языческие и другие религиозные влияния. Эта тенденция проявлялась на протяжении тысячелетней истории белорусского народа и повлияла на формирование таких важных черт национального характера, как толерантность, открытость, гостеприимство, уравновешенность, упорство в достижении целей, трудолюбие, стремление к согласию, мужество, выносливость, жизнестойкость. Белорусской культуре не свойственны проявления национально-религиозной розни, хотя нередко и сейчас ведется религиозная полемика. На этой основе сформировалась такая характерная черта белорусского этноса, как сосуществование языческих и христианских черт в ментальности и культуре.

Идеи «социального серфинга», «гарцующего» смыслового «всадника» созвучны современным идеям синергетики – науки о самоорганизации природы и общества. Использование прошлых достижений, ресурс которых еще не выработан,а также традиционных особенностей жизни своего народа и фактов его истории является плодотворным инструментом для решения своих национальных проблем, наращивания духовного потенциала общества, генерации волн социальных изменений, выступает привлекательной, эмоциональной силой, учитывает духовную и социальную предрасположенность субъектов к переменам.

Следует отметить принципиальные моменты использования указанного социального серфинга. Во всех трансформационных процессах важна органичность, учет социально-исторического,

социокультурного наследия, учет исторических и культурных традиций, ценностей и особенностей страны, осознание ответственности за историческую судьбу страны, глубокое понимание и уважение характера жизни народа, его норм и традиций, ценностей обыденной морали, которыми руководствуется в своей жизни большинство населения.

Генерирование нового успешно функционирует на социальной основе, т.е. с опорой на «человеческий и социальный капитал», на создание благоприятных возможностей для проявления трудолюбия, социальной активности и предприимчивости.

Предлагаемые обществу стратегии развития будут иметь идейно-практические основания для своей реализации при условии соблюдения национальной консолидации, проведения широкого национального диалога, обеспечивающего согласование интересов государства, различных слоев и групп общества, соразмерность частных интересов насущным потребностям страны, требованиям ее динамичного и органичного развития.

Необходимо планомерное следование требованиям политически представленного большинства населения; уважение интересов меньшинств, стремление к учету этих интересов. В жизни белорусского общества важна опора на наличные и потенциально доступные материальные и социальные ресурсы, учет реальных институциональных условий развития государства и общества, гармонизация частных интересов с системой национальных приоритетов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / Ч.С.Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч.С.Кирвеля. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.

2. Криштапович, Е.А. Исторический процесс: от глобализации к демократизации / Е.А.Криштапович // Веснік ГрГУ. Сер.1. Гуманітарныя навукі. – 2003. – №1 (18).

3. Бабосов, Е.М. Основы идеологии современного государства / Е.М.Бабосов. – 2-е изд., доп. – Минск: Амалфея, 2004. – 448 с.

УДК 502

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМАХ ЗЕМЛИ

В.И. Комик

УО «Столинский государственный аграрно-экономический колледж»

г. Столин, Республика Беларусь

В.А. Головков

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются негативные экологические изменения в системах Земли и рассматриваются их потенциальные последствия.

In article authors have analyzed negative ecological changes in Earth system and potential consequences of these changes also.

Хозяйственная деятельность человека связана с физическими, химическими и биологическими процессами, происходящими на нашей планете. При этом во временных масштабах, соответствующих исследованию человеческой деятельности (до сотен лет), процессы могут быть описаны в рамках двух широких понятий – климатическая система и биогеохимические циклы.

Климатическая система непрерывно изменяется в результате взаимодействия солнечного излучения и различных компонентов геосферы и биосферы. Хотя эти изменения происходили в течение миллиардов лет, важный новый фактор, влияющий на эти процессы, появился сравнительно недавно. Это эмиссия парниковых газов в результате деятельности человека. Такие газы сохраняют тепло на поверхности планеты и в нижних слоях атмосферы, поглощая инфракрасное излучение, выделяемое поверхностью Земли и возвращая его вновь на Землю.

Большинство парниковых газов в ней (не было бы и парникового эффекта) и жизнь являются новыми компонентами для атмосферы. Если бы их не было, жизнь на Земле была бы невозможной, поскольку глобальная температура опустилась бы на 30^0 С (что ниже точки замерзания воды).

Водяной пар ответственен за 80% парникового эффекта. Оставшиеся 20% − результат действия так называемых «следовых» газов, т.е. газов очень низкой концентрации. Антропогенные климатические изменения связаны преимущественно с усилением парникового эффекта за счет роста концентрации этих газов, особенно диоксида углерода (CO_2), метана (CH_4), оксида азота (N_2O), тропосферно озона (O_3) и хлорфторкарбонов ($CLFC_5$). Все эти вещества, кроме хлорфторкарбонов, естественны для атмосферы и

естественным образом переходят в био- и геосферу через биогеохимические циклы. Однако в результате человеческой деятельности и долговременного сохранения молекул этих газов в атмосфере (до 400 лет) их концентрация возросла до уровня, снижение которого потребует периодов времени, сравнимых с геологическим временем.

Данные, свидетельствующие об увеличении атмосферной концентрации таких парниковых газов, весьма убедительны. Пробы, полученные из пузырьков воздуха, сохраняющиеся в антарктических льдах до 160 тыс.лет, заставляют говорить о значительном росте их концентрации за последние два столетия, т.е. с начала промышленной революции. Замеры состава воздуха в местах, отдаленных от человеческих поселений и промышленных центров, показывают повышение концентрации этих газов за последние 30 лет.

Исходя из понимания важнейших процессов, управляющих климатическими системами, и знания скоростей изменения концентрации парниковых газов, ученые, занимающиеся проблемами атмосферы, создали целый ряд моделей, на примере которых изучаются возможные изменения климатической системы за счет эмиссии этих газов. Данные, полученные при помощи этих моделей, позволили ученым согласиться в том, что:

- эмиссия газов усиливала в прошлом и продолжает усиливать сейчас парниковый эффект, ведя к повышению средней глобальной температуры на Земле;

- продолжающаяся эмиссия в будущем вызовет еще большее повышение температуры, причем оно будет более значительным и быстрым, чем когда-либо ранее в человеческой истории. Наблюдения за температурой показывают, что ее среднее глобальное значение увеличилось за последнее столетие, т.е. они подтверждают результаты моделирования.

Достаточно определенные прогнозы делаются в отношении повышения глобального уровня моря в результате теплового расширения океанов, причем повышение будет происходить с разной скоростью (и даже направленностью) в разных местах. Эти изменения могут быть смягчены или, напротив, усилены различными видами антропогенной деятельности, изменяющими характеристики земной поверхности (например, обезлесение, ирригация). Серьезной проблемой является также то, что многие экосистемы и виды не смогут приспособиться к быстрым изменениям климатических переменных.

Биологическое разнообразие представляет собой весь набор живых компонентов биосферы – результат процессов эволюции как

скоплений видов (экосистем), так и отдельных их представителей. Биологическое разнообразие может описываться на трех уровнях.

Экосистемное разнообразие представляет экосистемы в данном ареале, вплоть до масштабов Земли.

Разнообразие видов описывает набор видов в данном ареале – от отдельной экосистемы. По имеющимся оценкам, на Земле существует от 5 до 30 млн.видов.

Генетическое разнообразие описывает генетическую информацию на шкалах от отдельного организма. Отдельный организм может насчитывать от тысячи (бактерия) до 400 тысяч и более (многие цветущие растения и некоторые животные) генов.

Потеря биологического разнообразия – это процесс утраты целых экосистем, отдельных видов и генов. Такие процессы происходят естественным образом, однако в недавнем прошлом они ускорились в результате антропогенной деятельности. Примером может служить совокупность случаев, когда на острова (или даже на континенты) завозились новые организмы, где они начинали конкурировать с местными видами, значительно сокращали их численность или даже истребляли, вызывая тем самым значительные изменения в экосистемах.

В настоящее время самые значительные потери видов и генетического разнообразия вызываются изменениями в землепользовании и уничтожением влажных тропических лесов, содержащих свыше половины всех видов, существующих на Земле. Скорость их исчезновения повысилась в результате вмешательства человека в тысячи и десятки тысяч раз.

Такие богатые видами экосистемы, как тропические коралловые рифы, геологически древние озера и прибрежные шельфы также значительно страдают от уменьшения биологического разнообразия в результате деятельности человека. Во всех этих экосистемах потеря биологического разнообразия проистекает как из вымирания особей (вплоть до целых видов), так и из изменений (вплоть до разрушения) физических и биологических условий, необходимых для существования видов. Одним из важнейших факторов оказывается размер экосистемы, оставшейся незатронутой изменениями в землепользовании; он прямо влияет на число видов, способных выжить в данном ареале.

Потеря биологического разнообразия может иметь широкий спектр потенциальных последствий для естественных и управляемых экосистем и для населения, зависящего от этих систем. Выделим самые значительные из них:

- на видовом уровне потеря одного вида насекомых может привести к вымиранию культур, опыление которых осуществляется данными насекомыми; аналогично исчезновение некоего вида может привести к размножению вредителей, численность которых этим видом контролировалась;

- исчезновение обитающих под землей организмов может уменьшить плодородие почв;

- потеря одного вида в продовольственной цепи может привести к уменьшению или полному исчезновению других видов, находящихся на более высоких уровнях.

Все это непосредственно влияет на способность населения Земли к выживанию.

Любые потери видового разнообразия неизбежно снижают генетическое разнообразие, что очень важно для человеческих популяций, ибо речь идет об утрате уникальной генетической информации. Такая информация может оказаться решающей для выведения и развития организмов, необходимых для адаптации планеты к последствиям климатических изменений и эрозии почв, потери опылителей и размножения вредителей. Кроме того, такая информация окажется жизненно важной для успешного развития здравоохранения и продовольственного обеспечения, сельского хозяйства и лесоразведения.

Озон постоянно присутствует в атмосфере, но наиболее высока его концентрация в озоновом слое стратосферы, где он образуется когда солнечное ультрафиолетовое (УФ) излучение разрушает молекулы кислорода (O_2), в результате чего два атома кислорода (O), которые, соединились с другим атомом и молекулами кислорода и образовали молекулы озона (O_3). Эти молекулы, в свою очередь, разрушаются УФ – излучением, поддерживая равновесие между O, O_2, O_3 в стратосфере.

Истощение стратосферного озона – процесс, происходящий из-за нарушения равновесия, либо вследствие реакций между молекулами озона и молекулами хлора, азота, брома, либо когда атомы кислорода вступают в реакцию с другими элементами, уменьшая тем самым общее содержание озона.

Хлор, азот и бром естественны для стратосферы. Однако концентрации хлора и брома значительно увеличились за последние 30 лет в результате растущей эмиссии галокарбонов. Эти химические вещества очень устойчивы в тропосфере, но, попадая в стратосферу, они разрушаются ультрафиолетовым излучением. Высвобождающиеся при этом хлор и бром провоцируют каталитический процесс

уменьшения стратосферного озона. Поскольку каждый атом имеет время жизни около 100 лет, он может разрушить до 10 тыс. молекул озона. В определенной степени процесс истощения стратосферного озона может быть сдержан растущей концентрацией других парниковых газов (CO_2, CH_4, N_2, O) в стратосфере.

В последние два десятилетия процессы уменьшения озона в стратосфере привели к значительному снижению его среднего глобального уровня концентрации. Это снижение зависит от сезона и, в общем, увеличивается по направлениям от экватора к полюсам. Самое значительное снижение наблюдалось во время антарктической весны. Концентрации стратосферного озона, измеренные в октябре 1987 г., составили менее 50% тех, которые были зафиксированы в октябре 1979 года.

Образование «озоновой дыры» является результатом сложного взаимодействия физических и химических процессов, не встречающихся на других широтах. Атмосферные модели показывают, что концентрация озона в стратосфере будет уменьшаться на всем земном шаре вследствие длительного времени жизни молекул хлора и брома, которые уже находятся в атмосфере или попадут туда в будущем. Однако, поскольку ни взаимодействие различных химических веществ в стратосфере, ни уровень их будущей эмиссии не известны полностью, невозможно и предсказать будущую скорость уменьшения концентрации озона.

Стратосферный озон очень важен для биосферы, поскольку он поглощает большую часть ультрафиолетового излучения, вредного для животных и растений. Нарастание потоков УФ-излучения, достигающих поверхности Земли, грозят человечеству ростом таких заболеваний, как рак кожи и нарушение зрения, а также подавлением иммунной системы. Кроме того, может снизиться урожайность сельскохозяйственных культур и произойти изменения в экосистемах моря. Процесс УФ-поглощения имеет значение также для климатических процессов, для трансформации солнечного излучения в механическую энергию ветра и тепла, для запуска важнейших химических реакций.

Итак, снижение концентрации озона в стратосфере, вероятно, должно влиять на климат, что мешает ученым предсказывать будущие климатические изменения как на глобальном, так и на региональном уровнях.

УДК 378.14:355.2.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА ВОЕННОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

В.М. Кривчиков, С.М. Орочко

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются содержание и структура технологии обучения на военном факультете высшего учебного заведения. Рассмотрены признаки технологии обучения, критерии того, как деятельность военного преподавателя организована на технологическом уровне. Показана стратегия современного высшего военного образования как развитие и саморазвитие личности будущего офицера.

This article discusses the content and structure technology training at the military faculty of higher education institution. Considered signs of learning technologies, criteria that the activity of a military instructor organized at the technological level. Shows the strategy modern higher military education as the development and self-development of a future officer.

Понятие «технология обучения» впервые введено на конференции ЮНЕСКО в 1970 году. В докладе «Учиться, чтобы быть», опубликованном этой организацией, названное понятие определяется как движущая сила модернизации образовательного процесса, а в докладе «Как учиться» впервые приводится его определение. В нем технология обучения характеризуется как совокупность способов и средств связи (общения) между людьми, возникающих в результате информационной революции и использующихся в дидактике [1, с. 38].

Технология обучения (технологический процесс) характеризуется тремя признаками:

- разделением процесса на взаимосвязанные этапы;
- координированным и поэтапным выполнением действий, направленных на достижение искомого результата (поставленной цели);
- однозначностью выполнения включенных в технологию процедур и операций, что является непременным и решающим условием достижения результатов, адекватных поставленной цели [5, с. 302].

Технология обучения связана с оптимальным построением и реализацией учебного процесса с учетом гарантированного достижения дидактических целей. Это положение является ключевым, так как именно в определении наиболее рациональных способов гарантированного достижения поставленных целей и заключается основной смысл технологизации учебного процесса. Таким образом, технологический подход к обучению предполагает проектирование

учебного процесса с целью гарантированного достижения дидактических целей, исходя из заданных исходных установок (социальный заказ, образовательные ориентиры, цели и содержание обучения) [6, с. 53].

В качестве второго ключевого положения, позволяющего раскрыть сущность технологического подхода к учебному процессу, целесообразно рассматривать применение педагогом соответствующих средств обучения. В любой технологии обучения большая нагрузка по реализации дидактических функций отводится применяемым преподавателем средствам. Однако значение данной составляющей технологии обучения не нужно абсолютизировать.

Если проанализировать подходы, существующие в современной дидактике высшей военной школы, то в качестве основных характеристик технологии обучения можно назвать: системность, научность, интегративность, воспроизводимость, эффективность, качество и мотивированность обучения, новизну, алгоритмичность, информационность, возможность тиражирования, переноса в новые условия и др.

Такое многообразие характеристик требует выделить некий обобщенный инвариантный признак технологии обучения, отражающий ее сущность. Его можно определить как законосообразность технологии. Ведь технология обучения – это, прежде всего, педагогический процесс, максимально реализующий в себе дидактические законы и закономерности и, благодаря этому, обеспечивающий достижение конкретных конечных результатов. Чем полнее постигнуты и реализованы эти законы и закономерности, тем выше гарантия получения требуемого результата. Таким образом, критерию законосообразности должны соответствовать все ведущие признаки технологии обучения.

В качестве обобщенного определения можно предложить следующее: технология обучения – это законосообразная педагогическая деятельность, реализующая научно обоснованный проект дидактического процесса и обладающая более высокой степенью эффективности, надежности и гарантированности результата, чем это имеет место при традиционных моделях обучения [4, с. 109].

Это базовое определение может быть модифицировано в тех значениях, когда технология обучения выступает как детерминированный задачами, логически структурированный дидактический процесс, инвариантно протекающий под влиянием определенных педагогических условий и обеспечивающий прогнозируемый результат, либо как целостная система концептуально

и практически значимых идей, принципов, методов, средств обучения, гарантирующая достаточно высокий уровень эффективности и качества обучения при ее последующем воспроизведении и тиражировании. С данной точки зрения технология обучения может рассматриваться как упорядоченная совокупность педагогических действий, операций и процедур, инструментально обеспечивающих достижение прогнозируемого результата обучения в изменяющихся условиях образовательного процесса.

Технология обучения неразрывно связана с педагогическим мастерством преподавателя. Совершенное владение ею и есть мастерство. Но педагогическое мастерство, с другой стороны, – это высший уровень владения технологией, хотя оно и не ограничивается только операциональным компонентом. В среде педагогов прочно утвердилось мнение, что педагогическое мастерство сугубо индивидуально, поэтому его нельзя передать из рук в руки. Однако если рассматривать технологию обучения не как педагогический процесс, а как его проект, своеобразный инструментарий для организации и осуществления педагогической деятельности, то со всей очевидностью можно утверждать, что технология может реализовываться не только ее автором, но и его последователями. При этом, конечно, она будет уточняться с учетом личных профессиональных качеств и параметров, но основные ее структурные компоненты все же будут оставаться неизменными, поскольку они связаны системно, в соответствии с конкретными целями и задачами, для которых проектировались.

Технология обучения – это не что иное, как более высокая стадия развития методики, когда наряду с ее персонификацией производится детальная разработка основных составляющих – целеобразование, прогнозирование, выбор оптимальных форм, методов и средств обучения, организация взаимодействия участников учебного процесса, оценка, контроль и коррекция знаний, навыков и умений обучающихся с целью гарантированного достижения дидактических целей. Таким образом, технологию обучения следует рассматривать в качестве очередного шага в развитии дидактического процесса в высшей военной школе.

В качестве критериев того, что деятельность военного преподавателя организована на технологическом уровне, могут быть выделены следующие:

– наличие четко заданной цели, т.е. корректного представления понятий, операций, деятельности курсантов как ожидаемого результата обучения, способов диагностики достижения этой цели;

– представление изучаемого содержания в виде системы познавательных и практических задач, ориентировочной основы и способов их решения;
– наличие достаточно жесткой последовательности, логики, определенных этапов усвоения темы (материала, набора профессиональных функций и т.п.);
– указание способов взаимодействия субъектов учебного процесса на каждом этапе (преподавателя и обучающихся, обучающихся друг с другом);
– использование военным преподавателем наиболее оптимальных (с точки зрения результативности учебного процесса) средств обучения;
– мотивационное обеспечение деятельности преподавателя, курсантов, основанное на реализации их личностных функций в этом процессе (свободный выбор, креативность, состязательность, жизненный и профессиональный смысл);
– указание границ правилосообразной (алгоритмической) и творческой деятельности военного преподавателя, допустимого отступления от единообразных правил.

Стратегию современного высшего военного образования составляют развитие и саморазвитие личности будущего офицера, способного не только обслуживать имеющиеся социальные технологии, но и выходить за пределы нормативной деятельности, осуществлять инновационные процессы, процессы творчества в широком смысле. Эта стратегия воплощается в принципиальной направленности содержания и форм учебного процесса высшей военной школы на приоритет личностно-развивающих и профессионально-ориентированных технологий обучения. Мера их эффективности существенно зависит от того, в какой степени полно представлен в них человек в его многообразной субъективности, как учтены его характерологические и психологические особенности, каковы перспективы их развития или угасания.

Одним из ключевых элементов любой технологии обучения является обратная связь, осуществляемая между конечным результатом учебной деятельности и каждым промежуточным этапом технологии. Она выступает в качестве связующей артерии, которая пронизывает весь учебный процесс в военном вузе и позволяет его оперативно и своевременно уточнять и корректировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбов, В.И. Педагогическая технология / В.И.Боголюбов. – Пятигорск: ПГЛУ, 1997. – 245 с.

2. Долженко, О.В., Шатуновский, В.Л. Современные методы и технология обучения в техническом вузе / О.В.Долженко, В.Л.Шатуновский. – М.: Высшая школа, 1990. – 278 с.
3. Домрачев, В.Г., Ретинская, И.В. О классификации компьютерных образовательных информационных технологий / В.Г.Домрачев, И.В.Ретинская // Информационные технологии. – 1996. – № 2. – С. 10-13.
4. Педагогика: педагогические теории, системы и технологии: Учебник для студентов высших и средних педагогических учебных заведений / Под ред. С.А.Смирнова. – 4-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 512 с.
5. Педагогика: Учебное пособие / Под ред. В.А.Сластенина, И.Ф.Исаева, А.И.Мищенко, Е.Н.Шиянова. – М.: Школа-Пресс, 1997. – 512 с.
6. Смирнов, С.И. Технологии в образовании / С.И.Смирнов // Высшее образование в России. – № 1. – 1999. – С. 109-112.

УДК 339.187.64

UWARUNKOWANIA PRAWNE I METODYCZNE WYCENY NIERUCHOMOŚCI W POLSCE

E. Laskowska
Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego
Warszawa, Polska

This article contains aspects about forming methods of valuation of estate in Poland in period after the end of World War II and analysis of current law conditions and methods of valuation of estate.

Wstęp.

Po II wojnie światowej potrzeba wyceny w Polsce, zwłaszcza wartości rynkowej, straciła swoje znaczenie. Związane to było z wprowadzeniem w gospodarce centralnego planowania i zahamowało rozwój teorii wyceny. „Przestaliśmy z czasem wiedzieć co ile kosztuje, a zatem i co ile jest warte z ekonomicznego punktu widzenia” [Bud-Gusaim 2001, s. 19]. Z początkiem lat sześćdziesiątych zaczęły pojawiać się prace, w których podjęto tematykę wyceny w aspekcie potrzeb rachunkowości rolniczej. Na uwagę zasługuje *Rachunkowość rolnicza* R. Manteuffla [1965], czy wydana w 1971 roku wydana praca K. Miękusa *Taksacja rolnicza.*

Wraz z powrotem do gospodarki rynkowej w Polsce zaistniała potrzeba stosowania metod wyceny odzwierciedlających realia rynkowe. Najbardziej poszukiwana stała się wartość rynkowa, zaś przedmiotem wyceny nieruchomość, jako przedmiot obrotu na rynku. Podjęto działania zmierzające do opracowania zasad metodycznych szacowania, uwzględniających zaistniałe potrzeby. Przy ich opracowaniu wykorzystano dorobek z zakresu metod wyceny innych krajów, funkcjonujących nieprzerwanie w warunkach gospodarki rynkowej. Główne założenia metodyczne oparto na brytyjskiej teorii wyceny. Jedną z pierwszych

publikacji w tym okresie jest opracowanie pod redakcją A. Hopfera *Wycena nieruchomości* [1991]. Metodyka wyceny nieruchomości zaczęła być normowana w przepisach urzędowych i prawnych: *Tymczasowe zasady wyceny nieruchomości. Przepisy ogólne* [Ministerstwo Finansów 1994], *Zarządzenie Ministra Gospodarki Przestrzennej i Budownictwa w sprawie szczegółowych zasad ustalania wartości nieruchomości* [1995] a następnie *Ustawa o gospodarce nieruchomościami* [1997]. Opracowano także normy zawodowe w *Standardach Zawodowych Rzeczoznawców Majątkowych*, które są wydawane i aktualizowane od 1995 roku.

Uwarunkowania prawne wyceny

Podstawowym aktem prawnym regulującym zasady wyceny nieruchomości w Polsce jest *ustawa o gospodarce nieruchomościami z dnia 21 sierpnia 1997 r.* oraz przepisy wykonawcze do ustawy, a wśród nich *rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 21 września 2004 r. w sprawie wyceny nieruchomości i sporządzania operatu szacunkowego*.

Powołana wyżej ustawa zawiera regulacje dotyczące ogólnych zasad wyceny nieruchomości, w tym:

- zdefiniowanie wartości: rynkowej, odtworzeniowej i katastralnej oraz wymóg określania tych wartości przez rzeczoznawców majątkowych,
- wprowadzenie i zdefiniowanie podejść stosowanych w wycenie: porównawczego, dochodowego, kosztowego i mieszanego,
- określenie wymogu wykonywania opinii o wartości nieruchomości w formie operatu szacunkowego,
- wprowadzenie uregulowań dotyczących działalności zawodowej rzeczoznawców majątkowych: zasady nadawania uprawnień w zakresie szacowania, wymóg stosowania się rzeczoznawców do przepisów prawa oraz standardów zawodowych, odpowiedzialność zawodowa rzeczoznawcy majątkowego,
- regulacje dotyczące wyceny w sytuacjach prawnych związanych z gospodarką nieruchomościami Skarbu Państwa oraz samorządowych jednostek terytorialnych

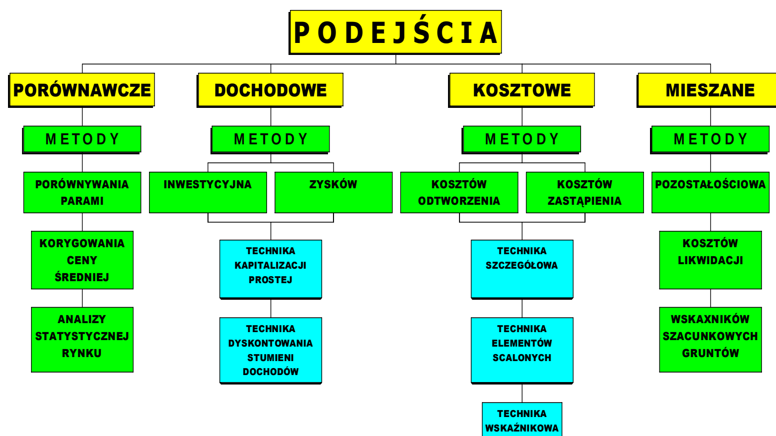
Rozporządzenie Rady Ministrów w sprawie zasad wyceny... [2004] w sposób szczegółowy rozwija i precyzuje zasady wyceny zawarte w ustawie. Można wyróżnić trzy obszary regulacji zawartych w tym przepisie prawnym:

- metodyka wyceny, w tym: zdefiniowanie metod i technik oraz opisanie procedur ich stosowania,
- zasady wyceny dla celów szczególnych, m.in. będących przedmiotem regulacji ustawy o gospodarce nieruchomościami,
- operat szacunkowy jako opinia o wartości, w tym: wyszczególnienie zawartości i tryb jego sporządzania.

W zależności od celu i przedmiotu, zasady wyceny zawierają inne przepisy szczególne, głównie w zakresie rodzaju określanej wartości, daty, na którą określa się stan i wartość przedmiotu wyceny, a niekiedy również sposobu wyceny. Do takich przepisów prawnych oraz celów z nich wynikających zalicza się m.in.: *ustawę o gospodarowaniu nieruchomościami rolnymi Skarbu Państwa z dnia 19 października 1991 r., ustawę o planowaniu i zagospodarowaniu przestrzennym z dnia 27 marca 2003 r.; ustawę o rachunkowości z dnia 28 września 1994* r. czy ustawy podatkowe. Przedstawione przykłady ingerencji przepisów prawa w proces wyceny nie są jedynymi. Rzeczoznawca majątkowy, oprócz posiadania wiedzy z zakresu metodyki wyceny, obszaru dotyczącego przedmiotu wyceny (często różnorodnego), powinien znać uregulowania prawne w aspekcie wykonywanych przez niego czynności zawodowych.

Współczesna klasyfikacja metod wyceny

Zgodnie z obowiązującymi w Polsce przepisami prawa, w klasyfikacji metodycznej wyceny nieruchomości wyróżnia się cztery *podejścia* (grupy metod): porównawcze, dochodowe, kosztowe i mieszane. W ramach podejść wyodrębnia się właściwe dla nich *metody*, które z kolei obejmują *techniki*, stanowiące szczegółowe formuły obliczeniowe (rys.).



Rys. − Klasyfikacja metod wyceny nieruchomości w Polsce

Źródło: Opracowanie własne na podstawie Ustawy o gospodarce nieruchomościami [1997]) oraz Rozporządzenia RM w sprawie wyceny... [2004].

Podejście porównawcze polega na określeniu wartości nieruchomości przy założeniu, że wartość ta odpowiada cenom, jakie uzyskano za

nieruchomości podobne, które były przedmiotem obrotu rynkowego. Wartość wycenianego obiektu koryguje się ze względu na cechy różniące te nieruchomości i ustala z uwzględnieniem zmian poziomu cen wskutek upływu czasu [Ustawa o gospodarce... 1997, art. 153 ust.1]. Podejście to stosuje się, jeżeli obiekty podobne do wycenianego występowały w obrocie rynkowym, znane są ich ceny transakcyjne oraz znane są cechy wpływające na poziom ich cen. W podejściu porównawczym stosuje się metody: porównywania parami, korygowania ceny średniej i analizy statystycznej rynku. Według Kucharskiej-Stasiak [1997] metody porównawcze cechuje subiektywizm, który spowodowany jest wyborem obiektów do porównań dokonywanym przez rzeczoznawcę oraz opierani się na danych historycznych. Przy czym autorka stwierdza, że „subiektywizm nie oznacza dowolności".

W wycenie metodami zaliczanymi do *podejścia dochodowego* przyjmuje się, że istnieje zależność między dochodem z nieruchomości, a jego wartością: „Podejście porównawcze polega na określaniu wartości nieruchomości przy założeniu, że jej nabywca zapłaci za nią cenę, której wysokość uzależni od przewidywanego dochodu, jaki uzyska z nieruchomości" [Ustawa o gospodarce... 1997, art. 153.2]. Przy wycenie nieruchomości, za podstawowe źródło dochodu przyjmuje się czynsz za najem lub dzierżawę. Wartość przedmiotu wyceny określa się jako sumę przyszłych, zdyskontowanych na datę wyceny rocznych dochodów. Przyjęte do obliczeń stawki czynszu czy stopy zwrotu powinny odwzorowywać typowe zachowania uczestników rynku, nie indywidualne ich oczekiwania. W podejściu dochodowym wykorzystywane są dwie metody: inwestycyjną i zysków. *Metodę inwestycyjną* stosuje się przy określaniu wartości nieruchomości przynoszących lub mogących przynosić dochód z czynszów najmu lub dzierżawy, którego wysokość można ustalić na podstawie analizy kształtowania się stawek rynkowych tych czynszów. Natomiast w *metodzie zysków* dochód z nieruchomości ustala się w wysokości odpowiadającej udziałowi właściciela nieruchomości w zyskach osiąganych z działalności prowadzonej na nieruchomości, stanowiącej przedmiot wyceny i na nieruchomościach podobnych [Rozporządzenie... 2004]. W zależności od tego, czy prognozowany dochód posiada charakter stały czy zmienny w poszczególnych okresach prognozy oraz od czasu jego uzyskiwania (długi, nieokreślony lub określony, ograniczony), w obydwu metodach dochodowych stosuje się odpowiednio techniki: *kapitalizacji prostej dochodu* lub *dyskontowania strumieni dochodów.*

Podejście kosztowe polega na „... określaniu wartości nieruchomości przy założeniu, że wartość ta odpowiada kosztom jej odtworzenia, pomniejszonym o wartość zużycia nieruchomości. Przy podejściu tym

określa się oddzielnie koszt nabycia gruntu i koszt odtworzenia jego części składowych” [Ustawa o gospodarce... 1997, art. 153 ust. 3]. W wyniku zastosowania w wycenie metod zaliczanych do podejścia kosztowego, uzyskuje się wartość zwaną „odtworzeniową”, przy czym ustawa ogranicza możliwość szacowania tej wartości do „... nieruchomości, które ze względu na obecne użytkowanie lub przeznaczenie nie są lub nie mogą być przedmiotem obrotu rynkowego, a także, jeżeli wymagają tego przepisy szczególne”[art. 150 ust. 3]. Przy szacowaniu wartości gruntu przyjmuje się metodykę podejścia porównawczego, gdyż za koszt nabycia gruntu przyjmuje się „wartość rynkową gruntu o takich samych cechach” [Rozporządzenie... 2004, §21.1]. Wartość części składowych gruntu określa się jako „kwotę równą kosztom ich odtworzenia lub kosztom zastąpienia, pomniejszoną o wartość zużycia tych części składowych” [§21.2]. Stąd, w podejściu kosztowym wyróżnia się następujące metody: kosztów odtworzenia i kosztów zastąpienia. Przy określaniu wartości według metod kosztowych za podstawę obliczeń przyjmuje się koszty normatywne, przeciętne, według cen w czasie wyceny, nie zaś historycznie poniesione. Stopień zużycia części składowych gruntu powinien odwzorowywać ich zużycie faktyczne, a nie normatywne.

Podejście mieszane stanowi kompilację procedur stosowanych w trzech poprzednich: porównawczym, dochodowym i kosztowym. W podejściu tym stosuje się metody [Rozporządzenie... 2004]: pozostałościową, kosztów likwidacji i wskaźników szacunkowych gruntów.

Metoda pozostałościowa wykorzystywana jest przy określaniu wartości rynkowej nieruchomości, jeżeli ma ona być przedmiotem robót polegających na jej ulepszeniu tj.: zabudowie, odbudowie, rozbudowie, nadbudowie, przebudowie remoncie. Wartość aktualną nieruchomości określa się przez obliczenie, jaką wartość będzie ona miała po wykonaniu robót związanych z jej ulepszeniem i po odjęciu od tej wartości przeciętnych kosztów tych robót, z uwzględnieniem przeciętnych zysków inwestora.

Metodę kosztów likwidacji stosuje się, jeżeli części składowe gruntu są przeznaczone do rozbiórki. Wartość nieruchomości określona metodą kosztów likwidacji jest równa kosztowi nabycia gruntu, pomniejszonemu o koszty likwidacji części składowych tego gruntu i powiększonemu o wartość materiałów pozostałych po rozbiórce, jeżeli istnieje możliwość ich odzyskania.

Wykorzystywanie w wycenie *metody wskaźników szacunkowych gruntów* jest ograniczone do gruntów przeznaczonych w planach miejscowych na cele rolne lub leśne, przy jednoczesnym spełnieniu warunku, którym jest brak transakcji gruntów podobnych do szacowanego na lokalnym rynku. W metodzie tej określa się wartość gruntu jako iloczyn

wskaźnika szacunkowego 1 ha gruntu i odpowiednio: ceny 1 decytony ziarna żyta albo ceny 1 m^3 drewna. Wskaźniki szacunkowe stanowią szacunkowy dochód z 1 ha gruntu wyrażony w jednostkach naturalnych (decytonach żyta lub m^3 drewna), określonych w zależności od okręgu podatkowego, rodzaju użytku, klasy bonitacyjnej (dla gruntów rolnych) i typu siedliskowego lasu (dla gruntów leśnych).

Podsumowanie

Przedstawiona w ogólnym zarysie klasyfikacja metod wyceny jest obowiązująca w Polsce przy szacowaniu nieruchomości oraz jej części składowych. Stanowi zamknięty katalog podejść, metod i technik. Zdarza się jednak, że specyfika przedmiotu, bądź celu wyceny powoduje, że sposób postępowania przy określaniu wartości staje się trudny do umiejscowienia w tej klasyfikacji lub też nazwania go zgodnie z definiowanymi w niej kategoriami. Występujące w praktyce wyceny problemy, skłaniają do poznawania i korzystania z dorobku zawartego w literaturze oraz wskazują na konieczność dalszych prac nad systematyką metod przed kolejnymi ich zapisami w aktach prawnych.

LITERATURA

1. Bud-Gusaim, J. Wycena gospodarstw rolniczych oraz ich zasobów majątkowych. Warszawa: Wyd. SGGW, 2001.
2. Hopfer, A. (red.) Wycena nieruchomości i przedsiębiorstw. Warszawa: Twigger, 1992.
3. Kucharska-Stasiak, E. Nieruchomość a rynek. Warszawa: PWN, 1997.
4. Manteuffel, R. Rachunkowość rolnicza. Tom II. Koszty, wycena, kalkulacje, sprawozdawczość. Warszawa: PWRiL, 1965.
5. Miękus, K. Taksacja rolnicza. Warszawa: PWN, 1971.
6. Rozporządzenie Rady Ministrów w sprawie zasad wyceny nieruchomości i sporządzania operatu szacunkowego z dnia 21 września 2004 r. Dz. U. nr 207, poz. 2109 z późniejszymi zmianami.
7. Ustawa o gospodarce nieruchomościami z dnia 21 sierpnia 1997 r. Tekst jednolity Dz.U. Nr 102 z 2010 r., poz. 651 z późn. zmianami.

УДК 338. 48

WIELKOŚĆ I DETERMINANTY PRZYJAZDOWEJ TURYSTYKI BIAŁORUSINÓW DO POLSKI

Janusz Majewski
Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie
Warszawa, Rzeczpospolita Polska

In the paper were presented information about arrivals and tourist from Belarus to Poland. The determinants of incoming tourism people of Belarus to Poland were presented. The main determinants were identified. There were economic, political, socio-cultural, administrative and geographic determinants

Wstęp

Turystyka stanowi ważny dział gospodarki dla wielu państw świata. Udział turystyki w tworzeniu PKB (produkt krajowy brutto) może sięgać ponad 50% (Panasiuk 2006). Ważną częścią turystyki jest turystyka międzynarodowa. Stanowi ona o znacznej części dochodów uzyskiwanych dzięki turystyce. W przypadku Włoch w 2002 r. odpowiadała za 38% PKB uzyskanego z turystki (Panasiuk 2006), a w przypadku państw basenu Morza Karaibskiego udział turystyki międzynarodowej stanowi decydującą część turystycznego PKB.

Ruch turystyczny na świecie dynamicznie rozwija się od lat 50. XX wieku. Znaczną część stanowią wyjazdy do krajów sąsiednich, ale liczba i udział wyjazdów dalekich, w tym międzykontynentalnych, w wyjazdach zagranicznych ogółem rośnie.

Celem pracy jest wskazanie wielkości oraz determinantów turystyki przyjazdowej do Polski z Białorusi. Na podstawie danych dotyczących liczby przyjazdów Białorusinów do Polski, w tym przyjazdów turystycznych, wskazano na możliwe zmiany w okresie przyszłym.

Czynniki determinujące międzynarodowy ruch turystyczny

Dynamiczny rozwój międzynarodowego ruchu turystycznego nastąpił około 60 lat temu. Według danych Światowej Organizacji Turystyki (UNWTO – United Nations World Tourism Organisation) w początku lat 50. XX w. liczba zagranicznych podróży turystycznych wynosiła ok. 25 mln rocznie, w połowie lat 90. przekroczyła 500 mln rocznie, a w 2008 r. było niemal 920 mln takich wyjazdów. Świadczy to o rosnącym znaczeniu tego ruchu.

Czynniki, które wpływają na wielkość i strukturę międzynarodowego ruchu turystycznego można podzielić na dwie grupy, czynniki wewnętrzne i czynniki zewnętrzne (Kurek 2008). Czynniki wewnętrzne wynikają z rozwoju lub braku możliwości rozwoju turystyki, co wiąże się z czynnikami podażowymi i popytowymi współczesnego rynku turystycznego. Czynniki zewnętrzne wpływają na ruch turystyczny w wyniku zmieniającej się sytuacji społecznej, politycznej, gospodarczej itp. na świecie.

Panasiuk (2006) wśród najważniejszych determinant turystyki międzynarodowej wymienia czynniki ekonomiczne, polityczne, społeczno-kulturowe, administracyjne, geograficzne oraz inne. Najważniejszą grupę stanowią czynniki ekonomiczne. Z jednej strony potrzeba turystyki pojawia się w społeczeństwach bogatych, z drugiej turysta wybierając ofertę kieruje się m.in. istnieniem w odwiedzanym miejscu odpowiedniej infrastruktury.

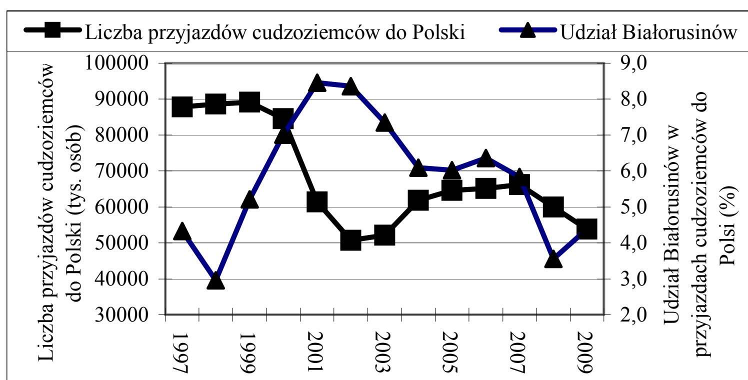
Pozostałe czynniki mogą ułatwiać bądź utrudniać międzynarodowy ruch turystyczny. Można tu wskazać takie elementy jak położenie

geograficzne, konieczność posiadania paszportu bądź wizy, występowanie chorób zakaźnych, prowadzenie działań wojennych, moda i inne.

Liczba przyjazdów Białorusinów do Polski

Białoruś jest jednym z ważniejszych państw emisji podróżnych do Polski. Liczba odwiedzających Polskę Białorusinów w latach 1997-2009 wahała się między ponad 2 mln w latach 2008-2009 do niemal 6 mln w roku 2000. Od początku XXI w. występuje tendencja spadkowa w liczbie przyjazdów z Białorusinów. Tempo spadku liczby przyjazdów z Białorusi w badanym okresie było szybsze nich całkowity spadek przyjazdów obcokrajowców do Polski, co powoduje spadek udziału Białorusinów w ogóle przyjazdów cudzoziemców do Polski (wykres 1).

Wykres 1 – Liczba cudzoziemców przyjeżdżających do Polski i udział w nich Białorusinów w latach 1997-2009



Źródło: dane Instytutu Turystyki i obliczenia własne.

Liczba wizyt mieszkańców Białorusi w Polsce stanowiła w badanym okresie przeciętnie niemal 6% wszystkich wizyt obcokrajowców, przy wahaniach od niemal 3 do ponad 8%. Obywatele Białorusi pod względem liczby wizyt w zależności od kraju pochodzenia odwiedzających zajmowali w badanym okresie od 3 do 6 miejsca. Udział przyjazdów mieszańców tego kraju w przyjazdach do Polski w ostatnich latach malał, co wynikało m.in. z utrudnień związanych z przekroczeniem granicy (wizy).

Turystyka przyjazdowa mieszkańców Białorusi do Polski

W latach 2000-2010 liczba turystów (turystą, zgodnie z definicją UNWTO, określa się osobę, która spędziła w miejscu czasowego pobytu co najmniej jedną noc w bazie noclegowej) zagranicznych w Polsce uległa zmniejszeniu. W strukturze ruchu turystycznego do Polski przeważali Niemcy, zaś Białorusini stanowili 3 najliczniejszą grupę narodowościową turystów. W latach 2000-2010 występowała tendencja spadkowa w liczbie

turystów przyjeżdżających do Polski z tego kraju. Średnioroczne tempo spadku wynosiło ponad 130 tys. osób. Na początku badanego okresu do Polski przyjeżdżało rocznie ponad 2 mln turystów z tego kraju, zaś w ostatnich latach badania liczba ta spadła poniżej 1 mln. Turyści z Białorusi stanowili od ponad 13% w 2000 r. do niespełna 7% wszystkich turystów w roku 2008 (tabela 1).

Tabela 1 − Wielkość i struktura międzynarodowego ruchu turystycznego do Polski

Wyszczególnienie	22000	22002	22004	22005	22006	22007	22008	22009	22010*
Ogółem (mln osób)	17400	13980	14290	15200	15670	14975	12960	11890	12427
w tym udział (%)									
Niemcy	34,0	29,8	36,6	36,6	34,7	35,2	36,9	38,4	36,9
Ukraina	17,8	21,0	16,4	16,7	16,0	14,2	12,0	10,9	10,5
BBiałoruś	13,6	12,2	10,2	9,5	9,5	9,0	6,7	77,3	7,4
Pozostałe	34,6	37,1	36,8	37,2	39,8	41,6	44,5	34,5	45,3

*- przewidywania autora.

Źródło: jak wykres 1.

W przypadku przyjazdów cudzoziemców do Polski ponad 75% odwiedzających stanowili, w badanym okresie, odwiedzający jednodniowi. W przypadku Białorusinów odsetek ten był niższy o ok. 15 punktów procentowych. Udział turystów w ruchu przyjazdowym do Polski z Białorusi wahał się od 35 do ponad 42% ogółu odwiedzających z tego kraju. Wynika to z trudności z przekroczeniem granicy, związanej z uzyskaniem wizy wjazdowej do Polski, co spowodowało także zmniejszenie liczby wizyt w Polsce ze strony białoruskich turystów.

W roku 2011 prawdopodobnie liczba przyjazdów do Polski jednodniowych odwiedzających oraz turystów z Białorusi będzie większa niż w latach poprzednich. Wynika to ze zniesienia opłat dla Białorusinów za wystawienie wizy wjazdowej na teren Polski. Czynnikiem zwiększającym ruch turystyczny może być także ożywienie gospodarcze, które może wystąpić w najbliższej przyszłości.

Determinanty turystyki przyjazdowej Białorusinów do Polski

Wielkość i struktura ruchu turystycznego jest zależna od wielu czynników. W przypadku turystyki w obrębie krajów sąsiadujących ważnym czynnikiem zwiększającym ruch turystyczny są ułatwienia w przekraczaniu granic. Wejście Polski do Unii Europejskiej, a później do strefy Schengen spowodowało utrudnienie w podróżowaniu z Białorusi.

Polska obowiązana była wprowadzić wizy dla obywateli państw trzecich. Aby uciążliwości związane z uzyskaniem wizy były jak najmniejsze w przypadku Białorusinów z dniem 1 stycznia 2011 r. zniesiono opłatę za rozpatrzenie i wydanie wizy krajowej.

Ważną determinantą ekonomiczną jest sytuacja makroekonomiczna na świecie. Turystyka z reguły zaspokaja potrzeby wyższych rzędów, zatem w momencie kryzysu popyt na usługi turystyczne maleje, bądź klienci dokonują zamiany oferty droższej na tańszą. Natomiast jeśli turystyka zaspokaja potrzeby niższych rzędów (turystyka handlowa, zdrowotna) to w tym wypadku chęć do zmniejszenia popytu jest ograniczona.

Czynniki polityczne wiążą się z niestabilnością polityczną odwiedzanego państwa, aktami terrorystycznymi, czy z możliwością wprowadzenia zakazu wjazdu na teren danego kraju osób zajmujących się działaniami nielegalnym.

Wśród czynników administracyjnych można wskazać obowiązek posiadania paszportu, wizy, kontrole paszportowe, wymiana walut itp. Wprowadzenie wiz dla Białorusinów było czynnikiem ograniczającym przyjazdy z tego kraju.

Determinanty społeczno-kulturowe określają atrakcyjność turystyczną kraju. Należą do nich zabytki i inne walory antropogeniczne, a także walory naturalne oraz wizerunek kraju w oczach turystów zagranicznych.

Spośród wskazanych czynników na przyjazdów Białorusinów do Polski wpływają głównie determinanty ekonomiczne, a wśród nich zmiany w kursach walut, oraz czynniki polityczne, tj. ograniczenia związane z wprowadzeniem wiz.

Podsumowanie

Wielkość ruchu turystycznego Białorusinów do Polski w badanym okresie uległa spadkowi. Najmniejszą liczbę przyjazdów odnotowano w 2009 r., stanowiła ona jedynie 36,5% wielkości ruchu turystycznego Białorusinów do Polski z 2000 r. Wynikało to z wprowadzenia wiz oraz zmianie relacji cenowych powodowanym m.in. zmianami kursów walut.

Elementem, który należy wykorzystać w kreowaniu turystyki zagranicznej między wskazanymi krajami jest historia. Wiele wydarzeń czy postaci łączą historycznie oba kraje. Z kolei mniejszości narodowe mogą stanowić swego rodzaju bazę dla rozwoju współpracy między krajami, co obecnie wydaje się być niewykorzystane.

Zwiększeniu ruchu turystycznego między Polską a Białorusią mogą sprzyjać utworzone euroregiony Bug, Niemen i Puszcza Białowieska. Obok innych działań jednym z elementów współpracy w ramach euroregionów są ułatwienia w ruchu między krajami tworzącymi euroregion.

Przewiduje się, że w najbliższym roku liczba przyjazdów z Białorusi do Polski wzrośnie. Sprzyja temu poprawa na rynkach światowych, a także zniesienie przez stronę polską opłat wizowych. Kolejnym ważnym czynnikiem, który może wpływać na wzrost liczby podróży Białorusinów do Polski jest porozumienie o tzw. małym ruchu granicznym.

Białorusini, obok mieszkańców innych krajów sąsiedzkich stanowią ważną grupę cudzoziemców odwiedzających Polskę. Działania promocyjne Polski mogłyby zwiększyć liczbę przyjazdów turystów z tego kraju.

LITERATURA

1. Bartoszewicz, W., Skalska, T. Zagraniczna turystyka przyjazdowa do Polski w 2001 r. Warszawa: Instytut Turystyki, 2002.
2. Bartoszewicz, W., Skalska, T. Zagraniczna turystyka przyjazdowa do Polski w 2006 r. Warszawa: Instytut Turystyki, 2007.
3. Bartoszewicz, W., Skalska, T. Zagraniczna turystyka przyjazdowa do Polski w 2009 r. Warszawa: Instytut Turystyki, 2010.
4. Kurek, W. (red.) Turystyka. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008.
5. Panasiuk, A. (red.) Ekonomika turystyki. PWN, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 2006,

УДК 37.014.242

ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ПРИГЛАШЕННЫЙ ПРОФЕССОР» НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ

Н.Л. Мысливец

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматривается опыт реализации на факультете истории и социологии ГрГУ имени Янки Купалы программы «Приглашенный профессор». На протяжении нескольких лет перед студентами факультета выступают с лекциями ведущие преподаватели белорусских и зарубежных ВУЗов, ученые, специалисты-практики. На факультете проводятся презентации их научных работ, семинары, круглые столы, посвященные актуальным проблемам современной теории и практики.

The article deals with the experience of the “Visiting Professor” program implementation at the faculty of history and sociology (Grodno State University of Yanka Kupala). Leading lecturers of belarusian and foreign universities, scientists and practitioners have given lectures to the students of the faculty of history and sociology for several years. Presentations of their scientific works, seminars, round tables devoted to urgent problems of modern theory are organized.

Факультет истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы является одним из ведущих и старейших факультетов данного профиля в Республике Беларусь. Вот уже более полувека здесь осуществляется подготовка

высококвалифицированных кадров педагогов и ученых, которые исследуют богатую и самобытную историю и культуру белорусского народа, его прошлое и настоящее. В настоящее время на факультете обучается более 900 студентов, магистрантов и аспирантов, преподавательскую деятельность осуществляют более 60 штатных преподавателей, в том числе 5 профессоров и 5 докторов наук, более 40 кандидатов наук. Кадровый потенциал факультета является одним из самых авторитетных не только в сравнении с другими факультетами ГрГУ, но и с факультетами аналогичного профиля других университетов страны.

На протяжении ряда лет на факультете истории и социологии реализуется программа «Приглашенный профессор». В рамках данной программы для осуществления преподавательской деятельности – чтения лекций для студентов и преподавателей, проведения практических и лабораторных занятий, для руководства дипломными работами, магистерскими и кандидатскими диссертациями – на факультет приглашаются известные ученые, авторитетные специалисты в разных областях исторического и социологического знания, представляющие как высшие учебные заведения и научные учреждения нашей республики, так и зарубежных стран.

Вот уже несколько лет приглашенными профессорами факультета истории и социологии являются академики Национальной академии наук Беларуси – доктор философских наук, профессор Е.М. Бабосов и доктор исторических наук, профессор М.П. Костюк. Академик Е.М. Бабосов приглашен для чтения студентам специальности «Социология» лекций по таким дисциплинам, как «Социология науки», «Социология катастроф», «Социология конфликта», а также для руководства написанием курсовых и дипломных работ. Академик М.П. Костюк осуществляет научное руководство аспирантом кафедры истории Беларуси С.П. Морозовым.

Приглашенным профессором на кафедре социологии и специальных социологических дисциплин является профессор кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств, доктор философских наук Э.К. Дорошевич – автор ряда работ в области эстетической мысли, культуры, философии, педагогики Беларуси, межнациональных отношений, социологических исследований взаимодействия этнокультур, а также автор научных пособий по культурологии, этносоциологии, этнопедагогике. Для студентов, обучающихся на специальности «Социология», он читает спецкурсы «Белорусский тезаурус: социальная реконструкция» и

«Культурная антропология», а также осуществляет руководство написанием курсовых работ.

Значителен вклад этих преподавателей не только в учебный процесс, где они активно применяют инновационные методы в преподавании учебных дисциплин, используют современные информационные технологии, методы дистанционного обучения, а также знакомят студентов с новейшими достижениями в соответствующих отраслях современного научного знания, проводят открытые занятия и мастер-классы для преподавателей факультета. Все приглашаемые на факультет специалисты принимают непосредственное участие в факультетских и общеуниверситетских научных мероприятиях, а также в проведении идейно-воспитательной работы со студентами.

По инициативе кафедры всеобщей истории в декабре 2010 года для чтения цикла лекций студентам-историкам, магистрантам и аспирантам, а также преподавателям факультета были приглашены авторитетные ученые-историки из Москвы – профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и культурологии Российского государственного аграрного университета С.И. Маловичко и заведующая кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского гуманитарного университета доцент М.Ф. Румянцева.

Ежегодно с лекциями перед студентами и преподавателями факультета выступает профессор, доктор философских и политологических наук, экс-посол Республики Болгария в нашей стране, Почетный профессор ГрГУ имени Янки Купалы Петко Ганчев. В качестве приглашенных профессоров выступали с лекциями профессора, доктора исторических наук А.А. Коваленя и А.М. Литвин из Института истории НАН Беларуси.

Традиционной формой работы на факультете стали презентации монографий приглашенных профессоров. Так, в 2009 на факультете были организованы презентации книг Е.М. Бабосова «Социология науки» и «Социальное управление», в 2010 году – презентация монографии **А.М. Литвина** «На той войне незнаменитой: советско-финляндская война и Беларусь (1939-1940 гг.)».

В рамках реализации программы «Приглашенный профессор» факультет истории и социологии тесно сотрудничает с ведущими учеными и научно-исследовательскими центрами из Польши. Такое сотрудничество является традиционным и развивается уже на протяжении нескольких десятилетий. Его формы достаточно

многообразны. В частности, белорусской и польской сторонами используется и такая форма межвузовских обменов, как приглашение ученых из вузов-партнеров для чтения лекций студентам, проведение совместных круглых столов и семинаров, участие в научных конференциях. Одним из последних примеров такого сотрудничества может служить выступление в 2010 году профессора Института истории Университета в Белостоке Адама Доброньского на факультетском научно-методологическом семинаре с докладом на тему «Основные направления и проблемы современной польской исторической науки».

С начала 2000-х годов, когда в ГрГУ была открыта специальность «Социология», такое сотрудничество приобрело еще одно, новое направление. Польские ученые из Университета в Белостоке содействовали процессу становления социологического образования в Гродненском университете. По ряду причин, такое сотрудничество было на некоторое время прервано, однако с конца 2000-х годов оно возрождается. Так, в 2009 году для участия в традиционных Днях социологии на факультет были приглашены и выступали с докладами на конференции, принимали участие в работе круглого стола декан факультета истории и социологии Университета в Белостоке, профессор, доктор наук А. Садовский и директор Института социологии этого же университета, профессор Э. Дмитров.

В феврале 2011 года на факультете истории и социологии побывали профессора Клайпедского университета, ректор Владас Жулкус и проректор по учебной работе Вайдутис Лауренас. В рамках данного визита профессор Жулкус выступил перед преподавателями и студентами с лекцией «Подводная археология в Литве», презентовал результаты научных исследований литовских ученых.

В рамках разработанной факультетом истории и социологии пятилетней программы предполагается приглашение на факультет и других ученых и преподавателей из ведущих российских, литовских, польских, а также белорусских вузов. Эффект такой работы несомненен, но вместе с тем, существуют и определенные сложности, препятствующие более широкой реализации намеченных программой целей. На данный момент оптимальной формой реализации программы «Приглашенный профессор» является чтение приглашенными учеными лекций либо циклов лекций, отдельных спецкурсов, как правило, в рамках проведения таких научных мероприятий, как конференции, семинары, круглые столы, другие формы научного сотрудничества.

Важнейшая стратегическая цель факультета истории и социологии ГрГУ в современных условиях – фундаментальная подготовка специалистов, магистрантов и аспирантов: профессионально компетентных, инновационновосприимчивых, отвечающих требованиям современного рынка труда, способных учиться непрерывно и повышать свой интеллектуальный потенциал. Одним из средств ее достижения и является реализуемая факультетом программа «Приглашенный профессор».

УДК 130.2

ФАКТОРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

З.А. Неверова
УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»
г. Гомель, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются два фактора – глобализация и локализация, отражающие тенденции современного социокультурного развития

Two factors (globalization and localization), which reflected tendencies of contemporary social and cultural development, are considered in this article

Глобализация и локализация – два фактора, которые отражают неразрывные тенденции развития современного мегасоциума, связанные, с одной стороны, с универсализацией общественной жизни, а с другой стороны, с ее партикуляризацией. Эти процессы невозможно рассматривать в отдельности, каждый из них усиливает другой.

Связи локализации и глобализации весьма причудливы. При анализе социокультурных процессов заслуживают внимания не только идеи принципиальной возможности влияния культур друг на друга, но и формы такого влияния, причины ценностного возвышения той или иной культуры, вопросы культурного суверенитета, и, что особенно важно – культурные механизмы, стабилизирующие развитие. Прежние механизмы сегодня уже не могут преодолеть кризиса, и требуется осмысление человечеством самого себя на новом этапе истории и согласование действий в интересах выживания цивилизации.

Новые технологии сегодня практически уничтожают понятие расстояния и национальных границ и являются фактором объединения интеллектуальных сил и духовных способностей всего человечества. Одновременно прессинг со стороны мировых технологических центров активно закладывает фундамент информационно-культурного

неравенства, когда одни являются поставщиками, а другие потребителями информации. Осознанно-ответственное отношение к судьбам культуры и общества требует соответствия деятельности средств массовой коммуникации задачам развития культурного многообразия, сохранения общечеловеческих идеалов и ценностей. Для этого необходимо, чтобы огромные достижения человечества в области информационно-коммуникационного обмена были подчинены гуманитарным интересам мирового сообщества.

Новые условия и причины, связанные с диверсификацией функций государства, децентрализацией власти, невозможностью контролировать культурно-информационные потоки в рамках национальных границ, требуют переосмысления взаимоотношений государства и культуры. Глобализация остро ставит вопросы участия национальных правительств в глобальной культурной жизни, реконструирует их функции и полномочия с учетом увеличивающейся сложности регуляции социокультурных процессов во все более взаимозависимом мире.

На международном уровне все более важным становится решение конкретных управленческих задач для активизации культурной деятельности по смягчению воздействий урбанизации, глобализации и технологических инноваций, для развития телекоммуникационных сетей, для выполнения объединенных международных проектов в сфере индустрии культуры и содействия развитию общих рынков. Необходимы совместное производство телевизионных и радиопрограмм, видео- и мультимедийной продукции, фильмов, а также защита прав художника и актера, научные исследования по проблемам распространения культуры средствами медиа, совместные разработки по оценке культурных программ, обмен актуальным опытом, обучение.

Парадоксом современной глобализации явился тот факт, что местные культурные различия стали гораздо более выраженными, чем прежде. Препятствуя глобализационным процессам, страны стремятся сохранить внутреннее разнообразие и самобытность своих культурных традиций. Культурный плюрализм стал ярко выраженной чертой мирового сообщества. При этом роль государства становится все менее прямой и все более диверсифицированной, формы и модальности активности государства в сфере культуры существенно меняются.

Так, государство избавляется от многих своих функций, например, производства ряда культурных товаров и услуг, и в то же время оно начинает уделять большее внимание установлению правил, создающих надежные правовые и социальные условия для развития

культурной области, предполагающих нормативное и финансовое регулирование социокультурной сферы, создание и развитие специализированных институтов, пользующихся доверием в обществе.

Устойчивость общественного развития, особенно в периоды перемен, достижима лишь при включении в ее стратегии факторов культуры. В отдельной стране активная поддержка собственной культуры и собственных ценностей, а также открытость обмену с другими культурами, нацеленная на выработку разделяемых ценностей и практик, являются важными условиями того, чтобы культурные процессы могли "работать" на создание стабильной социокультурной ситуации.

Можно следующим образом сформулировать значение культурной политики в устойчивом развитии нашего общества в условиях глобализационных перемен. Оно заключается: в формировании общественной идентификации, придании общественному сознанию подлинно общенационального характера; в поддержании культурно-интеллектуального воспроизводства нации; выработке ценностных оснований взаимодействия страт, обучающихся жизни в новых глобальных условиях; смягчении для отдельной личности культурно-психологических последствий воздействия глобальных культурно-информационных потоков; выработке социокультурных перспектив общественного развития, содержательного видения будущего; включении стратегий культуры в решение самых актуальных проблем современного белорусского общества, в программу модернизации, повышения качества жизни.

Стратегическим направлением культурной политики Беларуси в интересах устойчивого развития является формирование человеческого потенциала. Его культурное измерение неразрывно сопряжено с возможностями развития в экономической и политической сферах, поддержанием занятости и определенного уровня доходов людей, охраной их здоровья, а также реализацией демократических принципов жизни, прежде всего личных свобод человека.

Перспективы общественного развития, не будучи связаны с полным переносом интересов человека в сферу культуры, тем не менее, в значительной степени определяются ею. Современный тип личности не может сформироваться без образовательной, эстетической, этической и религиоведческой компоненты как условия ее совершенствования. К сожалению, дисциплины, формирующие такой тип личности, в связи с реформой высшего образования в последнее время исключены из учебных программ вузов.

По сути, никакие изменения в обществе невозможны, если в практической деятельности не учитывается специфика обычаев, нравов и традиций каждого народа, не ведется работа по повышению творческого потенциала личности и ее общей культуры, развитию интеллектуальных навыков, сохранению и обогащению культурных ценностей людей, духовного здоровья нации в целом. Беларусь имеет перспективы развития только в том случае, если ее стратегии будут предполагать комбинированную деятельность по обеспечению становления свободной, зрелой личности, способной сделать правильный социальный и интеллектуальный выбор.

Культурная политика, отражая идею культуры в качестве центрального компонента развития и центрального места человека в нем, открывает перспективы эффективного функционирования и организации общественной жизни. Повышение уровня культуры, важнейшей составляющей которой является обеспечение творческой самореализации человека, видится приоритетной позицией в концепции управления социальным развитием Беларуси.

Представляется, что цели и функции культурной политики Беларуси должны быть приведены в соответствие с тенденциями глобализации и локализации, чтобы минимизировать потери и достичь возможных выгод. Они призваны увязывать национальные интересы страны в области культуры с глобальными тенденциями развития, отражать долговременные перспективы культурной деятельности в рамках глобальной социокультурной системы. Социокультурная глобализация и идущая параллельно ей локализация требуют от государственных органов эффективных мер, которые не могут не носить комплексного характера. Это связано с сочетанием контрольно-ограничительных мер по отношению к культурной продукции других стран и развитием собственного рынка культурных товаров и услуг. Для этого необходимо формирование культурных институтов глобального и локального уровня, сочетание государственного управления сферой культуры и реализации частных и общественных инициатив в культурной сфере, координации культурной и информационной политики. Эффективно противодействовать нажиму извне может только творческое саморазвитие культур, а барьеры и запреты контрпродуктивны, поскольку ведут к самоизоляции, еще более опасной в глобализирующемся мире, чем асимметричность культурного обмена.

Характер современной культурной политики будет отвечать перспективным тенденциям, если будет усилена ее социальная направленность, достигнут необходимый для изменяющегося общества

баланс между традициями и инновациями, поддержано творчество, обеспечено использование культурного достояния для осуществления трансформационных процессов.

Перечень взятых на себя государством социальных обязательств в сфере культуры обширен. Однако пока открытым и достаточно острым остается вопрос о возможностях их выполнения, о ресурсном обеспечении выполнения этих обязательств, наличии соответствующих механизмов их реализации.

Названные направления могут быть реализованы, будучи подкреплены эффективными мерами в процессе преодоления традиционной управленческой парадигмы, связанной с государственной монополией. При этом возможен переход к новой парадигме, важнейшими характеристиками которой являются ее общественно-государственный характер, новые субъекты, участвующие в регулировании социальных процессов, направленность на достижение высокой социальной эффективности и стимулирование рационального использования всех имеющихся средств для наиболее полного удовлетворения культурных потребностей людей.

Новая парадигма развития социокультурной сферы – это использование преимуществ самоорганизационных процессов, "самодостраивания" культуры, которым исследователи в целом придают значение защитной и одновременно проектной реакции на глобализацию.

Общественно-государственная парадигма развития сферы культуры отражает идеи консолидации всех общественных сил и ресурсов для достижения устойчивой социокультурной ситуации. Первые десятилетия XXI века будет сложным для развития белорусской культуры. В контексте системных изменений мироустройства, целей развития и смысла жизнедеятельности человека ей предстоит значительно организоваться изнутри, перестроив свою социокультурную систему, четче определив контуры новой культурной политики, чтобы соответствовать характеру и масштабу глобальных перемен.

УДК 32. 001

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. Павлова, Г.И. Степанов
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»
г. Минск, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются такие понятия, как гражданская идентичность, гражданская активность, анализируются причины, осложняющие процесс формирования гражданственности, указывается на необходимость усиления гражданского образования молодежи.

The author of the article examines such notions as civil identity, civil activity, analyses the reasons complicating the process of forming the quality of being a citizen, and points out the necessity of the reinforcement of young people's civil education.

Гражданское общество принадлежит к числу понятий социологической и политической теории, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Гражданское общество – понятие, обозначающее специфическую совокупность общественных коммуникаций и социальных связей, институтов и ценностей (материальные, духовные, социально-политические, национальные), главными субъектами которых являются гражданин со своими гражданскими правами и неполитические, негосударственные организации, общественные объединения, инициативные группы, различные формы местного самоуправления. Гражданское общество – это негосударственная сфера политической жизни; самоорганизующиеся структуры, инициированные и созданные снизу.

Гражданское общество является не только существенным атрибутом демократического правового государства, но и выступает субъектом трансформации, вступая во взаимодействие с институтами власти. Демократическая власть должна координировать, но не определять деятельность гражданского общества.

Современное гражданское общество есть та социальная среда, в которой реализуется большинство прав и свобод граждан и объединений. Оно выражает разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества. Ценность понимается как общепринятая норма, сформированная в определенной культуре, которая задает образцы и стандарты поведения и оказывает влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами.

От того, каким образом граждане понимают и оценивают свое место, роль, статус во многом зависит развитие гражданского

общества, в котором индивид является не объектом манипулирования, а субъектом социальной активности, реализующий свое отношение к миру через утверждение своей самоценности, гражданской идентичности.

Термин «идентичность» был введен Э. Эриксоном [1, с. 28] и означающий тождественность человека самому себе, принимаемый образ себя в разнообразии отношений личности к окружающему миру. Гражданская идентичность – это совокупность наиболее значимых гражданских ценностей, определяющих поведение человека в обществе; осознание личностью статуса гражданина, способность и готовность выполнять гражданские обязанности.

Становление гражданской идентичности тесно связано с формированием у членов общества гражданственности. Гражданственность – понятие, означающее целенаправленную включенность личности в политическую жизнь общества в качестве сознательного, свободного и полноправного ее участника [2, с. 12]; это моральное и социально-психологическое качество, проявляющееся в чувстве долга и ответственности человека перед обществом, в его готовности защищать свои права и свободы, законные интересы других граждан [3, с. 71].

Общественные интересы в последнее время потеряли свою прежнюю ценность, тогда как прагматические – оказались на первом месте. Если раньше (в советский период) главным был самоотверженный труд на благо общества, то в настоящее время ценность «самоотверженность» заменяется возможностью более полного удовлетворения потребностей человека, будь то материальные или духовные потребности.

К сожалению, в обществе нет понимания того, что условием достижения экономических успехов является личная социальная активность и ответственность. Это объясняется не только настроениями уравниловки, инертности. Но и тем, что многие из нынешних работников не могут приспособиться к новым условиям жизни и труда, а поэтому не поддерживают рыночные преобразования. В нашей стране в народном хозяйстве занято примерно 4,4 млн. человек, более 57% заявили, что предпочитают работать на государственных предприятиях, выступают за государственное регулирование экономикой. Почему? Стабильная зарплата, социальные гарантии, стабильная занятость; 70% уверены, что государство, а не сам гражданин, обязано заботиться о своих гражданах. Это все объяснимо: 74-летнее советское прошлое, низкие доходы большинства населения, плохая информированность граждан о принципах действия

рыночной экономики, низкий уровень доверия к предпринимателям, банкам и др. институтам.

Социологические опросы последних лет показали, что такие социальные качества как готовность к риску, профессионализм, ответственность за свои действия, индивидуальная свобода второстепенны.

Значительная часть населения положительно оценивает прежнюю (советскую) политическую систему, прежние ценности (социальные гарантии, социальные блага), не воспринимает ценности адекватные демократическому обществу. Парадокс нынешнего состояния массового сознания в том, что новые ценности сосуществуют с прежними. Отсюда и непонимание активной роли граждан в общественной жизни. Гражданская активность – одна из форм общественной активности, основной целью которой является реализация социально-значимых интересов; это форма самореализации и самодеятельности личности как субъекта гражданского общества. Она тесно связана с гражданской позицией, которая является своеобразной системой взглядов человека на жизнь в обществе.

Формы проявления гражданственности могут быть различными: участие в избирательной кампании, собраниях, встречах, конференциях, митингах, демонстрациях, пикетах и т.д.

Разрушение одной ценностно-нормативной системы и несформированность другой привели к тому, что значительная часть граждан ощущает отчуждение от социальных и политических процессов, апатию и недоверие к общественным объединениям (профсоюзам, партиям, общественным организациям). Психологи считают, что в нормальном, устоявшемся обществе существует 13-19% активного населения, среди молодежи 25-30%.

Данные социологических опросов, проводимых ежегодно Институтом социологии НАН Беларуси свидетельствуют о том, что примерно 4% респондентов считает, что участие в политической жизни сможет помочь с жизненными проблемами; политическим партиям доверяют примерно 7%, не доверяют 45% населения страны [4, с. 5-12].

Каким образом стимулировать социальную и гражданскую активности личности? Особую роль для гражданина играет показатель легитимности, заключающийся в согласии граждан с правом власти оказывать определяющее влияние на общество, в налаживании диалога как необходимого условия поддержания доверия к государственным органам, в расширении информирования населения о государственных делах, в совершенствовании гражданского и правового образования.

Гражданское образование – это целенаправленное воздействие на сознание личности с целью формирования у нее уважения к гражданам, независимо от национальной и иной принадлежности; это подготовка граждан для реализации их прав с целью поддержания и укрепления самоуправления как основы участия в делах конкретной общности, нации. Именно через национальную общность человек как личность взаимодействует с окружающим миром. В связи с этим Н.Бердяев писал, что «человек входит в человечество через национальную индивидуальность как национальный человек» [5, с. 95].

Но вопрос? Многие ли желают жить с чувством гражданского, национального, человеческого достоинства? Готовы ли что-то реально делать для того, чтобы изменить окружающую действительность?

Признаком гражданственности является чувство патриотизма.

Проблема формирования гражданственности – одна из приоритетных функций высшего образования, о чем свидетельствует Закон Республики Беларусь «О высшем образовании» в котором указано, что «процесс воспитания студентов в высшем учебном заведении направлен на формирование нравственной и творческой личности, воспитание патриотизма, активной гражданской позиции» [6, с. 3-12].

Современное студенчество многолико по своим политическим, нравственным и социокультурным позициям. Как показывают социологические исследования, студенчество обладает недостаточно высоким уровнем политических знаний, неглубоким пониманием социально-экономических процессов, происходящих в мире и в нашей стране. В сознании студенчества происходит переоценка многих ценностей, наблюдается девальвация таких социально-политических ценностей, как гражданственность, социальная ответственность, патриотизм.

Процесс формирования гражданственности молодого поколения осложняется следующими причинами:

невозможностью реализовать свой творческий потенциал из-за отсутствия необходимых социальных условий (усиление социального расслоения, сокращение потребности в рабочей силе, неуверенность в завтрашнем дне);

пассивностью, отчуждаемостью, индифферентностью, потребительством молодых людей;

невостребованностью высокоинтеллектуального труда;

низким уровнем социальной защищенности молодежи, выражающимся в трудностях материального, бытового порядка;

разорванностью мировоззренческих установок.

Концепция подготовки современных специалистов включает приобщение студента к фундаментальным культурным ценностям и нормам гражданской жизни; формирование ответственной личности, способной осуществлять рациональный выбор в сложных условиях; воспитание гражданина, живущего в правовом государстве.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что современный этап становления гражданственности приобретает такие черты как: осознание необходимости существования объединяющих ценностей, основанных на принципах патриотизма, духовности, правовой культуры; признание активной роли государства в процессе структурирования гражданской сферы общества; формирование личности, обладающей социальной зрелостью; воспитание самостоятельности и предприимчивости; развитие умений целенаправленно действовать в меняющейся экономической и социально-политической среде.

Процесс формирования гражданственности предполагает более широкое партнерство между институтом гражданского общества и властью, определенную долю постоянного участия граждан в политическом процессе. Без формирования гражданской идентичности вряд ли возможно говорить о реально действующем гражданском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М., 2006.
2. Бабосов, Е.М. Гражданское общество: концептуализация понятия // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы Международной научн.-практ. конф., 20-21 мая 2010 г., Могилев, в 2-х частях, Ч.I. – Могилев, 2010. – С. 12.
3. Социологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн., Бел. эн, 2003.
4. Котляров, И.В. Гносеологические, онтологические и исторические основания гражданского общества //И.В. Котляров, Иппокрена. – 2009. – № 1. – С. 5–12.
5. Бердяев, Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. М., 1990.
6. Закон Республики Беларусь «О высшем образовании», 11 июля 2007, №252-З // Вышэйшая школа. – 2007. – № 4. – С. 3-12.

УДК 316.34.2

РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

А.В. Пигулевская
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы возникновения и основные этапы развития гендерных исследований в Западной Европе.

The article deals with the problem of the development of gender studies in West Europe.

Гендерная концепция в гуманитарном знании берет свое начало в событиях конца 60-х годов. Ее рождение было подготовлено ***во-первых,*** молодежными движениями конца 1960-х гг., «студенческой революцией 1968 г.; в***о-вторых,*** немалую роль сыграла сопровождавшая эти молодежные движения сексуальная революция, позволившая открыто говорить о проблемах пола; в***-третьих,*** важным фактором оказалось оживление феминизма − так называемая его «вторая волна». Феминистки первой волны − то есть те, кто создавал первые женские организации во второй половине XIX − начале XX в. выступали за *равенство прав* с мужчинами. Феминистки «второй волны» − начала 60-х − поставили вопрос о *равенстве возможностей* реализовывать права, возможно, уже прописанные в законах. Они поставили проблему необходимости глубинных преобразований культуры во имя изменения модели отношений, основанных на господстве и подчинении; поставили проблему свободной, автономной женской личности; потребовали уже не просто дать женщинам право избирать политиков, но и впустить «второй пол» во властные структуры [3, стр. 77].

Взлет феминизма оказал огромное воздействие на интеллектуальную сферу во всех странах мира. В итоге родилась новая дисциплина. За рубежом она получила наименование *women's studies* («женские исследования» или «исследования женщин»), а в постсоветском научном дискурсе стала фигурировать под именем *социальной феминологии* [5, стр. 121] .

В среде историков на появление *women's studies* откликнулись прежде всего ученые-женщины. Свою задачу они увидели в том, чтобы оживить женскую тему в изучении прошлого, «вернуть женщин истории», «дополнить» прежнюю картину или даже «переписать» в соответствии с выявленными фактами. Таким образом, возникшая в конце 70-х − начале 80-хх годов *историческая феминология или «история женщин»* призвана была осуществить компенсаторную и

комплементарную функцию, а также переоценивающую и пересматривающую: если «мужская» история не есть всеобщая, то история женщин, в известной степени, должна была «пересмотреть» устоявшиеся оценки исторических событий и акцентировку их. Предмет исторической феминологии − это «женщины в истории», это история изменений их социального статуса и функциональных ролей, а также − и это очень важно − это «женская история», то есть история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта.

Чтобы отличить «женскую историю» от описания прошлого в общепринятом ключе, было предложено ввести новый термин в дополнение к привычному *«history»* (его прочитывали как *«his* story», «его история», «история мужчины»). Неологизм *«herstory» («her* story», «ее история», «история женщины») должен был исправить положение. Несмотря на то, что этот термин не прижился и мировое научное сообщество отнеслось к возникновению женской истории (или исторической феминологии) с большой долей скепсиса, авторам работ по «истории женщин» удалось доказать, что их подход имеет право на существование [1, стр. 468] .

Историческая феминология выполнила свою главную задачу − вернула женщин истории. На Западе упомянутое «возвращение» выразилось в появлении специальных глав в разделах учебников, где рассказывалось о выдающихся женщинах, равно как о социальном положении представительниц разных социальных слоев, их правах и моделях повседневной жизни. Историческая феминология была официально признана как особое направление специализации на факультетах (подобно медиевистике, модернистике, источниковедению), свое место в университетах Европы и США заняли и *women's studies).*

Историко-феминологические исследования доказали, что полученное ранее «единое и полное» знание о прошлом таковым не является, потому что в нем, по сути, почти отсутствуют женщины − ведь во все эпохи они имели свое мировидение и свою систему ценностей, отличную от мужской.

Благодаря исторической феминологии, в мировой науке родились новые разработанные темы, в том числе и монографически, которые ранее просто не могли возникнуть, так как считались слишком частными: «история прислужничества и найма кормилиц», «история домашней работы», «история вынашивания детей и родовспоможения», «история подкидывания детей и отказа от них», а несколько позже и «история женского тела».

Представительницы второго направления, которое выдвинулось на первый план в середине 1970-х гг., стремились объяснить наличие конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий, опираясь на феминистские теории неомарксистского толка, которые вводили в традиционный классовый анализ фактор различия полов и определяли статус исторического лица как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. Для представительниц этого направления способ производства и отношения собственности остаются базовой детерминантой неравенства между полами, но реализуется она через определенным образом организованную систему прокреации и социализации поколений в той или иной исторической форме семьи, которая сама представлена рядом социально-дифференцированных структурных элементов, отражающих классовые или сословно-групповые различия.

На рубеже 70-х и 80-х годов обновление феминистской теории, расширение методологической базы междисциплинарных исследований, создание новых комплексных объяснительных моделей не замедлило сказаться и на облике "женской истории". Это касалось, в первую очередь, самого переопределения понятий "мужского" и "женского". В 80-е гг. ключевой категорией анализа становится "гендер", призванный исключить биологический и психологический детерминизм, который постулировал неизменность условий бинарной оппозиции мужского и женского начал, сводя процесс формирования и воспроизведения половой идентичности к индивидуальному семейному опыту субъекта и, абстрагируясь от его структурных ограничителей и исторической специфики. Поскольку гендерный статус, гендерная иерархия и модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями, гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства/подчинения во всех сферах. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с расовой, этнической и классовой принадлежностью [2, стр. 233].

Основные методологические положения гендерной истории в обновленном варианте были сформулированы Джоан Скотт в программной статье "Гендер − полезная категория исторического анализа". Как известно, различие между женскими и тендерными

исследованиями определяется содержанием ключевых понятий "пол" и "гендер". В трактовке Дж.Скотт гендерная модель исторического анализа состоит из четырех взаимосвязанных и несводимых друг к другу комплексов. Это, во-первых, комплекс культурных символов, которые вызывают в членах сообщества, принадлежащих к данной культурной традиции, множественные и зачастую противоречивые образы. Вторая составляющая − это те нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций имеющихся символов и находят выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах. В-третьих − это социальные институты и организации, в которые входят не только система родства, семья и домохозяйство, но и рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство. И, наконец, четвертый конституирующий элемент − самоидентификация личности.

В тематике гендерной истории отчетливо выделяются ключевые для ее объяснительной стратегии узлы. Каждый из них соответствует определенной сфере жизнедеятельности людей прошлых эпох, роль индивидов в которой зависит от их гендерной принадлежности: "семья", "труд в домашнем хозяйстве" и "работа в общественном производстве", "право" и "политика", "религия", "образование", "культура" и др. Особое место занимает анализ опосредующей роли гендерных представлений в межличностном взаимодействии, выявление их исторического характера и возможной динамики. Специфический ракурс и категориальный аппарат исследований определяется соответствующим пониманием природы того объекта, с которым приходится иметь дело историку, и возможной глубины познания исторической реальности.

Именно эта ориентация на преодоление гендерно-исторической автономии и пристрастие к комплексным исследованиям самого высокого уровня характеризует новое направление, которое можно было бы условно назвать моделью "женской истории" четвертого поколения, если бы в этой версии она вообще не переставала быть просто историей женщин. На самом деле траектория движения историографии фиксирует иные вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин истории к ее зеркальному отражению в лице "однополой", "женской истории" и от последней − к действительно *общей* истории гендерных отношений и представлений, а еще точнее − к обновленной и обогащенной социальной истории, которая стремится расширить понимание социального и свое предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений − как публичные, так и приватные.

По существу, речь идет о новой исторической субдисциплине с исключительно амбициозной задачей − переписать всю историю, как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым "мужским шовинизмом" всеобщей истории, и с затянувшимся сектантством "женской истории" [3, стр. 84].

Критический момент, которому предстоит определить будущее гендерной истории, состоит в решении проблемы ее сближения и "воссоединения" с другими историческими дисциплинами, а, говоря иначе, определения ее места в новом историческом синтезе. Признаки продвижения к позитивному решению этого вопроса проявляются, в частности, в том, что главные узлы проблематики гендерной истории возникают именно в точках пересечения возможных путей интеграции истории женщин в пространство всеобщей истории. Такие перспективы отчетливо просматриваются в истории материальной культуры и повседневности, а в последнее десятилетие − в истории частной жизни. Внимание историков привлекают гендерно-дифференцированные пространственные характеристики и ритмы жизнедеятельности, вещный мир и социальная среда, специфика мужских и женских коммуникативных сетей, магические черты "женской субкультуры", "мужская идеология". В фокусе истории частной жизни оказывается эмоциально-духовная жизнь индивида, отношения с родными и близкими в семье и вне ее, женщина как субъект деятельности и объект контроля со стороны семейно-родственной группы, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие/ Под ред. И. А. Жеребкиной — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
2. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие для студентов вузов / Костикова, И. В. и др.; под общ. ред. И. В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 255 с.
3. Пушкарёва, Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы / Н. Л. Пушкарёва // Вопросы истории. – 1998. – №6. – С. 76 – 86.
4. Репина, Л. П. Гендерная история: проблемы и методы исследования / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 1997. – № 6. – С. 41 – 58.
5. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.

УДК 338.45:615 (091) (476)

СТРАТЕГИЯ И РЕАЛИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О.Н. Рындова

УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается стратегия развития предприятий фармацевтической отрасли Республики Беларусь. Она имеет инновационную направленность, поскольку экономические приоритеты Государственной политики РБ в области лекарственного обеспечения ориентированы на импортозамещение и на выпуск дженериков – аналогов известных зарубежных лекарств.

The article represents the medicinal strategy of the Republic of Belarus for a period 2010-2014 and till 2020. In the article investigates an economic effectiveness of replacement foreign medicinal preparations (drugs) by belarusian analogues (jeneryky

Фармацевтическая промышленность – одна из тех отраслей белорусской экономики, которая развивается в последнее время наиболее динамично и высокими темпами. Это связано со многими обстоятельствами. Отметим некоторые из них. Во-первых, именно эта отрасль экономики способствует обеспечению национальной безопасности Республики Беларусь в области здравоохранения, лекарственного и медико-технического обеспечения. Во-вторых, фармацевтическая отрасль – это одна из наукоёмких, инновационных сфер экономики, курс на развитие которых сделан белорусским правительством и государством в целом. В-третьих, от эффективности, доступности, надлежащего гарантированного качества медицинских препаратов зависит развитие всего отечественного здравоохранения. В-четвертых, во всем мире фармацевтическая промышленность – это высокодоходный сектор экономики. Здесь чистая прибыль достигает 18% от общего дохода (в среднем по экономике – 5%), а объемы продаж, темпы роста фармрынка постоянно увеличиваются. И такой ситуации есть объективные объяснения. Прежде всего, это общемировые тенденции старения населения, повышения уровня доходов и качества жизни. А общеизвестные побочные отрицательные эффекты экономического роста, происходящего на основе научно-технического прогресса (такие как, усиливающееся воздействие техногенных факторов, ухудшение экологической среды обитания и проч.), неизбежно приводят к росту заболеваемости.

За годы суверенности в фармацевтической индустрии нашей страны произошли кардинальные изменения. В 90-е годы на

территории Республики Беларусь работало два фармпредприятия. Сейчас – более 20. Все они объединены в концерн «Белбиофарм». Среди них РУП «Белмедпрепараты», ОАО «Борисовский завод медпрепаратов», РУП «Несвижский ЗМП», СП «Минскинтеркапс», СП ООО «Фармлэнд», УП «Диалек», РУП «Экзон», РУП «Завод Изотрон», РУП «Гродненский завод медпрепаратов», ООО «Фармтехнология», РУП «ЭНЗИМ» и другие. По экспертным оценкам, объём фармацевтического рынка Беларуси в 2009 году в расчётно-отпускных ценах составил около $600 млн. Доля отечественных производителей лекарственных средств оценивается в стоимостном выражении более чем в 20%, а в натуральном выражении – 57%. В настоящее время предприятия концерна «Белбиофарм» выпускают более 600 наименований продукции, из них 500 – лекарственные средства.

Основная цель работы фармацевтической отрасли Республики Беларусь – производство лекарственных средств различных фармацевтических групп и биотехнологической продукции. Государственная политика в области лекарственного обеспечения ориентирована на импортозамещение и на выпуск дженериков-аналогов известных зарубежных лекарств. Специалисты отмечают, что на разработку и испытание оригинального препарата требуется не менее 6 лет и 100-200 тысяч долларов. Зарубежные компании вкладывают в разработку абсолютно инновационного химического вещества и доведение его до аптеки значительно большие средства – до $2 млрд. в США; в Европе – до 70 млн.евро. А за счёт выпуска дженериков удаётся сэкономить миллионы долларов, так как производители уже не тратят средства на разработку препарата и его испытания. Поэтому рынок многих стран ориентирован именно на дженерики. Например, общая стоимость их продаж в Великобритании, Дании, Нидерландах на рынке рецептурных лекарственных средств составляет 50-75% всех продаж; доля дженериков в Канаде – 85%; в США и Германии – от 20 до 45%.

В Беларуси разработать большой спектр оригинальных лекарственных средств достаточно сложно, так как для этого необходимы огромные финансовые вложения, которые начнут окупаться, по аналитическим оценкам, только через 10-11 и более лет. Наша страна в настоящее время не может себе позволить такие финансовые затраты, поэтому разработка оригинальных лекарственных средств сейчас не носит у нас приоритетного направления. Об этом говорят и статистические данные. Доля оригинальных препаратов на белорусском фармацевтическом рынке составляет 30%, а воспроизведённых (дженериков) – 70%. Таким

образом, фармацевтическое производство Республики Беларусь ориентировано на скопированные (воспроизведённые) лекарственные средства или дженерики.

По истечении 20-летнего срока действия патента любая фармацевтическая компания может синтезировать исходные соединения или купить его у химических концернов. Скопированное лекарство тоже подвергается испытаниям, но по сокращённой программе. Расходы на производство дженериков ниже; соответственно, цена их меньше, но это не значит, что качество хуже. Качество этих лекарств доказывается испытаниями химической идентичности и биоэквивалентности.

Политика, проводимая концерном «Белбиофарм», предусматривает создание условий для разработки и производства качественной и конкурентоспособной продукции. Это в фармацевтической отрасли достигается сертификацией систем управления качеством на соответствие требованиям международных стандартов ИСО 9000 и правилам надлежащей производственной практики (GMP). Системы менеджмента качества в соответствии с требованиями ИСО 9000 внедрены на 9 фармзаводах. Национальные сертификаты GMP получены на отдельные производства Борисовского и Гродненского заводов медпрепаратов, РУП «Белмедпрепараты», РУП «Экзон». Полностью сертифицированы производственные участки на СП «Минскинтеркапс». По нормам GMP (что предполагает полный контроль качества на всех этапах производства) выпускается более 100 наименований лекарств, сертифицированы 11 производственных участков.

Для того, чтобы уменьшить долю импорта в отечественной лекарственной продукции, была принята Государственная программа по развитию импортозамещающих производств фармацевтических субстанций, готовых лекарств и диагностических средств на 2010-2014 годы и на период до 2020 года, которая включает следующие подпрограммы «Фармсубстанции и готовые лекарственные средства»; «Фитопрепараты»; «Диагностикумы»», «Подготовка кадров для химико-фармацевтической промышленности». Реализация этой программы потребует финансового обеспечения в 600 млрд. белорусских рублей. Большая часть ресурсов (около 84%) пойдёт на модернизацию белорусских предприятий и их сертификацию по стандарту GMP. Причём, в стране не делается упор на создание оригинальных белорусских препаратов, а поставлена цель создать качественные дженерики, которые не будут уступать зарубежным аналогам.

Таким образом, к экономическим приоритетам развития белорусской фармацевтической промышленности относятся: расширение ассортимента лекарственных средств за счёт политики импортозамещения; обеспечение высокого их качества, безопасности, эффективности в соответствии с международными стандартами; увеличение экспорта; стимулирование производства высокоэффективных лекарственных средств; внедрение импортозамещающих технологий; организация импортозамещающих собственных производств фармацевтических субстанций в рамках инновационной программы развития Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громовик, П. Роль и место фармацевтического анализа в логистических технологиях учреждений здравоохранения [Электронный ресурс] / Громовик, П. Режим доступа: www. medlit.ru
2. История формирования фармацевтического рынка США или Всё о компаниях, производящих лекарства. – Медицинские новости. – 2009. – № 16. – С.36-38.
3. Реутская Л.А., Шарабчиев Ю.Г., Дудина Т.В., Пышник Г.И. Фармаэкономические подходы к планированию закупок лекарственных средств на основе протоколов диагностики и лечения больных в Республике Беларусь // Л.А. Реутская, Ю.Г.Шарабчиев, Т.В. Дудина, Г.И.Пышник // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2007. – № 3. – С.15-17.
4. Хрустицкая, Л.Б. Национальный фармацевтический рынок. Реалии и перспективы / Л.Б.Хрустицкая // Газета «Импорт-Экспорт». – 2006. – май.
5. Хрустицкая, Л.Б. Факторы национальной безопасности Республики Беларусь в сфере здравоохранения и лекарственного обеспечения / Л.Б.Хрустицкая // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. – 2008. – № 1. – С.23-30.
6. Шилов, Г.Н., Хоменко, А.И., Евстигнеев, В.В. Основы развития новых лекарственных средств / Г.Н.Шилов, А.И.Хоменко, В.В.Евстигнеев // Медицинские новости. – 2009. – № 2. – С.23-28.

УДК 342.7

О РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНАМИ ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (КРАТКИЙ ОБЗОР МИРОВОЙ ПРАКТИКИ)

Д.Н. Скютте

ЧУО «БИП − Институт правоведения», Гродненский филиал
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются особенности реализации основных экономических прав женщин в условиях глобализации. Автор исходит из того, что участие женщин в принятии решений на высоком экономическом уровне – не менее значимый элемент их участия в жизни государства, чем представительство в органах власти и управления, политических структурах. Важно определить, какие новые возможности и проблемы влечет за собой глобализация для осуществления женщинами их экономических прав и каким должен быть подход государства к регуливанию данных процессов.

The article recalls to a special features of realization of women basic economic rights at the time of globalization. The author presumes that women participation in decision-making prosess at a highest economic level is as well significant element of their participation in a state life as representation in legislative and executive bodies, political structures. It is important to determine what kind of new chances and problems to women economic rights realization the globalization involves and a governmental approach to these processes regulation that must be.

Как повлияла глобализация на реализацию женщинами важнейших экономических прав, открывающих дорогу к процессу принятия директивных решений на высшем уровне и участию, в политике в опосредованной форме (права на собственность, права на предпринимательскую деятельность, права на объединение в национальные и международные организации для защиты своих экономических интересов и некоторых других?). Реализация этих экономических по содержанию прав находится в тесной связи с возможностями участия в управлении государством в современных условиях глобализации, где сферы экономики и политики переплетаются еще сильнее [2, с. 164]. На определение политики и развития государства в целом влияют лидеры делового мира, бизнеса и промышленности, которые входят во властную элиту.

О том, что глобализация усилила гендерное неравенство, особенно в развивающихся странах, уверенно говорят представители различных отраслей научного знания. На наш взгляд, применительно к обозначенным экономическим правам женщин существует ряд проблем и особенностей их осуществления, обусловленных глобализационными процессами. На правореализационном уровне необходимо отметить следующие базовые показатели осуществления женщинами основных экономических прав, которые влияют на доступ женщин к сфере принятия директивных решений:

а) контроль над распоряжением ресурсами в обществе. Как указывает М. Малышева, у женщин он остается минимальным [3]. Эта тенденция характерна для многих развивающихся стран. Женщин мало среди собственников, владельцев крупного капитала. Они владеют, по данным ООН, всего 1% мирового богатства на планете; 6 из 10 беднейших людей – женщины [7]. Среди 100 миллиардеров мира, согласно спискам «Форбс», в 2010 г. насчитывалось 9 женщин (США, Франция, Германия, Швеция, Чили), 7 из которых получили имущество в наследство и 2 сумели приумножить его путем собственной экономической активности [8];

б) формирование женской предпринимательской среды. В результате активных мер в области реализации политики поддержки женского бизнеса наблюдается стремительный рост числа женщин-предпринимательниц. Так, в США более 40% предприятий малого

бизнеса находится в руках женщин, а в сфере услуг − 87%. Близка к северо-американской ситуация в Западной Европе: в Бельгии женщина управляет каждым третьим предприятием малого бизнеса, в сфере услуг «женских» фирм − около 47%; в Финляндии доля женщин-предпринимателей − 30%, в Швеции – 25%, в Канаде – около 30%. В странах Центральной и Восточной Европы женщины владеют более 30% бизнеса, нанимают 25% рабочей силы, составляют 55% всех обучающихся бизнесу [1, с. 1]. Можно говорить об устойчивости института женского предпринимательства в развитых странах и его перспективном развитии в ряде бывших социалистических стран. В СНГ же в сфере предпринимательства отмечается гендерная сегрегация в зависимости от формы собственности предприятий: женщины все еще преобладают в государственном секторе, мужчины активнее проникают в частный. Крупный бизнес (наряду с промышленностью) – те области, где женщины недостаточно представлены. Они сталкиваются с проблемами в открытии собственного дела, получении банковских кредитов и займов как лица с сомнительной платежеспособностью при существующих уровнях доходов. С другой стороны, женщины в странах с переходной экономикой активно внедряются в новые перспективные отрасли, которые имеют рост и перспективы – ресторанное и гостиничное дело, розничная и оптовая торговля, сферу финансовых услуг;

в) развитие организационных форм обеспечения защиты своих экономических интересов. Для обмена опытом, взаимопомощи, совместного поиска и освоения новых направлений технологий и приемов работы эффективно создание женщинами, особенно работающими в сфере услуг, профессиональных ассоциаций. Проведение регулярных встреч, семинаров с приглашением опытных отечественных и зарубежных консультантов по менеджменту, известных специалистов в области конкретных видов работ и услуг способствует успешному развитию бизнеса, обеспечению его конкурентоспособности, повышению уровня самооценки женщин, их роли и участия в экономической жизни местного сообщества. В рамках таких ассоциаций в целях обеспечения самофинансирования целесообразным является организация обществ взаимного кредитования, объединяющих временно свободные накопления участниц и инвестирующих их в бизнес, либо направляющих на создание рыночных инфраструктур, обслуживающих коллективные интересы данного предпринимательского сообщества [1, с. 9];

г) участие в процессах приватизации. В странах бывшего СССР женщины не выиграли от приватизации. В большинстве постсоветских

стран она носила номенклатурный характер. В итоге сформировалась группа собственников-мужчин из прежней номеклатуры. Условия вхождения женщин в приватизационные процессы были изначально гендерно различны: в СССР почти все руководящие должности на предприятиях ведущих, престижных отраслей экономики занимали мужчины. Среди директоров крупных предприятий при социализме женщины были редкостью. Влияние их в этом качестве на принятие решений практически не присутствовало – они занимали должности невысокой стратегической значимости в таких феминизированных отраслях, как обувная, трикотажная, кожгалантерейная, швейная промышленность, торговля и т.д. На этой основе при приватизации женщины не получили доступа к осуществлению реального контроля над финансово-хозяйственной деятельностью предприятий и управлению ими. Собственниками и топ-менеджерами, принимающими ключевые решения, в большинстве случаев являются мужчины. Те области, в которых с переходом к рыночной экономике и расширением частного сектора повысились доходы, были заняты, главным образом, ими (финансовые учреждения, торгово-кредитная сфера, страхование, банковское дело и т.п.). Доля женщин среди собственников предприятий, контроль женщин над производством, орудиями труда и капиталом пока не достаточны, чтобы говорить о полноценном участии в управлении экономическими процессами и принятии решений. Несколько выровнялась ситуация за последние годы: в СНГ среди старших должностных лиц (терминология ООН) в экономической сфере и рукодителей женщин насчитывается 37% [4];

д) доступ к образованию и его повышению. Новые экономические условия требуют высококонкурентного специалиста, готовность быть мобильным в вопросах смены профессии, использовать новые подходы в труде, осваивать дополнительные специальности и систематически повышать квалификацию. Эмпирически доказана связь между образовательным уровнем населения (в том числе женского) и экономическим ростом. В странах с социалистической экономикой и особенно в СССР вопросы женского образования были одним из приоритетов в системе стимулов развития общества [6, с. 401]. Сегодня в развитых и бывших социалистических странах наблюдается активное вовлечение женщин в национальные и международные системы высшего образования, что обусловлено и глобальными преобразованиями в мире. На высшей ступени образования доля женщин в ряде стран превалирует [6, с. 400]. Определенным препятствием на пути к получению образования и дальнейшему повышению образовательного уровня в странах СНГ стало увеличение

доли платного обучения в государственных вузах, что делает эту услугу малодоступной для части населения.

В большинстве развивающихся странах вопрос доступа женщин к образованию стоит остро, что обусловлено: 1) низким уровнем социально-экономического развития и, следовательно, отсутствием спроса на высокопрофессиональный человеческий капитал; 2) жестким патриархатным порядком; 3) отсутствием образовательных женских моделей поведения в силу сложившихся историко-культурных предпосылок [6, с. 401-402]. Недостаток нужного образовательного уровня априори вытесняет женщин в странах 3-го мира в наименее оплачиваемые и престижные отрасли экономики и виды занятости, не связанные с частной инициативой и созданием капитала (к примеру, массовое экспортно-ориентированное производство в Тайване, Южной Корее, Гонконге, где преобладали работницы-женщины до 85%) [3].

Но несмотря на отмеченные проблемы, глобализация позволяет расширить сферу реализации женщинами экономических прав за счет появления новых ее форм в связи с возникновением новых видов занятости, профессий, технологий производства, ростом возможностей международных коммуникаций и контактов, перемещением капитала, активизацией миграционных процессов, позволяющих расширить профессиональный опыт, реализоваться высококлассным специалистам на иностранном поле; объединением усилий правозащитных и неправительственных организацией для решения экономических проблем женщин, либерализацией и стандартизацией законодательства в области экономических отношений и т.д.

Использование этих возможностей, взвешенная, гендерно-чувствительная законодательная политика в области регулирования экономических прав женщин и проактивные меры исполнительных органов по ее осуществлению способны устранить главные препятствия их реализации - «стеклянный потолок» карьерного роста и вертикальную гендерную сегрегацию в экономике. По мнению А.С. Соловьевой, это позволит увеличить число женщин среди тех, кто принимает решения, что изменит сам процесс принятия решений. Учет точек зрения женщин позволит выработать более взвешенную политику и принимать более эффективные деловые решения. В политической же сфере расширение участия женщин в экономических процессах приведет к тому, что государственная политика в целом, включая экономическую, в большей степени будет отвечать потребностям всего общества, а не отражать опыт и предпочтения лишь одной его части. Благодаря этому, процесс формирования политики станет более демократичным и эффективным [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкова, Т.П. Женщины и экономика / Т.П. Быкова // Белорусская женская сеть [Электрон. ресурс]. - 2005. – Режим доступа: http://belwomnet.iatp.by/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=23&page=2. - Дата доступа: 10.02.2011.
2. Горшунов, Д.Н. Влияние процессов глобализации на правовые системы России и Беларуси / Д.Н. Горшунов // Проблемы управления. – 2007. - № 3 (24). – С. 162-166.
3. Малышева, М. Женщины и глобализация: опасения и надежды / М. Малышева // Женщина и общество [Электрон. ресурс]. - 2002. – Режим доступа: http://www.owl.ru/content/womplus/p27132.shtml. - Дата доступа: 16.02.2011.
4. Пресс-релиз «Успехи в обеспечении прав женщин – главное, что помогает странам СНГ продвигаться к осуществлению Целей развития тысячелетия» / Департамент Общественной информации ООН. – Июнь 2010. – DPI/2258G.
5. Соловьева, А.С. Равные возможности женщин и мужчин для экономического роста как фактор повышения конкурентоспособности / А.С. Соловьева // Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан [Электрон. ресурс]. - 2011. – Режим доступа: http://www.ncgp.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=280%3A2009-12-19-19-59-05&lang=en. – Дата доступа: 21.02.2011.
6. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: учеб. пособ. / под общ. ред. В.П. Колесова, 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Права человека, 2008. – 636 с.
7. Gender and Poverty // Site of the United Nations Development Programme [Электрон. ресурс]. - 2011. – Режим доступа: http://www.undp.org/poverty/focus_gender_and_poverty.shtml. – Дата доступа: 10.02.2011.
8. The World's Billionaires // Forbes.com [Электрон. ресурс]. - 2011. – Режим доступа: http://www.forbes.com/2009/03/11/worlds-richest-people-billionaires-2009-billionaires_land.html. – Дата доступа: 20.02.2011.

УДК 329.78

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Т.Г. Соловей

Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Неправительственные организации являются важным элементом гражданского общества и показателем его развития. Трансформация политических систем на постсоветском пространстве с необходимостью предполагает формирование развитой системы общественных объединений.

Non-governmental organizations are important part of the civil society and index of its development. Transformation of political systems on the post-soviet’s space with necessity involves the creation of the developed system of public associations.

В современном мире действует множество неправительственных организаций и движений, которые охватывают практически все сферы общественной жизни. Формирование разветвленной системы

неправительственных организаций (НПО) является важным показателем развитости гражданского общества, свидетельством многообразия и структурированности его интересов.

В международной практике используется несколько терминов для обозначения добровольных, самодеятельных инициатив граждан. В документах международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, МОТ, Совета Европы и др.) широко используется понятие *«неправительственные организации»* (Non-Governmental Organizations). Этот термин акцентирует внимание на автономном, по отношению к государству и правительству, положении ассоциаций граждан, которые обычно возникают снизу, по инициативе людей, а не сверху, по приказу правительства.

В законодательстве и научной литературе употребляется также термин *«неприбыльные некоммерческие организации»* (Non-for-Profit Organizations), который указывает на то, что организации данного типа не ориентированы на получение прибыли от своей деятельности. Прибыль, возникающая в результате хозяйственной деятельности, если организация таковой занимается, должна целиком идти на решение уставных целей и задач, а не распределяться между членами организации в качестве чистого дохода. В Соединенных Штатах Америки принято подразделять социум на государственную (Public) и частную (Private) сферы. Неправительственные организации там занимают место в Private сфере, и их специфика здесь проявляется в неприбыльном характере деятельности. Понятие «неприбыльные организации» в США используют чаще, чем «неправительственные».

В Канаде неправительственный сектор также называется «некоммерческим» и включает в себя следующие организации: благотворительные, волонтерские, религиозные, этнокультурные, спортивные, а также различные объединения профессионального характера. Их задачей является предоставление тех услуг, которые не могут предложить деловые и правительственные круги.

Понятие «*добровольные организации*» (Voluntary Organizations) акцентирует внимание на добровольном характере объединения граждан в ассоциации, с одной стороны, и привлечении для работы большого количества волонтеров, с другой. Волонтеры – это добровольцы, которые жертвуют своим свободным временем и энергией, не получая взамен материальной компенсации, для достижения близких им целей организации.

В современном французском законодательстве выделяются такие виды негосударственных образований, как экономические коллективы или общества (societies), политические партии (partis), различные

корпоративные объединения (в том числе профсоюзы и союзы взаимопомощи) и собственно организации некоммерческого типа или ассоциации (associations).

В странах Центральной, Восточной Европы и СНГ наиболее распространенным термином в этом контексте является понятие *«общественное объединение»*. Так, в Чехии и Словакии в качестве неправительственных организаций выступают различные объединения и фонды, в Венгрии помимо этих двух организационных форм НПО национальным законодательством разрешено объединение в общественно полезные компании. В странах Юго-Восточной Европы, в частности в Хорватии, Словении, Сербии, неправительственный сектор представлен такими формами объединений, как ассоциации производителей и бизнесменов, советы национальных меньшинств, профессиональные движения, религиозные организации, объединения по интересам и др. [1, с. 65-66].

Согласно Федеральному Закону Российской Федерации «Об общественных объединениях» они могут создаваться в одной из следующих организационно-правовых форм: общественная организация, общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самодеятельности.

В Законе Республики Беларусь «Об общественных объединениях» (редакция 2005 г.) данное понятие определяется как «добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся на основе общности интересов для совместной реализации гражданских, социальных, культурных и иных прав» [2]. Закон не распространяет свое действие на политические партии, профсоюзы, религиозные организации, органы общественного самоуправления и другие общественные формирования, деятельность которых регулируется отдельным законодательством. В Республике Беларусь выделяется также такая разновидность объединений, как государственно-общественное объединение. Это основанная на членстве некоммерческая организация, создаваемая для выполнения возложенных на нее государственно значимых задач.

Неправительственные, общественные организации и движения формируют так называемый *«третий сектор»* (The Third Sector). Это термин указывает на то место, которое НПО занимают в обществе. Неправительственные организации в условиях демократии выступают в качестве промежуточной структуры, которая отделяет граждан от непосредственного воздействия и со стороны государства, и со стороны частных корпораций. Третий сектор по своей сути должен

быть *независимым сектором* (Independent Sector), для которого характерен инициированный снизу процесс формирования аутентичных НПО.

Таким образом, общими чертами неправительственных (общественных) организаций являются их добровольный характер, некоммерческие и неполитические цели, а также негосударственный характер. Основой создания НПО является общность интересов их членов, стремление к совместной реализации гражданских, экономических, социальных и культурных прав.

Неправительственные организации – это объединения граждан для достижения какой-либо общей социально значимой цели. Их главное отличие от политических партий состоит в том, что они не ставят своей целью завоевание государственной власти. Политическая роль неправительственных организаций состоит в оказании влияния на процесс принятия политических решений органами государственной власти и управления, в более или менее постоянном давлении на властные структуры.

Место и роль неправительственных организаций в системе гражданского общества и правового государства во многом определяется их функциями. Важнейшей функцией НПО является представительство и защита интересов своих членов во взаимоотношениях с другими политическими институтами. Общественные объединения не только способствуют осознанию и выражению специфических потребностей и интересов своих членов, но и берут на себя обязательство доведения требований группы до сведения государственных органов, политических элит.

Функция социальной интеграции и мобилизации предполагает объединение и организацию членов группы и их сторонников вокруг целей данного формирования. С помощью НПО гражданское общество постепенно приобретает четкую структуру. Привлекая членов организации к решению общественно значимых проблем, НПО способствуют формированию активной жизненной позиции, повышению политической образованности и культуры граждан и, тем самым, выполняют функцию социализации граждан.

Особое значение имеет также функция обеспечения обратной связи между гражданами и властью. Через общественные организации и движения граждане могут заявить о своем согласии или несогласии с проводимой политикой, поддержать или, напротив, саботировать те или иные политические решения.

В условиях демократии развитость гражданского общества не позволяет государству беспрепятственно вторгаться в жизнь граждан,

деятельность общественных объединений. В США и странах Западной Европы роль и реальное значение неправительственных организаций публично признается государством. НПО расцениваются как партнеры властных структур в решении многих социальных проблем.

Глобальный рост третьего сектора в мире в конце XX в. получил название «революции ассоциаций». Современный этап развития исследователи часто именуют «эпохой неправительственных – некоммерческих организаций». При этом международный опыт свидетельствует, что развитие НПО в большинстве случаев прямо пропорционально развитию институтов правового государства.

Формирование развитой системы общественных объединений является важным направлением трансформации политических систем на постсоветском пространстве. По состоянию на 1 января 2011 года в Республике Беларусь зарегистрировано 15 политических партий, 35 профессиональных союзов, 2325 общественных объединений (из них 231 международное, 675 республиканских и 1419 местных), 25 союзов (ассоциаций) общественных объединений, 99 фондов. В стране действует 393 благотворительных, 216 молодежных общественных объединений, из них 32 детских, 109 объединений национальных меньшинств, свыше 200 просветительских, культурно-досуговых, воспитательных общественных объединений, 79 научно-технических, 49 творческих объединений и мн. др. [3].

Тем самым, сфера деятельности общественных объединений Республики Беларусь довольно разнообразна. В соответствии с национальным законодательством общественные объединения пользуются широким кругом прав, обеспечивающих их активное участие в общественной и политической жизни. Деятельность неправительственных организаций способствует удовлетворению возросших духовных потребностей людей, реализации их творческих возможностей и в конечном итоге оказывает содействие государству в проведении социально-экономических и политических реформ.

Функционирование третьего сектора позволяет гражданам и власти строить оптимальные отношения, налаживать эффективную коммуникацию друг с другом. Неправительственные организации, будучи важным элементом гражданского общества, призваны играть созидательную роль в формировании демократических основ современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысенко, В.В. Регламентирование правового положения и функционирования неправительственных организаций в зарубежных странах / В.В.Лысенко // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 65-72.

2. Об общественных объединениях: Закон Респ. Беларусь, 4 окт. 1994 г., № 3254-Х11: в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. // Эталон – Беларусь. Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
3. Работа с общественными объединениями, фондами [Электронный ресурс] / Министерство юстиции Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://minjust.by/ru/site_menu/deyat_min/public_associations. – Дата доступа: 21.02.2011.

УДК 330.112

DZIAŁALNOŚĆ GOSPODARCZA OSÓB FIZYCZNYCH W POLSCE W LATACH 2000-2010*

Alicja Stolarska
Szkoła Główna Gospodarstwa Wiejskiego w Warszawie
Warszawa, Rzeczpospolita Polska

The article presents the characteristic and the changes of economic activity, particularly private in Poland, in 2000-2010. Shows the trends and structure of business and its importance in the labor market.

Wstęp

Urynkowienie gospodarki w Polsce wywołało wiele zmian na rynku pracy oraz dało możliwość rozwoju prywatnych przedsiębiorstw. Zmalał udział pracujących w rolnictwie i przemyśle, a (do blisko 46%) wzrósł odsetek zatrudnionych w usługach [Hybel 2003 za GUS]**. Zaszło też wiele zmian w prowadzonej w naszym kraju działalności gospodarczej.

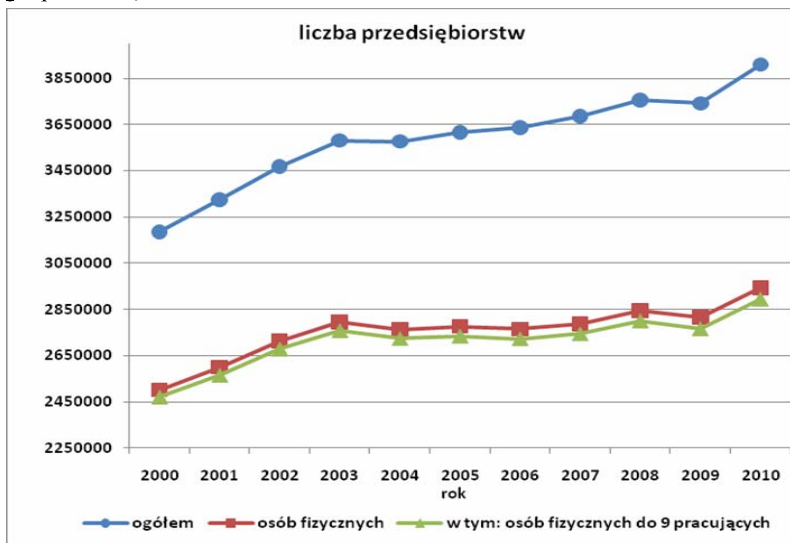
Nastąpił rozwój sektora prywatnego, w szczególności firm rodzinnych. Zmniejszyło to dysproporcje Polski w stosunku do innych krajów Unii Europejskiej. Malała stale liczba gospodarstw państwowych. W latach 1993-2004*** zmniejszyła się ona przeszło pięciokrotnie. W kolejnym okresie (2005-2010) nastąpił dalszy, przeszło siedemdziesięcioprocentowy spadek odsetka przedsiębiorstw państwowych w Polsce. Jednocześnie prawie dwukrotnie wzrosła liczba osób fizycznych prowadzących działalność gospodarczą (firm rodzinnych) ****.

Tendencje w prowadzeniu własnej działalności gospodarczej

Działalność gospodarczą, na koniec roku 2010, prowadziło w Polsce prawie 3910 tys. firm. Podmioty sektora prywatnego stanowiły tu blisko 97%, gdzie z kolei, ok. 78% przypadało na przedsiębiorstwa osób fizycznych prowadzących własną działalność gospodarczą.

Po urynkowieniu gospodarki w Polsce (po 1990 roku) obserwujemy stałą tendencję rosnącą, tak ogólnej liczby przedsiębiorstw, jak i tych prowadzonych przez osoby fizyczne. Jednocześnie tempo tego wzrostu w początkowym okresie było znacznie większe. Później, po wstąpieniu Polski do Unii Europejskiej, ustabilizowało się nieco (wykres 1).

Wykres 1 − Zmiany liczby przedsiębiorstw prowadzących działalność gospodarczą w Polsce w latach 2000-2010



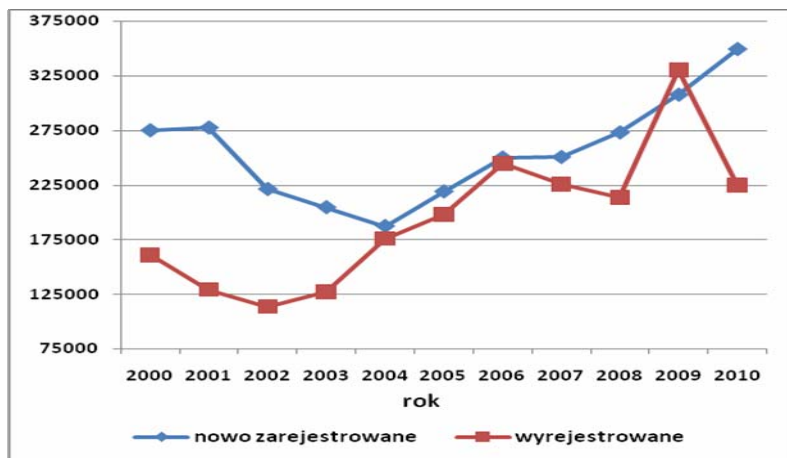
Źródło: opracowanie własne na podstawie danych GUS.

W roku 2009 zaobserwowano załamanie się wzrostowej tendencji w prowadzeniu działalności gospodarczej. Liczba osób fizycznych ją prowadzących zmalała o przeszło 1% (o 29,7 tys. firm). Spowodowane było to głównie rozprzestrzeniającym się na wiele krajów kryzysem gospodarczym i niestabilnością warunków zewnętrznych. W niekorzystnej sytuacji znalazły się przede wszystkim przedsiębiorstwa transportowe, gdzie dodatkowym problemem jest wydłużony i czasem przekraczany, termin płatności należności od podmiotów korzystających z usług transportowych. Załamanie odnotowano też w niektórych podmiotach z branży finansowo-ubezpieczeniowej i doradczej, a także w budownictwie. Na złą sytuację budownictwa złożyło się wiele czynników. Poza samym kryzysem oczywiście i spadkiem popytu na mieszkania (też z powodu ograniczonej dostępności kredytów), nie bez znaczenia była tu również stagnacyjna strategia samych przedsiębiorców. Miało to przede wszystkim zapobiec gwałtownemu spadkowi cen nowo budowanych mieszkań, co zostało osiągnięte.

Na załamanie się rosnącej tendencji liczby podmiotów gospodarczych w 2009 roku miała też pewien wpływ aktualizacja rejestru REGON [Zmiany… 2011]*****. Liczba wykreślonych wówczas z Rejestru przedsiębiorstw osób fizycznych (tych, które zaprzestały prowadzonej

działalności), przekroczyła liczbę podmiotów nowo zarejestrowanych (wykres 2).

Wykres 2 − Zmiany liczby przedsiębiorstw nowo zarejestrowanych i wyrejestrowanych z REGON, prowadzonych przez osoby fizyczne w Polsc e w latach 2000-2010



Źródło: jak wykres 1.

Akcesja do UE była wyraźnym bodźcem do rozpoczynania prowadzenia działalności gospodarczej, chociaż najmniejszy odsetek nowych firm odnotowano w pierwszych dwóch latach członkowstwa. Był to również okres dostosowawczy do nowych warunków prowadzenia działalności gospodarczej.

Impulsem do rejestrowania nowych przedsięwzięć była też czasami współpraca z innym przedsiębiorstwem, na zasadach podwykonawcy, które nie chciały po prostu zatrudnić u siebie danej osoby, z uwagi na wysokie koszty tegoż zatrudnienia.

W 2010 roku odnotowano przeszło 4,2% nowych podmiotów, wśród prowadzonych przez osoby fizyczne. Zachodzące zaś zmiany w tworzeniu i likwidacji firm świadczą o tym, że niektóre z nich nie potrafiły utrzymać się na rynku, a inne zmieniały profil działalności. Niezależnie od tego, osoby fizyczne podejmujące działalność gospodarczą poprawiają nie tylko sytuację swoją, ale w ogóle na rynku pracy, gdzie stanowią około 20% wszystkich pracujących.

Wśród przedsiębiorstw osób fizycznych zauważamy wyraźnie, że są to głównie małe firmy, dające zatrudnienie i utrzymanie przede wszystkim właścicielowi i jego najbliższej rodzinie. Gro firm założonych przez osoby fizyczne zatrudnia nie więcej niż 9 osób, a bardzo często jest to jedynie sam

właściciel. Jednocześnie, w badanym okresie obserwujemy pewne zmiany w tym względzie. Wśród przedsiębiorstw osób fizycznych, wyraźnie widoczny jest malejący odsetek podmiotów zatrudniających do 9 pracowników, z 98,8% w roku 2000, do 98,3% w 2010 roku. Wzrosła tym samym liczba podmiotów prowadzących działalność gospodarczą w większej skali, na co również wpłynęło członkowstwo Polski w Unii Europejskiej. Nowe uregulowania prawne, a także możliwość otrzymania dotacji unijnych na działalność dającą nowe miejsca pracy, to kolejne bodźce dla rozwoju działalności gospodarczej podejmowanej przez osoby fizyczne.

W roku 2010 zaobserwowano dalszy wzrost liczby przedsiębiorstw prowadzonych przez osoby fizyczne.

Struktura rodzajów działalności i wielkości przedsiębiorstw

Osoby fizyczne prowadzące działalność gospodarczą (bez gospodarstw indywidualnych w rolnictwie), prowadziły ją głównie z zakresu handlu i naprawy pojazdów samochodowych (przeszło 30%), budownictwa (prawie 14%) i przetwórstwa przemysłowego (blisko 10%). Przeszło 9% podmiotów prowadziło działalność naukową i techniczną, a kolejne 8% zajmowało się transportem i magazynowaniem. Najmniejszy odsetek (po około 1%) stanowiła działalność obsługująca rynek nieruchomości oraz usługi kulturalne i rozrywkowe. Tylko jedna firma prowadziła działalność pocztową i kurierską.

Z ogólnej liczby przedsiębiorstw osób fizycznych prowadzących działalność gospodarczą w 2010 roku aż przeszło 98% stanowiły podmioty o liczbie zatrudnionych do 9 osób. Kolejnych przeszło 1,6% zatrudniało od 10-49 osób. Tylko 9 firm (z branży przetwórstwa przemysłowego) zatrudniało 1000 osób i więcej. Podmioty deklarowały jednocześnie, że w prowadzeniu działalności pomagają członkowie rodzin około, w około 4%.

Przypisy

* - Osoba fizyczna prowadząca działalność gospodarczą -w rejestrze REGON (Krajowy Rejestr Urzędowy Podmiotów Gospodarki Narodowej prowadzony w oparciu o przepisy ustawy z dnia 29 czerwca 1995 r. o statystyce publicznej: Dz. U. Nr 88, poz. 439 z późniejszymi zmianami i rozporządzenia Rady Ministrów z dnia 27 lipca 1999 r. w sprawie sposobu i metodologii prowadzenia i aktualizacji rejestru) jest to osoba fizyczna będąca przedsiębiorcą w rozumieniu ustawy z dnia 2 lipca 2004 r. o swobodzie działalności gospodarczej i inna osoba fizyczna prowadząca działalność na własny rachunek w celu osiągnięcia zysku. Z badań wyłączono osoby fizyczne prowadzące indywidualne gospodarstwa rolne.

** - GUS -Główny Urząd Statystyczny.

*** - W roku 2004 Polska przystąpiła do struktur Unii Europejskiej.

**** - Dotyczy tylko firm zarejestrowanych.

***** - Wiele podmiotów, które już wcześniej zaprzestały prowadzenia działalności gospodarczej, dopiero na skutek aktualizacji zgłosiło ten fakt, co między innymi spowodowało wykreślenie z Rejestru w 2009 roku o 46% więcej firm, niż w poprzednim roku.

LITERATURA

1. Hybel, J., Ekonomiczne uwarunkowania rozwoju rynku pracy w Polsce w perspektywie integracji z Unią Europejską. Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2003.
2. Rocznik Statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej. GUS, 2010.
3. Stolarska, A., Dodatkowa działalność gospodarcza rodzin rolniczych czynnikiem rozwoju obszarów wiejskich. Roczniki Naukowe SERiA, Tom VII, Zeszyt 1. Warszawa: Wieś Jutra, 2005.
4. Zmiany strukturalne grup podmiotów gospodarki narodowej wpisanych do rejestru regon, 2010 r. GUS, 2011.

УДК 314

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

О.А. Сульжицкая
ЧУО «БИП-Институт правоведения»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматриваются сущность проблемы роста мирового населения и отношение к ней современных учёных.

This article deals with the essence of the problem of the world population increase and the position of the modern scientists towards it.

Современные мировые процессы народонаселения оказывают все возрастающее влияние на политику государств, международные отношения, направленность социально-экономического развития различных регионов мира. В системе демографических проблем на первом месте по своей остроте находится проблема ускоренного роста населения планеты.

Общеизвестно, что на протяжении большей части человеческой истории численность населения росла очень медленно. Лишь к 1830 г. мировое население впервые достигло 1 миллиарда человек. В последующем темпы роста населения увеличивались по нарастающей: в 1927 г. – человечество отметило второй миллиард, через 33 года (в 1960 г.) – третий, через 15 лет (в 1975 г.) – четвертый, через 13 лет (в 1987 г.) – пятый, через 12 лет (в 1999 г.) – шестой. Чистый ежегодный прирост составляет сейчас 77-90 миллионов. Таким образом, численность населения за минувшие 100 лет увеличилась более чем в три раза, причем непосредственно сам «демографический взрыв» приходится на вторую половину XX века.

Если соотнести изменения в современном демографическом развитии мира за последние 60 лет, можно отметить следующие

тенденции: доля в мировом населении Европы и Северной Америки сокращается, доля стран Латинской Америки, Австралии и Океании остается стабильной, доля же Азии, и в особенности Африки, продолжает увеличиваться. Можно достаточно уверенно утверждать, что население растет за счет развивающихся стран: в них проживает около 80% мирового населения, на них же приходится 95% общемирового прироста населения [4, с. 35].

Первые долгосрочные прогнозы развития народонаселения стали появляться в 1950-1960 годах. Некоторые из них имели устрашающий характер. Они исходили из того, что среднегодовой прирост населения станет возрастать и впредь, и к 2300 г. на Земле будет более 23,6 миллиардов человек [1]. Один английский учёный вычислил, что при ежегодном приросте в 1,5% к 3000 г. население планеты возрастет до 14 триллионов. При таком развитии событий в 3000 г. на одного жителя пришлось бы 103 см кв. суши [7, с. 116].

В 1970-1980-х гг. прогнозы ученых стали более умеренными. Так, по мнению некоторых исследователей, при существующих темпах прироста населения его удвоение произойдет через 70 лет. Большинство современных демографов еще более оптимистичны и прогнозируют снижение темпов среднегодового прироста. Н.В. Алисов и Б.С. Хорев в своей работе «Экономическая и социальная география мира» привели примеры различных вариантов прогнозных оценок численности мирового населения. Так, по оценкам Международного института прикладного системного анализа в 2100 г. численность населения мира составит 9,1-16,1 миллиардов человек, по оценкам ООН – 9,0-19,2 миллиардов, по оценкам Всемирного банка – 11,7 миллиардов. Делая общий вывод, ученые пишут: «…прогнозы всех трех известных в мире центров не дают оснований для «демографического апокалипсиса», и средневзвешенный уровень к 2100 г. – около 12 миллиардов человек» [2, с. 80].

Последние сценарии свидетельствуют, что специалисты, их предложившие, придерживаются гипотезы стабилизации численности населения Земли. Стабилизация означает, что со временем прирост населения не только прекратится, но и станет нулевым. Об этом говорилось уже во «Всемирном плане действий в области народонаселения», принятом в 1974 г. в качестве документа ООН. Первым версию стабилизации населения выдвинул советский академик С.Г. Струмилин, а в 1970-х годах ее более детально разработал демограф Б.Ц. Урланис. Он предположил, что стабилизация численности населения должна произойти при условии, когда средняя продолжительность жизни мужчин и женщин составит 74,8 лет,

показатели рождаемости и смертности сравняются на уровне 13,4 промилле [4, с. 313]. При этом стабилизируется и возрастной состав населения: доля детей до 15 лет снизится до 20%, доля людей в трудоспособном возрасте составит 63 %, а доля лиц старше 65 лет возрастет до 17%. Б.Ц. Урланис считал, что подобная стабилизация должна наступить в начале XXII века на уровне 12,3 миллиардов человек. После того, как на четвертой Всемирной конференции ООН по народонаселению в Мехико в 1984 г., экспертами ООН было высказано предположение о стабилизации населения в XXII в. на уровне 10,5 миллиардов человек, именно эта цифра получила наибольшее распространение в научной литературе.

Однако даже такая численность мирового населения рассматривается многими западными учёными (демографы К. Дэвис, Г. Шубнель, Х. Вандер, К. Дайер, Л. Тейлер, биолог П. Эрлих, экономист Дж. Форрестер, социолог Л. Мамфорд и др.) как катастрофическая. Так, еще в 1968 г. в своей книге «Бомба народонаселения» эколог П. Эрлих доказывал, что население Земли свыше одного миллиарда является лишним. В первом докладе Римскому клубу «Пределы роста» (1972 г.) группой аналитиков под руководством Д. Медоуза был установлен антропогенный предел планеты в 7 миллиардов человек. Для решения проблемы роста населения учёные предложили концепцию «глобального равновесия», в соответствии с которой численность населения и промышленное производство остаются неизменными, а между факторами, заставляющими их расти или уменьшаться, поддерживается баланс.

В 1970-1980-х годах на Западе большой популярностью пользовалась концепция «нулевого роста населения» (Д. Боуг, А. Коул, Э. Гувер, П. Демени, С. Энке, Р. Солоу и др.). Её сторонники считают, что посредством технологических средств контроля над рождаемостью можно регулировать демографическое поведение людей в развивающихся странах. Стационарное население отождествляется с навязанным ему «нулевым ростом» даже ценой нарушения естественной смены поколений. По мнению представителей данного направления неомальтузианства, развивающиеся страны могут проводить эффективную демографическую политику, оставаясь сравнительно отсталыми в экономическом, социальном и культурном отношениях. В 1970-х гг. стабилизация роста населения привязывалась к конкретному сроку – 2000 году. Однако на практике к нулевому росту пришли, как известно, не развивающиеся страны, а развитые страны.

Концепции «пределов роста» и «нулевого роста» сегодня критикуются за то, что их представители не хотят видеть социальную природу демографических явлений, во многом связанную с нерациональным распределением благ и ресурсов между развитыми и развивающимися странами. Неомальтузианцы утверждают, что в современных условиях важно не количество, а качество населения, его образовательный и профессиональный уровень. По их мнению, хотя сокращение численности родившихся повысит средний возраст трудоспособного населения и увеличит долю пожилых людей, это не должно вызывать тревоги, так как в современном обществе важны не столько физическая сила и быстрота реакции, сколько опыт и знания, которые приходят с годами. Сокращение удельного числа молодежи, как считают неомальтузианцы, позволит повысить качество образования. Изменится структура спроса в сторону более высококачественных товаров и услуг, организации досуга и др. Снижение рождаемости повысит также роль женщин в обществе.

Однако у неомальтузианства существует немало противников. Последние считают, что сокращение рождаемости, стабилизация и убыль населения на протяжении всей истории человечества неразрывно связаны с деградационными процессами в сфере культуры, экономики и политики. Представители американского демографического оптимизма второй половины XX в. (К. Кларк, Дж. Саймон, У. Петт, Э. Хагон, А. Хиршман, Б. Уоттенберг) уверены, что рост населения является необходимым предварительным условием экономического роста, что медленно растущее население с высокой долей стариков будет иметь тенденцию потреблять капитал, а не накапливать его [3, с. 297]. По мнению французских (А. Сови, Ж.П. Шону) и немецких (Б. Кайцер, П. Кюнгольц) демографов сокращение удельного веса экономически активного населения может привести к уменьшению производства на душу населения, падению спроса и сокращению заработной платы. Кроме того, в «обществе стариков» неизбежно наступит банкротство системы социального обеспечения.

Интересна позиция американских учёных Дж. Саймона и Г. Канна в отношении к проблеме увеличения мирового населения. Они задались вопросом: почему, несмотря на рост населения, ресурсы до сих пор не иссякли? На примере исследования истории человечества они пришли к выводу: дефициты природных ресурсов многократно возникали в прошлом, однако человек благодаря своей изобретательности всегда находил выход из затруднительного положения [6, с. 394]. Дж. Саймон утверждает, что чем выше

численность населения, тем больше возможностей для решения человеческих проблем, так как увеличивается количество талантливых людей.

Значительное распространение в научной литературе получила концепция демографического перехода, сформулированная в первой половине XX века. Под демографическим переходом классики данной теории (А. Ландри, Ф. Ноутстайн, К. Дэвис, Д. Кирк, А.Г. Вишневский, Дж. Блейк и др.) понимали процесс стабилизации народонаселения, переход численности населения Земли в целом или какой-либо страны в отдельности от демографического взрыва к депопуляции. Их современные последователи (Дж. Колдуэлл, Г. Беккер, Дирк Ван де Каа и др.) отмечают, что население практически всех стран сначала растет, проходит через максимум и затем начинает неуклонно снижаться. При этом максимумы у разных стран наблюдаются в разное время. По мнению российского физика С.П. Капицы, длительность демографического перехода для населения всей Земли оценивается в 40-50 лет [5, с. 93]. Середина перехода пришлась примерно на 2000 год, после чего начинается катастрофическое снижение численности человечества, которое вызовет, в свою очередь, катастрофические последствия на Земле.

Современные варианты теории демографического перехода используют демографы ООН, так как они позволяют объяснить мировые демографические процессы не столько биологическими законами, сколько социальными и цивилизационными условиями, которые ведут к качественным изменениям типов воспроизводства населения в процессе исторического развития. Однако у теории демографического перехода имеется существенный недостаток – ее стремление признать унификацию мира по западноевропейскому демографическому стандарту как свершившийся факт и игнорирование существования национальных и региональных демографических феноменов.

Таким образом, существующие в современной науке взгляды на проблему «демографического взрыва» можно сгруппировать в два подхода – пессимистический и оптимистический. Однако лишь взаимное дополнение противоположных концепций позволяет рассмотреть в комплексе и с разных сторон такую сложноорганизованную систему, как демографическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов, А.В. 2300 год: глобальные проблемы и Россия / А.В.Акимов // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – 2008. – № 349-350. – Режим доступа: http: //www.demoscope.ru/weekly/2008/0349/biblio01.php. – Дата доступа: 26.02.2011.

2. Алисов, Н.В. Экономическая и социальная география мира (общий обзор) / Н.В.Алисов, Б.С.Хорев. – М.: Гардарики, 2001. – 704 с.
3. Бреева, Е.Б. Основы демографии: учеб. пособие / Е.Б.Бреева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. – 388 с.
4. Зверева, Н.В. Основы демографии: учеб. пособие / Н.В.Зверева, В.В.Елизаров, И.Н.Веселкова. – М.: Высшая школа, 2004. – 374 с.
5. Капица, С. Глобальная демографическая революция / С.Капица // Международная жизнь. – 2005. – № 11. – С. 91-105.
6. Костин, А.И. Экополитология и глобалистика: учеб. пособие / А.И.Костин. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 418 с.
7. Хорев, Б.С. Прогнозные оценки роста мирового населения / Б.С.Хорев // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 115-124.

УДК 631.158 : 331.2

ОПЛАТА ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

А.В. Сычевник, О.В. Гришанова

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются проблемы организации заработной платы, производительности труда, использования рабочего времени в сельскохозяйственных организациях Гродненской области.

The article deals with the problems of the organization of wages, labour productivity, working hours use at the agricultural enterprises in Grodno region.

В настоящее время можно выделить следующие проблемы организации оплаты труда как в целом по стране, так и в сельскохозяйственных предприятиях в частности:

1. Учет рабочего времени (простои, переработка времени и т.д.).
2. Организация нормирования и нормы труда (в основном занижены).
3. Уровень оплаты труда (низок как в целом, так и неправомерно дифференцирован по категориям работников)
4. Тарифные ставки и расценки (рассчитаны на основе ЕТС и заниженных норм труда)
5. Система стимулирования труда (практически отсутствует).

При сравнении средней заработной платы по отраслям и регионам за 2010 г. видно, что в сельском хозяйстве ее уровень наиболее низок – на 33,4% ниже средней по стране. Среди регионов оплата труда работников сельского хозяйстве меньше всего в Могилевской области, а Гродненская область находится на предпоследнем месте.

Таблица 1 – Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата за 2010 г. (руб.)

Отрасли	Республика Беларусь	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
Всего	1237974	1108080	1105602	1170219	1129148	1622217	1207878	1108518
Промышленность	1372332	1179673	1251528	1320719	1281205	1572449	1574937	1241119
Сельское хозяйство	823944	805445	814755	818600	803067	1590255	861937	785301
Транспорт	1456514	1458464	1395860	1512732	1290407	1620215	1335837	1346955
Связь	1421459	1291831	1219726	1225612	1234889	2030029	1214307	1177870
Строительство	1650126	1529384	1379532	1585368	1649856	2074888	1534333	1380781

При этом по многим показателям (урожайность культур, продуктивность животных и т.д.) Гродненская область лидирует среди регионов. Почему в таком случае так низок уровень заработной платы?

Чтобы эффективно использовать такой фактор производства, как труд необходимо создать систему управления заработной платой на предприятии. Такая система, по мнению многих экономистов, должна включать ряд элементов: анализ организации оплаты труда, учет труда и его оплаты, организация основных элементов оплаты труда, планирование средств на оплату труда [1]. Одним из основных элементов системы является точный и детальный анализ, который должен, в первую очередь, касаться состояния финансово-экономических и трудовых показателей. Такой анализ достаточно трудоемок и по этой причине выполняется весьма формально.

Среди основных причин низкой заработной платы в сельском хозяйстве называют низкий уровень производительности труда. Чтобы ответить на этот и другие вопросы мы провели небольшое исследование. Для этого были отобраны показатели сельскохозяйственных организаций Гродненского, Берестовицкого и Щучинского районов Гродненской области. В результате анализа были выявлены три группы предприятий по уровеню производительности труда.

Как выяснилось, в организациях с низкой производительностью труда будет наблюдаться и соответствующий уровень оплаты, что и подтверждают данные таблицы. Производительность труда в организациях третьей группы выше, чем в первой в 2,53 раза. А среднемесячная оплата 1 работника в хозяйствах третьей группы в 2,06 раза превышает уровень первой группы, если рассматривать среднечасовую оплату, то этот разрыв еще больше и составляет 2,54 раза. При этом видно, что высокая производительность труда и заработная плата достигнута меньшей ценой – работники хозяйств третьей группы отработали меньше времени в среднем за год на 18,6%, чем первой.

Таблица 2 – Группировка сельскохозяйственных предприятий Гродненского, Берестовицкого и Щучинского районов по уровню производительности труда (по данным 2009 г.)

Производство валовой продукции на 1 работника	Произведено валовой продукции на 1 работника, тыс. руб.	Удельный вес ФОТ, %			Средняя заработная плата, руб.		Отработано 1 работником за год, ч	Удельный вес основной оплаты в общем ФОТ, %	Прибыль на 1 руб. ЗП	В среднем в месяц в расчете на 1 работника	
		в валовом доходе	в выручке	в затратах	в месяц	в час				валовой доход, руб.	выручка, руб.
До 30 тыс. руб.	28496	70,8	30,5	17,1	523093	2434	2579	82,4	-0,397	738453	1712445
30,0-60,0 тыс. руб.	49511	72,4	27,1	16,6	874918	4640	2263	66,3	0,005	1208327	3223932
Более 60,0 тыс. руб.	72008	63,5	22,6	14,5	1079816	6174	2099	70,4	0,358	1700220	4776425
В среднем	50508	68,2	25,2	15,7	908010	4864	2240	69,1	0,128	1330494	3606264
Справочно:											
Гродненский район	59200	69,8	25,3	15,7	1045502	5818	2156	66,4	0,162	1497117	4129693
Берестовицкий район	59638	69,8	23,6	16,8	903915	4848	2237	67,1	0,141	1295218	3826715
Щучинский район	36719	64,1	24,2	15,0	597672	3006	2386	78,2	-0,074	932602	2474138
Гродненская область	43762	68,0	26,9	16,5	725615	3907	2229	74,4	-0,053	1067779	2701754

Надо отметить, что расчетная норма времени была меньше фактически отработанного времени, т.е. налицо переработка, неэффективное использование рабочего времени.

Объективно одной из причин низкого уровня оплаты труда служит действующая тарифная система, предполагающая использование в качестве тарифной ставки первого разряда величину, которая ниже минимальной заработной платы 3,9 раза. Кроме того, до недавнего времени сельхозпредприятия не могли увеличить этот показатель из-за отсутствия роста объема производства. Чтобы уменьшить диапазон тарифной сетки используется система корректирующих коэффициентов, которые, в принцип,е ничем не оправданы. Возникает вопрос – может быть стоит сократить количество разрядов и уменьшить диапазон тарифной сетки, а в качестве исходной величины использовать минимальный уровень заработной платы?

Удельный вес оплаты труда в валовом доходе, выручке и затратах на производство ниже в хозяйствах третьей группы (см. табл.). В структуре фонда оплаты труда основная заработанная плата (по тарифным ставкам и сдельным расценкам) составляет 70,4% в организациях третьей группы, в то время как в первой группе этот показатель равен 82,4%. Это свидетельствует о низкой стимулирующей функции заработной платы на этих предприятиях, т.е. практически отсутствует система стимулирования труда (премирование, надбавки и доплаты). Что же касается такого важного показателя эффективности

работы любого хозяйства как прибыль, то в расчете на 1 руб. оплаты труда в хозяйствах третьей группы было получено в 2,8 раза выше среднего уровня по группировкам в целом, не говоря о хозяйствах первой группы, где были получены убытки. Один работник в месяц приносил 1,7 млн. руб. валового дохода и 4,8 млн. руб. выручки в организациях третьей группы, что выше в 2,3 и 2,8 раза уровня первой группы соответственно. Надо отметить, что в зарубежной практике основным критерием создания рабочего места и его функционирования является как раз объем получаемой выручки или прибыли, создаваемый на этом рабочем месте.

При сравнении полученных данных с показателями Гродненской области и районов видно, что имеются резервы роста, основанные на поиске возможностей увеличения производительности труда. Это, в первую очередь, внедрение в производство достижений науки и техники, рациональная организация труда, создание эффективной системы стимулирования труда, выработка новых критериев определения целесообразности создания новых и сокращения имеющихся, но неэффективно используемых рабочих мест. Результаты расчетов показали, что даже в тех условиях, в которых оказались сельскохозяйственные предприятия, можно достаточно эффективно производить продукцию, а работники этих предприятий могут получать достойную заработную плату. Тем не менее, требуется совершенствование действующей тарифной системы: уменьшение количества разрядов в тарифной сетке, изменение ее диапазона и использование в качестве тарифной ставки первого разряда минимальной заработной платы (460 тыс. руб. в настоящее время). Если цель – экономическая эффективность, то и достигать ее надо экономическими методами (высокая производительность труда и т.д.). Если цель − социальная стабильность, то для этого существуют инструменты социальной политики: пособия, трансферты, переквалификация высвободившихся работников и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинина, Т.Н. Политика оплаты труда внутри предприятия / Т.Н. Долинина // Экономика/Финансы/Управление. - №2 – февраль 2008. – с. 24 -31.
2. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс] режим доступа http://www.mintrud.gov.by 25.02.2011г.
3. Официальный сайт Национального статистического комитета РБ [электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/. - Дата доступа 20.02.2011.

УДК 631.158 : 331.2

ОПЛАТА ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.В. Сычевник
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются проблемы организации заработной платы, состояния уровня жизни населения, роста производительности труда в Беларуси.

The article deals with the problems of wages, a condition of a standard of living of the population, growth of labour productivity in Belarus.

В основных положениях национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. указано, что эффективная социальная политика государства является фактором развития человеческого потенциала и обеспечения устойчивого развития общества. Ее главными целями являются обеспечение устойчивого роста уровня и качества жизни населения и создание условий для развития человеческого потенциала. На первом этапе реализации стратегии предполагалось повышение реальных денежных доходов и снижение уровня малообеспечености населения, создание условий и предоставление гражданам равных условий для достижения материального и социального благополучия. На втором этапе (с 2011 г.) планируется обеспечить приближение Республики Беларусь по уровню и качеству жизни населения к экономически развитым странам на основе формирования социально-ориентированного рыночного типа экономики.

Как известно, экономическая стабильность тесно связана с социальным фактором: открывает возможности для экономического роста, создания новых рабочих мест, повышения благосостояния. В настоящее время речь идет не только о том, чтобы удерживать развитие мирового хозяйства от резких колебаний, но и обеспечить экономическое развитие, устойчивое как по материальным параметрам, так и по социальным стандартам. Таким образом, состояние экономической сферы определяет развитие сферы социальной. В то же время для поддержания социальной стабильности нужен высокий уровень занятости населения, отсутствие безработицы. Для этого часто используются такие меры, как запрет сокращения рабочих мест, поддержание избыточной занятости и т.д. Все эти меры негативно сказываются на экономической эффективности предприятий. А ведь уже давно доказано: сколько и каких целей мы преследуем, столько и таких средств должны использовать. В результате подмены инструментов социальной политики

экономическими происходит неоправданный рост затрат на оплату труда, поддерживается низкий уровень производительности труда, реальная заработная плата снижается. Как не вспомнить поставленный в свое время еще Ф.У. Тейлором вопрос: «Почему же перед лицом того очевидного факта, что максимальное благосостояние может быть осуществлено лишь в результате сознательного усилия каждого рабочего в направлении возможного повышения своей дневной выработки, громадное большинство наших рабочих сознательно делает как раз обратное, и, даже в тех случаях, когда они одушевлены наилучшими намерениями, труд их большей частью далек от наивысшей возможной производительности?».[4] Отвечая на этот вопрос, он называл три причины такого положения дел: опасение рабочих потерять работу из-за высокой выработки, ошибочную систему организации управления предприятиями и «непроизводительные, грубо-практические методы производства» − все это своеобразный нонсенс, существующий до сегодняшнего дня.

Нельзя отрицать тот факт, что именно заработная плата, с одной стороны, является основным источником дохода населения, а с другой − одной из основных статей затрат на производство продукции. Естественно, что работники со своей стороны стремятся получить более высокую оплату, а наниматели – снизить расходы по этой статье. И в этом противостоянии заработная плата становится инструментом, который при правильном его использовании позволяет добиваться роста производительности труда, эффективности производства и благосостояния работников. Однако, как показывает практика, роль этого инструмента недооценивается, не выработан механизм управления оплатой труда на многих предприятиях. Государственное регулирование заработной платы в Республике Беларусь в настоящее время проводится по нескольким направлениям: установление минимальных размеров заработной платы, обеспечение дифференциации заработной платы, ограничение размеров заработной платы. Используется система социальных стандартов: минимальный потребительский бюджет, бюджет прожиточного минимума и минимальная заработная плата. Однако применяемая система организации оплаты труда не отвечает научным принципам и задачам экономического развития страны. До сих пор остается огромный разрыв в дифференциации заработной платы по отраслям экономики. В частности, в сельском хозяйстве в 2010 г. средняя заработная плата составила 823,9 тыс. руб. в месяц, что в 1,5 раза меньше, чем в среднем по стране. По данным выборочного обследования домашних хозяйств, проведенного Национальным статистическим комитетом Беларуси в

2010 г. располагаемые ресурсы в расчете на члена домашнего хозяйства составили 738,7 тыс. руб. в месяц. В городах и поселках городского типа среднедушевые располагаемые ресурсы в 1,3 раза превысили уровень среднедушевых располагаемых ресурсов сельских жителей и составили, соответственно, 781,1 тыс. руб. и 621,0 тыс. руб. в месяц. [3]

Рисунок 1 − Структура денежных доходов населения (в процентах к итогу)

При анализе структуры денежных доходов населения обращает внимание тот факт, что удельный вес трансфертов населению остался практически на том же уровне, что и в 1995 г. Это объясняется тем, что размер выплат в Фонд социальной защиты остался и сейчас на прежнем уровне (более 30% от фонда оплаты труда). Выходит, что на одного работника такие отчисления составляют примерно около 400 тыс. руб. в настоящее время. Эти затраты включаются в себестоимость продукции (работ, услуг). Таким образом, рост заработной платы влияет на рост цен. Поэтому, если речь идет о росте благосостояния населения, то надо принять во внимание, что существуют и другие источники доходов. Например, доходы от собственности. К сожалению, их удельный вес в общей структуре крайне низок и составил в 2010 г. 2,5%. В экономически развитых странах широко практикуются системы поощрительных выплат работникам, позволяющие им постепенно становиться собственниками фирм, получать часть прибыли. Такие выплаты не увеличивают затраты на производство продукции, т.е. не являются причиной роста цен. Благосостояние работников при этом растет.

Рассматривая динамику показателей уровня жизни, можно заметить, что в 2000 г. 41,9% населения страны находились ниже уровня бедности. Этот показатель к 2010 г. уменьшился до 5,2%, но, несмотря на низкий показатель, это почти 500 тыс. чел. В основном к

этой категории (75,7%) относятся домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 18 лет.

Таблица 1 − Динамика показателей уровня жизни населения Республики Беларусь

Показатели	1995г.	2000г.	2005г.	2006г.	2007г.	2008г.	2009г.	2010г.
Бюджет прожиточного минимума, тыс.руб.	554,7	38,0	158,1	170,5	200,1	234,4	255,2	296,9
Денежные доходы на душу населения, тыс. руб. в месяц	515,7	46,5	329,3	416,9	503,9	648,2	766,1	953,1
Номинальная среднемесячная заработная плата, тыс. руб.	755,1	58,9	463,7	582,2	694,0	868,2	981,6	1238
Распределение населения по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов с БПМ, %:								
▪ 0-50,0	3,2	4,7	0,9	0,2	0,3	0,2	0,1	0,0
▪ 50,1-60,0	3,8	4,7	0,7	0,7	0,4	0,3	0,1	0,1
▪ 60,1-80,0	14,2	14,3	4,0	3,1	1,9	1,7	1,4	1,0
▪ 80,1-100,0	17,2	18,2	7,1	7,1	5,1	3,9	3,8	4,1
- ниже БПМ	38,4	41,9	12,7	11,1	7,7	6,1	5,4	5,2

Соотношение номинальной начисленной заработной платы и БПМ составило 4,17 : 1 в 2010 г. (1,36:1 в 1995 г.). По отношению к минимальному потребительскому бюджету (показатель среднего уровня жизни в настоящее время составляет 480690 руб.) это соотношение составило 2,58 : 1.[2] Это в среднем по стране. Но если рассматривать сельское хозяйство, то положение здесь намного хуже: соотношение между средней заработной платой и БПМ составило 2,78 : 1, а по сравнению с МПБ – 1,71 : 1. Безусловно, такая заработная плата не позволяет нормально существовать и препятствует процессу воспроизводства рабочей силы, служит причиной оттока трудовых ресурсов и низкой производительности труда в сельском хозяйстве.

Что является причиной межотраслевой дифференциации заработной платы? В первую очередь это – весьма сложная и далекая от совершенства тарифная система. Исходной величиной для расчета заработной платы является тарифная ставка первого разряда. Для организаций бюджетной сферы это 118 тыс. руб., все остальные могут использовать более высокие размеры. Вот и получается, что размер тарифной ставки работника 18 разряда в бюджетной сфере равен размеру тарифной ставки работника 6 разряда в промышленности. Выход из сложившейся ситуации может быть найден при изучении зарубежного опыта. Например, в Швеции используется солидарная система оплаты труда, предполагающая одинаковые размеры

тарифных ставок работников одного разряда независимо от отраслевой принадлежности. Еще одна проблема – низкая производительность труда. Многие предприятия сознательно идут на занижение норм труда. Нормы можно перевыполнять сегодня на 200% и получать за это хорошее вознаграждение, что по сути парадоксально. Если норма труда установлена правильно, то перевыполнить ее очень сложно, для этого необходимо изменить условия, технику и технологию.

Занижение стоимости рабочей силы, неэффективное использование трудовых ресурсов ведет к оттоку их не только в другие отрасли и регионы, но и в другие страны. Уже в настоящее время ощущается недостаток квалифицированной рабочей силы. Поэтому, если не изменить саму концепцию организации оплаты труда в стране, эти процессы могут принять массовый характер. Главное, что можно потерять – качество рабочей силы. А это намного больше, чем количество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинина, Т.Н. Политика оплаты труда внутри предприятия / Т.Н. Долинина // Экономика/Финансы/Управление. - №2 – февраль 2008. – с. 24 -31.
2. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс] режим доступа http://www.mintrud.gov.by 25.02.2011г.
3. Официальный сайт Национального статистического комитета РБ [электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/. - Дата доступа 20.02.2011.
4. Тейлор, Ф.У. Научная организация труда, 2-е изд. / Ф.У. Тейлор.- М., 1925.

УДК 331.105.44(476)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

В.А. Хилюта
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования функционирования профсоюзов. Уделяется внимание принципам создания и деятельности профессиональных союзов, их институциональным особенностям и перспективам развития.

In article questions of legal regulation of functioning of trade unions are considered. The attention to principles of creation and activity of trade unions, their legal features and development prospects is paid.

Деятельность профессиональных союзов строится и функционирует на основе определенных принципов, которые отражают их сущность и социальное назначение. Принципы создания и

деятельности профессиональных союзов – это исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности функционирования общественных организаций. Они (принципы) аккумулируют в себе наиболее характерные черты, присущие общественным объединениям и профессиональным союзам, определяют их предназначение, отражают и выражают основные ценности, на которое ориентируется право. Руководствуясь ими, государство обеспечивает социально-экономические, гражданские, культурные и личные права и свободы своих граждан, гарантирует выполнение ими юридических обязанностей. Строгое и точное осуществление принципов создания и деятельности профессиональных союзов характеризует одновременное и последовательное воплощение в жизнь гражданских инициатив.

Принципы, которыми руководствуются профессиональные союзы, объективно обусловлены характером общественных отношений, на которых базируется определенная система права. В этой части важно различать, что Закон Республики Беларусь «О профессиональных союзах» предусматривает принципы как создания общественных объединений, союзов, так и принципы их последующей деятельности.

Исходя из анализа положений Закона «О профессиональных союзах», объективно можно выделить следующие принципы деятельности профсоюзных организаций и их организационных структур (структурных подразделений): принцип законности, принцип самостоятельности, принцип добровольности, принцип гласности.

Принцип *законности* создания и деятельности профессиональных союзов означает, что, во-первых, профессиональные союзы создаются в соответствии с положениями Закона Республики Беларусь «О профессиональных союзах» и иных законодательных актов; во-вторых, в своей деятельности объединения руководствуются Конституцией Республики Беларусь, иными актами законодательства и своими учредительными документами (уставом).

Принцип законности имеет наиболее общий, всеобъемлющий характер. Его содержание выражается в требовании строгого и полного осуществления предписаний правовых норм всеми субъектами права. Обеспечивая реализацию норм права, указанный принцип одновременно содействует воплощению в практике правового регулирования других общих принципов создания и деятельности профессиональных союзов: равенства всех перед законом, справедливости, единства юридических прав и обязанностей и т.д. Требование соблюдения законности относится не только к

общественным объединениям и профессиональным союзам, но и в равной мере обращено к должностным лицам государственных органов и гражданам, в той или иной степени соприкасающихся с деятельностью профессиональных союзов.

Законность создания и деятельности профессиональных союзов имеет свои составляющие элементы – требования или принципы, выражающиеся в следующем:

а) принцип верховенства законодательных актов над положениями уставов профессиональных союзов. Данное требование отчетливо проявляется в ст. 3 Закона «О профессиональных союзах», где приоритет отдается Конституции Республики Беларусь, Закону и иным актам законодательства. В буквальном смысле это означает, что если, например, положения устава профессиональных союзов будут расходиться с законом, то приоритет должен отдаваться закону и ситуации разрешаться в соответствии с его положениями;

б) принцип равенства всех профессиональных союзов перед законом. Общественные объединения и профессиональные союзы имеют равные права и равные обязанности независимо от своего названия, статуса, территории деятельности, выполняемых целей и задач. Наряду с этим членство в профессиональных союзах не влечет охраняемых законом дополнительных правомочий при осуществлении субъективных прав, предоставляемых гражданам законодательством Республики Беларусь. Положения Конституции Республики Беларусь гарантируют равенство правовых возможностей, предоставляемых государством, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии. При этом сами профессиональные союзы, используя возможности своей материально-технической базы, имеют право создавать для своих членов дополнительные возможности, обеспечивать наличие особых условий и создавать определенные преимущества (в рамках закона). Такие условия должны быть оговорены в уставах профессиональных союзов, но они не должны носить дискриминационный характер и нарушать права и интересы других лиц, не являющихся членами данных организаций;

в) принцип единства законности. Законность будет единой лишь тогда, когда по аналогичным, типичным ситуациям, связанным с деятельностью общественных объединений и профессиональных союзов, принимаются одинаковые, типичные решения. Единообразное понимание и применение законов на всей территории страны предполагает вынесение решений по одинаковым, типичным делам на основе одних и тех же норм, их одинаковое толкование и применение.

Данный принцип будет нарушаться, если, например, за аналогичные действия одна из организаций понесет ответственность в виде предупреждения, а другая за такие же действия будет ликвидирована. Пусть даже такие решения выносятся в рамках закона, коль скоро закон предусматривает последствия относительно определенно или альтернативно, но единство законности будет нарушено;

г) принцип недопустимости отступления от норм закона по мотивам целесообразности. Нарушать требования закона, обходить его по мотивам нецелесообразности, неэффективности его применения в сложившихся условиях и т.п. – нельзя. Во-первых, отступления от соблюдения законов подрывает саму законность. Во-вторых, о целесообразности в конкретных случаях судит отдельный правоприменитель, исполнитель закона. Его же представление о целесообразности закона могут меняться от случая к случаю, а главное – противоречить общегосударственной целесообразности, которая как раз и состоит в том, чтобы обеспечить прочную законность и правопорядок.

Принцип *добровольности* характеризует свободное волеизъявление граждан и является одним из основополагающих в процессе реализации права на объединение, при создании и в процессе деятельности профессиональных союзов. Как правило, данный принцип отражается в уставных документах общественных объединений и профессиональных союзов при формулировании его определения.

Принцип добровольности раскрывает инициативный характер создания профессиональных союзов и формулирует правовые гарантии для реализации этого принципа в дальнейшей деятельности. Это означает, что если данный принцип нарушен (например, при создании организации на ее учредителей (членов) было оказано давление при формулировании основных положений устава или руководящие органы объединения, союза действуют вопреки решениям его членов, высших органов объединения), то такую деятельность нельзя признать адекватной и отвечающей закону.

Принцип *самостоятельности (независимости)* характеризует определенную Законом «О профессиональных союзах» форму управления общественным объединением. Самоуправление в профессиональных союзах означает самостоятельное решение его членами вопросов деятельности объединения. Общественные объединения и профессиональные союзы свободны в определении своей внутренней структуры, целей, решаемых задач, форм и методов своей деятельности.

Независимость профессиональных союзов от органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, политических партий и других общественных объединений и организаций является необходимым условием осуществления самостоятельной деятельности профессиональных союзов. Смысл данного положения заключается в том, что право определения внутренней структуры объединения, его статуса, сроков и периодичности проведения его организационных мероприятий – заседаний всех высших, выборных, исполнительных и контрольно-ревизионных органов, право осуществления деятельности, определенной уставом объединения и т.п., принадлежит только членам этого профессионального союза. Никто не вправе им навязывать свои решения, определять порядок проведения различных мероприятий и т.д., за исключением случаев, определенных Законом (эти случаи связаны с порядком регистрации объединения и нарушения им положений устава и законодательства Республики Беларусь).

Принцип самостоятельности предполагает коллективные формы обсуждения наиболее важных вопросов деятельности профессиональных союзов и принятия по ним соответствующих решений. В мероприятиях, проводимых профсоюзами, могут принимать участие и лица, не имеющие отношения к объединению (как приглашенные лица, так и лица, имеющие законное на это право, например, работники органов прокуратуры).

С принципом самостоятельности тесно связан принцип выборности руководящих и контрольно-ревизионных органов профессиональных союзов. Обеспечение возможности ротации руководства в рамках организации и по инициативе ее членов опирается на демократические принципы выборности, подотчетности членам объединения и сменяемости руководства на основе проведения свободных выборов.

Принцип *гласности* – это принцип, гарантирующий механизм демократизации общественной жизни, утверждения самоуправленческих начал в обществе, самоконтроля и активности населения. В сущности, гласность означает: а) свободное перемещение социальной информации в обществе, связанной с деятельностью общественных объединений; б) возможность получения точной, достоверной и наиболее полной информации о профессиональном союзе и его деятельности; в) выражение публичной оценки, своего мнения о работе общественного объединения (профсоюза).

Например, для того, чтобы вступить в профессиональный союз, лицо должно обладать достаточной информацией об объединении, его

целях, задачах и методах работы, о правах и обязанностях его членов и т.д. Следовательно, информация об *учредительных документах* профессионального союза, дающая необходимое представление о его деятельности должна быть доступна *всем*, кто изъявит желание с ней познакомиться. Поскольку уставы всех зарегистрированных общественных объединений и профессиональных союзов хранятся в регистрирующих органах, то ознакомиться с ними можно в соответствующих органах юстиции. Однако нельзя забывать и том, чтобы принцип гласности не подменял собой принцип самоуправляемости и самостоятельности принимаемых в организации решений. Вмешательство в деятельность профессиональных союзов не допускается.

Сегодня профессиональные союзы создаются для защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов своих членов и осуществляют свою деятельность, как в производственных, так и непроизводственных сферах нашей страны. На территории Республики Беларусь по состоянию на 1 января 2010 г. зарегистрировано 36 профессиональных союзов, в том числе 33 республиканских профсоюза, а также 2 союза (ассоциации) профессиональных союзов: Федерация профсоюзов Беларуси и Ассоциация профсоюзов «Белорусский Конгресс демократических профсоюзов». Общая численность граждан, входящих в профессиональные союзы, объединенных в Федерацию профсоюзов Беларуси насчитывает 4 миллиона человек, а в Ассоциацию профсоюзов «Белорусский Конгресс демократических профсоюзов» более 8 тысяч человек. Если говорить об организационных структурах профессиональных союзов, то на 01.01.2010 в республике зарегистрировано и поставлено на учет более 23 000 первичных организаций профсоюзов.

Однако нельзя не отметить складывающуюся тревожную тенденцию деления профессиональных союзов на «своих» и «чужих». К сожалению, данный процесс становится все более заметен и зачастую приобретает политическую окраску. Хотя сегодня профессиональные союзы и заняли свою нишу в жизни общества и государства, однако еще во многом их деятельность, различная по форме и содержанию, носит несистематизированный характер. Полагаем, что в основе отношений государственных органов и профессиональных союзов должна лежать идея социального партнерства, ставящая перед собой задачу защиты культурных, экономических и социальных интересов граждан Республики Беларусь. И в этом плане для практики и теории руководства общественной жизнью, правильного выбора форм государственного воздействия,

нахождения оптимальных средств и методов решения стоящих перед объединениями задач – существует необходимость реализации интересов жителей республики в рамках участия в деятельности профсоюзного движения. Но главная задача здесь – это избежать формализма. Профессиональный союз должен оставаться организацией, стоящей на защите трудовых и социально-экономических прав и интересов своих членов, не подменять собой объединение, преследующее иные цели, ибо основная задача профсоюза в настоящее время – это быть надлежащим субъектом трудовых правоотношений.

УДК 343.2

ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.В. Хилюта

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы квалификации обмана потребителей и мошенничества. Автором проводится анализ судебно-следственной практики и критериев разграничения указанных преступлений между собой. Обосновывается вывод, что отличие обмана потребителей от мошенничества по такому признаку, как субъект потребления товаров, не может являться доминирующим критерием.

In article questions of qualification of a deceit of consumers and swindle are considered. The author carries out the analysis of judicial-investigatory practice and criteria of differentiation of the specified crimes among themselves. The conclusion is proved, that difference of a deceit of consumers from swindle to such sign as the subject of consumption of the goods cannot be dominating criterion.

Любой из нас, обдумывая на рынке или в магазине – покупать или не покупать определенный товар – сталкивался и сталкивается по сей день с тем, что продавец старательно расхваливает какие-либо отдельные качества своего товара, умалчивая об остальных. Например, при покупке обуви продавец может указать на ее «модность в этом сезоне», умолчав, что до следующего сезона эта подделка просто не доживет, или же сказать об «удивительно мягкой коже», недоговорив, что краска с этой «мягкой кожи» слезет через месяц, а подошва вообще еле продержится неделю и т.д.

В этой связи, в процессе правоприменительной деятельности нередко возникают определенные трудности, связанные с отграничением обмана потребителей от мошенничества. Проблема состоит в том, что по своей правовой природе обман потребителей (ст. 257 УК) является специальной нормой по отношению к

мошенничеству (ст. 209 УК). Как правило, существенных вопросов не возникает, когда заходит речь о правовой квалификации выявленных фактов обмана потребителей в сфере торговли и общественного питания. Однако когда имеют место обманные действия при выполнении работ или оказании услуг, выявляются различные трудности в вопросе правильного разграничения обмана потребителей и мошенничества.

Настоящая проблема является особо актуальной, поскольку сегодня можно наблюдать существенное расширение перечня работ и услуг, которые могут выполняться (предоставляться) гражданину-потребителю. Это могут быть культурно-развлекательные, игровые, туристические, образовательные, медицинские, гостиничные, коммунальные, транспортные, правовые услуги, услуги телефонной связи (сотовой, внутригородской, международной), услуги Интернет-связи и т.д. Поэтому неудивительно, что расширение сфер и спектра услуг, предоставляемых потребителю, ведет к появлению новых форм обмана, а отсюда и вытекает вопрос о надлежащей правовой оценке подобных преступных действий, т.е. следует ли их рассматривать как обман потребителей (ст. 257 УК) или же как мошенничество (ст. 209 УК).

Так, по одному из уголовных дел стал вопрос о правильной уголовно-правовой квалификации действий К. и С., которые подделав документы, заключили договора на обслуживание домофонов в жилых домах. Граждане квартир каждый месяц вносили плату по договору, однако необходимые услуги К. и С. по обслуживанию домофонов не предоставлялись. Лишь пару раз были оказаны соответствующие услуги (как было установлено следствием, работы и услуги были выполнены лишь в 10 % объеме от требуемых), а в остальных случаях заявки граждан оставались без надлежащего разрешения. После обращения этих граждан в правоохранительные органы и проведения проверочных мероприятий и возник вопрос о квалификации данных преступных действий К. и С.

При разрешении указанной ситуации (а также ряда подобных, которые имеют место на практике) следует отметить, что теорией отечественного уголовного права при разграничении обмана потребителей (ст. 257 УК) и мошенничества (ст. 209 УК) выработаны свои правила, которые в буквальном смысле сводятся к следующему:

а) в случае, когда обман совершен не специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 257 УК, а частным лицом, действующим с целью завладения имуществом потерпевшего или правом на него, то необходимо вести речь о мошенничестве (например,

продажа потерпевшему кольца из сплава, под видом ювелирного изделия);

б) покупателем, заказчиком, потребителем являются только физические лица, поэтому юридические лица и индивидуальные предприниматели, будучи обманутыми, не могут быть потерпевшими по ст. 257 УК, такого рода действия в отношении их необходимо квалифицировать как мошенничество;

в) обман покупателей и заказчиков имеет место при наличии гражданско-правовых отношений между лицом и потребителем (покупателем, заказчиком) относительно выполнения работ, оказания услуг, реализации товаров, поэтому в случае, когда лицо заключало сделку без намерения создания правовых последствий, которые обуславливались соглашением, и получило имущество под условием выполнения какого-либо обязательства, которое в действительности не намеревалось выполнять, а намеревалось его присвоить, содеянное следует рассматривать как мошенничество [1, с. 176; 2, с. 156-160].

Являясь директором одного из унитарных предприятий, М. осуществлял выполнение работ по проектированию и строительству зданий и сооружений, а также проведение инженерных изысканий. С июля по декабрь 2007 года, намереваясь обмануть заказчика, М. под видом шпал, соответствующих установленным законом требованиям, поставил на объект другого унитарного предприятия продукцию, которая не соответствовала ГОСТ по глубине пропитки. Таким образом, предприятию был нанесен ущерб на сумму более 172 млн. рублей. Правоохранительными органами было возбуждено дело по ч. 2 ст. 257 УК (обман потребителей, совершенный в крупном размере). В то же время, такая квалификация является не вполне обоснованной, поскольку ст. 257 УК применяется только в отношении потерпевших – граждан-потребителей и юридические лица не могут являться таковыми.

Весьма интересный, однако, как мы полагаем, не до конца выдержанный критерий разграничения обмана потребителей и мошенничества приводит М.М. Зейналов, по утверждению которого, во всех случаях совершения преступления в виде обмана потребителей инициатором вступления в сделку является сам потребитель и при этом его обманывает тот, кто продает товар или оказывает услугу, т.е. второй контрагент. При мошенничестве же инициатором вступления в сделку является мошенник, который и обманывает собственника [3, с. 9]. Тем не менее, в практической деятельности правоохранительных органов можно встретить огромное количество примеров, когда как мошенничество квалифицируются действия лиц, которые сами первые

не вступали в контакт с потребителем и не предлагали совершить ему сделку.

Безусловно, по своей природе и содержанию обман потребителей является разновидностью мошенничества. Что и говорить, в дореволюционном уголовном праве обман потребителей (торговый обман) рассматривался как вид мошенничества и считался имущественным преступлением. Например, согласно ст. 591 Уголовного Уложения 1903 г. к мошенничеству относились: а) похищение посредством обмана чужого движимого имущества с целью присвоения; б) похищение чужого движимого имущества с целью присвоения посредством обмера, обвеса или иного обмана в количестве или качестве предметов при купле-продаже или иной возмездной сделке; в) побуждение посредством обмана, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу.

В советское время обман потребителей переместился из группы имущественных преступлений в группу преступлений хозяйственно-экономической направленности. Впервые уголовная ответственность за обман потребителей была установлена постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 июля 1934 г., вводившим в действие закон «Об ответственности за обворовывание потребителей и обман Советского государства». В УК БССР 1960 г. была предусмотрена специальная норма, предусматривающая ответственность за обман покупателей и заказчиков (ст. 153 УК). Ответственность устанавливалась за обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению, или иной обман покупателей и заказчиков в магазинах и иных торговых предприятиях или в предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства.

В отличие от стран СНГ уголовное законодательство западных государств, как правило, не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность за обман потребителей. В зависимости от особенностей той или иной правовой системы обман потребителей рассматривается как мошенничество, преступление против общественного здоровья, общественной безопасности, мер и весов, как деяние, причиняющее вред интересам потребителей, рыночным отношениям, законной коммерческой деятельности.

Вместе с тем, в настоящее время продолжают сохраняться двойственные тенденции относительно правовой сути обмана

потребителей и расположения данного состава преступления в системе норм УК. Так, если первая группа ученых полагает, что обман потребителей есть посягательство на собственность, и он отличается от обыкновенного мошенничества только сферой действий виновного (такой обман посягает только на имущественные интересы потребителя) [4, с. 21], то вторая группа ученых отстаивает иную позицию, в соответствии с которой отношения торговли выступают в качестве основного объекта преступления (а имущественные интересы потребителя являются лишь дополнительным объектом преступления) [5, с. 9-11].

И, тем не менее, сегодня нельзя безоговорочно утверждать, что состав обмана потребителей отличается от мошенничества только сферой действия виновного (торговля) и включает в себя все необходимые признаки хищения. Смеем предположить, что ситуация как раз таки выглядит иным образом и, помимо вышеназванных критериев (основных на сегодня) отграничения обмана потребителей и мошенничества, существенным является обстоятельство, указывающее на то, что при обмане потребителей отсутствует хотя бы один из признаков хищения (дополнительные критерии). И чаще всего такими отсутствующими признаками при обмане потребителей являются: безвозмездность, корыстная цель, акт завладения имуществом.

Работая продавцами магазина И., Т. завышали в течение трех месяцев цены на мебель. Признавая виновными в ч. 2 ст. 257 УК суд указал, что продавцы не являются должностными лицами и граждане, приобретая мебель, выплачивали продавцам денежные суммы, не зная ее действительной стоимости. И. и Т. завышали цены на товар, что является обманом потребителей.

В этом аспекте нельзя, например, сказать, что обман потребителей всегда совершается *безвозмездно*, т.е. без возмещения стоимостного эквивалента имущества, замены его на менее ценное или ничтожное имущество, не имеющего адекватной ценности. Зачастую обман потребителей имеет своей целью не только получение от покупателей сумм, превышающих действительную стоимость приобретенного товара, но и продажу товара с истекшим сроком годности. В такой ситуации продавец получает адекватную покупную цену за товар, но вводит покупателя в заблуждение относительно качества товара, его возможного использования, не предоставляя о нем полной и достоверной информации. А это может послужить причиной возникновения имущественного ущерба на стороне потребителя. Потребителю предоставляется покупной товар, однако он по

различным характеристикам (качеству, количеству) хуже надлежащего.

Так, С., осуществляя торговлю продуктами питания в ЧУТП, продала Б. 3 бутылки пива по цене 4 200 руб. за бутылку и 2 бутылки кваса по цене 3 000 руб. за бутылку, продала К. 6 бутылок пива по цене 4 200 за бутылку. Покупателям сообщила, что товар хороший, срок реализации не истек. При проверке оказалось, что купленное пиво и квас с просроченным сроком реализации: срок реализации товара, приобретенного Б. и К., истек. Как было установлено судом, С. ввела в заблуждение покупателей относительно потребительских свойств и качества товара (продала им пиво и квас по истечении сроков реализации). При таких обстоятельствах действия С. подлежат переквалификации по ч. 1 ст. 257 УК, предусматривающей ответственность за обман потребителей.

Еще одним важным обстоятельством, позволяющим говорить о том, что обман потребителей не есть хищение, является то, что такие обманные действия не всегда совершаются по *корыстным мотивам*. Например, обман покупателей может совершаться с целью выполнения плана, получения экономии, улучшения показателей в работе и т.д., т.е. корыстный мотив не является обязательным элементом обмана потребителей и его отсутствие не исключает ответственности лица по ст. 257 УК (чего не скажешь о хищении).

Следует также учитывать, что *завладение* имуществом путем обмана не является обязательным признаком ст. 257 УК. Суть противоправных действий при обмане покупателей заключается в самом обмане, обманной деятельности, поэтому в ряде случаев виновное лицо может не завладевать, обращать в свою пользу имущество, образовавшееся в результате примененного обмана. Безусловно, виновное лицо в подобных случаях причиняет ущерб потребителю, но при этом оно не всегда обогащается за счет этого.

Таким образом, при хищении, совершая обман, виновный выполняет такие действия, которые по своей сути только имитируют продажу товара, выполнение работы или оказание услуги. При этом такая имитация используется в качестве обманных приемов завладения чужим имуществом, но при этом товар потерпевшему не передается или передается явно несоразмерный, неадекватного качества (например, по одному из уголовных дел виновные были осуждены за мошенничество, а не за обман потребителей; они, в частности, на рынке продали гражданину 15 кг собачьего мяса под видом баранины), реально работа не выполняется, услуга не оказывается.

В этой связи, хотя обман потребителей и является специальной разновидностью мошенничества, однако всеми признаками хищения он не обладает, и в этом основное отличие обмана потребителей от мошенничества, т.к. при обмане потребителей происходит неравнозначный обмен между оказанной услугой, выполненной работой, переданным товаром и их стоимостью. С этой точки зрения, разрешая первый из обозначенных нами примеров, следует прийти к выводу, что в действиях К. и С. содержатся признаки мошенничества.

Вместе с тем, при анализе признаков, лежащих в основе разграничения обмана потребителей и мошенничества, нельзя не обратить внимания на некую противоречивость в данном вопросе. Она проявляется, прежде всего, в том, что при одних и тех же условиях и обстоятельствах совершения преступления квалификация однородных действий виновных лиц различна в зависимости от того, кого обманывают – физическое или юридическое лицо. Если обманывают физическое лицо, то это суть ст. 257 УК (обман потребителей), а если юридическое лицо – то это уже мошенничество (ст. 209 УК).

Так, директор юридических лиц ООО «Автопаритет» и ООО ТП «Витамин» П. арендовал автозаправочные станции, где в специально оборудованном месте производил смешивание различных марок горюче-смазочных материалов и реализовывал их под видом дизельного топлива субъектам хозяйствования и физическим лицам Республики Беларусь. Всего в течение 2006 года под видом экологически чистого дизельного топлива была реализована смесь печного и реактивного топлива, не соответствующего техническим условиям, в количестве свыше 120 тонн на сумму более 172 млн. рублей. П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 257 (обман потребителей, совершенный группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере) и приговорен к 3 годам ограничения свободы. Приговор суда вступил в законную силу.

Однако такой приговор с позиции действующего законодательства не вполне правомерен, поскольку обман совершен как в отношении физических, так и юридических лиц, и подобные действия не могут рассматриваться только как обман покупателей (ст. 257 УК). Тем не менее, данный пример показывает, что правоохранительные и судебные органы в ряде случаев не обращают внимания на потерпевшую сторону, а отдают должное сути совершаемых действий и степени их опасности. Это наводит на мысль, что разграничение обмана потребителей и мошенничества по такому признаку как субъект потребления товаров (услуг, работ), не должен являться превалирующим, ибо при таком положении вещей всякая

грань (кроме как лица, которому сбывается имущество, оказывается услуга, выполняется работа и т.д.) является условной и перестает существовать. Видеть разницу лишь в субъекте оказания услуги, выполнения работы, предоставления товара, нам кажется неверным. По большому счету, какая разница, кому оказывается услуга или продается товар и кем, кто является потребителем товара, а кто его покупателем. Так, если гражданин покупал для своих бытовых нужд кондиционер и его обманули, то применяется при наличии всех условий ст. 257 УК. А если этот же кондиционер приобретала организация для своих работников, и имел место обман, то это уже мошенничество (ст. 209 УК). Полагаем, что такая квалификация сегодня является не вполне обоснованной, хотя и соответствует нуждам практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашов, А.И. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / А.И.Лукашов. – Минск: Тесей, 2002. – 256 с.
2. Хилюта, В.В. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против порядка осуществления экономической деятельности / В.В.Хилюта. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 246 с.
3. Зейналов, М.М. Проблемы обмана потребителей как преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.М.Зейналов. – Махачкала, 2003. – 24 с.
4. Лопашенко, Н.А. Глава 22 Уголовного кодекса нуждается в совершенствовании / Н.А.Лопашенко // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 16-22.
5. Гриневский, Р.Г. Уголовно-правовая оценка обмана в сфере продажи товаров, выполнения работ и оказания услуг: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.Г.Гриневский. – М., 2010. – 24 с.

УДК 332./.7

INFRASTRUKTURA SPOLECZNO-USLUGOWA W KSZTALTOWANIU WARTOSCI NIERUCHOMOSCI LOKALOWYCH

Dr. Jakubowski Zdzisław
Katedra Ekonomiki Rolnictwa i Międzynarodowych Stosunków Gospodarczych, SGGW
Rybicka Aleksandra
Międzywydziałowe Studium Gospodarki Przestrzennej, SGGW

Wstęp

Bogactwo ofert kupna – sprzedaży oraz wynajmu mieszkań stwarza komfort ich wyboru, daje możliwość zaspokojenia oczekiwań poszukujących. Jednak dokładniejsza analiza tego rynku, każe się zastanowić na przyczynami znacznego niekiedy zróżnicowania cen

transakcyjnych mieszkań w obrębie jednego miasta, a nawet jednej dzielnicy.

Szeroka gama czynników cenotwórczych nieruchomości lokalowych, poczynając od koniunktury gospodarczej, lokalizacji, wieku i technologii budowy, infrastruktury technicznej i społeczno-usługowej i kończąc na zdolnościach negocjacyjnych stron zawierających umowę kupna-sprzedaży, wymaga głębokiej analizy rynku tego rodzaju nieruchomości w celu poprawnej wyceny.

Do realizacji badań wykorzystano następujące dane o nieruchomościach: data transakcji, adres nieruchomości lokalowej, powierzchnia użytkowa lokalu, cena transakcyjna, cena za m^2, liczba izb, kondygnacja oraz informacja dotycząca rynku, tj. rozróżnienie na rynek pierwotny i wtórny.

Metoda badań

Do badań przyjęto dwadzieścia trzy elementy pogrupowane na te, dotyczące infrastruktury komunikacyjnej, społecznej, usługowej oraz na tereny zieleni (tab. 1).

Głównym celem badań jest ocena wpływu infrastruktury technicznej oraz społeczno usługowej na wartość nieruchomości lokalowych.

Z bazy danych około 200 cen transakcyjnych przyjęto do dalszej analizy 80 cen transakcyjnych nieruchomości lokalowych na Ursynowie o powierzchni użytkowej od 45 do 55 m^2, będących przedmiotem obrotu rynkowego w 2009 roku. Założeniem badawczym jest ustalenie wpływu wyszczególnionych w tab. 1 elementów mają na kształtowanie się wartość określonych w zakresie badań nieruchomości lokalowych.

Zróżnicowanie istotności poszczególnych grup elementów infrastruktury wymusza przypisanie im odpowiednich wag. Do ustalenia tych wag posłużyły badania ankietowe, dotyczące preferencji klientów[1].

Stąd odpowiednim grupom przypisano następujące wagi:

- infrastruktura komunikacyjna – 0,28
- tereny zieleni – 0,26
- infrastruktura usługowa – 0,24
- infrastruktura społeczna – 0,22.

Biorąc pod uwagę fakt, iż do wyszczególnionych czterech grup, przypisano konkretne elementy infrastruktury, ponownie należy rozważyć, w jakim stopniu wpływać będą one na ogólnie przypisane wagi, tj. czy np. w infrastrukturze komunikacyjnej w równym stopniu pożądany będzie

[1] Kowalewska D., *Preferencje potencjalnych nabywców mieszkań na przykładzie warszawskiego rynku mieszkaniowego*, praca inżynierska, SGGW, Warszawa, 2011.

parking, jak stacja metra. Stąd poszczególnym elementom przypisano wagi (tab. 1).

Tabela 1 – Wykaz wyszczególnionych elementów infrastruktury wraz z przypisanymi wagami

Grupa elementów infrastruktury	Waga grupy przyjęta na podstawie preferencji	Wyszczególniony element infrastruktury	Waga elementu infrastruktury
Infrastruktura komunikacyjna	0,28	Stacja metra	0,75
		Parking	0,25
Tereny zieleni	0,26	Park, las, skwer	0,55
		Plac zabaw	0,45
Infrastruktura usługowa	0,24	Poczta	0,05
		Apteka	0,05
		Targowisko	0,05
		Hipermarket	0,20
		Galeria handlowa	0,15
		Bank	0,05
		Myjnia samochodowa	0,05
		Stacja paliw	0,05
		Teatr, kino	0,10
		Hala sportowa, boisko	0,10
		Pływalnia	0,15
Infrastruktura społeczna	0,22	Żłobek	0,20
		Przedszkole	0,20
		Szkoła podstawowa	0,10
		Gimnazjum	0,10
		Liceum	0,05
		Szkoła wyższa	0,05
		Przychodnia, szpital	0,25
		Kościół	0,05

Źródło: Opracowanie własne na podstawie badań ankietowych.

W oparciu o wagi poszczególnych grup elementów infrastruktury stanowiące wynik badań ankietowych i wagi poszczególnych elementów w grupie ustalone zostały wskaźniki preferencji, dla każdej badanej lokalizacji, w przedziale 0,0-1,0 obrazujący zarówno stopień wyposażenia w elementy infrastruktury w promieniu 500 m jak i preferencje potencjalnych nabywców. Metodę tę wykorzystano do wyliczeń dla wszystkich osiemdziesięciu lokalizacji.

Wyniki badań

Tabela 2 − Zestawienie wskaźnika preferencji wraz ze średnią ceną za m^2

Wskaźnik preferencji	Średnia cena za m2	Ilość lokali w danym przedziale wskaźnika
0,00 - 0,20	8 611,18 zł	11
0,21 - 0,40	8 556,16 zł	38
0,41 - 0,60	7 625,21 zł	14
0,61 - 0,80	8 356,19 zł	16
0,81 - 1,00	6 197,00 zł	1

Źródło: Opracowanie własne.

Najwięcej lokali o najwyższej cenie transakcyjnej cechuje się wskaźnikiem preferencji w przedziale 0,21 – 0,40, podczas gdy średnia cena 1 m2 mieszkań z następnego przedziału wskaźnika preferencji jest o 900 zł niższa.

Liczbę dostępnych w promieniu 500 m elementów infrastruktury, bez uwzględniania preferencji nabywców, dla wyszczególnionych przedziałów cenowych mieszkań przedstawiono w tabeli 3

Tabela 3 − Zestawienie średniej ceny za m^2 ze średnią ilością elementów infrastruktury

Cena za m^2	Ilość lokali w danym przedziale cenowym	Średnia ilość elementów infrastruktury
5 000 - 6 000 zł	3	12
6 000 - 7 000 zł	12	11
7 000 - 8 000 zł	15	8
8 000 - 9 000 zł	26	8
9 000 - 10 000 zł	16	10
10 000 - 11 000 zł	6	8
11 000 - 12 000 zł	2	6

Źródło: Opracowanie własne

Przeanalizowano także zależność ceny mieszkania od liczby izb (tab. 4). Na podstawie tak zestawionych danych wynika, iż cena za m^2 nieruchomości lokalowej na Ursynowie maleje wraz ze zwiększającą się liczbą izb w danym lokalu.

Tabela 4 − Zestawienie liczby izb w danym lokalu mieszkalnym wraz ze średnią ceną za m^2

Liczba izb	Ilość lokali z daną liczbą izb	Średnia cena za m^2
1	1	8 403,00 zł
2	9	9 285,33 zł
3	63	8 309,57 zł
4	7	7 290,29 zł

Źródło: Opracowanie własne

Podsumowanie i wnioski

Rynek nieruchomości, tak specyficzny w swojej istocie, nie jest dobrze zorganizowany ani dobrze oprzyrządowany instytucjonalnie, co przy jego niedoskonałości nastręcza rzeczoznawcom majątkowym wielu problemów w zakresie szacowania wartości nieruchomości, a także jest przyczyną przypadkowości ustalanych cen transakcji kupna – sprzedaży.

Rynek nieruchomości lokalowych jest dość specyficzny, przede wszystkim ze względu na dużą ilość czynników determinujących wartość tego rodzaju nieruchomości, a z drugiej strony, z uwagi na fakt, że lokale mieszkalne są częstym przedmiotem obrotu rynkowego, charakteryzuje się zwykle lepszą dostępnością danych rynkowych warunkujących poprawną wycenę.

Na podstawie przedstawionych informacji i przeprowadzonych badań, można sformułować kilka wniosków natury ogólnej:

1. Wyposażenie przestrzeni urbanistycznej wielkich miast w elementy infrastruktury technicznej i społeczno – usługowej jest na tyle wystarczające, że ich wpływ na podejmowanie decyzji inwestycyjnych na rynku nieruchomości lokalowych cechuje się małą wyrazistością. Ich udział w kształtowaniu cen w badanej próbie cen transakcyjnych jest przypadkowy, uwzględniając zarówno fizyczną obecność poszczególnych elementów infrastruktury, jak i różnicując ich istotność poprzez wprowadzenie wag, wynikających z preferencji nabywców.
2. W założeniach badawczych przyjęto dostępność elementów infrastruktury w promieniu 500 m, co jest pewnym uproszczeniem i mogło wpłynąć na wynik przeprowadzonych badań. Użyteczna odległość dostępności poszczególnych elementów infrastruktury powinna być zróżnicowana w zależności od istotności danego elementu w zaspokajaniu potrzeb mieszkańców.
3. Przeprowadzone badanie ukazuje ogólną tendencję, iż stopień wyposażenia otoczenia w elementy infrastruktury nie jest wyłącznym czynnikiem cenotwórczym. Dodatkowymi czynnikami cenotwórczymi może być liczba izb w danym lokalu mieszkalnym, gdzie wraz ze

zwiększającą się liczbą izb, cena maleje. Może to być również technologia budowy i wiek budynków, co w badaniu zostało pominięte.

Streszczenie

W artykule dokonano oceny wpływu poszczególnych elementów infrastruktury zarówno technicznej, jak i społeczno – usługowej, na wartość nieruchomości lokalowych na Ursynowie w 2009 roku. Główny nacisk położono przede wszystkim na rozpoznanie rynku lokalnego oraz na ustalenie wag cech rynkowych i wskaźnika preferencji.

LITERATURA

1. Gralak A., *Geografia społeczno – ekonomiczna (materiały do wykładu)*, SGGW, Warszawa, 2008.
2. Kowalewska D., *Preferencje potencjalnych nabywców mieszkań na przykładzie warszawskiego rynku mieszkaniowego*, praca inżynierska, SGGW, Warszawa, 2011.
3. Kucharska – Stasiak E., *Nieruchomość w gospodarce rynkowej*, PWN, Warszawa, 2006.
4. Mączyńska E., *Ile jest warta nieruchomość*, Poltext, Warszawa, 2005.
5. Rybicka A., *Wpływ wybranych elementów infrastruktury na wartość nieruchomości,* praca inżynierska, SGGW, Warszawa, 2011
6. Ustawa z dnia 21 sierpnia 1997 roku o gospodarce nieruchomościami Dz. U. z 2004 roku nr 261, poz. 2603.

УДК 316.7

ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ САЦЫЯЛОГІІ МАСТАЦТВА

С.М. Янчалоўская

УА «Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт»

г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В статье рассматриваются проблемы развития социологии искусства. Кратко характеризуются основные исторические тенденции становления данной дисциплины. Выделяются подходы к определению её объекта, предмета и границ исследования. Автор приходит к выводу, что социология искусства – специальная отрасль социологии, которая изучает художественную жизнь общества, социальных общностей и личностей как подсистему общества в целом.

In article problems of progress of sociology of art are considered. The basic historical tendencies of development of the given discipline are briefly characterized. Approaches to definition of its object, subject matter and borders of research are allocated. The author comes to conclusion, that sociology of art – special branch of sociology which studies an art life of a society, social generalities and persons as a subsystem of a society as a whole.

Лёс мастацтва ў кожнай эпосе быў вельмі складаным, а ў наш час стаў надзвычай супярэчлівым. Стагоддзі разважанняў былі прысвечаны асэнсаванню той ролі, якую адыгрывае мастацтва ў жыцці чалавека і грамадства. Яны прывялі да ўсведамлення, што мастацтва – гэта не толькі ўвасабленне анталагічнай гармоніі сусвету, але і якасная характарыстыка разумнага соцыума, які павінен вырашаць актуальныя

праблемы перадачы найбольш важнай сацыяльнай інфармацыі і вопыта паследуючым пакаленням.

Таму ў гуманітарных ведах сфарміраваўся спецыяльны даследчыцкі накірунак – сацыялогія мастацтва, – які імкнецца пранікнуць у сферу мастацтва не толькі як у экзістэнцыяльную структуру чалавечага быцця, але, галоўным чынам, як у сацыяльны фенамен, што выступае носьбітам інфармацыі аб формах узаемадзеяння чалавека, грамадства і культуры.

Сучасныя даследчыкі сацыялогіі мастацтва лічаць, што ў якасці самастойнай дысцыпліны яна фарміруецца ўжо ў сярэдзіне 19 ст. У гэты перыяд адбываецца вылучэнне сацыяльнай праблематыкі мастацтва ў асобны раздзел, які раней уключаўся ў эстэтычныя і мастацтвазнаўчыя тэорыі. У цэлым у гісторыі сацыялогіі мастацтва назіраюцца дзве асноўныя тэндэнцыі – крытычнае самаабмежаванне і канкрэтызацыя дадзенай дысцыпліны [1, 2].

У працэсе крытычнага самаабмежавання сацыялогія мастацтва 19 ст. разглядала праблемы ўзаемадзеяння мастацтва і дзяржавы, сувязь мастацтва з палітычнымі пераўтварэннямі грамадства, залежнасці паміж светапоглядам грамадства, зместам мастацкага твора і яго мастацкай формай (Г.В.Ф. Гегель, Р. Вагнер, К. Маркс, І. Тэн). Сацыялогія мастацтва 20 ст. імкнулася выявіць спецыфічны прадмет свайго даследавання, што знайшло адлюстраванне ў размежаванні эстэтычных і пазаэстэтычных фактараў развіцця мастацтва (Ш. Дало, А. Хаузер). У заходняй сацыялогіі мастацтва вылучыліся тры асноўныя падыходы: сацыялагічны рэдукцыянізм (В. Гаузенштэйн, Л. Шукінг), інстытуцыяналізм (Т. Адарно, Л. Лёвенталь, Х. Данкан), эмпірычны падыход (А. Зільберман, Р. Кёніг) [3].

Тэндэнцыя канкрэтызацыі сацыялогіі мастацтва 20 ст. назіралася ў працэсе дыферэнцыяцыі яе на шэраг дысцыплін, якія аналізуюць сувязь розных відаў мастацтва з сацыяльным жыццём. Адной з самых распрацаваных была сацыялогія літаратуры, якая даследавала ўзаемаадносіны паміж пісьменнікам, творам і публікай, адлюстраванне ў літаратуры каштоўнасцей і стэрэатыпаў масавага чытача (Р. Эскарпі, Л. Гольдман, Б. Берэльсон, Л. Лёвенталь). Акрамя таго, у якасці самастойных дысцыплін склаліся сацыялогія музыкі і сацыялогія тэатра (Т. Адарно, Ж. Дзювіньё). Сведчаннем канкрэтызацыі сацыялогіі мастацтва з’яўляецца аналіз мастацтва з пункту гледжання адлюстравання ў ім спецыфічных сацыяльных працэсаў, цікавасць да функцый мастака ў сацыяльных інстытутах, узаемаадносін сацыяльных арганізацый і творчых саюзаў, ролі цэнзуры і выдавецтваў у мастацкім жыцці [4].

У Расіі ў пачатку 20 ст. сацыяльныя праблемы мастацтва разглядаліся з пазіцый марксізму ў формах эканамічнага і класавага дэтэрмінізму (Г.В. Плеханаў, В.М. Фрычэ, І.І. Іоффе). У перыяд сталінізму сацыялагічны падыход да даследавання мастацтва савецкія ідэёлагі абвясцілі “вульгарным”, а сацыялогію мастацтва – буржуазнай навукай. Адраджэнне статуса сацыялогіі мастацтва ў расійскай навуцы другой паловы 20 ст. звязана са зняццем забароны з сацыялогіі, распаўсюджваннем сацыялагічных даследаванняў. Развіццё сацыялогіі мастацтва ў Расіі ішло па двух асноўных напрамках: вызначэнне яе прадмета і межаў, распрацаванне метадалогіі эмпірычных сацыялагічных даследаванняў мастацкіх з’яў (Ю.В. Пяроў, Ю.М. Давыдаў, С.Н. Плотнікаў). Сярод найбольш актуальных тэм сучаснай сацыялогіі мастацтва – адносіны мастацтва і сродкаў масавай камунікацыі, мастацкія творы як дакументы сацыялагічнага аналізу склаўшыхся нормаў і каштоўнасцей грамадства [3].

У цэлым сацыялогія мастацтва вызначаецца як даследчыцкі накірунак, які вывучае разнастайныя формы ўзаемадзеяння мастацтва і грамадства, праблемы сацыяльнага функцыянавання мастацтва. Але само спалучэнне сацыялогіі і мастацтва ў назве дысцыпліны сведчыць аб складаных міждысцыплінарных узаемаадносінах паміж тэорыяй і гісторыяй мастацтва, з аднаго боку, і тэарэтычнай і эмпірычнай сацыялогіяй, з другога. У сучаснай сацыялогіі мастацтва застаецца праблемным вызначэнне прадмета і межаў дадзенай навукі.

Пры вызначэнні прадмета сацыялогіі мастацтва можна вылучыць два асноўных падыхода. Першы імкнецца адшукаць яго спецыфіку ў мастацтве, падкрэсліваючы, што сацыялогія мастацтва – гэта частка эстэтыкі і мастацтвазнаўства (Ю.Б. Бораў). Другі – у сацыялогіі, вызначаючы сацыялогію мастацтва спецыяльнай галіной сацыялогіі, якая абапіраецца на яе тэарэтыка-метадалагічныя асновы (Ю.В. Пяроў) [4,5].

Праблемы размежавання сацыялогіі мастацтва і эстэтыкі датычацца і асноўных задач дадзеных навук. Некаторыя даследчыкі выключаюць з сацыялогіі мастацтва ўнутраны аналіз мастацкага твора, вызначаючы яго прэрагатывай эстэтыкі (Ю.В. Пяроў). Іншыя сцвярджаюць, што сацыялогія мастацтва павінна пранікаць у структуру мастацкага твора, аднак яе галоўнымі задачамі вылучаюць даследаванне камунікацыі, якая складваецца ў адносінах да мастацтва, і яго функцыянавання ў грамадсве як спецыфічнай сацыяльнай падсістэмы (Ю.Н. Давыдаў) [5, 6].

Не менш складанай з’яўляецца праблема размежавання сацыялогіі мастацтва і сацыялогіі культуры, паколькі некаторыя

даследчыкі вызначаюць аб'ектам сацыялогіі мастацтва мастацкую культуру грамадства, а прадметам – яе структурна-функцыянальнае даследаванне (С.Н. Плотнікаў). У сацыялогіі мастацкая культура вывучаецца на трох узроўнях: агульнасацыялагічным, калі яна разглядаецца як элемент сістэмы грамадства; спецыяльна сацыялагічным, дзе даследуюцца сацыяльныя заканамернасці функцыянавання і развіцця мастацкай культуры; эмпірыка-сацыялагічным, які прадугледжвае аналіз дадзеных аб функцыянаванні асобных відаў і формаў мастацкай культуры [7, с. 13-14].

У мэтах размежавання сацыялогіі мастацтва і сацыялогіі культуры было прапанавана выкарыстоўваць у якасці паняцця, якое падкрэслівае спецыфіку аб'екта сацыялогіі мастацтва, азначэнне "мастацкае жыццё грамадства", а ў якасці прадмета – даследаванне мастацкага жыцця грамадства як сістэмы, ядро якой складае мастацтва, а ў якасці элементаў выступаюць мастацкія каштоўнасці грамадства, усе віды звязанай з мастацтвам дзейнасці, усе суб'екты такой дзейнасці, мастацкія інстытуты (Ю.В. Пяроў). Увядзенне ў сацыялогію мастацтва такіх сацыялагічных катэгорый, як "жыццё грамадства", "сацыяльныя функцыі", "сацыяльныя інстытуты", "суб'екты грамадскіх адносін і дзейнасці" надае гэтай галіне ведаў сацыялагічную значнасць і дапамагае растлумачыць спецыфіку яе прадмета ў адрозненні ад прадмета эстэтыкі і мастацтвазнаўства [5, с. 9-10].

Адзін з найбольш цікавых сучасных даследчыкаў сацыялогіі мастацтва М.Б.Глотаў прапануе для вызначэння яе прадмета выкарыстоўваць інтэгруючую для паняццяў "мастацкая культура" і "мастацкае жыццё" катэгорыю "мастацкі свет". На аснове сістэмнага падыхода ён вызначае мастацкі свет грамадства як сістэму трох кампанентаў: сацыяльных функцый мастацтва, мастацкай культуры грамадства і мастацкага жыцця грамадства. У гэтай сістэме сацыяльныя функцыі мастацтва выступаюць у якасці сістэмаўтвараючага фактара, мастацкая культура прадстаўляе мастацкі свет грамадства ў статыцы, а мастацкае жыццё – у дынаміцы [8].

Кожны з асноўных кампанентаў мастацкага свету грамадства, у сваю чаргу, уяўляе сабой сістэму з уласцівай ёй структурай. Структуру сацыяльных функцый мастацтва складаюць: пазнаваўчая, каштоўнасная, стваральная, камунікатыўная, геданістычная функцыі, пры гэтым апошняя выступае ў якасці інтэгруючай. Мастацкая культура грамадства вызначаецца як сістэма сацыяльных інстытутаў, а ў якасці структурных кампанентаў яе будовы вылучаюцца: мастацкая вытворчасць, мастацкая камунікацыя, мастацкае пазнанне, мастацкая

крытыка. Мастацкае жыццё грамадства вызначаецца як гістарычна абумоўлены спосаб функцыянавання і ўзнаўлення мастацкай культуры грамадства, а структура мастацкага жыцця сцвярджаецца ізаморфнай структурай яго мастацкай культуры. Галоўнае адрозненне паміж будовай мастацкай культуры і мастацкага жыцця грамадства заключаецца ў тым, што ў якасці элементаў першай выступаюць сацыяльныя інстытуты, а другой – сацыяльныя працэсы [8].

Аўтар прытрымліваецца пазіцыі, якая выступае за сацыялагічны статус сацыялогіі мастацтва. Мастацтва з'яўляецца аб'ектам даследавання эстэтыкі і мастацтвазнаўства. Спецыфічным аб'ектам сацыялогіі мастацтва мэтазгодна вылучаць мастацкае жыццё грамадства, а прадметам – даследаванне мастацкага жыцця грамадства як сістэмы мастацкіх каштоўнасцяў, сацыяльных функцый мастацтва, мастацкай дзейнасці, мастацкіх інстытутаў. Такім чынам, можна вызначыць сацыялогію мастацтва як спецыяльную галіну сацыялогіі, якая вывучае мастацкае жыццё грамадства, сацыяльных супольнасцей і асобаў, як падсістэму грамадства ў цэлым. Дадзеная пазіцыя дазваляе адмежаваць сацыялогію мастацтва як ад эстэтыкі і мастацтвазнаўства, так і ад сацыялогіі культуры, і выкарастоўваць дасягненні сацыялогіі ў якасці тэарэтыка-метадалогічнай асновы даследавання мастацкага жыцця грамадства. Асабліва актуальным гэта выглядае для беларускай навукі, дзе дадзены напрамак з'яўляецца практычна нераспрацаваным.

ЛІТАРАТУРА

1. Хренов, Н.А., Дуков, Е.В., Жидков, В.С., Соколов, К.Б. Введение в социологию искусства / Н.А.Хренов, Е.В.Дуков, В.С.Жидков, К.Б.Соколов. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 256 с.
2. Попов, Е.А. Социология искусства: проблема становления / Е.А.Попов // Социс. – 2007. – № 9. – С. 118-124.
3. Кривцун, О.А. Социология искусства / О.А.Кривцун // Эстетика. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 203-250.
4. Борев, Ю.Б. Эстетика – социология искусства / Ю.Б.Борев // Эстетика. – Смоленск: Русич, 1997. – С. 221-282.
5. Перов, Ю.В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства / Ю.В.Перов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1980 – 240 с.
6. Давыдов, Ю.Н. Искусство как социологический феномен / Ю.Н.Давыдов. – М.: Наука, 1968. – 288 с.
7. Плотников, С.Н. Проблемы социологии художественной культуры / С.Н.Плотников. – М.: Знание, 1980. – 64 с.
8. Глотов, М.Б. Границы предмета социологии искусства / М.Б.Глотов // Русский гуманитарный интернет-университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/glotov_granicipredmetasociologii/default.aspx. – Дата доступа: 5.02.2011.

СЕКЦИЯ 3

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 008.161.3

МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ ІДЭІ КАНСАЛІДАЦЫІ ШЛЯХТЫ І СЯЛЯНСТВА Ў ТВОРЧАСЦІ У. КАРАТКЕВІЧА

П.К. Банцэвіч
УА "Гродзенскі дзяржаўны аграрны універсітэт"
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Наследие В.Короткевича рассматривается через призму культурологии и трактуется как явление не только в литературе, но и в культуре. Выявлены образы, символы творчества писателя, которые имеют непосредственное отношение к глубокому познанию особенностей белорусской культуры.

V.Korotkevitch's legacy is considered in the light of cultural science and treated not only as literary but as cultural phenomenon. The images, symbols of the writer's work are found. They are connected with deep knowledge of peculiarities of Belarussians culture.

Рамантычна-узвышанае выяўленне адносін да жыцця ў цэлым не характэрна для менталітэту беларусаў. Прыхільнасць да звычайных зямных каштоўнасцяў, кансерватыўнасць, эстэтычная стрыманасць, шанаванне прыродных пачаткаў жыцця, з якімі былі звязаны гаспадарчыя інтарэсы, матэрыяльныя клопаты чалавека, урэшце, сямейна-побытавая культура – вось, бадай, асноўныя асаблівасці беларускага светабачання. І таму У.Караткевіч па сіле сваёй энергетыкі, эмацыянальнасці, яркасці выглядае фігурай не зусім арганічнай, хутчэй нават асобнай выбуховай з'явай у досыць роўнай, не бурлівай знешне, плыні быцця народу. Беларусы паводле гістарычна сфармаванага менталітэту ўсё ж не рамантыкі. Аднак У.Караткевіч у сваіх творах вылучае на авансцэну жыцця вобразы тытанічных асоб, асветнікаў, першапраходцаў, прарокаў, геніяў, нават касмічныя вобразы «тых, хто носіць небасхіл у сэрцы, хто за Край Свой Родны, за ўсе Народы паўстане нават на Бога», імкнучыся засведчыць, што і беларусам зусім не чужыя ўзвышаная мара і бунтарскі дух.

Герояў У.Караткевіча характарызуюць абвостраная грамадзянска-патрыятычная ўстурбаванасць, непахісна-вытрыманая рыцарская пазіцыя, вышыня і размах рамантычных парыванняў, гатоўнасць ісці на крыж, каб выратаваць свой народ, у якім жыве не толькі страх, але і пакорлівасць, абыякавасць да ўласнага лёсу. Таму пісьменнік намагаўся фарміраваць у беларусаў пачуцці самапавагі, самакаштоўнасці, годнасці, страчаныя за трыста гадоў знаходжання ў складзе іншых дзяржаў. У якасці патрыятычнага ўрока сучаснікам у творчасці У.Караткевіч выступае паўстанне 1863-1864 гадоў, яго вызваленчы рух, ідэі нацыянальнага і культурнага адраджэння.

Ва ўмовах Расійскай імперыі культура Беларусі развівалася ў рэчышчы моцнага супрацьстаяння інтарэсаў Расіі і Польшчы, якія

прэтэндавалі на мясцовыя духоўныя каштоўнасці, залічваючы іх у сваю ўласнасць. Фармальнай падставай было тое, што ў культурнай прасторы Беларусі шырока практыкавалася польская мова – спадчына Рэчы Паспалітай, і руская мова, якая ўкаранялася ў публічны ўжытак як інструмент ідэалагічнага ўціску з боку дзяржавы. Беларуская ж ідэя пачыналася з рамантычнага культу Літвы, паэтызацыі яе гераічнага мінулага і развівалася ў кантэксце патрабаванняў кансалідацыі шляхты і сялянства дзеля вызваленчай барацьбы супраць агульнага ворагу – рускага царызму. У саслоўным збліжэнні спадзяванні ўскладваліся і на шляхту, якая павінна была інтэлектуальна ўзбагаціць працоўнага чалавека, і на сялянства, ад якога чакалася маральнае аздараўленне гаспадароў маёнткаў, далучэнне іх да традыцый народнай духоўнасці.

У.Караткевіч у сваіх поглядах і захапленнях балансуе паміж шляхтай і сялянствам, стараючыся зблізіць і нават паяднаць іх. Алеся Загорскага («Каласы пад сярпом тваім»), нашчадка княжацкага роду, аддаюць на выхаванне ў сялянскую сям'ю, каб ён рос разам з сялянскімі дзецьмі, каб не стаў пестам і беларучкам, «каб ведаў як даецца зямля, каб не збэсціўся на сабаку» [1, с. 18]. Такі звычай называўся «дзядзькаванне» і быў пашыраны на Беларусі ў XVI-XVII стагоддзях, а ў XIX стагоддзі (час, які адлюстраваны ў рамане) ужо не існаваў. Можна зрабіць вывад, што празаік, парушаючы храналагічныя рамкі, свядома ўводзіць у сюжэтную канву твора старажытны звычай, каб яшчэ раз сцвердзіць ідэю аб адзінстве памкненняў адукаванага чалавека з інтарэсамі простых людзей працы.

З мэтай разбурыць ідэалагічныя стэрэатыпы свайго часу наконт беларускай нацыі, у якой культуратворчую ролю адыгрывала, быццам, толькі сялянства, мастак паказвае беларусам, што ў іх за плячыма вялікая гісторыя, культура, прычым, не толькі простанародна-сялянская, але і элітарная, шляхецкая, гераічная. Па прызнанні У.Калесніка «Караткевіч марыў адрадзіць арыстакратызм, элітарнасць. Арыстакраты ў яго не абібокі, а рабачаі духу, соль зямлі, патрыёты, ахвярнікі, краса жыцця» [2, с. 131].

У.Караткевіч даказвае, што асноўныя кадры беларускай інтэлігенцыі фарміраваліся пераважна з шляхты, уводзіць у свае творы ў якасці герояў асабліва аўтарытэтных дзеячаў культуры В.Дуніна-Марцінкевіча, У.Сыракомлю, С.Манюшку, Ф.Багушэвіча, каб паказаць адзінства шляхоў народу і лёсаў патрыятычна настроеных асобаў. Паводле У.Караткевіча, гэта ў асяроддзі шляхты прагучаў голас у абарону роднай мовы і культуры супраць іншаземнага засілля на беларускіх землях, за неабходнасць беларускай дзяржаўнасці.

Пісьменнік разглядаў шляхту як частку нацыі, адкрыта сімпатызаваў тым з іх, хто не страціў сувязі з сялянствам і заставаўся сынам сваёй зямлі. Творца рамантычна ўзвышае былую славу беларускай шляхты, яе інтэлектуальныя і баявыя заслугі перад народам. Гэтак жа рамантычна рэзка мастак развенчвае маральна дэградаваную, адарваную ад нацыянальных асноў жыцця шляхту.

Беларуская шляхта, імкнучыся атрымаць ад Польскай Кароны прывілеі, ахвяравала рэлігіяй і культурнымі здабыткамі свайго народу ў імя ўласных матэрыяльных выгод. Услед за пераменай канфесіі шырокія колы беларускай шляхты пераходзілі на польскую мову. Адбываецца раскол у самасвядомасці беларусаў, які суправаджаецца з'яўленнем біэтнічнай, а затым і зменай самаідэнтыфікацыі адукаванага слою. Вёска ж трывала захоўвала жывую беларускую мову, супраціўляючыся культурна-моўнай асіміляцыі.

У аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» Н.Яноўская, адчуваючы ўласную віну за шляхту, скажа: «Мы гандлявалі радзімай, прадавалі яе хцівым суседзям, а сяляне любілі яе, сваю мачыху» [3, с. 38]. Стары Вежа («Каласы пад сярпом тваім»), асуджаючы здрадлівае панства, усклікае: «А што ў іх за душою?! Расея ў іх за душою?! Польшча ў іх за душою?! Свая зямля?! Польшчу яны прапілі, свая зямля ім – мачыха» [1, с. 240]. Адчуванне сваёй зямлі як мачыхі высвятляе сірочы лёс народа. «І ўсё ж непрытульны мы народ. І пакуль гэты народ будзе дурнем, так будзе заўсёды. Аддае чужынцам лепшых сваіх сыноў, лепшых паэтаў, дзетак сваіх наракае чужынцамі, прарокаў сваіх, быццам вельмі багаты. Аддае сваіх герояў на прэнг, а сам сядзіць у клетцы над міскай з бульбай ды бручкай і лыпае вачамі» [3, с. 71-72].

Многія творы У.Караткевіча («Сівая легенда», «Маці ветру», «Нельга забыць») азначаны глыбокім трагічным пафасам: «уся Беларусь – адзінае поле смерці, над якім вые вецер» [4, с. 108]. Мастак бачыць карані трагізму ў вялікіх фатальных стратах беларусаў, пасля якіх нацыянальная свядомасць ніяк не можа адрадзіцца. Гэта страта збройнай шляхты, саслоўны разлад, нацыянальная здрада. Р. Ракутовіч («Сівая легенда») гнеўна абвінавачвае рэнегатаў: «Да чаго вы народ русінскі, божы народ давялі ў подласці сваёй? Дзеў на чужацкі ложак шпурнулі, краіну ўсю! Слёзы яе вам сэрца не абцяжарваюць?! Веру змянілі, хрыстапрадаўцы! Народ прадалі, гандляры!» [4, с. 43].

У «Дзікім паляванні караля Стаха» У.Караткевіч паказаў, як шляхта ў часы Расійскай імперыі замест таго, каб кансалідавацца з сялянствам дзеля вырашэння агульнанацыянальных вызваленчых задач, у пагоні за грашыма нішчыць народнае багацце – сваю спадчыну, духоўнасць, звычаі, дзякуючы якім і існуе народ. Нават

высакароднае мінулае можна заплямiць i паставiць на службу карыслiвым мэтам. Старажытную легенду пра паляванне мужнага караля Стаха якi збiраўся вызвалiць свой народ, шляхта выкарыстоўвае ў сваiх iнтарэсах, адымаючы ў караля добрае iмя i пераўтвараючы яго ў жахлiвага разбойнiка. I людзi праклiнаюць караля Стаха, замест таго, каб берагчы светлую памяць аб iм.

Мастак тужыць па тых часах, калi на Беларусi iснавала рыцарства: «Рыцарства заняпала. Яго няма. Мы з вамi, як дрэвы на лядзе» [1, с. 85], «Дзе яны зараз, усе гэтыя людзi з гарачай крывёю i палкiмi жаданнямi, колькi стагоддзяў прагукацела па iх спарахнелых касцях?» [4, с. 20]. Беларускае рыцарства здабывала правы на волю мячом i вастрыём дзiды пад час аблог беларускiх гарадоў. Саслоўi i рангi не адыгрывалi тут iстотнай ролi, часта «гаспадар» iшоў на дыбу поруч са сваiм «халопам». Саслоўны разлад памiж шляхтай i сялянствам, паяднаных раней ратнай храбрасцю, сталi, на думку У.Караткевiча, сапраўднай духоўнай катастрофай этнаса: «Вякамi iшла гэтая мяжа памiж аднымi i другiмi – i вось канец, лагiчнае завяршэнне: адзiчэнне, цемра ва ўсёй дзяржаве, тупы жах, голад, вар’яцтва» [3, с. 108].

Прыгнечанаму сялянству, якое ўяўляла сабою абстрактную грамаду, пазбаўленую актыўнасцi i руху, патрэбен быў выказнiк думак, заступнiк, здольны разбудзiць i павесцi за сабою: «Не iмамы князя, правадыра i прарока i, як лiсце, мяцемся па грэшнай зямлi» [5, с. 149]. I У.Караткевiч стварае комплексны вобраз змагара за народ i радзiму, носьбiта аўтарскай iдэi еднасцi правадыра i народа, шляхцiца i мужыка.

Вобраз тытанiчнай асобы па-рознаму вар’iруецца ў творах. Гэта князь-мужык Алесь Загорскi («Каласы пад сярпом тваiм»), мужыцкi кароль («Дзiкае паляванне караля Стаха»), урэшце, гэта «мужыцкi Бог» («Хрыстос прызямлiўся ў Гароднi») – усе яны здольны сiнтэзаваць жыццёвую неабходнасць усенароднай вызваленчай барацьбы.

У канцэпцыю творчасцi У.Караткевiча ўдала ўпiсваецца i вобраз А.Беларэцкага («Дзiкае паляванне караля Стаха»). Мастак наўмысна робiць яго вучоным-фалькларыстам, якi збiрае народныя песнi, казкi, легенды. Выцясненне беларускай мовы з лiтаратурнага ўжытку пад час знаходжання ў складзе Рэчы Паспалiтай i Расiйскай iмперыi, прывяло да сiтуацыi, калi беларускi народ павiнен быў клапацiцца не столькi пра развiццё, колькi пра захаванне некалi створаных духоўных каштоўнасцяў. Пазбаўлены права на нацыянальную пiсьменнасць, народ, каб чымсьцi кампенсаваць страчанае, выявiў тытанiчную энергiю ў развiццi вуснай творчасцi. У XIX стагоддзi навукоўцы адкрылi вялiкiя скарбы фальклору беларускага этнасу, якi, быццам бы,

не існаваў, лічыўся «древнейшей ветвью русского племени». У перыяды нацыянальна-вызваленчых уздымаў апорай для ўзмацнення нацыянальнай свядомасці станавіліся нястрачаныя духоўныя каштоўнасці народа. А.Беларэцкі, збіраючы гэтыя каштоўнасці, прагне адчуць асабіста і данесці да іншых самабытнасць беларусаў: «Я тады шукаў свой народ і пачынаў разумець, што ён тут, побач, толькі за два стагоддзі з нашай інтэлігенцыі добра выбілі гэта разуменне. Таму і працу сабе я выбраў незвычайную – зведанне гэтага народа» [3, с. 7].

Шукаюць свой народ А.Грынкевіч («Нельга забыць»), У. Берасневіч («У снягах драмае вясна»), А. Косміч («Чорны замак Альшанскі»). Гэта ўжо створаныя творчым талентам У.Караткевіча маладыя беларускія інтэлігенты ХХ стагоддзя, людзі, якія маюць шляхецкія радаводы і адчуваюць багатае духоўна-гістарычнае заплечча. Усе яны займаюцца грамадскай культурнай дзейнасцю (фалькларысты, мастацтвазнаўцы, паэты, гісторыкі), даказваюць самабытнасць беларусаў як народа шляхам нацыянальнага самавыяўлення ў галіне культуры.

Зварот пісьменніка да гераічнай гісторыі, да культурных здабыткаў мінулых пакаленняў, да тэмы шляхты, нацыянальнай эліты, інтэлігенцыі, вызначаў яго прагу здзейсніць пералом ў грамадскай свядомасці, зрабіць пераацэнку ўстойлівых стэрэатыпаў наконт лёсу, менталітэту беларусаў, наконт самога паняцця «беларускі народ». У.Караткевіч дыдактычна выяўляючы каштоўнасці высокага рангу, дэманстратыўна і гучна абвяшчаў: «Беларус – чалавек высокага інтэлекту, маралі, шырокіх поглядаў, еўрапейскай культуры і адукаванасці, талерантны, верны свайму ідэалу. Беларускі народ – «людзі з ганаровым мінулым, славе і мужнасці, розуму і таленту якіх могуць пазайздросціць вельмі і вельмі многія, і што толькі ад іх залежыць, каб гэтая слава тых, хто назаўседы ішоў і ідзе наперадзе, не прапала ў бягучых вяках, каб яны заўседы былі поўныя высокай годнасці ў кожным слове і ў кожным учынку» [6, с. 204].

ЛІТАРАТУРА

1. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987-1991.– Т.4: Каласы пад сярпом тваім: Раман: У 2 кн. Кн. 1. – 399 с.
2. Калеснік, У. Усё чалавечае: Літаратурныя партрэты, нарысы / У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1993.– 381 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987-1991.– Т.7: Дзікае паляванне караля Стаха: Аповесць; Чорны замак Альшанскі: Раман. – 574 с.
4. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987-1991.– Т.2: Аповесці, апавяданні, казкі. – 1998. – 511 с.
5. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987-1991.– Т.8. У 2 кн. Кн. 1: П’есы. Нарыс. – 590 с.

6. Караткевіч, У. Збор твораў: У 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1991.– Т.8. У 2 кн. Кн. 2: З жыццяпісу, нарысы, эсэ, публіцыстыка, постаці, крытычныя творы, інтэрв'ю, летапіс жыцця і творчасці. – 495 с.

УДК 1(091) + 303.442.43

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ИДЕОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Бурсевич В.В.
УО «Белорусский государственный университет»
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются идеи представителей семиотического подхода к пониманию человека и культуры. Автор делает попытку реконструировать теоретические установки, сформулированные классиками семиотического подхода, которые лежат в основе современных концепций, рассматривающих идеологию как знаковый феномен.

The article examines the ideas of the representatives of semiotic approach to human and culture. The author tries to reconstruct the main theoretical backgrounds stated by the classical authors of semiotic approach that underlie contemporary conceptions of ideology as sign phenomenon.

В философской мысли сформулировано множество подходов к пониманию феномена идеологии, однако во всем этом многообразии особое место занимают те направления исследования идеологии, которые поднимают вопрос о ее взаимосвязи с языком, т.е. затрагивают проблему семиотической (знаковой) природы идеологии. С этой точки зрения оправданным было бы, с одной стороны, рассмотреть исторические истоки и предпосылки подобной постановки вопроса об идеологии. А с другой – выявить теоретические основания, которые, в принципе, позволяют связать феномены идеологии и языка в некую единую цепь явлений и которые фундируют современные семиотические концепции идеологии.

Идеи о связанности языка и идеологии, рассматриваемой как коллективно разделяемые идеи, национальная культура или так называемый «народный дух», появляются уже в Новое время. В этом отношении работу И.Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» можно воспринимать не просто как масштабное исследование национального духа, но и в каком-то смысле как попытку построения национальной идеологии, в рамках которой огромное значение придается феномену языка.

Еще более детально разработанную концепцию роли языка как определяющего фактора национальной культуры предлагает В. фон Гумбольдт. Главной особенностью лингвистического учения В. фон

Гумбольдта, оформившегося в дальнейшем в целое направление лингвистических и философских исследований, является деятельностный подход к языку. Язык, по мнению В. фон Гумбольдта, нельзя рассматривать как «мертвый продукт, но как созидающий процесс» [2, с. 64], являющийся как порождением духовных сил, так и стимулятором последних. Однако язык народа не замкнутая, но открытая система, позволяющая осуществлять культурный обмен с другими языками. Представитель народа может расширить свое мировидение лишь войдя в круг языка другого народа, т.е. в другую картину мира. Говоря о разнообразии «языковых мировидений», В. фон Гумбольдт не видит оснований для релятивизации мира, так как субъективность индивида снимается субъективностью народа, а субъективность народа – субъективностью человечества.

К мыслям, сходным с идеями В. фон Гумбольдта, приходят и американские исследователи, Э. Сепир и Б.Л. Уорф, изучая культуры индейских племен американского континента. Э.Сепир утверждает неразрывную связь языка и культуры. Само развитие культуры, по его мнению, возможно лишь с появлением языка – инструмента выражения значения. «Язык и культура находятся в состоянии прямой взаимосвязи и взаимодействия», – отмечает Э. Сепир [5, с. 23]. Б.Л. Уорф выражает эту взаимозависимость в известном принципе «лингвистической относительности», который формулируется им следующим образом: «Сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [6, с. 210].

В рамках философской традиции сходные идеи о взаимосвязи языка и мышления также получили достаточное распространение. Ф. Ницше, предвосхищая открытие концепции «лингвистической относительности», писал: «Именно там, где наличествует родство языков, благодаря общей философии грамматики (т.е. благодаря бессознательной власти и руководительству одинаковых грамматических функций), все неизбежно и заранее подготовлено для однородного развития и последовательности философских систем» [4, с. 578]. Мыслитель высказывает идею о том, что язык с его системой классификаций способен задавать определенную картину реальности, а также особенности ее восприятия в конкретном сообществе. Как вывод, язык всегда оказывается причастен к власти, не потому, что особенности языковой системы создаются и задаются некой группой на вершине социальной иерархии, но поскольку язык сам оказывается властной структурой, предписывающей и нормирующей.

Идеи подобного лингвистического кантианства в XX веке развивает Э. Кассирер. В своей «философии символических форм», опираясь на понятие «символической функции», под которой он понимает изначальную продуктивную деятельность сознания по спонтанной организации чувственных восприятий, Э. Кассирер задает новое понимание человека. У человека, в отличие от животного, чей функциональный круг состоит из рецепторов и эффекторов, есть еще одно, третье промежуточное звено, которое можно назвать символической системой. «Человек уже не противостоит реальности, он не сталкивается с ней» [3, с. 471], живет не столько в физическом, но в символическом измерении, в мире поэзии, языка, мифа, религии. Человека, по мнению Э. Кассирера, стоит пытаться понять именно через призму отличительно-человеческой способности к символическому оформлению мира. «Animal symbolicum» – новое определение человека, позволяющее наиболее адекватно отразить человеческую сущность. Э. Кассирер предлагает решение фундаментального для лингвистически ориентированных концепций вопроса о том: возможно ли восприятие мира вне упорядочивающих знаковых форм? Есть только одна действительность, она символична, поэтому философия действительности есть «философия символических форм». Мир не опосредованный семиотически – задача бесконечно далекая для дальнейших актов логического определения в мире культуры. Символ оказывается единственным средством оформления представлений о мире.

Формально проблема взаимосвязи идеологии и языка не поднимается рассмотренными исследователями за отсутствием разработанного понятия об идеологии. Однако лингвистические концепции, основывающиеся на идеалистическом представлении о языке, как эманации человеческого духа, формируют первое методологическое направление в понимании связи идеологии и языка. С одной стороны, понимая под идеологией совокупность представлений определенной социальной группы (в первую очередь, нации), а с другой – ставя акцент на классифицирующую и социальную функции языка, осознавая его властную и воздействующую силу, исследователи приходят к формированию представления о локальных языковых системах как носителях определенного мировоззрения или идеологии. Язык осмысляется не просто как пассивное средство трансляции, но как сущностно идеологический феномен, обладающий социальной природой и детерминирующий специфику мировосприятия, миропонимания и мироощущения человека, а также процесс его социализации.

В XX веке приобретает все больше сторонников идея о том, что язык является не просто «зеркалом» культуры, но обладает определенного рода конститутивным влиянием на формирование культуры и социума; что между языком и культурой существует тесное взаимодействие, результаты которого следует измерять не только по линии воздействия культуры на язык, но и в связи с тем, как языковая энергия воздействует на культуру. Лингвистические проблемы постепенно занимают лидирующее положение в философских исследованиях и к 30-м годам формируется так называемый «лингвистический поворот».

В социальной мысли проблемы символической природы социального всегда занимали ведущее место. Так, уже М. Вебер отмечал, что спецификой социального действия является его осмысленность и направленность на другого, т.е. социум возникает как взаимодействие, опосредованное общими знаковыми системами. В работах А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана ведущим стал вопрос о структуре социального мира как универсума, конструируемого в сфере интерсубъективности. На основе иной методологии сходные проблемы пытается решить теория фреймов И. Гофмана, утверждающего, что взаимодействие людей происходит не в едином социальном пространстве, но во фреймах, т.е. локальных социальных мирах, имеющих уникальную структуру и границы. В рамках коммуникативистики Н. Луман проводит идею о самореферентном статусе общества и его подсистем, проявляющихся в стремлении социальных групп к самоописанию. Эти и другие социальные теории имеют решающее значение для построения семиотического представления об идеологии.

Однако для упомянутых исследователей проблема семиотического статуса социальной реальности является лишь изначальной установкой, и детально они исследуют иные феномены, нежели идеология. И только американским антропологом К. Гирцем вопрос о семиотических основаниях идеологии ставится впервые эксплицитно, хотя и достаточно абстрактно, как один из аспектов семиотической модели культуры как таковой. Продолжая линию Ф. Ницше и А. Гелена о человеке как «неставшем животном», К. Гирц считает, что человек, лишившись детерминирующих восприятие инстинктов, восполняет их символическими схемами. Эти схемы необходимы, поскольку отсутствие физиологических шаблонов дает бесконечную вариативность поведению: такая неограниченная свобода оказывается угрозой выживанию человека и замещается культурно аккумулируемыми схемами поведения. Культурные модели –

религиозные, философские, эстетические – оказываются символическими программами, которые «снабжают нас шаблонами или чертежами для организации социальных и психических процессов» [1, с. 247]. Идеологии, считает К. Гирц, также оказываются одним из видов символизации, а их производство возрастает тогда, когда четко установленные в обществе правила поведения и мышления теряют свой авторитет, т.е. в периоды социальных кризисов и изменений социальной структуры.

Можно выделить следующие теоретические установки, сформулированные в традиции семиотического понимания культуры, позволяющие сегодня ставить вопрос о взаимодействии идеологии и языка:

- человеческое восприятие мира не непосредственно, но имеет промежуточное звено в виде символических моделей и схем;
- социальные взаимодействия опосредованы конкретными способами производства символов, социальные группы формируются на основе единства символического универсума;
- идеология может пониматься как один из способов символизации и наделения значением, разделяемый социальной группой.

Таким образом, идеология по своей природе оказывается знаковым феноменом, а вопрос о связи идеологии и языка вполне обоснован и требует тщательного рассмотрения. Это исследование и предлагается сегодня различными подходами с использованием разнообразной методологии, начиная от классической семиотики, до дискурс-анализа, социолингвистики, дискурсивной психологии, которые, тем не менее, обязаны своим появлением предшествующей традиции, которая до сих пор не утрачивает значения и сохраняет неизмеримый эвристический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М., 2004. – 560 с.
2. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. О. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1991.– С. 37–301.
3. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. – С. 440– 723.
4. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М.; Харьков, 2006. – С. 557–749.
5. Сепир, Э. Язык и среда / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культуре. – М.,1993. – С. 12–24.
6. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф //Языки как образ мира. – СПб., 2003.– С. 202–220.

УДК 141.5

ЛИК ДРУГОГО КАК УСЛОВИЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.Е. Головницкая
УО «Барановичский государственный университет»
г. Барановичи, Республика Беларусь

В статье рассматривается философия Э. Левинаса как возможность понимания Другого в межкультурной коммуникации.

The article deals with the philosophy of E. Levinas as a possibility of understanding another person in crosscultural communication

Современное человечество переживает период трансформации в иное социальное измерение, что влечет радикальные изменения самих способов существования людей, практик их коммуникации и социальных дискурсов. Подобные ситуации характеризуются разрушением устоявшихся культурных порядков, с помощью которых организовывался жизненный мир и осуществлялся процесс понимания его. Иными словами разрушается общепонятный символический универсум культуры, что затрудняет процесс понимания в условиях становления глобального информационного общества. Об этом свидетельствуют социальные напряженности на межэтническом, межконфессиональном, межсубъективном уровне.

Возникает вопрос: каким образом в складывающихся условиях осуществляется процесс понимания себя и другого в различного рода коммуникативных практиках, в пространстве которых реализовывается профессиональная деятельность и личная жизнь современного субъекта? Каковы те основания и условия, которые могут выступить гарантом адекватности межсубъектного общения в мультикультурном пространстве, когда в контексте современной социокультурной трансформации любую коммуникативную практику можно интерпретировать как столкновение культурных альтернатив? Актуальной становится проблема понимания, смыслообразования в коммуникативных практиках.

Анализируя сложившуюся со времен Античности философскую традицию понимания мира и организации опыта человека западной культуры и обнаруживая ее кризисность, проявившуюся в глобальных катастрофах XX в., французский философ Э. Левинас отказывается от онтологии и феноменологии и в качестве «первой философии» выдвигает этику. Однако этику он понимает не как свод правил, предопределяющих образ мышления и способность понимания, но как новый вид опыта, в основу которого положен примат общения над

бытием. Суть концепции Э. Левинаса, которую условно можно обозначить как «гуманизм Другого», заключается в замене спекулятивных построений дескрипцией этического отношения к Другому как ненасильственного отношения к бесконечно Иному. Тем самым ключевое значение в диалоге философ отводит категории Другого, а точнее его принципиально непознаваемой инаковости. Именно направленность на инаковость Другого, которую философ определяет как лик Другого, создает возможность взаимного сосуществования свободы субъекта и свободы Другого в коммуникации. При этом подчеркивается, что Другой, который никогда не равен субъекту, не рассматривается как препятствие свободе субъекта. Обозначая асимметричность позиций общающихся, Левинас пытается избежать столкновения двух свобод, в котором одна стремиться поглотить другую в живом и неповторимом общении.

Подлинное общение с Другим, философ описывает как событие «лицом к лицу», в котором позиция Другого определяется как позиция гонимого, подверженного смертельной опасности, а значит лишенного воли и свободы, за кого субъект должен принять ответственность. Поэтому субъекту, заботящемуся о своем бытии, а, следовательно, привыкшему жить и действовать в свете своих интересов и потребностей, необходимо перестроиться таким образом, чтобы дать место в своем жизненном пространстве Другому, чтобы возникла возможность услышать, увидеть и воспринять самоценность этого Другого безотносительно к обстоятельствам собственной жизни. Иными словами, признать право Другого быть самим собой, а не существовать в качестве кого-то для кого-то, в частности, для субъекта. Левинас усиливает позицию Другого в ситуации «лицом к лицу», утверждая, что Другой имеет право существовать не только вне субъекта, но даже и против него. Именно в этой ситуации способность увидеть его инаковость, его Лицо, ранимое и выразительное под внешней формой, и услышать его нравственный призыв «Не убий»! возникает, когда Другой признается собеседником прежде, чем будет понят, т. е когда Другой принимается как дар. К дару нельзя применить насилие, им невозможно обладать, его можно лишь принять и быть за него в ответе. «Лицо есть тот нередуцируемый модус, соответственно которому сущее способно представать в своей идентичности» [2, 326]. Обнаруженная в Лике инаковость Другого, не сводимая к идее человеческого лица, определяет движение субъекта в опыте общения к тому пределу, который является нередуцируемо «иным». Тем самым Левинас пытается обозначить в предельном опыте общения некоторое «пустое» пространство (зияющую полноту), которое не позволяет

возникшему опыту замкнуться ни в какой категории или тотальности. Здесь, в этом атопичном, доисторическом коммуникативном состоянии и рождается смысл. «Присутствие лица есть не что иное, как возможность слышать и понимать друг друга» [2, 327]. Лик «говорит» и именно он делает возможной и начинает любую речь. Способ, каким субъект достигает этого состояния, Левинас обозначает категорией ласка. «Ласка – это способ бытия, когда субъект, соприкасаясь с другим, идет дальше этого соприкосновения. <…> Она как бы игра с чем-то скрывающимся, игра без всякого намерения и цели, не с тем, что может стать нашим и нами, а с чем-то другим, всегда другим, непостижимым, что должно прийти» [1, 97]. Видение лица Левинас рассматривает не как опыт, не как переживание субъектом своих ощущений, но как выход за пределы своего Я, когда в соприкосновении с другим существом обнаруживается та непреодолимая бесконечность, в которой пропадает намерение убить. Лик не познается субъектом, но лишь сообщается с ним. Событие «лицом к лицу» является началом всякого дискурса. Лик есть, собственно, сама речь, которая не удовлетворяет потребности субъекта в познании, доставляющем ему наслаждение, но с которой начинается духовный путь внутреннего преображения человека.

Воспринимая Другого как того, кто важнее самого субъекта, субъект получает возможность воспринять от него новизну смысла, которая невозможна была бы внутри игры тождественного, т. е. внутри одиночества субъекта, приговоренного к самому себе. Следует заметить, что коммуникация, рассматриваемая как событие «лицом к лицу», не представляет собой простой обмен выражениями как некими определенными потоками информации. Значение, приходящее от Другого, следует рассматривать как сказывание – первичную форму интерсубъективного отношения, дающую возможность для всякого последующего высказывания, являющегося лишь следом этого сказывания.

Таким образом, концепцию Э. Левинаса «гуманизм Другого» можно рассматривать как основание одного из возможных проектов коммуникации – культуры глубинного общения, являющегося альтернативой культуры информационного контакта, формирующейся в условиях широко распространяющихся современных информационно-коммуникативных технологий и отличающейся поверхностным отношением к собеседнику. Иными словами культуру глубинного общения, понимаемую в концепции Э. Левинаса как культуру «отношения к Другому», можно рассматривать как

альтернативу распространяющейся культуры «отношения с другими», представляющую собой стратегию любознательности и наслаждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левинас Э. Время и Другой. // Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого челвека. – СПб., 1998. – С. 21-119.
2. Левинас Э. Трудная свобјда. //.http://www.filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001017/st000.shtml. 17.06.08

УДК 81'373.21

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ XIII-XV вв. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

О.П. Голубович
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы структуры и словообразования топонимов, предпринимается попытка их классификации, а также анализируется распространённость основных структурных моделей изучаемых онимов.

The research is based on the names of geografical locations found in the Polotsk documents of the XIII-XV centuries. The article is dedicated to the structural models of the toponyms.

На территории Беларуси деловая письменность как особая разновидность языковой коммуникации появляется еще в эпоху Полоцкого княжества (X-XIII вв.), о чём свидетельствуют найденные берестяные грамоты. Однако отсутствие репрезентативной источниковой базы позволяет лишь высказывать догадки о масштабах использования документов. Наиболее ранние актовые материалы относятся к XIII и последующим столетиям. Применительно к Беларуси существует только один регион – Полотчина, документальное наследие которого систематизировано и опубликовано [3, 4]. Данное исследование основывается на изучении топонимикона полоцких грамот, датированных XIII-XV вв. Общее количество проанализированных единиц составляет 1248.

Топонимикон полоцкой деловой письменности – явление историческое, и во многом его состав и форма обусловлены политическими, экономическими и социокультурными условиями, в которых было востребовано появление документов. В связи с этим невозможно дать обьяснение некоторым особенностям ономастического материала вне общей канвы развития Полотчины. Так, первоначальный состав топонимических единиц свидетельствует о ключевой роли писаного документа не для внутреннего

использования, а для определения условий внешних контактов жителей Полоцкой земли. Само же развитие деловой письменности в Полоцке во многом является результатом хозяйственной деятельности и необходимости фиксации в документальной форме её последствий и перспектив. Поэтому не является удивительным тот объём упоминаний прибалтийских топонимических объектов в полоцкой деловой письменности. Так, в самой ранней грамоте, датированной 1263 г., находим умоминание про "*Лотыгольскую землю*" [3]. Трудно говорить с уверенностью, но, судя по сохранившимся документам, взаимные отношения в форме актов у полочан было принято оформлять преимущественно с западными партнёрами.

В изучаемый период количество топонимического материала возрастает в разы соответственно увеличению количества грамот. Если в двух относящихся к Полоцку документах XIII в. топонимов всего 16, то в 24 документах XIV в. – 207, а в двух сотнях актов, относящихся к XV в. – более 1000.

Структура топонимов рассматриваемого периода разнообразна. Анализируемые географические названия условно можно разделить на однокомпонентные и многокомпонентные. Причём в количественном отношении преобладает первая группа, составляя около 78 %. Анализ топонимов показывает, что в словообразовании данной группы онимов определяющую роль играют форманты. Различаются однокомпонентные бессуффиксные топонимы, топонимы, в составе которых присутствует топоформант (суффикс), и составные. Бессуффиксные названия в полоцком топонимиконе XIII-XV вв. составляют более 17 %. Среди них можно выделить топонимы-имена существительные в форме единственного и множественного числа: *Нача, Званица, Травна, Ула, Быстры, Немцы* [3, с. 42, 45, 41, 147, 146, 52].

В полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. также встречаются однокомпонентные топонимы – субстантивированные относительные и притяжательные прилагательные в единственном числе: *Белое* (озеро), *Демьяное* (озеро), *Железковская* (микротопоним).

Самую многочисленную группу в полоцком топонимиконе XIII-XV вв. составляют топонимы, образованные при помощи суффиксации. Обнаружены топонимы со следующими суффиксами: -*ов (-ев), -ин, -еск, -цк, -к, -ец ,-иц, -ыц-а, -иц-а, -на, -но, -ник-и, -ек, -ан, -j-, -ичи, -н-ы, -ч-, -аны, -ыня, -ца, -цы, -щин-а.* Наряду со славянскими топоформантами в изучаемых документах представлены топонимы с субстратными суффиксами – *ва, -та, -жа, -шишки, -ишки, -ти.*

В топонимиконе XIII-XV вв. многокомпонентные названия составляют 27 %. Они представлены дву- и трёхкомпонентными онимами. Трёхкомпонентные топонимы в зависимости от структуры подразделяются на ряд групп: *церков святого Иоанна, Лобунова Аристова пядь, Великое княжество Литовское.* Встречаются топонимы, которые представляют собой предложные конструкции: *«Тако жь* ***Новыи город на Вельи*** *против Шатеев поставили есмы князю Скирикгаилу, брату своему»* [3, с. 53].

Наиболее многочисленны двукомпонентные образования, в которых один компонент – имя существительное (субстантивный компонент), а второй – имя прилагательное (атрибутивный компонент). Можно выделить две основные модели таких топонимов: 1) словосочетания с прямым порядком слов и атрибутивными отношениями между ними; 2) словосочетания с атрибутивными отношениями, но обратным порядком слов.

Названия с формантом -ский, -цкий в атрибутивном компоненте. Такие названия превалируют среди топонимов анализируемого периода полоцкой деловой письменности. Они составляют более 90% многокомпонентных названий.

В качестве мотивирующей основы атрибутива в анализируемых сочетаниях выступают названия населённых пунктов: *Бобыницкая дорога – село Бобыничи.* В таких топонимах формант *-ский, -цкий* имеет относительно-притяжательное значение, что ёмко передаёт следующий фрагмент из документа 1387 г.: *Так жь село* ***Лебедево,*** *што и к* ***Лебедеву*** *тягло и тянеть, и што* ***Лебедьевская волостка,*** *люди вси и села, тая околица* [3, 52].

Обращает на себя внимание и употребление разнокомпонентных вариантов топонима в одном и том же документе и даже в одном и том же предложении: *Князь великыи Витовтъ литовьскии, наш осподарь, докончал промежи нас и смирилъ нас вечно, межи* ***Полоцкого города*** *и* ***Ризького города****, што бы полочаном добровольно ехати к* ***Ризе,*** *тамьже рижаном к* ***Полоцку*** *без всякои завады* [3, с. 108-109]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что атрибутивный компонент с формантом *-ский* в топонимах полоцких документов не являлся субстантивированным.

Интересны номинативные сочетания, имеющие в своём составе слово “*земля*”. Изменения в политико-правовом статусе Полотчины и формирование особенностей делопроизводственного языка в ВКЛ нашли своё отражение и на топонимическом уровне. Примером являются названия отдельных исторических регионов. Так, в наиболее ранних грамотах для характеристики политико-геогафических

обьектов использовался термин "*земля*", который в восточнославянской традиции по одной из трактовок означал страну, государство или край [6, с. 375]. В полоцкой деловой письменности этот термин использовался как для обозначения регионов проживания отдельных этнических групп "*Лотыгольская земля*", так и этно-политических общностей "*Полоцкая земля*", обладавших традициями государственности. Топоним "*Руськая земля*" в полоцкой документации XIII - первой половины XIV вв. встретился только в двух источниках. В обоих случаях это договоры с немецкой стороной, и в обоих случаях Полоцк вписывается в контекст "*Рускои земли*", под которой имеется ввиду *не государство*, а скорее максимально широкая этноконфессиональная общность, каковой в то время являлись восточные славяне, пользовавшиеся термином "Русь" как метоэтнонимом [2, с. 48]. Использование словосочетания "*Руськая земля словеть Полочьская*" в документе 1263 г. указывает не только на принадлежность Полоцка к исторической Руси, но и свидетельствует о тождестве этих "земель". Однако уже в документах второй половины XIV вв. термин "Русь" приобретает иное содержание и обозначает восточнославянские земли, но уже только входящие в состав Великого Княжества Литовского. Хороним "Литва" впервые упомянут в договорной грамоте 1387 г., которая была составлена в Риге [3, с. 55-57]. К началу XV в. "Русь", в том числе и Полоцк, становится наравне с "Литвой", не только одним из историко-географических регионов, но и в более широком смысле частью "Литовской земли" [3, с. 96], под которой следует понимать всё ВКЛ. Термин "Литовская земля", таким образом, вытесняет термин "Руськая земля", причём первый теряет этноконфессиональную окраску и выступает как хороним, обозначавший сугубо политико-государственное образование.

Таким образом, в полоцкой деловой письменности атрибутивный компонент на *-ский, -цкий* имеет исключительно топонимическую мотивацию. Он указывает на связь объекта номинации с уже известным или более значимым объектом, в полоцких документах чаще всего это названия поселений.

Упомянутые в полоцкой деловой письменности экклезионимы, за одним исключением, были сформированы по принципу связи внутригородского объекта с догматами православной церкви и христианскими праздниками: *Свята Троица* (монастырь Святой Троицы), *церков святого Иоанна*. Единственным исключением является так называемый *монастырь Остьровскии* (имевший и другое название – *Святы Иоан),* номинированный так по месту его расположения, а именно острову на реке Двине в районе Полоцка.

Рассматриваемый структурный тип двукомпонентных топонимов в полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. являлся самым продуктивным. С использованием данной модели было образовано наибольшее количество географических названий. Среди них доминируют номинации городских населённых пунктов.

Названия с формантом -ов в атрибутивном компоненте. В полоцкой деловой письменности XIII-XV вв. названий с формантом *-ов* в атрибутивном компоненте обнаружено всего 3, причём в грамотах, написанных в самом конце XV в., 1498-1499 годы: Анътониково Куничное (село) [4, с. 167]. Проселкова земля, Мартинцова земля [4, с. 149-150].

Антропоним *Проселок*, многократно встречающийся в грамотах рассматриваемого периода в составе различных структурных образований, может являться мотивирующей основой атрибутива в агрониме *Проселкова земля*. Однако этот атрибутив может иметь и отапеллятивное происхождение: *Проселок* – расстояние и пути между селеньями, в стороне от городов, от больших дорог, а производное от данного имени существительное *проселковый* обозначает нечто, относящееся к *проселку* [1, с. 508]. Именование *Просёлок* в документах было распространённым и употреблялось как в отношении мужчин, так и женщин: *Проселок Иван, Проселок Федор, Проселковая*. Достаточно известным на Полотчине был боярский род Просёлков, находившийся в вассальной зависимости у наиболее богатого и влиятельного клана Корсаков [5, с. 159-160].

Такая структура в указанный период продуктивной не являлась, впрочем как и в более ранний период. Так, российский исследователь М.А. Ююкин в результате изучения топонимикона древнерусской письменности пришел к выводу, что продуктивность форманта *–ов/-ев* на территории расселения кривичей и соответственно в полоцкой топонимии была ниже среднего показателя [7, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В.В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.В. Даль. Т. 3.– М.: Русский язык, 1980. 555 с.
2. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякульурныя стэрэатыпы (X-XVII стст.): Манаграфія / І.А. Марзалюк.– Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. 324 с.
3. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 1 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1977.– 228 с.
4. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 2 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1978.– 219 с.
5. Полоцкие грамоты XIII- начала XVI вв.: В 6 вып./ Акад. Наука СССР. Ин-т истории СССР.– М., 1977-1989.– Вып. 5 / Сост. А.Л. Хорошкевич.– 1985.– 195 с.
6. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т.– М.: Рус. яз., 1990. 511 с.

7. Ююкин, М.А. Древнерусская ойконимия IX-XIII вв / М.А. Ююкин: Автореферат диссертации. на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальность 10.02.01 – русский язык. Воронеж: ВГУ, 2002. 23 с.

УДК 274

ПРОТЕСТАНТИЗМ В СПЕКТРЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ (1921-1939 гг.)

Н.Н. Гончаров
УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье дается краткий обзор этноконфессиональной обстановки в Западной Белоруссии в межвоенный период. Анализируется процесс становления, развития и культовая практика протестантских сект.

The article reviews the ethnic and confessional surrounding in Western Belarus in the between-war time. The process of organization and development of Protestant sects and their cult behaviour has been analysed.

Отсутствие объективного анализа многих проблем, связанных с этноконфессиональной историей Беларуси, настоятельно требует обращения к данному вопросу без наличия каких-либо идеологем.

Исследование проблемы этносоциального и культурного развития западных регионов Белоруссии невозможно без учета той религиозной обстановки, которая сложилась здесь в межвоенные годы. При этом необходимо учитывать следующие существенные факторы:

- во-первых, с момента возникновения политика и религия находились в тесной взаимосвязи. Это обусловлено тем, что политика относится к числу форм человеческой деятельности, функция которых состоит в регулировании отношений между людьми. В свою очередь религия включает в себя в качестве необходимого компонента мораль − не менее значимую форму регулирования интерперсональных отношений. Политика немыслима без захвата, организации и реализации власти, которая предполагает навязывание воли определенной социальной группы всему обществу и отдельной личности посредством насилия, права и авторитета. Поэтому политики склонны в роли подобного авторитета использовать, в частности, и крупнейшие религиозные системы, выступающие носителями и защитниками общечеловеческих духовных ценностей;

- во-вторых, в Западной Белоруссии в прошлом получили распространение различные течения христианства, иудаизм и в незначительной степени мусульманство, которые переплетались с искусственно подогреваемыми национальными противоречиями. Западные области Белоруссии как в религиозном, так и в национальном отношении представляли большую пестроту;
- в-третьих, правящие круги России, а затем Польши сознательно запутывали национальные взаимоотношения в этом регионе. Окатоличенным белорусам внушали, будто они поляки, настраивая их против русского народа;
- в-четвертых, Западная Белоруссия стала ареной ожесточенного противостояния католицизма и православия. Каждая из этих церквей стремилась укрепить здесь свои позиции и, не жалея средств и сил, посылала сюда лучшие кадры для проповеднической, общественно-политической и культурной деятельности. Большое внимание созданию в Западной Белоруссии плацдарма для наступления на Россию и страны Востока с целью вовлечения их в орбиту своего политического и идеологического влияния уделял Ватикан.

В силу этого, в межвоенные годы религиозная обстановка в регионе была чрезвычайно напряженной и отличалась большим разнообразием. Здесь проходила упорная борьба различных религиозных течений, каждое из которых стремилось к господству, приобщению к своей конфессии как можно более широких слоев населения.

Протестантизм получил распространение в данном регионе в силу того, что в годы I Мировой войны в период немецкой оккупации белорусское население имело возможность не только ознакомиться с «новой верой», но и приобщиться к ней. В значительной мере этот процесс активизировался в связи с наступательной миссионерской деятельностью зарубежных организаций и проповедников в условиях мирового кризиса 30-х годов XX в.

Наиболее распространенными протестантскими сектами в 20-30-е годы прошлого века были евангельские христиане, баптисты, адвентисты 7-го дня, методисты и многие другие.

За короткий срок (10-15 лет), особенно в конце 20-х и начале 30-х годов, протестантизм широко распространяется. Во многих районах усиливается деятельность баптистов, пятидесятников, адвентистов. Как свидетельствует председатель миссионерского комитета в Полесье, в 1929 г. было 6 032 сектанта различных направлений. «Секты, − говорится в донесении председателя, − имеют на территории

епархии 36 специальных молитвенных домов. При них организованы сектантские общины, каждая из которых включает 50-200 человек» [1, л. 1]. Такое положение дел сложилось и в Новогрудском воеводстве. Ежемесячные отчеты о политическом положении края в этот период пестрят сообщениями о деятельности сектантов, об открытии молитвенных домов, о пропагандистских собраниях в Новогрудке, Волковыске, Столбцах, Барановичах, Слониме и многих других городах и местечках. Более того, отмечалось, что деятельность сект не стала ограниченной, а наоборот, имела тенденцию к росту.

Мировой экономический кризис 1929-1933 гг., охвативший Польшу, еще более ухудшил положение трудящихся в Западной Белоруссии. На этой почве и происходит усиление религиозного сектантства. Так, на молитвенных собраниях баптистов в Белостокском повете в апреле 1930 г. присутствовали около 130 человек. В Волковысском повете в марте 1932 г. прошло несколько молитвенных собраний, в которых приняли участие около 1 500 человек [2, л.71].

Численность сектантов возрастала. Свидетельством этому является большое количество водных крещений, которые проводились пресвитерами. Так, в августе 1932 г. произошли водные крещения в деревне Могилевцы Волковысского повета, в результате чего в секту были приняты 13 новых членов. Крещения произошли и в Зельве Волковысского повета, где таким же образом в секту вступили 18 человек [3, л.12-13].

В 20-30-е годы проводилась широкая религиозная работа по вовлечению в секты и среди молодежи. Так, в д. Папроть (Островский повет) учитель местной школы Эдвард Соненберг организовал собрание секты, насчитывавшей 13 человек и состоявшей в основном из молодежи (август 1932 г.) [4, л.14].

О распространении религиозного сектантства, в частности, баптистских организаций, говорит тот факт, что 28-31 мая 1933 г. в Зельве состоялся съезд делегатов Союза славянских баптистов в Польше, в котором приняли участие 58 делегатов, представителей 37 общин.

В Западной Белоруссии получил широкое распространение адвентизм. На территории Августовского повета существовала секта адвентистов, насчитывавшая около 50 человек (октябрь 1932 г.).

Представление о размахе протестантизма дает обзор Новогрудского воеводского управления за март 1932 г. В нем приводятся данные о молитвенных собраниях, прошедших в четырех поветах (табл. 1) [5, л.42].

Таблица 1

Название секты и ее местопребывание (повет)	Количество собраний	Количество присутствовавших
Евангелистов, Новогрудский	42	20-90
Евангелистов, Щучинский	2	90
Баптистов, Столбцовский	7	30-80
Баптистов, Барановичский	41	20-50
Пятидесятники, Барановичский	39	20-55

В аналогичном отчете сообщается, что в течение февраля 1933 г. в поветах воеводства (Новогрудском, Слонимском, Барановичском, Столбцовском и Несвижском) состоялись следующие молитвенные собрания сектантов (табл.2) [6, л.75].

Таблица 2

Название секты	Количество собраний	Количество присутствовавших
Баптистов	132	3018
Пятидесятников	98	2351
Малованцев	3	172
Адвентистов	3	54
Методистов	4	155
Иеговистов	2	8

К сожалению, эти данные недостаточно полно отражают фактический размах сектантского движения, так как здесь нет сведений о деятельности сектантов других поветов.

Через 4 года, в марте 1937 г., сообщается, что политические и другие органы зарегистрировали 355 сектантских молитвенных собраний, на которых присутствовали 9 662 человека [7, л.5].

Согласно секретному донесению новогрудского воеводы, в январе 1938 г. на территории воеводства состоялось 243 собрания баптистов, евангельских христиан, пятидесятников, адвентистов, иеговистов и методистов. В отчетах за 1924-1925 гг. говорится лишь об отдельных фактах деятельности сектантских проповедников, приехавших из Америки, Англии и Германии. Воевода не без огорчения отмечает, что крестьяне негостеприимно встречают проповедников. Имели место случаи, когда местные жители бесцеремонно выпроваживали миссионеров. Однако, несмотря это, сектантство получило довольно широкое распространение. Причинами этого процесса были многие обстоятельства.

Документы архива Новогрудского воеводства показывают, что сектантство распространялось среди православной части населения, т.е. среди белорусов. И это не случайно. Партия пилсудчиков осуществляла политику ассимиляции в отношении белорусского и украинского народов. Национальный и социальный гнет довел крестьян и городской трудовой люд до разорения и обнищания. Безземелье, колоссальный разрыв между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары, экономический кризис 1929-1933 гг. − все это создало благодатную почву для распространения протестантского вероучения.

Из-за тяжелого материального положения крестьяне уезжали на заработки в другие страны, в частности, в США. Там они попадали в экономическую кабалу, их втягивали в различные секты, некоторых обучали в библейских школах. Многие эмигранты впоследствии возвращались на родину. Так, в 1922 г. в Пружаны вернулся из США миссионер Иосиф Пуховский и организовал баптистскую общину, в которой в 1924 г. насчитывалось уже 35 человек. Щедрая денежная поддержка способствовала быстрому росту различных сект, в частности, евангельских христиан и баптистов. Староста Новогрудского повета в рапорте от 5 февраля 1924 г. сообщал: «На территории здешнего повета существуют общины баптистов, организованные эмигрантами из Америки. Баптисты, имея средства, намереваются приступить к строительству молитвенного дома». В другом донесении от 8 декабря 1924 г. руководители отделения политического отдела государственной полиции Воложинского повета отмечают, что «каждый из вновь поступающих в секту членов получает помощь в сумме 10-15 долларов» [8, л.105].

Секты объединялись в организации. Одной из них был «Союз славянских сборов евангелистских христиан в Польше». Центр ее находился в Варшаве, а руководил союзом некий Шендеровский. В марте 1925 г. на его имя из США поступило 500 долларов. Этот союз привлекал в свои ряды и молодых людей, которые являлись членами 45 кружков. В сентябре 1925 г. в городе Бресте состоялась конференция молодых членов союза. Другая организация, «Союз славянских собраний баптистов в Польше», также поддерживала тесные связи с баптистскими организациями в США, Германии, Франции. Члены этой организации развернули активную деятельность среди молодежи и женщин. В Бресте постоянно действовали библейские школы, готовившие кадры миссионеров. В 1927 г. в «Союз» входило уже 44 общины, насчитывавшие 3 124 человека [9, л. 21-22].

В начале 20-х годов на территории бывшего Полесского воеводства появляются пятидесятники, которых называли «зеленосвятковцы». Такая секта возникла в 1925 г. в Брестском повете в д. Пожежин. Она насчитывала 34 человека. Пятидесятничество в западных землях Белоруссии распространялось очень быстро. К 1929 г. их секты функционировали в Брестском (Орехово, Пожежин, Страдечь), Пинском (Боровая, Хутово, Любель, Бокиничи, Селищев), Косовском, Лунинецком поветах Полесского воеводства, а также в Новогрудском воеводстве [10, л.23-25]. Справедливости ради следует отметить, что польские правительственные органы к пятидесятничеству относились крайне настороженно. Это связано было прежде всего с элементами его культа и решительным отказом членов секты нести военную службу.

Как явствует из отчета Полесского воеводского управления в Министерство вероисповеданий и образования, характеризующего религиозные отношения на территории Западной Белоруссии, «протестантские секты, существующие в результате слабости православной религии, не проявляют больших тенденций к развитию единственно благодаря отрицательной точке зрения административных властей, однако сектантское движение угодило в Полесье на податливую почву в связи с примитивными понятиями полешука, а также простой религиозной формы и методов, характеризующих евангелические секты» [11, л.3].

Документов подобного рода немало. Они свидетельствуют о том, что, во-первых, протестантизм распространялся главным образом посредством представителей протестантских зарубежных религиозных организаций, и, что, во-вторых, приманкой для вовлечения в секту служили не только «божья благодать», но и американские доллары. Кроме того, поддержка протестантских сект польским правительством тесно увязывалась с вопросом лишения белорусов национальной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАБО, ф.1, оп.9, д. 1032, л. 1.
2. ГАБО, ф.1, оп.9, д.2012, л. 71.
3. ГАБО, ф.1, оп.9, д.75, л.12-13.
4. ГАБО, ф.1, оп.9, д.75, л.14.
5. ГАБО, ф.1, оп.9, д.2013, л.42, 42 об.
6. ГАГО, ф.200, оп.2, д.12, л.75.
7. ГАГО, ф.551, оп.2, д.33, л.5.
8. ГАГО, ф.662, оп.3, д.8, л.105.
9. ГАБО, ф.1, оп.10, д.2313, л.21, 22; ф.1, оп.2, д.2292, л.24.
10. ГАБО, ф.1, оп.10, д.2307, л.23-25; ф.1, оп.2, д.2309, л.72.
11. ГАГО, ф.551, оп.1, д. 1475, л.3.

УДК 811.124

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ

И.И. Груль, Г.Ч. Мазько

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается роль латинского языка как фактора формирования компетенций в сфере межкультурной коммуникации.

In given article the role of Latin language as formation factor competence in sphere of intercultural communications is considered.

В последнее время функционально-динамический подход к изучению иностранных языков обусловил появление новых технологий и концепций обучения. Одна из основных задач на современном этапе − обучение на основе теоретических положений межкультурной коммуникации. Способность к межкультурной коммуникации, которую часто называют диалогом культур, является одной из основных характеристик интернационализации образования. Формирование межкультурной компетенции студентов обрело в современной лингводидактике новое звучание. Каждое занятие по иностранному языку − это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация (от лат. communicatio − сообщение, communicare − делать общим, связывать) − это непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур. Формирование навыков межкультурной коммуникации зависит не только от знания иностранного языка, но и от четкого представления о культуре людей, говорящих на данном языке. Поэтому современное преподавание языков невозможно без привития студентам иноязычной культуры, что способствует формированию межкультурной компетенции, всестороннему развитию личности.

Занятия по латинскому языку дают представление об органической связи современной культуры с античной культурой и историей, что расширяет кругозор студента. На протяжении двух тысячелетий латинский язык царил в литературе, науке и юриспруденции. Латинский язык до сих пор остается международным языком биологии, медицины, а также католической церкви. Общеизвестно, что латинский язык всегда являлся языком высшей культуры, в связи с чем возникает необходимость в изучении мира

носителей языка, их культуры, образа жизни, менталитета. Значение латыни в этой непрерывной исторической цепочке от античности до наших дней как инструмента культуры оказывается неизмеримо большим, чем другого любого европейского языка. В этом − культурологический смысл преподавания латинского языка.

Огромный вклад в становление и развитие коммуникативной теории и практики внесла античная риторика. Она уделила много внимания важнейшим проблемам государственной деятельности как арены столкновения ораторов, воспитанию ораторов, технике подготовки речи. Античными ораторами была детально разработана структура речи, включающая такие элементы, как вступление, название и толкование названия, повествование, описание, доказательство, опровержение, обращение к чувствам, заключение. Безусловно, античная мысль сделала лишь первые шаги по пути осмысления человеческой коммуникации. Однако теоретический задел, созданный античными мыслителями, стал основой, на которой строились дальнейшие исследования в области человеческой коммуникации.

С распадом античного общества латинский язык положил начало образованию целого ряда новых языков и, перестав служить средством общения для одного народа, сохранился в качестве языка науки Европы и далеко за ее пределами. Многовековое распространение латинского языка содействовало проникновению латинской лексики в новые западноевропейские языки. Латинский язык лежит в основе романской ветви иностранных языков, но он оказал значительное влияние и на германскую ветвь языков, особенно на английский язык, объем латинских заимствований в котором, исходя из различных источников, составляет от 40 до 60% основного словарного фонда. Сегодня нельзя себе представить ни один из развитых языков без огромного количества слов греко-латинского происхождения, что, в свою очередь, облегчает взаимопонимание между людьми разных стран, способствует интеграции различных культур. Проиллюстрируем это простым примером.

Лат. humanus, a, um – человеческий, человечный
humanitas, atis f – человеческая природа, гуманность, образованность

Фр. humain, -e – человеческий, гуманный
humanite f – гуманность
humanisme m – гуманизм
humaniste m – гуманист

Англ. human – человеческий
humane – гуманный, человечный
humanity m – человечество
Нем. human – гуманный, человечный
Humanitдt (f) – гуманист
Humanismus (m) – гуманизм
Humanist (m) – гуманист
Бел. гуманізм, гуманіст, гуманістычны, гуманны
Русск. гуманный, гуманизм, гуманист, гуманность

Богатое наследие латинского языка отразилось в терминологии административной сферы (авторитет, администрация, аттестация, бенефиция, декларация, документ, инкорпорация, инстанция, негоциация и др.); физико-естественной философии (амальгама, атмосфера, атом, глобус, масса, материя, машина, механизм, натура и др.); метафизики (абстракция, акциденция, анализ, аргументация, деривация, имитация, иррациональный, иррегулярный, модификация; критика и др.); медицины (агония, альтерация, антидот, апоплексия, артерия, инстинкт, летаргия, медик, медикамент и др.); математики и геометрии (аксиома, алгебра, алгебраический, аналитика, арифметика, бином, геометрия, механика и др.); географии (Азия, Америка, американцы, Аравия, арапы-арабы, Африка, африканцы, Европа, европейский и др).

Словарный фонд древних языков настолько богат, что позволяет и сегодня черпать из них все новые и новые элементы для обозначения новых понятий. Заимствования из "мертвых языков" легко входят в терминологическую систему на уровне значения, что нельзя сказать о национальных словах, которые влекут за собой буквальное толкование на уровне смысла. Слова, построенные на базе греко-латинских морфем, обычно не переводятся, т.е. передаются буквами национальных языков. Ни одна европейская страна не осталась в стороне от подобного терминотворчества: encyclopedia, panorama, polyglot, thermometer, linguistics и т.д. Интернационализмы исчисляются тысячами: углубляются знания о природе и обществе − появляются и новые названия (нанология – nanology; антропоэкология – anthropoecology.) Чтобы понять эти слова, нужно усвоить греко-латинские элементы. Греко-латинские словообразовательные компоненты – это универсальные языковые концепты смысла, бесконечные смысловые ресурсы и огромный информационный потенциал. При помощи соединения различных компонентов можно создавать новые смыслы слов. Чем больше студент знает ключевых

элементов слов, несущих основную смысловую нагрузку, тем лучше он будет ориентироваться в потоке информации, тем больше будет его словарный багаж, тем быстрее он сможет овладеть современными европейскими языками. Латынь продолжает жить как источник пополнения интернационального лексического фонда, как язык науки. В обозримом будущем вряд ли какой-нибудь другой язык сможет претендовать на эту роль.

Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Но особенно наглядно и ярко культурный аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками – т.е. тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа. Заимствование фразеологических единиц – один из путей усвоения жизненного опыта и мудрости других народов, оно присуще многим языкам мира. Основным способом заимствования в сфере фразеологии является калькирование, т.е. буквальный, пословный перевод иноязычного оборота, что приводит к образованию фразеологических калек. Большое число фразеологизмов связано с античной мифологией, историей и литературой. К античной мифологии восходят, например, следующие обороты английского языка: Achilles hul «ахиллесова пята», the apple of discord «яблоко раздора». Греко-римская мифология явилась одним из важнейших источников фразеологических заимствований французского языка: la boote de Pandore «ящик Пандоры»; la corne d'abandance «рог изобилия»; le talon d'Achille «ахиллесова пята»; la pomme de discorde «яблоко раздора»; le fil d’Ariadne «нить Ариадны, путеводная нить»; travail de Sisyphe «сизифов труд»; les noeuds de l’hymenйe «узы Гименея». Следует отметить, что фразеологизмы, заимствованные из латинского и греческого языков, во многих случаях носят интернациональный характер, т.к. встречаются в ряде языков. Так, например, латинский фразеологизм sal atticum «тонкое остроумие, изящная шутка» встречается в русском языке – «аттическая соль», во французском – sel attique, в английском – Attic salt, в немецком – atiisches Salz, в испанском – sal atica и т. д. Латинские фразеологизмы заимствуются другими языками как в виде калек, так и без перевода. На страницах многих современных научных и политических работ встречается множество аббревиатур, крылатых выражений и изречений. Так,

например, часто используются аббревиатуры NB (Nota bene), P.S. (Post scriptum), l.c. (loco citato), изречения tabula rasa, terra incognita, reductio ad absurdum и т.д. Интерес к латинским крылатым изречениям объясняться не только тем, что они прошли через столетия как образец мудрости, но и тем, что они созвучны нашему времени, которое требует лаконичности и точности в высказывании мыслей.

Особый интерес вызывает сопоставительное изучение крылатых выражений, что позволяет выявить общие и отличительные черты в постижении мира разными народами и сопоставить проявление в пословицах и поговорках менталитета народов. Сопоставительное изучение крылатых изречений в определенной степени является сопоставительным исследованием разных культур.

Элементы античной истории, культуры, фразеологии, как известно, всегда входили в систему гуманитарного образования всех стран Европы, и именно на них в течение многих веков базируется фундамент новоевропейской культуры. Тысячи слов латинского и греческого происхождения вошли в обычную ежедневную лексику каждого из нас во всех сферах нашей жизни - от идеологии, политики, науки до личных имен, предметов и понятий нашего домашнего быта. Человек, приобщившийся к тайнам слов античных Греции и Рима, безмерно расширяет свой кругозор, осмысленно воспринимает сущность и смысл многих современных слов и понятий. Таким образом, через изучение латинского языка студент включается в диалог культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Е. Познавательная активность студентов: поиск форм оптимизации // Альма матер. - 2000. - 11. - С. 29-32.
2. Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.
3. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО, 2005.
4. Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Изд-во Высшая школа, 1970.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1976.
6. Подосинов А.В., Щавелева Н.И. Введение в латинский язык и античную культуру. - М.: Прогресс. - 1994. - Ч.1, Ч.2. - С. 190, 250.
7. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высш. шк., 2005.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация - М.: Слово/Slovo, 2000.

УДК 882.6.+82.01.+82.

КАТЭГОРЫЯ ЭСТЭТЫЧНАГА Ў ІДЭЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ ПРАЗАІЧНЫХ МІНІЯЦЮР БАРЫСА САЧАНКІ

Р.К. Казлоўскі
УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В статье раскрывается сущностная специфика идейно-философского содержания произведений малых прозаических жанров Бориса Саченко согласно эстетической концепции художественного отражения действительности. Подчеркивается, что эстетические со- и противопоставления в соединении со свободным философским рассуждением способствуют наиболее полному выявлению творческого замысла писателя.

The article discloses the peculiarities of the conceptual and philosophical content in Barys Sachanka's works of the small prose genre according to the aesthetic concept of artistic reflection of reality. It considers the main stylistic peculiarities of the minuatures, their figurativeness. It is stressed that aestetic comparison and contraposition alongside with free philosophic reasoning help to reveal fully the writer's creative intention.

Як здольны пісьменнік Барыс Сачанка ў беларускай літаратуры сцвердзіў сябе яшчэ ў 60-я гады мінулага стагоддзя. Неардынарная асоба, у творах − свой, адрозны ад іншых, погляд на рэчаіснасць. У мастацкай творчасці ў пісьменніка ўдала атрымліваліся малыя празаічныя формы – мініяцюры, невялікія апавяданні. Гэта, можа быць, у чымсьці звязана і з тым, што ў малых формах лягчэй «выліць» хуткаплыннае перажыванне ад успаміну, перадаць асобнае ўражанне, падаць пейзажную замалёўку, пранізаную лірычным пачуццём. Дзяцінства пісьменніка прыпала на ваенныя гады: было спаленне карнікамі роднай вёскі, высяленне з родных мясцін на прымусовую працу ў Нямеччыну. Жахі вайны пакінулі глыбокі след у душы, стварылі падмурак для фармавання гуманістычнага светапогляду. І вынікам роздуму, назіранняў стала проза пісьменніка. Мініяцюра ў ёй выступае як эстэтычнае фармальна-зместавае адзінства.

Катэгорыя эстэтычнага, як і эстэтычная змястоўная сутнасць, праяўляецца ў першую чаргу ў каштоўнаснай арыентацыі персанажаў і найбольш у асобе лірычнага героя (апавядальніка), калі такая існуе ў творы. Нярэдка пісьменнік, паказваючы антыідэал ва ўсёй шматаблічнасці праяваў адмоўнага, у апазіцыю да яго ставіць вобраз станоўчага героя, часта пададзенага толькі некалькімі штрыхамі-дэталямі, разлічваючы на асацыятыўнае ўяўленне чытача, які і павінен дамаляваць патрэбныя абрысы-якасці, адшурхоўваючыся ад супрацьлеглых у адмоўнага героя. У пэўных выпадках аўтар наўпрост

адмаўляе заганныя грамадскія з’явы, рысы характараў, антычалавечую мараль. Творы Б.Сачанкі вызначаюцца той асаблівасцю, што ў іх даволі моцна адчуваецца асоба аўтара, яго перажыванні, грамадзянская пазіцыя. Магчыма таму ў творах дастаткова многа трагічнага, вялікае месца займаюць падзеі часоў вайны, сведкам якіх быў аўтар, нярэдка з амаль такім жа моцным хваляваннем ён перажывае і за сучасніка, яго клопаты і праблемы.

У сваіх творах Барыс Сачанка, мала сказаць, даследуе вайну, якая сваімі звышцяжкімі абставінамі вымушае чалавека дзейнічаць «з душы», без «падману», у адпаведнасці з уласным светапоглядам, пісьменнік яшчэ раз даследуе дзесьці самога сябе, праз сваю свядомасць прапускае падзеі мінуўшчыны. Не дарма яго «пісьмо» даследчыкі называюць суб’ектыўным, хаця адразу ж трэба заўважыць, што пры гэтым аўтар не губляе аб’ектыўнасці ў перадачы фактаў рэальнага жыцця. І менавіта ў мініяцюрах (у іх шырокім разуменні) найбольш выяўляецца асоба пісьменніка і тое трагічнае (як эстэтычная дамінанта), што ў выглядзе цяжкіх малюнкаў-абразкоў «мільгаціць» перад вачыма чытача, раскрываючы шырокую панараму жыцця, прапушчанага праз свядомасць аўтара. Ю.Бораў у кнізе «Эстэтыка» паказвае, што трагічнае, як эстэтычная катэгорыя, «раскрывае, па-першае, пагібель ці цяжкія пакуты індывідуальнасці; па-другое, неаднаўляльнасць для людзей яе страты; па-трэцяе, бессмяротныя грамадска цэлыя пачаткі, закладзеныя ў гэтай непаўторнай індывідуальнасці, і яе працяг у жыцці чалавецтва і, па-чацвёртае, грамадскі сэнс жыцця чалавека» [1, с.75]. Катэгорыя трагічнага ў творчасці пісьменніка адлюстроўвае ўсе вышэй прыведзеныя пункты.

Мініяцюрам характэрны некалькі скразных вобразаў, якія праходзяць праз усю Сачанкаву творчасць: лірычны герой-пакутнік, вораг-захопнік, партызан(салдат)-вызваляльнік і іншыя. Але вобразы гэтыя раскрываюцца не толькі ў пэўнай «сітуацыі», гэтаму дапамагае і аўтарскае разважанне, якое нярэдка ў канцы твора гучыць як мараль. Кампазіцыйная будова некаторых мініяцюр уяўляе сабою структуру з двух кампанентаў: сітуацыі (апісання) і разважання аўтара (лірычнага героя). Так, у псіхалагічнай мініяцюры «Фашыст» (1964) аўтар падзяляе твор на дзве часткі: у першай падае вобраз нямецкага салдата, які піша сваёй маці кожны тыдзень лісты, гаворыць пра сваю любоў да яе. У другой частцы Б.Сачанка быццам «станоўчы» вобраз салдата дапаўняе зусім іншай інфармацыяй, пасля чаго той набывае пачварныя рысы: «Расстрэльваючы кожны дзень жанчын у партазанскім краі, ...ён ні разу нават не падумаў, што гэтыя жанчыны — таксама маці...»[5,

с.35]. Яшчэ ў першай частцы аўтар у двукоссі прыводзіць словы з яго ліста «швайнэ русішэ» і «лібэ муці», якія гучаць эстэтычнымі антаганізмамі, падкрэсліваючы жорсткасць натуры з паказною дабрынёю і прыстойнасцю. Абодва «выразы» з лістоў стаяць на розных эстэтычных узроўнях, адпаведна нізкім і высокім, і ў выніку збліжэння высокае становіцца нізкім, яшчэ больш узмацняючы цынізм нямецкага салдата, увабраўшага фашысцкую ідэалогію.

Кампазіцыйную будову з двух кампанентаў маюць і іншыя малыя празаічныя творы Б.Сачанкі. Толькі кампаненты могуць уяўляць сабою яшчэ і розныя «пласты» катэгорыі часу, напрыклад: да вайны і пасля вайны (псіхалагічная мініяцюра «Нарцысы» (1970)). Як вынік утвараюцца часавыя эстэтычныя супастаўленні грамадскіх каштоўнасцяў.

Адным з крытэрыяў вызначэння трагічнага ў Б.Сачанкі з’яўляецца немагчымасць героя паўплываць на абставіны, якія нясуць яму непамерныя страты, альбо немагчымасць асобы змяніць рэчаіснасць, паўплываць на падзеі, якія ўжо адбыліся па ўласнаму недагляду. Так, у абразку «Мінутная слабасць» (1962) герой, узброены партызан, бачыць з дрэва ў лесе (гэта яго пост), як фашысты знішчаюць яго родную вёску з сям’ёю. Адчуванне бездапаможнасці, моцны стрэс, крайні душэўны пратэст прыводзяць да страты прытомнасці. У абразку «Качалка» (1962) у героя гіне дачушка. Трагізм сітуацыі заключаецца ў недальнабачнасці бацькі, які з лесу прынёс нейкі боепрыпас, ад якога пасля загінула яго ж дзіця. Памылка бацькі выступае як нейкае злачынства, і пакараннем за яго становіцца самазабойства. Узвышанае (пасляваеннае сямейнае шчасце) і жахлівае (бессэнсоўная смерць) эстэтычна збліжаюцца і ўзмацняюць трагізм сітуацыі.

Даследчык П.Навуменка сцвярджае, што старэйшаму пакаленню пісьменнікаў пашчасціла, што вайна, удзельнікамі якой яны былі, давала ім гатовыя сюжэты. У іншых (Б.Сачанкі, М.Стральцова) яна прыпала на дзяцінства. Вочы дзіцяці ўспрымаюць усё эмацыянальна, без глыбокага аналізу, і адсюль спробы «стварыць перш за ўсё не сюжэты, а эмацыянальны малюнак» [2, с.4]. Так можна патлумачыць узмоцнены трагізм (эстэтычную дамінанту) і неабходнасць скарыстання малых празаічных жанраў (напрыклад, мініяцюры як эстэтычнага фармальна-зместавага адзінства) для выяўлення эмацыянальна-афарбаваных рэалістычных малюнкаў рэчаіснасці. Творы ў спалучэнні ў нізкі, цыклы могуць утвараць падабенства кінастужкі ўражанняў, дзе кожны кадр − асобны маленькі твор.

Суб’ектывізм прозы Б.Сачанкі праяўляецца не толькі ў «я» лірычнага героя і біяграфізме ў творах, але і асаблівасцях творчай манеры пісьма. Так, стылю празаічных мініяцюр характэрна ў рознай ступені экспрэсіўнасць, у тэксце няцяжка адчуць эмацыянальны настрой аўтара, эстэтычную афарбоўку вобразаў. Многія даследчыкі (І. Навуменка, Ул. Юрэвіч і інш.) заўважалі ўменне Б.Сачанкі карыстацца прыёмамі ўнутранага маналогу, дыялогу, максімальна скарыстоўваць у творах магчымасці няўласна-простай мовы і па-майстэрску ўплесці гэта без парушэння эстэтычнай цэльнасці ў тканіну апавядання альбо твора нейкай іншай малой празаічнай формы. Нярэдка творы гучаць спавядальна, асабліва тыя, у якіх элемент аўтабіяграфізму найбольш вялікі, бо чалавеку (лірычнаму герою), лёс якога не песціў, вельмі ўласцівы трагізм мыслення, характэрна частае паўтарэнне ў свядомасці найбольш яркіх сцэн з жыцця, выпадкаў, якія паўплывалі на светапогляд, прымусілі паглядзець на рэчаіснасць іншымі вачыма, змяніць сістэму каштоўнасцяў, разуменне прыгожага і пачварнага, узвышанага і трагічнага. А гэта шчыльна спалучаецца з такою якасцю, прозы як аналітызм, і, у першую чаргу, аналізуецца асоба чалавека, псіхалогія яго паводзін, матывацыя тых ці іншых учынкаў альбо нават эмоцый. У мініяцюрах разглядаецца, як правіла, нейкі адзін дробны, хаця і не вельмі звычайны, не будзённы, выпадак, падзея, у якой героем рухаюць не толькі сілы вонкавага ўздзеяння, абставін, але і ўнутраная матывацыя, светапогляд. Вялікую ролю ў дамалёўцы мастацкіх вобразаў адыгрывае інтанацыя, якая надае не толькі эмацыянальную афарбоўку дзеянню, але і вызначае аўтарскую пазіцыю (у тым ліку і стаўленне да сваіх герояў) праз эстэтызацыю ці антыэстэтызацыю вобраза-персанажа, грамадскай з’явы.

У цыкле «Агарод» (1965) пісьменнікам робіцца спроба падаць нізку алегарычных мініяцюр і праз вобраз «агарода» паказаць людзей і праяўленне іх характараў у грамадстве. Але аўтарская спроба стварэння ўласных алегорый не заўсёды была ўдалай, бо нярэдка вобразы не маюць сталай іншасказальнасці ў народнай мове, падтэксту. Алегорыі Б.Сачанкі ў пэўных выпадках больш знешнія, ад чаго губляецца адчуванне праўдзівасці вобразу, страчваецца частка яго значэння, а эстэтычная катэгорыя камічнага губляе грамадска значнае абагульненне. «У гэтым цыкле ёсць сапраўдныя перлы, − зазначае Ул.Юрэвіч. − Але ж большасць з іх ніякага дачынення да алегорый не мае... Яны ўспрымаюцца як шаржы, напісаныя рукой мастака» [8, с.291-292].

У цыкле «Зялёнае дрэва» (зб. «Ваўчыца з Чортавай Ямы» (1978)) мініяцюра займае пануючае становішча. Вялікую ўвагу ў творах аўтар надае роднай старонцы, хатцы, полю, лесу, паказвае іх незвычайнае прыцягненне. Малая радзіма ставіцца Б.Сачанкам на самы высокі эстэтычны ўзровень (мініяцюры «Дома», «Наша радасць і шчасце», «Незабыўнае»), менавіта праз яе вымяраецца прыгажосць чужаземных краявідаў, душэўныя якасці лірычнага героя, які не быў «перакаці-полем». «Не думаў тады я, не гадаў нават, што ўсяго праз некалькі гадоў, аб'ездзіўшы многія чужыя краі, пабачыўшы і моры, і горы, душа мая будзе рвацца зноў сюды, на гэтыя лугавыя і палявыя сцежачкі, дарожкі, у знаёмы мне змалку лес, у сваю такую ціхую, маленькую вёсачку» [4, с.238].

Героі празаічных мініяцюр Б.Сачанкі нясуць пэўную філасофскую нагрузку і ўмоўна і ўтвараюць два полюсы: станоўчы (лірычны герой, дадатныя персанажы) і адмоўны (антыгерой). Прадстаўнікі першага ідуць побач з такімі эстэтычнымі катэгорыямі, як прыгожае, узвышанае, гераічнае, дзесьці смешнае, другога − трагічнае, пачварнае, камічнае. Мастацкая спецыфіка празаічнай мініяцюры дазваляе пісьменніку падаць думкі наўпрост, збліжаць эстэтычнае і антыэстэтычнае, ствараючы ў малым аб'ёме рэзкі кантраст эстэтычных узроўняў, дае магчымасць праз асобу лірычнага героя падаць меркаванне непасрэдна, зрабіць чытача аднадумцам, прымусіць паразважаць над фактам. Сцвярджэнне сістэмы агульначалавечых каштоўнасцей − зместавая дамінанта катэгорыі эстэтычнага ў мініяцюрах.

Асобна стаіць у кнізе «Родны кут» (1989) цыкл «Думкі ўроссып», які складаецца з філасофскіх мініяцюр, прысвечаных пісьменніцкай праблематыцы. Гэта роздум пра асаблівасці творчай працы, творчасці ўвогуле, натхненне і крызіс, роздум над лістамі і выказваннямі вядомых пісьменнікаў і інш. «Трагедыя таленту не ў тым, што яго надзяляюць «міленькай утульнай славай» (Акутагава), а хутчэй за ўсё, што ён пачынае верыць гэтай славе, жыць ёю, а то і купацца, як сыр у масле, у яе залацістых, але падманлівых, здрадлівых промнях» [6, с.374-375], − сцвярджае Б.Сачанка. Творы вызначаюцца высокай ступенню суб'ектыўнасці, сгушчанасцю і разважлівым ходам думкі, малым аб'ёмам (у некалькі радкоў).

Публіцыстычным пафасам і трагічна завостраным ідэйна-эстэтычным зместам вызначаецца цыкл «Запіскі аб радыяцыі» (зборнік «Трэцяе вока» (1992)) − хроніка падзей, якія адбыліся пасля аварыі на Чарнобыльскай АЭС. Кожная «запіска» − асобны маленькі празаічны

твор філасофскага зместу, нярэдка з трох-шасці радкоў. Трагічнае тут набывае абрысы агульна-нацыянальнай катастрофы. Максімальна сціскаючы слоўны матэрыял, Б.Сачанка даў творы ёмістыя ў сэнсавым плане, у малым паказаў вялікае, праз бяду асобнага чалавека – нацыянальную трагедыю. Напрыклад, «запіска», у якой аўтар падае ўсяго адзін «маленькі» факт пра падзеі 1986 года: «Сустрэўся з тымі, хто пабываў на Першамайскія святы і ў Хойніках, і ў Вялікім Боры. Усё там спакойна, ніякай трывогі. Сеюць, загараюць, п'юць малако, ядуць першую зяляніну − шчаўе, крапіву, цыбулю, часнок...»[7, с.172]. Творы набываюць публіцыстычны выкрывальны пафас. Аўтар у якасці фактычнага матэрыялу цытуе газеты, а пададзеныя дыялогі з людзьмі з забруджаных тэрыторый узмацняюць эфект трагічнасці. Сярод «запісак» можна вылучыць філасофскія роздумы над трагедыяй, абразкі жахаў, звязаныя найперш канкрэтнымі фактамі. Тут можна сустрэць мініяцюры ў форме публіцыстычнага паведамлення, сацыяльна-бытавой замалёўкі, можна ўбачыць анекдатычны абразок, у якім запісаны «чорны гумар» з «зоны». У цыкле «Напісана пяром» (зборнік «Трэцяе вока») у многіх мініяцюрах кранаюцца падзеі складанай гісторыі Беларусі, і за трагічным сцвярджаецца ўзвышанае: «Цярністыя шляхі беларускага слова… І не толькі слова, а і ўсяго, што звязана з Беларуссю, яе мінулым…» [7, с.393] Скарыстоўваючы разумовыя катэгорыі Святога Пісання (евангельскі цярністы шлях да раю), у асацыятыўным ідэйна-філасофскім змесце Радзіму Беларусь мастак ставіць на высокі эстэтычны ўзровень. Нярэдка ў мініяцюрах жахлівае і трагічнае (у грамадскай іпастасі) крочаць побач. «Сваіх нядобразычліўцаў і непрыяцеляў беларусы павінны ведаць. Адзін з іх − Р.Ялбжыкоўскі. Стаўшы архібіскупам Віленскай дыяцэзіі, ён забараніў ужываць беларускую мову ў касцёлах на ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі, а ксяндзоў, якія праводзілі па-беларуску службу, выселіў у небеларускія парафіі. З яго дапамогай былі выгнаны з Друі браты-марыяне, якія карысталіся ў сваім жыцці і служэнні Богу родным словам» [7, с.396].

У Барыса Сачанкі былі зборнікі гумарыстычных твораў «Вол-фігурыст» (1966) і «Халасцяк» (1969). Па жанравых асаблівасцях у іх, як зазначае Л. Савік, «можна заўважыць іранічную мініяцюру, казку, байку ў прозе, гумарэску, жарт, эпіграму» [3, с.23]. Камічнае і смешнае становяцца эстэтычнай дамінантай у ідэйным змесце.

Відавочнае праяўленне эстэтычных ацэнак у ідэйна-філасофскім змесце малых празаічных твораў з'яўляецца адной з адрозных рысаў мастацкага адлюстравання рэчаіснасці ў празаічных мініяцюрах

пісьменніка. Мастак працягнуў традыцыю празаічнай мініяцюры, зрабіў яе больш разнастайнай па тэматыцы, героях, падаў свой адрозны падыход да жыцця, сваю мерку чалавечых каштоўнасцей.

ЛІТАРАТУРА

1. Борев Ю.Б. Эстетика / Ю.Борев. — М.: Политиздат, 1969. — 350 с.
2. Навуменка П. Пошукі ўласнай сцяжыны: Штрыхі да творчасці Барыса Сачанкі / П.Навуменка // Роднае слова. — 1996. — № 5. — С. 3 — 15.
3. Савік Л.С. Пад мірным небам бацькаўшчыны: Нарыс творчасці Барыса Сачанкі / Л.Савік. — Мінск: Навука і тэхніка, 1986. — 120 с.
4. Сачанка Б. Ваўчыца з Чортавай Ямы: Аповесці, апавяданні / Б.Сачанка. — Мінск: Маст. літ., 1978. — 240 с.
5. Сачанка Б. Дарогі: Выбранае / Б.Сачанка. — Мінск: Беларусь, 1971. — 432 с.
6. Сачанка Б. Родны кут: Аповесці, апавяданні, нарыс, эсэ / Б.Сачанка. — Мінск: Маст. літ., 1989. — 381 с.
7. Сачанка Б. Трэцяе вока: Аповесці, апавяданні, эсэ / Б.Сачанка. — Мінск: Маст. літ., 1992. — 479 с.
8. Юрэвіч У. Абрысы. Выбраныя літаратурна-крытычныя артыкулы / У.Юрэвіч. — Мінск: Маст. літ., 1976. — 434 с.

УДК 811.161.3+811.111

ПАРАЎНАЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА БІЯЛАГІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ)

І.К. Клачко

УО «Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Данная статья посвящена сравнительной характеристике заимствованных биологических терминов. Выделяются предметно-тематические группы данных терминов.

Given article is devoted to the comparative characteristic of borrowed biological terms. Substantially-subject group of given terms are distinguished.

У апошнія дзесяцігоддзі рэзка ўзрасла цікавасць лінгвістаў і адмыслоўцаў розных галін навукі і тэхнікі да праблем прыватна-галіновых тэрмінасістем, што тлумачыцца ўзрастаючым патокам навуковай і тэхнічнай інфармацыі, працэсамі інтэграцыі, стыкоўкі навук, узмацненнем працэсаў тэрмінатворчасці.

Па гэтай прычыне ў моваведстве ў апошні час паўстала пытанне ўсебаковага вывучэння спецыяльных галіновых тэрміналагічных сістэм, у тым ліку і білагічнай тэрміналогіі.

Для ўмоў Рэспублікі Беларусь істотным з'яўляецца выяўленне спецыфікі нацыянальных моў − і ў, першую чаргу, беларускай мовы − на фоне іншых моў свету, сярод якіх лідыручае месца займае англійская мова. Параўнальнае вывучэнне англійскай і беларускай тэрміналогіі не атрымала пакуль значнага развіцця. Біялагічная тэрміналогія ўяўляе значную цікавасць як у плане выяўлення іх структурна-семантычных асаблівасцяў, так і для асвятлення шэрагу пытанняў кагнітыўнага плану.

У наш час найвялікшую цікавасць выклікаюць запазычанныя біялагічныя тэрміны, якія ўжываюцца ў беларускай і англійскай мовах.

У сучасным мовазнаўстве не існуе адзінага вызначэння паняцця «тэрмін». Пры вырашэнні яго выяўляюцца розныя канцэпцыі і падыходы. Як вядома, тэрмін вызначаецца як слова ў функцыі назвы паняцця. «Пад тэрмінам мы разумеем слова (або словазлучэнне) спецыяльнай сферы выкарыстання, якое з’яўляецца назвай спецыяльнага паняцця і патрабуе дэфініцыі» [3, с 15].

Біялагічная тэрміналогія складаецца з тэрмінаадзінак, што абазначаюць назвы жывёл, раслінных культур, некаторыя назвы біялагічных рэаліяў і з’яў.

Тут можна вылучыць некалькі прадметна-тэматычных груп. Досыць вялікія з іх – заалагічная, батанічная і біялагічная тэрміналогіі.

Прадметна-тэматычная група біялагічных тэрмінаў, што абазначаюць назвы хвароб раслін: блек-рот (ад англ. black rot); вілт (ад англ. wilt); назвы бактэрый: бруцэлы (ад англ. brucel ← англ. D.Bruce); рыкетс (ад англ. ricketts ← англ. C.Ricketts); віды скрыжоўвання: бекрос (ад англ. backcross); топкрос (ад англ. topcros ← англ. top crossing); некаторыя кірункі, вучэнні ў біялогіі: дарвінізм (ад англ. darwinism ← англ. Ch.Darwin); марганізм (ад англ. morganism ← англ. T.Morgan); іншыя англіцызмы, што абазначаюць біялагічныя з’явы, працэсы, дзеянні: імпрынтынг (ад англ. imprinting); інтрагрэсія (ад англ. introgression); кросінгавер (ад англ. crossing-over); мімікрыя (ад англ. mimicry); хомінг (ад англ. homing ← англ. home) і г .д.

Прадметна-тэматычная група заалагічных тэрмінаў-англіцызмаў характарызуюцца семантычнай разнастайнасцю. Прааналізаваныя тэрмінаадзінкі падзяляюцца на невялікія падгрупы. Да адной з іх належаць тыя, што называюць пароды сабак: баксёр (ад англ. boxer); бульдог (ад англ. bulldog); дог (ад англ. dog); колі (ад англ. collie); пінчэр (ад англ. pinscher); пойнтэр (ад англ. pointer); сэтэр (ад англ. setter) і інш.

Наступную падгрупу складаюць назвы экзатычных жывёлін і рыб: блювал (ад англ. blue whale); гібон (ад англ. gibbon); грызлі (ад англ. grizzly); гупі (ад англ. guppy); дынга (ад англ. dingo); поні (ад англ. pony); сейвал (ад англ. seiwhale) і інш.

У групу *батанічных тэрмінаў* уваходзяць запазычанні, што абазначаюць у большасці выпадкаў назвы раслінных культур (дрэў, кветак, травяністых раслін): гемлак (ад англ. hemlock); грэйпфрут (ад англ. grapefruit); кларкія (ад англ. W.Clark); сасафрас (ад англ. sassafras); сенега (ад англ. senega); цік (ад англ. teak) і інш., а таксама назвы і метады скрыжоўвання раслін і іншыя батанічныя з'явы і рэаліі: мільдзью (ад англ. mildew); палікрос (ад палі + англ. cross); мангравы (ад англ. mangrove) і г .д

Аналіз англіцызмаў паказвае, што яны, пранікаючы ў беларускую мову, размяркоўваюцца тут па разнастайных лексічна-семантычных разрадах. Пранікненне англіцызмаў у сучасную беларускую мову адбываецца ўвесь час, улічваючы папулярнасць англійскай мовы.

ЛІТАРАТУРА

1. Англіцызмы ў тэрміналогіі сучаснай беларускай літаратурнай К 12 мовы : манаграфія / Л.Я Кавалёва ; навук. рэд. праф. П.У.Сцяцко. –Гроодна : ГрДУ, 2007. – 186 с.
2. Бубновіч, І.І. Засваенне іншамоўных слоў беларускаю літаратурнаю моваю / І.І.Бубновіч. – Гродна: ГрДУ, 2000. – 108 с.
3. Даниленко, В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П.Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

УДК 39:008 (476)

ТРАДИЦИИ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОМАНЕ Э. ОЖЕШКО «МЕИР ЕЗОФОВИЧ»

М.Я. Колоцей
УО «Гродненский государственный университет им.Я.Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается роль образования в системе еврейской культуры и национальной традиции, раскрываются неформальные составляющие системы еврейского образования – семья, община, синагога и общественная жизнь.

In this article we disclose the role of education in the system of Jewish culture and national tradition, we observe informal parts of the system of Jewish education: Family, community, synagogue and social life.

С 1869 года польская писательница Э. Ожешко жила в городе Гродно. Здесь она смогла узнать жизнь еврейского населения, составлявшего более половины жителей города. В больших городах

былой Речи Посполитой, даже в Вильно, евреи были более эмансипированы, среди них было немало врачей, адвокатов, учителей. Своим внешним видом, языком, образом жизни они мало отличались от коренных жителей. В значительной мере это было ассимилированное еврейское население, но не утратившее, в сущности, национальные черты.

На Гродненщине, особенно в маленьких местечках, жизнь еврейского населения была иной. Среди евреев были мелкие торговцы, ремесленники, перекупщики, владельцы и арендаторы маленьких лавок и мастерских. В значительной части это была городская беднота, которая могла прожить с семьями только с помощью кагала и ничего более высокого, чем своя семья, домашний очаг и житейское благополучие она не знала.

Это подвигло Э. Ожешко к глубоким раздумьям, нашедшим отражение в ее главном художественном произведении о принеманских евреях – романе «Меир Езофович».

Написав многогранную картину жизни еврейского населения, сродни историческим полотнам Яна Матейко, Элиза Ожешко значительное внимание уделяла вопросам образования, образованности, отношения к учебе и учености евреев, понимая, что это составляет основное место в системе еврейской культуры и является неотъемлемой частью национальной традиции.

Действие романа «Меир Езофович» происходит в маленьком еврейском местечке Шибове. «Для еврея Шибов был тем же, чем для польского шляхтича – Краков и Рим, то есть места, где сосредоточена высшая светская и духовная власть». Издревле здесь жили два известных еврейских рода, враждебных друг другу. «Тодросы и Езофовичи как две реки: одна течет назад, другая – вперед, они постоянно сталкиваются, и каждая старается загнать другую под землю».

Судьба рода Езофовичей отражает передовые традиции литовско-белорусских евреев. Родоначальником рода считался Михель Езофович. За свои многочисленные заслуги при Сигизмунде I он получил титул старшего – Сениора над всеми евреями Литвы и Беларуси. «Обладая умом быстрым и ясным», он мудро и энергично управлял евреями, его ценили и уважали, при нем евреи достигли не только материального благополучия, но появилась надежда выйти из «духовного мрака». Михель Езофович был сторонником изучения одного из величайших философов средневековья, еврейского мыслителя Моисея Маймонида (1135-1204) и поднимал свой народ к

свету разума и науки, к объединению с другими народами земли, на которой они жили.

На пути Езофовича, который вел к эмансипации евреев, встал раввин Нохим Тодрос. Будучи наследником испанских евреев, он принес местным евреям мистические книги «Загар» и «Каббалу». Истинная образованность состояла для него в изучении священных книг, строгом следовании традициям, а Маймонид слыл для него еретиком.

Вытесненные Тодросами из сферы общественной деятельности, Езофовичи употребили свои способности и энергию на то, чтобы достигнуть материального благополучия. И достигли. А спустя два столетия, в конце XVIII века, дело Сениора пробует продолжить его правнук Герш Езофович. Он участвует в работе Четырехлетнего сейма, где вырабатывались решения об изменении положения евреев, согласно которым уничтожались различия в одежде, языке и обычаях между евреями и польским населением, но все, что касалось религии, оставалось в неприкосновенности. Герш Езофович отыскал духовное наставление, завещание Сениора. Но последовал третий раздел Речи Посполитой, гибнут конституция, реформы, государство. В Шибове торжествуют Тодросы, которые не допускают никаких изменений в жизни евреев. И теперь уже Герш прячет завещание для своих правнуков.

Евреи обособлены, и за эту обособленность они держатся. У них своя одежда, язык, фанатичная религиозность, своя внутренняя организация. Утратив свое «национальное гнездо», живя на территории других народов и государств, им необходимо было бы объединяться с другими народами, но они нередко «даже не понимают языка той страны, воздухом которой они дышат и хлеб которой едят вот уже столько веков».

Обособленность исчезнет, исчезнет по мере приобщения к цивилизации, светскому образованию, по мере приближения к «чужим огням». Но это может произойти, если побеждает свет (не случайно имя главного героя романа – Меир означает свет), а не темнота и фанатизм. Но так, к сожалению, не случилось в Шибове, где большинство местных евреев ненавистнически отстранились от всего, что «шло из широкого, солнечного, но «чужого мира».

В романе «Меир Езофович», Э. Ожешко проследила и ярко раскрыла неформальные составляющие системы образования – семья, община, синагога и общественная жизнь, показав роль каждой из них в еврейской культуре и традиции.

В традиционном еврейском обществе, идеалом которого было сохранение религиозной традиции, образовательные институты функционируют в качестве хранителей традиционных ценностей и инструментов передачи их новому поколению. Деятельность семьи в воспитании детей и в передаче духовных традиций, даже осуществляемая как бы невзначай, имеет решающее значение, как вследствие своего концентрированного воздействия, так и вследствие своего всеобъемлющего характера. В рамках жизни семьи ребенок впитывает атмосферу, характерную для традиционного общества, и получает подкрепление из более отдаленных кругов общества: родственников, соседей, «еврейской улицы» и общественной жизни, происходящей на ней. Здесь главную роль уже играет синагога, где дети день за днем выучивают обычаи богослужения, тексты молитв, мелодии песнопений. Но начало этому – в семье, семья это и закрепляет.

Именно в семье ребенок усваивал необходимость и важность соблюдения субботы и, как полагается благочестивому еврею, посвящение этого дня чтению священных книг и изучению многочисленных предписаний Талмуда. С ранних лет в семьи ребенок усваивал нормы поведения, отношение к родителям и взрослым, формы активной жизни, моральные ценности.

В рамках семейной и общинной жизни молодые люди воспринимали идеалы общины и стремились выполнять возлагаемые на них обязанности. Для юноши, достигнув возраста, когда на лице и подбородке появляется растительность, жениться, не противясь воле и избранию старших. Для девушки – производить на свет детей и растить их в духе Законоучения для бодрых дел.

В семье вырабатывались следующие черты характера желательные в девочке: скромность, достоинство, довольство малым, покорность, чистота, приятность манер, умение делать домашнюю работу. Получая в основном домашнее образование, женщина умела читать, знала текст молитв. Как высоко ценилась умная женщина в доме Езофовичей: «Умная жена дороже золота и жемчуга». Фрейда, жена Герша Езофовича, была умной и рассудительной женщиной, но весь мир для нее заключался в четырех стенах ее дома. С каким почтением к ней относились в глубокой старости. «Она была короной своего мужа», вся семья «отрастала от нее, как ветви от дерева». Именно ей доверил Герш Езофович тайну завещания Сениора. И она передает его правнуку – Меиру Езофовичу.

Меир Езофович знает религиозные и другие законы общества, уважает родителей, родственников, чтит деда, воспитавшего его, знает Тору и Талмуд. Он твердо усвоил, что «наилучшее дело человека – изучать священные книги». Но из семьи он вынес и другое: его дед Саул Езофович учил чтить «ученых мужей, ибо они великой мудростью своей поддерживают славу и мощь Израиля». И не случайно Саул Езофович, человек уважаемый за ум и мудрость, вопреки общепринятым нормам, отправлял Меира к «иноверцу» учиться «читать и писать на их языке» и другим светским наукам. Он понимает важность знания языка, на котором говорят все в этой стране. И все это не только в интересах продолжения внуком купеческого дела.

Меир противостоит силам темноты и религиозного фанатизма, он в силу своих возможностей борется за прогрессивные знания, справедливость для всех жителей местечка. Он не один. Вокруг него группа молодежи. Читая «Путеводитель для заблудших» Моисея Маймонида, этим «наивным умам, бессознательно стремившимся к свету знания, которое объединяет их со всем человечеством, открывался частично и беспорядочно мир новых явлений и широких просторов мысли, в их души закрадывались сомнения, рождались новые потребности, и молодые глаза омрачались грустью, смятением мысли, которой становилось тесно в привычных оковах».

У евреев был настоящий культ учения и учености. Но образование характеризовалось религиозностью и традиционностью.

Детей учили с пяти-шестилетнего возраста в платных хедерах. Хедер в системе образования играл важнейшую роль. Здесь учили основам религии, чтению, письму и основам счета. Ни «светским» предметам, ни профессиональному обучению для заработка места здесь не было. Высшей степенью премудрости для десяти-двенадцатилетних подростков было изучение Талмуда. Ученость заключалась в основательном знании священных книг, из них евреи черпали свою мудрость.

Подавляющее большинство детей в раннем возрасте посещали хедер и учились там несколько лет. Это имело важное значение, ибо каким бы малым ни был «багаж знаний», он включал по меньшей мере умение читать на идише, а также уважительное отношение к книге и к Законоучению, а, следовательно, и к традиции. Такое отношение включало – нередко, правда, в потенциале, а не в реальности – желание и возможность расширения знаний другими путями.

Меир Езофович, еврейская молодежь, окружавшая его, преклонялись перед Знанием и жаждали его. Путеводными стали для них слова завещания, духовного наставления Михеля Езофовича: «И когда перед вами откроются врата мудрости, входите в них быстрым шагом и с легким сердцем, ибо наука – самое могучее оружие того, кто правит миром в силу вечных прав разума… Будьте полезны стране, в которой вы живете, и тогда вас будут уважать. Это первый шаг к счастью, ибо презрение горько, а уважение сладко человеческому сердцу». Живой и всегда актуальной остается идея великой польской писательницы Э. Ожешко о том, что на одной земле люди, независимо от их национальности, языка, веры могут и должны жить в мире, без всякой нетерпимости, знать, уважать и понимать друг друга.

Элиза Ожешко не могла предвидеть историю. Но сбылось ее предвидение о том, что придет время, когда, благодаря свету разума, свету учения «кедр ливанский вырастет там, где ныне стелется по земле низкий терновник».

УДК: 341.232.7 (476+430)

РОЛЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ в 90-е гг. 20 – нач. 21 вв.

О.А. Метеж

УО «Гродненский университет им. Я.Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются вопросы, посвященные деятельности и роли научно-образовательных центров и общественных организаций в реализации культурного сотрудничества между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Германией в 90-е гг. 20 – нач. 21 вв. Автор статьи пришел к выводу, что данные структуры стали неотъемлемой частью культурной жизни Беларуси и дали возможность познакомиться белорусам с Германией, ее культурой, историей, традициями, изучить немецкий язык.

The article deals with the issues connected with the activity and role of scientific educational centres and social organizations in the process of realization of cultural collaboration between the Republic of Belarus and Federative Republic of Germany in the 1990s – early 2000s. The author of the article has come to the conclusion that these structures have become an indispensable part of cultural life in Belarus and have given an opportunity for the Belarusians to get acquainted with Germany, its culture, history, traditions, to study German.

Новым явлением в культурном пространстве Беларуси в 90-е гг. 20 в. стала активная деятельность представительств международных структур, зарубежных государственных и неправительственных организаций и фондов. Главной целью культурно-информационной деятельности зарубежных учреждений в республике является формирование позитивного представления о своих странах, о культуре проживающих в них народов. Эти структуры имеют продуманную программу действий, обеспеченную относительно стабильным финансированием.

Важная роль в налаживании и развитии культурного сотрудничества в Германии и Беларуси принадлежит правительственным и неправительственным организациям. В Германии практическую реализацию культурного сотрудничества осуществляют различные структуры, работающие самостоятельно на основе внешнеполитических проектов правительства. Важными организациями в этой сфере являются прежде всего Институт им. Гёте и его филиалы за границей, Международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау, Немецкая служба академических обменов (DAAD), различные негосударственные фонды и организации, ориентированные на развитие контактов с Беларусью.

Гёте-Институт Интер Национес в Минске (до 2001 года – Немецкий культурный центр имени Гёте в Минске) – это один из 150 культурных центров Института имени Гёте, которые по поручению Федеративной Республики Германии выполняют задачи ее зарубежной культурной политики в более чем 70 странах мира.

В Беларуси Немецкий культурный центр имени Гёте был основан в июле 1993 г., хотя официальное его открытие состоялось только в ноябре 1996 г. Деятельность Центра сосредоточилась на следующих направлениях:

- реализация культурных программ в театре, кино, живописи, киноискусстве;

- популяризация немецкого языка в Беларуси: организация курсов немецкого языка, разработка научных материалов, содержания экзаменов и учебных планов совместно с местными образовательными учреждениями, определение стипендиатов для повышения квалификации и др.;

- организация работы библиотеки. В библиотеке имеется более 10 тысяч книг по разной тематике, еженедельники и журналы, видеозаписи, компакт-диски на немецком языке, электронный каталог библиотеки. В 2007 г. стартовал проект Медиа-автобус

"DeutschExpress" Института имени Гёте. Он является так называемой библиотекой на колесах, которая путешествует по городам Беларуси и дает возможность взять домой как книги на немецком языке, так и компакт-диски, CD-ROM, видеокассеты и DVD.

В Беларуси за 12 лет своего существования Институт установил эффективную образовательно-культурологическую деятельность, тесно сотрудничает с Министерством культуры, Русским театром, Национальным художественным музеем, Белорусской государственной Академией искусств, Музеем современного изобразительного искусства, Белорусской федерацией «Киноклуб» и другими музеями и театрами в Минске и других белорусских городах [7, с. 52-55].

Минский международный образовательный центр имени Йоханнеса Рау начал свою работу в сентябре 1994. Главной его задачей являлось укрепление сотрудничества, взаимопонимания и примирения между народами двух стран, реализация совместных проектов в области экономического сотрудничества, охраны окружающей среды, ликвидации последствий Чернобыля, развитие молодежного и женского движения, культурных обменов, диалога церквей. В центре регулярно проводятся семинары, конференции, круглые столы по различной проблематике, организовываются информационно-образовательные поездки граждан обеих стран, действуют курсы по изучению немецкого языка и культуры [5, с. 6].

Благодаря Минскому международному образовательному центру в 2003 г. была открыта Историческая мастерская. Это научно-исследовательская, образовательная структура, где встречаются не только ветераны войны, узники гетто, но и молодежь, которая участвует в разных проектах. Здесь регулярно работает клуб молодых историков, историков-германистов, занимающихся проблематикой Второй мировой и Великой Отечественной войны. Партнерами и единомышленниками белорусских исследователей являются немецкие коллеги: историки, общественные работники, участники антифашистских инициатив. Они проводят совместные поиски, встречи, дискуссии [2, с. 7].

Большое значение для развития контактов между учеными двух стран имели образовательные и научные программы, организованные Германской службой академических обменов (DAAD). Основная цель DAAD – это всестороннее содействие налаживанию прямых контактов между высшими учебными заведениями, научно-исследовательскими институтами, а также партнерства между учеными и преподавателями разных стран. DAAD предлагает широкий спектр программ и

стажировок: семестровые, годовые и двухлетние стипендии, стипендии для научно-исследовательской работы, летние вузовские курсы (3-4 недели), научные стажировки (1-3 месяца), повторные стипендии (1-3 месяца), учебные групповые стажировки (7-12 дней) (5). В период с 1993 по 2008 год стипендии DAAD получили 3500 белорусских студентов, выпускников вузов и научных сотрудников [11].

Характерной чертой международных культурных связей Беларуси на современном этапе стало расширение участия в них неправительственных организаций. Наиболее влиятельным среди общественных организаций является Белорусское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (БЕЛОД), в составе которого действует более тридцати национальных обществ дружбы с отдельными странами. Общество обладает широкими зарубежными связями, высококвалифицированным аппаратом, многочисленным активом. БЕЛОД является инициатором проведения Дней Беларуси за рубежом и Дней культуры других стран в республике, организовывает выставки, фестивали, семинары, обмен делегациями и коллективами художественной самодеятельности и др. [10, с. 981-986].

В 1993 г. БЕЛОД стало инициатором создания ассоциации породненных городов, которая получила в 1996 г. юридический статус общественной организации. В 2007 г. в нее входило 35 белорусских городов, которые заключили соглашения с 233 зарубежными городами. Из них на сегодняшний день 18 городов Беларуси поддерживают партнерские связи с 16 городами ФРГ [4, с. 5].

На сегодняшний день в Беларуси зарегистрировано несколько общественных немецких организаций: Витебский союз немцев, общественное объединение немецкой культуры «Мосты», Витебское городское общественное белорусско-немецкое объединение «Вилькоммен – калі ласка», Белорусское товарищество немцев «Немецкий дом» и др.

Общественное объединение «Витебский союз немцев» существует с 1993 года. Свою главную задачу оно видит в консолидации граждан г. Витебска, которые желают содействовать возрождению и распространению немецкой культуры. Для этого союз стремится к укреплению белорусско-германских отношений, содействует возрождению немецких народных традиций, проводит изучение немецкого языка.

В 1994 г. в Минске было зарегистрировано общественное объединение немецкой культуры «Мосты» под руководством О. Штокман. Основными задачами объединения являются возрождение

национальной культуры среди немцев, живущих в Беларуси, а также поиск путей взаимопонимания и примирения между народами. Свои идеи оно реализует посредством проведения встреч, концертов, выставок, участия в фестивалях. В 1998 г. в обществе «Мосты» была организована вокальная группа «Одуванчики», исполняющая немецкие народные и эстрадные песни [9, с. 39].

Товарищество белорусско-немецкой дружбы «Willkommen – калі ласка» возникло в 1993 г. в Германии, а в 1995 г. – в Беларуси. Возглавляет его заведующий кафедрой немецкого языка Витебского университета В.Попкович. Основной целью товарищества является сближение народов разных стран для лучшего взаимопонимания посредством приватных инициатив. Его членами являются преподаватели и студенты университета, работники культуры Витебска. Благодаря деятельности товарищества студенты университета получают возможность совершать поездки в Германию с целью углубления изучения языка и знакомства с культурой, экономикой, политикой и религией страны, а также принимают у себя немецких гостей [8, с. 5].

Белорусское товарищество немцев «Немецкий дом» было создано в 1997 г. с целью возрождения культурных и религиозных традиций, развития национальной культуры [3, с. 177].

С 1990 по 2006 гг. действовало Белорусское товарищество немцев «Возрождение», целью которого было всестороннее содействие этнокультурному возрождению немцев Беларуси и укрепление связей между народностями, удовлетворение их духовных и материальных потребностей (6). В 1999 г. центром немецкой культуры «Wiedergeburt» было издано три литературно-художественных альманаха «Wie geht’s» («Как дела?»).

Таким образом, культурное сотрудничество общественных объединений, творческих союзов и организаций является одной из основных частей системы международных культурных связей. Исключительно важную роль в налаживании и укреплении связей между белорусским и немецким народами, развитии культурных взаимоотношений и диалога сыграла деятельность в Беларуси Немецкого культурного центра имени Гёте, Минского международного образовательного центра, Германской службы академических обменов (DAAD). Благодаря их активной деятельности белорусы смогли познакомиться с немецкой культурой, историей, традициями, изучить язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсэн Ваніцкі: “Каб ведалі ў свеце ... “ // Літаратура і мастацтва. – 1995. – 23 чэрв. – С. 5.
2. Беcтвицкий Ю. Откройте мастерскую памяти // Рэспубліка. – 2008. – 24 мая. – С. 7.
3. Гйезлер П.С., Ермолицкая Е.М. История создания Белорусского Дома немцев “Немецкий дом” // Мир технологий. – 2000. - №1. – С. 175-177.
4. Ивлев Н. Встреча городов-побратимов // Вестник Могилева. – 2009. – 7 окт. – С. 5.
5. Лапицкий А. Стипендии DAAD. Невероятное, но очевидное. // Работа за рубежом. – 2003. – 14 янв. – С. 6.
6. Майснер А. Беларускае таварыства немцаў “Адраджэньне” – цэнтр нямецкай культуры // Форум. – 1996. - №2. – С. 70.
7. Оствальд-Рихтер К. Культурное пространство современной Европы. Институт имени Гёте в Минске – 15 лет сотрудничества / К. Оствальд-Рихтер // Культура. Наука. Творчество: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 19-20 апреля 2007 г. – Мн.: Белорусская гос. Академия искусств, 2008. – С. 52-55.
8. Рыбакова В. Мы хочам зблізіць народы // Народнае слова. – 1998. – 20 кастр. – С. 5.
9. Штокман В. Цэнтр нямецкай культуры “Масты” // Мастацтва. – 2006. – №5. – С. 39.
10. Junge-Wertrup, P. Partnerschaften, Initiativen und Projekte in der Republik Belarus / P. Junge-Wertrup // Osteuropa. – 1994. – №10. – S. 981-986.
11. Режим доступа: http://www.daad-ic-minsk.by/rus/2_3.php Дата просмотра: 25.02.2011.

УДК 2-67

РЕЛИГИЯ И ПРОЦЕССЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Л.М. Можейко

УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу важнейшей проблемы современности - выявления потенций и перспектив позитивного диалога культур и религий. Рассматривается опыт соединения христианства и индуизма в духовной практике выдающихся теологов XX в.

The article deals with analysis of the major issues of the day to identify potentialities and prospects for a positive dialogue between cultures and religions. The experience of the connection of Christianity and Hinduism in the spiritual practice of eminent theologians of the twentieth century.

На протяжении многих тысячелетий религиозный феномен в силу своей универсальности, сочетающейся с поразительным разнообразием, питал человеческую мысль и побуждал человека ставить основополагающие вопросы, раздвигая границы великих социокультурных пространств. В своем документе «О взаимоотношениях с нехристианскими церквами» II Ватиканский собор так формулирует этот основополагающий вопрос: «Люди хотят найти в различных религиях ответ на связанные с загадкой

человеческого существования тайны, которые сегодня, как и вчера, продолжают тревожить сердца людей: Что такое человек? В чем смысл и цель жизни? Что есть благо и что есть грех? В чем истоки и причина страданий? Каким путем можно достичь истинного счастья? Что такое смерть, суд и воздаяние после смерти? В чем, наконец, состоит высшая и неизреченная тайна нашего существования, откуда ведем мы происхождение свое и к кому устремляемся? С самых давних времен до сегодняшнего дня отдельные народы проявляли особую восприимчивость к этой сокрытой силе, которая присутствует в ходе вещей и событий человеческой жизни, − доходя до признания Высшего Божества или Отца. Благодаря такой восприимчивости и такому признанию жизнь их проникнута глубоким религиозным чувством. Что же касается религий, связанных с прогрессом культуры, они пытаются ответить на те же вопросы с помощью более изощренных понятий и более развитого языка» [1, с. 5].

Начиная со времён II Ватиканского Собора, в сфере отношения к нехристианским религиям появились две основные «школы»: инклюзивистская и плюралистическая. Представители первой (например, Клод Жеффре) утверждали, что другие религии – это пути спасения, подчинённые христианству, вторичные, по отношению к нему; а представители второй (Жак Дюпуи, Ханс Кюнг) полагали, что различные религии суть полноценные пути спасения, участвующие в Тайне Христа. Разумеется, что второй подход был крайне не популярен среди римской иерархии и вызывал подозрения.

Сегодня многие задаются вопросом: можно ли, будучи христианином, заниматься йогой, изучать фен-шуй или придерживаться того или иного направления философии, не принадлежащей к христианской традиции? Между тем, современность знает примеры такого взаимодействия.

Бенедиктинец Анри Ле Со прибыл в Индию в 1948 году, а уже два года спустя вместе с отцом Жюлем Моншаненом основал первый католический ашрам в Шантиванаме – Сатчитананда Ашрам, богослужение и образ жизни монахов в котором не отличались от практик индуистских монастырей. Анри Ле Со принял монашеское имя Свами Абхишиктананды (слово «Абхишиктананда» переводится с санскрита как «блаженство помазанника», то есть, Христа) и облачился в шафрановые одеяния индийских санньяси [2].

На этом этапе речь шла исключительно об инкультурации, то есть, проповеди учения Христа языком индуистской культуры. Однако встреча с выдающимся индуистским святым XX столетия Шри

Раманой Махарши изменила мировоззрение Абхишиктананды: он уже не мог на 100% сказать, что считает лишь христианство своим жизненным путём и единственной истиной – слишком сильное влияние на него оказал адвайтический (связанный с осознанием недвойственного единства Бога и человека) опыт Махарши. Обычный поиск точек соприкосновения между двумя традициями – христианством и индуизмом не дал значительных результатов – ведь очень трудно понять другую религию «снаружи», не погрузившись в её родную среду (даже отец А. Мень говорил, что для того, чтобы понять другие религии, надо стать чуть-чуть буддистом, чуть-чуть индусом и т.д.). И Анри Ле Со сделал свой выбор: он получил посвящение от индуистского гуру Свами Джнянанады Гири. Следуя индуистской практике, он продолжал исповедовать религиозную систему христианства, однако принял философскую парадигму адвайта-веданты, учения о недвойственности, пытаясь совместить её с христианством.

Опыт отцов-основателей Шантиванама уникален как для католицизма, так и для христианства в целом: приняв санньясу и санскритские духовные имена, они стали своего рода мостом между западной и восточной цивилизациями. Если прежде учёные, философы и миссионеры пытались примирить две духовные традиции исключительно на интеллектуальном уровне, отыскивая точки соприкосновения в области вероучения или культа, то французские отцы попытались отыскать их общий глубинный источник, заключающийся в мистическом прозрении недвойственности. В 1957 г. аббат Моншанен возвращается в Париж, где скоропостижно умирает. Поскольку к тому времени Абхишиктананда уже покинул Шантиванам, отправившись на север, в предгорья Гималаев, ашрам на десять лет погружается в забвение, и лишь в 1968 г. в него приезжает Беда Гриффитс (Свами Даянанда), который разделяет идеалы французских отцов и имеет опыт создания и руководства общиной подобного рода. Новый настоятель добивается полного признания ашрама в качестве католического бенедиктинского монастыря и превращает его в подлинный центр межкультурного и межрелигиозного диалога, духовности и медитации. В Шантиванаме отец Беда пишет свои основные работы, в которых излагает принципиально новый подход к христианству.

Опыт монахов Шантиванама получил неоднозначную оценку как в Католической Церкви, так и среди последователей индуизма: многие авторитетные лидеры индуизма сотрудничали (и продолжают

сотрудничать до сих пор) с учениками и последователями отца Анри Ле Со. О трёх отцах высоко отзывались многие выдающиеся теологи, такие, как Анри де Любак, Жак Дюпуи, Раймон Паниккар. Личность и духовный путь двух последних также являются во многом уникальными.

Главным делом жизни Жака Дюпуи, умершего в декабре 2004 года в возрасте 81 года в Риме, являвшегося в то время сотрудником Папского Григорианского Университета, видным специалистом в области межрелигиозного и межкультурного диалога, уважаемым философом и священником, был поиск путей взаимного обогащения различных традиций.

Свои философские воззрения отец Жак почерпнул из собственного опыта: в 1947 г. молодой священник отправился в Индию, в Делийский Университет для изучения индуизма, а впоследствии провёл там 25 лет, преподавая теологию. В 1960 г. он закончил Григорианский Университет, став впоследствии ординарием систематической теологии. Индия оставила самый глубокий след в жизни и мировоззрении Дюпуи, обратив его к диалогу и глубокому постижению нехристианских религий. Наиболее важным моментом в развитии философской мысли отца Жака оказалось знакомство с бенедиктинцем Анри Ле Со. Отец Жак даже называет своего друга пророком нашего времени. Под влиянием христианского Свами, Жак Дюпуи проникся идеями адвайты, ведантического учения о недвойственном единстве, придя к выводу, что адвайтическая философия может очистить наши слишком материальные, грубые представления о Троице, а концепция Троицы, в свою очередь, может расширить понятие о недвойственном единстве, придав ему больший динамизм. С точки зрения Жака Дюпуи две религии – христианство и индуизм – особым образом дополняют друг друга: «в индуизме Бог являет Себя в глубине истинного «Я», а в христианстве вмешивается в историю» [2].

На пути Жака Дюпуи было много трудностей, значительная часть которых была вызвана непониманием и формализмом со стороны представителей официального Рима: его труд «На пути к христианской теологии религиозного плюрализма» уже год спустя после выхода (в 1998 г.) стал объектом резкой критики представителей Конгрегации Вероучения, возглавлявшейся в те дни кардиналом Йозефом Ратцингером. Конгрегация запретила Жаку Дюпуи публиковать свои произведения и выступать публично. Однако, несмотря на печальный опыт, он смотрел в будущее с оптимизмом.

Уникальной личностью является ещё один выдающийся католический теолог современности - Раймон Паниккар. Он родился в Барселоне в 1918 г., его отец − индиец, мать − испанка. Учёный имел контакты с университетами всех континентов мира. Преподавал и работал в Риме, Сан-Франциско и Варанаси (Индия). Написанные около трёхсот статей и более пятидесяти книг на разную тематику, включая индийскую культуру, метафизику, межрелигиозное сотрудничество, философию и мистицизм, отражают необычно широкий круг интересов человека, который одновременно является индусом и христианином, философом и мистиком, учёным и католическим священником, индийцем и испанцем, владеющим семью языками.

Первый вопрос, возникающий у всех интервьюеров Паниккара, звучит следующим образом: как можно быть индусом и христианином одновременно, не сложно ли соединять противоположные идеи о Боге и творении в одно целое? На что учёный отвечает: «А почему бы их не объединить вместе в одно целое? Природа нашей земной реальности дуалистична. В ней всегда будут различия, контрасты и трения. Внизу или позади всего этого лежит общее поле. Вы можете изучать жизнь на разных уровнях реальности в одно и то же время» [3].

Многие люди – и не в последнюю очередь теологи –опасаются, что мы живем в светскую эпоху. Однако, отнюдь не характеризуясь секуляризацией, наша эпоха стала свидетелем огромных вспышек религиозного пыла. Что современность неизбежно приносит в большей или меньшей степени – так это плюрализм. Для Паниккара, многоконфессиональный диалог направлен на «создание новых форм человеческого сознания и соответствующих новых форм религиозности» [3]. Это приводит к соединению традиций таким образом, при котором первоначальная традиция сохраняется, но также она углубляется и расширяется. Нечто новое создается на уровне человеческого и религиозного сознания.

Несмотря на то, что некоторые консервативные христиане и индуисты подвергают критике попытки сблизить две великие духовные традиции, в настоящее время в Индии действует несколько десятков католических и экуменических ашрамов, объединённых в федерацию Инициативы Католических Ашрамов («Ashram Aikya»). Также по всему миру существуют группы и организации, занимающиеся распространением наследия трёх отцов, например, «Ассоциация Моншанена-Ле Со» во Франции, «Сангха Беды Гриффитса» в Англии, «Общество Абхишиктананды» в Индии. Жюль

Моншанен, Анри Ле Со и Беда Гриффитс, вдохновляя современников обратиться от замкнутости к диалогу и от сухого догматизма к мистике, несомненно, стоят в одном ряду с такими великими мистиками XX века, как Томас Мертон, Джон Мейн, Тейар де Шарден.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пупар, Поль. Религии / П. Пупар; пер. с франц. - М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
2. Демченко, М. Индийский бенедиктинский ашрам: в поисках единства / М. Демченко // Империя духа. - Декабрь 2008. - № 1. - С.174-179.
3. Tincq, H. Eruption of Truth: An Interview with Raimon Panikkar / [Electronic resource] / H.Tincq. - Christian Century. – 2000. – August 16-23. – P. 834-836. - Mode of access: http://www.christiancentury.org. - Date of access: 27.02.2008.

УДК 81’1

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Д.С. Поклад

УО «Гродненский государственный аграрный университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются заимствования, слова пришедшие из другого языка. Заимствование является неотъемлемым условием развития языка. Причины появления новых слов – новые понятия, требующие названий, подражание культуре более престижной на данный момент.

Loan-words, i. e. words which are borrowed from another language are considered in the article. Word adoption is an indispensable condition of language development. The causes of word adoption are new notions which require new names, tendency to imitate prestige at the moment culture.

Процесс изменений в языке происходит постоянно. И наиболее видимой его гранью является заимствование иноязычной лексики. Не существует языков, в которых не было бы заимствованных слов. Заимствование − это процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется некоторый иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема). Благодаря заимствованиям, происходит функционирование и историческое изменение языка, пополнение его словарного запаса. Заимствованная лексика является, прежде всего, социальным явлением. Она отражает взаимное культурное влияние обществ. Экономические, политические и культурные отношения содействуют языковому обмену.

Заимствованные слова со временем органично вливаются в состав вобравшего их языка и более не ощущаются чужеродными. Те, которые продолжают казаться иностранными, либо сильно отличаются

по произношению, либо редко или мало употребительны. Если же в языке есть соответствие заимствованному слову, возможно, что оба будут существовать, пока одно не исчезнет, либо не изменит своего значения, с тем, чтобы избежать дублирования. Есть точка зрения , что понятие «заимствование» не слишком точно: язык не заимствует слово, он его принимает. Нет замещения, и язык, который вбирает в себя новые слова, не теряет ничего, он развивается.

Слова могут появляться в языке по разным причинам. Новые появившиеся слова могут быть либо необходимыми, либо избыточными. Последних следует избегать, так как они не заполняют лексические пробелы. Необходимыми они являются тогда, когда обозначают иные социокультурные явления, не свойственные или не существующие в данном обществе. Большей частью это технические и научные термины. Язык культурно, экономически и политически доминирующей в данный момент страны становится активным поставщиком новых слов. Во время правления Петра I русский язык пополнился рядом немецкой и голландской терминологии из области кораблестроения, военного дела, различных ремесел; позже стали употребительны музыкальные термины итальянского происхождения, а в балете – французские. Современный английский язык, в силу своей значимости в областях информатики и управления, обеспечивает другие языки компьютерной и административно-экономической лексикой.

Но заимствование может являться и модным увлечением, проявлением желания подражать культуре более престижной на данный момент. Иными словами, не всегда существует необходимость пользоваться иностранными словами, которые чаще произносятся, чем родные, поскольку чаще слышатся. В этом случае очень часто заимствованное слово является лишь синонимом уже существующего и тогда оно ощущается как проявление слабости выражения или плохого вкуса. И здесь, наверное, главную роль играют средства массовой информации. Все возрастающее их развитие, вытеснение городами сельского уклада жизни, глобализацию можно рассматривать как угрозу самобытности национальных культур. В одном из своих докладов генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура сказал, что на планете в среднем каждые две недели исчезает один язык. Сохранить языки национальных меньшинств является насущной задачей мирового сообщества. Защита языков − это прежде всего защита богатства, разнообразия, неповторимости видения мира людьми разных культур.

Одним из способов защиты языка является пуризм. Пуризм – это ответ на вторжение слов иностранного происхождения. В развитии любого современного языка наблюдаются периоды, когда заимствованные слова и выражения заменяются исконными. Лингвисты особенно тщательно изучали это явление в 19 и 20 вв. Одной из поднимавшихся проблем был вопрос о взаимосвязи особого внимания к чистоте языка в определенные исторические периоды и в какой степени пуризм связан с экстра-лингвистическими факторами.

Так, например, Французская Академия была основана прежде всего для того, чтобы «очистить язык от мусора», под которым понимались неправильно употребляемые слова, диалектные иностранные, технические слова и жаргон. Итогом стала публикация «Словаря Академии». В Германии же в 19 в. после объединения разрозненных земель набрало силу движение за очистку языка от французских и английских слов и возврат к готическому шрифту и другим символам национального самосознания. В России в 19 в. деятельность Шишкова, завоевавшего себе популярность воинственным пуризмом на шовинистской основе, стала венцом подобных настроений. Последний пример из множества ему подобных – в конце 2010 г. в Китае было принято постановление о запрете использования английских слов в газетах, журналах, книгах и на вебсайтах в текстах, которые публикуются на китайском языке.

Некоторые авторы полагают, что активные защитники родного языка являются людьми, повышенно чувствующими угрозы, ощущаемые обществом в целом. Борьба за чистоту языка − это выражение беспокойства по поводу не столько лингвистического, сколько культурного вторжения. Доведенная до логического конца эта идея становится оружием в руках крайне-правых, которые используют язык как показатель этнической принадлежности и следуют от лингвистического национализма к национализму, граничащему с шовинизмом. Именно поэтому во время войн языковой национализм становится более ярко выраженным. Эта тонкая грань между необходимой и патриотической защитой родного языка, с одной стороны, и агрессивным национализмом, с другой, наверное, и есть та горациевская «aurea mediocritas» («золотая середина»), на которой так трудно удержаться.

УДК 339.137:332.142

НАУЧНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В.В. Рабцевич
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
Л.Ю. Герасимович
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме актуализации тезауруса научных компетенций как важного компонента социокультурной коммуникации. Социокультурная коммуникация выступает как один из базовых механизмов и неотъемлемая составляющая социокультурного процесса, обеспечивая возможность формирования социальных связей, управления совместной жизнедеятельностью людей и регулирования ее отдельных областей, накопление и трансляцию социального опыта. В условиях информационного общества или общества знаний, социокультурная сфера во-многом определяется тем обстоятельством, что знание, которое всегда лежало в основе созидательной деятельности людей, стало фундаментом инновационной экономики.

The article deals with updating a thesaurus of scientific competence as an important component of socio-cultural communication. Socio-cultural communication serves as one of the basic mechanisms and an integral part of socio-cultural process.

Общие характеристики современной науки в ее взаимодействии с различными сферами жизни человека и общества включают, как правило, несколько групп выполняемых ею социальных функций. Это, во-первых, функции познавательная и мировоззренческая, во-вторых, функции науки как непосредственной производительной силы, в-третьих, ее функции как социальной силы, в-четвертых, культурная функция и другие функции, связанные с тем, что научные знания и методы ныне все шире используются при решении самых разных проблем, возникающих в ходе общественного развития.

В эпоху глобализации и так сказать всеобщей информатизации роль науки в обществе возрастает неизмеримо. В Республике Беларусь это связано с формированием национальной инновационной системы как эффективной институциональной модели генерации, распространения и использования знаний, их воплощения в новых продуктах, технологиях, услугах во всех сферах жизни общества [1, с. 14]. Учитывая, что научное знание становится достоянием не только ученой среды в узком смысле, но и производственной сферы и сферы услуг, где научное знание не только традиционно присваивается, но теперь и производится, в коммуникации научного плана вовлекается

все более широкая часть общества, обучение технологии создания научного продукта становится достаточно актуальным.

При этом во внешних коммуникационных связях формируется имидж науки. Имидж науки в разных социальных группах создает единую картину функционирования науки в обществе. Функционирование научного знания в процессе внутригруппового и межгруппового социального взаимодействия определяет критерии оценки науки, влияющие на отношение к науке и готовность заниматься научной деятельностью. Отсутствие определенной научной политики создания условий для поддержания эффективного функционирования науки приводит к снижению престижности данной сферы деятельности для молодых людей, способных пополнить ряды исследователей, к возникновению проблемы старения научных кадров, к потере преемственности и традиций. Тем актуальнее разработка методики освоения научной грамотности на студенческой скамье, создание таким образом условий доступности норм общения в пределах научной среды.

Исследование психологов выявляют, что для обычного человека в качестве знаков принадлежности личности к сфере науки выступают особенности научного языка и манеры общения ученого, особенности мышления, параметры содержания и результата исследовательской деятельности, характеристики внешнего облика ученого, большое количество книг и бумаг, окружающих ученого [2, с. 4].

В этом представлении о человеке науки, сложившемся на основании оценок более широкой части общества, напрямую не связанной с производством научного знания, отметим наличие существенных черт, определяющих восприятие людей науки со стороны – это особый «научный» язык, специфический тип мышления.

Итак, внешние коммуникации рисуют картину взаимоотношений между наукой и обществом. Очевидно, внутренние коммуникации должны выявить специфику общения в пределах самой научной среды. Ее основу составляет уровень научной компетентности ученого.

В общем виде компетентность научного плана может быть определена как способность субъекта к целенаправленной деятельности, как основанную на знаниях способность достичь сознательно поставленной цели. Система должна включать отбор знаний, связанных с задачей, выделение существенных для задачи свойств, определение на этой основе системы преобразований,

контроль результатов путем их соотнесения с поставленной целью и корректировку на этой основе описанного процесса.

Требования ВАК Республики Беларусь, предъявляемые к оценке научно-исследовательских работ, включают актуальность темы исследования; степень новизны основных положений и результатов работы, освещаемых автором; обоснованность и достоверность выводов и рекомендаций; научную, практическую и экономическую значимость результатов исследований автора; конкретные предложения о возможном использовании разработок автора в народном хозяйстве. Эти требования относятся и к сфере экономических исследований. Следует и студентов учить не просто пользоваться фундаментальными знаниями и методами, а пользоваться ими в том числе для решения узких профессиональных задач экономики [3].

Особенность научного исследования состоит в том, что в нем специфично и содержание, и форма. В содержании представлены строго выверенные по принятым в науке правилам утверждения, содержащие новое для общества знание, а форма должна способствовать воспроизводимости этого знания, доказательно защищенного и введенного в научный оборот. Компетенции должны охватывать технологию как организацию деятельности по созданию нового знания и доказательство его достоверности и новизны.

Исследовательские умения, как правило, принято делить на методологические и предметные, а методологические, в свою очередь, на теоретические и практические.

К теоретическим относятся компетенции: определять цель, объект, задачи работы; формулировать проблему, гипотезу исследования; проектировать и планировать ход исследовательской работы; производить оценку вариантов исследования и делать выбор оптимального; предвидеть ошибки и затруднения при проведении и оценивании результатов работы; применять методы теоретического анализа и синтеза в процессе работы; выделять причинно-следственные связи, делать выводы.

К компетенциям практического характера можно отнести умения организовывать рабочее место; рационально использовать рабочее время; осуществлять самоконтроль за выполнением цели; работать с учебной и научной литературой, справочниками; рационально организовывать накопленную информацию, пользоваться

компьютерными поисковыми системами; представлять результаты исследовательской работы в виде отчета, научной статьи и др.

Наконец, предметно-теоретические компетенции должны включать умения планировать экономический эксперимент; применять основные методы и методики экономического исследования; умения по обработке полученных данных и интерпретации результатов исследования; определять условия экономического эксперимента; анализировать и интерпретировать полученные результаты с учетом данных, имеющихся в современной литературе; умения по оперированию эмпирическими, теоретическими методами научного познания, описания научных фактов и их анализа в экономическом исследовании.

К предметно-теоретическим умениям относится также общеязыковая компетенция специалиста, в частности, понимание и создание научного текста. В научном произведении выражается научное знание, которое можно представить и в динамике его получения, т.е. в движении от незнания к знанию, и в статическом состоянии, т.е. как результат, продукт процесса его получения.

Структура научного произведения максимально отражает значимость и научную емкость каждого фрагмента, каждой части исследования. В динамическом аспекте в тексте как бы реконструируется путь развития научного знания: формирование проблемы − выдвижение гипотезы (членимой на комплекс частных предположений) − аргументация гипотетических утверждений посредством теоретических доказательств и эмпирических (научных) фактов − формирование концепции. С этой схемой научно-познавательной деятельности ученого соотносится типовая композиция высоконаучного, теоретического произведения или композиция знания, которое излагается в научном произведении.

В статистическом аспекте содержания из текста можно «извлечь» научное знание в готовом виде: описания понятий, определения понятий, классификации, цитируемые тексты и пр. Естественно, что в научном стиле изложения существуют определенные правила выражения всех этих форм репрезентации научного знания специальными стереотипными единицами.

В пределах современной научной сферы фигурируют определенные образцы, схемы, приемы, которые очерчивают контур современного инновационного мышления, его параметры, уровни, качества. При этом сложность современных социальных и

экономических проблем такова, что их нельзя успешно решить без знания современных технологий мышления [1, с.20].

Представляется, что с этой целью необходимо вводить специализированные курсы для практического освоения методологии и методик обучения соответствующим умственным действиям. Такими курсами являются дисциплины «Методология и методика научного исследования», «Креативный менеджмент» и т.п. В них раскрывается технология изготовления современного научного продукта, формируются интеллектуально креативные компетенции – творческий подход, новаторское начало, развитость воображения, способность к инновациям, созидательная направленность и эвристичность мышления. Обучение методике научного исследования имеет целью включение будущих инновационно мыслящих личностей и групп в специфическую сферу социальной коммуникации – в научное сообщество.

В рамках задачи настоящей статьи следует обратить внимание на то, что современный менеджмент – это менеджмент команды единомышленников, понимающих и поддерживающих друг друга, и партнеров, использующих «свой» язык.

Очевидно, что научное текстовое общение ведется с использованием специфических приемов языкового стиля, определяемого его целями, а именно, сообщением научных сведений либо объяснением научных фактов в официальной обстановке в форме устной или письменной речи и в рамках жанров (доклад, статья, диссертация, учебная литература). Эти обстоятельства определяют признаки научного стиля: 1) логичность, 2) точность, 3) обобщенность, отвлеченность, 4) объективность. К примеру, признак логичности требует композиционной стройности, последовательности изложения мысли (вступление, тезис, аргумент, выводы) и определенных лексических средств типа слов «сначала, прежде всего, затем, так, во-первых, во-вторых, так как, потому что, поэтому, следовательно, итак».

Проявляются эти черты прежде всего в научных публикациях, представляющих также средство коммуникаций ученых.

Научные исследования, будучи творческой работой, проводимой на основе кооперации труда ученых, с одной стороны, опираются на исходную, ранее накопленную научную информацию; с другой – сами являются интеллектуальной технологией создания новой научной информации и знаний, важнейшим средством фиксирования которых служит издание научной литературы. Благодаря научным изданиям

результаты исследовательского труда включаются в научно-информационный поток и через социальную систему научных коммуникаций становятся достоянием ученых и специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крюков, Л.М. Переход к инновационной экономике: методологические аспекты повышения эффективности научного труда / Л.М. Крюков // Белорусский экономический журнал. − 2006. − № 4. – С. 12-23.
2. Володарская, Е.А. Социально-психологическая концепция имиджа науки в обществе: автореферат дисс. на соиск. уч. степени доктора псих. наук / Е.А. Володарская – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 46 с.
3. Рекомендации по повышению качества содержания материалов, предоставляемых к публикации в журнале // Белорусский экономический журнал. - 2009. - № 3. - С. 150.

УДК 008.001+316.723

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М.Р. Титарчук
УО «Гродненский государственный университет им. Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается роль православной культуры в формировании белорусской нации во второй половине XIX – начале XX века, поскольку в середине XIX века стало очевидным, что на белорусских землях конкурируют между собой несколько национальных проектов, среди которых наибольшее значение имели русский и польский, а особенностью национальных движений в Беларуси был тот факт, что их политическая составляющая, очевидно, опережала экономическую. Поэтому вопросы религии на Беларуси в XIX веке стали больше чем конфессиональными вопросами, но вопросами национальной идентификации и даже, в исторической перспективе, вопросами выбора путей развития страны.

In the given article the role of Orthodoxal culture in the formation of Belorussian culture in the second half of the XIX – at the beginning of the XX centuryis observed, because in the middle of the XIX century it became clear, that several national projects were competing on the Belorussian lands, the Russian and Polish ones posessing the most significant meaning, and the peculiarity of the national movement in Belarus was the political component, obviously developing faster, tan the economical one. Thus, the questions of religion in Belarus in the the XIX century became more than mere confessional questions, but the questions of national identification and even, in the historical perspective, the question of the choise of the development ways of the country.

Развитие капитализма стимулировало в обществе спрос на образование и, в широком смысле, на культуру. В обществе, которое трансформировалось из крестьянского и сельского в городское и

промышленное, успех зависел от уровня образования и общей культуры.

В новых социально-экономических условиях православная церковь Беларуси попыталась предложить обществу основанную на православных культурных традициях социокультурную модель образования и повседневной жизни.

Великие реформы 60-70-х гг. XIX века, индустриализация и урбанизация, распространение грамотности, развитие школьного образования и печати привели к стремительному росту политической мобилизации многих этнических групп. Появление национальных движений явилось следствием ускорившейся модернизации экономических и социальных отношений [1].

Православная Церковь во второй половине XIX в. с ещё большей активностью выступала как русская национальная сила, призванная оказывать воздействие на формирование этнического самосознания, в условиях, когда русских крестьян традиционно объединяла приверженность Православию, вера в царя, и в меньшей степени этническое национальное самосознание [1].

Православной церкви отводилась значительная роль в осуществлении политики русификации, которая оживилась после восстания 1863-1864 гг. В этом восстании православное духовенство проявило себя как «надежная народная сила», которая полностью выступила на стороне царских властей [2, с. 179].

Необходимым условием для расширения среди белорусского крестьянства национальной идентичности было разрушение постфеодальных структур и ментальности, распространение просвещения, экономический и информационный выход за рамки локальной самозамкнутости и отождествление с более широкими структурами и общинами. Именно приходские священники могли сыграть особенно важную роль в формировании национальной идентичности сельских жителей в условиях распада традиционного общества.

Однако развитие белорусской национальной идентичности, особенно среди православного населения, совсем не входило в планы имперских властей. В программных документах 1863-1865 гг. виленского губернатора Михаила Муравьева отсутствует упоминание белорусов. Местные белорусскоязычные крестьяне всегда были для Муравьева «русскими»[3, с. 123 – 141].

Православная церковь и школа были призваны воспитывать белорусских крестьян в духе покорности, пассивности, преданности монарху, в уважении к частной собственности.

Во второй половине XIX века дальнейшее развитие получили православные семинарии, женские учебные учреждения духовного ведомства: женские училища духовного ведомства и епархиальные женские училища, церковно-приходские школы, школы грамоты и народные училища.

Большую роль в укреплении православия играла православная периодическая печать и литература. Православная церковь располагала мощной полиграфической и издательской базой.

В годы реакции (80-90-е гг. XIX в.) местное православное духовенство широко организовывало для крестьян воскресные чтения. Из гражданской истории выбирались лишь те события, которые можно использовать для прославления монарха, православной церкви и их «единения» с народом, а также для русификации белорусских крестьян.

Однако развитие славяноведения вместе с изучением истории Беларуси, фольклора, языка, обычаев и обрядов белорусов приводило к выводу о существовании в семье славянских народов самостоятельного белорусского этноса. С озознанием этого началось возрождение национальной интеллигенции и белорусского национально-культурного движения, которое в 40-50-х гг. XIX века уже стало довольно значительным явлением общественной жизни края. Накануне и во время восстания 1863-1864 гг. белорусское национальное движение, благодаря К. Калиновскому и его единомышленникам, поднялось на качественно новый уровень; в нем зародился политический компонент, идея государственной самостоятельности Беларуси, которая рассматривалась, с учетом общих исторических корней, в единстве с государственной самостоятельностью Литвы [2, с. 269-275].

ЛИТЕРАТУРА

1. Электронный ресурс: [http://sobor.by/bendin.htm]
2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)/ М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.:іл.
3. Токць С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: Другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С. Токць. – Менск, 2007. – 308 с.: 8 арк. Іл.

УДК 025.173 (476.6)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГРОДНО В XIX ВЕКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ

Н.Л. Улейчик

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье освещается театральная жизнь в Гродно в XIX в. как отражение диалога провинциальной и столичной культур. Рассматриваются деятельность свободных коммерческих польских, русских, украинских антреприз, их влияние на приобщение гродненцев к достижениям мирового театрального искусства, формирование белорусской национальной театральной культуры, подготовку профессиональных кадров исполнителей для будущего постоянного городского театра.

The article is devoted to theatre's life in Grodno in XIX century as a reflection of dialog between province and metropol. The first steps to organize the professional theatre are investigated also.

Интерес к культуре провинции появился давно, но до последнего десятилетия XX в. он реализовывался лишь в рамках краеведения и местной истории. Российскими историками предпринята первая серьезная попытка раскрыть смысл понятия «культурная среда провинции» в «Очерках русской культуры XIX в.», изданных МГУ в 1999 г. Современные исследователи исходят из того, что провинция – это культурологическое понятие, которым можно обозначить духовно-нравственное пространство жизни в нестоличных и малых городах России. К таким городам в XIX в. относился Гродно, как центр одной из окраинных губерний Российской империи.

В XIX в. провинциальные центры Российской империи все активнее вовлекались в экономическое и общественное обновление, изменялось содержание духовной жизни, а феномен провинции получил культурное значение. Культурная ценность провинции стала определяться способностью создать собственный оригинальный мир на основе усвоенного просветительства, стать не «городом мира» (к чему обычно стремится столица), а «миром города», выстроить уникальное «культурное гнездо».

В первой половине XIX в. культурная среда Гродно находилась под сильным влиянием польской и в меньшей степени русской культуры. После подавления восстания 1830-1831 гг. российское правительство стало проводить политику вытеснения польского языка и культуры и одновременно утверждения единой русской народности в северо-западных губерниях, полонизация сменилась русификацией. Только к концу XIX в. в условиях нарождающегося национально-

освободительного движения и формирования белорусского национального самосознания, можно говорить о культурном развитии Гродно как представителе белорусской культуры, имеющем специфические особенности. В культурной жизни Гродно в течение XIX в. шло непростое сращивание собственной «самобытности» и модных столичных новаций.

В июне 1802 г. Гродно получил устойчивую антрепризу – первый постоянный польский театр. Соломея Дэшнер добилась от городских властей разрешения на право десятилетней аренды здания гродненского театра. У С. Дэшнер был опыт работы на столичной и провинциальных сценах, богатый репертуар. Воспитанница, партнерша и хорошая подруга В. Богуславского, она очень требовательно относилась к своему творчеству и к себе, выше собственного успеха в зрительном зале ценила общие интересы труппы и театрального искусства. Преждевременная смерть С. Дэшнер 20 марта 1806 г. остановила ее плодотворную работу как актрисы и театрально-организационного деятеля. Руководство труппой принял на себя актер Венцковский-старший, который выступал в Гродно с начала зимнего сезона 1803-1804 гг., а в 1808 г. управлял театром совместно с актером труппы Шиманским. Основу репертуара составляли пьесы романтического характера: оперы "Зоська або Вясковыя залеты", созданная М. Каменским, драма "Ябеда" – одна из первых русских пьес репертуара, написанная В. Капнистом. Пьесы русских авторов театр исполнял на польском языке [1, с.60].

После распада театра С. Дэшнер в 1809 г. в Гродно выступали многочисленные и небольшие по составу театральные коллективы. В основном это были польские труппы: К. Каминского (1815, 1817, 1818 гг.), А. Жуковского (1827, 1828, 1830гг.), К. Скибинского (1816, 1819, 1828, 1829, 1830 гг.).

Гастроли труппы витебского дворянина актера Викентия Вержбицкого пришлись на период после восстания 1830-1831 гг. во время усиления цензурных преград. В 1832 г. пришло прошение Гродненскому генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву, где Вержбицкий просил, чтобы ему выделили театральное помещение, где он смог бы давать театральные представления [2].

Весь репертуар пьес Вержбицкого был предоставлен полицией гродненскому губернатору, о чем свидетельствует рапорт полиции от 11 июля 1833 г.: «Во исполнение Предписания Вашего Превосходительства от 19 мая № 7454 последовавшего, вытребованную частным приставом Сухолилем от антрепренера

гродненского Театра Викентия Вержбицкого Драму под заглавием «Мария Королева Шведская и Екатерина Королева Польская» и репертуаре пьес театральных Полиции при семъ Вашему Превосходительству честь имею представить» [3]. К рапорту пристава прилагался репертуар пьес. В основном это были пьесы Мольера, Шекспира, Фредры.

В 30-е годы XIX в. театральные вкусы и пристрастия гродненцев формировали австрийцы, а также итальянцы. В памяти гродненских зрителей осталась танцовщица Мануэли. В 1840 г. Гродно навестила труппа Гурской из Украины. Известно также, что 15 ноября 1842 г. в Гродно дали танцевальное представление испанские Танцовщики Королевского театра в Мадриде Г. Камруби и Мануэли [4].

Среди театральных коллективов, выступавших в Гродно в первой половине XIX в., особое место принадлежит созданной в 1835 г. труппе Карла Вильгельма фон Шмидгафа. Известный деятель немецкого, а потом польского, а позже и русского театра, К. Шмидгаф был родоначальником многочисленной семьи русских актеров Шмидгаф (Шмиткау) [5].

В 1845 г. в Гродно прибыла труппа Станислава Новаковского. На ее базе был создан первый постоянный профессиональный русско-польский театр. Он возглавлялся дирекцией, имел монопольное право на выступления в городах губернии. Произведения в театре должны были ставиться на двух языках – польском и русском. 25 октября 1846 г. русский язык впервые зазвучал со сцены гродненского театра [6, с.55]. Театр С. Новаковского просуществовал до 1850 г. Зрители увидели со сцены русские произведения: пьесы Гоголя "Ревизор" и Пушкина "Барышня-крестьянка", пьесы Булгарина, водевили Загоскина и др.

О театральной жизни города в 50-е годы XIX в. свидетельствует интересная справка: «В Гродно имеются 18313 жителей (без регулярных войск**)**, благотворительное товарищество, театр, благотворительное собрание (клуб), 14 актеров, 12 музыкантов». [7, с.316]. В 1854-1855 гг. в Гродно гастролировала труппа Я. Хелмиковского – одна из последних польских трупп в Беларуси до запрета спектаклей на польском языке, в 1859 г. – труппа русского актера В. Долматова, который неоднократно посещал Гродно и в конце XIX в. [6, с.59].

Общая демократизация творчества в эпоху реформ отразилась и на театральной жизни Гродно. Контекст общественной атмосферы, возможностей и запросов нового зрителя порождал новые темы и

новых героев драматического искусства. В это время диалог столицы и провинции вышел на новый уровень. «Героем» сценического искусства стала жизнь провинциального города.

В период зимних театральных сезонов 1860-х годов в Гродно работали антрепризы П. Павлова, А. Невского, В. Дорошенко, Гласко-Леонова, А. Даниловича, балетной труппы Ленчевского, Л. Никольского, Кольцовой, Леонова, Борского, К. Малевского, А. Яковлева, Перлова, К. Корбина, Р. Крамеса, П. Никановой. Гродно неоднократно посещала московская труппа во главе с талантливым актером И.И. Поплавским. Сценический диапазон этой труппы и самого И.И. Поплавского очень широкий – Отелло и Иван Грозный, Дядя Ваня и Мармеладов, Несчастливец и Дудкин [с.84-86, 8].

Гродненская театральная публика уже отдавала предпочтение произведениям, выносившим на сцену общественные проблемы. Пьесы русских драматургов окончательно утвердили новую социальность. Из репертуара русских драматических театров у гродненцев наибольшую популярность имели постановки: "Отец семейства" И. Чернышова (1865), "Материнское благословение" М. Некрасова, "Летняя сцена из русского быта" М. Стахович (1867), "Обрыв" Гончарова (1879-80), "Царь Федор Иоанович" А.Толстого (1893), "Новое дело" Немировича-Данченко (1894), "Дело" А.Сухова-Кобылина (1897) и пр. Необходимо отметить обращение к творчеству Л.Н. Толстого. 19 февраля 1897 г в Гродно состоялась премьера знаменитой «Анны Карениной» [с.62, 1].

Большим успехом у зрителя пользовалась драматургия А.Н. Островского. Обличающий морализм этих пьес представили гродненскому зрителю неведомый прежде мир купцов, промышленников, мелких чиновников, мещан. В сезоне 1898-99 г. состоялась премьера пьесы "Чайка" А.П. Чехова.

Но провинции уже было мало того, что о ней говорят и пишут. Она хотела говорить о себе сама. В Гродно развивались коммерческое предпринимательство и частная театральная инициатива. Об этом свидетельствует тот факт, что за период с 1864 по 1900 г., то есть за неполных 40 лет, в Гродно сменилось 24 держателя только русских драматических антреприз. За этот же период в Гродно сменилось 10 обществ русских драматических артистов [с.209, 9].

Что касается собственно Гродненского городского театра, то о его положении мы узнаем из рапорта Гродненского полицмейстера на имя Губернатора от 29 ноября 1888 г.: «В Гродно есть один городской театр на Дворцовой площади в центре города. Театр состоит из двухэтажного здания в очень плохом состоянии. Но его постоянно

поддерживает заботами Городское управление. Антрепренером этого театра является мещанин Александр Николаевич Гешиктер (на сцене Яковлев) по профессии актер. Срок его антрепренерства начался с 14 апреля 1885 года и должен закончиться 1 апреля 1891 г.».

В сезоне 1887-1888 года драматическая труппа городского театра состояла из 26 человек, из которых − 15 мужчин и 11 женщин. В это время гродненский зритель увидел 33 драмы, 23 комедии, 43 водевиля. Поскольку труппа показала на сцене все свое мастерство, то антрепренеру театра ежегодно выплачивалась правительственная субсидия равная 1000 рублей [10, ф.1, оп.17, д.1456, л.8].

В целом, театральная жизнь г. Гродно в XIX в. была насыщенна и разнообразна. Сценическое искусство известных русских, а также польских, украинских и других театральных трупп в нашем городе содействовало повышению профессионального мастерства местных театральных коллективов. Театр отражал диалог столицы и провинции. Это стало особенно заметным во второй половине XIX в., когда исчезали привычные психологические и моральные границы, ставились под сомнение сословные нормы. Театр сформировал новый тип разносословного, демократичного зрителя, приобщил последнего к лучшим достижениям театральной культуры, подготовил почву для появления белорусской профессиональной драматургии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гродно. Энциклопедический справочник. – Мн.: Бел СЭ, 1989. – С. 59 – 62.
2. Национальный исторический архив в г.Гродно (далее НИАБ в Гродно). - Ф.1. - Оп.10. - Д.518. - Л.8.
3. НИАБ в Гродно. - Ф.1. Оп.10. - Д.514. - Л.43.
4. НИАБ в Гродно. - Ф.1. - Оп.20. - Д.876. - Л.137.
5. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. - Оп.20. - Д.879. - Л.57-59.
6. Швед, В.В. Губернскі Гродна: Аповяд з гісторыі горада (канец XVIII – пач. XX ст.) / В.В.Швед. – Баранавічы: Баран. узб. друкарня, 2003. – 168 с., 188 с.
7. Орловский, Е.Ф. Гродненская старина. / Е.Ф.Орловский. – Гродно: Гродненская губернская типография, 1910. – 344 с.
8. Черепица, В.Н. Дай мне руку в непогоду: деятели русской культуры XIX - нач. XX века и Гродненщина / В.Н.Черепица. – Гродно, 1997. – 132 с.
9. Пашкин, Ю.А. Русский драматический театр в Белоруссии XIX в. / Ю.А.Пашкин. – Минск, 1980. – 216 с.
10. НИАБ в Гродно. - Ф.1. - Оп.17. - Д.1456. - Л. 8.

УДК 378.14:81´243

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ УСПЕШНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Н.Н. Уэльская

УО «Гродненский государственный университет им. Я.Купалы

г. Гродно, Республика Беларусь

Данная статья рассматривает вопросы формирования коммуникативной компетенции при обучении иноязычному общению, дает характеристики субкомпетенций, как неотъемлемой части коммуникативной компетенции. Автор знакомит с различными видами проектных культурологических заданий, говорит об использовании информационных ресурсов Интернета при формировании основы межкультурной компетенции. В статье рассматриваются также психолого-педагогические принципы межкультурной коммуникативной компетенции и вопросы межкультурной толерантности.

The article deals with the problems of formation of the communicative competence while teaching foreign languages, gives characteristics to sub competences as an integral part of the communicative competence. The author acquaints with different types of activities, used in intercultural training as well as the use of Internet for the same aims. The article also deals with the principles of intercultural competence and the problems of intercultural tolerance.

Никакая деятельность не осуществима без общения, поэтому его можно назвать главным инструментом человека. В настоящее время вследствие развития международного сотрудничества особое значение приобретает умение общаться на иностранных языках. Успешность общения зависит не только от желания говорящего вступить в контакт, но и от умения реализовать речевое намерение, зависящее от степени владения языковыми единицами, и умения употреблять их в конкретных коммуникативных ситуациях. Эти условия владения языком составляют сущность коммуникативной компетенции, которая была выдвинута в число центральных категорий коммуникативной лингвистики и лингводидактики.

Обучение иноязычному общению, взаимодействию речевых партнеров средствами иностранного языка предполагает наличие общей и коммуникативной компетенции. Овладение иностранным языком рассматривается как приобретение коммуникативной компетенции, а именно способности соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания.

По данным Совета Европы коммуникативная компетенция включает в себя шесть субкомпетенций: лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социокультурную, социальную

и стратегическую. Различия между видами коммуникативной компетенции обнаруживаются в характере знаний, навыков и умений, которыми оперирует говорящий в процессе порождения речевых актов.

Лингвистическая компетенция представляет собой способность говорящего на данном языке лексически, фонетически и грамматически грамотно оформлять свою речь, т.е. включает знание лексики, фонетики, грамматики, а также другие характеристики языка как системы. Отсюда в рамках лингвистической компетенции выделяют лексическую, грамматическую и фонологическую компетенции.

В *социолингвистическую компетенцию* входят знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте. Здесь рассматриваются правила вежливости, выражения народной мудрости, диалекты и акценты. Социолингвистическая компетенция отражает: правила этикета, нормы общения между представителями разных поколений, полов, классов и социальных групп, языковое оформление определенных ритуалов общения, принятых в данном обществе и т.д.

Дискурсивная компетенция – это установление речевого контакта с партнером, поддержание или прерывание его, соблюдая при этом правила общения, принятые в данном социуме. Дискурсивная компетенция включает в себя способность достигать связности отдельных высказываний в коммуникативных актах и воспринимать их как связный текст.

Социокультурная компетенция – это способность к ведению диалога культур, знание социального контекста, в котором функционирует язык, т.е. знания о реалиях, обычаях, нравах, традициях страны изучаемого языка, а также знания и навыки коммуникативного поведения. Социокультурная компетенция – это готовность к восприятию национальных культур и взаимодействию с их носителями. Она формируется на основе наличия страноведческих, лингвострановедческих и социокультурных знаний через посредство иностранного языка и в процессе овладения им. В контексте социокультурной компетенции неоходимо помнить о следующих принципах:

-обучаемый должен изучать несколько иностранных языков; - в процессе учебы необходимо учитывать дисфункции, которые могут возникнуть при межкультурном общении;

-так как обучаемый является культурным посредником между двумя странами, то надо оценивать его способность наладить отношения с собеседником из другой страны.

Социальная компетенция – это способность и желание взаимодействовать с другими коммуникантами, это уверенность в себе, отказ от стереотипов и проявление уважения, терпимости к представителям другой национальности, готовность и способность справиться с ситуациями, возникшими во время общения.

Стратегическая компетенция занимает особое место в обеспечении процесса общения и предназначена не только для компенсации недостатка знаний языковых средств, восполнения пробелов в общении, но ее также следует рассматривать как способность построения и реализации стратегии речевого поведения для решения конкретной коммуникативной задачи.

Коммуникативно-ориентированное обучение иностранному языку должно учитывать особенности реального общения. В основе процесса обучения лежит модель реального общения, под которым понимается не просто передача и сообщение информации познавательного и оценочного характера, обмен знаниями, навыками и умениями, а прежде всего – обеспечение взаимопонимания людей в процессе речевого взаимодействия. Коммуникативно ориентированное обучение иностранному языку – это речевая направленность процесса обучения, ориентация не только на содержательную сторону общения, но и на форму высказывания. Существенную роль в реализации коммуникативно ориентированного обучения играет ситуативность в отборе материала и организация его закрепления применительно к определенным ситуациям общения. Этому способствует использование аутентичных материалов и подлинных коммуникативных заданий. Однако на практике реализуются только некоторые из компонентов системного, целостного понятия «коммуникативная компетенция» – лингвистическая и социо-лингвистическая. Коммуникативная компетенция может быть сформирована только при условии сбалансированного, равномерного функционирования абсолютно всех ее структурных компонентов, что, к сожалению, не практикуется в учебном процессе даже на языковых факультетах в вузах. Нельзя отрицать, что в процессе обучения было введено новое содержание в моделирование общения в сферах, которые ранее не затрагивались: бизнес, права человека, положение меньшинств и др. Однако суть от этого не изменилась. Стратегический, социокультурный и социальный компоненты коммуникативно ориентированного подхода еще не стали

неотъемлемой частью процесса обучения. Обучающиеся продолжают говорить на иностранном языке в соответствии с представлениями, присущими их родной культуре и, таким образом, тренируются скорее не в установлении, а в разрушении коммуникации. Очередным шагом в решении задачи достижения сформированности коммуникативной компетенции должно стать усвоение социокультурных аспектов общения на изучаемом языке. Это влечет за собой изучение менталитета, поведения, ценностей, релевантных культуре изучаемого языка.

Важную роль при овладении иностранным языком и иноязычной культурой играет выполнение различных видов проектных культуроведческих заданий, позволяющих активизировать мыслительную и речемыслительную деятельность обучающихся. В результате такой продуктивной учебной деятельности обучающиеся формируют ряд умений и навыков, составляющих основу межкультурной компетенции. Наиболее важными их них являются следующие: работать со справочной страноведческой, лингвострановедческой, культуроведческой литературой; собирать, систематизировать и интерпретировать культуроведческую информацию при чтении, аудировании, говорении и письме на иностранном языке, а также при использовании ресурсов Интернета; понимать систему основных ценностей и образ жизни, принятые в стране изучаемого языка; участвовать в обсуждении на иностранном языке культуроведческих аспектов жизни людей страны изучаемого языка; участвовать в устных презентациях результатов проектных работ (в том числе с использованием информационных технологий); представлять собственную культуру, понимая какие ценности материальной и духовной культуры являются предметом национальной гордости.

Говоря о конкретных способах использования возможностей Интернета в обучении иностранным языкам, выделим наиболее эффективные:

- переписка по электронной почте с носителями языка;
- участие в текстовых и голосовых чатах;
- участие в телекоммуникационных конкурсах;
- использование преподавателем обилия языкового и страноведческого материала, подробных описаний новейших обучающих технологий, советов авторов аутентичных учебных комплексов, обмен опытом с зарубежными коллегами.

Межкультурная коммуникативная компетенция регулируется следующими психолого-педагогическими принципами:

- принцип гуманистического содержания профильных иноязычных текстовых материалов, подходов, приемов, технологий;

-принцип опоры на знания и опыт в области гуманитарных и профессиональных дисциплин с целью использования иностранного языка как средства расширения профессиональной компетенции в ситуациях международного характера;

- принцип соответствия учебных межкультурных коммуникационных действий реальным иноязычным и поведенческим профессиональным действиям будущего специалиста;

-принцип профессиональной коммуникативности – способность осуществлять эффективное иноязычное общение в реальных профессиональных ситуациях;

- принцип диалогичности, который предполагает культурологический подход к проблеме межкультурной коммуникации;

- принцип поликультурности;

В эпоху все большего увеличения темпов глобализации и интеграции всех жизненных процессов и явлений особое значение приобретает проблема толерантных взаимоотношений между представителями различных культурных сообществ. С другой стороны наблюдается тенденция к обособлению национальных культур. Понимание этих процессов ведет к необходимости обеспечения гуманных взаимоотношений между представителями разных национальных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаева Т.В. Социокультурные аспекты в обучении иностранным языкам / Т.В. Багаева // Актуальные проблемы современной науки. -2005.-№4. –стрю79-83.

2. Кулахметова Н.Н. Формы реализации страноведческого и лингвострановедческого компонентов на уроке английского языка / Н.Н.Кулахметова // Иностранные языки в школе. – 2005.- №5.-стр.49-57

3. Пашковская Н.Д. Использование культурно-страноведческого материала при обучении иностранному языку / Н.Д. Пашковская // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2004.-№4. –стр.37-40

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 947.6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕПАТРИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1944 – СЕРЕДИНА 1945 г.)

В.В. Барабаш

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме деятельности Армии Крайовой (АК) в ходе репатриации польского населения из Западной Беларуси в Польшу во второй половине 1944 – середине 1945 г. В работе рассматривается эволюция, которая происходит в позиции поляков и польского подполья на территории Беларуси в отношении репатриации. Акция переселения была использована АК для эвакуации в Польшу значительной части своих членов перед угрозой репрессий НКВД.

The article deals with the problem of the activity of the Home Army during the repatriation of the Polish people from the Western Byelorussia in the second half of 1944 – first half of 1945. The evolution in the position of Poles and Polish underground on the territory of Byelorussia with reference to the migration is considered in this paper. The action of the repatriation was used by the Home Army for the evacuation to Poland a considerable part of their members in front of the threat of the repression of NKVD.

Определение новой советско-польской границы на завершающем этапе Второй мировой войны повлекло за собой необходимость осуществления процесса репатриации населения. 9 сентября 1944 г. в Люблине было подписано Соглашение между БССР и Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории Беларуси [1].

Поскольку данные крупномасштабные национально-территориальные трансформации затрагивали интересы различных политических центров и социальных слоев, отношение к ним было неоднозначным. Сразу негативно сентябрьское соглашение 1944 г. было встречено польским эмигрантским правительством в Лондоне и подчиненными ему политическими и военными структурами. ПКНО не был признан мировым сообществом полноправным представителем польского народа. Соответственно, отрицалась легитимность всех заключенных им договоренностей. Главной целью обмена населением, по мнению представителей польского лондонского лагеря, являлось «полное устранение польского элемента с земель, расположенных на востоке от линии Керзона». Это было необходимо, чтобы поставить западных союзников и правительство Польши перед свершившимися фактами и создать большие возможности для решения в свою пользу территориальных проблем на международной конференции [2].

Принимая в целом справедливость оценки сталинской политики, представляется, что процесс переселения, как и в других регионах Европы, в первую очередь был подчинен интересам решения национальных проблем и обеспечению безопасности государств после войны.

Позиция в отношении готовящейся репатриации была сформирована польским подпольем еще до заключения официальных договоренностей. Выполняя указания эмигрантского правительства, в августе 1944 г. руководители Армии Крайовой (АК) в Западной Беларуси дали приказы подчиненным, запрещающие оставлять исполняемые ими до этого должности и продолжать оборону «своей крэсовой земли». Одновременно АК начала развертывать агитацию среди польского населения, направленную против выезда в Польшу. Полякам разъясняли, что они живут на своей земле и советская власть на данной территории является временным фактором [3, s. 685; 4].

Агитация АК, аппелировавшая к патриотическим чувствам поляков, имела сильное влияние. Широко распространялись слухи, что западные союзники «гарантируют организацию послевоенной Польши в границах 1939 г.» и даже скоро вступят в войну с СССР [5; 6, л. 345]. В результате значительная часть польского населения была настроена против репатриации и отказывалась регистрироваться на выезд [6, л. 345–347].

Чувство неопределенности положения усугубляла продолжавшаяся война. Многие люди не хотели покидать родные места и выезжать в неизвестность. Не успокаивали известия, что большинство поляков из Беларуси будут расселены на новоприобретенных землях Польши. В сознании людей представлялась проблема не только из-за их огромных разрушений, но и то, что они по-прежнему оставались немецкими, что вызывало опасения возможности территориальных изменений. В результате войны, арестов и депортаций в глубь Советского Союза многие люди не вернулись домой и судьба их была неизвестной. Оставшиеся семьи ждали возвращения своих родственников и воздерживались, особенно в первое время, от выезда на запад.

Поворотным моментом в этой ситуации становится Ялтинская конференция, которая состоялась в феврале 1945 г. На международном уровне линия Керзона была окончательно утверждена как будущая советско-польская граница. Эмигрантское правительство Речи Посполитой не признало решений Ялтинской конференции. Вместе с тем, в инструкции от 14 марта 1945 г. своим подчиненным подпольным структурам кабинет Т. Арцишевского предписывал содействовать

процессу переселения в Польшу, рассматривая его «как одну из форм защиты польского элемента от гибели и депортации на восток» [7, s. 67–68].

Польское подполье, католические ксендзы развернули в Западной Беларуси агитацию за репатриацию в Польшу [8, с. 116–117]. Вместе с тем, после Ялтинской конференции однозначно перелом в позиции АК и поляков в отношении переселения не произошел. Ситуация существенно отличалась по районам Западной Беларуси. Так, например, обеспокоенный убытием польского населения, комендант Волковысского обвода АК в январе 1945 г. обращался к вышестоящему командованию Белостокского округа АК с просьбой о соответствующих директивах. Не дождавшись из-за проблем со связью ответа от разделенного границей командования, обвод в конце февраля 1945 г. начал самостоятельно пропагандистскую деятельность по противодействию процессу репатриации. В результате распространения членами подполья листовок, а также проведения бесед среди населения в конце месяца наблюдалось значительное снижение записавшихся на выезд. Гродненским инспекторатом АК, куда входил Волковысский обвод, эта акция продолжалась до середины 1945 г. [3, s. 665–666; 9, к. 97].

В целом, в районах Западной Беларуси со значительным польским населением разница зарегистрированных на выезд весной 1945 г. составляла от 10 до 100 % жителей. Это зависело, главным образом, от отношения к процессу переселения как местных советских органов власти, так и польского подполья [3, s. 703; 8, с. 110–112, 160].

Следствием заблуждений, что ослабленному в войне с Германией Советскому Союзу Англия и Америка будут диктовать свои условия, стало распространенным явлением запись людей в переселенцы, которые не собирались уезжать, а расценивали регистрацию как тайное голосование. Считалось, что если ее итоги покажут преобладание среди населения поляков, Западная Беларусь отойдет к Польше [10, л. 37–40].

Сдерживающим фактором для выезда из Беларуси для многих поляков оставались надежды на восстановление границ 1939 г. на международных конференциях в Сан-Франциско и Потсдаме, проходивших в апреле – начале августа 1945 г. [10, л. 41–43, 95]. Результатом их крушения стало то, что выезд польского населения стал повсеместным явлением [8, s. 703–704; 10, л. 95]. Из 90 142 переселившихся из Беларуси в Польшу с начала 1945 г. до сентября 1945 г., 74 314 (82,4 %) приходится на июль – август [7, s. 75].

Сильнее любой агитации влияние на принятие решения о репатриации в Польшу оказывали мероприятия советской политики: перспектива коллективизации сельского хозяйства, установленные высокие налоги, боязнь депортации и отправки на тяжелые работы в глубь Советского Союза, дискриминация властями поляков как национального меньшинства, притеснение костела. Вместе с чисто прагматическими расчетами часть польского населения вынуждало переезжать высокое чувство национального самосознания [8, л. 103, 166–167; 10, л. 37–40].

Спорным выглядит встречающееся в литературе утверждение, что органы власти БССР относились нейтрально к процессу переселения и активно не вмешивались в его ход осенью – зимой 1944–1945 г. [8]. Видя поддержку подполья АК польским населением, советское руководство понимало, что подавить его только спецоперациями НКВД невозможно. Крупномасштабная акция переселения в Польшу изначально была призвана служить цели деполонизации западных областей СССР, искоренения социальной базы польского сопротивления [11].

Документы сообщают о давлении на польское население с целью заставить его выехать в Польшу, предпринимаемым в некоторых районах советской администрацией с начала 1945 г. и продолжавшимся в течение весны [3, s. 662–665, 720; 9, к. 100].

Перегибы в отношении польского населения было вынуждено признать и руководство БССР. В обнародованной 3 июля 1945 г. справке заместителя заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б)Б Н.Шелихова о работе партийных организаций Гродненской области отмечались «многочисленные факты нарушений социалистической законности – необоснованные аресты, случаи избиения поляков, незаконное нарушение прав поляков». Все это способствовало массовой записи поляков на репатриацию в Польшу и ускорению их выезда [12].

Вместе с тем, нельзя согласиться с встречающимися крайними утверждениями, как у немецкого историка Б.Къяри, который отождествляет репатриацию поляков с этническими чистками в Беларуси [13]. Данному суждению противоречит то, что несколько сотен тысяч поляков, т.е. их большинство, остались проживать в БССР после завершения переселения.

Для советского руководства довольно скоро стало очевидным, что убыль значительного количества населения представляет серьезную угрозу выполнению плана государственных поставок и, в целом, потерей рабочих рук в ряде районов Западной Беларуси,

разрушенных в результате войны. Обеспокоенность этой проблемой начинает принципиально изменять позицию властей БССР в сторону жесткого контроля хода репатриаций с весны 1945 г. В результате принятых в апреле – мае 1945 г. постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР со стороны центральных и местных властей нарастала тенденция по созданию препятствий при регистрации. Списки репатриантов пересматривали и многих вычеркивали, записывали белорусами. В результате тысячам людей было отказано в выезде [8, с. 126–147; 10, л. 56].

В связи с изменением военно-политической обстановки (наступлением Красной Армии в Польше, решениями Ялтинской конференцией) и усиления репрессий НКВД кардинально изменяется и деятельность польского подполья в Западной Беларуси. 19 января 1945 г. АК была официально распущена. Командование округов АК в Западной Беларуси функционировало до середины 1945 г. в остаточном состоянии, занимаясь, главным образом, ликвидацией своих структур и эвакуацией членов конспирации за линию Керзона.

В ходе подготовки к проведению репатриации, в сентябре 1944 г. Берия дал указание органам НКВД и пограничным войскам БССР установить контроль над процессом переселения, не допуская выезда лиц, разыскиваемых службами госбезопасности [14]. В сложившейся ситуации подполье АК внедряло своих людей и устанавливало контакты с польскими служащими ПУРа (Государственного репатриационного управления), Уполномоченного Временного правительства Польши по делам эвакуации, Союза польских патриотов и др. учреждений, которые занимались переселением. Известно, что помощь лицам, находящимся под угрозой ареста, оказывали сотрудники отделений ПУРа в Вильнюсе, Барановичах, Несвиже, Клецке, Юратишках. Их снабжали фальшивыми документами. Из фондов своих округов АК члены подполья также получали деньги для обустройства на новой территории. В Вильнюсе был организован пункт переброски поездами аковцев из территории Западной Беларуси [15, s. 666; 16, s. 78–79; 17; 18].

Несмотря на сверку перед отъездом списков репатриантов сотрудниками госбезопасности, многим из разыскиваемых людей удавалось проскользнуть в общей суматохе и спрятаться в вагонах в ворохах сена, перевозимого как корм для живого инвентаря. При содействии знакомых польских железнодорожников и польских пограничников поездами их переправляли на территорию Польши [17; 18].

По имеющимся данным, в период с апреля до июня 1945 г. было переброшено через границу репатриационным транспортом три новогрудских отряда из обвода АК Лида, а также не менее 300 чел. из районов Барановичи и Несвиж. Особенно успешно осуществлялась эвакуация с мая, после организации нелегальных приемных пунктов на другой стороне границы. В каждом поезде перебрасывалось по меньшей мере несколько десятков аковцев [16, s. 79].

Организованная эвакуационная акция польской конспирации закончилась в июле 1945 г., после разгрома НКВД последнего командования Виленско-Новогрудского округа АК [20, s. 338]. Тем не менее большинству членов польского сопротивления, действовавшего в 1945 г. в Западной Беларуси, удалось перебраться в Польшу в ходе акции репатриации [3, s. 648; 18; 21].

Таким образом, в начальный период развертывания репатриации из БССР во второй половине 1944 – середине 1945 г. происходит эволюция позиции польского населения от выжидания и неприятия в сторону активного участия в этом процессе. Одним из факторов, оказавшим определенное влияние на переселение, явилась деятельность Армии Крайовой. Не отрицая фактов репрессий со стороны польского сопротивления, следует признать, что десятки тысяч людей в основном добровольно сделали выбор в пользу выезда. Главной причиной, которая заставляла переселяться в Польшу, было нежелание жить при советском тоталитарном режиме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений // Сб. док. в 12 т. / под ред. И.А. Хренова и В.Т. Ковальского. – М.: Наука, 1963–1985. – Т. 8. – С. 213–219.
2. Polskie Państwo Podziemne w walce o suwerenność 1944–1945 (w świetle dokumentów sztabu Naczelnego Wodza) / oprac. P. Matusak. – Siedlce, 1999. – S. 113.
3. Krajewski, K., Łabuszewski, T. Białostocki Okręg AK–AKO. YII. 1944 – YIII. 1945.– Warszawa, 1997. – 853 s.
4. Centralne Archiwum Wojskowe. – VIII. 807. 28. – T. 10 – K. 180.
5. Rogut, D. Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich «saratowskiego szlaku» (1945–1949). – Toruń: A. Marszałek, 2003. – S. 40.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 66.
7. Sula, D. Działalność przesiedleńczo-repatriacyjna Państwowego Urzędu Repatriacyjnego w latach 1944–1951. – Lublin, 2002. – 200 s.
8. Вялікі, А. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946 гг.). – Мінск: БДПУ, 2005. – 319 с.
9. Instytut Pamięci Narodowej. Biuro udostępnień (dalej IPN BU). – 00231/154/5.
10. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 9. – Д. 30.
11. ГАРФ. – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 67 – Л. 185.
12. Освобожденная Беларусь: документы и материалы: в 2 кн. / сост. В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2004–2005. – Кн. 2: Январь – декабрь 1945 г. – 2005. – С. 242–243.

13. К’яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 г.). – Мн., 2008. – С. 317.
14. ГАРФ. – Фонд 9401. – Оп. 2. – Д. 68 – Л. 88.
15. Krajewski, K. Na Ziemi Nowogródzkiej. «Nów» – Nowogródzki Okręg AK. – Warszawa: Pax, 1997. – 814 s.
16. Niwiński, P. Okręg Wileński AK w latach 1944–1948. – Warszawa: Volumen, 1999. – 407 s.
17. Zakład rękopisów Biblioteki Narodowej w Warszawie, akc. 12775. Helena Pasierbska: Wileńskie wspomnienia z lat wojny. 1939–1945. – K. 40.
18. IPN BU. – 00231/273, т.1. – K. 171.
19. Archiwum Akt Nowych. – 202/II/11. – K. 289.
20. Wołkonowski, J. Okręg Wileński Związku Walki Zbrojnej – Armii Krajowej w latach 1939–1945. – Warszawa: Adiutor, 1996. – 383 s.
21. Siemaszko, Z. Rozmowy z kapitanem Szabunią // Zeszyty Historyczne. – 1973. – № 25.– S. 126.

УДК 619 «XVIII - XIX» (476.6)

ВЕТЕРИНАРНОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А.С. Билецкий
УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается развитие ветеринарного дела на белорусских землях конца XVIII – начала XIX веков в исследованиях российских и белорусских авторов, начиная с послевоенной советской и заканчивая современной литературой. Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии практически отсутствуют специальные работы, посвященные истории ветеринарии, а имеющиеся данные раскрывают только отдельные вопросы ветеринарной науки и практики. Изучение и систематизация полученных данных позволяют обозначить основные направления в изучении ветеринарной службы Беларуси.

This article is devolved to the development of veterinary service on the territory of Belarus at the end of 18th – beginning of 19th century according to the research of Russian and Belarusian authors of postwar soviet and modern literature. It should be mentioned, that there are hardly any privies on the history of veterinary in Belarusian historiography, so the even data reveals only certain questions of veterinary science and practice. The research and systematization of the sidings allow to determine the main trends in the veterinary service of Belarus.

На сегодняшний день в связи с развитием ветеринарной науки, ростом специализированных кафедр, факультетов и даже целых институтов в этой области, проблема недостаточной изученности истории ветеринарной службы на белорусских землях приобретает особую актуальность. К сожалению, специальные работы в этой области практически отсутствуют. Забыты истоки формирования и

зарождения, богатые традиции и многовековой опыт, первопроходцы и выдающиеся деятели в сфере ветеринарного дела. А поэтому современные ветврачи лишены твердой основы, глубокого понимания, гордости, патриотизма и профессионального самосознания в своей профессии.

Целью данной работы явилось изучение ветеринарного дела на белорусских землях конца XVIII – начала XIX века в белорусских и российских работах, начиная с послевоенной советской литературы заканчивая изданиями сегодняшнего дня. За последние десятилетия в научной литературе напечатано сотни статей по этой теме. Однако опубликованные труды и собранные исторические материалы не отражают всестороннего развития ветеринарии в нашей стране на данный период, они касаются лишь отдельных проблем науки и практики. Поэтому давно назрела необходимость всеобъемлющей проработки, изучения и систематизации полученного материала.

Наиболее широкое освещение в опубликованных материалах получило развитие военной ветеринарии. Прежде всего, в учебных пособиях по истории ветеринарии Никитина И.Н. и Минеевой Т.И. и статьях в журнале «Ветеринария» − И.С. Колесниченко. Согласно данным этих источников, развитие военная ветеринария получила еще в 1707 г., после того как Петр I издал указ об учреждении в кавалерии Российской армии ветеринарных специалистов (коновальных мастеров) [5]. В книге «История ветеринарии» Никитина И.Н. указывается, что в период Отечественной войны 1812 года конский состав Российской армии насчитывал 300 тыс. лошадей. Особого внимания заслуживает организация в этом году первых полевых конских лазаретов (депо). Так, после Бородинского сражения отдельные кавалерийские дивизии вели за собой до 300 больных и раненых лошадей [8]. В дальнейшем, как указывает Колесниченко И.С., при продвижении Русской армии на запад полевые конские лазареты создавались в Шклове, Брест-Литовске, Познане [5].

В статьях С.И. Попова о гражданских чинах в Российской армии в 1801-1851 гг. сообщается, что в 1817 г. Военным министром были введены штатные должности военных ветеринарных лекарей в кавалерии. В 1819 г. для военных ветеринарных лекарей, их помощников и коновалов была введена военная форма (мундир и пр.) [9]. У Минеевой Т.И. в книге «История ветеринарии» есть сведения, что в 1820 г. ветеринарные лекари, их помощники, а так же кузнецы военно-конных заводов были зачислены в военное ведомство [7].

Необходимо отметить, что неплохо проработан вопрос ветеринарных законодательных документов в Российской армии в исследованиях И.С. Колесниченко.

Правительственная ветеринария занималась: организацией борьбы с эпизоотиями, проведением лечебно-ветеринарной и профилактической деятельности, а также контролем скотопрогонных трактов, содержанием промышленного скота на государственных предприятиях. Вопросами правительственной ветеринарии помимо вышеуказанных авторов так же занимались Урбан В.П., Рудаков В.В. и др.

Практически отсутствуют сведения в литературе об эпизоотологической обстановке на белорусских землях в указанный период. Вплоть до конца 70-х годов не имелось общего государственного статистического учета заболеваемости, падежа и выздоровления животных. Много скота погибло во время войны и на протяжении ряда лет после войны от заразных заболеваний. Так, согласно Никитину И.Н., после изгнания в конце 1812 г. войск Наполеона из Российской империи была проведена большая санитарная работа по уборке и сожжению или зарыванию в землю трупов людей и лошадей. Полная уборка трупов на европейской части страны закончилась лишь к весне 1813 г. По данным академика А.А. Полякова (1969), на территории Минской губернии в 1813 г. было сожжено и зарыто в землю 30062 трупа лошадей, в Смоленской губернии – 50430 трупов животных, в Виленской и Калужской губерниях – свыше 15 тыс. [5].

Что касается законодательной базы, то она в полной мере освещена в большинстве встречающихся источников. До середины XIX века медицинские и ветеринарные лекари в борьбе с эпизоотиями руководствовались наиболее главными правительственными постановлениями «Собрание узаконений по полицейской части…» (1817 г.), «Руководство по чуме рогатого скота» (1724-1806 гг.), «Предохранительное средство от скотского падежа» (1773 г.). До закона 1868 г. правительством издавались только правила (в 1804, 1837, 1845 и 1856 гг.), относившиеся к мерам против разноса чумы гуртовым скотом. Для предотвращения случаев заноса эпидемических и эпизоотологических заболеваний из стран Западной Европы и Азии правительство России в первой половине XIX века приняло меры к дальнейшему расширению и укреплению карантинной службы на границах страны. «Устав пограничных и портовых карантинов» (1800 г.) яркое тому подтверждение [2-8]. Уже в 1821 г. Российские ученые в Омске издали «Правила медицинских чиновников, какими средствами

из сырых скотских кож истреблять чумную ядовитость» (правила дезинфекции кож) [10, 11, 13].

Согласно Минеевой Т.И. в Российской империи практически на протяжении всего XIX века не было единой ветеринарной службы. Небольшое число ветеринарных врачей и фельдшеров находились в разных ведомствах. В стране не имелось и единого руководящего ветеринарного органа [11].

Как свидетельствуют результаты исследований большинства авторов до времени организации самостоятельной ветеринарной службы – Ветеринарного управления и Ветеринарного комитета при Министерстве внутренних дел, все ветеринарное дело, включая борьбу с эпизоотиями, в основном находилось в ведении Медицинской коллегии Министерства полиции, а с 1811 г. – Медицинского департамента Министерства внутренних дел. В губерниях страны ветеринарные лекари (врачи) подчинялись губернским управам, образованным еще в 1797 г., в частности, губернскому медицинскому инспектору [2-8, 11-13].

Городская ветеринария объединяла городских ветеринарных работников. В задачи городской ветеринарии входили ветеринарно-санитарное обеспечение и контроль перерабатывающей промышленности, рынков, пунктов заготовки сырья. Совсем вскользь упоминаются сведения во многих источниках о состоянии городской ветеринарии. Однако эти сведения весьма незначительные и требуют дальнейшего изучения.

Наиболее изученным направлением в литературе по истории ветеринарии является ветеринарное образование. Здесь следует отметить работы историка ветеринарной медицины Ятусевича А.И., который помимо проработки тематики ветеринарного образования глубоко раскрыл роль Виленского университета в подготовке ветеринарных специалистов прежде всего для Беларуси, а так же о работе наиболее выдающихся ученых и преподавателей этого университета. Так, исходя из данных книги «История ветеринарной медицины в Беларуси» в Российской империи первая кафедра по ветеринарии была учреждена в 1804 году в Виленском университете. Для проведения занятия ее был приглашен из Германии известный Боянус, который в 1806 г. основал в Вильне ветеринарную школу с одногодичным курсом. Следующим по времени ветеринарным заведением было ветеринарное отделение Петербургской Медико-хирургической академии, просуществовавшее с 1808 г. по 1883 г. В 1811 г. создано ветеринарное отделение при Московской медико-хирургической академии. С 1805 г. в Харьковском университете

существовала кафедра по ветеринарии, которая в дальнейшем послужила базой при создании в 1839 г. практической ветеринарной школы. В 1848 г. была основана ветеринарная школа в Дерпте [14]. В Варшаве с 1816 г. ветеринария преподавалась студентам медицины университета и воспитанникам Агрономического института [1]. И.С. Колесниченко отдельно изучил вопрос развития законодательства, регулирующего ветеринарное образование и присуждение ветеринарных ученых степеней в данный период, результаты которого представлены широко в его статье в журнале «Ветеринария». Так, по новому уставу ветеринарным школам было предоставлено право давать степени магистра ветеринарных наук, ветеринара и ветеринарного помощника [6].

Поскольку во многих губерниях и уездах на территории Беларуси ветеринарные врачи вообще отсутствовали, мероприятия по профилактике и борьбе с эпизоотиями выполняли медицинские врачи [7, 8]. В связи с этим имеются некоторые сведения и о специалистах медицинского профиля, которые лечили животных и препятствовали распространению заразных болезней, в том числе общих для человека и животных. В частности, можно отметить работы историков медицины Беларуси Грицкевича В.П. и Игнатовича Ф.И.

В результате первоначального изучения библиографии по истории ветеринарии Беларуси, наметились основные направления по которым может строиться изучение богатого прошлого ветеринарной науки Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая Медицинская Энциклопедия/ Т. 1-6, - М.: «Советская энциклопедия», 1968-1976.
2. Гильмутдинова О. М. Высшему ветеринарному образованию в Казани – 125 лет // Ветеринария. – 1998. – №5. – С. 58-60.
3. Джупина С. И. История ветеринарии. – М.: РУДН, 2005. – 54 с. (Учеб. пособие).
4. Колесниченко И. С. Военному образованию в России – 300 лет // Ветеринария. – 2001. – №2. – С. 53-54.
5. Колесниченко И. С. Исторические военно-ветеринарные законодательные документы России // Ветеринария. – 2007. – №4. – С. 54-57.
6. Колесниченко И. С. Развитие законодательства, регулирующего ветеринарное образование и присуждение ветеринарных ученых степеней в России в XVIII – XIX вв. // Ветеринария. – 2008. – №5. – С. 55-56.
7. Минеева Т. И. История ветеринарии. – С.-Пб.: Лань, 2005. – 384 с. (учеб. пособие).
8. Никитин И. Н., Калугин В. И. История ветеринарии. – М.: Агропромиздат, 1988. – 191 с.: ил. – (Учебники и учеб. пособия для студентов высш. учеб. заведений).
9. Попов С. И. «Нестроевые офицеры». Гражданские чиновники в войсках военно-сухопутного ведомства 1801 – 1855 гг. // Цейхгауз (11). – 2000. – №2. – С. 16-20.
10. Семенов Б. С. Санкт-Петербург – родина высшего ветеринарного образования в России (к 190-летию высшего ветеринарного образования в России) // Ветеринария. – 1998. – №8. – С. 41-44.

11. Т. И. Минеева, В. А. Чекан. История ветеринарии России: Лекция. М.: МГАВМиБ им. К. И. Скрябина. 1999. 20 с.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890—1907.
13. Яковлева Е. Е. Первые организаторы ветеринарной службы в Казанской губернии // Ветеринария. – 2005. – №10. – С. 61-64.
14. Ятусевич А. И., Безбородкин Н. С. История ветеринарной медицины в Беларуси. – Витебск.: ВГАВМ, 2004. – 200 с. (справочное пособие).

УДК 7

ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.П. Верхось
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В 2011 г. Гродненский государственный аграрный университет отмечает свое 60-летие. Постановлением Совета Министров СССР № 145 от 17 января 1951 г. «Об организации сельскохозяйственного института в г. Гродно Белорусской ССР» Министерству высшего образования СССР разрешалось открыть в городе сельхозинститут. Постановление подписал Председатель Совета Министров Союза ССР И.В. Сталин. Институту передавалось здание Гродненских обкомов КП(б)Б и ЛКСМБ по улице Академической, д. 10. Для организации учебно-опытного хозяйства в распоряжение института переходил совхоз «Станиславово». В 1952-1953 гг. предусматривалось строительство студенческих общежитий на 600 мест и выделение 15 квартир для преподавателей. Первым ректором института был назначен член-корреспондент АН БССР кандидат экономических наук И.М. Качуро. Совместно с 24 преподавателями и сотрудниками он провел большую работу по подготовке к началу учебного года. 25 октября 1951 г. к занятиям на агрономическом и зоотехническом факультетах приступили 175 студентов I курса и 25 студентов II курса. Работало 10 кафедр. Среди преподавателей 7 человек имели ученую степень кандидата наук. В 1955 г. состоялся первый выпуск 22 дипломированных специалистов. Успешно работала годичная школа подготовки руководящих кадров колхозов и совхозов, в дальнейшем преобразованная в факультет повышения квалификации и переподготовки кадров АПК. С годами увеличивалось количество факультетов и кафедр. В 1962 г. был образован факультет защиты растений, в 1997 г. – экономический факультет. Позже появились факультет ветеринарной медицины, бухгалтерского учета, инженерно-

технологический факультет. На заочном факультете учились тысячи специалистов сельского хозяйства, колхозников и рабочих совхозов. В 2000 г. на базе подготовительного отделения был создан факультет довузовской подготовки и профориентационной работы.

11 декабря 1999 г. Гродненский государственный сельскохозяйственный институт посетил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. 30 июня 2000 г. институт был преобразован в Гродненский государственный аграрный университет. За прошедшие 60 лет было подготовлено 28 тысяч высококвалифицированных специалистов: агрономов, зооинженеров, агрономов по защите растений, экономистов, ветврачей, бухгалтеров. На факультете повышения квалификации прошли обучение свыше 60 тысяч специалистов сельского хозяйства.

Значительно изменились условия работы и учебы. В настоящее время занятия проходят в семи учебных корпусах, где имеются компьютерные классы, кабинеты по специальным дисциплинам. Студенты обеспечены необходимыми учебниками и учебными пособиями. Тысячи студентов проживают в семи благоустроенных общежитиях. Желающие могут получить второе высшее образование, закончив Высшую школу управления. К услугам студентов библиотека, столовая, буфеты, студенческий клуб, стадион, музей.

Создание издательско-полиграфического отдела позволило обеспечить преподавателей, сотрудников и студентов необходимой печатной продукцией.

На 1 января 2011 г. в Гродненском государственном аграрном университете работало 336 преподавателей. Среди них 18 докторов наук, 154 кандидата наук. Ученое звание профессор имеют 14, а звание доцент – 108 преподавателей. Все они вносят свой посильный вклад в подготовку специалистов сельского хозяйства и развитие науки.

На сегодняшний день на дневном отделении занимается 2990 студентов, на заочном факультете – 4231 студент. Имеются все условия для продолжения научно-исследовательской работы. При Гродненском государственном аграрном университете созданы и действуют магистратура, аспирантура и докторантура. В магистратуре проходят обучение 20 человек, в аспирантуре – 51, а в докторантуре – 1.

У Гродненского государственного аграрного университета богатая история. Её необходимо было сохранить, обобщить и донести до преподавателей, сотрудников, студентов. Этой цели служит открытый 2 ноября 1987 г. музей истории. Его организатором и заведующим является доктор исторических наук, профессор В.П.

Верхось. Им был собран огромный материал о становлении и развитии института, а впоследствии университета, о его преподавателях и выпускниках. Экспозиция музея освещает многогранную деятельность ВУЗа, его вклад в развитие сельскохозяйственного производства республики. Первые экспонаты стали накапливаться практически сразу после открытия института. Это: фотоальбомы выпускников, подарки иностранных делегаций, книги преподавателей, Почетные грамоты института. В экспозиции музея нашли отражения все значимые события из истории ВУЗа и страны: дружеские связи с зарубежными учебными заведениями, освоение целинных земель Казахстана, стройотрядовское студенческое движение, война в Афганистане и др.

Среди посетителей музея студенты, учащиеся и преподаватели школ, средне-специальных учебных заведений, учёные не только Беларуси, но и стран ближнего и дальнего зарубежья. За годы существования музей посетили Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, представители администрации Президента, сотрудники министерств, областных и районных организаций. С экспозициями музея познакомились делегации Англии, Германии, Литвы, Польши, Сирии, США, Франции, Финляндии, Швеции, Шри-Ланки, Швейцарии, Японии и других стран.

Музей проводит экскурсии для преподавателей и сотрудников университета по историческим местам Беларуси: Новогрудок, Мир, Несвиж, Минск, Брест, Беловежскую пущу. Для студентов организовываются экскурсии на пограничную заставу им. Героя Советского Союза В.М. Усова, в музей воинов-интернационалистов, воевавших в Афганистане, по историческим местам г. Гродно.

Каждые пять лет в музее проводятся встречи бывших целинников. В 2004 г. 17 бывших студентов ГСХИ награждены юбилейной медалью Казахстана «Целине – 50 лет». В музее ежегодно проводятся встречи бывших выпускников, экскурсии для первокурсников. Широко представлена деятельность профсоюзной и других общественно-политических организаций, работа кафедр, научно-исследовательская работа преподавателей и студентов.

Собраны фотографии, буклеты, газеты о пребывании наших студентов на производственной практике в Германии, Польше, Англии, Швейцарии, Швеции и др. странах.

Большое внимание в ВУЗе уделялось и уделяется физическому воспитанию и спорту. Среди наших выпускников чемпионы мира, Европы, СССР, БССР. Некоторые студенты входят в состав сборных команд и защищают честь Беларуси на международных соревнованиях

и Олимпийских играх. Всё это так же нашло отражение в экспозициях музея.

Таким образом, экспозиции музея истории дают представление о создании, многогранной деятельности ВУЗа, его вкладе в развитие сельскохозяйственного производства республики.

УДК 94 (476) «1921/1939»

МЯСТЭЧКА ГАРАДНАЯ – "ЗАПАВЕДНІК ГАНЧАРСТВА" НА ПАЛЕССІ Ў 1921-1939 гг.

Г.С. Вайцешчык

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я.Купалы»

г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

У навуковым артыкуле аўтарам аналізуюцца ўмовы і асаблівасці развіцця ганчарнага промыслу ў мястэчку Палескага ваяводства. У Гараднoй ганчарная вытворчасць не прыпынялася на працягу некалькіх стагоддзяў і стала патомным заняткам для многіх яго жыхароў. Даследванне з'яўляецца вынікам крытычнага аналізу аўтарам прац айчынных і польскіх гісторыкаў, а таксама вывучэння архіўных крыніц, многія з якіх упершыню ўводзяцца ў навуковы зварот.

The scientific article is devoted to the development of pottery handicrafts in a small townships of Polesie Voivodeship. The pottery handicrafts in Gorodnaja was a was a very ancient craft, and often experience handed down from generation to generation. This article was written by native and foreign literature and archival sources, many of whom first appeared in the scientific.

Развіцце рамяства ў мястэчках Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг. можна разглядаць як прамежкавую форму паміж саматужнымі сялянскімі промысламі і мануфактурамі, фабрычнай прамысловасцю, якая развівалася ў гарадах. У Польшчы ў 20-30-я гг. ХХ ст. пад саматужнымі промысламі прынята было разумець рамесніцтва, розныя віды вырабаў, прызначаныя на продаж і на заказ [1, с. 31].

Ганчарства з'яўлялася адным з самых старажытных традыцыйных мастацкіх промыслаў Беларусі. І местачковая народная культура ў развіцці гэтага промыслу мела немала дасягненняў. Польскія ўлады былі зацікаўлены ў плённым развіцці гэтай галіны культуры. Закон аб народных промыслах у ІІ Рэчы Паспалітай быў прыняты Сеймам 31 ліпеня 1924 г., на падставе якога гэта галіна народнай гаспадаркі пачала атрымліваць урадавыя фінансавыя субсідыі [1, с. 79]. З 1918 г. у складзе Міністэрства прамысловасці і гандлю дзейнічаў аддзел народных промыслаў, з дапамогай якога ў 20-я гг. ХХ ст. былі створаны 4 таварыствы дапамогі народным промыслам у Вільні, Навагрудку, Брэсце, Беластоку, якія наладжвалі выставы і кірмашы ў многіх мястэчках Заходняй Беларусі.

Мястэчка Гарадная яшчэ ў канцы XIX ст. стала буйнейшым у Беларусі цэнтрам ганчарства па колькасці вырабляемай прадукцыі і рынкаў яе збыту. Сваю асаблівую спецыялізацыю ў развіцці рамяства гэта мястэчка захавала і ў 20-30 гг., выступаючы адзіным цэнтрам вытворчасці белаглінянай керамікі ў межах Палесся. У 1921 г. у мястэчку Палескага ваяводства налічвалася 2597 жыхароў, 459 будынкаў і 10% насельніцтва займалася ганчарным промыслам [9, с. 302]. Даследчык мастацкай культуры Беларусі Я.М. Сахута адзначыў, што у мястэчку ў 20-х гг. была рэкордная колькасць ганчароў – 500 [4, с. 231]. Развіццю гэтага промыслу ў значнай ступені садзейнічалі багатыя залежы высокаякаснай ганчарнай гліны. Аб значнасці ганчарнага промыслу сведчыў той факт, што дзяўчаты з Гараднай адмаўляліся выходзіць замуж за хлопцаў, якія не ўмелі працаваць на ганчарным крузе [6, с. 14]. Гэта сведчыла аб тым, што ганчарны промысел быў асноўным відам заробку і стаў патомным для многіх гараднянскіх ганчароў.

У мястэчку налічвалася 215 майстэрань, дзе, акрамя саміх ганчароў, працавала 40 членаў іх сямей [1, с. 231]. Аднак па прычыне канкурэнцыі, колькасць ганчароў у 30-я гг. значна зменшылася. Па архіўных звестках за 1935 г. у мястэчку іх налічвалася каля 300 [3, л. 25]. Становішча ганчароў было цяжкім, умовы жыцця і працы амаль першабытнымі. Да канца XIX ст. ганчары Гараднай выкарыстоўвалі ручную лепку, як спосаб вытворчасці ганчарных вырабаў. У 20-я гг. у мястэчку стаў актыўна выкарыстоўвацца нажны ганчарны круг з рухомай воссю, што дазволіла майстрам рабіць разнастайнымі па форме ганчарныя вырабы [2, с. 67]. Мастацкія якасці вырабаў у значнай ступені вызначаліся характарам апалу і спадарожных яму аперацый. Дарэчы, печы для апальвання посуду (гароны) былі амаль у кожнай гараднянскай сям'і [3, л. 2]. З 30-х гг. гараднянскія майстры сталі прымяняць новы спосаб апрацоўкі керамічных вырабаў – глазураванне з дапамогай палівы (эмаліраванне) і аздаблялі свой посуд. Польская даследчыца народных промыслаў у Заходняй Беларусі Я. Арынжына адзначыла: “Формы гараднянскага посуду захоўваюць даўнія традыцыі і аздоблены арнаментам з чырвонай жалезістай гліны (апіскі) па неглазураванай паверхні, якая пасля абпалу становіцца крэмава-белай” [8, с. 19]. Таму Гарадная становіцца адзіным цэнтрам на Палессі па вырабу белаглінянай керамікі, саступаючы толькі некалькім ганчарным цэнтрам Валыні і Сярэдняга Падняпроўя [4, с. 111].

Удасканальванне тэхнікі ганчарных вырабаў наклала свой адбітак на працэс арганізацыі збыту гараднянскіх тавараў. Пакутавалі

гараднянскія ганчары ад перакупшчыкаў, якія значна зніжалі іх заробкі. Амаль увесь гандаль знаходзіўся ў руках мясцовага яўрэйскага насельніцтва, якое складала 15% ад усіх жыхароў Гараднoй. Існавала нават асаблівая форма пасрэдніцтва паміж ганчаром-вытворцам і пакупніком – дапрацоўка непаліваных гараднянскіх вырабаў з мэтай надання ім палівы з наступным продажам па значна больш высокай цане. Гэтым займалася мясцовая картэль перакупшчыкаў, якія мелі ўласныя печы для апалу з палівай і эксплуатавалі гараднянскіх ганчароў. За гаршчок, які каштаваў 20 грошай, ганчар атрымоўваў 3 грошы. За дзень адна сям’я магла вырабіць каля 40 гаршкоў, пры гэтым яе агульны заробак складаў не больш аднаго злотага. Гараднянскія ганчары вымушаны былі яшчэ плаціць за гліну, бо не мелі ўласных зямельных надзелаў, што таксама зніжала іх заробкі [7, с. 55]. У 1935 г. толькі 18 ганчароў самі выраблялі і эмаліравалі свой посуд [3, л. 17]. Часта ганчары мянялі свой непаліваны посуд на эмаліраваны, бо паліва каштавала вельмі дарага: 15 злотых на 300-400 адзінак посуду. Воз паліванага посуду (400 адзінак) каштаваў – 40-50 зл., непаліванага – 12-14 зл. [3, л. 17 зв.]. Адсюль з’явілася яшчэ адна катэгорыя ганчароў, якіе не займаліся вырабам посуду, а толькі яго эмаліроўкай. У 1935 г. такіх ганчароў у Гараднoй было 12 [3, л. 17 зв.].

Высокія тэхналагічныя якасці гараднянскай керамікі ведалі на Палессі, у Цэнтральнай Беларусі, трапляла яна і на Валынь, у Кіеў, Вільню, Варшаву. У Вільні гараднянскую кераміку называлі целяханскай (па аналогіі з шырока вядомым целяханскім фаянсам). Уладальнікі ювелірных фабрык ведалі яе высокую тэрмічную ўласцівасць і ахвотна набывалі для выплаўкі каштоўных металаў [4, с. 110]. Канкурэнцыю гараднянскім састаўлялі толькі ганчары Дубовіцкага раёна [5, с. 97]. Прыхільна да ганчароў ставіўся і падтрымліваў іх палескі ваявода Младзяноўскі. Дзякуючы яму, гараднянцы атрымалі магчымасць гандляваць сваімі вырабамі ў прыгранічнай зоне, якая спакон веку была месцам збыту гараднянскай керамікі. Самы вялікі попыт на прадукцыю ганчароў існаваў вясной і напачатку лета – у сезон малака [1, с. 231].

Асартымент гараднянскага посуду быў разнастайны: гаршкі, глечыкі, гладышкі, міскі, тарэлкі, кубачкі, макотры, формы для выпечкі, цадзілкі, барылкі, чайнікі, букетнікі, румкі, вазоннікі. Гараднянскі ганчарны посуд адрозніваўся ўстойлівасцю, ураўнаважанай, яснай выразнай формай. Найбольш разнастайнымі па форме былі міскі: лаханка, польская міска, паўмісак, варэнька, гарнал, рандэлька і інш. Амаль увесь гараднянскі посуд быў распісны. Роспіс наносіўся курынымі ці гусінымі пер’ямі (“пёрцам”) адразу пасля

фармоўкі на ганчарным крузе ў выглядзе адводак, розных штрыхоў чырвонай глінай (апіскай). Характар арнаменту быў невыяўленчы і вызначаўся спосабам вярчэння пасудзіны вакол вертыкальнай восі. Роўныя палоскі-адводкі называліся паясамі, хвалістыя – малюнкамі, а сакавітыя мазкі паверх адводак – кветкамі. Часам нажом або калёсікам з насечкамі наносіліся "рубежыкі" ці хвалістыя лініі. Аднак, глазураванне (паліванне) посуду значна зніжала тэрмічную яго ўстойлівасць. Часам, каб засцерагчы крохкі эмаліраваны посуд ад пашкоджанняў, ганчары абплятапі яго дротам [5, с. 98].

Працэс вытворчасці ганчарных вырабаў складаўся з некалькіх этапаў: падрыхтоўка гліны, выраб прадукта, сушка і апальване посуду, а таксама яго аздабленне. Прывезеную ў ганчарку (майстэрню па вытворчасці ганчарных вырабаў) гліну гараднянцы збівалі, змочвалі ў вадзе і ўкрывалі на некаторы час для разбухання. Потым рыхтавалі гліну для фармоўкі: пераміналі рукамі, выкідвалі каменне і смецце, збівалі. Працэс вытворчасці аднаго вырабу на ганчарным крузе ў майстра займаў каля трох хвілін. Гэта сведчыла аб сапраўды прафесійным узроўні гараднянскіх ганчароў, які падпітваўся шматвекавым вопытам і ўстойлівымі патомнымі традыцыямі. Гатовыя вырабы падсушвалі, падпраўлялі і раўнялі, а потым ставілі для сушкі на 10-12 дзён. Высушаны посуд распісвалі ці аблівалі палівай і апальвалі ў горонах (ганчарных печах) [5, с. 100-101].

Многія местачковыя ганчарныя цэнтры ў Заходняй Беларусі былі ўзяты пад апеку Варшаўскім таварыствам. Мястэчка Гарадная не было выключэннем. Да канткрэтных спраў дапамогі ганчарам далучыліся Палескае ваяводства і мясцовыя ўлады. У 1929 г. Польскі саюз сельскагаспадарчых гандлёвых кааператываў прыкладаў намаганні, каб залажыць у Гарадной ганчарны кааператыў. Павятовы сеймік пры дапамозе Варшаўскага таварыства падтрымкі народных промыслаў пабудаваў на ўласныя сродкі ўдасканаленую печ для апалу посуду і накіраваў на спецыяльныя курсы ў Вішнева на керамічную станцыю двух найбольш здольных гараднянскіх ганчароў, дзе яны павінны былі навучыцца тэхналогіі паліўной керамікі. Аднак ганчары Гарадной не жадалі працаваць калектыўна [1, с. 232]. Няўдалай была спроба наладзіць у Гарадной выраб кафлі, што магло палепшыць матэрыяльнае становішча гараднянцаў. Мясцовая гліна аказалася непрыдатнай для вырабу кафлі. Майстры выраблялі ў сярэднім ад 100 да 150 штук кафлі, што было нязначным, каб наладзіць працэс вытворчасці [3, л. 2]. У 20-я гг. была наладжана выстаўка народных промыслаў у Брэсце, ў 1929 г. – у Познані, дзе высокую ацэнку атрымаў белагліняны посуд з Гарадной [4, с. 100].

У 1926 г. быў заснаваны палескі музей у Пінску, цэнтральнае месца ў этнаграфічных зборах якога займала калекцыя гараднянскай керамікі. Першыя экспанаты падаравалі музею з нагоды яго адкрыцця самі ганчары-гараднянцы. У асноўным калекцыя фарміравалася ў 1928 – 1929 гг. Вялікую калекцыю керамікі падараваў музею ганчар з Гарадной − Павел Вячорка. У 1930 г. калекцыя палескага музея налічвала некалькі дзесяткаў узораў гараднянскай керамікі. У ей былі прадстаўлены збаны, слоікі, гаршкі, міскі, кубкі, талеркі, формы для булак, хлебніцы, сальнічкі, падстаўкі для яек, кубачкі, масленкі з накрыўкай, якія ўяўлялі сабою традыцыйныя ганчарныя вырабы і спробы прыстасавання гараднянскага посуду да гарадскога спажыўца [1, с. 330].

Ганчарства ў Гарадной прадстаўляла сабою народны промысел, які ў 20-30-я гады XX ст. набыў новае жыццё і значна пашырыўся ў сувязі з агульнай зацікаўленасцю грамадства ў народным мастацтве і ўвагі да яго мясцовых традыцый. На прыкладзе развіцця ганчарнай вытворчасці ў мястэчку Гарадная можна прасачыць, наколькі featured рознабаковай і багатай была традыцыйная мастацкая местачковая культура і наколькі значны яе ўклад у агульнабеларускую скарбніцу мастацтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць: з гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – 375 с.
2. Милюченков, С.А. Белорусское народное гончарство / С.А. Милюченков. – Минск: “Беларусь”, 1984. – 183 с.
3. Государственный архив Брестской области (ГАБО) – Ф.1. - Оп.1. - Д.443. Переписка со Столинским поветовым старостовом Брестской ремесленной палатой об организации ремесел гончарного, кирпичного в Городно и сапожного в Давид-Городке, 1935 г.
4. Сахута, Я.М. Народнае мастацтва Беларусі / Я.М. Сахута. – Мінск: “Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі”, 1997. – 288 с.
5. Угринович, В.В. Гончарный промысел деревни Городная / В.В. Угринович. // Вопросы культуры и искусства Белоруссии – Минск, 1987. – с. 95 – 101.
6. Шаўцова, М. Чым заклапочаны майстры з Гарадной… / М. Шаўцова. // Літаратура і мастацтва – 1982. – 23 ліпеня. – с. 14.
7. Giorgiewski, D. Ganczarstwo poleskie / D. Giorgiewski. // W poleskiej kniej. - Pińsk, 1938. – 29 s.
8. Orynżyna, J. Przemysł ludowy w województwach Wileńskim, Nowogrodskim, Poleskiem i Wołynskiem / J. Orynżyna. – Warszawa, 1927. – 46 s.
9. Skorowidz miejscowosci Rzeczypospolitej Polskiej. Województwo Poleskie: nakladem głownego urzędu statystyczhego. – Tom 8. – Warszawa. – 1924. – 84 s.

УДК 94(476) «1921/1939»:347.237

АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ЦЫВІЛЬНАГА АСАДНІЦТВА НАВАГРУДСКАГА ВАЯВОДСТВА

С.М. Грэсь

УА «Гродзенскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Дадзены артыкул прысвечаны малаасветленай у айчыннай гістарыяграфіі тэме цывільнага асадніцтва. На аснове польскіх крыніц, а таксама архіваў Рэспублікі Беларусь зроблена спроба аналізу паходжання цывільнага асадніцтва на землях Заходняй Беларусі і яго ролі ў палітыцы польскіх улад.

This material is devoted to little studied subject of civil colonization in the national historiography. Based on Polish sources, as well as the archives of the Republic of Belarus made an attempt to analyze the origin of civil colonization on the lands of western Belarus and its role in the politics of the Polish authorities.

Цывільнае асадніцтва на землях Заходняй Беларусі з’ява недастаткова вывучаная па некалькіх прычынах. Па-першае, айчынныя гісторыкі выпускаюць такую праблему са свайго поля зроку з-за недастатковасці крынічнай базы. Па-другое, праблема цывільнага асадніцтва была не агульнай з’явай для ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі, а толькі фактычна для Навагрудскага ваяводства.

На мясцовым узроўні пачала складвацца апазіцыя з ліку цывільных асаднікаў і заможных сялян. Першыя лічылі, што ваенныя каланісты амаль поўнасцю страцілі свой уплыў на беларускія землі і аказаліся адхіленымі ад кіруючага становішча ў гаспадарчым жыцці. З прычыны таго, што шмат асаднікаў здавалі свае землі ў арэнду, казна Польшчы не далічвалася грошай і па крэдытах. Акрамя таго, цывільныя асаднікі былі пастаўлены ў няроўныя ўмовы з ваеннымі. Так, для іх існавалі больш высокія цэны на зямлю, і яны не маглі карыстацца шэрагам ільгот. Першапачатковая стаўка толькі на палітыку ваеннага асадніцтва як адзіна правільную была памылковай. Асаднікі з цэнтральных ваяводстваў Польшчы не маглі па сваім менталітэце і развіццю зліцца з мясцовым насельніцтвам. Гэта пацвярджае і В. Вітас. У сваёй кнізе ён піша : “...асаднікі з цэнтральных ваяводстваў, а таксама ваенныя асаднікі па сваёй манеры паводзін выклікалі у мясцовых жыхароў жаданне да барацьбы...” [8, с. 18]. Таму, па меркаванню польскіх гісторыкаў таго часу, толькі распаўсюджанне цывільнага асадніцтва змагло б вырашыць праблему зліцця “крэсаў усходніх” з ІІ Рэччу Паспалітай.

Аграрная рэформа па насаджэнню польскага асадніцтва не прынесла жаданых вынікаў, таму ўрад прыняў рашэнне аб надзяленні мясцовых жыхароў зямлёй. Такім чынам, у 1926-1935 г. рэфармаванне

беларускай вёскі змянілася даволі істотна. Неабходнасць працягваць рэформы ў дадзеным накірунку была выклікана і тымі абставінамі, што сялянства не задавальнялі ўмовы атрымання зямлі, якія існавалі да гэтага.

Цывільнае асадіцтва ў Навагрудскім ваяводстве ў міжваенны перыяд носіць саматужны характар. Дадзены від асадніцтва распаўсюджваўся на падставе сеймавага рашэння ад 10 ліпеня 1919 г. аб падзеле вялікай сельскагаспадарчай уласнасці на больш дробныя гаспадаркі. На аснове гэтага рашення і далейшых прававых наступстваў, земскія камітэты пачалі ўмешвацца ў справы прыватнай парцэляцыі. Калі гаварыць пра ўсе распараджэнні, якія тычацца саматужнай каланізацыі, то трэба адзначыць, што яго можна падзяліць на тры групы:

1. распараджэнні аб аграрнай рэформе;

2. распараджэнні аб прыватнай і інстытуцыянальнай парцэляцыі;

3. распараджэнні аб парцэляцыі, якая праводзілася праз дзяржаўны сельскагаспадарчы банк [1, стар. 29].

Памеры гаспадарак цывільных асаднікаў залежалі ад станоўчай або адмоўнай гаспадарчай кан'юнктуры, у адрозненні ад вайсковага асадніцтва, якое ў гэты перыяд пачало значна слабець [1, с. 29]. Цывільнае асадніцтва асабліва хутка развівалася ў 1921-1929 гг., вышэйшага уздыму яно дасягнула ў 1923 і 1928 гг., найменшага – у 1921 і 1929 гг. [1, с. 29].

Калі ж гаварыць пра агульную колькасць такога асадніцтва, то неабходна звярнуцца да табліцы 1. У дадзенай табліцы прыведзены дадзеныя па Навагрудскаму ваяводству на 1 студзеня 1933 года.

Табліца 1

Ваяводства, павет	Колькасць асаднікаў	% да колькасці ў ваяводстве
Навагрудскае ваяводства	612	100
Баранавіцкі павет	228	37,3
Лідскі павет	5	0,8
Нясвіжскі павет	18	2,9
Навагрудскі павет	23	3,8
Слонімскі павет	319	52,1
Валожынскі павет	9	1,5
Шчучынскі павет	3	0,5
Сталпецкі павет	7	1,1

Як бачна з табліцы фактычна цывільнае асадніцтва распаўсюджвалася толькі ў двух паветах Баранавіцкім і Слонімскім, у

астатніх жа паветах асадніцкія гаспадаркі існавалі ў невялікай колькасці.

Архіўныя крыніцы па надзяленню асаднікаў зямлёй у Навагрудскім ваяводстве сведчаць, што амаль усе цывільныя асаднікі ваяводства атрымалі свае надзелы праз прыватную парцэляцыю і толькі два – праз дзяржаўную [2, с. 9].

Паводле гэтых жа дадзеных па нацыянальнай прыкмеце сярод цывільных асаднікаў было 87,4 – палякаў; 6,8 – украінцаў; 4,9 – беларусаў; астатнія іншых нацыянальнасцей [2, с. 19].

Што тычыцца пасляваеннай каланізацыі мястэчак і гарадоў Навагрудскага ваяводства, то тут неабходна падкрэсліць, што як і ў вясковым асадніцтве, гэты інстытут асадніцтва ў асноўным развіваўся саматужна, за кошт самастойнага перасялення часткі прадстаўнікоў польскага насельніцтва. Аднак можна адзначыць і факты падтрымкі гэтых асаднікаў з боку дзяржавы. У дадзеным выпадку можна гаварыць пра спецыяльную каланізацыю. Трэба адзначыць, што тут таксама былі праблемы. Растлумачыць гэта можна тым, што гарады і мястэчкі Навагрудскага ваяводства пасля першай сусветнай і савецка – польскай войнаў былі фактычна без насельніцтва, якое было часткова мабілізавана ў арміі розных дзяржаў, а часткова адышло ў вёску ў пошуках лепшага жыцця.

Спецыяльная каланізацыя гарадоў прадугледжвала выдзяленне дзяржавай участкаў у прыгарадах, на якіх пасяляліся польскія чыноўнікі і рамеснікі, звязваючы сябе з новым асяроддзем. Працэсс насаджэння гарадскога асадніцтва распачаўся з 1924 года; вышэйшага ўздыму дасягнуў у 1927 годзе. Да 1932 года ў Навагрудскім ваяводстве было зарэгістравана 502 такія асады, гэта прыкладна 11,1 % ад усіх цывільных асадных гаспадарак, якія ўзніклі на заходнебеларускіх землях з 1920 па 1932 гг. [1, с. 31]

Табліца 2

Ваяводства, павет	Колькасць асаднікаў	Плошча зямлі ў га
Навагрудскае ваяводства	502	581
Баранавіцкі павет	88	125,5
Лідскі павет	5	6,2
Нясвіжскі павет	18	13,5
Навагрудскі павет	37	25,9
Слонімскі павет	129	96,3
Валожынскі павет	186	293,2
Шчучынскі павет	37	15,5
Сталпецкі павет	2	4,9

Як сведчаць дадзеныя з табліцы 2 найбольшая колькасць асадных гаспадарак была створана ў Валожынскім, Слонімскім, Баранавіцкім паветах. Сярэдняя колькасць зямлі, якой валодалі асаднікі гэтай катэгорыі вагалася ў памерах ад 0,4 да 1,5 га зямлі на гаспадарку. Такія невялікія памеры асад былі абумоўлены тым, што іх гаспадары амаль ніякіх адносін да сельскай гаспадаркі не мелі, бо былі або рамеснікамі, або чыноўнікамі мясцовай адміністрацыі.

Пачынаючы з 1933 года цывільнае асадніцтва развівалася па іншаму шляху. У першую чаргу гэта тычыцца палітычнай накіраванасці цывільных асаднікаў. Нягледзячы на меры, якія прадпрымаліся, у цывільнага асадніцтва заставаўся яшчэ шэраг праблем, якія патрабавалі вырашэння. У першую чаргу цывільныя асаднікі імкнуліся змяніць свае функцыі з дарадчых на заканадаўчыя ў мясцовых органах улады. Гэта давала ім шанс зацвердзіць сябе ў ролі прывілеяванага саслоўя польскага грамадства на ўсходніх крэсах.

Такая пазіцыя тлумачылася некалькімі фактамі: па-першае, польскія улады бачылі ў цывільных асадніках больш уплывовую сілу чым ваенныя. Цывільныя асаднікі не адмяжоўваліся ад мясцовага насельніцтва, таму сяляне не бачылі ў іх варожага элемента. Па-другое, цывільныя асаднікі звычайна куплялі зямлю, што ставіла іх на адзін узровень з сялянамі і не выклікала такога супраціўлення з боку астатніх. Па-трэцяе, цывільныя асаднікі часткова паходзілі з мясцовых сялян.

Асноўнай крыніцай паступлення зямлі ў распараджэнне цывільных асаднікаў была прыватная парцэляцыя. Такім чынам, з вышэй акрэсленага вынікае, што адносіны да цывільных асаднікаў з боку польскага ўрада не былі адназначнымі. Так, напачатку правядзення рэформы ён не рабіў стаўкі на цывільных. Аднак з цягам часу, зразумеўшы непераканаўчы характар ваеннага асадніцтва, вымушаны быў звярнуцца да цывільных асаднікаў.

Асабліва гэта стала відавочным пасля прыняцця пастановы ад 23 мая 1933 года, у якой разглядалася пытанне аб асадніках з ліку невайскоўцаў. Менавіта 15 артыкул дадзенага дакумента надаваў прававы статус і агаворваў месца цывільнага асадніцтва ў польскім грамадстве. З гэтага часу і да канца існавання II Рэчы Паспалітай цывільныя асаднікі з’яўляліся асноўнымі суб’ектамі зямельнай рэформы ў дзяржаве. Рост цывільнага асадніцтва ў гэты перыяд быў асабліва бурны, што магло сведчыць аб тым, што польскі ўрад перагледзеў свае пазіцыі. Цывільныя асады пачынаюць надавацца не толькі выхадцам з цэнтральных раёнаў Польшчы, але і мясцоваму насельніцтву, якое лаяльна адносілася да польскіх уладаў.

Цывільнае асадніцтва для польскіх улад было пэўным выхадам са складанага становішча, у якое яно трапіла з-за непрадуманасці і жадання асіміляваць далучаныя заходнебеларускія землі.

ЛІТАРАТУРА

1. Milanowski, W. Polska kolonizacja powojenna na ziemiach wschodnich / W. Milanowski. - Warszawa. I.B.S.N. – 1934. –135 s.
2. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. - Фонд 1. - Воп. 9. - Спр. 836. Колькасны склад "Саюза асаднікаў" на тэрыторыі Палесскага і Навагрудскага ваяводстваў у 1934 г.
3. Сорокин, А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920 – 1939 г.) / А.А. Сорокин. – Минск: Наука и техника, 1968 – 204 с.
4. Srokowski, K. Sprawa narodowościowa na Kresach Wschodnich / K. Srokowski. – Kraków – 1924.
5. Srokowski, St. Uwagi o Kresach Wschodnich / St. Srokowski./ – Warszawa. – 1932.
6. Statystyka rolnicza za 1931/1932 rok. Kwartalnik. – Warszawa. – 1933.
7. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920 – 1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa: Instytut studiów politycznych PAN, Oficyna wydawnicza RYTM, 2003.
8. Witos, W. Wybór pism i mów / W. Witos. – Lwów. Dom Książki Polskiej, 1939 .

УДК 94 (47). 082 (476.6): 329.7

НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ГРОДНЕНЩИНЕ

С.М. Гресь, С.Р. Шагбутдинов

УО «Гродненский государственный медицинский университет»

г. Гродно, Республика Беларусь

В представленной статье рассматриваются основные моменты зарождения народнического движения на Гродненщине. Данная проблематика интересна тем, что в отечественной историографии она отражена недостаточно полно.

In the present article considers the role of populists and political organizations in the formation the populist movement in the territory of Grodno province in the nineteenth century. The article is interesting because in the national historiography not considered these problems.

Теоретические основы народничества разрабатывались А.И. Герценом и Н. Г. Чернышевским в период, «когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата ещё не созрела» [1, с.27]. Народничество выражало классовые интересы крестьянства и других мелких производителей и являлось главным идейно-теоретическим направлением разночинного, буржуазно-демократического движения в России.

В первой половине 70-х годов в Вильно существовало 3 нелегальных кружка. Один из них, кружок Виленского учительского института, имел постоянные связи с демократической молодежью ряда белорусских городов, пересылая туда революционную литературу и

иногда выступая инициатором создания там нелегальных групп. Так, у кружка были тесные контакты с зарождавшимся в середине 70-х годов кружком в Гродно, куда входили ученики Гродненской гимназии К. Бельский и Роутенштейн, наборщик типографии М. Янчевский, А. Слуцкий и др. Своим возникновением этот кружок обязан студенту-медику С. Бельскому, за плечами которого был опыт конспиративной работы в Петербурге, Воронежской и Тамбовской губерниях, на Дону. Вильно постоянно снабжало гродненцев нелегальной литературой. Несмотря на все старания, жандармам не удалось во время следствия обнаружить следы какой-либо практической деятельности гродненского кружка. Группа к моменту своего ареста в 1876 г. переживала период становления и ещё не вышла за рамки обычного образовательного кружка молодежи.

Следует отметить, что с разгромом гродненского кружка Бельского и Янчевского народническая пропаганда в городе и губернии не прекратилась. Об этом свидетельствует найденная в 1877 г. гродненским полицмейстером на Полицейской улице народническая брошюра «Сказка о четырёх братьях и их приключениях» [4, с.1].

В первой половине 70-х годов в Гродненской губернии шло следствие по делу Ивана Плисса, которого полиция заподозрила в пропаганде среди крестьян. Иван Плисс в 1873-1874 гг. был студентом филологического факультета Киевского университета, но до этого успел поучиться в университетах Петербурга, Варшавы и Одессы. Один из его братьев был учителем в селе Альбы Слонимского уезда, а другой – псаломщиком Мизгеровской церкви Волковысского уезда. В момент обыска Иван жил в деревне у брата-псаломщика, к которому приехал под предлогом «поправления здоровья». Обыск у него был произведен по просьбе Киевского жандармского управления в связи с делом Жебуневых, организовавших народнический кружок в Киеве. Члены кружка собирались расселиться группами по России и действовать не на массу крестьян, а вести индивидуальную пропаганду, не затрагивая религиозных чувств крестьян и не говоря «ничего худого» о царе, не навязывая им «своего идеала и убеждения», и обращать в революционеров. Всех обращенных предполагалось познакомить между собой и соединить с тем, чтобы в случае восстания, одновременно поднять много сел. Большинство членов кружка с этой целью стали народными учителями [2, с.26-27]. Таким образом, «жебуневцы» не собирались апеллировать к массе крестьян; они ориентировались на единицы, наиболее подготовленные к восприятию пропаганды. Щадя религиозные чувства крестьян и их веру в царя, как в своего защитника, пропагандисты из кружка братьев

Жебуневых надеялись тем самым обезопасить себя от скорых провалов, потому что всяческие высказывания против царя и бога настораживали крестьян и чаще всего приводили к тому, что они доносили на пропагандистов.

Из показаний членов жебуневского кружка стало известно, что его посещал Иван Плисс, который познакомился с одним из братьев Жебуневых ещё в 1871 г. в Варшаве. Вначале кружковцы опасались нового члена, при его приходе прекращались бурные споры и чтения нелегальной литературы, но скоро привыкли к нему и приняли его в свою среду. Иван вместе со всеми собирался «идти в народ» и для этого обучался сапожному ремеслу [7, с.51], а вскоре (в конце 1874 г.) уехал к своему брату в деревню.

Обыски у братьев Плиссов ничего не дали. Найдено было лишь письмо Корнилия (учителя) к Ивану, показавшееся полиции весьма подозрительным, и, надо сказать, не без основания. Разговоры с местным священником и некоторыми крестьянами – старостой и другими должностными лицами не дали никаких улик. Никто из них не слышал, чтобы Иван или его брат Корнилий собирали крестьян, что-либо им читали. Никто не слышал также, чтобы они ругали царя или поносили религию.

Письмо Корнилия Плисса к Ивану полно недомолвок и намеков, но из него определенно ясно, что и Иван, и Корнилий разделяли народнические взгляды, собирались вести пропаганду в народе, но между ними были разногласия. Корнилий упрекал брата в неумении вести работу в опрометчивых действиях в местности, где его все знают. В частности он писал: «…ты сам говорил, что ни один пророк в своем отечестве не мог проповедовать; сам же ты, напротив, проповедуешь, да ещё так невпопад». Недоволен Корнилий и тем, что объектом разоблачений для Ивана стали церковь и правительство. Последнее обстоятельство привело к тому, что против него «свидетельствовать будут все болтовские крестьяне». По мнению автора письма, такое нарушение правил основ пропаганды ведет лишь к тому, что «в одну неделю перехватают всех таких смельчаков». Поэтому Корнилий считает, что ему с Иваном не по пути, так как с ним «…опасно брать за дело… Опасно не потому, что перехватают (всех смельчаков – С. С.), а потому, что пользы от этого для других никакой, и, наконец, и лишиться жизни так рано без пользы для других… тоже не совсем выгодно» [5, с. 4-5]. Не сумев связать воедино содержание письма с особенностями в методах пропаганды «жебуневцев», местное жандармское управление было не в состоянии предъявить какие-либо обвинения Ивану Плиссу и его брату, хотя и подозревали их в связи с

каким-либо тайным обществом, имеющим преступную «цель». Так и осталась нераскрытой интересная страница в истории практической деятельности киевского кружка Жебуневых среди крестьян Белоруссии.

Ещё одним направлением деятельности народников была пропаганда среди солдат. В Гродненской губернии унтер-офицер Ф. Комаровский в 1878 г. привлекался к дознанию по обвинению в антиправительственной пропаганде среди военнослужащих Брест-Литовской крепости.

Но особенно интересна операция революционеров по распространению чернопередельческой прокламации осенью 1881 г. в Гродно и его окрестностях. На этот раз в центре внимания народников оказались военные лагеря, расположенные недалеко от города. В ночь с 13 на 14 сентября 1881 г. прокламации были разбросаны в расположении 26-й пехотной дивизии, 2-го Донского казачьего полка и близ казарм 26-й артиллерийской бригады. Несколько листовок было найдено на улицах Гродно и на дорогах, ведущих к нему. Всего в течение одного дня было подобрано и представлено в полицию 118 экземпляров прокламации «Земля и воля». Известно, например, что часть прокламаций была привезена крестьянами в свои деревни из Гродно, куда они ездили на базар. Так, два крестьянина Скидельской волости Гродненского уезда, приехав из города, читали воззвание сами, потом передали его своим родным и соседям. Наконец, для неграмотных обращение было зачитано солдатом А. Провкой. Только после этого о листовке узнала полиция [6, с.59 – 61].

Три месяца военное начальство и местные власти тщетно пытались установить имена смельчаков, проникших в расположение лагерей. Расписавшись в собственном бессилии, губернатор решил за лучшее приписать эту акцию приезжим революционерам. В Петербург было донесено, что две группы прибыли в Гродно по железной дороге, разбросали прокламации среди войск в городе и в ту же ночь уехали в неизвестном направлении. Лишь спустя много лет выяснилось, что распространение листовок в Гродно в ту ночь было делом рук не заезжих народников, а членов местного чернопередельческого кружка. На операцию одновременно вышло около 20 человек, и в течение 15 минут воззвание было разбросано в лагерях, в городе и его окрестностях. Кроме того, прокламация была разослана по почте многим офицерам или просто подброшена в их квартиры и палатки [7, с.118].

Мы не имеем никаких сведений о реакции крестьян и солдат на листовку «Черного передела». Да ее призывы к восстанию и не могли

найти сколько-нибудь широкого отклика у крестьянских масс. Слишком велика были вера в царя, как в защитника Отечества, помазанника Божия и в Бога. Нередко случалось и так, что крестьяне доносили на народников. Крестьянское движение в эти годы не достигло по своему размаху даже уровня первых послереформенных лет, не говоря уже о 1859-1861 гг.

«Народная воля» большее внимание уделяла вопросам политической борьбы. В самодержавии народовольцы видели своего главного врага и всеми силами пытались ему противостоять. Однако политическая борьба их развивалась только в силовом направлении и выливалась в устрашающий террор. Большинство бывших членов «Черного передела» после развала этой организации примкнули к рядам народовольцев. Даже убежденный «чернопеределец» Янчевский изменил свои взгляды и направил свою деятельность в народовольческое русло. К концу 1881 – началу 1882 гг. народовольческие кружки были в большинстве городов Беларуси, в том числе и в Гродно. Все они постоянно поддерживали связь с Исполнительным комитетом, который находился в Москве. Его представители находились в Беларуси. Так, например, в Гродно постоянную связь с Руф Аппельбергом (агент ИК) поддерживал гимназист Городище [3, с. 126].

Так как Янчевский до сих пор жил в Гродно, то при создании Виленской типографии «Народной воли» к нему обратились за помощью, чтобы достать шрифты. Для не терпевшего бездеятельного типографа их просьба была как нельзя кстати, и поэтому Янчевский решает окончательно вступить в ряды народовольцев и помочь им с созданием типографии.

Очень скоро полиция арестовывает главных деятелей и организаторов «Народной воли», организация остается без связи с центром, и в конечном итоге, разваливается.

После убийства Александра II народничество вступило в полосу глубокого идейного кризиса. «Народная воля» была разгромлена, многие деятели были арестованы. И в этот нелегкий период создается революционная группа: «Освобождение труда». Возникает она в Женеве в сентябре 1883 г. под руководством бывшего лидера чернопередельцев Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, Л.Г. Дейч, В.И. Засулич и В.Н. Игнатова. Все свои усилия группа направила на борьбу с народнической идеологией. Деятельность группы развертывалась в крайне тяжких условиях, т.к. многие революционеры обвиняли её в раскольнических действиях и пытались восстановить народнические

организации. Тем не менее, уже в сентябре 1883 г. у группы уже была своя типография. [1, с. 31-32].

Во второй половине 80-х годов транспортировкой изданий группы в Россию занимался Р. Соловейчик, уроженец Гродно.

Народничество в основной своей идее ничего не добилось на территории Гродненской губернии, потому что основным полем своей деятельности они избрали крестьян, но вера крестьян в Царя, как Защитника Отечества, была велика, а армия являлась оплотом и символом непоколебимости монархии. Но народники заложили основу будущего революционного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бич, М. О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883 – 1903 гг. / М.О. Бич. – Мн, «Наука и техника» - 1973.
2. Литовский государственный исторический архив в Вильнюсе (далее ЛГИА), ф. 378, ПО, 1877, д. 8, л. 1.
3. ЛГИА, ф. 378, ПО, 1874, д. 187, лл. 4-5 об.
4. ЛГИА, ф. 378, ПО, 1880, д. 9, лл. 59 об. – 61 об.
5. ЛГИА, ф. 419, оп. 2, д. 547, лл. 1-1 об.
6. Передовая статья первого номера «Черного передела». Сб. «Революционное народничество 70-х годов», Издательство «Наука», 1964, т. II.
7. Самбук, С. М., Революционные народники Белоруссии (70-е - начало 80-х годов XIX века). /С.М. Самбук. – Мн., «Наука и техника», 1972.

УДК 61 (091): 94 (476). 083

МЕДИЦИНСКИЕ ОПЫТЫ НАЦИСТОВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.М. Гресь, А.Г. Шерешовец

УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В представленной статье рассматриваются медицинские опыты нацистов в годы Второй мировой войны. Статья интересна тем, что в отечественной историографии не рассматриваются данные проблемы.

In the present article deals with medical experiments the Nazis during the Second World War. The article is interesting because in the national historiography are not considered data were the problem.

О концентрационных лагерях не раз слышал и задумывался каждый из нас. В данной статье мы хотим рассмотреть медицинские эксперименты и их результаты, которые проводились нацистами над узниками лагерей. Медицинские опыты в большинстве своём ставились на еврейском и славянском населении.

Согласно распоряжению шефа управления безопасности СС Гейдриха от 27 сентября 1939 г. евреи начали переселяться в создававшиеся гетто. Приказывалось сделать это в кратчайшие сроки (в течение трёх – четырёх недель). Часть евреев были помещены в концентрационные лагеря. Тысячи людей выселялись из Силезии, Познанского воеводства, Замойского и Живецкого районов. Людей привозили в лагеря в товарных вагонах. Те поезда, которые ехали в лагеря уничтожения по прибытию разгружались, а люди делились на работоспособных и неработоспособных. К работоспособным относили физически крепких мужчин и женщин, которых впоследствии отправляли на тяжёлые работы.

К нетрудоспособным относили стариков, инвалидов, детей и женщин с маленькими детьми, все они почти сразу же уничтожались или использовались для медицинских опытов. Пригодных к работе было, в среднем, 20-30% от общего числа узников. Среди греческих евреев это число составляло 15%. Для медицинских экспериментов возводились бараки в некотором отдалении от других. Доступ туда был строжайше запрещен, что не мешало просачиваться слухам об ужасах, творимых в них. С течением времени у каждого концлагеря появилась своя «специализация».

В концлагере Дахау специализировались на малярии. С января 1942 г. гауптштурмфюрер, доктор Плётнер начал отбирать среди узников лагеря «абсолютно здоровых людей» в возрасте от 25 до 40 лет. Они заражались малярией при помощи москитов или инъекции экстракта слюнной железы самок москитов. После заражения заключенным проводили курс лечения различными препаратами, с целью выявить их эффективность. Каждую неделю жертвами Плётнера становились не менее 20 человек. Заразив людей малярией, эсэсовские врачи спокойно наблюдали за ходом болезни и за соответствующими осложнениями: желтухой, сердечной недостаточностью, воспалением легких. Рост смертельных случаев от малярии объяснялся тем, что ею заражали узников с ослабленным и истощенным организмом [4, с. 15].

В 1941 г. штабной врач нацистской авиации З.Рашер, работавший в Мюнхене, начал, с разрешения Г.Гиммлера, экспериментировать на узниках Дахау. Это “*вызвало превеликую зависть у штатских «исследователей» Ромберга и Руффа*” − оба были директорами соответствующих научных институтов, связанных с воздушным флотом [4, с. 16]. В Дахау на лагерной «улице» поставили «вагон» − высокую камеру на колесах, снабженную специальной аппаратурой. Когда испытуемый «поднимался вверх» или «падал» − в камере соответствующим образом менялось давление, − ему снимали

кардиограмму. А после смерти жертву подвергали анатомическому вскрытию. «Научные» выводы формулировались следующим образом: “*кровь на высоте 21 тысячи метров еще не закипает*” (медицинское заключение от июля 1942 г.) — или же: “*при вскрытии сердце еще билось*” (заключение З. Рашера). После чего доктор Рашер начал рассекать на части еще живых людей, чтобы узнать, сколько времени после наступления клинической смерти работает сердце.

В 1941 г. люфтваффе провел серию экспериментов для изучения гипотермии. В ходе одного из экспериментов человека на три часа помещали в резервуар, наполненный холодной водой со льдом. В другом случае заключенных голыми несколько часов держали на улице при очень низкой температуре. Эксперименты проводились с целью обнаружения различных способов спасти человека, перенесшего гипотермию [8, с. 400]. Эти медицинские опыты проводились на заключённых мужчинах, чтобы моделировать экстремальные зимние условия, которые приходилось переносить германской армии на Восточном фронте.

Над заключенными концлегерей проводились бактериологические опыты. Так, заключённым лагеря Равенсбрюк вводились стафилококки, возбудители газовой гангрены и столбняка, а также одновременно несколько видов бактерий. Целью экспериментов было установление эффективности сульфаниламидных препаратов. Для проведения опытов фашистские медики делали глубокий надрез на верхней части бедра, который инфицировался бактериями. Очень часто в рану вкладывали также щепки и осколки стекла; нагноения начинались сразу, и «контрольные» больные умирали в страшных муках. Мучительная смерть других больных наступала несколько позже.

Концентрационный лагерь Освенцим с самого начала был задуман как лагерь уничтожения: «медицинские» опыты в нем проводились в особо широких масштабах. Главным образом, это были эксперименты по стерилизации людей [7, с. 365]. Они проводились при помощи рентгена, хирургии и различных лекарственных средств. Только в ходе программы по обязательной стерилизации в Освенциме нацистами было стерилизовало около 400 тысяч человек. С этой целью применялись внутривенные инъекции йода или нитрата серебра. При помощи этих инъекций успешно достигалась стерилизация, но они имели массу побочных эффектов, таких как влагалищное кровотечение, сильные боли в животе и рак шейки матки. Было установлено, что определенная доза рентгеновских лучей способна лишить организм человека возможности вырабатывать сперму и

яйцеклетки. Стерилизация происходила при помощи обмана. Заключенных приводили в комнату и просили заполнить анкеты. Это занимало 2-3 минуты. В течение этого времени узники подвергались сильнейшему радиационному облучению. В результате этой чудовищной процедуры заключенные становились полностью бесплодными, даже не догадываясь об этом. Многие заключенные в результате облучения получали серьёзные радиационные ожоги [8, с. 321].

В Освенциме фашистские медики вели работу над созданием генетического оружия, т.е. такой разновидности биологического оружия, которая уничтожая представителей одного этноса оставалась бы безвредной для представителей другого. Следует отметить, что при всей кажущейся фантастичности сама по себе концепция генетического оружия строго научна. Занимался разработкой этого оружия доктор Менгеле, который намного опередили свое время. Если в 1943 г. идеи доктора Менгеле были во многом утопичны, то после Второй Мировой войны подобные разработки велись во всех ведущих странах мира.

Фашистский доктор Менгеле надеялся создать такую разновидность номы, которая развиваясь у людей с темным цветом радужной оболочки глаз, не поражала бы голубоглазых. Как нетрудно догадаться, темноглазыми были славяне и вообще "неарийские народы", а голубоглазыми − в своей основной массе арийцы. Доктор-изверг пытался изучить генетический механизм передачи цвета глаз от родителей детям. Свои эксперименты он проводил над детьми-близнецами. Это делалось для того, чтобы обнаружить схожесть и различия в генетике близнецов. Эксперименты были проведены более чем над 1500 пар близнецов, из которых только около 200 остались живы. Эксперименты включали в себя инъекции различных химических препаратов в глаза близнецов, чтобы проверить, возможно ли изменить цвет глаз. Также проводились попытки «сшить» близнецов, чтобы искусственно создать сиамских близнецов. Менгеле также использовал метод заражения инфекциями одного из близнецов с последующим вскрытием обоих подопытных, с целью исследования и сравнения пораженных органов [4, с. 18].

Таким образом, чудовищные медицинские эксперименты в нацистских концлагерях отнюдь не миф. Об этом следует знать, потому что в них нашли свое концентрированное выражение как гитлеровская идея "расового превосходства", так и потеря нацистской наукой всех нравственно-этических ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яновский, О. А. Всемирная история: учеб. пособие. В 3 ч. Ч. 3. /О.А. Яновский / Мир с 1918 года – начало XXI века – Мн.: Юнипресс, 2008. – 480 с.
2. Мельников, Д. Е. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии / Д. Е. Мельников /. – М.: Политиздат, 1987. – 414 с.
3. Замковой, В.И. Германский фашизм – одна из главных форм тоталитаризма / В.И. Замковой / Ин-т междунар. права и экономики. – М.:ХГЦ "Велес",1994. – 39 с.
4. Холодковский, К.Г. Итальянский фашизм: немного исторического опыта / К.Г. Холодковский / Рус.– амер. Фонд профсоюз. исслед. и обучения. – М.: 1995. – 41 с.
5. Райх, В. Психология масс и фашизм / В. Райх / Пер. с англ. Ю.М.Донца. – СПб.: Унив. кн., 1997. – 379 с.
6. Энциклопедия Третьего рейха. М.: Локид, 1996. – 587 с.
7. Тоталитаризм в Европе XX века:Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Драбкин, Я.С., Дамье, В.В., Шубин, А.В., и др. – М.: Памятники ист. мысли, 1996. – 537 с.
8. Пленков, О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм / О.Ю. Пленков / Рус.христиан. гуманит. ин-т, 1997. – 570 с.

УДК 94(47).084.8

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ВОЙСК ТАКТИКЕ ВЕДЕНИЯ БОЯ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ

А.В. Дмитрук
УО «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В настоящее время в армиях всего мира остро стоит вопрос обучения войск ведению боя в городских условиях. При этом наряду с анализом современных войн и вооруженных конфликтов не теряет актуальность и изучение боевого опыта полученного во время Великой Отечественной войне.

Currently in the armies of the world urgent issue of training troops fighting in urban environments. In this case, along with an analysis of contemporary wars and armed conflicts does not lose relevance and the study of combat experience gained during the Great Patriotic War.

Войны прошлого, когда противоборствующие стороны избегали прямого столкновения в населенных пунктах и стремились «выйти в чистое поле», чтобы помериться силой, уже давно ушли в прошлое.

Во всем мире происходит миграция населения из сельских районов в городские. Вместе с общим ростом численности человечества эта тенденция привела к появлению огромных урбанизированных районов, в которых сосредоточено население, политические органы власти и объекты экономики. В Западной Европе, например, урбанизировано более 50% земель. По данным Центра по изучению населения при Университете Дж.Хопкинса (США), в

ближайшие пять лет численность городского населения мира достигнет 4,9 млрд. человек или 60 % всего человечества.

Современный населенный пункт по своему масштабу, структуре и характеру застройки уже значительно отличается от города даже XX века. Большинство городов в мире приобрели европейские черты. Для которых характерно наличие плотной застройки, с административными, промышленными и жилыми, в большинстве своем многоэтажными зданиями, с развитой системой подземных коммуникаций. Наличие всего этого позволяет даже при незначительном дооборудовании превратить город в сильный укрепленный пункт. Ведение боя в нём будет значительно отличаться от боевых действий в обычных условиях.

Однако, в советской, а затем и в современной Российской армии до самого недавнего времени считалось, что в условиях возможности применения высокоточного и оружия массового поражения бой в городе потерял свое значение. Поэтому в военных училищах и академиях обучению тактике боя в городских условиях уделялось крайне мало внимания. Это привело к огромным неоправданным потерям и, по сути, поражению федеральных сил в ходе первой Чеченской компании (декабрь 1994 – август 1996 гг.).

Боевики, используя наличие в Грозном крупных строений из кирпича, камня, железобетона, широко развитой сети различных подземных сооружений, коллекторов, канализационных стоков, подвалов организовали прочную устойчивую, в противотанковом, противоартиллерийском и противовоздушном отношении оборону. Штурм города начался 31 декабря 1994 г. Бронетехника, федеральных войск осталась без прикрытия и попала под кинжальный огонь чеченских боевиков. Западная группировка российских войск была остановлена, а восточная - отступила. Наиболее трагично развивались события на северном направлении: 131 (Майкопская) бригада и 81 мотострелковый (Самарский) полк, входившие в группировку генерала Пуликовского, беспрепятственно дошли до железнодорожного вокзала и президентского дворца, где были окружены и разгромлены. Потери были ужасающие: только Майкопская бригада за сутки потеряла 85 человек убитыми и 72 пропавшими без вести, из 26 танков уцелело 6, из 120 боевых машин пехоты - 18. В плен попали более 100 российских военнослужащих. Общие потери федеральной группировки в ходе штурма Грозного, закончившегося по различным данным только в конце февраля начале марта 1995 г., составили более 1,5 тыс. погибших и пропавших без вести.

Этих потерь можно и необходимо было избежать, используя бесценный боевой опыт Красной Армии, полученный в Великой Отечественной войне. С переносом боевых действий на территорию Германии, ей пришлось столкнуться с новым, ранее почти не встречавшимся видом обороны противника, а именно упорной обороной крупных городов с разворачиванием боевых действий внутри города. Наиболее показателен в этом отношении боевой опыт, полученный при штурме г. Кенигсберга. В 6-7 км от центра города, по линии окружного шоссе, проходил так называемый внешний пояс Кенигсбергского укрепленного района, состоявший из 12 основных и 3 добавочных фортов, системы пулеметных дотов и дзотов, полевых позиций, сплошных проволочных заграждений, противотанковых рвов и комбинированных минных полей.

Основу обороны внутри города и его пригородов составляли опорные пункты, связанные между собой перекрестным огнем и прикрытые мощными противопехотными и противотанковыми препятствиями. При этом основные опорные пункты были созданы на перекрестках улиц, в наиболее прочных, приспособленных к обороне каменных зданиях. Несколько опорных пунктов, находившихся между собой в огневой связи, составляли узлы обороны, которые, в свою очередь, группировались в оборонительные рубежи.

Учитывая это, командованием Красной Армии, в бою за овладение городом планировалось использовать штурмовые группы. Штурмовую группу поддерживали артиллерийская батарея полковой или дивизионной артиллерии, а на особо важных направлениях дивизион (три батареи).

Штурмовая группа в свою очередь делилась на четыре подгруппы: две атакующие в составе 20-25 автоматчиков, стрелков, пулеметчиков, огнеметчиков и отделения саперов; подгруппы закрепления (8-10 стрелков, взвод станковых пулеметов без отделения, 1-2 орудия, отделения саперов); огневой подгруппы (все остальные орудия, танки и САУ); и резервной подгруппы (10-15 стрелков, 1-2 орудия, отделение станковых пулеметов, отделение саперов).

Особенности применения различных родов войск в бою за город обусловили и многообразие форм боевой подготовки войск. При этом особое внимание обращалось на обучение штурмовых отрядов. В ходе этих занятий личный состав учился метать гранаты; пользоваться шанцевым инструментом; переползать и стремительно перебегать от укрытия к укрытию; преодолевать препятствия; быстро влезать в окна домов; вести рукопашный бой в укрепленных зданиях; применять взрывчатые вещества; блокировать и уничтожать огневые точки;

штурмовать укрепленные кварталы и дома; быстро превращать захваченный дом или квартал в мощный опорный пункт; форсировать на подручных переправочных средствах водные преграды в городе.

При этом основной упор делался на отработку вопросов взаимодействия между группами штурмового отряда.

Тактические занятия штурмовых подразделений проводились на специально оборудованных учебных полях. Эти поля, в зависимости от условий, как правило, имели оборонительный рубеж; проволочные заграждения и минные поля; прочные каменные строения и 2-3 опорных пункта для отработки приемов боя в глубине.

Обучение штурмовых отрядов проводилось на основе специально разработанной инструкции по штурму города и крепости Кенигсберг и по форсированию р. Прегель.

Артиллерийские подразделения в подготовительный период в основном обучались использованию орудий в специфических условиях боя в населенном пункте; самостоятельному решению огневых задач, возникающих в уличном бою; ведению огня прямой наводкой по ближним целям; непрерывному сопровождению пехоты огнем; быстрому сосредоточению массированного огня на необходимых направлениях.

Танковые подразделения и подразделения самоходной артиллерии отрабатывали приемы преодоления всех видов препятствий; способы разрушения уличных баррикад; учились непрерывному сопровождению пехоты огнем.

Саперы тренировались в проделывании проходов в различных препятствиях; в блокировке и уничтожении дотов; в подрыве крупных каменных строений. Огнеметчики учились выжигать живую силу противника из траншей, домов; проводить огнеметание по атакующим танкам противника.

Во всех случаях командиры должны были иметь у себя сильные противотанковые и общие резервы. Каждый батальон для наступления получал обычно одну - две улицы; каждый штурмовой отряд овладевал одной улицей (или кварталом). Особое внимание обращалось организации взаимодействия пехоты и танков с авиацией. Во время штурма города десятки очагов пожара, взрывы, разрывы своих снарядов и снарядов противника сильно затрудняли ориентировку летного состава в воздухе. Чтобы исключить возможность поражения своих войск, в штурмовых отрядах были подготовлены (на специальных сборах) отделения авианаводчиков.

Сегодня Вооружённые силы Республики Беларусь всесторонне изучают боевой опыт, накопленный как в годы Великой Отечественной

войны (1941-1945 гг.), так и в ходе локальных конфликтов. В настоящее время в армиях всего мира остро стоит вопрос обучения войск ведению боя в городских условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, И. Война будущего: взгляд из-за океана. Военные теории и концепции современных США – М., 2004.
2. Битва за Грозный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bratstvo.ucoz.com/index/0-61
3. Войны XXI века: формы и способы ведения боевых действий в городских условиях. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://city.htm
4. Никифоров, Н. Штурмовые бригады Красной Армии. В боях за Советскую Родину. – М.., 2008.
5. Веремеев, Ю. Штурмовые группы. (Бой в крупном городе). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://army.armor.kiev.ua/hist/sturmgrup

УДК 930(438).07

МЕЖДУ РОМАНТИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ: ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ В ИЗОБРАЖЕНИИ Ю. КРАШЕВСКОГО

С.В. Заневский
УО «Гродненский государственный университет им. Я Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В предлагаемой статье автор на примере проблемы разделов Речи Посполитой проанализировал основные изменения в проведении исторического исследования в условиях перехода от романтизма к реализму. Данный материал позволяет по-новому взглянуть на сущность переходной эпохи и её влияние на историческую науку.

In this article the author describes the problem of transition from Romanism to Realism in polish historical science. It based on the analyses of the creation famous polish publisher and literature Julian Kraszewski. Offered material suggests to look in a new fashion at a problem.

Границы эпох зачастую бывают настолько условными, что определить их точно иногда бывает невозможно. Это касается и исторической науки. Кого из авторов относить к новой эпохе, а кого оставлять за её границами? Очень часто в творчестве одного историка проявляются черты, свойственные сразу двум эпохам. Подобная ситуация сложилась и с видным польским литератором Ю. Крашевским. Его исторические труды раннего периода (эпохи романтизма) изучены и проанализированы. Вместе с тем поздняя работа автора («Польша в эпоху трёх разделов») фактически осталась незамеченной. Однако именно в ней очень чётко проявились тенденции, присущие новой эпохе в польской исторической науке.

Период, когда историки в своих исследованиях придерживались в первую очередь поставленных политических целей, апогей которого

приходится на середину 1860-х гг., сменяется плюрализмом мнений, стремлениями польских историков отказаться от навязанных взглядов и добиться, нередко в противоположность своим собственным позициям и идеалам, раскрытия истинного положения вещей в истории. Профессор Павинский в одной из своих рецензий указывал тот новый принцип, которым стали руководствоваться историки в исследовании одного из самых сложных периодов в польской истории – упадка и исчезновения с политической карты Европы Речи Посполитой: «Хотя и печальна и горька история падения, ничто не должно удерживать наших историков, оживлённых духом своего великого призвания, от искания и оглашения истины» [2, с.291]. Во многом этому способствовала отдалённость от описываемой историками эпохи, что также играло большую роль в объективном отображении ими материала.

Н.И. Кареев указывает на ещё одно обстоятельство, выгодно отличающее польскую историографию середины 1880-х гг. от исторической науки 1860-начала 1880-х гг. «Одна из особенностей польских историков, в сравнении с прежними, заключается в том, что они уже менее игнорируют исторические труды, написанные не по-польски, а это не могло не отразиться выгодным образом на новейших польских исторических работах: новые методы, новые данные, с какими современные польские историки, без различия школ, знакомились у чужих писателей, должны были расширить умственный кругозор этих историков и внести в их исследования более научного духа. Прежние историки, описывая последние времена Речи Посполитой, были, прежде всего, патриотами, у которых на первом плане – чувство, настроение, тогда как теперешние, прежде всего, хотят быть настоящими учёными, стремящимися к объективной истине. Об этом говорят и сами историки» [2, с.290-291].

Ю.И. Крашевский является одним из известнейших польских писателей XIX в., который ещё при жизни обрёл популярность не только у себя на родине, но и за рубежом. Он был достаточно плодотворной личностью и оставил после себя более полутысячи томов наследия: труды по литературе, истории, этнографии и т.д. [7, s.394]. Увлёкшись модой времени – занятием истории (по воспоминаниям современников дневники либо мемуары не писал в то время только ленивый [1, с.23, 29-31]) Юзеф пишет большую работу, в которой исследует нравы и обычаи не современного ему общества, а эпохи вековой давности. Дело в том, что столетний «юбилей» вызвал в первой половине 70-х гг. XIX в. в исследовательской среде новый всплеск интереса к событиям падения Речи Посполитой. В результате

на протяжении 1873-1875 гг. в Познани выходит его трёхтомное сочинение «Польша в эпоху трёх разделов: очерки по истории духа и обычаев», которое по своему стало важным шагом в развитии польской историографии второй половины XIX в. Уже в этом труде явно прослеживается тенденция на применение в исследованиях историками новых подходов и методов [5, t.1, s.I-III].

В предисловии к труду автор чётко обозначил цель своей работы – отыскание истины, а не служение злобе дня, как поступали его предшественники. Разбирая накопленный опыт изучения эпохи, автор делит их работы на две категории: «двояким образом писали историю того времени: как апологию погубленной Польши или как страшную и злобную по отношению к нам тех, которые хотели оправдаться в совершённом ими насилии, но полной беспристрастной истины никто не хотел или не мог написать» [5, t.1, s.5-6].

Вместе с тем в работе чувствуется нехватка профессиональных исследовательских навыков. Современникам и потомкам он запомнился, в первую очередь, как крупный романист [7, s.394; 4, s.119]. «Польша в эпоху трёх разделов» выделяется хорошим художественным стилем, яркостью в раскрытии описываемых им исторических персонажей и всей эпохи, однако сама научность в работе представлена на невысоком уровне. Историк ставил перед собой задачу, прежде всего в накоплении максимального и разностороннего материала, раскрывающего внутреннюю жизнь Речи Посполитой в последней трети XVIII в. во всей её полноте (в этом он видел плюрализм мнений) зачастую доверяя всем фактам без исключения и не подвергая их анализу на достоверность. Порой исследователь противоречит сам себе, а иногда его мысли и вовсе не ясны. Во многом противоречивость автора в изложении объясняется его стремлением оторваться от старых, изживших себя политизированных схем и раскрыть действительные причины падения Речи Посполитой. Однако чувствовалось, что новое направление ещё только становилось на тернистый путь своего развития, многие его тезисы ещё не были проработаны должным образом. И поэтому там, где автору приходилось встречаться с определёнными трудностями, он возвращался к старой традиционной исследовательской схеме. Это наиболее отчётливо проявилось в вопросе о польской шляхте.

Следует оговориться: автор ставил перед собой задачу раскрыть внутреннее состояние польского государства в период 1772-1799 гг. Поэтому в труде Крашевского мы не встретим привычных для современных ему исследователей изображения политических кабинетных интриг различных государств, военных столкновений

между войсками коалиции «трёх орлов» (России, Австрии и Пруссии) и польскими отрядами. Дать ясный ответ на вопрос, почему Польша пала – вот главная цель, которую поставил перед собой Крашевский. И в своём стремлении автор пошёл не традиционным путём, а заглянул глубже – в черты народной жизни той эпохи, в первую очередь жизни шляхты и её отношение к происходящим вокруг событиям. В изображении шляхты у Крашевского отсутствует строгая определённость: он рисует её, то яркими положительными красками, то очерняет и оглашает виновницей всех бед, происходивших в то время в государстве. Автору явно симпатизировали черты старой шляхты. С ней он связывал былое величие польского государства, однако именно в сохранении старых патриархальных черт Крашевский видел предвестники надвигающейся гибели Речи Посполитой. Здесь, в изображении образа польской шляхты и произошло столкновение писателя-романтика и строгого учёного-критика, пытавшегося добиться истины. Весьма оригинальна для того времени идея Крашевского о предрёшенности судьбы Речи Посполитой. «Падение Польши было лишь вопросом времени», − утверждал исследователь [5, t.1, s.13]. Автор искренне верил в миссию Польши быть посредницей между Востоком и Западом, а потому столкновение её с Россией он считал неотвратимым. «Природа и характер делали из России и Речи Посполитой противников, они должны были слиться, либо бороться до конца». Безысходность положения аристократия поняла быстро – согласно Крашевскому − сразу после первого раздела, а поэтому она стала заботиться не о благе оставшихся частей государства, а о сохранении своих золотых вольностей [2, с.300, 306; 5, t.1, s.21-22, 69-72]. Для этого она воспользовалась незавершённостью юридического положения российского дворянства, используя связи с одним из влиятельнейших лиц в России, особо приближённым к императрице князем Г.А. Потёмкиным [3, с.18, 20, 33; 5, t.1, s.288].

Из всех стран, участвующих в разделе Речи Посполитой, симпатии автора явно были на стороне России. «Россия должна была стремиться добыть всю Польшу, но со своей задачей она не справилась». Не умея ждать, Россия пригласила и другие страны участвовать в дележе польского государства. Союз с Россией для Речи Посполитой был менее опасен, нежели четвертование [2, с.298, 306]. Однако вместо того, чтобы заключить его, поляки погрязли во внутреусобной борьбе. А когда время было уже упущено, они встали на борьбу за свою независимость. При этом основную долю вины в падении польского государства Крашевский возлагал на крупную аристократию. У Польши была лишь одна сила, способная коренным

образом изменить ситуацию – сословие шляхты. Однако автор задаёт себе вопрос: «Была ли она по-прежнему такой же решительной и надёжной, как во времена короля Собеского, когда народ смело возлагал на неё свои надежды?» Ответ он находит не утешительный. «В ту пору, когда происходил первый раздел, аристократия была уже такой прогнившей и неспособной на обдуманные поступки, что край вряд ли мог на ней удержаться» [5, t.1, s.72, 218]. Не видящие ничего вокруг себя, кроме своих собственных привилегий, представители шляхетства стремились лишь к одному – их сохранению в условиях развала собственного государства. Автор вновь возвращается к России, явно идеализируя польско-русские отношения в самой Речи Посполитой. Это дало ему повод утверждать, будто польская шляхта и русское дворянство имели равные права [5, t.3, s.355]. Именно поэтому, утверждает Крашевский, за помощью в своей цели шляхта обратилась именно к России и в дальнейшем, при окончательном падении Речи Посполитой, вхождение одних (польской шляхты) в состав других (русского дворянства) не должно было вызвать достаточно больших трудностей. Равность положения, согласно автору, способствовала тому, что шляхта и дворянство имели на территории двух государств в своём владении недвижимое имущество и не находили особых трудностей в адаптации к условиям жизни в новой стране. Вместе с тем эти мысли противоречат идее Крашевского, затронутой нами ранее, - о неравенстве положения аристократии в обоих государствах и использовании шляхтой процесса юридического оформления российского дворянства для сохранения хотя бы части своих привилегий. Крашевский также наивно предполагал, что русское дворянство, которое осело в Польше, должно было давать присягу на верность королю, как это делала шляхта отошедшей в результате разделов Речи Посполитой территории в состав русского государства [5, t.3, s.355]. В этом автор видел признак равноправных отношений между двумя государствами, которого, однако, не существовало.

Автор также не проявляет достаточной определённости в своих отношениях к России. Он то обвиняет её за то, что она позволила четвертовать Польшу своим союзникам по коалиции, нежели поглотить её полностью, то резко критикует Екатерину за совершение разделов вместо того, чтобы выступать гарантом защиты её безопасности, как того требовал договор 1768 г. «Пока совпадают интересы России и Польши – она проявляет апатию к внутренним польским делам», но как только ей это становится невыгодно – императрица призывает на помощь Австрию и Пруссию и допускает грабительский раздел Речи Посполитой [5, t.1, s.13].

Во всех этих противоречиях и неопределённостях в очередной раз проявляется борьба двух течений в творчестве Крашевского: данные, полученные в процессе исследования, переплетаются в нём с идеализацией исторического прошлого, свойственной больше писателям и публицистам эпохи романтизма. Нельзя забывать, что Крашевский был известным романистом, у которого на момент первого выхода в свет «Польши в эпоху трёх разделов» уже был богатый более чем 40-летний опыт издания художественных и публицистических произведений. Тогда как этот труд был фактически его первым опытом научного исторического исследования, исключавшим романтическую интерпретацию прошлого. Вместе с тем нужно отдать автору должное за то, что он не побоялся в условиях очередного всплеска исторической, политически ангажированной публицистики, вызванного 100-летним юбилеем падения польской государственности отбросить противоречащие его взглядам данные и, на основе накопленного материала, выдвинуть новые смелые предположения. Таким образом, классики польского реализма вполне заслуженно видели в Крашевском своего предтечу и наставника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билютенко, Е.И. Романтическая шляхетская гавэнда в польской прозе XIX века / Е.И.Билютенко. – Гродно: ГрГУ, 2008

2. Кареев, Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе / Н.И. Кареев. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889

3. Лапатин, В.С. Светлейший князь Потёмкин /В.С.Лопатин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005

4. Grabski, A.F. Zarys historii historiografii polskiej /A.F. Grabski. – Poznan: wydawnictwo Poznanske, 2010

5. Kraszewski, J.I. Polska w czasie trzech rozbiorow 1772-1799. Studia do historyi ducha I obyczaju / J.I. Kraszewski. – Warszawa: naklad Gebethnera I Wolfa, 1902 – Tom 1: 1772-1787.; Tom 2: 1788-1791; Tom 3: 1792-1799

6. Kraszewski, J.I. My I oni: Obrazek narysowany z natury / J.I. Kraszewski. – Krakow: wyd-wo “Nowej Reformy”, 1902

7. Krajewska, M. Józef Ignacy Kraszewski na Wołyniu /M.Krajewska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 11. – 2007. – С.394-398

УДК 94 (497.6)

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х гг. XX в. В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

И.О. Змитрович

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются некоторые основные национальные, конфессиональные и социально-экономические предпосылки этнополитического кризиса первой половины 90-х годов XX в. в Боснии и Герцеговине, гражданской войны 1992-1995 гг. в республике.

The article considers the main national, confessional and social preconditions of the ethno – political crisis in Bosnia in 1990's, of the Bosnian civil war in 1992-1995.

Этнополитическому кризису в Боснии и Герцеговине, ядром которого явилась гражданская война 1992-1995 гг., предшествовал комплекс явлений и процессов, прямо или косвенно повлиявших на последующее развитие событий.

Этническая структура республики была представлена тремя крупнейшими национальностями: мусульманами (босняками), сербами и хорватами. Согласно переписи 1991 г. мусульман в Боснии и Герцеговине было 1 905 829 чел. (43,7%), сербов – 1 369 258 (31,4%), хорватов – 755 892 (17,3%). Около 240 тыс. чел. (5,5%) называли себя югославами [1, с. 221].

Существуют различные мнения об этническом составе общин – территориальных единиц БиГ. Так, М.Мартынова пишет, что в начале 1991 г. мусульмане имели абсолютное большинство в 48,6% общин, сербы – в 33%, хорваты – в 17,4% [2, с. 199]. Н.Васильева и В.Гаврилов отмечают, что из 106 общин Боснии только 10 являлись относительно мононациональными, лишь в 8 общинах преобладали 80-89% представителей одной национальности. В целом мусульмане в той или иной мере преобладали в 49 общинах, в 37 – сербы, в 20 – хорваты [3, с. 364]. Е.Ю.Гуськова приводит данные, что мусульмане составляли более 50% населения в 35 общинах, сербы – в 32, при этом последние составляли абсолютное большинство на 53% территории республики. Трудности и противоречия в подсчетах во многом объяснялись и тем, что распад Югославии, начавшийся в 1991 г., обусловил значительную миграцию населения. К 1992 г. в Боснии и Герцеговине находилось, например, около 100 тыс. сербов, выехавших из Хорватии и Словении [1, с. 221].

В г. Мостаре в 1991 г. проживало мусульман – 35%, хорватов – 34% и сербов – 19% от населения города. На территории Босанского Посавинья в 1991 г. жили 375 903 чел., из них 134 452 хорвата, 107 490 мусульман, 104 804 серба и 29 157 представителей других национальностей [4, с. 299]. Поэтому произвести раздел по этническому признаку, соблюдая справедливость, было невозможно, так как доминирующего большинства просто не было.

Как правило, представители различных народов старались селиться компактно, занимая отдельную часть города. Так, в Мостаре хорваты проживали, главным образом, в северо-западной части города, тогда как мусульмане и сербы занимали восточную часть. Подобная тенденция была характерна для многих крупных городов, в частности и для Сараево. Но процессы компактности в расселении народов Югославии ни в коем случае не стоит абсолютизировать. В 1991 г. 27% браков в Боснии и Герцеговине были смешанными. А из 111 общин БиГ (включая районы и пригороды Сараева) в 49 не было даже 60% численного преимущества ни у одной этнической общности [5, с. 72]. Учитывая это, а также фактор длительного проживания в едином социалистическом государстве, следует отметить, что идеи этноконфессиональной нетерпимости здесь широко не распространялись и в целом были редкостью до конца 80-х годов XX в. включительно.

Характеризуя этническую историю БиГ, следует обратить внимание на ряд важных аспектов. Предки жителей республики (мусульман, сербов, хорватов) в большинстве своем жили здесь с древнейших времен, их этнические и конфессиональные особенности формировались под воздействием конкретно-исторической ситуации в период средневековья. Самой «молодой» этнической группой в Боснии и Герцеговине стали мусульмане, появившиеся здесь в период османского владычества XУ-X1X вв. как результат обращения части местного славянского населения в ислам. Однако окончательное оформление мусульман как этнической группы относится ко второй половине XX в., когда БиГ входила в состав социалистической Югославии – в 1971 г., они официально были признаны самостоятельным этносом [3,с. 292]. Именно в этот период мусульмане, обогнав сербов, вышли на первое место по численности среди народов БиГ.

Говоря об этнической идентификации жителей Боснии и Герцеговины, следует отметить, что сербы и хорваты ощущали историческое и культурное единство с Сербией и Хорватией. Сложнее дело обстояло с мусульманами (в БиГ этот термин использовался как

национальное, а не конфессиональное определение; более верным названием этой общности был постепенно внедряемый термин «босняки»). Некоторые полагают, что корни мусульман следует искать среди средневековых боснийских еретиков – богумилов [6, с. 44]. Теории о том, что боснийские мусульмане есть не кто иные, как хорваты, принявшие ислам, или сербы, которые «потурчились» в период османского господства, стали неотъемлемой частью идеологии сербских и хорватских националистических (и не только) политических сил. Точку зрения хорватских национал-радикалов ярко отражали слова первого президента Хорватии Ф. Туджмана: «Объективное исследование численного состава Боснии и Герцеговины не может пройти мимо того факта, что большинство мусульман по своему характеру и речи бесспорно хорватского происхождения» [7,с.442]. В то же время необходимо признать, что за столетия существования в условиях исламской культуры мусульмане Боснии и Герцеговины приобрели устойчивые черты особой этнической общности.

Существовали определенные проблемы и в истории межнациональных отношений. Так, сербские радикалы и обыватели нередко ассоциировали длительное турецкое угнетение с современными мусульманами Боснии, а хорватов обвиняли в фашизме. Мусульмане и хорваты, в свою очередь, подозревали сербов в шовинизме и желании создать «Великую Сербию» за счет других народов.

Между положением ведущих этносов в Боснии и Герцеговине существовали определенные социальные различия. Мусульмане традиционно, со времен турецкого владычества, селились в городах, занимаясь торговлей, интеллектуальным трудом и т.д. Хорваты и особенно сербы – главным образом, сельские жители. Это стало, в свою очередь, питательной почвой для определенных противоречий, в том числе предубеждений крестьян против горожан и наоборот. Западный исследователь А. Найер даже считал возможным обозначить такое положение как «классовый антагонизм» − противостояние более бедных и менее образованных крестьян-сербов зажиточным и, как правило, более образованным мусульманам из городов. Автор попытался даже объяснить классовой ненавистью продолжительные атаки сербов и хорватов на «мусульманские» города (Сараево, Мостар. Сребреница, Тузла) и «этнические чистки» среди мусульманской интеллектуальной элиты (учителей, инженеров, ученых, чиновников и т.д.) [8, с.171-172]. Это мнение, не являясь безосновательным, однако

не объясняет всей сложности этнополитических и военно-политических процессов в Боснии и Герцеговине.

Существовала и проблема распределения земельной собственности в республике перед началом боевых действий, к чему часто апеллировали воюющие стороны позже. Так, лидер боснийских сербов Р. Караджич в интервью заявил, что сербы имели до войны в собственности 64% земли. Примерно такую же цифру называли и западные политики С. Вэнс и Д. Оуэн (60%). И это представляется реалистичным, т.к. основная часть земель находилась в руках крестьян, а горожане просто не могли ее много иметь.

В то же время следует учитывать, что ни одна этническая группа не могла владеть и распоряжаться рекреационными и инфраструктурными ресурсами БиГ (дорогами, горами, реками, общественными землями и т.д.). Так или иначе, но этот вопрос, имевший в годы гражданской войны 1992-1995 гг. практическое значение, активно обсуждался в периодической печати начала 90-х годов.

Территория республики была чрезвычайно богата сырьевыми ресурсами – здесь располагались 85% общеюгославских запасов железных руд, более 40% бурого угля, 40% бокситов, около 60% асбеста, значительная часть свинцово-цинковых руд и др. [3, с. 363].Сельское хозяйство республики находилось в прямой зависимости от сохранения единой экономической системы. Так, наиболее плодородные долины находились в центральных районах, позднее взятых под контроль мусульманами, а крупнейшие картофельные плантации размещались на границе с Хорватией, во время войны занятые сербами. БиГ не относилась к промышленно развитым регионам Югославии, однако именно здесь располагалось 65% военной промышленности СФРЮ, в том числе заводы по ремонту реактивных установок, танков, артиллерийских орудий, самолетов и военного снаряжения.

Вышеуказанные противоречия в сочетании с экономическими трудностями на рубеже 80-90-х годов XX в., новой государственно-политической ситуацией в Югославии и Боснии, принципиально различным пониманием тремя этноконфессиональными общинами БиГ оптимального государственно-политического статуса республики, стратегии развития и привели к политическому кризису, который вскоре трансформировался в гражданскую войну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуськова, Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000) / Е.Ю.Гуськова. – М.: Русское право / Русский национальный фонд, 2001.

2. Мартынова, М.Ю. Балканский кризис: народы и политика / М.Ю.Мартынова. – М.: Старый сад, 1998.
3. Васильева, Н. Балканский тупик? (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н.Васильева. В.Гаврилов. – М.: Гея итэрум, 2000.
4. Международные организации и кризис на Балканах: документы: в 3 т. / сост. и отв.ред. Е.Ю.Гуськова. – М.: Индрик, 2000. – Т.2.
5. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. / редкол.: А.Д.Некипелов (гл.ред) [и др.]. – М.: Наука, 2000-2002. – Т.3 : Трансформации 90-х годов. – Ч. 2 / С.П. Глинкина [и др.]. – 2002.
6. Задохин, А.Г. Пороховой погреб Европы: балканские войны XX века / А.Г. Задохин, А.Ю. Низовский. – М.: Вече, 2000.
7. Уэст, Р. Иосип Броз Тито – власть силы / Р. Уэст. – Смоленск: Русич, 1997.
8. Найерн, А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / А. Найер. – М.: Юристъ, 2000.

УДК 001.83(100):94(420:47.084.8)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ БАЗА СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ И КОНТАКТОВ В 70-80-е гг. XX века

Л.Г. Королёнок
УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются советско-британские научные связи и контакты в 70-80-е годы XX века. Рассматривается организационно-правовая база отношений, содержание и формы сотрудничества между двумя странами.

In the article analyzes Soviet-Britain scientific contacts in 70-s-80-s years of the XX century. The article represents legal basis of relations, different forms and subjects of scientific contacts between Soviet Union and Great Britain.

Советско-британские связи и контакты в 70–80-е гг. XX века составляли один из элементов системы международных отношений в Европе и международной жизни в целом. Отношения между двумя странами были сложными, что определялось политической конъюнктурой того времени.

В эти годы развивались и научно-технические связи, которые осуществлялись, прежде всего, в форме ознакомительных поездок по взаимному изучению различных проблем, двусторонних семинаров, конференций, стажировок ученых и специалистов. Научно-технические контакты с Великобританией поддерживали Академия наук СССР и ее научно-исследовательские институты, вузы, промышленные предприятия и организации.

Организационно-правовую базу данного научного сотрудничества в указанные годы составляли двусторонние договора

между СССР и Великобританией. Так, 4 января 1971 г. было принято решение о создании Постоянной межправительственной советско-английской комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству (Постоянная комиссия), которая контролировала выполнение сторонами действующих соглашений в указанных областях, разрабатывала программы сотрудничества, практические рекомендации. На сессиях комиссии, которые проводились ежегодно попеременно в Москве и Лондоне (за исключением 1979-1980 гг., когда контакты между двумя странами были «заморожены» по политическим мотивам), рассматривались состояние и перспективы советско-британских торгово-экономических, промышленных и научно-технических связей, вопросы, связанные с созданием благоприятных условий для их дальнейшего развития. До 1990 г. было проведено 16 сессий комиссии. В межсессионный период работу по практическому выполнению программ вели советская и британская части комиссии через свои секретариаты. В рамках комиссии действовало 11 смешанных рабочих групп по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [1, с. 34].

На регулярной основе подписывались Соглашения между СССР и Великобританией о сотрудничестве в области науки, образования и культуры, предусматривающие развитие обменов между странами в указанных областях. Ученые Великобритании и СССР участвовали в различных международных семинарах, конференциях и симпозиумах, выставках, проходивших в обеих странах. Так, на выставке систем обработки данных «Системотехника» в Ленинграде, проходившей с 5 по 17 октября 1971 г. был выставлен стенд британской фирмы «Ай-Си-Эл» [2, л. 6.].

На 11 сессии Постоянной комиссии в апреле 1973 г. была утверждена тематика долгосрочного сотрудничества между АН СССР и научными учреждениями Великобритании, охватывающая 14 тем. В их числе – использование синхрофазотронного излучения для исследования проблем физики твердого тела и биологии, изучение механических свойств металлов и сплавов, коррозии металлов и др. [3, с. 108–112].

В начале 70-х гг. активизировались научно-технические контакты с Великобританией в области сельского хозяйства. 6 мая 1974 г. в Лондоне впервые за всю историю двусторонних отношений было подписано Соглашение о развитии экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества между СССР и Великобританией сроком на 10 лет, которое предусматривало исследование, разработку и осуществление совместных мероприятий в

таких областях, как электронно-вычислительная техника, приборостроение, текстильная и химическая промышленность и т.д., а также обмен патентами, лицензиями, производственно-техническим опытом и другой научно-технической информацией [4, p. 94].

В октябре 1974 г. в Москве состоялись переговоры представителей министерств сельского хозяйства двух стран, в результате которых была принята новая программа научного сотрудничества, включающая не только обмен научно-технической информацией, но и организацию двусторонних симпозиумов, обмен учеными и специалистами [5, л. 8].

Ряд договоров был принят в период с 1975 по 1985 гг.: долгосрочная программа экономического, промышленного, научного и технического сотрудничества на десятилетний период (февраль 1975 г.); соглашение о развитии экономического, научно-технического и промышленного сотрудничества (1984 г.); продлена на 5 лет долгосрочная Программа сотрудничества между СССР и Британией от 17.02.1975 г. (февраль 1985 г.)

К концу 1978 г. СССР имел 17 соглашений о научном сотрудничестве с ведущими фирмами Великобритании в следующих отраслях: атомное энергомашиностроение, химическая, авиационная и легкая промышленность, радиоэлектроника [6, с. 55–56]. Практические результаты были достигнуты в области энергетики, приборо- и станкостроения [7, л. 41-42]. В 1979 г. СССР и Великобритания совместно разрабатывали 42 темы, в том числе по проблемам: угольной промышленности, транспорта будущего, медицины, защиты металлов от коррозии, контейнерных перевозок, строительства и новых строительных материалов, станкостроения [1, с. 205-212].

В связи с новыми идеологическими принципами перестройки, а также вследствие встреч и договоренностей на высшем уровне, в конце 80-х гг. произошла активизация научно-технических связей двух стран. В эти годы расширялась юридическая основа научно-технического сотрудничества, например, в рамках таких межведомственных соглашений как меморандумы между ГКНТ СССР и Министерством энергетики Великобритании о научно-техническом сотрудничестве в области топливно-энергетического комплекса (1986), между ГКНТ СССР и Департаментом железнодорожных дорог Великобритании о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта (1987). [1, с. 49]. Оживились обмены и расширились контакты в области медицины вследствие подписания соглашения между двумя министерствами здравоохранения. 14 ноября 1987 г. был подписан протокол переговоров между делегацией АН СССР и Королевским обществом о

развитии научного сотрудничества между Британией и СССР. В документе было отмечено определенное развитие связей между СССР и Великобританией в научно-технической области после подписания в июне 1986 г. соглашения о научном сотрудничестве и обмене учеными, однако обращалось внимание на их недостаточный уровень. Было решено наладить различные встречи между представителями АН СССР и Королевским обществом, которые проводились поочередно в СССР и Великобритании раз в два года, предусмотрено расширение программы обмена учеными, принято решение расширить существующие совместные научные проекты, организовать новую программу совместных двусторонних симпозиумов по важнейшим научным вопросам [8, с. 4].

В 1987 г. Королевским обществом было зарегистрировано 26 совместных научно-исследовательских проекта в действии [9, р. 178]. Продолжалась работа в рамках соглашений о научно-техническом сотрудничестве ГКНТ СССР с фирмами Великобритании. В 1988 г. Королевским институтом международных отношений и ИМЭМО было выпущено совместное исследование «Международная экономическая безопасность» [10, с. 5]. Активизировались работы в рамках соглашений по медицине и здравоохранению, в области атомной энергетики, приостановленные правительством Великобритании в 1982 г. Так, например, была принята Программа научно-технического сотрудничества между Государственным комитетом СССР по атомной энергетике и Управлением атомной энергетики Великобритании на 1989–1990 гг. [1, с. 50].

Таким образом, в 70–80-е годы XX века были заключены долговременные соглашения и программы, которые носили комплексный характер и заложили новую юридическую и организационную базу советско-британских научных отношений. Научные связи и контакты оказывались в меньшей степени в зависимости от меняющейся международной ситуации и характера политических контактов обоих государств, чем торгово-экономические отношения, и оставались наиболее стабильными и динамичными. Осложнения на политическом уровне в меньшей степени отражались на их количественном и качественном уровнях. Расширению связей в научной области способствовала, в том числе и политика перестройки, смягчившая идеологические противоречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великобритания / И.П. Фаминский [и др.]; отв. ред. И.П. Фаминский. – М.: Международные отношения, 1990. – 160 с. (1).
2. Российский государственный архив экономики. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 3590.

3. Корнеев, С. Международные связи советских ученых / С.Корнеев // Международная жизнь. – 1874. – № 5. – С. 108–112.
4. Jolly old pals // The Economist. – 1974. – May 11. – P. 94.
5. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 69. – Оп. 67. – Папка 266. – Д. 9. – Л. 8.
6. Чеклин, В.К итогам VII сессии советско-английской объединенной комиссии / В.К. Чеклин // Внешняя торговля. – 1978. – № 9. – С. 55–56.
7. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 69. – Оп. 68. – Папка 269. – Д. 9. – Л. 41–42.
8. Подписан протокол // Правда. – 1987. – 15 ноября. – С. 4.
9. Morison, J. Anglo-Soviet cultural contacts since 1975 / J. Morison // Soviet – British relations since the 1970s / ed. by A. Pravda and P. Duncan. – Cambridge, 1990. – Chapter 8. – P. 178.
10. Лютый, А.В Чатэм-хаус / А.В. Лютый // Правда. – 1988. – 17 апр. – С. 5.

УДК 141.45(476)

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В БССР В 1950-60-Е ГГ.

В.Л. Король
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье анализируются основные формы, направления и методы атеистической пропаганды в БССР, раскрывается их место в системе антирелигиозных мероприятий периода 1950-1960-х гг. Описывается отношение к религии и религиозным организациям со стороны коммунистической идеологии, КПСС-КПБ и государства, а также характеризуются основные центры подготовки пропагандистских кадров, раскрывается система организации атеистической агитации и пропаганды на территории БССР.

In the article discloses the basic forms, directions and methods of atheistic propaganda. The structure, as well as their place in the system of anti-religious measures of period are described. Moreover, the system of organization of atheistic agitation and propaganda is reported in the article.

Годы «хрущёвской оттепели» были во многом неоднозначны и противоречивы. С одной стороны, они принесли стране процессы демократизации общественно-политической и культурной жизни, с другой стороны, годы «оттепели» были отмечены реанимацией революционной атмосферы и радикальных социально-политических акций 20-х гг. XX в. Одной из таких акций стала антирелигиозная кампания, затронувшая не только религиозные организации и миллионы верующих, но и поставившая вопрос о самом существовании религии в советском обществе. Однако главное отличие гонений на религию периода «оттепели» от событий 1920-1930-х гг. заключалось в том, что прошли они практически без

кровопролития и арестов. На пороге были другие времена и требовались новые методы борьбы с религией.

Помнению советского руководства религия была пережитком предыдущих эпох и по мере строительства коммунизма должна была отмереть сама собой. Однако ускорить этот процесс должна была стройная система мер (административных, экономических, идеологических), направленная против религиозных организаций и религиозного мировоззрения, в рамках которой антирелигиозной пропаганде придавалось огромное значение.

К началу 1960-х гг. в республике была создана чёткая структура атеистической пропаганды и воспитания населения. Главным органом, направлявшим и координировавшим всю атеистическую работу в Белорусской ССР был отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ. При горкомах, райкомах, обкомах КПБ были образованы атеистические советы или секции, а в культпросветучреждениях были созданы атеистические кабинеты или уголки.

Важная роль в атеистической пропаганде отводилась Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. Всесоюзное общество «Знание») и её республиканским отделениям. Обществом «Знание» регулярно проводились всесоюзные, республиканские, зональные научно-практические конференции и семинары по научному атеизму, готовились кадры лекторов и пропагандистов, организовывались лекции и другие антирелигиозные мероприятия.

Большое внимание со стороны партийных и государственных органов уделялось подготовке пропагандистских кадров: лекторов, агитаторов, преподавателей и т.д. Отделения атеизма университетов марксизма-ленинизма при обкомах партии регулярно готовили специалистов-агитаторов. Только в 1963-1964 учебном году в системе подготовки агитаторов-атеистов занималось более 14 тыс. человек [1, с. 40-41]. В республике была огромная армия пропагандистов и агитаторов «неустанно несущих в массы пламенное слово партии». На начало 1965 г. в БССР в антирелигиозной работе было занято около 5,5 тыс. лекторов, 1379 пропагандистов, более 23 тыс. агитаторов [2, с. 227].

Однако внушительные количественные показатели не всегда свидетельствовали об эффективности атеистической пропаганды. Многие мероприятия, направленные на ликвидацию «религиозных пережитков в сознании людей», нередко не только не приносили результатов, но и приводили к прямо противоположным результатам. Ксёндз Францкевич из Глубокского района так объяснял данный

феномен на примере верующих-католиков: «Атеистическая пропаганда слабо влияет на сокращение посещаемости костёла верующими, т.к. она мало доходит до ума и понимания верующих. Известно, что во многих случаях, когда идёт радиопередача атеистического содержания, верующие выключают радиоприёмники, чтобы не слушать, как они говорят «дьявольские речи». Пропагандисты, кажется, никогда не читали Библии, Старого и Нового завета, искажают факты и цитаты, показывают свою неподготовленность в этой области [3, с. 486]».

Несмотря на заявления пропаганды о том, что пропагандист атеизма должен обладать разносторонними знаниями, большим жизненным опытом, умением найти наиболее верные пути к сердцам верующих, уровень подготовки многих пропагандистов, лекторов, агитаторов был невысоким, большинство из них относилось формально к данной работе, о чём свидетельствуют многочисленные архивные материалы. Согласно отчётам отдела пропаганды ЦК КПБ за январь-декабрь 1957 г. «многие представители интеллигенции лишь формально числятся в списках агитаторов, а на деле никакой политической работы с населением не проводят..; некоторые из них плохо разбираются в вопросах международной и внутренней политики Советского государства и политики коммунистической партии, поддаются воздействию буржуазной идеологии и нередко сами распространяют клеветнические измышления о советском строе..; нередки случаи, когда представители интеллигенции недостойно ведут себя в быту, недобросовестно относятся к исполнению своих обязанностей» [4, л. 193-199].

Советская власть использовала разнообразные средства для дискредитации религии и служителей культа в глазах общества. Религия объявлялась основой невежества, одним из пороков прошлого наряду с пьянством, хулиганством или тунеядством. Служители культа изображались пропагандой хитрыми, жадными проходимцами, а верующие – тёмными, необразованными людьми, находящимися под влиянием предрассудков. В то же время для советской пропаганды важно было показать обществу, что религия отмирает и от неё отходит не только большинство населения, но и сами служители культа. Поэтому власти активно привлекали к выступлениям на атеистических мероприятиях порвавших с религией верующих и служителей культа.

Основной и самой массовой формой научно-атеистической пропаганды были лекции на антирелигиозные и естественнонаучные темы. В качестве лекторов чаще всего выступали учителя, преподаватели ВУЗов, врачи, государственные служащие и т.д.

Существовали и другие формы атеистической пропаганды. Среди них вечера физических и химических опытов «Чудеса без чудес». Эти мероприятия состояли из двух частей: в первой части лектор читал антирелигиозную лекцию, во второй части демонстрировались разнообразные физические и химические опыты, которые должны были, по замыслу организаторов, показать несостоятельность религиозных взглядов. С помощью химии и физики пропагандисты пытались объяснить и разоблачить такие явления, как «обновление икон», «самовоспламенение свечей», «превращение воды в вино и обратно» и т.д. [5, с. 29]. Кроме того использовались такие формы научно-атеистической пропаганды, как вечера вопросов и ответов, читательские конференции, литературные суды над религиозными персонажами и др. [5, с. 29]

Развитие науки и техники, внедрение новых технологий открывало новые возможности и перспективы для антирелигиозной пропаганды. Всё активнее использовались достижения кинематографа, телевидения и радио. На киностудии «Беларусьфильм» были сняты документальные фильмы: «Повесть о сектантах-пятидесятниках», «От тьмы к свету», «Правда о святых местах» и др. Кроме отечественного антирелигиозного кино демонстрировались кинофильмы других союзных киностудий. Дома культуры и клубы периодически организовывали кинолектории, где показывались антирелигиозные и естественнонаучные фильмы. На белорусском радио был организован ежемесячный атеистический журнал «Для верующих и неверующих», кроме того функционировали радиолектории в масштабах района, населённого пункта и даже предприятия или школы.

Активизировалась издательская деятельность по выпуску атеистической литературы. С сентября 1959 г. в Москве начал выходить массовый ежемесячный антирелигиозный журнал «Наука и религия», ставший главным периодическим антирелигиозным изданием всесоюзного масштаба. Статьи на атеистические темы печатались в республиканском журнале «Камуніст Беларусі», в республиканских, областных и районных газетах. Для каждой газеты устанавливалась «норма» – одна атеистическая статья в месяц.

Отдел пропаганды и агитации ЦК КПБ подготовил специальные выпуски на антирелигиозные темы журнала «Блокнот агитатора», был налажен выпуск антирелигиозной литературы в серии «Библиотечка атеиста». Всего за период 1954-1964 гг. в Белорусской ССР было издано 78 книг антирелигиозного содержания общим тиражом 737 тыс. экземпляров [5, с. 62].

Шла активная кампания по популяризации и внедрению в быт гражданских (безрелигиозных) обрядов и праздников. Религиозные праздники и обряды при этом изображались источниками пьянства и тунеядства, вредными пережитками прошлого. В результате «новые» гражданские обряды, противопоставлялись «старым» религиозным: октябрины – крещению; день рождения – именинам; новоселье – освещению дома; комсомольские свадьбы – венчанию и т.д.

Таким образом, атеистическое воспитание и пропаганда занимали важное место в целом комплексе мер (политико-идеологического, экономического, административно-правового характера), направленных на уменьшение роли религии в жизни общества. Борьба с религией в БССР шла в русле общесоюзной антирелигиозной компании и была одним из главных мероприятий на пути построения коммунистического общества. При этом агитация и пропаганда атеистических взглядов была возведена в ранг одной из важнейших задач партии по воспитанию человека нового типа, «сознательного строителя коммунизма».

Антирелигиозная пропаганда носила односторонний характер: верующие были лишены всякой возможности отстаивать свои убеждения и пропагандировать религиозное мировоззрение. Всякая попытка духовенства и верующих защитить свои религиозные убеждения трактовалась как нарушение советского законодательства о культах и влекла за собой меры уголовной или административной ответственности.

Антирелигиозная кампания 1950-1960-х гг. после отставки Н.С. Хрущёва постепенно сошла на нет, однако атеистическое воспитание и пропаганда продолжали оставаться одними из главных направлений идеологической работы партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшов, В.С. В наступлении: из опыта работы партийных организаций Белоруссии по атеистическому воспитанию трудящихся / В.С. Кудряшов, Р.П. Платонов. – Минск: Беларусь, 1965. – 231 с.
2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII - XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.]; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 337 с.
3. Ярмусик, Э.С. Католический костел в Беларуси в 1945 – 1990 годах / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 567 с.
4. Отчёты, справки, информации отдела пропаганды ЦК КПБ, обкомов, горкомов, райкомов о массово-политической работе среди трудящихся республики, о работе агитаторов, агитпунктов, о работе религиозных культов республики. Январь-декабрь 1957 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. – Оп. 47. – Д. 437. – 256 л.
5. Баркан, В.А. Совершенствование форм атеистической пропаганды в БССР (1954-1958 гг.).

УДК 94 (476-15) «1926/1939»

СОЮЗ ПОЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И БОРЬБА «САНАЦИИ» ЗА СТУДЕНЧЕСТВО

В.И. Кривуть

УО «Барановичский государственный университет»
г. Барановичи, Республика Беларусь

Статья посвящена возникновению и деятельности молодежной проправительственной организации Союз Польской Демократической Молодежи в межвоенный период. Автор анализирует идейную эволюцию организации. В статье использованы различные документальные источники.

Article is devoted occurrence and activity of the youth progovernmental organization the Union of the Polish Democratic Youth during the intermilitary period. The author analyzes ideological evolution of the organization. In article are used various documentary sources.

Виленский университет Стефана Батория (УСБ) являлся единственным университетом на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Именно поэтому правящие круги II Речи Посполитой, т.н. «санация», стремились поставить под свой контроль виленских студентов, чтобы воспитывать будущую местную интеллигенцию в соответствующем духе. К сожалению, данная проблематика не нашла должного отражения в отечественной историографии и главной задачей данной статьи является возможность восполнить этот пробел.

Необходимо отметить, что на протяжении всего межвоенного периода в университетах II Речи Посполитой наибольшим влиянием пользовались противники «санационного» режима, крайне правые польские националисты из организации Всепольская Молодежь (Młodzież Wszechpolska, ВМ). Руководство Польши пыталось переломить ситуацию, законодательно ограничивая университетскую автономию. Одновременно оно стремилось опереться на «свои» проправительственные организации и союзы.

Одной из таких организаций, деятельность которой распространялась и на УСБ, являлся Союз Польской Демократической Молодежи (Związek Polskiej Młodzieży Demokratycznej, СПДМ). СПДМ возводил свою историю к XIX в., когда в 1886 г. был создан подпольный Союз Польской Молодежи (Związek Młodzieży Polskiej, СПМ). В начале XX в. организация сблизилась с лагерем Юзефа Пилсудского. Члены СПМ принимали активное участие в борьбе за независимость Польши. После восстановления польской независимости союз стал называться Организацией Национальной Молодежи (Organizacja Młodzieży Narodowej, ОНМ). Ячейка ОНМ в УСБ возникла в 1920 – 1921 гг., практически сразу же после

восстановления университета [4, с. 85]. Как заявлялось, организация объединяла «польскую студенческую молодежь с целью подготовки ее общественной и политической жизни, а также для воспитания осознающих свои устремления граждан Вольной Нации». Помимо воспитания и самообразования студенчества ОНМ проводила просветительскую работу в среде рабочей молодежи. В середине 1920-х гг. председателем союза в Вильно был В. Самович [5, с. 106].

12 августа 1927 г. произошло объединение ОНМ с рядом других «санационных» студенческих союзов. В результате и возник СПДМ. В Вильно Союз официально начал свою деятельность в декабре 1927 г. В состав правления вошли: Г. Забельский (председатель), М. Рок (вице-председатель и казначей) и Е. Эренкрейцерова [7, с. 33].

СПДМ насчитывал несколько тысяч членов по всей II РП. Он должен был стать «очагом прогрессивного движения», целью которого была перестройка реальности в направлении общественной справедливости и демократии. Основной формой работы организации стала организация дискуссий. Так в 1927/28 учебном году прошло 17 дискуссий, в которых в среднем участвовало 20 человек. Также СПДМ активно развивал культ Ю. Пилсудского и боролся с националистами из ВМ. В Вильно СПДМ создал специальный кружок внешней работы, который наладил сотрудничество с еще одной «санационной» организацией – Союзом Сельской Молодежи [8, с. 75].

Первоначально СПДМ оправдывал надежды «санации». Так, в марте 1933 г. в Вильно началась студенческая забастовка, вызванная новым законодательством, направленным на ограничение университетской автономии. При этом в забастовку включились как правые из ВМ, так и левые, сторонники социалистов и коммунистов. Что касается «санационных» союзов, в том числе и СПДМ, то они создали Антизабастовочный комитет, благодаря деятельности которого забастовка в УСБ закончилась провалом [6, с. 139].

Но необходимо отметить, что уже с начала 1930-х гг. в Союзе наблюдался процесс радикализации, что проявилось в переходе на явные синдикалистские позиции. В одной из деклараций СПДМ было заявлено, что организация стремится к цивилизации, которая опирается на труд, а не на привилегии. Союз считал, что синдикалистский строй возродит народные массы «во внутреннем, творческом империализме труда». Программа организации предусматривала переходную хозяйственную диктатуру, которая бы осуществлялась через «хозяйственный директорат профессиональных союзов» [3, с. 6].

СПДМ требовал контроля над производством, введение плановой экономики. В сфере сельского хозяйства молодые синдикалисты

выступали за проведение радикальной аграрной реформы и кооперацию в деревне. Также отрицался парламентаризм, который не может улучшить положение трудящихся. По мысли идеологов СПДМ, правительство должно было «неотложно через головы буржуазно-клерикально-социалистических партий организовать профессиональное самоуправление, хозяйственный директорат и фабричные комитеты, чтобы согласно с интересами государства подготовить ликвидацию капитализма» [3, с. 7 – 8].

Разумеется, что в своих декларациях СПДМ не смог обойти и национальный вопрос. Осуждая действия крайне правых польских националистов, организация заявляла про стремление к национальному сотрудничеству, ликвидации ограничений в правах и развитии национальных культур. Исключение делалось только для евреев и немцев. Для немцев, как «врагов польского государства», предлагалось ограничиться свободой только для основных культурных прав. Еврейский вопрос предлагалось решить через создание еврейского государства и массовую эмиграцию [3, 10-11].

В религиозных вопросах СПДМ стоял на явных антиклерикальных позициях. Религия объявлялась делом каждого человека. Осуждалось использование религии и церкви в политических целях. Предлагались введение свободы совести, отмена конкордата с Ватиканом, установление контроля над воспитанием в духовных семинариях [3, с. 10].

В заключение декларация СПДМ затрагивала вопросы культуры, просвещения и воспитания. Она настаивала на необходимости всеобщего просвещения, свободного пользования достижениями цивилизации и культуры. В результате должен был возникнуть «свободный, творческий человек, который занимает активную позицию в отношении к реальности» [3, с. 11].

Согласно с идеологией СПДМ воспитательным идеалом был человек с «гражданской ориентацией», человек, «который понимает, что не в соперничестве, а в сотрудничестве заключается возможность для скорейшей реализации его амбиций в виде возрастающих потребностей». В этом случае интерес человека будет совпадать с общественным интересом. Директивой СПДМ в воспитательной сфере объявлялись идеи гражданского воспитания [3, с. 20].

Как видно, Союз стоял на довольно радикальных позициях. Именно эта радикализация привела к расколу организации, благодаря чему «санация» не смогла использовать ее в своей борьбе за студенчество и молодую интеллигенцию. Раскол произошел в 1935 г. Большинство рядовых деятелей из Варшавы, Кракова, Львова и

Вильно выступили против проправительственного руководства. В результате Союз распался на СПДМ-Правицу и СПДМ-Левицу. В июне 1936 г. на своем первом съезде СПДМ-Левица была переименована в Объединение Синдикалистской Молодежи (Stowarzyszenie Młodzieży Syndykalistycznej, ОСМ).

Молодые синдикалисты ставили перед собой в качестве цели создание «основ новой общественной культуры», которая будет опираться на моральности труда в рамках «государства свободных производителей». Для достижения этой цели, по мысли деятелей ОСМ, необходимо пройти два этапа – полностью ликвидировать капиталистическую систему в Польше и создать новый строй, который бы опирался на обобществление средств производства. Чтобы это произошло, необходимо объединение всех трудящихся классов. Организационной формой пролетарского движения должны были стать независимые профсоюзы [10, с. 8].

Отделение СПДМ-Левицы, а затем ОСМ существовало и в Вильно. Тут молодые синдикалисты тесно сотрудничали с Академическим Союзом Народной Молодежи (Akademicki Związek Młodzieży Ludowej, АСНМ), организацией близкой к крестьянским партиям, и Союзом Независимой Социалистической Молодежи (Związek Niezależnej Młodzieży Socjalistycznej, СНСМ), который являлся своеобразным студенческим отделением ППС. Эти организации, как и ОСМ, находились в оппозиции к «санации».

Также была предпринята попытка наладить сотрудничество со студенческими организациями национальных меньшинств. В июне 1936 г. СПДМ-Левица направил Белорусскому Студенческому Союзу (БСС) приглашение участвовать в конференции представителей радикальных организаций. Целью конференции было обсуждение возможности выступить с совместной декларацией вместе с СПДМ-Левица и СНСМ [1, л. 37]. Но наладить сотрудничество не удалось. Дело в том, что основная часть БСС в это время находилась под влиянием Белорусской Христианской Демократии. Эта организация стояла на достаточно умеренных позициях и, кроме того, ее идеологии противоречил воинствующий антиклерикализм синдикалистов из СПДМ-Левицы – ОСМ.

Активность виленских синдикалистов очень часто принимала радикальные формы. Так, например, в ноябре 1936 г. члены ОСМ, Е. Вроньский и Т. Брадовский, дважды на протяжении двух дней избили редактора консервативной газеты «Слово» С. Мацкевича. Причиной данного эксцесса стали «клеветнические» статьи С. Мацкевича, направленные против «прогрессивного движения» [2, с. 6; 9, с. 6].

Кроме консерваторов, традиционными противниками ОСМ оставались польские националисты. Самой значительной акцией в их противостоянии стали события 1937 г., когда синдикалисты пытались силой прорвать антисемитскую блокаду УСБ, которая была организована членами ВМ.

Официальные власти и университетское руководство отказались регистрировать ОСМ. В связи с этим организация вступила в качестве автономного молодежного отделения в Рабочий институт просвещения и культуры им. С. Жеромского. Это была синдикалистская организация, созданная в 1930 г., которая сотрудничала с профсоюзами в сфере просвещения. Таким образом, члены ОСМ все-таки участвовали в воспитательной работе, но она развивалась не в том направлении, которое предусматривалось «санацией».

Таким образом, СПДМ в начале своего существования стоял на проправительственных позициях и поэтому «санация» возлагала на него определенные надежды в борьбе за студенческую молодежь. Тем не менее, в результате радикализации студенчества эти надежды не оправдались. Кроме того, СПДМ, а затем ОСМ, напротив, стали в оппозицию к правящему режиму II РП.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 884. Правление Белорусского Студенческого Союза университета им. Стефана Батория в Вильно. – Оп. 1. – Д. 29.
2. Brodowski, T. Oświadczenie / T. Brodowski // Ku Polsce szklanych domów. Jednodniówka postępowej młodzieży wileńskiej. – Wilno, 1936. – S. 6.
3. Dla Polski. 1886 – 1936. Z. M. P., O. M. N., Z. P. M. D. Informator. – Kraków, 1936. – 32 s.
4. Kiersnowski, T. Życie organizacyjne młodzieży akademickiej na Uniwersytece Wileńskim / T. Kiersnowski // Alma Mater Vilnensis. – Wilno, 1922. – S. 84 – 85.
5. Organizacje akademickie na Uniwersytecie Stefana Batorego // Alma Mater Vilnensis. – 1925. – Zeszyt 3. – S. 104 – 109.
6. Pilch, A. Studencki ruch polityczny w Polsce 1932 – 1939 / A. Pilch. – Warszawa: PWN, 1972. – 179 s.
7. Sprawozdania // Alma Mater Vilnensis. – 1927. – Zeszyt 6. – S. 29 – 34.
8. Sprawozdania // Alma Mater Vilnensis. – 1928. – Zeszyt 7. – S. 70 – 79.
9. Wroński, J. Oświadczenie / J. Wroński // Ku Polsce szklanych domów. Jednodniówka postępowej młodzieży wileńskiej. – Wilno, 1936. – S. 6.
10. Wroński, J. Z. P. M. D. – lewice (Stowarzyszenie Młodzieży Syndykalistycznej) / J. Wroński // Ku Polsce szklanych domów. Jednodniówka postępowej młodzieży wileńskiej. – Wilno, 1936. – S. 8.

УДК 930.1

СТЕФАН БАТОРИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ОЦЕНКЕ Н.М. КАРАМЗИНА

Т.Т. Кручковский

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье автор рассматривает оценки Н.М.Карамзиным короля Речи Посполитой Стефана Батория как исторической личности. Эти подходы Карамзина исследуются в рамках его общей концепции российско-польской истории и истории ВКЛ.

The author examines N.M.Karomsin's evaluation of Stefan Batory, the king of Rzech Pospolita as a historic personality. These approaches are investigated in the network of the general conception of Russian-Polish relations and the History of the Great Duchy of Lithuania.

По мнению Н.М. Карамзина, с воцарения в Речи Посполитой Стефана Батория начинается новый и весьма трагический в своих последствиях для польско-русских отношений период соперничества России и польско-литовского государства. Именно этот король Польши стал для русского историка, наряду с такими московскими князьями как Иван III и Василий III или впоследствии Петр I, или Екатерина II, образцом идеального правителя. Следует отметить, что в рамках своих исследовательских задач различные аспекты исторической деятельности Стефана Батория косвенно рассматривались исторической наукой [5; 7-11]. Вместе с тем в данном ракурсе комплексного исследования заявленной нами проблематики не существует.

Описывая начало управления Батория в Польше, Карамзин отмечал, что он принял правила управления страной, согласно тогдашнему польскому общественному строю: «дав торжественное обязательство свято соблюдать договор Генрихов и все уставы республики», а также приняв ряд международных обязательств: заключить союз с Оттоманскою империею, смирить хана, освободить мечом или выкупить всех христианских пленников в Тавриде, оградить безопасность государства крепостями, всегда лично предводительствовать рати» [1, с. 118]. И главное для рассказа историка о предстоящей войне с Москвою, причем с весьма характерной оговоркой: – «снова присоединить к Литве все ее земли, завоеванные царями московскими, если сенат и народ хотят войны с Россиею» [1, с. 118]. По мнению Карамзина, эта программа нового короля смогла объединить польское общество: «Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: да здравствует король Баторий» [1, с. 118].

Карамзин отмечал, что Баторий умел управлять как истинный повелитель: «утвердил тишину, безопасность, терпимость вере: исповедуя римскую, приобрел любовь и лютеран и кальвинистов; снискал доверенность султана и в то же время оказывал важные услуги императору; и не менее отличался и храбростью, сведениями в науках» [1, с. 118]. Исходя из этих качеств, Карамзин сделал заключение, благоприятное для Польши в условиях войны с Россией: «Одним словом, усердные к государственному благу поляки не могли желать достойнейшего венценосца» [1, с. 118].

Историк подчеркивал также то обстоятельство, что Баторий в войне с Россией действовал как политический прагматик и готов был обращаться за помощью к разным силам, в том числе и к мусульманской Турции: «Не обольщая себя излишнею надеждою на собственный силы, Баторий требовал вспоможения от других держав, от султана и папы»! [1, с. 118]. Таким образом, Баторий в описании Карамзина представлен как выдающийся политик и полководец: «сей опасный враг, изъявляя нам миролюбие, в то же время предлагал варшавскому сейму необходимость утвердить оружием безопасность государства», который сумел подчинить себе или привлечь на свою сторону строптивую польско-литовскую шляхту, не понимающую государственных интересов своего государства. Такой преобладающей государственной задачей для Речи Посполитой времен Батория, по его мнению, было объединение сил для победоносной войны с Москвою, как главного внешнеполитического соперника.

Талант полководца, в представлении Карамзина, проявился в том, что Баторий не только сумел доказать правильность ведения войны с Россией, начав борьбу за Полоцк, а не в опустошенной Ливонии, но и успешно повел за собою свою разрозненную армию [1, с. 141]; умел постоянно ставить в тупик московское войско своими неожиданными ходами, сравнивая короля с Витовтом по манере искусства ведения войска: «Неприятель шел болотами и лесами дикими, где 150 летъ не ходило войско, где только Витовт в 1428 году умел открыть себе путь к областям новгородским и где некоторые места еще назывались его именем. Баторий, подобно Витовту, просекал леса, делал гати, мосты, плоты, сражался с трудностями, терпел недостаток» [1, с.149.]

Даже при таком составе войска, как отмечал Карамзин, противопоставляя методы ведения войны Батория и Ивана Грозного, польский король вел войну совершенно иначе, чем московский царь: «объявил, что извлекает меч на царя московского, а не на мирных жителей, коих будет щадить, миловать во всяком случае; что, любя доблесть, гнушается варварством, желает победы, и не разрушения, не

кровопролития бесполезного» [1, с. 141]. Описывая занятие Полоцка «древний наш Полоцк, удел племени Владимирова и Рогнеды», он отмечал, что польский католический король «указав строить там великолепную церковь римского исповедования, оставил Софийскую христианам греческим; дал им в епископы бывшего святителя витебского и грамотою утвердил свободу нашей веры, имея в виду дальнейшие завоевания в России и желая угодить ее народу, сею благоразумною терпимостью вопреки, своим любимцам, иезуитам, коим он дал тогда богатые местности и земли в Белоруссии, с обязательством исправлять нравы жителей учением и примером» [1, с. 144].

В результате царствования кровавого тирана Ивана Грозного все остальные составляющие его концепции могущества России, по Карамзину, – наличие самодержавия в стране, а также покорного и верного народа, не смогли победить заранее более слабого противника – Речь Посполитую, но возглавляемую великим государственным деятелем и полководцем – Стефаном Баторием. Данное положение Карамзин облекал в весьма выразительную и эмоционально представленную формулу: «Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными; сверх того многочисленные воинства полевыя, готовые устремиться на битву!» [1, с. 151].

Мнение историка об унижении царя и этим самым и величия России касалось предложения о мире к Баторию и просьб о помощи к папе и немецкому императору. Это положение звучит довольно удивительно из уст историка, понимающего проигрышность войны. Однако, если мы оценим ее с точки зрения Карамзина о величии России, о недопустимости уступить «ни пяди своей земли», о признаке величия как постоянного расширения владений России, то все становится на свои места. Карамзин, понимая неотвратимость поражения и описывая его, не мог, однако, с ним внутренне смириться, испытывая от этого явно душевную боль.

Однако главное унижение величия России, по его мнению, это обращение к папе: «жаловался папе на злобу и вероломство Баториево; предлагал ему усовестить, отвести его от ненавистной связи с турками; уверял, что ревностно желает вместе со всеми европейскими государями ополчиться на султана и быть для того в непрестанных дружественных сношениях с Римом» [1, с. 149].

Еще более, согласно описанию Карамзина, были унизительными для величия России переговоры с польской стороной. Согласно его

мнению, в ходе переговоров Иван Грозный становился «более и более снисходительным» и начал не просто уступать – «именовал Стефана братом», но и допускать унижение величия царской власти: «жаловался, что литовцы не престают тревожить Россию нападениями; молил его не собирать войска к лету» [1, с. 152]. Действием, вызвавшим, по мнению историка, наибольшее унижение России, было послание к польскому королю для переговоров думных дворян Пушкина и Писемского, которым велел «не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное унижение) терпеть и побои! Так Иоанн пил чашу стыда, им, а не Россиею заслуженного»! [1, с. 153]. Трудно что-либо добавить не только к такому комментарию, но и московским представлениям о ведении международных переговоров. Вообще о польско-литовском государстве, как мы уже видели, Карамзин неоднократно высказывался в весьма пренебрежительном тоне. Объясняется это как его ретроспективным взглядом на результат исторического соперничества России и Польши, так и его общей негативной оценкой польского шляхетского общественно-государственного устройства [2]. Даже на примере победной для Речи Посполитой Ливонской войны, Карамзин не один раз на страницах своей «Истории» показывал, как по данной причине часто не мог действовать по своему усмотрению такой великий король, каким был для Польши Стефан Баторий. Так, описывая поход польского короля на Псков, в числе неблагоприятных обстоятельств он называл не только климатические условия, но и главное – политический характер польско-литовского государства: «В Вильне граждане и дворянство встретили его с громогласными благословениями, а в Варшаве многие паны с мрачными лицами и с ропотом неудовольствия – те, которые любили законную и беззаконную власть свою более отечества разслабленнаго их своевольством, негою, корыстолюбием. Великих мужей славят и злословят: устрашенные сильною волею, сильными мерами короля, паны жаловались на его самовластие» [1, с. 157].

Ям-Запольский мирный договор 1582 года России с Речью Посполитой Н.М.Карамзин оценивал весьма критично: «В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою». Иван Грозный воевал «24 года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом, двигаться к цели – изгубив столько людей и достояния, повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову, вдруг все отдал, и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева» [1, с. 167].

В описании героической обороны Пскова Карамзин, вслед за московскими политическими источниками, акцентирует внимание на религиозном характере российско-польского противостояния [1, с.164-167]. Эта тенденция особенно отчетливо прослеживается в текстах, посвященных походам Стефана Батория на Россию. Столкновение двух держав из-за спорных территорий представляется битвой православных с некими не вполне определенными иноверцами, обороняемый город Псков изображается как богоспасаемый, богохранимый [4].

Как видим, историк явно эмоционально подходил к описанию условий мира с Польшей, считал его унизительным для величия России и это притом, что, по мнению Карамзина, потерять она могла значительно более обширные территории. Историк явно учитывал в числе потерь и потери перспективы овладения Россией Ливонии и ВКЛ и выхода к берегам Балтики. Как видим, историк придерживался положения о постоянном расширении границ России и принципа, впоследствии зафиксированного им в «Записке о Польше» – «Ни пяди своей земли не отдадим» [6]. Исходя из этих идей, как нам представляется, Карамзин и дал исключительно высокую оценку польскому королю Стефану Баторию, как полководцу и государственному деятелю, который не только мог остановить рост могущества России, но и имел возможность предотвратить создание ее империи. При этом Н.М. Карамзин весьма нетрадиционно для последующей русской исторической науки первым ставил вопрос о возможности Польши в период Стефана Батория, используя слабость России при тирании Ивана Грозного, решить в свою пользу многовековое соперничество Москвы и Речи Посполитой. Он отмечал: «Если бы жизнь и гений Батория не угасли до кончины Годунова, то слава России могла бы навеки померкнуть в самом первом десятилетии нового века: столь зависима судьба государств от лица и случая, или от воли Провидения!» [3, с.39], но и дать Речи Посполитой возможность последовательно строить свое внешнеполитическое могущество, в том числе путем подчинении или соединения своего государства с Москвою. Исходя из этого, Баторий в интерпретации историографа, представлен как идеальный правитель, несмотря на его борьбу с Россией, которая его уважала, так он только выполнял свои обязанности монарха и пытался осуществить возможные новые внешнеполитические перспективы своей страны. Эти новые перспективы Речи Посполитой историк, согласно нашему мнению, в своей интерпретации понимал как возможность геополитического подчинения новых территорий, в том числе и России. Именно поэтому,

считал он, его больше оценили в России, чем в Польше: «Один из знаменитейших венценосцев в мире, один из опаснейших злодев России, коего смерть более обрадовала нас, нежели огорчила его державу, ибо мы боялись увидеть в нем нового Гедимина, нового Витовта, а Польша и Литва неблагодарные предпочитали дешевое спокойствие драгоценному величию» [3, с. 39]. Последнее сочетание «дешевое спокойствие» и «драгоценное величие» в отношении Польши и России Карамзина, согласно нашему мнению, наиболее образно передает предпочтения и приоритеты официального историографа, оказавшего столь существенное влияние на последующую русскую историческую науку.

Данная высокая оценка Н.М. Карамзиным деятельности Батория и его исторической личности, а главное оценка возможных перспектив победы Речи Посполитой в соперничестве с Россией уникальна не только для российской официальной историографии, но и вообще для всей русской исторической науки периода XIX – начала XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – М., 1908. – Т. IX.
2. Кручковский, Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половныXIX в. / Т.Т. Кручковский // Наш радавод. – Гродно, 1994. – Кн. 6. – Ч. 2. – С. 218–417.
3. Карамзин, Н.М. История Государства Российского. / Н.М. Карамзин. - Ростов-на-Дону, 1990. Т. X.
4. Флоря, Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. / Б.Н. Флоря. - М., 2005. – 416 с.
5. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój teritorialny panstwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. – Warszawa, 2001. – 310 s.
6. Карамзин, Н.М. Мнение русского гражданина / Н.М. Карамзин // Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. – Спб., 1862. - С. 3–20.
7. Кручковский, Т.Т. Н.М. Карамзин о религиозном факторе в отношениях Москвы и ВКЛ в XIY – начале XYI веков / Т.Т. Кручковский // Хрысціянства у гістарычным лесе беларускага народа. - Гродна, 2009. - С. 18–24.
8. Стэфан Баторы ў гістрарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. / Под ред. Д.В. Карева. – Гродна, 2004.
9. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski / M. Serejski. - Warszawa, 1970. –518 s.
10. Кручковский, Т.Т. Стефан Баторий и его эпоха в интерпретации русской историографии XIX – нач. XX вв. / Т.Т. Кручковский // Стэфан Баторы ў гістрарычнай памяці народаў Усходняй Еўропы. – Гродна, 2004. – С. 149–165.
11. Кручковский, Т.Т. Польско-российского соперничество во времена Стефана Батория в оценке Н.М. Карамзина / Т.Т. Кручковский // Шлях да узаемнаці. – Гродна: ГрДУ, 2009. - С. 243 – 257.

УДК 94(476):355.744.5

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ: ПРАКТИКА ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕСА В XIX В.

Е.Э. Лустина

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье рассматривается история ведения лесного хозяйства в Беловежской пуще XIX века, практика лесоустроительных, лесокультурных и природоохранных мероприятий, анализ результатов, изменения в системе администрирования.

This article examines the history of forest management in the Bialowieza Forest in the XIXcentury, the practice of forest management, silviculture and environmental protection measures, results analysis, change and development of administration system.

Проблема охраны природных богатств и возобновления природных ресурсов приобрела актуальность не сегодня. На протяжении всей истории наши предки заботились об окружающей среде. С древнейших времён это проявлялось в обожествлении и почитании деревьев, камней и других памятников природы. Одновременно с использованием природных богатств проводилось и возобновление используемых ресурсов леса. В отечественной исторической науке сравнительно мало внимания уделяется изучению способов, целей использования природного достояния нашей страны, а также мероприятий по воссозданию экологического равновесия. Ниже изложенный материал об истории использования Беловежской пущи частично закрывает эту нишу.

Начало XIX в. для Беловежской пущи – время больших испытаний, которые влекут за собой тяжелые последствия, требующие планомерного вмешательства для их устранения и возобновления естественного баланса. Так, много потерь принес разгоревшийся в 1811 г. огромный лесной пожар. Он продолжался с мая по октябрь 1811 г. Наличие большого количества валежа, сухостоя, захламленности, отсутствие просек в пуще не давали возможности потушить огонь, пока не пошли осенние дожди [1, д. 37, с. 21]. Устранением последствий пожара стали заниматься уже после войны 1812 г. В пуще вплоть до 1820 г. производились бессистемные сплошные рубки на местах гарей. Стихия ещё неоднократно приносит урон лесным насаждениям. Так, например, во время бури в 1842 г. одних лишь поваленных сосен огромных размеров насчитывалось 300 шт., что даже в то время представляло миллионную ценность. По причинам трудности сбыта все это не использовалось и гибло [4, с. 10]. Но уже в

1849 г. после очередной сильнейшей бури поломанный ветрами лес старались максимально использовать. Часть такого леса отпускалась на продажу, часть отдавалась на потребности государственных крестьян. Большой вред, наносимый стихией беловежскому лесу, приносили также сильные морозы. Так, в 1848 г. от сильных морозов погибло 200 молодых деревьев [3, с. 160].

Интенсивная работа по устройству леса Беловежской пущи начинается после образования в 1837 г. Министерства государственных имуществ. В пущу была отправлена комиссия, состоявшая из лесных офицеров и топографов, разделивших её на 540 двухверстных участков (кварталов) и назначивших 180-летний срок рубки леса, деля его на шесть 30-летних периодов [4, с. 10]. В первые шесть лет после учреждения Министерства велись большие лесоустроительные работы, составляются планы лесохозяйства, производятся таксации.

В конце 1830-х годов пущу посещают командированные из Петербурга чины департамента корабельных лесов. В Беловежской пуще оказался богатейший запас мачтовых деревьев, поражавших своими размерами. Приостановленная в 1820-х годах рубка леса возобновилась с новой силой. Морское ведомство оказалось очень требовательным в приёме срубленных для него деревьев: из 1000 деревьев принимали только несколько десятков [6, с. 55]. Вмешательство в хозяйство пущи постороннего ведомства вызывало недовольство, и вскоре глава Министерства государственных имуществ, граф Киселёв ходатайствовал о выделении морскому ведомству одной определённой части пущи, с помеченными в ней полезными для флота деревьями. Но эта мера не смогла уже повлиять на состояние леса. К 40-м годам XIX века в пуще наблюдается значительная захламленность от проводимых рубок. В связи с этим в 1842-1847 гг. проводится лесоустройство [10, с. 133], которое было первым не только в истории Беловежской пущи, но и в мировой практике. Была определена площадь пущи в 112 000 дес. Пуща состояла из 2 дач: Беловежской пущи и Свислочской дачи. Лесной массив был разделен просеками на кварталы, были созданы 5 лесничеств (Беловежское, Бобровское, Гайновское, Столповисское и Окольницкое), подчиненные офицерам лесного ведомства. Лесничества делились на 2 объезда и 12 обходов. Конным объездчикам подчинялось 77 стрелков, живших с семьями на границах дачи [6, с. 56]. Границы возобновляются межевыми знаками. В 1848 г. проводится снятие на планы главных дач. По формам, изданным ученым комитетом в 1845 г., составлены хозяйственные описания.

Ведутся работы по лесовозобновлению: высеваются древесные семена и садятся черенки [5, с. 6]. Лес возводился на прогалинах, вырубленных лесосеках и пахотных землях. Регулярно проводится уборка валежника для предупреждения пожаров; роются канавы для очистки русла рек и осушки болотистых мест; чистятся квартальные и граничные просеки и опушки. Для предотвращения самовольных рубок государственных крестьян наделяют податными лесными участками [3, с. 162].

Лесоустройство заметно облегчило проведение лесозаготовительных работ, чем незамедлительно воспользовались лесопромышленники. В это время известна деятельность немецкой фирмы «Бугенгаген» в лице купца Зигмунда, по контракту с которым предоставлялось выбрать из всей пущи 60000 крупных сосновых деревьев [6, с. 57]. За период с 1838-1857 гг. было отпущено разным компаниям и лицам около 7 000 тыс. кубометров древесины [7, с. 11].

В конце 1850-х и 60-х гг. санитарное состояние беловежского леса резко ухудшилось, в огромных количествах скопился перестойный сухостой. Для проверки ведения лесного хозяйства в пуще в 1861-1862 гг. была предпринята ревизия, но намеченные мероприятия так и остались неосуществленными из-за вспыхнувшего в 1863 г. восстания [7, с. 13].

В отношении системы надзора после 1860-х годов произошли значительные изменения. До этого времени служба в пуще была для большинства натуральной повинностью, за которую служащие получали земельные наделы. Вся многочисленная лесная стража набиралась из местных крестьян, которым платили солдатское жалование, их семьи были свободны от рекрутской повинности, а надельная земля − от налогов. Была введена должность заведующего пущей, а также специальных зубровых сторожей. Объездчикам стали платить 50 руб., выдавая от казны обмундирование по военному образцу и лошадь, но весь остальной состав лесной стражи оставался на прежнем положении. Этих людей нельзя было ни уволить, ни даже наказать, хотя они состояли в подчинении местных лесничих. В 1869 г. стражу заменили наёмными людьми.

С 1872 г. заведующего пущей сменил лесной ревизор, вместо прежних 4 установили 5 лесничеств. Каждым из них управлял лесничий, имевший помощника, низший служебный персонал состоял из 14 объездчиков, 102 лесных и 10 зубровых сторожей. Но и этот новый административный порядок не удовлетворял министерство. В пущу был командирован вице − инспектор корпуса лесничих Писарёв

для ревизии, результатом которой была смена всех лесничих с отдачей некоторых под суд за злоупотребления [6, с. 80].

В конце 1880 г. над Беловежской пущей пронесся сильный ураган, нанесший лесу крупные опустошения. Мертвый лес не был убран своевременно [1, д. 11, с. 35]. Большая захламленность насаждений и результат урагана привели к массовой вспышке короеда в 1882-1883 гг. Повреждения были настолько сильны, что понадобилось новое лесоустройство (1884-1885гг.) [2, с. 15].

18 сентября 1888г. по указу царя из Министрества государственных имуществ пуща была передана в Удельное ведомство, т.е. на собственность царского двора, в связи с этим было проведено внеочередное лесоустройство. Возглавлял работу профессор Н.К. Генко, консультировал профессор Турский. Впервые было применено в практике производство выделов по типам леса. В отличие от предыдущих лесоустройств, все работы были поставлены на типологическую основу, подробно описывался каждый тип леса. Был выработан план выборочных рубок с целью оздоровления насаждений путем удаления перестойных, суховершинных и пораженных вредителями и болезнями деревьев. Впервые была определена общая площадь пущи и оптимальное количество изымаемой древесины. [10, с. 48] В результате была выявлена очень большая пестрота и разновозрастность насаждений.

В 1897 г. Николай II, посетив пущу, принял решение о запрете рубки сырорастущего леса в целях сохранения натурального его состояния. Разрешался отпуск только сухостоя и валежа [2, с. 16]. 28 февраля 1898 г. Управление Беловежского Удельного Округа было переименовано в Управление Беловежской пущи. Одновременно с этим рубка сырорастущего леса в пределах пущи прекращена полностью и оставлена лишь в смежной с нею Свислочской даче. В пуще же, с целью придать ей вид благоустроенного парка, производится лишь уборка мертвого леса и очистка от кустарников и мелких деревьев. В связи с увлечением Николая II охотой большое внимание уделялось увеличению в пуще диких животных, и это обстоятельство отражалось на ведении лесного хозяйства. В охотничьих угодьях стараются посадить породы особо ценные для дичи: дуб, граб, осину, конский каштан, рябину и т.д. Эти породы дают листвой, почками, молодыми побегами и плодами корм, что и спасает более благородные сорта деревьев от порчи животными [6, с. 241].

Таким образом, на примере довольно сложного времени (XIX в.) с тяжелыми политическими событиями, стихийными явлениями, приносившими огромный урон лесным насаждениям, велась работа по

поддержанию в должном состоянии такого уникального лесного массива, как Беловежская пуща. Постоянно проводились лесоупорядочение, лесокультурные, лесоустроительные мероприятия, порой прерванные восстанием, войной или бурей, велось регулирование использования лесных угодий лесопромышленниками и жителями пущи. И, определенно, забота о пуще стараниями многих людей: от высоких чиновников до простых служащих, несмотря на различные трудности, способствовала сохранению этого знаменитого лесного массива до наших дней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Республики Беларусь в г. Гродно (НГАБ в Гродно). Ф.108,оп.1.
2. Частный архив инженера по охране леса Г.Г. Кравчука. Краткая характеристика территории и лесорастительных условий ГНП «Беловежская пуща».
3. Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. - СПб., 1863. - 460 с.
4. Гминский Ф.А. Беловежская пуща и зубры. - Белосток, - 1899.
5. Жилинский Н. Патриарху пять веков // Правда. - 1977. - 29 мая. - С.5-7.
6. Карцов Г.П. Беловежская пуща 1382-1902. Минск, 2007. - 295 с.
7. 7. Кестер Б.В., Шостак СВ. Прошлое и настоящее Беловежской пущи. - М.: Лесная промышленность, 1968. - 68 с.
8. Полубинский А.С. Свислочская пуща // Заветы Ильича. - 1974. - №11. - С.9- 10.
9. Семаков В. Пушча в период первой и второй мировой войнами (1919-1939гг.). // Заря. - 2000. - №31. - С. 14.
10. Шыманович Л.П. «Белавежская пушча - ахоўны і гісторыка-культурны комплекс Беларусі (XIV-XX стст.). - Гродна, 1998. - 115 с.

УДК 572.028

СТЭРЭАТЫПЫ БЕЛАРУСА І БЕЛАРУСІ ВА ЎЯЎЛЕННІ РУСКІХ І “ЗАПАДНО-РУССОВ” У ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Э.А. Мазько

УА «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В статье рассматриваются стереотипы белорусов и Беларуси в представлении русских и «западно-руссов». Показаны основные факторы их формирования и функционирования, влияние на межкультурную коммуникацию.

In article it is considered stereotypes of Byelorussians and Belarus in representation of Russian and "western-russov". Major factors of their formation and functioning, influence on intercultural communications are shown.

Фармаванне і змест этнічных стэрэатыпаў Беларусі і беларусаў ва ўяўленнях рускіх дзеячаў неабходна разглядаць у кантэксце

посткаланіяльных студыяў, а менавіта ў кантэксце стасункаў паміж каланізатарамі і каланізаванымі. У дадзеным выпадку ў якасці каланізатараў выступаюць рускія, а ў ролі каланізаваных – беларусы. Павінна гэта таксама разглядацца і ў кантэксце суадносін паміж імперскім цэнтрам і імперскім памежжам, якім з'яўлялася Беларусь. У дадзеным выпадку цэнтр заўсёды выступае як з'ява сэнсаўтваральная і ўніверсальна-рэпрэзентацыйная, маючая самастойную існасць, вартасць, прызначэнне, мінуўшчыну і будучыню. Каланізаваныя землі – гэта, як правіла, землі "нецывілізаваныя" або ўвогуле дзікія, заселеныя прымітыўнымі сяланамі. Перыферыя амаль заўсёды мае цмяную мінуўшчыну, а яе будучае непасрэдна звязваецца з культургерскай дзейнасцю цэнтра. Менавіта метрапольная цывілізацыя – нязменна вытанчаная, вышэйшая, прэстыжнейшая, сучаснейшая, перспектыўнейшая – з'яўляецца месіянскай, якая самім Богам паклікана "цывілізаваць" "дзікія" ўскраіны.

Неабходна адзначыць, што ва ўспрыняцці Беларусі ў пачатку XX стагоддзя назіраўся пэўны адыход ад папярэдне намаляванай схемы. Выклікана гэта было тым, што край ужо больш стагоддзя знаходзіўся ў падпарадкаванні імперскаму цэнтру і, адпаведна, згодна логіцы, у некаторай ступені спазнаў дабрадзейны ўплыў "высокакультурнага" рэжыму. Праяўлялася гэта і ў арганізаванні школьнай сістэмы, і ў моцна цэнтралізаванай адміністрацыі. Аднак, калі мова заходзіла пра сялян, а яны складалі 88,24% насельніцтва Беларусі, дык яны ўяўляліся элементам напаўдзікім, няразвітым, пазбаўленым уласнай структуры, архаічным і анархічным. Вёска адназначна ўспрымалася як нешта закансерваванае ў пазачасавасці, па-за межамі сапраўднай, у дадзеным выпадку, імперскай гісторыі.

Яшчэ адным важным фактарам было тое, што беларусы не дыскрымінаваліся. Палягала гэта не ў нейкім звыш добрым стаўленні царскіх уладаў да іх, але ў тым простым факце, што яны разглядаліся як "свае". Заўважым тут, што датычылася гэта ў пераважнай большасці праваслаўных, бо каталікі традыцыйна, за выняткам спарадычных спроб прызнання іх часткай "беларускага племені", уважаліся імперскімі структурамі за палякаў. У параўнанні з палякамі, якія для імперыі адназначна былі "чужымі" і па гэтай прычыне ў краі, асабліва пасля падаўлення паўстання 1863/64 гадоў, дыскрымінаваліся як этнас, беларусы былі "свае" і, адпаведна, ніякай этнічнай дыскрымінацыі не спазналі. "Свойскасць" гэтая вынікала з таго, што сама іх этнічнасць разглядалася выключна як прыкмета рэгіянальнай адмены рускага народа.

Аднак калі ў пачатку XX стагоддзя пачынае пашырацца беларускі нацыянальны рух, які вызнае не рэгіянальную, але этнічную, культурную адрознасць, дык з пазіцый імперыі ён адназначна разглядаецца як іншы, “чужы”. Ён ужо разглядаецца як варожы элемент, “польская інтрыга”, а значыць – падвяргаецца пераследаванню. Такім чынам, беларусы як адзінкі не падпадалі пад ныцыянальную дыскрымінацыю, але адназначна дыскрымінаваліся як група, што прэтэндуе на пэўныя калектыўныя – моўна-культурныя – правы. Паказальным прыкладам такой інтэлектуальнай дыскрымінацыі, з якой вынікала і дыскрымінацыя палітычная, з’яўляецца шэраг артыкулаў Пятра Струвэ ў часопісе “Русская мысль” па праблеме ўкраінскага і беларускага нацыянальных рухаў [6, с. 338-340].

Разам з тым, ва ўспрыняцці беларусаў расійскімі інтэлектуаламі прысутнічаў яшчэ адзін момант. Як трапна адмеціў А. Цвікевіч, “расійская культура і расійская літаратура ніколі не займаюцца Беларусьсю і беларусамі, ніколі ня робяць іх гэткім об’ектам свае ўвагі, як цэнтр Расіі і вялікарусаў. Калі ў расійскай літаратуры і сустракаліся беларускія тыпы, дык толькі для таго, каб паказаць на іх уродлівасьць і насьмяшыць чытача. Гэта заўважыў яшчэ Шпілеўскі і Насовіч, на гэта знаходзім скаргі і ў “западно-русских” культурнікаў. “Кожны расіец, – піша Насовіч, – ад асьвечанага да простага, знаходзіць беларускую мову сьмешнай. Шмат хто глядзіць на яе з пагардай, а некаторыя як на “нейкае исчадие” або як на ўроду... Шмат хто беларускі дыялект пакрывае “язвительными насмешками всех родов”, як-бы якую страшную карыкатуру... Гэткі ўжо лёс Беларусі. Але не адзін толькі дыялект яе служыць прадметам кпін: нават самыя жыхары яе з сваім кірункам жыцьця і думак ня ўніклі розных кпін, хоць яны з’яўляюцца роднымі братамі расійцаў” [6, с. 323-324]. У дадзеным выпадку маем справу з этнічным стэрэатыпам, які, нягледзячы на ўсю роднасную рыторыку, узнікаў пры сутыкненні з іншамоўным і іншакультурным асяроддзем, якое аўтаматычна ўспрымалася як чужое, “іншае”. З гэтай прычыны ён высмейваецца, альбо, асабліва ў перадавой інтэлігенцыі выклікае жаль. Наколькі жывучы быў такі стэрэатып забітага і неразвітага беларуса сярод прагрэсіўнай рускай інтэлігенцыі, яскрава сведчыць ацэнка творчасці Янкі Купалы Максімам Горкім, якая і пасённяшні час у нашым купалазнаўстве карыстаецца попытам: “Я обращаю внимание скептиков на молодую литературу белорусов – самого забитого народа в России” [5, с. 191].

Паказальна, што польскі нацыянальны ўплыў у Беларусі трактаваўся адназначна адмоўна. Усё, што ў беларусах дрэннага –

паходзіць ад варожых уплываў – польска-каталіцкіх, езуіцкіх, уніяцкіх і да т.п. Прычым паказальна, што польскія ўплывы ў гэтым дыскурсе паказаны не як культурна-цывілізацыйныя, а выключна як дэструктыўныя, звязаныя з рэлігійным і сацыяльным уціскам, грамадскай дэгенерацыяй і маральным заняпадам. Увогуле, Польшча і палякі выступаюць як своеасаблівыя дэманы, якія толькі і імкнуцца адарваць ад трыадзінага рускага народа яго спрадвечную галіну – беларусаў.

Такім чынам можна гаварыць, што ў пачатку XX стагоддзя маем тры стэрэатыпы беларусаў у расійскім грамадстве: “братняе племя беларосаў”, якія інтэгруюцца ў імперскую цывілізацыю і ўспрымаюцца прыхільна; сярмяжны селянін, неразвіты і адсталы, які варты знявагі альбо жалю; “сепаратыст”, які з’яўляецца прадуктам “польскай інтрыгі” і імкнецца разарваць трыадзіны рускі народ.

Гэты патройны стэрэатып беларуса ва ўяўленні рускіх паўплываў і на фармаванне стэрэатыпу свайго народу ў “западно-русским” асяроддзі. Прынамсі, ён існаваў у ім амаль у люстраным адбітку. Такая сітуацыя тлумачыцца тым, што “западно-руссизм” ёсць неад’емная частка расійскага імперскага дыскурсу, генетычна абумоўленная ім.

Паколькі “западно-руссизм” як з’ява вельмі добра прааналізаваны ў фундаментальнай працы А. Цвікевіча, мы спынімся толькі на яе асобных момантах, якія маюць непасрэдныя адносіны да нашай тэмы.

Найперш знаходзім у поглядах “западно-руссов” поўную адаптацыю канцэпцыі трыадзінага рускага народа, дзе беларусы разглядаліся як адна з яго галін. Праўда, у адрозненне ад імперскіх структур, якія ўсётакі выступалі за поўнае цывілізацыйнае зліццё гэтай галіны з метраполіяй, пры захаванні выключна рэгіянальнай спецыфікі, прадстаўнікі дадзенай плыні бачылі ў гэтай спецыфіцы пэўную вартасць. Неабходна звярнуць тут увагу і на тую супярэчнасць з якой сутыкаліся “западно-руссы” ў сваёй апалогіі “вялікай Расіі” і сантыменту да сваёй “западно-русскости”. Апошняя адназначна ўспрымалася станоўча, прынамсі, часткай іх навуковай плыні.

З іншага боку, стэрэатып беларушчыны як культурна менш вартай у параўнанні з расійскай культурай, распаўсюджаны ў асяроддзі імперскіх структур, аказваў уплыў і на “западно-руссов”. Праўда ў розных плынях адбывалася гэта па рознаму. Так, тыя з іх, хто займаўся навуковым беларусазнаўствам (А. Сапуноў, Я. Карскі, Е. Раманаў, В. Стукаліч) “лічылі, што Беларусь з прычыны сваёй слабасці (у параўнанні з суседнімі Расіяй і Польшчай) не можа выбраць шлях самастойнага развіцця, што гістарычны лёс наканаваў ёй растварыцца ў Расіі і ў расійскай культуры, таму фактычна падтрымлівалі

русіфікатарскую палітыку ўладаў. Паказальна, што акадэмік Я. Карскі нават пасля звяржэння царызму (вясной 1917 г.) выказваўся за навучанне ў школах Беларусі на агульнадзяржаўнай расійскай мове, дапускаючы беларускую мову – пры наяўнасці жадання бацькоў – толькі ў першым класе пачатковай школы” [3, с. 59]. Больш брутальны выгляд пачуццё сваёй культурнай “непаўнавартаснасці” набывала ў асяроддзі спалітызаваных “западно-руссов”. Так, адзін з аўтараў “Крестьянина” і “Северо-Западной жизни” А. Пшчолка ў сваіх публікацыях зняважліва ставіўся да беларускага народа, паказваў яго ў карыкатурным выглядзе. Асноўнай прычынай беднасці беларускага сялянства ён лічыў такія рысы як гультайства, п’янства і бяздзейнасць [2, с. 195]. Варта тут прыгадаць і Адама Багдановіча – бацьку Максіма Багдановіча, які ў прадмове да сваёй працы “Пережитки древнего миросозерцания у белорусов” пісаў: “И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости. Именно “западлый край”, “западлый” народ…” [4, с. 1]. Як бачым, маем у дадзеным выпадку той самы стэрэатып “сярмяжнага селяніна, няразвітага і адсталага”.

Падобнымі да агульнарускага быў таксама і стэрэатып свядомага беларуса, нацыянальна-адраджэнская дзейнасць якога трактавалася як “сепаратызм”. Да прыкладу, у газеце “Крестьянин” у 1909 годзе быў змешчаны верш аднаго з чытачоў, адрасаваны “Нашай Ніве”, які не толькі падкрэсліваў сепаратызм беларускай газеты, але і бачыў у ёй “польскую інтрыгу”:

Нет, ты зовешь к разъединенью
Детей одной семьи великой,
К борьбе, к самоопределенью,
А там… и в рабство к Польше дикой [6, с. 320].

На прыкладзе гэтага верша можам таксама прасачыць і адмоўны стэрэатып Польшчы і палякаў, які, на што ўказвалі вышэй, быў уласцівы і для імперскага дыскурсу.

Зрэшты, частка прыхільнікаў “западно-руссизма” шчыра не бачыла неабходнасці развіваць асобную беларускую культуру, якая значна ніжэйшая за культуру рускую і, згодна іх меркаванню, ніколі не здолее дасягнуць яе ўзроўня. Так, мясцовая настаўніца П. Мачульская пісала ў 1913 годзе на старонках месячніка Віленскай навучальнай акругі “Народное образование”, што праца беларускіх дзеячаў “пустая забаўка, што беларускай нацыянальнай асобнасці ніякай не было і няма, што ў беларусаў няма ні мовы сваей, а ўсё запазычанае або ў

расейцаў, або ў палякаў, або ў маларусаў, што ў беларусаў няма ніякага фундаменту, на якім можна было б строіць беларускую будучыну, ніколі не было ні аднаго літаратурнага таленту, няма ні свае паэзіі, ні песні, ні драмы, ні камедыі" [1, 112].

Такім чынам, стэрэатыпы, якія існавалі ў рускім і "западно-русском" асяродках з большага былі адмоўныя. Калі разгледзець іх скрозь прызму міжкультурнай камунікацыі, дык можна сцвердзіць, што не спрыялі яны дыялогу паміж беларускай і рускай культурамі, але прадугледжвалі выключна шлях культурнай і этнічнай асіміляцыі беларусаў рускімі як адзіны варты ўвагі сцэнар іхнага далейшага развіцця.

ЛІТАРАТУРА

1. Арол, М. Што гаворыць п. Мачульская аб беларусах і іх нацыянальным адраджэнні / М. Арол // Ліра. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – С.112-117.
2. Беларусы: У 8 т. Т. 3: Гісторыя этналагічнага вывучэння / В. К. Бандарчык; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; Рэдкал.: В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, А.І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 365 с.
3. Біч, М. "Заходнерусізм" і беларускі нацыянальны рух: Гістарыяграфічны аспект / М. Біч // Беларусіка=Albaruthenika 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч. 1 / Рэд. Ул. Конан і інш. – Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. – С. 57-65.
4. Богданович, А.Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А.Е. Богданович. – Гродно, 1805. – 52 с.
5. Учора і сёння. Ці мае беларускі народ сваю мову і сваю культуру // Скарыніч: Літ.-навук. гадавік. Вып. 3 / Уклад. А. Каўка. – Масква-Мінск-Смаленск: "Тэхналогія", 1997. – С. 182-202.
6. Цвікевіч, А. "Западно-руссизм": Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX в. / Пасляслоўе А. Ліса. 2-е выд. / А. Цвікевіч. – мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352с.

УДК 930.1

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДОВ СИНЕРГЕТИКИ В ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.И. Мелешко
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются проблемы институционализации синергетического подхода в исторических исследованиях, указывается на положительные аспекты его применения в гуманитарной области знания, описываются причины пассивного принятия данного подхода учеными-историками.

The article deals with problems of institualization of synergetic approach in historical research. The author points out positive aspects of its application in humanities, describes the reasons of passive acceptance of this approach by historians.

Вторая половина XX в. отмечена формированием ряда новых исторических дисциплин, среди которых одно из видных мест занимает историческая синергетика. Ее возникновение – результат двух перекрещивающихся познавательных тенденций: растущей специализации исторической науки и не менее оправданного поиска путей интеграции исторического знания.

В соответствии с синергетической парадигмой, историческое развитие понимается как последовательность длительных периодов, соответствующих стабильным состояниям системы, которые прерываются короткими периодами хаотического поведения («бифуркациями»), после чего происходит переход к следующему устойчивому состоянию («аттрактору»), выбор которого определяется, как правило, флуктуациями в точке бифуркации [4, с. 120].

Процесс формирования нового междисциплинарного направления не был гладким. Как отмечает Ю.А.Данилов, «дебаты между сторонниками синергетики и ее противниками по накалу страстей напоминали печально знаменитую сессию ВАСХНИЛ или собрания, на которых разоблачали и осуждали буржуазную лженауку кибернетику» [4, с. 34]. Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и изучаться различными науками, например, физикой, химией, биологией, математикой, экономикой, социологией, лингвистикой

(перечень наук легко можно было бы продолжить).

В отличие от традиционных областей научного знания, синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем любой природы. Абстрагируясь от специфической природы систем, синергетика обретает способность описывать их эволюцию на обобщенном языке, устанавливая своего рода изоморфизм двух явлений, изучаемых средствами двух различных наук, но приводимых к общей модели. Выявление единства модели позволяет синергетике делать достояние одной области науки доступным пониманию представителей совсем другой области. Ю.А.Данилов подчеркивает, что синергетика отнюдь не является одной из пограничных наук (типа физической химии или математической биологии), возникающих на стыке двух наук [4, с. 35]. По замыслу же Г. Хакена, синергетика призвана играть роль своего рода метанауки, подмечающей и изучающей общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали «своими» [8, с. 7].

Несмотря на то, что тенденция к пересмотру продуктивности классической исторической парадигмы не носит в мировой историографии глобального характера, в США, Германии, Италии,

Испании, Бельгии синергетика как метод привлекает ныне растущее внимание, здесь возникают новые школы и журналы синергетической ориентации и признается продуктивность этого подхода.

Исследования в области синергетики представляют собой одно из самых интригующих и быстроразвивающихся направлений современной постнеклассической науки. В России инициатива популяризации синергетического подхода в гуманитарные области знаний возникла после проведения в 1996 году Первого Московского синергетического форума, ставшего итогом консолидации усилий российского и международного синергетического сообществ. В результате реализации научно-просветительского проекта было создано периодического издание «Синергетическая парадигма», впервые вышедшее в свет в 2000 году [6, с. 2]. В нем выдающиеся ученые различных стран и научных областей представили трансдисциплинарные и методологические возможности синергетики, в том числе и для исторической науки.

Уже в пятом томе «Синергетической парадигмы» было приведено содержание программы курса «Синергетика для гуманитариев», что свидетельствовало о внедрении синергетики не только в исследовательские методы, но и в педагогическую практику. Целью курса является ознакомление студентов с системной методологией исследования сложных эволюционирующих систем. Одной из важнейших задач курса является рассмотрение исторического аспекта становления процессов междисциплинарной коммуникации [7, с. 586-592].

В дальнейшем объем публикаций и монографических исследований в российской историографии по проблеме внедрения синергетического подхода в гуманитарные исследования продолжал накапливаться. В 1999 году вышло в свет исследование В.В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем», где автор познакомила читателя с основными принципами синергетики и показала, какие теоретические и методологические новации позволяют синергетике стать универсальной теорией [2].

Эволюция исторического образования отразилась в издании «Синергетика и учебный процесс», вышедшей в 1999 году под эгидой Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Издание носит методический характер и призвано раскрыть творческую лабораторию специалиста-профессионала в области высшего образования. В нем ученые представляют синергетику как один из перспективных методов реформирования современной образовательной системы [5].

В белорусской историографии показательна работа А.М. Хурса «Синергетическая парадигма в социально-гуманитарных науках», в которой автор, в том числе, обосновывает необходимость включения синергетической парадигмы в систему исторических дисциплин [9]. Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей и свидетельствует о внедрении синергетических исследований в учебный процесс высшей школы Беларуси.

Следует отметить, что в течение последнего двадцатилетия преподавание исторических дисциплин в высших учебных заведениях постоянно модернизировалось в соответствии с запросами времени и научными интересами ведущих его преподавателей, но всегда сохраняло инновационный характер, учитывая перемены, происходившие не только в науке, но и в обществе. Не случайным является активное внедрение в учебные планы, учебные курсы и программы содержание синергетической методологической парадигмы.

Сегодня уже нет необходимости доказывать полезность синергетического подхода. Явления самоорганизации, нелинейные эффекты в динамике различных процессов, хаотизация их состояний активно изучаются представителями различных наук, использующих категориально-понятийный аппарат и методы синергетики. Однако, как и в любой развивающейся науке, в синергетике продолжаются дискуссии – преимущественно о том, какие «слои» этой метанауки могут с наибольшим эффектом применяться в той или иной частной науке.

Широкое распространение концепций синергетики, как общенаучной парадигмы конца XX века, поставило вопрос не просто о расширении категориального аппарата социально-гуманитарных дисциплин, а и об использовании достаточно универсальных математических моделей, разработанных в рамках теории нелинейных динамических систем и математической теории хаоса, тесно связанных с концепциями синергетики.

Конечно, как и любая действительно новая научная парадигма, синергетика встречает не только поддержку сторонников, но и активное противодействие скептиков, – причем, как со стороны ученых-естественников, так и со стороны гуманитариев. Основным аргументом «против» является утверждение о невозможности переноса концепций и методов точных наук в область социально-гуманитарного знания.

Позицию скептиков в данной дискуссии поддерживает, в частности, польский исследователь Е.Топольский, автор известных

работ по методологии истории. С польским учёным солидарна и К.В.Хвостова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. По её мнению, историки-профессионалы, занимающиеся конкретно-историческими исследованиями, в своём большинстве не взяли на вооружение методы и приёмы синергетики [1]. Они видят свою основную задачу в изучении различных проявлений исторического прошлого с помощью арсенала современной исследовательской методики, включая междисциплинарные методы в то время как идеи хаоса и саморегуляции не имеют, по мнению большинства историков, серьёзного инструменталистского значения. Эти идеи, по мнению историка, не присутствуют в конкретном исследовании, так как с их помощью невозможно понять и объяснить конкретное социальное и культурное явление и его развитие [1].

Синергетическая парадигма с трудом пробивает себе дорогу в историческое знание. Причины эти лежат, с одной стороны, в неготовности историков выйти за рамки узкопрофессиональной специализации и овладеть подходами ряда неисторических дисциплин. С другой стороны, налицо проблемы субъективного порядка, связанные с необходимостью отказа от устаревших стереотипов мышления, с болезненной реакцией на проникновение концепций точных наук в сферу интересов историков.

Перспективы применения синергетики в исторических исследованиях видятся в признании историками фактора случайности в эволюционном развитии человечества. В рамках классической науки царствовали принципы детерминизма, случайность считалась второстепенным фактором, практически не оставляющим следа в общем течении событий. Синергетика же позволяет преодолеть ограниченность классических подходов в истории, сочетая идею эволюционизма с идеей многовариантности исторического процесса.

Синергетика способна сыграть роль активного интегратора традиций исторической науки с современными постмодернистскими принципами гуманитарного знания. Кроме тех, кто критикует новые исторические направления, в отечественной и зарубежной науке сохраняются и их приверженцы, полагающие, что на новом историографическом этапе эти направления способны вобрать в себя ряд новых идей и подходов и преобразоваться в наиболее продуктивные способы осмысления прошлого.

Такие тенденции современной исторической науки, как антифундаментализация, плюрализация, ориентация на решение конкретных познавательных задач порождают усиливающуюся

потребность в междисциплинарных исследованиях. Методологические новации синергетики являются одним из способов придать новый импульс историческому знанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородкин, Л.И. Порядок из хаоса / Л.И. Бородкин // Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.msu.ru/science/index.php?article. – Дата доступа: 12.12.2009.
2. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. – СПб: Лань, 1999. – 480 с.
3. Данилов, Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке / Ю.А. Данилов // Московский международный синергетический форум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.synergetic.ru/science/index.php?article. – Дата доступа 21.11.2009.
4. Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе / Отв. ред. А.А. Печенкин. – М.: Наука, 1994. – 239 с.
5. Синергетика и учебный процесс / Под ред. О.Н. Астафьева. – М.: РАГС, 1999.
6. Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современногонаучного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
7. Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 592 с.
8. Хакен, Г. Синергетика. – М.: ФУА информ, 1980. – 477 с.
9. Хурс, А.М. Синергетическая парадигма в социально-гуманитарных науках / А.М. Хурс. – Мн.: ФУА информ, 2006. – 48 с.

УДК 340.15

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (МАГДЕБУРГСКИЙ ПЕРИОД)

Н.В. Мисаревич

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматривается система органов управления и суда в городах, которые получили акты на самоуправление. Данное явление существовало на белорусских землях с XIV по XVIII столетие. Исследуется порядок создания данной системы органов власти, правовой статус должностных лиц магистрата, дается анализ основных направлений деятельности органов городского самоуправления. Делается вывод о том, что на основе актов на самоуправление жители белорусских городов строили свою собственную систему органов управления, автономную от центральной власти.

In article the system of controls and court in cities which have received certificates on self-management is considered. The given phenomenon existed on the Belarus grounds with XIV on XVIII century. The order of creation of the given system of authorities, legal status of officials is investigated, the analysis of the basic directions of activity of bodies of city self-management is given. The conclusion that on the basis of certificates on self-management residents of the Belarus cities built own system of controls, independent from a central power is done.

История местного управления и самоуправления на белорусских землях до сих пор еще остается малоисследованной страницей

белорусского прошлого. Однако, как представляется, реформирование государственно-правовых институтов не может осуществляться без использования богатого опыта организации и функционирования органов местной власти и управления на белорусских землях в предыдущие столетия. Примечательным в этом отношении является период, когда белорусские города строили свою систему управления на основе так называемого «магдебургского права». «Магдебургское право – это феодальное городское право, на основе которого экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь, сословное положение горожан регулировались собственной системой юридических норм, что соответствовали роли городов как центров ремесла и товарно-денежного обмена» [1, с. 491]. На белорусских землях магдебургское право рассматривалось как право на создание своей системы управления и суда, поэтому акты на магдебургское право назывались «привилеями на самоуправление».

Период «магдебургского права» охватывает значительный промежуток времени: с XIV по XVIII столетия. Первым белорусским городом, получившим право на самоуправление, является Брест (в 1390 г.). Привилеи имели и крупные государственные города (Гродно, Витебск, Полоцк, Минск, Могилев), и частнособственнические (Несвиж, Слуцк, Мир и т. д.). Предоставление городам такого права являлось своеобразным признанием их определенного общественного значения в экономической и политической жизни государства. Право на самоуправление на белорусских землях было отменено указом Екатерины II в ноябре 1775 г. - в Могилевской губернии, в мае 1795 г. – в Минской губернии, в декабре 1795 г. – в Западной губернии Беларуси [1, с. 492].

В привилеях на магдебургское право, наряду с положениями о льготах, торговых привилегиях жителям таких городов закреплялись нормы об органах управления и суда. Необходимо отметить, что не существовало единого образца актов на самоуправление, каждый город корректировал его под себя, поэтому существовали только общие принципы создания и деятельности органов управления, а непосредственно система органов создавалась в зависимости от значения города для государства, расстановке социальных сил, политической ситуации в самом городе.

Положения привилеев на магдебургское право в отношении системы управления условно можно разделить на несколько групп.

Освобождение от юрисдикции центральной власти. В привилеях содержатся указания на освобождение горожан от власти и суда воевод, старост и других должностных лиц государства и о передаче

властных полномочий в руки городских властей. Привилей Пинску 1581 г. закрепляет такую норму: «…выймуем тежъ обывателей того места, и напередъ мещанъ тепершнихъ и напотом будущихъ, на вечные часы, отъ зверхностей всихъ воеводъ, коштеляновъ и наместниковъ, старостъ,державцевъ, судей, подсудковъ, врядниковъ и наместиковъ всякихъ» [6, с. 262]. В привилее Полоцку 1510 г. определяется: «…такожъ вызволяемъ вечно тымъ нашимъ листомъ всихъ того места людей от судовъ и моцы всихъ воеводъ, и пановъ, и старостъ, и судей и подсудковъ, и нашихъ наместниковъ и ихъ заказцовъ великого князства нашого, такъ, ижъ передъ нихъ о которыхъ коли речахъ позвани будутъ, не будутъ повинни отповедати» [8, с. 78]. Это прямое указание на изменение юрисдикции мещан города. В той или иной интерпретации данное положение встречается во всех привилеях на самоуправление.

Создание собственной системы управления и суда. Орган управления в таких городах назывался магистрат. Магистрат обладал административными и судебными функциями, состоял из двух коллегий: рады и лавы. Рада рассматривала дела по гражданским искам, курировала деятельность полиции, следила за торговлей в городе. Лава наделялась судебными функциями и осуществляла правосудие по уголовным делам. Здание, где размещался магистрат, называлось «ратуша». Привилеи на самоуправление предусматривают «ратушу справіць на месце годном» [8, с. 77] или «повинни мещане ратушу порадный збудовати» [3, с. 166].

Должностные лица магистрата. Должностными лицами нового органа управления были войт, бурмистры, радцы, лавники. Срок полномочий войта зависел как от воли главы государства, так и от желания мещан. В большинстве случаев войты назначались «до живота» (т.е. пожизненно) либо «до двух животов», реже «до воли и ласки господарское» [2, с. 56]. Термин «до двух животов» означает, что отец передает должность по наследству сыну. Иногда города выкупали право избрания войта у главы государства.

Определялись требования к кандидату на должность. На эту должность назначались лица руководящих сословий (в основном шляхецкого). В некоторых привилеях оговаривалось, что на должность войта может быть избран только воевода данного города, «теперешний и напотомъ будучие» [5, с. 256]. Чаще всего это должен быть человек «набожны и уметны» [3, с.165].

В соответствии с нормами привилеев, войт возглавлял городскую власть. Войт выбирал радцев, из которых потом «посполито мають обирати» бурмистров. Радцы избирались из зажиточной части мещан.

Члены рады после принятия присяги войту управляли городом. Срок полномочий – один год. После передачи полномочий вновь избранным радцам предыдущий состав отчитывался перед общим собранием о своей деятельности за год.

Должности лавников также были выборными. Они принимали участие только в судебных заседаниях. Привилей Могилеву 1577 г. устанавливает, что лавники избираются «порядкомъ и звычаемъ права Майдеборского, такожъ водлугъ потребы того места» и «черезъ войта нашого мають бытии постановлены» [4, с. 204]. Критериями для избрания на должность были срок проживания в городе и общественная польза городу от конкретного кандидата в лавники.

Кроме войта, бурмистров, лавников, в «штатном расписании» магистрата были и другие должности. Писарь, который также приносил присягу вместе с другими членами городского самоуправления, должен быть человеком высокообразованным, знать несколько языков [9, с. 18]. Он присутствовал на заседаниях коллегий, записывал и вносил в магистратские книги дела, выдавал выписки из решений, копии документов, которые подписывал вместе с войтом или бурмистром.

«Полецаі» следили за порядком в городе и были ответственны за соблюдение правил торговли. В их функции входило также следить за тем, чтобы в городе не пустовали места и их своевременно заселяли. «Полецаемъ такжъ войту и бурмистромъ вси места пустые въ месте и округъ места и поля наши ку осоженью, размноженью людей…» [7, с.136].

Деятельность органов самоуправления. В своей деятельности рада и лава должны были руководствоваться нормами магдебургского права (т.е. положениями привилеев) и общегосударственным законодательством (например, Статутами ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг.). Рада определяла общее направление развития городского хозяйства, занималась вопросами благоустройства города, принимала решение о введении новых сборов с городского населения на городские нужды, контролировала их расходование. Как административный и распорядительный орган, рада следила за соблюдением правил торговли, производством и продажей продуктов питания. Рада устанавливала цены на хлеб, определяла единые меры продажи зерна на рынке, осуществляла сбор налогов и сборов, распоряжалась земельными участками.

Войтовско-лавницкий суд состоял из войта и лавников. Компетенция данного судебного органа определялась следующим образом: рассмотрение дел по уголовным преступлениям;

рассмотрение дел, в которых одна из сторон не находилась под юрисдикцией города. Хотя в отношении последнего положения были исключения. Привилей Полоцку 1510 г. устанавливает, что дела между мещанами и «бояроми, або людемъ боярскимъ, або городскимъ людемъ, або владычнымъ людемъ, або игуменьинымъ людемъ» дорлжны рассматривать «бурмистры и передъ войтомъ и пердъ рядскими на ратуши» [8, с.77]. Здесь речь идет о совместном заседании и войтовско-лавницкого суда, и бурмистров с радцами.

Таким образом, привилеи на магдебургское право позволяли мещанам городов создавать свою собственную систему органов управления и суда, под юрисдикцией которой и находилось городское население. Эта система действовала автономно по отношению к центральным и местным органам власти и управлению государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя / Пад рэд. П. У. Броўкі. – Мінск: АН БССР, 1972. – Т.6. – 624 с.

2. Дружчыц, В. Войты і іх ўлада ў беларускіх гаспадарскіх местах з майдэборгскім правам / В. Дружчыц. – Адбітак з «Запісак Аддзелу Гуманітарных навук». – Менск, 1928. – Кніга 3. – Т.3. – 58 с.

3. Две королевскія грамоты мещанаме Дисненскиме на розныя права и преимущества, 20.01.1569 и 28.11.1569 гг. // Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1863. – Т. 1. – С. 164 – 169.

4. Жалованная грамота Могилевскимъ мещанам, на магдебургское право, съ представлениемъ имъ разныхъ преимуществъ и льготъ въ судебной расправъ, ремеслахъ и проч., 28.01.1577 г. // Акты, относящиеся ки истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб. – 1848. – Т. 3. – С. 202 – 206.

5. Жалованная подтвердительная грамота городу Полацку на Магдебургское права съ предоставленіемъ жителямъ его разныхъ преимуществъ и льготъ, 15.06.1580 г. // Акты, относящіеся къ истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., І848. – Т. 3. – С. 255 – 259.

6. Жалованная грамота городу Пинску на Магдебургское право, съ предоставленіемъ жителямъ его разныхъ преимуществъ и льготъ, 12.01.1581 г. // Акты, относящіеся къ истории Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1848. – Т. 3. – С. 261 – 264.

7. Королевская подтвердительная грамота мещанамъ Минским на право Магдебургское и на другія преимушества, 28.12.1552 г. // Акты, относящиеся къ истории Южной и Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1863. – Т.1. – С. 135 – 137.

8. Подтвердительная грамота жителямъ Полоцка на Магдебургское право и другія преимушества, 27.08.1510 г. // Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею. – СПб., 1848. – Т. 2. – С. 75 – 79.

9. Цітоў, А. Вольныя беларускія месты (самакіраванне ў нашых гарадах XVI – XVIII ст.) / А. Цітоў. – Мінск: БР ФПДР, 1996. – 36 с.

УДК 322 (476.6)

ЛІКВІДАЦЫЯ ГРОДЗЕНСКАГА ДАМІНІКАНСКАГА КЛЯШТАРА Ў КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫЧНЫХ, САЦЫЯЛЬНЫХ І КУЛЬТУРНЫХ ЗМЕН НА ГРОДЗЕНШЧЫНЕ Ў 30-Я ГГ. XIX СТ.

А.Р. Радзюк

УА «Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В данной статье рассматриваются особенности царской политики на Гродненщине в 30–е годы XIX в. Основные проявления этих изменений, затронувшие многие сферы общественной жизни, отчетливо проявляются в деле ликвидации гродненского доминиканского монастыря.

This article deals with the problem of tsarism policy at Grodno region in 30-th years of the XIXth century. The changes of government plans of actions are revealed with the help of the example concerning liquidation of Grodno Dominican monastery in 1833.

Скасаванне кляштара дамініканцаў у Гродна адбылося ў 1833 г. У адрозненні ад большасці рэлігійных устаноў падобнага тыпу, што былі зачынены царызмам на пачатку 30-х гадоў XIX ст., асноўная прычына яго ліквідацыі знаходзіцца ў палітычнай сферы. У гэтым годзе на Гродзеншчыне ўладамі была выкрыта разгалінаваная кансператыўная сетка на чале з эмісарамі, якія перабраліся з Францыі на землі былога ВКЛ з мэтай падрыхтоўкі новага нацыянальна-вызваленчага паўстання. Узначальваў гэтую экспедыцыю Ю. Заліўскі. Таму ўсе яе ўдзельнікі і завербаваныя прыхільнікі атрымалі назву “заліўчыкаў”. Асобай, што адказвала за ўзняцце новай хвалі ўзброенай барацьбы ў ваколіцах Гродна быў ураджэнец гэтага горада М. Шыманскі. Менавіта яго дзейнасць дала падставу царскай адміністрацыі да ліквідацыі гродзенскага кляштара дамініканцаў.

Пасля выкрыцця кансператыўнай сеткі “заліўшчыкаў” у Гродзенскім уездзе і самім губернскім горадзе, улады выявілі дачыненне да гэтай справы некаторых настаўнікаў айцоў-даміниканаў, а таксама вучняў гімназіі, што існавала пры азначаным кляштары. Асноўныя абвінавачанні былі высунуты супраць прыёра Міхала Зялёнкі (айцец Кандыд), які выконваў функцыю прэфекта (дырэктара) гімназіі. Дарэчы, ён жа з’яўляўся першым бібліятэкарам гродзенскай публічнай бібліятэкі, створанай за два гады да гэтых падзей. Нягледзячы на тое, што падчас следства быў пацверджаны факт адмовы М. Зялёнкі дзейнічаць сумесна з эмісарам М. Шыманскім, прыёр быў узорна пакараны. Улады пастанавілі выслаць яго ў адну з аддаленых губерняў пад пільны паліцэйскі нагляд [1, а. 65]. У якасці месца ссылкі была абрана Арэнбургская губерня. Дарэчы, ксёндз М. Зялёнка сваёй дзейнасцю пакінуў значны след у сібірскім выгнанні.

Там ён карыстаўся вялікім аўтарытэтам як у афіцыйных улад, так і каталіцкай дыяспры. Акрамя сваёй асноўнай пастарскай дзейнасці, ён таксама займаўся працай па вывучэнні краю, у якім ён апынуўся супраць сваёй волі. Так, у Арэнбургу ён пераняў і ўзначаліў музей, што быў заснаваны Т. Занам. Пры яго асабістым ўдзеле працягваліся папаўняцца музейныя калекцыі [2, s. 717]. Вось такім чынам гродзенскія дамінікане ўнеслі свой уклад у вывучэнне Сібіры.

Следству, што вялося па справе М. Шыманскага ў Гродна, удалося ўстанавіць факт, што "крамола" глыбока пранікла ў сцены дамініканскай школы. 25 мая 1833 г. па абвінавачанні "ў зламысны намерах" былі арыштаваны два манахі-настаўнікі. Але, што яшчэ больш напалохала ўлады, быў факт выкрыцця "злачынных намераў" у вучнёўскім асяроддзі. Больш за тое, ніці змовы прывялі нават у прыватны пансіён для дзяўчынак: за краты быў кінуты яго ўтрымальнік Фіжан. Усе гэтыя падзеі перадвырашылі далейшы лёс як самога кляштара, так і вучэльні пры ім.

Тут трэба адзначыць, што ўсе ўзгаданыя падзеі адбываліся як раз у той час, калі царызм павёў шырокамаштабны наступ на ўсе тыпы навучальных устаноў, што знаходзіліся ў руках каталіцкага духавенства. Як сведчаць матэрыялы справы, на падставе якой у асноўным напісаны гэты артыкул, да 1833 г. на тэрыторыі Гродзенскай губерні былі ўжо зачынены 3 уездныя вучылішчы (базыльянскае ў Жыровічах – 1828 г., дамініканскае ў Навагрудку – 1832 г., піярскае ў Шчучыне – 1832 г.) і 7 прыходскіх вучылішчаў (Брэст, Зэльва, Дзярэчын, Буховічы, Пружаны, Шарашова, Бяроза), якія належылі розным манаскім законам [1, а. 16]. Замест іх улады адчынялі адпаведныя навучальныя ўстановы, на падставе агульнарасійскіх адукацыйных правіл. Разам з тым, на той час, яшчэ не ўсе вучэбныя ўстановы, што існавалі пры кляштарах напаткаў падобны лёс. Працягвалі сваю дзейнасць уездныя вучылішчы пад апекай каталіцкіх ордэнаў у Лідзе, Лыскаве, Слоніме, а таксама 14 прыходскіх вучылішчаў у розных мясцовасцях губерні. На той час агульная колькасць вучняў у іх складала 288 чалавек (у сярэднім па 20 вучняў на вучэльню) [1, а. 18].

Пытанне аб будучым гродзенскай дамініканскай гімназіі вырашалася ў сталіцы на самым высокім узроўні. Але ключавую ролю ў вызначэнні яе лёсу адыграла пазіцыя, якую заняў па гэтым прадмеце мясцовы губернатар М. Мураўёў. Як сведчыў віленскі генерал-губернатар кн. Далгарукаў, імператар уласнаручна звярнуўся да яго каб: "запытаць, ці не лічу я за лепшае зачынць гімназію і пансіён") [1, а. 23]. Паколькі ў Вільні на той час яшчэ не валодалі ўсёй інфармацыяй

па гэтым пытанні, генерал-губернатар, у сваю чаргу, фактычна, усклаў адказнасць за прыняцце рашэння на М. Мураўёва. Аб тым, якую пазіцыю заняў апошні ў адносінах да дамініканскай навучальнай установы сведчыць чарговы ліст кн. Далгарукава: “разгледзеўшы Ваша прадстаўленне ад 10 ліпеня 1833 г., я выявіў, што, сапраўды, гродзенскі кляштар дамініканцаў і вучэбная ўстанова пры ім не павінны існаваць…” [1, а. 66]. Далей генерал-губернатар паведамляў, што Мікалай I пагадзіўся з яго прапановай скасаваць азначаны кляштар і духоўнае вучылішча пры ім для пераўтварэння апошняга у свецкую гімназію з шляхетным (благородным) пансіёнам і ўезднае вучылішча з школай узаемнага навучання.

Але адкрыццё азначаных устаноў адбылося не так хутка, як планавалася. Працэс зацягнуўся на некалькі гадоў. Справаводства ўладаў па гэтым пытанні як у люстэрку адлюстроўвае асноўныя праявы тагачаснай палітыкі царызму ў культурнай, палітычнай, сацыяльнай, рэлігійнай і іншых сферах.

Першапачатковая затрымка тэрмінаў адкрыцця губернскай гімназіі звязана з палітычнай сферай. Адразу ж пасля скасавання кляштара і высялення манахаў і вучняў, падамініканскі будынак быў выкарыстаны ўладамі пад турму. У 1833 г. ён быў прыстасаваны пад вязніцу для ўдзельнікаў экспедыцыі Заліўскага і тых, хто прымаў і аказваў ім дапамогу на месцы. Толькі на ўстаноўку кратаў у гэтым будынку ўлады ахвяравалі 432 рублі [3, а. 21]. У лютым 1834 г. усе вязні з дамініканскага былі пераведзены ў былы кармеліцкі будынак.

Падрыхтоўка да адкрыцця новай навучальнай установы вялася грунтоўна. З мэтай вывучэння патэнцыяльнага кантынгента вучняў губернскай гімназіі, улады ладзілі сацыяльны маніторынг, які выявіў значнае скарачэнне колькасці верагодных навучэнцаў. Гэты працэс быў звязаны з палітыкай царызму, накіраванай на скарачэнне лічбы прывілеяванага стану ў сувязі з рэалізацыяй праграмы па разборы шляхты. Дадзеныя, што былі зафіксаваны афіцыйнай статыстыкай сведчаць, што па стану на 1-га студзеня 1833 г. (праз год і два месяцы пасля з’яўлення адпаведнага царскага указа) колькасць шляхты ў губерні скарацілася на 1/3 – з 21350 чалавек мужчынскага полу да 14293 [1, а. 29, 30, 60]. Рэшта ўжо на той час была далучана да падатных саслоўяў аднадворцаў і грамадзян. На думку ўладаў, толькі адзінкі (найлепшыя і найбольш годныя) з гэтых станаў маглі б навучацца ў гімназіі. Для астатніх прызначаліся вучылішчы [1, а. 60].

Адначасова з сацыяльнымі вырашаліся і матэрыяльныя пытанні як старой, так і новай навучальнай установы. Гэтыя два працэсы былі цесна ўзаемазвязаны паміж сабой. Ад былой гімназіі на карысць новай

перайшоў будынак, фізічны, механічны, мінералагічны кабінеты, частка гаспадарчых рэчаў. Іншую частку апошніх улады па заведзенай на той час практыцы прадалі з аўкцыёна. Асобна хацелася б спыніцца на лёсе кнігазбору гродзенскіх дамініканцаў. На той час ён налічваў 10249 і каля 500 “дуплікатных” выданняў. У іх пераліку сустракаюцца рукапісныя творы першай паловы XV ст., інкунабулы, але пераважная колькасць старадрукаў датаваныя XVI ст. [1, а. 808–812]. У адрозненні ад большасці іншых падобных пакляшторных бібліятэк, яна не была расцярушана, але цалкам перададзена на патрэбы новай гімназіі.

Інакш вырашалася пытанне з пакляшторным фундушом. На той час ён складаў 41 тыс. рублёў срэбрам (165 сялянскіх душ). Улады пастанавілі далучыць гэтыя грашовыя паступленні да агульнага капіталу каталіцкага духавенства, а на карысць губернскай навучальнай установы асігнаваць такую ж суму з дзяржаўнай казны. [1, а. 106]. Акрамя таго, працэс падрыхтоўкі губернскай гімназіі да яе адкрыцця патрабаваў ад мясцовай адміністрацыі дадатковых выдаткаў. На перабудову мураванага флігеля ў былым дамініканскім кляштары для шляхетнага пансіёна, дабудову да яго драўлянага шпіталя, лазні, амбара, сарая і плота было вызначана ў 1834 г. 41,7 тыс. руб. Пры гэтым адной з умоў на правядзене падрадных работ было тое, каб ўсё будаўнічае смецце (акрамя кратаў) было б выкарастана на подсціл школьнага двара [1, а. 582].

У сувязі з тым, што будынак падамініканскага кляштара пэўны час выкарыстоўваўся ў якасці вязніцы, а таксама з-за зацягвання тэрмінаў рамонта-будаўнічых работ яўрэйскімі падрадчыкамі, тэрміны адкрыцця новай гімназіі адкладваліся. Фактычна, з вясны 1833 па вясну 1834 гг. г. Гродна заставаўся без сваёй асноўнай вучэльні. Падобная сітуацыя не магла не турбаваць як бацькоў навучэнцаў, так і чыноўнікаў беларускай навучальнай акругі. У выніку, каб супакоіць усе бакі, мясцовая адміністрацыя была вымушана арандаваць пад гімназію адмысловы будынак – палац кн. Любецкага па адрасу: Магістрацкая плошча, 13. Навучэнне там распачалося 5 красавіка 1833 г., аб чым неаднаразова паведамлялі абвесткі па ўсім горадзе [1, а. 540]. Аднгачасова пры гімназіі была адчынена ланкастарская школа. Акрамя таго, у планах уладаў было стварэнне шляхетнага пансіёна пры асноўнай вучэльні з мэтай падрыхтоўкі вучняў да паступлення ва ўніверсітэты [1, а. 303]. Пры гэтым з іх ліку 10 вучняў павінны былі навучацца за кошт казны. Ліставанне ўладаў па гэтым пытанні сведчыць, што перанос азначаных вучэльняў на іх сталае месца ў падамініканскі кляштар адбылося толькі праз два гады – 1 жніўня 1836

г., а ўрачыстае адкрыццё яшчэ пазней – 30 жніўня таго ж года [4, а. 147].

Канечне ж, змены ў сістэме пачатковай і сярэдняй адукацыі пачатку 30-х гадоў XIX ст. як у г. Гродна, так і на беларускіх землях у цэлым, мелі больш глыбокі характар, чым проста замена шыльд ці месца размяшчэння той ці іншай навучальнай установы. Сутнасць гэтых пераменаў заключалася ў цалкавітай нівеліроўцы мясцовых адметнасцяў у школьнай справе і ўніфікацыяй з адукацыйнай сістэмай, што існавала ў цэнтральных губернях імперыі. Вынікам гэтага працэсу стала змена праграм і мовы навучання, настаўнікаў і г.д. Што тычыцца апошняга, то зразумела, што старыя педагагічныя кадры айцоў дамініканаў не маглі быць выкарастаны ў новай вучэльні. Педагогі былі часткова запрошаны з свіслацкай і беластоцкай навучальных установ, часткова гэта былі кадры немясцовага паходжання. Педагагічны калектыў гімназіі на самым пачатку яе існавання складаўся з 9 асоб (1 інспектар і 8 настаўнікаў), сярод якіх некаторыя мелі ступень “кандыдата”. Аклад выкладчыкаў складаў 300–400 руб. у год [1, а. 196]. Нажаль, незахаванасць дакументаў, не дае нам магчымасці прасачыць наколькі змяніўся сацыяльны і нацыянальны склад вучняў у новай гімназіі.

Ліквідацыя расійскімі ўладамі гродзенскага дамініканскага кляштара ў 1833 г. было важнай падзеяй у жыцці рэгіёна. Хаця прычыны яго скасавання хаваюцца ў палітычнай сферы, гэтая падзея закранула розныя сферы грамадскага жыцця Гродзеншчыны, у першую чаргу, адукацыйную. Новая школьная сістэма, што стваралася замест старой, павінна была, на думку М. Мураўёва быць “рускай і ў духу самадзяржаўя”. Азначаныя мерапрыемствы царскіх уладаў ажыццяўляліся ў комплексе з іншымі захадамі, асноўнай мэтай якіх з’яўлялася набліжэнне беларускіх зямель да цэнтральных губерняў імперыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны гістарычны архрыў Беларусі ў Гродне. Ф. 1, воп. 27, спр. 295.
2. Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Roszjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa. DiG, 1998.
3. НГАБ у Гродне. Ф. 1, воп. 27, спр. 532.
4. НГАБ у Гродне. Ф. 1, воп. 27, спр. 737.

УДК 930 (476)

КОРЧМЫ І КАБАКІ Ў РАБОТАХ РАСІЙСКІХ ГІСТОРЫКАЎ ПЕРЫЯДУ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ

Л.Ф. Рогач

УА «Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В данной статье рассматриваются различные подходы в историографии к изучению учреждений общественного питания (корчм и кабаков), анализируются исторические работы исследователей периода Российской империи по данной теме.

In this article various approaches in a historiography to studying of establishments of catering are considered (korchmas, taverns, shinkis), historical works of researchers of the period of the Russian empire on the given theme are analyzed.

Корчмы і шынкі, як тыпы ўстаноў грамадскага харчавання ў XVI – пачатку XX стст. на беларускіх землях адыгралі значную ролю ў эканамічным, сацыяльным і культурным жыцці тагачаснага соцыума.

Гістарыяграфія па гэтай тэме зараджаецца ў Расійскай імперыі ў першай палове XIX ст. Спецыяльнай працай, прысвечанай гісторыі ўстаноў харчавання, з’яўляецца даследаванне рускага гісторыка Івана Прыжова (1827-1885 гг.) “История кабаков в России в связи с историей русского народа” [1]. Прыжоў даследаваў гісторыю, вусную народную творчасць, народны быт Украіны і Расіі. Належаў да дэмакратычнага накірунку рускай гістарыяграфіі. Ставіў перад сабою наступную мэту: “На падставе законаў гістарычнага руху прасачыць усе галоўныя з’явы народнага жыцця, і кожную з іх з першых пачаткаў існавання ажно да нашых дзён ” [1, с. 8]. Напісаў працы аб рускай галечы, аб маскоўскіх прароках і юродзівых, аб быту Расіі з XI ст. па XVIII ст. і шэраг іншых работ, што так і не ўбачылі свет. Трохтомную “Историю питейных откупов в России в связи с историей народа” пачынае ствараць у 1856 – 1863-я гг. Першы том – “История кабаков в России в связи с историей русского народа” – быў выдадзены ў 1868 г. На жаль, рукапісы наступных двух тамоў, што падрабязна апісвалі быт кабакоў, І. Прыжоў спаліў, матывуючы тым, што “печатать теперь такую книгу, значит, донести на народ, значит, отнять у него последний приют, куда он приходит с горя” [1, с. 9].

І. Прыжоў у сваёй працы сцвярджае, што ў Кіеўскай дамаскоўскай Русі адсутнічала п’янства, паколькі напоі былі слабаалкагольнымі, ўжываліся толькі падчас святаў, вырабляліся ў хатніх умовах, таму прагі да іх ужывання не было, а піццё прыносіла весялосць і задавальненне. З часоў Івана IV вольная карчма ператварылася ў царскі кабак, мэтай якога быў збыт спіртных напіткаў

для атрымання прыбытку для казны. Выдаюцца забароны для гараджан і сялян на выраб спіртнога. З гэтага часу пачынаецца павальнае насаджэнне п'янства "зверху", бо гэта стала спосабам атрымання вялікіх даходаў. Піццё ператварылася ў своеасаблівы падатак, яго аб'ём жорстка рэгламентаваўся і ўвесь час павялічваўся. Таму п'янства не з'яўляецца традыцыйнай рускай з'явай, яно было гвалтоўна навязана "зверху" рускаму народу ў другой палове XVI ст., а потым штучна пашыралася, што адбывалася як з дапамогай разгалінаванай сеткі кабакоў, так і ў выніку складаных умоў жыцця: "пілі з гора".

У главе "История питейного дела в Юго-Западной Руси" даследуецца працэс узнікнення карчмарства і ў Беларусі. Адзначаецца, што на "заходнерускіх" землях значна даўжэй існавалі рысы старaславянскага быту, а корчмы больш працяглы час мелі вольны характар, і толькі з арэндай яўрэямі корчмаў гэтыя ўстановы ператварыліся ў інструмент спойвання народа. Тым не менш, корчмы не былі месцам толькі для продажу спіртнога, не страцілі свой статус грамадскіх устаноў, заставаліся важным месцам для вырашэння грамадскіх справаў, былі асяродкам развіцця народнай культуры. Значэнне работы І. Прыжова ў тым, што ён стварыў першае і да гэтага часу адзінае даследаванне па гісторыі піцейнай справы і п'янства ў Расіі, на Украіне, у Беларусі ад старажытнасці да 1810-х гг. Яго работу вылучае багатая інфармацыйная напоўненнасць на аснове шырокага масіву апублікаваных айчынных і замежных крыніцаў і сачыненняў гісторыкаў, а таксама звестак, сабраных падчас уласных экспедыцый.

Недахопы працы праявіліся ў яўным перабольшванні яўрэйскага ўплыву ў насаджэнні п'янства, недакладнасці цытавання крыніц і няпоўным бібліяграфічным спісе, у часта хаатычнай і несістэматызаванай падачы фактаў.

У дарэвалюцыйнай Расіі варта адзначыць работу У.К. Дзмітрыева (1868-1913 гг.) "Критические исследования о злоупотреблении алкоголя в России" [2]. У ёй дадзены глыбокі сацыяльна-эканамічны аналіз прычын і наступстваў алкагалізма, аналіз уплыву на спажыванне алкаголю прамысловых і аграрных крызісаў, неўражаяў і мераў па барацьбе з п'янствам. Абапіраючыся на статыстычныя звесткі, аўтар даказаў, што ў гады неўраджаяў і крызісаў пілі больш.

П'янству і алкагалізму, як сацыяльнаму злу, прысвечаныя работы А.Н. Аксакава (1832-1903 гг.) "О народном пьянстве" [3], Н.П. Загоскіна (1851-1912 гг.) "Пьянство и борьба с ним в старинной России. Исторические очерки" [4], Д.М. Барадзіна "В защиту трезвости (по поводу домогательств пивоваров и виноделов)" [5]. Аўтары названых прац адзінадушна сыходзяцца на крытыцы п'янства,

паказваюць згубнае ўздзеянне алкаголю на народ, сцвярджаюць неабходнасць больш строгага дзяржаўнага кантролю за продажам і вытворчасцю спіртнога, аналізуюць гістарычныя аспекты адміністрацыйна-прававой барацьбы з п’янствам.

Яшчэ адной цэтральнай праблемай, што турбавала даследчыкаў Расійскай імперыі, з’яўляецца вывучэнне адносінаў дзяржавы да вінакурэння, праблемы падаткаабкладання, манапольнага і тайнага гандлю. Варта адзначыць наступнага даследчыка і яго работу: І. Дзіцягін (1847-1892) “Царский кабак Московского государства” [6].

У 1901 г. выдаў сваю працу “Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах” [7] беларускі гісторык перыяду Расійскай імперыі (ураджэнец Рэчыцы) М.В. Доўнар-Запольскі (1867-1934 гг.). У працы пачынальніка беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі разглядаюцца і аналізуюцца сацыяльныя адносіны ў сістэме дзяржаўнай гаспадаркі Вялікага княства Літоўскага (далей ВКЛ – аўт.). Частка даследавання адводзіцца аналізу заканадаўчай рэгламентацыі дзейнасці піўных устаноў на тэрыторыі дзяржавы. Прасочваецца эвалюцыя ролі вялікага князя ў рэгуляванні дзейнасці корчмаў. Гісторык прыйшоў да высновы, што да часу першага Статута вялікі князь літоўскі карыстаўся выключным правам на трыманне корчмаў. Статут 1529 г. катэгарычна забараніў трымаць тайныя корчмы і корчмы без дазволу вялікага князя. Доўнар-Запольскі сцвярджаў, што ВКЛ рана асэнсавала сваё права на корчмы, феадал доўга мусіў змагацца за права мець свае корчмы. Дазвол на карчму залежаў ад вярхоўнай улады. Права на трыманне карчмы гаспадар мог перадаць прыватнай асобе. Адсюль узнікла права прапінацыі.

Уяўляе цікавасць параўнанне трактоўкі ролі дзяржавы ў карчомным трыманні М. Доўнара-Запольскага і І. Прыжова, які таксама даследуе гэтую ролю на “заходнерускіх землях”. У адрозненне ад М. Доўнар-Запольскага І. Прыжоў адзначаў, што на землях ВКЛ карчмарства даволі доўга мела вольны характар, які выходзіць ажно за часы Люблінскай уніі. Гэты вольны характар карчмарства на землях ВКЛ адрозніваўся ад жортска рэгулюемага ў Расійскай дзяржаве. І. Прыжоў зрабіў такую выснову небезпадстаўна. Уласна на расійскіх землях кабакі ператварыліся з цэнтраў грамадскіх выключна ў месца продажу гарэлкі, ад якога ўзбагачалася дзяржава, а народ трымаўся пад кантролем шляхам затуманьвання свядомасці гарэлкай. У ВКЛ жа існаваў механізм рэгулявання дзейнасці корчмаў і шынкоў, які грунтаваўся на законе і дазваляў наладзіць эфектыўную сістэму падаткаабкладання, што дазваляла не толькі развіваць дзяржаўную эканоміку, але і эканамічна мужнець прыватным асобам –

уладальнікам корчмаў. Акрамя таго, урад ВКЛ імкнуўся строгім кантролем рэгламентацыі дзейнасці корчмаў перасцерагаць сваіх грамадзян ад п'янства, на што ўказвае частая ўмова ў прывілеях на трыманне карчмы, "ижбы злодейства з корчмы оное не множилися". Акрамя таго, вельмі доўгі перыяд (ледзь не на працягу ўсяго XVI ст.) існавала свабода хатняга вырабу спіртнога на ўласныя патрэбы.

Звесткі аб развіцці гандлёвых устаноў можна вылучыць і ў спецыяльных зборніках, што складаліся з тэматычных артыкулаў, прысвечаных тым ці іншым праблемам («Пережитое (сборник, посвящённый общественной и культурной истории евреев в России» [8], «Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье») [9].

Такім чынам, вызначым накірункі ў распрацоўках дадзенай праблематыкі ў Расійскай імперыі: 1) наяўнасць шэрагу прац, прысвечаных вывучэнню праблемы дзяржаўнага даходу ад піцейных збораў. Такія работы ўтрымліваюць аналіз развіцця акцызнай сістэмы і прасякнутыя павышаным інтарэсам да прававых мераў барацьбы з незаконай вытворчасцю і продажам спіртнога; 2) стварэнне абагульняючых работ, прысвечаных характарыстыцы п'янства як грамадскай заганы і пошуку шляхоў барацьбы і прафілактыкі п'янства ў дарэвалюцыйнай Расіі; 3) адсутнасць спецыяльных работ (за выключэннем работы І. Прыжова), прысвечаных гісторыі кабака ў шматгранных аспектах яго дзейнасці: сацыяльным, палітычным, эканамічным, грамадскім і культурным; 3) дзяржаўная заангажаваннасць: даследаванні толькі тых праблемаў, якія мелі практычную накіраванасць, дазвалялі вырашаць наяўныя праблемы, што выключала магчымасць рэалізацыі культуралагічнага падыходу; 4) узнікненне спецыяльных манаграфічных і навукова-папулярных прац прыпадае ў асноўным на 60-я гг. XIX ст., а другая хваля – на мяжу XIX – XX стст., што звязана з рашэннем ураду ўвесці ў 1894-1902 гг. дзяржаўную манаполію на вытворчасць і продаж гарэлкі ў краіне і фактычна ліквідаваць прыватную вытворчасць гэтага прадукта; 5) Зараджэнне беларускай нацыянальнай гістарыяграфіі па праблеме, якая працай М. Доўнар-Запольскага дала трактоўку прававых аспектаў дзейнасці піўных устаноў у ВКЛ, адрозную ад трактоўкі расійскага гісторыка І. Прыжова.

Гістарыяграфія даследуемых дадзеных гандлёвыхасяродкаў у Расійскай імперыі развівалася ў рэчышчы двух школаў: дэмакратычнай і афіцыйнай. Для дэмакратычнага кірунку характэрны ахоп шырокага спектру пытанняў сацыяльна-эканамічнага, грамадска-палітычнага і

культуралагічнага зместу. Гэтыя пытанні мелі вострае сацыяльнае гучанне, закраналі і крытыкавалі недахопы тагачаснага грамадства, а таму работы даследчыкаў не публікаваліся, былі пад забаронай.

ЛІТАРАТУРА

1. Прыжовъ, И. Г. Исторія кабаковъ въ Россіи в связи съ исторіей русскаго народа/ И. Г. Прыжовъ.—2-е изд. – Казань: Молодые силы, 1914. – 257 с.
2. Дмитриев, В. К. Критические иследования о злоупотреблении алкоголя в России / В. К. Дмитриев. – Москва: Русская панорама, 2001. – 368 с.
3. Аксаков, А. Н. О народном пьянстве / А. Н. Аксаков // Русский вестник. – 1872. – № 11. – С. 8 – 15.
4. Загоскин Н. И. Пьянство и борьба с ним в старинной России. Исторические очерки / Н. І. Загоскин // Русское богатство. – 1893. – № 4. – С. 12 – 17.
5. Бородин Д. Н. В защиту трезвости (по поводу домогательств пивоваров и виноделов) / Н. Д. Бородин. – Петроград, 1915. – 25 с.
6. Дитягин, И. Царский кабак Московского государства / И. Дитягин // Русская Мысль. – 1882. – № 9. – С. 14 – 21.
7. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи: т. 1. Этнография и социология,обычное право, статистика, белорусская письменность / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1909. – 479 с.
8. Пережитое: сборник посвящ. обществ. и культ. истории евреев в России. – СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз-Ефрон. – 543 с.
9. Живописная Россия: Отечество наше в его земел., ист., плем., экон. и быт. значении: Литов.и Белорус. Полесье / Под общ. ред. П. П. Семенова. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 490 с.: ил.

УДК 947.6

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ КРАЙОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944-1945 ГГ.)

Н.А. Рыбак
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В данной статье исследуются проблемы, связанные с деятельностью польской Армии Крайовой на территории Западной Беларуси в 1944-1945г.г. Борьба за независимость Польши и восстановление её в границах до сентября 1939 г. постепенно превратилась в террор против советских партизан, служащих Красной Армии и мирного населения, которое поддерживало советскую власть. В целом, деятельность АК носила не только антисоветский, но и антибелорусский характер.

The problems connected with the activities of Polish Army Krayova on the territory of the Western Belarus from 1944-1945 are revealed in this article. The struggle for independence of Poland and for the restoration of its frontiers as they were before September 1939 gradually turned into terror against the soviet partisans, Red Army and the peaceful population of Western Belarus, which supported the soviet authorities. On the whole, the activities of Army Krayova had not only anti-soviet, but anti-belarussian character.

После освобождения территории БССР от немецко-фашистских захватчиков в ходе операции “Багратион” и разоружения части польских отрядов Армии Крайовой (АК) уцелевшие силы аковского подполья не только не собирались складывать оружие, но и готовились к продолжительной вооружённой борьбе с советской властью. Целью их деятельности по-прежнему оставалась борьба за восстановление Польши в границах 1939 г. Для этого они конспирировали свои структуры, создавали склады с оружием и продовольствием, строили укрытия и схроны. Согласно информации силовых структур республики в лесных массивах Западной Беларуси были обнаружены специально оборудованные схроны, где аковцы спрятали винтовки, автоматы, пулемёты и пушки в разобранном виде, а также боеприпасы к ним [1, ф. 48, оп. 1, д.15, л. 125]. Больше всего оружия было спрятано в Налибокской, Рудницкой, Беловежской пущах, а также в Августовских лесах. Кроме этого, осуществлялся сбор трофейного оружия и амуниции, а так же нападения на автотранспорт с оружием, двигавшийся на фронт. Выполняя приказ о подготовке укрытий в доме каждого члена АК строились бункеры и схроны.

Одним из главных направлений деятельности аковских структур являлась антисоветская пропаганда и агитация. Руководство политической и пропагандистской деятельностью осуществляло Бюро информации и пропаганды (БИП). Основной формой пропаганды являлось распространение конспиративной прессы, издаваемой центрами Главного командования АК, а также выпускавшейся на территории Беларуси. Каждый округ АК имел свои подпольные типографии и печатные органы. Одним из лучших полиграфических изданий АК стала газета “*Рассвет Польши*”, издававшаяся в Новогрудском округе с начала 1944 г. Возглавлял издательскую деятельность шеф отдела пропаганды округа С. Вовжинчик (*“Лигенза”*). Газета достигала тиража 7 тысяч экземпляров [2, д. 2931, л. 116 об.]. В Виленском округе АК периодически издавалась газета *“Независимость”* тиражом 3 тысячи экземпляров. Командованием АК ставилась задача обеспечить печатными изданиями не только боевые отряды и войска, находящиеся в конспирации, но и мирное население [2, д. 2931, л. 349]. Кроме газет среди местного населения распространялись разного рода прокламации, листовки, которые призывали к активной борьбе с советской властью и байкоту мероприятий, ею проводимых [1, ф. 48, оп. 1, д. 2, л. 24; 2, д. 2749, л. 195]. Наряду с печатной агитацией аковским подпольем проводилась и устная агитация. После обнаружения и ликвидации в 1945 г. органами

госбезопасности последней типографии упор был сделан на устную агитацию.

По заданию Лондонского эмигрантского правительства АК проводила в тылу Красной Армии сбор сведений разведывательного характера. Это подтверждается директивами польского эмигрантского правительства в адрес комендантов округов АК от 11 ноября 1944 г. за № 72/771, где даются подробные указания какие данные собирать про воинские части, призыв в армию и настроения в ней, транспорт, укрепления, аэродромы, вооружение, положение на фронте и военную промышленность. Причём каждый комендант района 2 раза в месяц (1-го и 15-го) должен был давать точные отчёты: 1) статистический — количество гарнизонов врага, государственных учреждений, состояние дорог и мостов; 2) маршруты советских войск; 3) данные о подозрительных лицах [2, д. 2931, л. 349]. В одном из таких отчётов комендант соединения "Юг" − Ч. Зайончковский (*"Рагнер"*) от 13.09.1944 г. сообщал, что за время с 4 по 7 сентября 1944 г. через Лиду в направлении Молодечно прошли 70 эшелонов с танками, машинами, артиллерией и боеприпасами. За это же время из Вильно прибыло 50 эшелонов порожняка [3, ф. 4, оп. 29, д. 33, л. 45]. Со шпионской информацией о положении на железнодорожном транспорте 2 ноября 1944 г. был задержан на станции Волковыск участник АК Шанцило Франц Францевич, который на допросе дал показания, что по заданию своего командования доставлял шпионские данные в г. Белосток и передавал их членам АК [2, д. 2715, л. 107-109].

Таким образом, велась активная разведывательная деятельность, которая при наличии массы информаторов и хорошо налаженной связи с Лондонским центром представляла для советской власти большую опасность. В августе 1944 г. в Западной Беларуси действовали 3 мощные подпольные радиостанции (Браслав, Брест, Новогрудок). Только в Новогрудском округе АК рота связи насчитывала 80 первоклассно подготовленных специалистов, которые имели 16 аппаратов. Возглавлял 5 отдел (связи) Новогрудского округа поручик Ю. Орехво-Рыльский *("Юз")* [4, с. 282].

Кроме активной агитационно-пропагандистской и разведывательной работ аковское подполье проводило диверсионную деятельность. Для руководства саботажем и диверсиями ещё в январе 1943 г. генерал С. Ровецкий (*"Грот"*), главнокомандующий АК, отдал приказ о создании специального подразделения − "Кедыва" ("Руководства диверсиями"). Непосредственно "Кедыву" подчинялись ряд диверсионных групп. Для подготовки диверсантов при сапёрно-инженерной службе Новогрудского округа существовала в имении

“Дитрики” (Лидский район) специальная диверсионная школа, в которой обучались приблизительно 200 человек. Командовал школой поручик Ю. Лубиковский (*“Сибиряк”*). Диверсанты, прошедшие обучение, распределялись по отрядам АК Новогрудского округа: *“Рагнера”*, Я. Борисевича (*“Крыся”*) и других. Наиболее активно они действовали на железнодорожном транспорте. В годовщину воссоединения Западной Беларуси и БССР (17 сентября 1944 г.) была проведена целая серия диверсий на дорожных коммуникациях. Соответствующий приказ отдал *“Сибиряк”*. Его отряд взорвал железнодорожное полотно на перегоне между станциями “Неман” и “Новоельня” [4, с. 284]. А “рагнеровцы” в канун 17 сентября совершили 12 диверсий, 2 паровоза пустили под откос, подорвали 3 моста и повредили железнодорожные пути в 9 местах [3, ф. 4, оп. 29, д. 33, л. 43].

Одним из главных направлений деятельности АК во второй половине 1944 г. было совершение терактов против военнослужащих Красной Армии, советско-партийного актива, а также мирного населения. Так, 24 августа 1944 г. в 1 км от д. Барташуны Вороновского района Гродненской области было совершено нападение отрядом АК под командованием А. Куновского (“*Ром”*) на проходящую машину 2-го Белорусского фронта марки ГАЗ–АА. Машина была обстреляна из 3-х ручных пулемётов, автоматов и сожжена. В результате, из 8-и человек, ехавших в машине, 7 человек были убиты и сгорели вместе с машиной [2, д. 3897, л. 73]. Аковскими отрядами совершались нападения на офицерский состав и военнослужащих НКВД и НКГБ. Так, 13 ноября 1944 г. при исполнении служебных обязанностей в Свислочском районе был обстрелян и ранен милиционер РО НКВД П.Ф. Курьянович [1, ф. 55, оп.1, д. 7, л. 2 об.].

Во второй половине 1944 г. аковскими формированиями и подпольем были совершены десятки нападений и терактов против советско-партийного актива. Согласно отчётам органов НКВД, во второй половине 1944 г. антисоветским подпольем было совершено 222 теракта и 65 нападений на государственные учреждения и 275 других “*бандпроявлений*” [5, s. 50].

В первую очередь, терактам подвергались местные активисты и партийно-советские работники. Это подтверждается рядом фактов. В ночь с 7 на 8 августа 1944 г. в имении Пожижма Вороновского района Гродненской области аковцами убит активист Станислав Мацкевич [6, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 20]. 25 августа 1944 г. аковский отряд осуществил нападение на Веканский сельский совет этого же района. Секретарь

сельсовета ранен, а само здание сожжено [6, ф. 6, оп. 1, д. 6, л. 29]. В Радуньском районе убит секретарь Полядского сельсовета и совершен ряд терактов против актива − убит председатель сельсовета Иван Ковальчик [1, ф. 38, оп. 1, д. 19, л. 17]. В декабре 1944 г. отрядом АК, действовавшим в Вороновском районе, были убиты местные жители этого района Зинаида Козловская и Пётр Малюнец за лояльное отношение к советской власти [2, д. 3897, л. 135]. 2 декабря 1944 г. отрядом АК в д. Большие Михалки Свислочского района был убит бывший партизанский связной Семен Шимчик [1, ф. 55, оп. 1, д. 7, л. 13].

В итоге деятельности аковского подполья, согласно данным органов советской власти, во второй половине 1944 г. было убито 26 сотрудников МВД–МГБ, 17 офицеров и 51 рядовой Красной Армии, 41 партийно-советских активистов, 76 граждан, лояльно настроенных к Советской власти. Общая численность погибших — 214 человек, 23 человека похищено и их судьба неизвестна [4, с. 287].

19 января 1945 г. АК была официально распущена. Однако приказ о роспуске АК, который изначально носил двойственный характер, не означал прекращения деятельности польского подполья и его вооружённых формирований. Он носил формальный характер, его главной целью было сохранить командный состав, а низовые структуры использовать в качестве резерва при необходимости. Для этого руководство АК на территории “*кресов*” переводилось в глубокое подполье, а рядовые участники легализовывались. Деятельность польского подполья на территории западных областей БССР продолжалась и в послевоенное время.

Таким образом, на заключительном этапе Великой Отечественной войны на территории БССР продолжали активно действовать структуры АК. В условиях, когда Красная Армия начала разоружение аковских отрядов, данные формирования перешли к борьбе с советской властью, выразившейся в агитационной и пропагандистской деятельности среди местного населения, диверсиях, саботаже мероприятий, проводимых советской властью, а также терактах против партийно-советского актива, военнослужащих, работников НКВД–НКГБ БССР и мирных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив УВД Гродненского облисполкома.
2. Архив УКГБ по Гродненской области.
3. Национальный архив РБ в Минске.
4. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954 гг.) / С.А.Ситкевич, С.А.Сильванович, В.В.Барабаш, Н.А.Рыбак.– Гродно: ГГАУ, 2004.– 345 с.

5. NKWD o polskim podziemiu 1944–1948. Konspiracja polska na Nowogródczyźnie i Grodzieńszczyźnie.– Warszawa, 1997.– 404 s.
6. Государственный архив общественных объединений Гродненской области.

УДК 94(476) «1939/1945»

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «КОСА»: К ВОПРОСУ О САБОТАЖНО-ДИВЕРСИОННОЙ БОРЬБЕ АК ПРОТИВ ГИТЛЕРОВЦЕВ

С.А. Ситкевич
УО «Гродненский государственный медицинский университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

На примере спецподразделения «Коса» в представленной статье рассматривается проблема саботажно-диверсионной борьбы Армии Крайовой (АК) на территориях гитлеровской Германии и оккупированной Польши в годы Второй мировой войны. Несмотря на определенные успехи белорусских и польских исследователей в изучении АК, затронутая тематика остаётся недостаточно изученной.

The article discusses the problem of diversionary struggle of the Armia Krajowa (Home Army) on the territory of Hitlerite Germany and the occupied Poland during the Second World War by example of special division “Kosa”. Despite the certain achievements of Belarusian and Polish researchers in the study of AK, the subject touched upon remains studied poorly and incompletely.

Проблема саботажно-диверсионной борьбы Армии Крайовой (АК) на территориях гитлеровской Германии и оккупированной Польши в недостаточной степени отражена в отечественной военной историографии. Схожая ситуация прослеживается и в польской историографии послевоенного периода. Данная проблема нашла отражение в немногочисленных публикациях, среди которых статья «Адские чемоданы» в одном из номеров еженедельника «Вокруг света» за 1958 год, а также работа Юлиуша Поллака «Разведка, саботаж, диверсия: польское сопротивление в 1939-1945 гг.» [1]. Более того до настоящего времени информация, касающаяся дат проведения диверсий и количества жертв, является неточной, поскольку в немецких рапортах и в польских публикациях приводятся разные цифры. В любом случае, имеющиеся в распоряжении исследователей факты позволяют сделать заключение об определенном вкладе польских подпольщиков не только в уничтожение гитлеровцев, но и в создание обстановки страха и паники на территории гитлеровского Рейха в самом разгаре второй мировой войны.

Во второй половине 1942 года для проведения диверсионных операций против гитлеровцев при Главном командовании АК в Варшаве было создано специальное подразделение под кодовым

названием «Коса» (с польского «Руководство специальными акциями», первоначальное название «Оса»), командование которым было поручено подполковнику Юзефу Шаевскому («Филипсу»). Непосредственными задачами, поставленными перед «Косой», были:

- ликвидация наиболее одиозных и опасных функционеров гестапо, их осведомителей, а также представителей руководства Национал-социалистической немецкой рабочей партии;
- проведение диверсий на железнодорожных коммуникациях противника.

Подразделение провело целую серию громких боевых операций, в числе которых в первую очередь необходимо назвать ликвидацию директора варшавской биржи труда Хуго Дейца и одного из его подчиненных Фрица Гейста, а также неудавшееся покушение на командущего СС и полиции Генеральной губернии обергруппенфюрера СС Фридриха Крюгера.

В рамках «Косы» в декабре 1942 года для проведения боевых акций непосредственно на территории Германии была сформирована специальная боевая ячейка (комурка) «Загра-лин» (название буквально обозначало «действующая за границей») общей численностью 18 человек под командованием капитана Бернарда Джизги («Казимежа 30»), 1911 года рождения. В состав ячейки вошли наиболее подготовленные бойцы, владевшие в совершенстве немецким языком и осведомленные о порядках в гитлеровском Рейхе, в числе которых: заместитель командира Юзеф Левандовски («Юр»), связные Стефания Левандовска («Галина I»), Ядвига Тарновска («Ядя») и др. Кроме того, уже спустя два месяца были организованы аналогичные ячейки-филиалы в городах Быдгощ и Калиш [2].

В первой половине 1943 года Бойцы «Загра-Лина» осуществили целую серию саботажно-диверсионных акций. Наиболее неожиданными и «оглушительными» для нацистов стали два террористических акта в самом центре Берлина. Они не только нанесли существенный материальный ущерб, но и произвели важный психологический эффект: немцы осознали, что не могут быть в безопасности даже в собственной столице. Первый взрыв бомбы прогремел 13 (по другим сведениям 15) февраля 1943 года на одной из станций берлинского городского метро, в результате чего четыре человека погибли, а около шестидесяти получили ранения [3]. Смертоносный груз в своем багаже в Берлин доставил Юзеф Левандовски («Юр»), житель Быдгощи, имевший немецкое гражданство. Прибывшие на место взрыва полицейские в течение нескольких часов искали и собирали вещественные доказательства –

куски ткани, несколько гвоздей, обгоревшие куски стекловаты, металлические фрагменты чемодана. На основании найденных улик эксперты сделали однозначный вывод, что тротиловая бомба была начинена гвоздями и находилась в темно-зеленом чемодане с обшивкой из искусственной кожи. Таких чемоданов в Рейхе не производили. Металлические фрагменты бомбы также были выполнены по технологии, неиспользуемой в Германии.

Рапорт о теракте был приложен к официальному письму шефа гестапо Генриха Мюллера от 20 февраля 1943 года и разослан в 80 экземплярах в отделы гестапо Восточного Рейха и Генеральной Губернии. У полиции не было сомнений: теракт совершили поляки.

Несмотря на предпринятые меры безопасности, гитлеровцам не удалось предотвратить вторую, как оказалось еще более результативную диверсию. Она была проведена 10 апреля 1943 года, когда практически на том же месте, на вокзале по Фридрихштрассе, в момент прибытия двух поездов была взорвана бомба. На этот раз погибли четырнадцать человек, и несколько десятков человек были ранены.

Кроме того весной 1943 года боевые подразделения «Загра-лин» осуществили несколько диверсий на оккупированных гитлеровцами территориях. В их числе подрыв немецких эшелонов с боеприпасами под Ригой и фуражом на линии Быдгощ-Гданьск.

Между тем, деятельность «Косы» продолжалась относительно недолго. 5 июня 1943 года в результате доноса одного из предателей гестаповцы арестовали 89 человек, в т.ч. значительную часть бойцов подразделения, присутствовавших на церемонии венчания одного из своих коллег в костеле св. Александра. 12 июля был задержан заместитель командира «Косы» Мечислав Кудельски («Виктор»), который курировал работу «Загра-лина».

В результате этих событий в конце июля 1943 года «Коса», просуществовавшая около восьми месяцев, была расформирована. Капитан Джизга, сумевший избежать ареста, был назначен заместителем командира Кедива (новая структура, в букв. переводе «управление диверсиями») округа АК Лодзь, а подпольщики, оставшиеся на свободе, были направлены в другие отделения Кедива, либо в партизанские отряды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pollack, J. Wywiad, sabotaż, dywersja : polski ruch oporu w Berlinie 1939-1945 / J.Pollack. – Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1991.
2. Drzyzga, B. Zagra-lin: odwet-sabotaz-dywersja / B. Drzyzga – Hove: Caldra house ltd, 1986.
3. http://www.focus.pl/historia/artykuly/zobacz/publikacje/ostra-gra-zagra-lina/strona-publikacji/2/nc/1. – Date of access: 28.02.2011.

УДК 329 «1905-1907» (470)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ СИОНИСТСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

П.Т. Стецкевич
УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

В статье рассматриваются процесс возникновения, программные установки и основные направления деятельности еврейских сионистско-социалистических партий в России в период революции 1905-1907 гг.

The article discusses the process of appearance of Jewish sionist-socialist parties in Russia, their programs and main activities in the period of revolution 1905-1907.

В период, предшествующий революции 1905–1907 гг., основная борьба за влияние на еврейские массы в Российской империи разворачивалась между Бундом и сионистами. В связи с этим в конце XIX – начале XX вв. в еврейском обществе сформировалось новое политическое течение – сионистский социализм, попытавшееся объединить в своей концепции некоторые элементы идеологии Бунда и доктрины «буржуазного» сионизма. Например, сионисты-социалисты признавали ведущую роль еврейского пролетариата в современной еврейской истории. Также они соглашались с фактом существования антисемитизма в диаспоре. Однако, в отличие от Бунда, сионисты-социалисты не воспринимали революцию и отмену классовых отношений в качестве способа решения еврейского вопроса [1, с. 77]. Первые группы сионистов-социалистов появились в российском обществе на рубеже XIX – XX вв. Они назывались «Поалей Цион» (в переводе с иврита – «Рабочие Сиона»), что с самого начала означало лишь профессиональную дифференциацию данных групп от других сионистских обществ.

В начале XX в. происходил процесс формирования сионистско-социалистического движения. Первая организация «Поалей Цион» возникла в Екатеринославле в 1900 г. [2, с. 27]. В 1901–1902 гг. организации сионистов-социалистов «Поалей Цион» возникли в ряде белорусских городов: Бобруйске, Вильно, Витебске, Двинске, Гомеле, Гродно, а также в польской части Российской империи [3, с. 461]. Поалейционисты уделяли много внимания проблеме улучшения экономического положения рабочих, игнорируя политические вопросы.

В период 1901-1903 гг. происходили попытки объединения разрозненных групп «Поалей Цион» и создания самостоятельной сионистской «рабочей партии», однако единую организацию, вплоть до конца 1905 г., образовать им не удалось [1, с. 81].

Дальнейшая эволюция сионистского социализма нашла своё выражение в деятельности Сионистско-социалистической рабочей партии (ССРП), Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП), Еврейской социал-демократической рабочей партии «Поалей Цион» (ЕСДРП ПЦ). Эти партии были созданы на базе кружков «Поалей Цион».

Возникновение данных партий в период революции 1905-1907 гг. было связано с общим стремлением сионистов избежать политической изоляции в момент общественного подъема в России, поскольку их приверженность принципу невмешательства во внутреннюю политику царизма отталкивала многих потенциальных сионистов в лагерь Бунда. Кроме конкурентной борьбы за еврейские массы, на возникновение данных партий повлияли такие факторы, как рост антисемитизма на государственном уровне, еврейские погромы и нерешенность еврейского вопроса в России. Появление партий ССРП, СЕРП, ЕСДРП ПЦ стало возможным благодаря кристализации политических программ различных слоев еврейского населения.

Одной из самых значительных по своему влиянию среди еврейских политических партий была ССРП. Первые попытки ее создания относятся к началу 1904 г., когда в г.Вильно был образован временный Центральный комитет партии. Следует отметить, что теоретиками ССРП являлись Н. Сыркин и Б. Борохов. Теоретические предпосылки, на которых базировались программа и тактика Сионистско-социалистической рабочей партии, были отражены в партийной «Декларации». В ней говорилось о том, что «главной задачей еврейского пролетариата Сионистско-социалистическая рабочая партия считала борьбу за приобретение собственной территории и создание еврейского государства в Палестине или временно на какой-либо другой территории, где евреи составляли бы большинство и жили бы компактно». В «Декларации» отмечалось, что «территориализм» должен быть кардинальным пунктом программы-минимум еврейского пролетариата [3, с. 553]. Н. Сыркин считал, что в России евреи не могут нормально пролетаризироваться и вести классовую борьбу [2, с. 36].

Характеризируя деятельность Бунда, авторы «Декларации» утверждали, что он «препятствует дальнейшему развитию еврейского

пролетариата, его освобождению от классового и национального гнёта» [3, с. 553]. Своими политическими партнёрами социал-сионисты считали социалистов-революционеров (эсеров).

Дальнейшее развитие программа ССРП получила в резолюциях I съезда партии, прошедшего в феврале 1906 г. в г.Лейпциге. В программе были отражены позиции партии по ряду вопросов: о Государственной Думе, вооруженном восстании, участии во временном правительстве, терроре, погромах и самозащите, автономизме, национальных требованиях, о тактике делегации на VII сионистском конгрессе, Бунде, названии партии. В отношении I Государственной думы ССРП признавала необходимость тактики активного внешнего бойкота, поскольку избирательный закон Витте-Дурново «целиком похищает право выборов у еврейского пролетариата, который большей частью занят в небольших мастерских с числом рабочих менее 50 и поэтому не имеет, согласно этому закону, права выбирать уполномоченных» [1, с. 100].

В период российской революции 1905–1907 гг. наблюдалась активизация деятельности ССРП. Число ее членов, по утверждению лидеров партии, достигло 27 тыс. человек, она стала вторым по значению еврейским политическим объединением в России (после Бунда, руководство которого видело в ССРП опасного соперника). Члены партии играли заметную роль в еврейском профсоюзном движении, в организации отрядов самообороны [1, с. 101].

ССРП занималась активной агитацией. Популярными были периодические издания партии – «Хроника сионистской социалистической рабочей партии» (1905), «Вперёд» (1905-1906), «Наш путь» (1906-1907) и др. Согласно агентурным сведениям полиции, в г.Вильно наиболее активными агитаторами ССРП в 1907 г. были Хая Эйдус, Гирш Рабинович, Абрам Коган; в Минской губернии – Сара Шамовская, Янкель Гольцман, Абрам Резник [1, с. 103].

После революции 1905-1907 гг. наблюдалась резкая эволюция ССРП вправо. К 1909 г. Н. Сыркин и его сторонники начали выступать за «исход» из «диаспоры», сосредоточив свои усилия на населённой арабами Палестине. Оставшиеся в России приверженцы партии переключились исключительно на «культурническую» работу, занимаясь благотворительностью и вопросами еврейской культуры [3, с. 554].

В апреле 1906 г. в г.Киеве в результате объединения группы, вышедшей из состава ССРП, и настроенного проэсеровски крыла политической организации «Возрождение», возникла

Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП). Теоретиками новой партии были Х. Житловский и М. Ратнер [3, с. 573].

Программу СЕРП определяли три главных принципа: социализм − как конечная цель еврейского рабочего движения, революционная борьба против самодержавия и территориализм. Серповцы критиковали кадетов и социал-демократов, выступая за федерализм в отношениях между национальностями. В области государственного устройства СЕРП требовала «созыва национальных учредительных собраний и формирования экстерриториальных национальных сеймов, которые будут удовлетворять культурно-хозяйственные потребности той или иной нации. Еврейский национальный сейм должен стать также инструментом регулирования еврейской эмиграции и способствовать ее концентрации на свободной территории» [1, с. 104].

Партия считала нереальным возникновение еврейского государства и предлагала решение еврейского вопроса в Российской империи на тех же принципах, что и других национальностей. Согласно концепции СЕРП, Россия должна была превратиться в федеративное государство с тем, чтобы каждая нация в ней могла создать собственный представительный орган, который бы решал все её внутренние вопросы.

Серповцы большое внимание уделяли еврейской общине – кагалу, поскольку именно общины, на их взгляд, должны были стать ареной классовой борьбы. Классовая борьба в общинах, по мнению серповцев, должна была привести к демократизации общинных советов и всей общинной жизни, к образованию областных союзов еврейских общин. В период революции 1905-1907 гг. серповцы провели ряд экономических стачек. По данным отчета ЦК партии Штутгартскому конгрессу II Интернационала, численность партии к осени 1906 г. составляла 15–16 тыс. человек (по другим подсчётам − около 7 тыс. человек). В этот период около половины членов партии (3 тыс. человек) входило в состав оборонительных союзов. Из них около 100 человек было убито во время стычек, 300 ранено, около 1 тыс. арестовано и сослано [3, с. 573].

В 1907 г. партия имела свое издательство в г.Вильно, где печатала литературу на идиш. Русскоязычные издания выходили в г.Киев в издательстве «Серп» [2, с. 36].

Несмотря на то, что главными регионами деятельности партии был юг и юго-запад России, СЕРП проводила агитацию и в северо-западных губерниях в период избирательной кампании по выборам во II Государственную думу. Серповцы выдвинули собственных

кандидатов в Витебской, Могилевской, а также Подольской, Екатеринославской и Волынской губерниях. Основа их избирательной тактики строилась на поддержке эсеров и на выступлении против сионистов-социалистов и Бунда.

В годы реакции именно СЕРП выступила сторонницей объединения всех еврейских партий. Её лидеры теперь стали утверждать, что идея массовой еврейской эмиграции в Палестину и программа Бунда не только не противоречат друг другу, но взаимно дополняют друг друга. Однако полоса реакции сыграла свою роль, и в СЕРП началась массовая эмиграция членов партии, разрушение её организационной структуры [3, с. 573–574].

Вплоть до конца 1905 г. лидеры левого крыла в сионизме не могли образовать единую партию «Поалей Цион». В августе 1905 г. поалейционисты-палестинофилы на конференции в Цюрихе (Швейцария) объединились в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию (ЕСДРП). В декабре того же года на конференции организаций «Поалей Цион» юго-западного региона в г.Бердичев партия пережила раскол на почве разного понимания вопроса национальной автономии в диаспоре. В результате произошло размежевание между группами «Поалей Цион», образовавшими СЕРП, и так называемыми ортодоксами (во главе с Б. Бороховым), которые основное внимание уделяли сионизму и считали национальную автономию в странах диаспоры второстепенной задачей. Они созвали в феврале 1906 г. в г.Полтава Всероссийский съезд и подтвердили название «Еврейская социал-демократическая рабочая партия «Поалей Цион» (ЕСДРП ПЦ) [1, с. 105].

В 1905 г. на польских землях возник «Союз еврейских социалистов «Поалей Цион» в Польше», первый нелегальный съезд которого прошел в Техотинке. В марте 1906 г. «Союз еврейских социалистов «Поалей Цион» в Польше» присоединился к ЕСДРП ПЦ, сохраняя за собой автономию в организационных и тактических вопросах на территории Польши [4, л. 26].

В августе 1907 г. на II съезде ЕСДРП ПЦ в г.Кракове была принята программа партии, которая состояла из преамбулы и четырех частей. В преамбуле указывалось, что программой-максимум ЕСДРП ПЦ является «обобщение средств производства и переустройство общества на социалистических началах путем классовой борьбы еврейского пролетариата в рядах интернациональной социал-демократии». Основным пунктом программы-минимум было

требование «территориальной автономии на демократических началах для еврейского народа в Палестине» [3, с. 462].

Поалейционисты бойкотировали I Государственную думу. В выборах во II Государственную думу они агитировали против соглашения с буржуазными партиями, а в постановлениях съезда партии в августе 1907 г. приняли решение бойкотировать выборы в III Думу, но вместе с тем использовать избирательные собрания для провозглашения революционных лозунгов [1, с. 105].

«Поалей Цион» проводила широкую агитацию и создавала сеть местных отделений. Так, среди еврейской молодежи были организованы минская, витебская и двинская организации учащихся «Поалей Цион». Агитация проводилась сионистами и посредством партийной печати. Например, в северо-западных губерниях ЕСДРП ПЦ в 1906-1907 гг. издавала газету «Пролетарская мысль» и журнал «Вперед».

ЕСДРП ПЦ сыграла большую роль в организации еврейской самообороны. Так, в 1906 г. в состав партии на территории России входило 16 тыс. членов, из них более половины было включено в оборонительные союзы.

После поражения революции 1905-1907 гг. партия пережила острейший кризис (в сентябре 1909 г. в нее входило всего около 400 человек) [3, с. 462].

Таким образом, еврейские сионистско-социалистические партии, существовавшие в России в период первой русской революции (1905-1907 гг.), активизировали свою деятельность, которая проявилась в агитации, организации отрядов самообороны, широкой культурной работе

ЛИТЕРАТУРА

1. Томашевич, В.М. Зарождение и развитие сионизма в Северо-Западных губерниях Российской империи (начало 80-х гг. XIX века – 1907 г.) / В.М. Томашевич. – Минск, 2003. – 127 с.
2. Найман, О.Я. Еврейские партии и организации в Украине (1917–1925 гг.) / О.Я. Найман. – Киев, 1998. – 198 с.
3. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.
4. Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2145. Сведения МВД и воеводских управлений о состоянии и деятельности еврейских политических партий и группировок.

УДК 940.5

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ АСАДНІКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1920-1939 гг.)

А.Ф. Сцяпанава
УА «Гродзенскі дзяржаўны медыцынскі універсітэт»
г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

Палітыка асадніцтва заканадаўча закладвалася як сацыяльна-эканамічная з'ява, аднак пры практычнай рэалізацыі стала вядома, што гэта шматбаковая палітыка, якая закранае ўсе сферы чалавечага грамадства. З мэтай падтрымкі асаднікаў на "крэсах" і задавальнення патрэб апошніх ў 1922 г., была створана арганізацыя "Цэнтральна саюз ваенных асаднікаў". Саюз быў арганізаваны як структурная арганізацыя, якая была накіравана на ўключэнне як мага большай колькасці асаднікаў у свае рады. З цягам часу арганізацыя змяніла назву на "Саюз асаднікаў". Прыцярпела каардынальныя змяненні і сфера дзейнасці з сацыяльна –эканамічнай на культурна – асветніцкую. Саюз з'яўляўся адным з асноўных інстытутаў у працэссе рэалізацыі палітыкі асадніцтва.

The politics of the military solders was founded as a social-economic event, though in a practical realization it became obvious, that it is many-sided politics, which touchs all sides of a civil society. In a purpose of support of military solders in the 'kresy' and satisfaction of their needs in 1922, was founded an organization "The Central Union of Military Solders". The Union was organized as a structural organization, which had to collect as much military solders as it can. In a course of time organization changed its name to "The Union of Military Solders". The purpose of actions was changed from social-economic to cultural. The Union was the main institute in the process of realization of the military solders politics.

Палітыка асадніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі рэалізоўвалася на аснове палажэнняў закона – "Аб наданні зямлі салдатам Польскай арміі"ад 17 снежня 1920 г.. Юрыдычна асадніцтва закладвалася як сацыяльна-эканамічная рэформа, якая прадугледжвала: выдзялення новай сацыяльнай катэгорыі асаднікаў і фарміраванне абасобленай сістэмы землеўладання і землекарыстання. Грамадска – палітычны і культурна – асветніцкія напрамкі палітыкі, у многім, былі звязаны з ініцыятыўнай дзейнасцю саміх асаднікаў, якая ў пазнейшым кантралявалася праз дзяржаўныя ўлады.

Ажыццяўленне рэформы пачалося з вясны 1921 г., кампанія праходзіла ў дастаткова складаных умовах, паколькі раскрылася шэраг эканамічных і адміністрацыйных праблем. Па-першае недахоп індывідуальных асад з забудовамі, і як вынік − засяленне калонамі на тэрыторыі маенткаў. Акрамя гэтага выдача неўкамплектаванных сельскагаспадарчых прылад працы, а часам, нават непрыгодных для далейшага выкарыстання. Па-другое адсутнасць юрыдычнай дапамогі, складанасці з атрыманнем фінансавай падтрымкі і некампетэнтнасць павятовых надаўчых камітэтаў [1, s. 49]. Пагаршэнню становішча асаднікаў на "крэсах усходніх" садзейнічаў і той факт, што мясцовае насельніцтва варожа адносілася да апошніх, што было абумоўлена

эканамічнымі, а ў некаторых выпадках палітычнымі і нацыянальна – канфесійнымі прычынамі. Усе вышэй пералічаныя фактары, пасадзейнічалі грамадскай кансалідацыі асаднікаў, з мэтай апекі і абароны сваіх правоў і інтарэсаў.

Першыя асадніцкія аб'яднанні ўзніклі вясной 1921 г. на тэрыторыі Драгічынскага і Навагрудскага паветаў, паколькі на іх тэрыторыях асела найбольшая колькасць асаднікаў. У цэлым, арганізацыі характарызаваліся як слабыя і вузка спецыялізаванныя [2, s. 2].

У сакавіку 1922 г. у Варшаве адбыўся з'езд асаднікаў, на якім прысутнічалі дэлегаты з 27 паветаў. У цэнтры увагі, была абазначана праблема сацыяльнага стану і далейшых паводзін асаднікаў на "крэсах усходніх". Удзельнікі з'езду раздзяліліся паміж дзвюма канцэпцыямі. Прадстаўнікі першай, бачылі у асадніцве правобраз казацтва, аб'яднаныя асадніцкія гаспадаркі прадстаўляліся як "казацкія станіцы", а ключавым накірункам дзейнасці асаднікаў з'яўлялася абарона дзяржаўнай мяжы. Згодна, поглядам другой канцэпцыі, асаднікі павінны былі замацавацца на зямлі і стаць паўнацэннымі гаспадарамі, у далейшым развіваць палітыку паланізацыі, а ў адносінах да арміі заняць пазіцыю рэзервіста. Другая канцэпцыя, безумоўна, адпавядала інтарэсам польскага кіраўніцтва, паколькі прадугледжвала план каланізацыі і паланізацыі далучанных тэрыторый. Большасць удзельнікаў з'езду, разам з міністрам ваенных спраў генералам Сасноўскім падтрымалі другі варыянт развіцця палітыкі асадніцтва [3, s. 172].

Прысутныя абмяркаваўшы пытанні сацыяльна-эканамічнага і грамадска-палітычнага становішча асаднікаў на тэрыторыі Заходняй Беларусі, прынялі рашэнне аб стварэнні на дзяржаўным узроўні грамадскай арганізацыі – "Цэнтральны саюз ваенных асаднікаў". Быў распрацаваны і зацверджаны ў жніўні 1922 г. першы ўстаў арганізацыі, які заклаў яе першаасновы. Аднак, неабходна адзначыць, што юрыдычны статус арганізацыі атрымаў на працягу 20-30-х гадоў XX стагоддзя значную трансфармацыю. У 1925 г., 1929 г., 1936 г. былі прыняты новыя ўставы, якія ўнеслі пэўныя змяненні і карэктывы.

У статуце 1922 г. былі абазначаны асноўныя накірункі дзейнасці саюза. Па-першае ўмацаванне пазіцый асаднікаў на "крэсах" і збліжэнне паміж сабой апошніх, у сувязі з гэтым саюз ставіў перад сабой задачу па стварэнню таварыстваў і павятовых аддзелаў. Выдзяленне пасрэдніцкай і безпасрэдніцкай фінансавай падтрымкі членам арганізацыі. Па-другое аказанне дапамогі асаднікам у культурна-асветніцкай, аграрна–гандлевай, прамысловай, юрыдычнай,

агранамічнай сферах дзейнасці. Садзейнічаць правядзенню ваенных трэніровак, аднак толькі ў выпадках неабходнасці [4, s. 9]. Такія ж функцыянальныя абавязкі былі зацверджаны і ў статуце 1925 г.. На практыцы, функцыі саюза былі звязаны з такімі справамі, як юрыдычная дапамога пры афармленні дакументаў на права валодання, або уласнасці зямельным надзеламі; кантроль за рэалізацыяй крэдытнай палітыкі, а таксама вырашэнне праблем звязанных з выплатамі па крэдытам. Урэгуляванне спраў з іпатэчнымі крэдытамі. Арганізацыя аграрных таварыстваў і прафесійных курсаў для асаднікаў, садзейнічанне у разгалінаванні пачатковай адукацыі для дзяцей асаднікаў; падтрымка кандыдатаў у органы мясцовага самакіравання.

З цягам часу, калі на **“**крэсах усходніх” пачалі з’яўляцца цывільныя асаднікі і ўступаць у рады саюза, расшырыўшы тым самым колькасны склад арганізацыі да 12467 чалавек, з якіх 6870 былі ваеннымі асаднікамі, а астатнія цывільнымі. Па гэтай прычыне, у Варшаве з 31 мая па 3 чэрвеня 1925 г. прайшоў IV з’езд асаднікаў, на якім было пастаўлена пытанне аб стварэнні агульнаасадніцкай арганізацыі, якая б аб’ядноўвала ў сваіх радах як ваенных, так і цывільных асаднікаў. У кастрычніку - лістападзе 1925 г. адбылося паседжанне з’езду на якім было прынята рашэнне аб змяненні назвы на “Цэнтральны саюз асаднікаў”, акрамя гэтага быў распрацаваны і прыняты 6 лістапада 1925 г.новы статут. Колькасць членства ў арганізацыі “Цэнтральны саюз асаднікаў” павялічвалася, і на перыяд 1929 г. складала 16508 асаднікаў з якіх 7890 складалі ваенныя і 8618 цывільныя. На гэты ж перыяд часу дзейнічала 5 ваяводскіх рад, 45 павятовых аддзелаў і 794 таварыствы [5, s 51]. Расшырэнне масштабу арганізацыі, колькаснае павелічэнне членства, умацаванне пазіцый асадніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі, садзейнічала перагляду функцыянальнай напраўленнасці саюза. З прычыны гэтага ў 1929 г. быў распрацаваны новы статут арганізацыі і зменена яе назва на “Саюз асаднікаў**”.**

Новы статут унес значныя карэктывы ў дзейнасці саюза. На першае месца была выдзелена куьтурна-асветніцкая напраўленасць. Пад якой падразумявалася пабудова культурна-асветніцкіх цэнтраў, бібліятэк, клубаў, музеяў, а таксама арганізацыя дашкольнай, школьнай, прафесійнай адукацыі. Правядзенне выстаў, канцэртаў і іншага рода мерапрыемстваў. Расшырэнне супрацоўніцтва з аграрнымі таварыствамі і іншымі грамадскімі арганізацыямі і аб’яднаннямі. Упершыню выдзялялася спартыўная накіраванасць:пабудова спартыўных залаў і басейнаў, арганізацыя стрэльбішчаў, правядзенне

спартыўных спаборніцтваў. З ідэйнага боку, кансалідацыя асаднікаў на “крэсах”, распаўсюджванне патрыятычных ідэй, і аказанне ўплыву на мясцовае насельніцтва.

У цэлым, дзейнасць саюза ў 30-х гадах XX стагоддзя заставалася класічнай, на першым плане былі праблемы звязаныя з крэдытаваннем, матэрыяльным становішчам асаднікаў, ліквідацыяй задоўжанасці, заменай непрыгодных зямельных надзелаў. Аднак, з’явіліся і новыя сферы дзейнасці саюза. Па-першае арганізацыя ваенных трэніровак, якая ажыццяўлялася праз конны аддзел “Krakusow”, “Саюз рэзервістаў” і арганізацыю “Сталец”. Па-другое расшырэнне асадніцкага ўплыву на мясцовае насельніцтва. Увядзенне такой формы работы было звязана з умацаваннем польскага элементу, а таксама з варожасцю мясцовага насельніцтва ў адносінах да асаднікаў. Саюзнае кіраўніцтва з мэтай ажыццяўлення палітыкі паланізацыі заходнебеларускага рэгіена, імкнулася пашырыць аўтарытэтнасць асаднікаў сярод мясцовага насельніцтва. Аўтарытэтнасць набывалася за кошт арганізацыі рэнтабельных асадніцкіх гаспадарак, за папулярызацыю аграноміі сярод мясцовых сялян, а таксама за актыўную грамадска-адміністрацыйную пазіцыю.

З мэтай гэтага, асаднікі былі зацікаўлены у арганізацыі таварыстваў вузкай спецыялізацыі, асабліва аграрнай. Так, на перыяд 1929 г. было зарэгістравана на тэрыторыі 5 ваяводстваў, каля 300 аб’яднанняў такога тыпу. Найбольшая колькасць прыпадала на аграрныя таварыствы, якіх налічвалася 80, і касы ўзаемадапамогі ў агульнай колькасці 91**.** Цераз аграрныя таварыствы асаднікі не толькі набывалі агранамічныя навыкі і абменьваліся вопытам, а таксама выпісывалі розныя насенні, мінеральныя ўгнаенні, і вялі пошукі для збыту сваей сельскагаспадарчай прадукцыі. Кіраўніцтва “Саюза асаднікаў” расшырала колькасць спецыялізаванных арганізацый і на перыяд сярэдзіны 30-х гадоў налічвалася 658 таварыстваў і 216 кас узаемадапамогі. Што тычыцца аграрных аб’яднанняў, то з 1052 адзінак, 394 было створана самімі асаднікамі [6, s. 82]. Аднак, дадзеная кампанія недала пажаданных вынікаў. Па-першае часам таварыствы насілі фармальны характар, а на тэрыторыі Палесскага ваяводства ўвогуле дэзарганізавалі сябе па прычыне адсутнасці фінансавых сродкаў. Па-другое асаднікі не змаглі распаўсюджваць агранамічныя навыкі сярод мясцовага насельніцтва, паколькі самі часцей пераймалі вопыт у сялян.

Што тычыцца адміністрацыйнай сферы, то яна набыла прэстыж сярод асаднікаў, яшчэ з канца 20-х гадоў XX стагоддзя. У адміністрацыйнай сістэме асаднікі ў асноўным займалі пасады ў

органах мясцовага самакіравання:гмінныя рады, гмінныя ўпраўленні і іншыя структурныя адзінкі Пераважна адміністрацыйныя пасты, імкнуліся заняць асаднікі, якія змаглі арганізаваць рэнтабельныя гаспадаркі, і мелі суседскія адносіны з мясцовым насельніцтвам. Як паказала практыка, асаднікі набыўшы пэўныя паўнамоцтвы пераходзілі ў разрад “чыноўніка-бюракрата”, што ў сваю чаргу аказвала негатыўны ўплыў як на мясцовае насельніцтва, так і ўносіла разлад і сярод саміх асаднікаў. [7, s. 7].

У цэлым, аўтар падыходзіць да высновы, што грамадска палітычная дзейнасць асаднікаў курыравалася праз саюз. Дадзеная арганізацыя набыла характар дзяржаўна – грамадскага значэння, членства ў такой арганізацыі давала сацыяльны статус і прававое забеспячэнне, але не вырашала праблемы сацыялізацыі, паланізацыі і актывізацыі асаднікаў.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЛЦДА, Ф53. -Воп .23. - Спр 1805. Распараджэнні Палесскага акруговага стралецкага саюза, пратаколы паседжанняў, звесткі аб членах, справаздачы і перапіска з органамі паліцыі і дзейнасці саюза “Стралец”.
2. ДАБВ, Ф1. – Воп.9. – Спр.1446. Спіс грамадскіх арганізацый Палесскага ваяводства.
3. Stobniak- Smogorzewska J. Osadnictwo wojeskowe jego rola na Kresah Wshodnich i epilog. Warszawa. – 1998r.
4. ДАГВ, Ф.551. - Воп.1. - Спр.11. Анкета грамадскіх арганізацый Палесскага ваяводства.
5. ЛЦДА, Ф53. - Воп.23. – Спр.1805. Распараджэнні Палесскага акруговага стралецкага саюза, пратаколы паседжанняў, звесткі аб членах, справаздачы і перапіска з органамі паліцыі і дзейнасці саюза “Стралец”.
6. ДАБВ, Ф.2 . - Воп..2. - Спр.21. Звесткі аб стане і дзейнасці аддзелаў у Палесскім ваяводстве.
7. ДАБВ, Ф.1. –оп. 9. – Спр. 71. Справа аб арганізацыі і дзейнасці Варшаўскага цэнтральнага саюза асаднікаў за 1930 год.

УДК 27:303.446.4

ПОЛОЖЕНИЕ КАТОЛИЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВИЯ ВКЛ В РАБОТЕ «ИСТОРИЯ ЛИТОВСКОГО НАРОДА» ТЕОДОРА НАРБУТА

В.И. Тубелевич
УО «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Целью этой статьи является анализ истории христианских конфессий Великого княжества Литовского в работе «История литовского народа» Теодора Нарбута. Предлагаемый материал позволяет рассмотреть новые черты творчества историка.

The goal of this article is given the analysis of history of Christian faiths of the Great princedom of Lithuanian in work «History of the lithuanian people» Teodor Narbutt. The offered material allows to consider new lines of creativity of the historian.

Во второй трети XIX века историческая наука находилась под строгим контролем российских властей. Однако интерес и любовь к прошлому своей родины привлекало внимание многих местных историков, стремившихся прославить историю своего края. Труды по данной теме писали И. Крашевский, И. Ярошевич, М. Балинский и многие другие. В этот ряд входит и Теодор Нарбут, труды которого приобрели широкую известность еще при жизни автора. Его творчество вызывало противоречивые оценки, но практически все ученые того времени пользовались материалами работ данного исследователя.

Сам Т. Нарбут по образованию был военным инженером, однако из-за контузии рано вышел в отставку. Только тогда он занялся историей, в «которой был самоучкой» [3, с. 90]. Теодор Нарбут активно занимался археологическими раскопками, собирал различные древние рукописи, среди которых нашел «Хронику Быховца», а также написал ряд исторических работ. Но вершиной его научной деятельности стало издание девятитомного труда «История литовского народа». В «Истории литовского народа» исследователь рассмотрел историю ВКЛ от его создания до конца правления Сигизмунда Августа.

Основателем Великого княжества Литовского был Миндовг, правление которого Теодор Нарбут высоко оценивал, называя его «лучшим монархом, который правил когда-либо Литвой и принесший ей огромную пользу» [5, с. 140]. Именно Миндовг начал присоединять к Литве земли русских княжеств, откуда начали проникать письменность, культура, ремесло, а также православная вера. Следовательно, исследователь признавал, что православие начало проникать на территорию ВКЛ раньше католичества. Однако, оценивая положительную роль русской культуры и религии в жизни литовского общества, Миндовг также стремился приобщить свое государство к западноевропейским ценностям. Доказательством этого стало его коронация и крещение по католическому обряду, тем самым, по мнению Т. Нарбута, правитель ВКЛ обезопасил свои границы от нападения крестоносцев и укрепил свою власть на подвластной ему территории.

Первая христианизация Литвы закончилась неудачей из-за сильных противоречий с орденом крестоносцев, хотя, как утверждал историк, сам Миндовг до конца жизни оставался христианином. Все эти меры по укреплению молодого государства, предпринятые основателем Великого княжества Литовского, показали возможность сосуществования и взаимоотношения католичества с православием.

Дальнейшие шаги по укреплению положения христиан в ВКЛ предпринял Гедимин, который присоединил к своей державе значительные территории со многими русскими городами, среди которых был Киев. Он утратил свое политическое значение, но оставался духовной столицей православных в Восточной Европе. Нарбут неоднократно подчеркивал, что основой успешного правления Гедимина было его уважение и полное сохранение традиций и культуры покоренных княжеств. Проводя такую же толерантную политику в отношении православной церкви, великий князь «старался добиться благосклонности и уважения русского народа, и такой цели он достиг» [5, с. 593]. Однако, по мнению исследователя, Гедимин не хотел признавать православие официальной религией в своем государстве, так как больше пользы видел от союза с католической церковью. Тем самым он укрепил бы авторитет ВКЛ, а также смог остановить экспансию рыцарских орденов, то есть преследовал те же цели, что и Миндовг.

В 1323 году Гедимин послал письмо к главе Ватикана, в котором выразил желание принять крест. В качестве доказательства данного решения он пригласил в столицу францисканских миссионеров, предоставив им различные привилегии и свободное вероисповедание. Все это показывало решимость намерений Гедимина христианизировать Литву. Но активное противодействие крестоносцев, которые лишались законного повода завоевания литовских земель, двойственная позиция папы римского заставили отменить принятое ранее решение Гедимина. Хотя активное проповедование католицизма францисканскими монахами в Вильно способствовало распространению западной ветви христианства.

Проанализировав правление Гедимина, Нарбут пришел к выводу, что оно было продолжением политики Миндовга. Это касалось и положения христианских конфессий, которым разрешалось свободное вероисповедание. Однако правители ВКЛ преследовали различные цели по отношению к религии. Если от православных жителей литовские князья перенимали язык и культуру, то в вопросах веры стремились принять католичество, войти в тесные связи с западноевропейскими державами и обезопасить свои границы от нападения рыцарских орденов. Последнее желание стало основной целью следующих правителей ВКЛ.

Ольгерд Гедиминович также предпринял ряд мер по укреплению связей с римской церковью, но окончательное крещение Литвы произошло при его сыне Ягайло в 1387 году, который женился на наследнице Королевства Польского Ядвиге и стал правителем двух

государств. Католическая христианизация Литвы не изменила отношение правителей ВКЛ к подданным православной веры. Теодор Нарбут отрицал факт насильственного крещения русского населения Великого княжества Литовского. Исследователь предположил, что это могло касаться только коренных литвинов, которые «какой веры не были бы, или язычники, или христиане восточного исповедания, обязаны были принять католическую веру под строгим контролем; однако чтобы это обязательство распространялось на коренных русинов – этому нельзя верить» [6, с. 406-407].

Теодор Нарбут раскрыл в подробных чертах лишь конфликт киевского митрополита Фотия с великим князем Витовтом, который касался политики, а не религии. С середины XIII века укрепились связи киевских митрополитов с московскими князьями, а в 1381 году митрополит Киприан окончательно переехал в Москву, оставаясь при этом главою киевской митрополии. Он постоянно приезжал в свой приход в ВКЛ, поддерживая хорошие связи с Ягайло, а затем и с Витовтом. Однако после смерти Киприана новым митрополитом стал Фотий, который не навещал православные храмы в Великом княжестве Литовском и не занимался их нуждами, посылая лишь своих наместников для сбора налогов. Это вызвало негативную реакцию Витовта, который запретил митрополиту въезд и собирание доходов в свою пользу на территории ВКЛ. Великий князь решил образовать новую митрополию и посадить другого митрополита, несмотря на протесты Фотия и запрет константинопольского патриарха. После православного собора высшего духовенства в Новогрудке в 1415 году Витовт смог выполнить этот план, что привело «к четкому раздвоению русско-литовской православной церкви, что в толерантном государстве не было запрещено» [7, с. 345].

Исследователь, изучая положение православия в Великом княжестве Литовском, четко разделил данную проблему на два вопроса: политику великих князей по отношению к православной части населения и связи государства с самой церковью, фактически с митрополитами. Т. Нарбут неоднократно подчеркивал, что принятие католичества в Литве никак не отразилось на состоянии православных, потому что Ягайло и Витовт, несмотря на обязательство перед латинским духовенством крестить весь народ, не трогали русское население. Все правители ВКЛ до Сигизмунда Августа стремились сохранить равновесие между православием и католичеством, так как мирное сосуществование христианских конфессий было основой могущества Великого княжества Литовского. Историк положительно оценивал роль католической церкви в жизни общества ВКЛ того

периода, считая, что она смогла познакомить население с культурными достижениями западноевропейской цивилизации. Подводя итоги, ученый доказывал, что «толерантность веками господствовало в Литве» [8, с. 467], при этом исследователь не упоминал межконфессиональные конфликты, которые происходили на территории Великого княжества Литовского.

Творчество Теодора Нарбута вызвало неоднозначную реакцию еще среди его современников. Археолог и историк А. Киркор, оценивая работу Нарбута, писал, что «в трудах этих видна основная цель: олицетворить великое назначение историка, то есть высказать истину, основанную на фактах, критике, соображении и совершенном беспристрастии» [2, с. 8]. Польский писатель И. Крашевский более критично оценивал Нарбута, видевшего в нем «заслуженного летописца, собравшего и обработавшего огромное количество материалов, но не историка» [3, с. VI]. Следует учесть, что Теодор Нарбут не был профессиональным историком, что отразилось на его работах. Он часто основывал свои концепции на догадках и легендарных мифах, не проверял достоверность найденных им источников, иногда подгонял факты под заранее разработанную концепцию. Фактически это означало, что он «представлял в 40-е годы XIX века уже «антикварное» направление в историографии» [1, с. 156]. Однако Теодор Нарбут являлся истинным патриотом своего родного края, который стремился оставить потомкам героическую историю своего народа. Все это позволяет поставить его в ряд выдающихся отечественных ученых XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карев, Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX века в процессе генезиса и развития национально-исторического сознания блорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 312 с.

2. Черты из истории и жизни литовского народа. – Вильно: в типографии Осипа Завадского, 1854. – 150 с.

3. Błachowska, K. Wiele historii jednego panstwa. Obraz dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska.- Warszawa: wydawnictwo Neriton, 2009. – 410 s.

4. Kraszewski, J.I. Litwa. Starożytne dzieje, ustawy, język, wiara i t. d. T. 2 / J.I. Kraszewski. – Warszawa: druk. S. Strąbskiego, 1850. – 440 s.

5. Narbutt, T. Dzieje narodu litewskego. T. 4 / T. Narbutt. – Wilno: Nakladem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1838. – 628 s.

6. Narbutt, T. Dzieje narodu litewskego. T. 5 / T. Narbutt. – Wilno: Nakladem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1839. – 625 s.

7. Narbutt, T. Dzieje narodu litewskego. T. 6 / T. Narbutt. – Wilno: Nakladem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1839. – 566 s.

8. Narbutt, T. Dzieje narodu litewskego. T. 9 / T. Narbutt. – Wilno: Nakladem i drukiem Antoniego Marcinowskiego, 1841. – 492 s

УДК 947.6

КРЫНІЦЫ ФАРМІРАВАННЯ КУПЕЦКАГА САСЛОЎЯ БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XVIII – ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XIX СТ.)

М.М. Шаўчэня

УА "Гродзенскі дзяржаўны палітэхнічны каледж"

г. Гродна, Рэспубліка Беларусь

В данной статье рассматриваются основные источники формирования купеческого сословия белорусских губерний Российской империи в период разложения феодального и складывания предпосылок для утверждения капиталистического способа производства. Автором анализируется правовое поле для занятий торгово-посреднической деятельностью мещан, дворян, крестьян, чиновничества, военнослужащих в отставке, ремесленников.

The article is devoted to the main sources of the merchant class of Belarusian provinces of the Russian Empire during the decomposition of feudal and folding of the prerequisites for approval of the capitalist mode of production. The author analyzes the legal framework for the study of trade and brokering burghers, nobles, peasants, civil servants, military personnel, craftsmen.

Складаныя працэсы эканамічнай і палітычнай інтэграцыі зямель Беларусі ў новыя для яе гістарычныя рэаліі Расійскай імперыі суправаджаліся на ўзроўні вытворчых адносінаў разлажэннем феадальнага і складваннем перадумоў для зацвярджэння капіталістычнага спосабу вытворчасці.

Галоўным праваднікам новых капіталістычных тэндэнцый у гандлёва-эканамічнай сферы выступала купецкае саслоўе тагачаснай Беларусі. Гільдыйскае купецтва аб'ектыўна садзейнічала развіццю сістэмы "прамысловасць – гандаль" на капіталістычнай аснове праз камбінаванне шматлікіх фактараў гандлёвага асяроддзя: капіталаў, гандлёва-эканамічнай інфраструктуры, канкурэнцыі і г.д. Аднак, рост "капіталістасці" гандлёвага корпуса беларускіх зямель стрымліваўся прадваранскім накірункам эканамічнай палітыкі расійскага ўрада. Ва ўмовах кансалідацыі ўсерасійскага рынка і развіцця таварна-грашовых адносінаў кіруючыя колы Расійскай дзяржавы не змаглі адмовіцца ад саслоўнага прынцыпу арганізацыі гандлю, хаця і зрабілі шэраг адступленняў, абумоўленых новымі з'явамі ў эканамічным жыцці краіны.

Відавочна, што купецкае саслоўе найбольш арганічна ўпісвалася ў эканамічны ландшафт тагачаснай Беларусі, выконваючы функцыю галоўнага пасрэдніка паміж вытворцам і спажыўцом. Гандлёва-пасрэдніцкая дзейнасць магнатаў страчвала свой першапачатковы патэнцыял. Сведчаннем узмацнення купецкага капітала ў беларускіх гарадах з'явілася павелічэнне колькасці асобаў, пераважна купцоў, якія ажыццяўлялі знешнегандлёвыя аперацыі. Так, лік купцоў, атрымаўшых

пашпарты для выезду за мяжу, павялічыўся да 1840 г. ў параўнанні з 1796 г. амаль у 3 разы і склаў 459 чалавек, ці 63,4% усіх выязджаўшых па гандлёвых справах. Доля пашпартоў, выданых памешчыкам, якія займаліся гандлем, скарацілася з 32,7 да 8,3% [1, с. 132]. Акрамя таго, даследуемы перыяд адзначаны значным ростам гільдыйскага купецтва, асабліва купцоў 1-й і 2-й гільдый, якія сканцэнтравалі ў сваіх руках аптовы гандаль, гандаль па дагаворах і кантрактах, падрады і водкупы: з 8 чалавек у 1796 г. да 346 чалавек ў 1839 г. [1, с. 132].

Неабходна адзначыць, што ў канцы XVIII − першай трэці XIX ст. не існавала неадольнага бар’ера паміж асобнымі групамі гарадскіх грамадзян. Мешчанін ці цэхавы, заплаціўшы вядомую суму, мог стаць купцом і, наадварот, купец, які быў не ў стане плаціць гільдыйскі збор з капітала, аўтаматычна пераходзіў у разрад мяшчанства.

У адпаведнасці з “Граматай на правы і выгады гарадам Расійскай імперыі” (1785 г.) мяшчанам дазвалялася мець для захоўвання ці продажу тавараў гасцінныя двары, або пры дамах крамы і амбары, займацца перавозкаю тавараў сухім ці водным шляхам [3, с. 102]. “Дадатковае пастанаўленне аб усталяванні гільдый і аб гандлі іншых станаў”, апублікаванае 14 лістапада 1824 г., пэўным чынам карэкціравала эканамічную кампетэнтнасць гандлюючых мяшчан. Паводле пастанаўлення аб гільдыях для заняткаў розначным гандлем мяшчанам неабходна было браць за вызначаную плату пасведчанні, па якіх дазвалялася: мець краму ў гасцінным двары ці пад домам і гандляваць у ёй вызначаным па роспісу таварам у аб’ёме, які дазваляўся купцу 3-й гільдыі; утрымліваць гасцініцы, рэстараны, кафейныя дамы, тракціры, харчэўні, піцейныя дамы і корчмы; гандляваць з вазоў, лодак, суднаў, часовых крамаў на кірмашах, сельскіх таргах дазволенымі таварамі, акрамя каланіяльных; закупляць тут тавары для дробнага продажу, не трымаючы аднак для іх пастаяннай крамы; уступаць у падрады, водкупы і заключаць здзелкі не больш чым на 4 000 руб.

Звыш узаконеных дзяржаўных падаткаў і павіннасцей гандлюючыя мяшчане павінны былі плаціць за спецыяльнае пасведчанне: у губернскіх, партовых і памежных гарадах, дзе ёсць мытнае месца − 80 руб., у ільготных (у тым ліку заходніх губернях) − 60 руб., у павятовых і заштатных гарадах і мястэчках − 60 руб., у мястэчках ільготных губерняў − 40 руб. [3, с. 127].

У адпаведнасці з указам 31 жніўня 1825 г. плата за пасведчанне для мяшчан памяншалася на палавіну ў параўнанні з 1824 г. Нягледзячы на значную палёгку ў адносінах да гандлюючых мяшчан, колькаснага росту ў іх асяроддзі ў 20-я гады XIX ст. не назіралася. Таму ўрад быў вымушаны здымаць існуючыя абмежаванні. Указам ад

11 чэрвеня 1826 г. і 11 студзеня 1827 г. мяшчане былі вызвалены ад неабходнасці браць гандлёвыя пасведчанні (вызваляліся ад уплаты за іх) з захаваннем вышэй пералічаных правоў [3, с. 127, 132, 133; 147; 4, арк. 171].

Дынаміку роста гандлюючых мяшчан на землях Беларускі выявіць з-за недахопу дакладных дадзеных амаль немагчыма. Маюцца толькі фрагментарныя звесткі. У гарадах Гродзенскай губерні Кобрыне, Лідзе, Ваўкавыску ў 1824 г. “па праву мяшчанскаму” гандлявала адпаведна 79, 16 і 29 чалавек [5, арк. 6, 8, 12, 12 адв.]. Па гораду Ліда ёсць звесткі аб гандлюючых без пасведчанняў мяшчанах за 1825, 1830, 1839 гг.: 50, 58, 60 чалавек. У Магілеўскай губерні ў канцы вывучаемага перыяда гандлявала 3485 мяшчан (купцоў − 308, сялянаў − 47) [6, с. 49]. Праца Мінскай гарадской камісіі па запісу купцоў ў гільдыі дала магчымасць прасачыць агульную лічбу гандлюючых мяшчан ў 1826 г. (44 чалавекі) [4, арк. 40].

Нязначную частку купецтва складалі выхадцы з дваран. У “Гарадавым Палажэнні” 1785 г. нічога не было сказана аб гандлёвых правах дваран. Аднак паколькі “усякаму, якога б хто не быў полу, узросту, роду, пакалення, сям’і, стану, торгу, промысла ці рамяства, калі аб’явіць за сабою капітал ад 1 000 да 500 руб., дазволена запісвацца ў гільдыю”, то лагічна меркаваць, што і дваране маглі пры запісе ў гільдыю, карыстацца гандлёвымі правамі. Магчыма яны імі і карысталіся да 1790 г., пакуль сенацкім указам не было забаронена дваранам запісвацца ў гільдыю. [3, с. 103, 104]. Абмежаванне гэтае заставалася ў сіле да 1807 г. Праз сямнаццаць гадоў пасля згаданага сенацкага ўказа дваранскаму саслоўю ізноў дазволілі запісвацца ў 1-ю і 2-ю гільдыі, праўда з забаронай на гандаль у якасці купцоў 3-й гільдыі [3, с. 106].

Пастанаўленнем аб гільдыях 1824 г. дваранам, якія не знаходзіліся на ваеннай службе, дазвалялася запісвацца “па адпаведнасці” толькі ў 1-ю гільдыю [3, с. 126]. У снежні 1827 г. аднаўляўся закон 1807 г. аб запісе дваранства ва ўсе гільдыі (у тым ліку і ў 3-ю) [3, с. 134]. У тым жа годзе было пацверджана іх права на падрады і пастаўкі без запісу ў гільдыі [7, с. 264]. Але лічба купцоў выхадцаў з дваран павялічвалася вельмі марудна, і гэтае павелічэнне можна аднесці да сярэдзіны 1830-х гг. У Гродзенскім павеце ў 1829 г. зафіксаваны толькі адзін купец дваранскага паходжання [8, арк. 139]. У Мінску і павеце ў 1834 г. было 6 купцоў-дваран (у горадзе па 3-й гільдыі − 4, у павеце па 2-й гільдыі − 2), а ў 1835 г. − 7 (у горадзе па 3-й гільдыі − 4, у павеце па 2-й гільдыі − 3) [9, арк. 54 адв.]. У 1836 г. статус купцоў 3-й гільдыі атрымала 4 мінскіх дваранiна. У наступным годзе ў мінскае купецтва запісалася 5 дваран [10, с. 118].

Яшчэ адной крыніцай папаўнення купецкага саслоўя з’яўлялася сялянства. У межах расійскай заканадаўча-прававой сістэмы, пачынаючы з 1799 г., сялянам дазвалялася весці гандаль пасля набыцця спецыяльнага гандлёвага пасведчання і выплаты ў гарадскую казну спецыяльнага акцызнага збора за крамы − ад 25 да 100 руб. у год у залежнасці ад “шырыні дазволенага сялянам торгу” [3, с. 112]. На падставе ўказа сената ад 12 снежня 1801 г. удзельныя і дзяржаўныя сяляне маглі купляць маёмасць на сваё імя і распараджацца ёй як уласнасцю [1, с. 100]. Гэта стымулявала эканамічную актыўнасць сялянства.

Паводле Маніфеста 11 лютага 1812 г. гандлёвыя правы і абавязкі сялянаў былі вызначаны больш дакладна. Па-першае, як дзяржаўным так і памешчыцкім сялянам дазвалялася ажыццяўляць прысвоены купцам гандаль па часовых даверанасцях ад тых жа купцоў. Па-другое, сяляне абавязваліся прадаставіць у казённую палату інфармацыю аб тым, якога роду гандаль яны мяркуюць ажыццяўляць: аптовы ўнутраны, аптовы ўвогуле, рознічны па горадзе і павеце. Па-трэцяе, у адпаведнасці з родам гандлю выдаваліся асобыя пасведчанні, за якія патрэбна было плаціць: за пасведчанне на аптовы гандаль і гандаль пры біржах − 2 500 руб., за пасведчанне на аптовы ўнутраны гандаль − 1 000 руб., за пасведчанне на рознічны гандаль − 400 руб. [3, с. 112]. Відавочна, што такія аклады былі несуразмерныя з гандлем большай часткі сялян. Таму 29 снежня 1812 г. урад выдае ўказ, якім дапаўнялася і каменціравалася папярэдняе пастанаўленне [3, с. 112; 172].

Істотным крокам наперад у пашырэнні гандлёвых правоў сялянаў адзначаны 1815 г. Паводле ўказа 20 чэрвеня 1815 г., адпушчаным на волю прыгонным сялянам, дазвалялася запісвацца ў мяшчанскае, рамесніцкае і купецкае саслоўі [13, арк. 118]. У маі 1822 г. пастанаўленне аб гандлі вольных людзей было прадубліравана яшчэ раз. Кожная асоба мужчынскага полу дадзенай катэгорыі за ўдзел у гандлі павінна была плаціць звыш устаноўленых збораў 5 руб. [14, арк. 122].

У 1824 г. “Дадатковым пастанаўленнем аб усталяванні гільдый…” пацвярджалася неабходнасць набыцця гандлюючымі сялянамі пасведчанняў. Іх было з 1824 г. шэсць катэгорый [3, с. 127, 128]. Прычым пошліна за сялянскія пасведчанні першых чатырох катэгорый была вышэйшай, чым за аналагічныя пасведчанні купцоў і мяшчан. Гэта, несумненна, стрымлівала ўцягванне сялян у таварна-грашовыя адносіны. На працягу 1825-1827 г. урад прадпрымае шэраг крокаў з мэтай выправіць сітуацыю. У жніўні 1825 г. паніжаны збор за пасведчанне 4-й катэгорыі да 100 руб., а ўказамі 11 ліпеня 1826 г. і 21 снежня 1827 г. скасаваны пасведчанні 5-й і 6-й катэгорыі, зніжана

плата за пасведчанні 3-й і 4-й катэгорый [3, с. 132]. Так, за пасведчанне 1-й катэгорыі селянін абавязваўся плаціць ад 2 200 руб. да 2 600 руб., за пасведчанне 2-й катэгорыі − ад 880 да 1 100 руб., 3-й катэгорыі − ад 150 да 300 руб., 4-й катэгорыі − ад 40 да 80 руб.

Гандлюючы селянін, валодаючы пасведчаннем 1-га рода, атрымліваў права гадляваць на суму ад 50 000 руб. і вышэй, як і купец 1-й гільдыі, аднак без асабовых пераваг і без магчымасці займацца банкірскімі і страхавымі справамі. Пасведчанні 2-га і 3-га рода забяспечвалі сялянам правы купцоў 2 і 3 гільдыі (адпаведна аб’ем гандлю 20-30 000 і 8-20 000 руб.), а 4-га рода − правы гандлюючых мяшчан (ад 2 да 8 000 руб.) [3, с. 127, 128].

19 лістапада 1828 г. урад яшчэ раз пацвярджае ўказ аб праве сялянаў, адпушчаных на волю, запісвацца ў мяшчанскае, купецкае і рамесніцкае саслоўі [13, арк. 118]. Аднак гандлёвага буму ў сялянскім асяроддзі не назіралася. І таму ёсць пэўнае тлумачэнне. Па-першае, для запісу ў купецтва неабходна было абвясціць значны капітал. Па-другое, залічаныя ў купецкае саслоўе сяляне вымушаны былі да чарговай рэвізіі плаціць падаткі па вёсцы і па гораду. Па-трэцяе, у першай палове XIX ст. большасць сялянаў заставалася прыгоннымі. Гэта ўскладняла іх перамяшчэнне ў гарады і пераход да заняткаў гандлёва-прамысловай дзейнасцю.

На думку А.М. Лютага, большасць пастанаўленняў практычнага прымянення ў Беларусі фактычна не мела, паколькі ў 20-30-я гг. XIX ст. колькасць сялянаў, якія займаліся гандлем, была мізэрнай [10, с. 101]. Па дадзеных Дэпартамента мануфактур і гандлю з 1830 па 1849 гг. у пяці заходніх губернях было вададзена толькі 444 пасведчанні [6, с. 51].

Сумарнае ўздзеянне пералічаных фактараў зніжала эканамічны эффект гандлёвай дзейнасці сялянаў. Іх удзел у гандлёвым працэсе выяўляўся або ў продажы прадуктаў сваёй гаспадаркі ці прадметаў хатняга промыслу, або ў перапродажы скупленых тавараў, якія ствараліся іншым гаспадаром. На вызваленыя грошы гандлюючыя сяляне набывалі прамысловыя вырабы, галоўным чынам, сельскагаспадарчыя прылады працы і збывалі іх сярод аднавяскоўцаў і ў навакольных населеных кропках.

Адчувальнай у плане мабілізацыі і рэалізацыі тавараў была дзейнасць рамеснікаў. Частка рамеснікаў мела свае гандлёвыя рады на базарах і кірмашах, а некаторыя нават пастаянныя крамы. У канцы XVIII − першай трэці XIX ст. іх гандлёвая дзейнасць не абмяжоўвалася месцам пражывання, а была накіравана ў іншыя гарады краіны, за мяжу [17, с. 79]. Аднак, пры нязначнай колькасці выпускаемай прадукцыі, кожнаму дробнаму таваравытворцу нявыгадна было везці

свой тавар на аддалены рынак. У такім выпадку рамеснікі звычайна адпраўлялі туды аднаго са сваіх калег. Гэта памяншала іх затраты на збыт. Такі выпадковы прадавец паступова ператвараўся ў гандляра, сістэматычна займаўшагася збытам гатовых вырабаў.

Такім чынам, састаўной часткай праблемы развіцця гандлю на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. з'яўляецца пытанне аб фарміраванні купецтва – каардынатара гандлёвага працэсу. У руках купцоў канцэнтраваліся даволі значныя грашовыя сумы, якія інвесціраваліся ў гандлёвыя аперацыі, забяспечвалі заснаванне прамысловых прадпрыемстваў.

Фактарам, замаруджваўшым развіццё купецкага корпуса Беларусі, з'яўлялася не дастаткова акрэсленая, не паслядоўная гандлёва-эканамічная палітыка ўрадавых колаў Расіі. Ва ўмовах развіцця таварна-грашовых адносінаў расійскі ўрад не змог адмовіцца ад саслоўнага прынцыпу арганізацыі гандлю, але быў вымушаны дазволіць ўдзельнічаць у гандлёвым працэсе мяшчанам, дваранам, сялянам, разначынцам і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. Лютый, А.М. Социально – экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой трети XIX в. / А.М. Лютый. // Вопросы истории. Межведомственный сборник. – Минск: Изд-во: "Университетское", 1985. – Вып. 12. – С. 128 – 132.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (НГАБ у Мінску). – Фонд. 333. – Воп. 1. – Спр. 688.
3. Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. – СПб, 1893.
4. НГАБ у Мінску. – Фонд. 333. – Воп. 3. – Спр. 226.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродне (НГАБ у Гродне). Фонд. 1. – Воп. 2. – Спр. 492.
6. Швед, В.В. Торговля в Белоруссии в период кризиса феодализма. (1830 – 1850 годах). / В.В.Швед. – Гродно: ПКФ "Орбикс", 1995. – 135 с.
7. Романович – Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. / А. Романович – Славатинский. – Киев, 1912. – 578 с.
8. НГАБ у Гродне. Фонд. 1. – Воп. 3. – Спр. 422.
9. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Фонд. 1281. – Воп. 5. – Спр. 77.
10. Лютый, А.М. Социально – экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.
11. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм (XV – XVIII вв.): В 3 т. / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1988-1992. – Т. 2-3.
12. Койэ, Г. Торгующее дворянство противу положения дворянству военному / Г. Койэ. – СПб.: Академия наук, 1776. – 138 с.
13. НГАБ у Мінску. Фонд. 295. – Воп. 1. – Спр. 277.
14. НГАБ у Гродне. Фонд. 2. – Воп. 3. – Спр. 364.
15. НГАБ у Мінску. Фонд. 1430. – Воп. 1. – Спр. 784.
16. НГАБ у Гродне. Фонд. 1. – Воп. 1. – Спр. 2677.
17. Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795 - 1861). / М.Ф. Болбас. – Минск: Наука и техника, 1966. – 268 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарные доклады

Bobowik A.
ZACHOWANIE I PRZENIKANIE KULTUR NA POGRANICZU MAZUR PODLASIA I ZIEM WSCHODNICH. ZARYS PROBLEMATYKI 4

Галубовіч В.У.
АГРАРНАЯ АДУКАЦЫЯ І НАВУКА НА ГАРАДЗЕНШЧЫНЕ Ў 1920-1930 ГАДЫ 10

Левин В.И.
ПОЛОЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В РОССИИ 17

Секция 1.
Философия в XXI веке: приоритеты и тенденции развития

Барановская Т.Г.
ФУКЦИИ МУЗЫКИ В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 32

Бусько И.В.
ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО: НАРАСТАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ 36

Вдовиченко П.И.
О СУЩНОСТИ УБЕЖДЕНИЙ И РОЛИ ФИЛОСОФИИ В ИХ ФОРМИРОВАНИИ 42

Гонгало Е.Ф.
ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДЖ. ОСТИНА И ДЖ. СЕРЛЯ 45

Дождикова Р.Н.
ФИЛОСОФИЯ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 50

Карпинский В.В.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕОЕВГЕНИКИ 53

Левин В.И.
НАУКА В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ 58

Лукьянова Л.И.
ЭТИКО-ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ 62

Малиновская Т.И.
АНОМИЯ И ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВА РИСКА 66

Мартынович С.Ф. ФИЛОСОФИЯ КАК САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ ПОСРЕДСТВОМ РАЗУМА	70
Мельникова Л.Л. КРИЗИС ИДЕНТИФИКАЦИИ КАК ФЕНОМЕН ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	75
Миськевич В.И. ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕАЛЬНО-ТИПИЧЕСКИХ КОНСТРУКТОВ В АНАЛИЗЕ ПРОБЛЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИНЕРГИИ	80
Павочка С.Г. ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СВОЕОБРАЗИЯ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЕВРАЗИЙСТВА	85
Петрушак В.Л ТРИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРОЗДАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ПРИОРИТЕТ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ XXI СТОЛЕТИЯ	92
Радько С.А. ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА	96
Романов О.А. ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ И ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	99
Солодкая Е.А. ФИЛОСОФСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИИ В ЗНАНИЯ	106
Чернецкая С.К., Мельникова К.Ф. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ АЛЬФРЕДА АДЛЕРА	111
Шафаревич И.О. ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФИИ ЭРИХА ФРОММА	115
Юрис С.А., Юрис Т.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ ГЛАЗАМИ ЭТОЛОГОВ	119
Яхно В.Н. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	126

Секция 2.
Процессы глобализации и стратегии развития славянских народов

Герасимович Л.Ю., Назаренко Л.Е.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕЛА В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА 132

Головков В.А., Комик В.И.
АДАПТАЦИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА СТРАНЫ К РЫНОЧНЫМ УСЛОВИЯМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ 137

Донских С.В.
СОВРЕМЕННЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ 142

Idzik M.
SYNCHRONIZATION OF THE ECONOMIC FLUCTUATIONS DURING THE CRISIS AND ECONOMIC BOOM IN THE UNITED STATES AND THE SELECTED COUNTRIES OF THE CENTRAL AND EASTERN EUROPE 147

Kacperska E.M.
TENDENCJE W ROZWOJU MIEDZYNARODOWEGO HANDLU TOWARAMI WE WSPOLCZESNEJ GOSPODARCE 153

Комарова И.К.
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ 159

Комик В.И., Головков В.А.
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМАХ ЗЕМЛИ 164

Кривчиков В.М., Орочко С.М.
СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ НА ВОЕННОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ 169

Laskowska E.
UWARUNCOWANIA PRAWNE I METODYCZNE WYCENY NIERUCHOMOSCI W POLSCE 173

Majewski J.
WIELKOSC I DETERMINANTY PRZYJAZDOWEJ TURYSTYKI BIALORUSINOW DO POLSKI 178

Мысливец Н.Л.
ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ «ПРИГЛАШЕННЫЙ ПРОФЕССОР» НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИСТОРИИ И СОЦИОЛОГИИ ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ 183

Неверова З.А. ФАКТОРЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ	187
Павлова Н.В., Степанов Г.И. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	192
Пигулевская А.В. РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ	197
Рындова О.Н. СТРАТЕГИЯ И РЕАЛИИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	202
Скютте Д.Н. О РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНАМИ ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (КРАТКИЙ ОБЗОР МИРОВОЙ ПРАКТИКИ)	205
Соловей Т.Г. НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА	210
Stolarska A. DZIALALNOSC GOSPODARCZA OSOB FIZYCZNYCH W POLSCE W LATACH 2000-2010	215
Сульжицкая О.А. «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ	219
Сычевник А.В., Гришанова О.В. ОПЛАТА ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ	224
Сычевник А.В. ОПЛАТА ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	228
Хилюта В.А. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ	232
Хилюта В.В. ОБМАН ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	238
Jakubowski Z., Rybicka A. INFRASTRUKTURA SPOLECZNO-USLUGOWA W KSZTALTOWANIE WARTOSCI NIERUCHOMOSCI LOKALOWYCH	245
Янчалоўская С.М.	250

ПРАБЛЕМЫ РАЗВІЦЦЯ САЦЫЯЛОГІІ МАСТАЦТВА

Секция 3.
Межкультурная коммуникация: проблемы и перспективы

Банцэвіч П.К.
МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ ІДЭІ КАНСАЛІДАЦЫІ ШЛЯХТЫ І СЯЛЯНСТВА Ў ТВОРЧАСЦІ У. КАРАТКЕВІЧА 256

Бурсевич В.В.
СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ИДЕОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ 261

Головницкая Г.Е.
ЛИК ДРУГОГО КАК УСЛОВИЕ КАК КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА 266

Голубович О.П.
СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТОПОНИМОВ XIII-XV ВВ. (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛОЦКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ) 269

Гончаров Н.Н.
ПРОТЕСТАНТИЗМ В СПЕКТРЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ (1921-1939 ГГ.) 274

Груль И.И., Мазько Г.Ч.
ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ 280

Казлоўскі Р.К.
КАТЭГОРЫЯ ЭСТЭТЫЧНАГА Ў ІДЭЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ ПРАЗАІЧНЫХ МІНІЯЦЮР БАРЫСА САЧАНКІ 285

Клачко І.К.
ПАРАЎНАЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА БІЯЛАГІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ) 291

Колоцей М.Я.
ТРАДИЦИИ ЕВРЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОМАНЕ Э. ОЖЕШКО «МЕИР ЕЗОФОВИЧ» 293

Метеж О.А.
РОЛЬ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ В 90-Е ГГ. 20 – НАЧ. 21 ВВ. 298

Можейко Л.М. 303

РЕЛИГИЯ И ПРОЦЕССЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
Поклад Д.С. ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА	308
Рабцевич В.В., Герасимович Л.Ю. НАУЧНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	311
Титарчук М.Р. РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	316
Улейчик Н.Л. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ГРОДНО КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИИ	319
Уэльская Н.Н. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЧАСТЬ УСПЕШНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ	324

Секция 4.
Актуальные проблемы современной исторической науки

Барабаш В.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕПАТРИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1945 Г.)	330
Билецкий А.С. ВЕТЕРИНАРНОЕ ДЕЛО В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ. В БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	336
Верхось В.П. ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	341
Вайцешчык Г.С. МЯСТЭЧКА ГАРАДНАЯ – ЗАПАВЕДНІК ГАНЧАРСТВА НА ПАЛЕССІ Ў 1921 – 1939 ГГ.	344
Грэсь С.М. АГУЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА ЦЫВІЛЬНАГА АСАДНІЦТВА НАВАГРУДСКАГА ВАЯВОДСТВА	349

Гресь С.М., Шагбутдинов С.Р. НАРОДНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ГРОДНЕНЩИНЕ	353
Гресь С.М., Шерешовец А.Г. МЕДИЦИНСКИЕ ОПЫТЫ НАЦИСТОВ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	358
Дмитрук А.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ВОЙСК ТАКТИКЕ ВЕДЕНИЯ БОЯ В ГОРОДСКИХ УСЛОВИЯХ	362
Заневский С.В. МЕЖДУ РОМАНТИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ: ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ В ИЗОБРАЖЕНИИ Ю. КРАШЕВСКОГО	366
Змитрович И.О. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-Х ГГ. XX В. В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ	372
Королёнок Л.Г. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ БАЗА СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ И КОНТАКТОВ В 70-80-Е ГГ. XX ВЕКА	376
Король В.Л. АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В БССР В 1950-60-Е ГГ.	380
Кривуть В.И. СОЮЗ ПОЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ И БОРЬБА «САНАЦИИ» ЗА СТУДЕНЧЕСТВО	385
Кручковский Т.Т. СТЕФАН БАТОРИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ОЦЕНКЕ Н.М. КАРАМЗИНА	390
Лустина Е.Э. ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ: ПРАКТИКА ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕСА В XIX В	396
Мазько Э.А. СТЭРЭАТЫПЫ БЕЛАРУСА І БЕЛАРУСІ ВА ЎЯЎЛЕННІ РУСКІХ І “ЗАПАДНО-РУСОВ” У ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ	400
Мелешко Е.И. ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ МЕТОДОВ СИНЕРГЕТИКИ В ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	405
Мисаревич Н.В. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (МАГДЕБУРГСКИЙ ПЕРИОД)	410

Радзюк А.Р. ЛІКВІДАЦЫЯ ГРОДЗЕНСКАГА ДАМІНІКАНСКАГА КЛЯШТАРА Ў КАНТЭКСЦЕ ПАЛІТЫЧНЫХ, САЦЫЯЛЬНЫХ І КУЛЬТУРНЫХ ЗМЕН НА ГРОДЗЕНШЧЫНЕ Ў 30-Я ГГ. XIX СТ.	415
Рогач Л.Ф. КОРЧМЫ І КАБАКІ Ў РАБОТАХ РАСІЙСКІХ ГІСТОРЫКАЎ ПЕРЫЯДУ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ	420
Рыбак Н.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ КРАЙОВОЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1944- 1945 ГГ.)	424
Ситкевич С.А. СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЕ «КОСА»: К ВОПРОСУ О САБОТАЖНО-ДИВЕРСИОННОЙ БОРЬБЕ АК ПРОТИВ ГИТЛЕРОВЦЕВ	429
Стецкевич П.Т. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКИХ СИОНИСТСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГГ.	432
Сцяпанава А.Ф. ГРАМАДСКА-ПАТІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ АСДНІКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1920 1939 ГГ.)	438
Тубелевич В.И. ПОЛОЖЕНИЕ КАТОЛИЧЕСТВА И ПРАВОСЛАВИЯ ВКЛ В РАБОТЕ «ИСТОРИЯ ЛИТОВСКОГО НАРОДА» ТЕОДОРА НАРБУТА	442
Шаўчэня М.М. КРЫНІЦЫ ФАРМІРААННЯ КУПЕЦКАГА САСЛОЎЯ БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XVIII – ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XIX СТ.)	447

Научное издание

КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

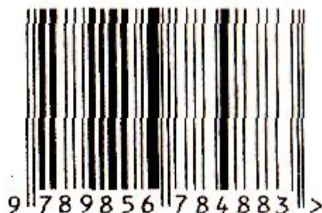
Материалы
V Международной научной конференции

Компьютерная верстка: С.В. Самущик, Е.В. Миленкевич

Подписано в печать 04.04.2011.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать Riso. Усл. печ. л. 26,85. Уч.-изд. л. 30,97.
Тираж 120 экз. Заказ № 2516

Учреждение образования
«Гродненский государственный аграрный университет»
Л.И. № 02330/0548516 от 16.06.2009.
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28

ISBN 978-985-6784-88-3



Отпечатано на технике издательско-полиграфического отдела
Учреждения образования
«Гродненский государственный аграрный университет»
230008, г. Гродно, ул. Терешковой, 28